

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

100,840
11
КНИГА XI

МОСКВА.

—
1894.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/22/64

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

AP50
R875
v. 15:11
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВЫСОЧАЙШЕ МАНИФЕСТЫ.

Стр.

КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

I. ФРАНЦУЗЪЕ А ПОЖИЩЕКЪ БАВЛАЖАНОВЪ. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній сосѣда).—И. А. Салова	1
II. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Л. Н. Трефолева	28
III. СМЕРТНЫЙ БОЙ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> .—И. Н. Потапенка . .	30
IV. ЛЮДИ—БРАТЯ. (Разсказъ).—З. Н. Гиппиусъ	86
V. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦВИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. А. <i>Продолженіе</i>	121
VI. МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго М. Н. Р.	167
VII. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ.—П. Н. Милюкова.	1
VIII. РАБОЧЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. <i>Продолженіе</i> .—В. И. Семевскаго.	27
IX. ЕЪ УЧЕНІЮ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ ГОСУДАРСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.—Проф. А. С. Алексѣева . . .	56
X. ШКОЛЬНО-ФАБРИЧНЫЯ НУЖДЫ РОССИИ. <i>Окончаніе</i> .—А. В. Пожоева.	89
XI. ЧТО ТАКОЕ НОВЫЙ РОМАНЪ Г. БОБОРЫКИНА? (Критическій этюдъ).—Л. О.	109
XII. ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ ЕГИПТѢ. (Августъ 1894 г.).—М. И. Венюкова	122

852241

	<i>Стр.</i>
XIII. ЛЕЧЕНИЕ КРОВЯНОЮ СЫВОРОТКОЙ. (Серотерапія)	140
XIV. О ПРАСЬ ВЪ АНТРОПОЛОГИИ. (Статья Топинара)	147
XV. ВИТАЛИЗМЪ И НАУКА.—Н. А. Тимирязева	155
XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванонова	170
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	202
XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Своевременность мѣропріятій, способныхъ сдѣлать общедоступнымъ начальное образованіе. — Проектъ новаго продовольственнаго устава.—Оцѣнка дѣятельности по народному продовольствію.—Финансы крупнейшихъ русскихкихъ городовъ. — Первый годъ дѣятельности пермскаго кустарно-промышленнаго банка. — Извлеченія изъ отчетовъ секретаря и казначея общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—25-ти-лѣтіе типо-литографіи товарищества И. Н. Бушнеревъ и К°.—А. Г. Рубинштейнъ †	210
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Боллетристка.—Бритика и публицистика.—Философія и психологія. — Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники и книги для дѣтей.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», сентябрь. — «Вѣстникъ Европы», октябрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», октябрь.—«Русское Обозрѣніе», октябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1894 г.	525

ВЫСОЧАЙШЕ МАНИФЕСТЫ.

I.

ВОЖІЕЙ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,

И ПРОЧ., И ПРОЧ., И ПРОЧ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни леченію, ни благодатному климату Крыма, и 20-го октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семейю Своею, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестануть чтить память Царя, олицетво-

рявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе.

Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпитъ Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша—скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудеть онъ, что сила и крѣпость святой Руси—въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ Нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, приедемъ священный обѣтъ передъ Лицемъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподанныхъ.

Всемогущій Богъ, Ему же угодно было призвать Насъ къ сему великому служенію, да поможетъ Намъ. Вознося горячія молитвы къ Престолу Вседержителя объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу, Которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ Сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

Данъ въ Ливадіи, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего въ первое, октября 20-го дня.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

II.

ВОЖІЕЙ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧ., И ПРОЧ., И ПРОЧ.

Сегодня совершилось Священное Мвропомазаніе надъ Нареченною Невѣстою Нашей. Пріявъ имя Александры, Она стала Дщерію Православной Нашей Церкви, къ великому утѣшенію Нашему и всей Россіи.

Посреди скорбнаго испытанія, которое воѣмъ Намъ послано по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, вѣруемъ со воѣмъ народомъ Нашимъ, что душа возлюбленнаго Родителя Нашего въ селеніяхъ небесныхъ благословила избранную по сердцу Его и Нашему раздѣлять съ Нами вѣрующею и любящею душою непрестанныя заботы о благѣ и преуспѣяніи Нашего Отечества.

Воѣ вѣрныя подданные Наши соединятся съ Нами въ молитвѣ, да ниспошлетъ Господь благословеніе Свое на судьбы Наши и ввѣреннаго Намъ волею Его народа.

Возвѣщая воѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о семъ желанномъ событіи, повелѣваемъ Высоконареченную Невѣсту Нашу, Ея Великогерцогское Высочество Принцессу Алису именовать Благовѣрною Великою

Княжною Александрю Теодоровною съ титуломъ Императорскаго Высочества.

Данъ въ Ливадіи, въ 21-й день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

20 октября въ Ливадіи, на пятидесятомъ году Своей жизни, въ четырнадцатый годъ Своего царствованія, тихо скончался Императоръ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. Въ теченіе этого непродолжительнаго царствованія международное значеніе Россіи чрезвычайно возросло. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III освободилъ нашу внѣшнюю политику отъ иностранныхъ вліяній, твердо и неуклонно защищая русскіе національные интересы. При немъ произошло событіе, удивившее весь міръ: дружественное сближеніе Россіи съ Французскою республикой. Это сближеніе послужило самымъ надежнымъ обезпеченіемъ европейскаго мира. Передъ грозною соединенною силою нашего отечества и Франціи должна была отступить политика захватовъ и международныхъ насилій.

И Европа оцѣнила великую заслугу почившаго Русскаго Императора: когда вѣсть о кончинѣ Его облетѣла цивилизованный міръ, отовсюду понеслись горькія сожалѣнія объ Императорѣ АЛЕКСАНДРѣ III, горячія прославленія Его, какъ главной опоры международнаго мира.

Августѣйшему Сыну почившаго Монарха выпало на долю продолжать это великое дѣло Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРО-

ВИЧА. Россія прибрѣла себѣ почетное мѣсто въ семьѣ европейскихъ народовъ. Голосъ ея Государя мощно раздается въ защиту мира. Манифестъ Императора НИКОЛАЯ ВТОРОГО торжественно обѣщаетъ всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу Россіи, устроеніе счастья всѣхъ вѣрноподанныхъ.

Передъ молодымъ Государемъ встаетъ величественная задача руководить судьбами величайшаго въ мѣрѣ государства, дать просторъ духовнымъ силамъ нашего народа, поднять его благосостояніе путемъ единенія власти и общества. Достигнувъ вершины международнаго могущества, Россія, подъ руководствомъ своего Верховнаго Вождя, выступаетъ на широкій путь общественнаго развитія, начало которому положено великими преобразованіями Царя, освободившаго крестьянъ.

ФРАНЦУЗЪ И ПОМѢЩИКЪ БАКЛАЖАНОВЪ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній сосѣда).

(Посвящается старому другу А. П. Коваленкову).

Для обученія меня французскому языку и наблюденія за моею доброю нравственностью былъ нанятъ французъ, монсье Поле, какими-то судьбами застрявшій въ Россіи послѣ нашествія французовъ. По его рассказамъ, онъ былъ чѣмъ-то вродѣ стремяннаго при особѣ Наполеона, поддерживалъ ему стремя, когда тотъ садился на своего историческаго бѣлаго коня, участвовалъ съ нимъ въ походахъ и сраженіяхъ, пользовался его расположеніемъ и благосклоннымъ вниманіемъ, а во время осады Смоленска даже помогалъ ему наводить пушку на одну изъ церквей города, отъ каковаго выстрѣла и былъ сбитъ крестъ съ церковной колокольни. Выдавалъ онъ себя за *sous-lieutenant de la grande armée*; но дѣйствительно ли состоялъ въ этихъ чинахъ, никто, конечно, не вѣдалъ, а равно неизвѣстна была причина, побудившая его отстать отъ великой арміи и не послѣдовать за своими соотечественниками. Подъ веселую руку, онъ намекалъ, правда, на какое-то увлеченіе, на какую-то контессу, по милости которой чуть было не попалъ въ бѣду, но мнѣ думается, что, въ данномъ случаѣ, *су-льтенантъ*, просто-на-просто, привиралъ.

Это былъ мужчина лѣтъ сорока, высокаго роста, стройный, красивый, съ веселымъ открытымъ лицомъ и еще болѣе веселымъ характеромъ. Говорунъ онъ былъ превеликій, страстный ружейный охотникъ, рыболовъ и большой поклонникъ прекраснаго пола. Онъ отлично ѣздилъ верхомъ, превосходно ходилъ на ходуляхъ, умѣлъ шить, кроить, стряпать и даже сочинялъ горничнымъ стихи, которые я для практики переводилъ на русскій языкъ. Говорилъ онъ быстро, словно сыпалъ словами, и готовъ былъ говорить съ утра и

до ночи. Онъ носилъ усы, вspanьолетку, тщательно ухаживалъ за шевелурой, чѣмъ-то протиралъ по утрамъ лицо (кажется, просто-жвачкой) и строго слѣдилъ за волосами, выросавшими не на указанномъ мѣстѣ.

— Вотъ гдѣ расти! — горячился онъ, стоя передъ зеркаломъ и выщипывая изъ носа волосы. — Вотъ гдѣ, вотъ! — и, тыча выдернутые волосы на замѣтно порѣдѣвшую макушку, седрито ворчалъ.

Пріѣхалъ онъ къ намъ въ концѣ великаго поста, въ самую распутицу, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, зачѣмъ-то ѣздившимъ въ Москву, и сразу же завоевалъ себѣ симпатіи не только нашей маленькой семьи, но даже и всей многочисленной дворни. Не возлюбила его одна только старуха-няня, видѣвшая въ этомъ «нехристѣ» разлучника, пріѣхавшаго разлучить меня съ нею. Какъ теперь помню, мы сидѣли за завтракомъ, когда отецъ привелъ француза въ столовую и представилъ матери. Французъ расшаркался, раскланялся, поцѣловалъ у нея руку, а потомъ, когда подвели къ нему меня, будущаго его питомца, онъ поцѣловалъ меня въ лобъ, погладилъ по головѣ и высказалъ увѣренность, что мы будемъ съ нимъ «добрыми друзьями».

— Меня, — проговорилъ онъ по-французски, обращаясь къ матери, — всѣ мои ученики обожали... Я считаю это за большое счастье и горжусь этою привязанностью ко мнѣ молодежи... Молодежь очень, очень любитъ меня!

Затѣмъ онъ разсыпался передъ матерью въ извиненія за свой костюмъ (костюмъ на немъ былъ дѣйствительно ужасный), подробно рассказалъ ей о какомъ-то пожарѣ, случившемся въ его квартирѣ, и отъ души расхохотался, когда объявилъ, что послѣ этого пожара онъ оказался въ костюмѣ Адама, почему и вынужденъ былъ купить на толкучкѣ эти лохмотья, за которые и просить великодушно извинить. Послѣдствіемъ этого разсказа было то, что отецъ позвалъ портного (портной у насъ былъ свой, крѣпостной) и приказалъ сшить французу сюртучную пару изъ «безномѣрнаго сукна» (такъ называлось у насъ домашнее сукно, ткавшееся крѣпостными же ткачами специально для господскаго употребленія), и чтобы пара эта была готова къ Пасхѣ, до которой оставалось нѣсколько дней.

Французъ былъ въ восторгѣ. Онъ опять разсыпался въ благодарностяхъ, опять наговорилъ цѣлую кучу любезностей и, въ концѣ-концовъ, попросилъ портного принести аршинъ и объявилъ, что костюмъ онъ скроить себѣ самъ, по своему вкусу, а его попросить только сшить скроенное.

Это всёхъ очень удивило. Француза подняли на смѣхъ, въ особенноти нянька, которая тотчасъ же прозвала его «портиашкой»; но когда пара была готова и когда всё пришли въ восторгъ отъ фасона, то насмѣшки прекратились, а портной, взявъ у французана несколько уроковъ кройки, принялся всёмъ шить сюртуки «на французскій манеръ».

Отецъ не говорилъ по-французски, но мать, обучавшаяся въ Смольномъ монастырѣ, когда заведеніе это считалось самымъ аристократическимъ и когда туда принимались только дочери «полныхъ генераловъ», знала этотъ языкъ въ совершенствѣ. Послѣ завтрака она пригласила французана въ кабинетъ, незамѣтно провѣзменовала его и пришла къ тому заключенію, что хотя по части грамматики онъ и не особенно силенъ, но что выговоръ у него превосходный и что, на первое время, для ребенка (мнѣ было тогда десять лѣтъ и я порядочно болталъ по-французски) онъ будетъ самымъ настоящимъ гувернеромъ. И такъ, судьба французана была рѣшена. Въ тотъ же вечеръ, къ ужасу старухи-няни, было приказано перенести изъ дѣтской мою кроватку и поставить ее въ комнату гувернера. Переселеніе это показалось мнѣ очень лестнымъ, во-первыхъ, потому, что я получилъ, такъ сказать, аттестатъ зрѣлости, могъ считать себя вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста, а, во-вторыхъ, и потому, что веселый гувернеръ пришелся мнѣ очень по душѣ. Только съ наступленіемъ ночи, когда мы съ французомъ улеглись спать и когда онъ, погасивъ свѣчу (тогда еще стеориновыхъ свѣчей не было и въ поминѣ, а были сальныя, изготовлявшіяся дома, и гасили ихъ щипцами), захрапѣлъ на всю комнату, я пришелъ въ ужасъ отъ темноты, окутавшей меня со всёхъ сторонъ. Помнится мнѣ, что я даже расплакался и готовъ былъ бѣжать въ свою свѣтленькую уютную дѣтскую, всю ночь освѣщавшуюся лампадой, но боялся не только встать съ кровати, но даже открыть глаза, чтобы не встрѣтить въ темнотѣ тѣхъ страшныхъ чудовищъ, о которыхъ мнѣ такъ много было наговорено.

Однако, это продолжалось очень не долго и вскорѣ я отлично свыкся съ своимъ новымъ положеніемъ. Къ французу я привязывался все болѣе и болѣе и, несмотря на разницу лѣтъ, сошелся съ нимъ, какъ съ товарищемъ. Понравился онъ мнѣ особенно потому, что терпѣть не могъ классныхъ занятій.

— Это очень устарѣлая метода,— говорилъ онъ (разумеется, по-французски, по-русски онъ со мной не говорилъ),— и противъ этой методы... У насъ во Франціи она давнымъ-давно заброшена, давнымъ-давно считается не только бессмысленной, но даже вред-

ной для здоровья. То ли дѣло рѣка, лѣсъ, усыпанные цвѣтами луга, — продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь своею новою педагогическою методой. — Развѣ нельзя, на примѣръ, учиться съ ружьемъ въ рукахъ? Съ удочкой? Въ лодкѣ? На конѣ?... Все это вздоръ!... Конечно, можно, была бы охота! Богда я былъ у графа Добринскаго, я даже не зналъ, какъ отворялась дверь классной комнаты... Ахъ, у нихъ было прелестное имѣніе! Представь: роскошный паркъ, живописная рѣка, громадное озеро, лѣсъ, луга... А ужъ сколько дичи, ты себѣ представить не можешь. Я провелъ тамъ все лѣто. Мы съ молодымъ графомъ только ночевали дома, да и то не всегда... Я положительно не замѣтилъ, какъ пролетѣло лѣто. По той же методѣ я занимался и съ княземъ Грубецкимъ, — продолжалъ французъ. — Это было позапрошлымъ лѣтомъ. И послушай бы ты, мой старый другъ, какъ говорили по-французски эти молодые люди... Они говорили какъ настоящіе парижане. Не повѣришь ли? Я самъ забывался, слушая ихъ. Мнѣ казалось, что я не въ Россіи, не въ какой-нибудь русской деревнѣ, а во Франціи, въ своей дорогой, восхитительной Франціи, въ Парижѣ, на бульварѣ, въ ресторанѣ, и что возлѣ меня не русскіе люди, а кровные парижане, свои родные по крови и по духу.

Метода эта понравилась и родителямъ, въ особенности матушкѣ, которая вообще тряслась надъ моимъ здоровьемъ и боялась, какъ огня, утомительныхъ занятій.

Свой учебный семестръ мы открыли одновременно со вскрытіемъ рѣки. Мы надѣлали удочекъ, вентерей, жерлицъ, переметовъ и цѣлые дни проводили на рѣкѣ. Мы ловили щукъ, сазановъ, окуней, лещей и даже лягушекъ, до которыхъ су-льетенантъ былъ великій охотникъ, и буквально закармили всѣхъ рыбой. Бромъ того, оказалось, что французъ отлично приготавливалъ изъ рыбы всевозможные консервы, умѣлъ коптить, мариновать ее, научилъ этому искусству повара и заручился еще большимъ уваженіемъ всей двора, видѣвшей въ немъ человѣка дѣльнаго и обладающаго всесторонними познаніями. Только одна нянька, попрежнему, продолжала ворчать на француза и разжаловала его изъ «портняжекъ» въ «чумички», хотя и уписывала за обѣ щеки его консервы.

А когда рѣка вошла въ свои берега, мы принялись за ружейную охоту. Мы колотили утокъ, куликовъ, дупелей, бекасовъ, и меню нашихъ обѣдовъ съ рыбныхъ блюдъ перешло на блюда изъ дичи. Появились разные соте, суфле, пате, майонезы, фрикасе, о которыхъ поваръ не имѣлъ даже и понятія, и мы всѣ объѣдались ими. Французу очень хотѣлось ввести въ употребленіе лягушекъ, онъ

увѣрялъ, что деликатнѣе этого кушанья нѣтъ ничего, но рѣшиться на это мы никакъ не могли.

— Помилуйте, — распинался французъ, — самъ Наполеонъ, le grand Napoléon, и тотъ объѣдался!

Но Наполеонъ намъ былъ не указъ и мы предпочитали объѣдаться пернатою дичью.

Лично мнѣ стрѣлять не разрѣшалось, но дозволялось сопутствовать французу ради практики во французскомъ діалектѣ. Онъ шагаль съ ружьемъ въ рукахъ, а я, чуть не бѣгомъ, слѣдовалъ за нимъ, навьюченный разными ягдташами, патронташами и другими охотничьими принадлежностями. Я даже исправлялъ иногда должность лягавой собаки и французъ такъ привыкъ къ этому, что и приказанія отдавалъ, какъ заправскому лягашу.

— *Пиль, аппортъ!* — кричалъ онъ, убивъ какую-нибудь утку, и я стремглавъ бросался въ болото и доставалъ убитую птицу. — *Иси, иси!* — продолжалъ онъ и даже похлопывалъ себя по колѣнкѣ.

Однако, обстоятельство это и многія другія въ томъ же родѣ тщательно скрывались отъ родителей, такъ что многія детали нашихъ педагогическихъ занятій составляли для нихъ тайну. Болтали мы съ французомъ дѣйствительно безъ умолку и умолкали только тогда, когда онъ подкрадывался къ какой-нибудь дичи.

— Silence, — шепталъ онъ тогда, — *terminons nos occupations, brave garçon, silence.* — Затѣмъ — баць! — и я бросался въ воду.

— *Браво, браво!* — кричалъ тогда су-льетенанъ. — *Nos affaires vont parfaitement bien... Иси, аппортъ, иси!*

Такая метода обученія была мнѣ очень по душѣ, и я приходилъ въ восторгъ отъ своего учителя. Правда, однажды, въ азартѣ, онъ залѣпилъ мнѣ пять дробинъ въ ногу и чуть не разодралъ ноздрю удочкой, но такъ какъ все это произошло не умышленно, а единственно по торопливости и горячности француза, забывавшаго на охотѣ самого себя, то я, конечно, и не смѣлъ претендовать на него, тѣмъ болѣе, что, подстрѣливъ меня, онъ до того перепугался, что на немъ не было лица.

— Ради Бога, молчи только! — говорилъ онъ, выковыривая ножичкомъ дробины и весь перепачкавшись кровью. — А, главное, ни слова этой провлятой нянькѣ... Она непременно разболтаетъ твоей матушкѣ и та будетъ беспокоиться, хотя, въ сущности, изъ-за такихъ пустяковъ не стоить того. Графу Добринскому, на примѣръ, — продолжалъ онъ, забинтовывая платкомъ ногу, — я влѣпилъ однажды цѣлый зарядъ въ спину, и тотъ хоть бы поморщился. А князя

Грубецкого чуть не сдѣлалъ на всю жизнь кривымъ, но и тотъ тоже ни полслова... О, — вскрикнулъ онъ, — это были отличные ребята, которые очень любили меня! Они скрыли случившееся и все прошло благополучно.

Я тоже далъ слово скрыть.

— Конечно, конечно, — подхватилъ французъ, окончивъ перевязку. — Зачѣмъ ихъ огорчать и беспокоить? Оберегать спокойствіе родителей, — продолжалъ онъ наставительнымъ тономъ, обмывая руки, — это священнѣйшій долгъ каждаго ребенка. Скажу про себя... Мои родители, на примѣръ, даже и не подозрѣвали, что ихъ карапузики съ одиннадцати лѣтъ тянулъ абсентъ, а съ четырнадцати игралъ въ карты и ухаживалъ за гризеточками... Ахъ, — вскрикнулъ онъ, всплеснувъ руками, — еслибъ ты зналъ только, какъ хороши у насъ эти шалуны!... Чортъ знаетъ, какъ хороши!... Еслибъ ты только зналъ... Есть и у васъ, не спору, — продолжалъ онъ, — Груша, на примѣръ, Таня, Лиза... за Лизой, признаться, я даже ухаживаю и сочинилъ ей новый мадригалъ, который попрошу тебя перевести, она мнѣ симпатизируетъ, но... все это не то, не то... Далеко не то... Нѣтъ въ нихъ этого шику, этого огня... Ну, такъ вотъ... О чемъ, бишь, я говорилъ? — да, объ уваженіи къ родителямъ и объ охраненіи ихъ душевнаго спокойствія... Смотри же, ни гугу, сохрани тебя Богъ!

Я повторилъ свое обѣщаніе и французъ успокоился.

Такъ шло мое обученіе, какъ вдругъ слѣдующій *аксиданс* перевернулъ все дѣло вверхъ дномъ. Случилось это такимъ образомъ.

Разъ какъ-то, въ концѣ мая, когда родители мои уѣзжали въ городъ, затѣяли мы съ французомъ прокатиться на лодкѣ. Лодка у насъ была незавидная, но двоихъ поднимала сносно. На всякій случай французъ захватилъ ружье и мы отправились внизъ по теченію рѣки. Не успѣли мы отѣхать отъ дома съ полверсты, какъ наткнулись на утиный выводокъ. Утка взлетѣла, а утята попрятались въ камышъ. Первую мы убили, а вторыхъ переловили руками. Отъ такой неожиданной удачи мы пришли въ охотничій азартъ и порѣшили ѣхать дальше. Проплыли мы еще версты три, если только не больше, какъ вдругъ передъ нами раскинулось какое-то громадное озеро (или ильмень, какъ называютъ въ нашей мѣстности такія озера), существованія котораго я даже и не подозрѣвалъ. Озеро было покрыто мѣстами густымъ камышомъ и представляло собою наибуднѣйшее мѣсто для пребыванія всевозможной водяной дичи. И дѣйствительно, не успѣли мы въѣхать въ это озеро, какъ

милліоны утокъ разныхъ породъ начали подниматься со всѣхъ сторонъ и огласили воздухъ шумнымъ крикомъ и торопливымъ свистомъ крыльевъ. Французъ даже растерялся и принялся палить во всѣ стороны, но такъ неудачно, что даже не поранилъ ни одной утки. Дрожавшими отъ волненія руками онъ поминутно заряжалъ ружье, поминутно оглашалъ воздухъ громовыми выстрѣлами, охотъ разлетавшимися по всему озеру, и выпустилъ ихъ столько, что отъ порохового дыма надъ нами носились цѣлыя облака. Я никогда не бывалъ на этомъ озерѣ, а потому не могъ знать и о томъ, кому оно принадлежало. Только немного погодя, когда я увидалъ въ сторонѣ какую-то усадьбу, крытую соломой, а рядомъ съ усадьбой водяную мельницу, заросшую старинными ветлами, и слышалъ доносившійся до насъ лай собакъ, я догадался, что мы находимся во владѣніяхъ помѣщика Баклажанова. Баклажановъ былъ нашимъ сосѣдомъ, но никогда у насъ не бывалъ и отецъ почему-то избѣгалъ его знакомства, — вѣроятно, потому, что сосѣдъ этотъ слылъ за человѣка диваго, любившаго выпить и во хмѣлю неспокойнаго. Все это, конечно, поселило во мнѣ какой-то страхъ къ нему и, опасаясь встрѣчи съ нимъ, я повернулъ лодку и пустился на-утѣкъ.

— Что ты дѣлаешь? — разсердился французъ.

— Поѣдьте домой, — проговорилъ я.

— Какъ домой? Когда мы съ тобой открыли новую Калифорнію? Ты съ ума сошелъ... Ворочай назадъ, ворочай!... Говорятъ тебѣ...

Я рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, но французъ расхохотался, силой повернулъ лодку и снова принялся палить во всѣ стороны.

— О, — кричалъ онъ въ промежуткахъ между выстрѣлами, — не родилось еще то животное, которое осмѣлилось бы дотронуться до меня!... *Sous-lieutenant de la grande armée* умѣетъ расправляться съ такими негодяями.

И опять громъ выстрѣловъ и облака дыма.

Но когда дымъ этотъ нѣсколько разсѣялся, рядомъ съ нашею лодкой показалась другая, на носу которой возвышалась громадная фигура человѣка съ длинною сѣдою бородой и такими же длинными волосами на головѣ, а на кормѣ другая, приземистая и коренастая, съ веслами въ рукахъ. На первомъ былъ длинный нанковый халатъ, подпоясанный полотенцемъ, а на второмъ — толстая рубаха, заправленная за суконные штаны, и баранья шапка.

— Стой! Что за люди? — послышался пискливый, бабій голосъ старика, совершенно не соотвѣтствовавшій его громадному росту. — Стой! — продолжалъ онъ, потрясая въ воздухъ увѣсистымъ арапникомъ.

Но не успѣлъ французъ отвѣтить на вопросъ, какъ арапингъ просвисталъ надъ моею головой и ударился въ спину су-льетенана. Мгновеніе—и ружье француза направилось въ грудь старика, но я схватился за дуло и выстрѣлъ грянулъ въ воду.

— Что вы дѣлаете?—вскрикнулъ я, вырвавъ ружье изъ рукъ француза.—Постойте, погодите!

Но было поздно.

Лодки сдѣлились въ абордажъ и французъ висѣлъ уже на старикѣ, обѣими руками впѣпившись въ его косматые волосы. Старикъ ошалѣлъ, принялся было потрясать головой, сиюсь сбросить съ себя француза, но тотъ впился въ него зубами и, не выпуская изъ рукъ волосъ, словно замеръ. Точь-въ-точь бульдогъ, натравленный на медвѣдя.

— Лоскутъ, — кричалъ старикъ, — Лоскутъ, выручай!

Но сидѣвшій на кормѣ, къ которому обращались эти слова, хоть бы пошевелинулся. Онъ только ухмылялся, глядя на происходившую драку, и какъ-то подмигивалъ глазомъ, словно драка эта доставляла ему великое удовольствіе.

— Лоскутъ, — продолжалъ, между тѣмъ, старикъ, — Лоскутъ, не видишь нешто, что твоего барина грызутъ?... Не видишь, подлецъ?... Весломъ-то его, весломъ!...

— Я не лоскутъ, — отозвался тотъ. — Лоскуты-то вонъ отъ нашего халата летять, а мнѣ при святомъ крещеніи имя дадено. Вотъ что-съ!

— Егоръ Мартынычъ, — взмолился тогда старикъ плаксивымъ бабьимъ голосомъ, — Егоръ Мартынычъ, помогите-съ! Вступитесь за своего господина, вы, вѣдь, наши рабы-съ!

— Ага, вспомнилъ, небось! — замѣтилъ Егоръ Мартынычъ, продолжая ухмыляться. — А то: Лоскутъ, — прибавилъ онъ, подмигивая и глядя на меня. — Вишь, ты какой... — но въ это самое время лодки опрокинулись и мы всѣ полетѣли въ воду.

Когда я, съ ружьемъ въ рукахъ, вскарабкался кое-какъ на дно опрокинувшейся лодки и пришелъ въ себя отъ испуга, я увидалъ слѣдующую картину. Всѣ трое стояли по поясъ въ водѣ (спасибо, мѣсто было не глубокое): въ серединѣ Егоръ Мартынычъ, а остальные, которыхъ онъ крѣпко держалъ за «грудки», по сторонамъ. Онъ такъ мощно держалъ ихъ въ своихъ заостренѣвшихъ лапахъ, что, несмотря на всѣ усилія француза и старика выдраться изъ его рукъ, они достигъ этого не могли.

— Пусти, хамъ! — кричалъ старикъ. — Пусти!

— Прочь! Мой будетъ грызть зубамъ! — горячился французъ. — Пускай!

— Не пуцу, — говорилъ Егоръ Мартынычъ прежнимъ спокойнымъ тономъ. — Не позволю драться.

— Чась и мѣсто! — оралъ французъ, обращаясь къ старику.

— Дуэль? — спросилъ тотъ.

— Дуэль на смерть.

Старикъ расхохотался.

— Мы, мы, мы... — затараторилъ тотъ (онъ имѣлъ привычку нѣсколько разъ подрядъ повторять одно и то же слово). — Мы, мы съ лакеями не деремься... Мы ихъ по мордасамъ.

— Какъ? меня?

— А то въ три кнута.

— Меня? кнута?... Меня, *sous-lieutenant de la grande armée*?

— А ты по-чухонски-то не болтай, полячишка паршивый, — перебилъ его старикъ. — Мы, мы, мы иностраннымъ языкамъ не обучались... По-русски говори.

— Меня? лейтенанта? офицера?... Чась и мѣсто!

Чинъ лейтенанта и офицерское званіе подѣйствовали магически. Старикъ изумился, разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза и принялся осматривать француза. На этотъ разъ старикъ хоть бы пошевелинулся, за то французъ метался во все стороны, сился вырваться изъ рукъ Егора Мартыныча, который, замѣтивъ замѣшательство своего барина, принялся читать нотацію.

— Что, хорошо? — ворчалъ онъ, не выпуская изъ рукъ ни барина, ни француза. — Хорошо? Вотъ вы что настряпали... Офицера арапникомъ... Отлично... Вѣдь, васъ, батюшка баринъ, за такіи дѣла бить мало... Ей-ей, мало... На конюшню бы васъ... А то вотъ этакъ, — прибавилъ онъ, окунувъ барина въ воду. — Ну, что, хорошо?

— Какъ ты смѣешь? — крикнулъ было старикъ, но Егоръ Мартынычъ снова окунулъ его. — Подъ красную шапку!

— Добра вамъ желаючи, батюшка баринъ, — продолжалъ Егоръ Мартынычъ, даже не слушая старика и продолжая окунать его. — Отъ чистаго рабскаго сердца.

— Пусти, Лоскутъ! — кричалъ старикъ, захлебываясь.

— Только, дай Господи, чтобы на пользу вашей милости, чтобы помнили, батюшка.

— Егоръ Мартынычъ, — взмолился, наконецъ, старикъ, обращаясь къ лакею, — пожалѣйте-сь... Не зналъ я, что это господа... Ей-Богу, не зналъ-сь... Думалъ, сволочь какая.

— Спрашивали бы.

— Теперь завсегда буду спрашивать-сь.

Но Егоръ Мартынычъ былъ неумолимъ и продолжалъ окунать старика. Мнѣ даже стало жаль его, — такой онъ имѣлъ плачевный видъ. Даже самъ разсвирѣпѣвшій французъ, все время метавшійся въ рукахъ Егора Мартыныча, какъ разъяренный левъ въ клеткѣ, и тотъ, при видѣ страдальческаго лица старика, сжалился надъ нимъ.

— Брось! — вскрикнулъ онъ. — Брось этого ракала, брось!

— Нѣтъ, зачѣмъ же? — протестовалъ Егоръ Мартынычъ. — Не-што такъ возможно? Пушай допрежь прощенья у васъ попросить. Слыханое ли это дѣло, чтобы офицера...

Старикъ даже вздрогнулъ и, гордо поднявъ голову, презрительно посмотрѣлъ на Егора Мартыныча.

— А ты думаешь, не попрошу? — заговорилъ онъ. — Ошибаетесь, дворянинъ Баклажановъ не хамъ какой-нибудь. Это вы, хамы, не сознаете своихъ провинностей, а дворянинъ... тотъ завсегда понимаетъ-сь... Вы, вы, вы насъ не учите-сь, и безъ васъ знаемъ, какъ съ благородными людьми обращаться-сь... Знаемъ-сь...

И, повернувшись лицомъ къ французу, вскрикнулъ:

— Бей меня въ морду!

Французъ даже глаза вытаращилъ и, не вѣря своимъ ушамъ, спросилъ меня по-французски:

— Что онъ сказалъ? Я ничего не понимаю.

Я перевелъ.

— Ты не врешь?

— Нѣтъ.

— Бей! — настаивалъ тѣмъ временемъ Баклажановъ. — Бей!

— Ты съ ума сошла, — бормоталъ французъ.

— Бей!

— Никогда! Мой скорѣй себѣ рука отрѣжетъ. Фи, позоръ!

— Прошу тебя, — продолжалъ старикъ. — Прошу... не въ службу, а въ дружбу. Смой ты съ моей дворянской чести тотъ позоръ, который я наложилъ на себя. Смой, отплати мнѣ тѣмъ же... пожалѣй... Дай реваншу...

— Что же, батюшка, — заговорилъ Егоръ Мартынычъ, обращаясь къ французу и освобождая ему руки, — коли батюшка баринъ просить-сь... Уважьте ихъ милость... Вѣдь, они, вонъ, плачутъ-сь... Пожалѣйте-сь... Ударьте разокъ.

Французъ опять посмотрѣлъ на меня, опять попросилъ перевести сказанное Егоръ Мартынычемъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, поклатился со смѣха.

— О, — вскрикнулъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — въ такомъ случаѣ и сердиться не за что! Они совсѣмъ сумасшедшіе!

И, проговоривъ это, французъ, вмѣсто пощечины, открылъ старику свои объятія. Старикъ не ожидалъ такого исхода и принялся горячо обнимать и цѣловать француза; для вящаго же закрѣпленія состоявшагося примиренія потащилъ насъ къ себѣ.

— Мы, мы, мы такъ не отпустимъ-съ, — говорилъ онъ, отирая радостныя слезы. — Мы, мы умѣемъ цѣнить людей.

Я началъ было уговаривать француза отказаться отъ этого приглашенія и ѣхать домой, но онъ и слушать не хотѣлъ. Онъ доказывалъ, что отказъ отъ приглашенія былъ бы равносильнъ оскорбленію, а оскорблять старика, тѣмъ болѣе больного (онъ считалъ его нѣсколько помѣшаннымъ), онъ не желаетъ. «C'est contre mes principes», — добавилъ онъ.

Дѣлать было нечего. Мы кое-какъ привели въ порядокъ наши лодки, собрали утокъ и отправились закрѣплять состоявшееся примиреніе. Немного погодя мы были у Баклажанова, котораго, кстати сказать, звали Платономъ Иванычемъ.

Я говорилъ уже, что Баклажановъ слылъ у насъ за человѣка сумасброднаго и пьянаго, а потому никто къ нему не ѣздилъ и онъ ни у кого не бывалъ. Жилъ онъ совершенно пустыннымъ или, правильнѣе сказать, медвѣдемъ. Онъ и наружностью походилъ на громаднаго медвѣдя, особливо когда тотъ поднимается на заднія лапы. Такой же неуязвимъ, косолапый и такой же страшный и обросшій волосами. Платонъ Иванычъ никогда не умывался, кромѣ продраннаго ватнаго халата, ничего не носилъ, спалъ на пуховикѣ безъ простыни, отчего всегда былъ въ пуху, и никогда не стригъ волосъ. Только иногда, и то у пьянаго, ихъ подстригалъ ему Егоръ Мартынычъ. Егоръ Мартынычъ, крѣпостной человѣкъ Баклажанова, лѣтъ пятидесяти, былъ столько же для него необходимъ, какъ необходима рыбъ вода. Ни Баклажановъ не могъ существовать безъ Егора Мартыныча, ни Егоръ Мартынычъ безъ Баклажанова. Они словно были созданы другъ для друга. Определенныхъ занятій Егоръ Мартынычъ не имѣлъ, но онъ исполнялъ все, что бы ему баринъ ни приказывалъ, хотя и ворчалъ постоянно на эти приказанія.

— Егоръ Мартынычъ, — говорилъ, на примѣръ, Платонъ Иванычъ, — завтра я именинникъ-съ... гости будутъ-съ... Приготовьте покушать-съ.

— Что я за поварь? — отгрызался тотъ. — Повара наймите.

Но Платонъ Иванычъ очень хорошо зналъ, что обѣдъ будетъ приготовленъ, и потому продолжалъ:

- Человѣкъ пять будетъ-съ... Артамонъ Дормидонъчъ.
- Только онъ одинъ и есть,—замѣчаетъ Егоръ Мартынычъ.
- Нѣтъ-съ, ошибаетесь. Александръ Петровичъ будутъ-съ.
- Дождитесь.
- Исправникъ, становой-съ.
- Ну, эти-то пожалуй что.
- То-то и оно-съ... Насъ тоже уважаютъ-съ.
- Не замѣтно что-то.
- Вы намъ десять индѣекъ зажарьте, а на пирожное—двѣ ифры миндального печенья-съ.
- Куда это такую прорву?—вскрикивалъ Егоръ Мартынычъ.
- Не ваше дѣло-съ. Нешто вашъ матеріаль-съ? Чего же вы жалѣете-съ?
- Не стану я готовить.
- И рада бы курочка на кухню не идти, да за хохоль потащутъ-съ.
- Руки коротки.

И Егоръ Мартынычъ уходилъ, на-отрѣзъ отказавшись отъ приготовления обѣда, а на слѣдующій день, чуть свѣтъ, повязывалъ фартукъ, растоплялъ плитку и принимался за стряпню. Или, на-примѣръ, прикажетъ Платонъ Иванычъ комнату подмести.

- Егоръ Мартынычъ!—кричитъ баринъ.
- Ну?
- Посмотрите-ка, щенята-то что надѣлали.
- Псарку бы выстроили.
- Вы насъ не учите-съ.
- Не стану я за вашими щенятами ухаживать.

А когда гнѣвъ немного остывалъ, Егоръ Мартиновичъ являлся и убиралъ комнату.

Прозвалъ его, почему-то, Платонъ Иванычъ Лоскутомъ, но прозванія этого онъ не выносилъ, никогда на такой зовъ не откликнулся и упорно лежалъ себѣ на своей лежанкѣ, приспособленной для него въ передней. Однажды, на пробу, Платонъ Иванычъ цѣлый день выкрикивалъ Егора Мартыныча, называя его Лоскутомъ, но тотъ хоть бы откликнулся. И такъ-таки цѣлый день пролежалъ на лежанкѣ. За то Егоръ Мартынычъ и дѣлалъ изъ Платона Иваныча все, что ему было угодно. Даже экономка Пелагея Егоровна, и та не разъ прибѣгала подъ его заступничество. Въ настоящее время подобное вліяніе на человѣка приписали бы, пожалуй, гипнозу, но встарину о гипнозѣ не имѣли понятія и объясняли это

вліяніе простою шельмоватостью Егора Мартыныча, но господа эти жестоко ошибались. Егоръ Мартынычъ никогда шельмой не былъ, а, напротивъ, былъ самымъ преданнѣйшимъ слугою своего господина. Онъ оберегалъ и его, и его интересы и готовъ былъ за него, въ случаѣ надобности, въ огонь и въ воду. Жалованья Егоръ Мартынычъ никакого не получалъ, кормили его впроголодь, ходилъ онъ чуть не босикомъ, подарковъ никогда никакихъ не видалъ, тпалъ на какой-то жесткой лежанкѣ, на которой нельзя было пусемъ и ногъ-то протянуть, а, между тѣмъ, къ господину своему питалъ какую-то собачью преданность.

Платонъ Иванычъ слылъ за денежнаго человѣка, и дѣйствительно, деньги у него водились. Деньгамъ этимъ никакихъ записей не велось. Онѣ на память получались, на память расходовались и сохранялись всегда у Егора Мартыныча, который тоже никакого счета имъ не велъ. Получить, запретъ ихъ въ свой сундукъ потаеннымъ замкомъ (у него былъ какой-то замокъ съ секретомъ, который «самъ чортъ не отопретъ»), и конецъ, ужь деньги будутъ цѣлы.

— А что,—спросить, бывало, Платонъ Иванычъ,— капиталы у насъ въ цѣлости?

— Куда же имъ дѣваться-то?

— Много-съ?

— Кто же ихъ считалъ?

— Вы бы посчитали-съ.

— Была нужда!

— Да отъ скуки-съ.

— Досугъ мнѣ скучать!

На этомъ весь контроль и кончался, но деньги Платона Иваныча, все-таки, были цѣлы и Егоръ Мартынычъ не попользовался изъ нихъ ни единою копѣйкой. Когда онъ умеръ (онъ пережилъ батюшку барина), то не на что было похоронить его, такъ какъ, кромѣ замка «съ секретомъ», никакого имущества у него не оказалось, а равно не оказалось и денегъ.

Какъ образецъ дикости помѣщика Баглажанова, расскажу, со словъ Егора Мартыныча, слѣдующій случай. Былъ у него сосѣдъ, тоже помѣщикъ, Артамонъ Дормидонычъ Бесѣдовъ. Они были почти однихъ лѣтъ, оба любили пображничать, побезобразничать; оба были охотники до прекраснаго пола, содержали у себя чуть-ли не гаремы крѣпостныхъ невольницъ и жили душа въ душу. Артамонъ Дормидонычъ былъ единственный человѣкъ, водившій хлѣбъ-соль

съ Баклажановымъ. Оба они были холостыми, но, тѣмъ не менѣе, чуть не ежегодно крестили другъ у друга дѣтей. Разница была въ томъ только, что у Баклажанова дѣти почему-то умирали, а у Бесѣдова множились и росли. Впрочемъ, ропота на судьбу никто изъ нихъ по этому случаю не заявлялъ. Напротивъ, даже благословляли таковую. Баклажановъ потому, что меньше было хлопотъ, а Бесѣдовъ потому, что безъ малѣйшихъ хлопотъ приписывалъ своихъ незаконныхъ дѣтей къ списку вѣрнопостныхъ. Баклажановъ гордился преумноженіемъ щенятъ «собственныхъ кровей», какъ онъ выражался, а Бесѣдовъ преумноженіемъ дворни. У перваго были собственные свои Амалаты, Змѣйки, Лебедки, а у втораго—Ванятки, Петрушки, Парашки и Агашки. Оба они были заядлые охотники. Но Баклажановъ любилъ борзыхъ, а Бесѣдовъ—гончихъ. Но и такая разница была какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ охота съ борзыми безъ гончихъ менѣе интересна. И такъ, гармонія между ними была полнѣйшая и дружба между ними существовала чуть ли не съ дѣтства. Но ничто не вѣчно подъ луною, и эта избитая аксіома повторилась еще разъ и по отношенію дружескихъ связей двухъ пріятелей.

Дѣло было осенью. Оба они мирно охотились, травили лисицъ и зайцевъ, какъ вдругъ изъ-за чего-то между пріятелями возникла ссора, не замедлившая перейти въ драку.

Вотъ какъ рассказывалъ про нее Егоръ Мартынычъ:

— Стою я подъ островомъ. На сворѣ у меня, какъ теперь помню, были Амалатъ и Стрѣлка. Вдругъ, слышу бариновъ голоסף. «Егоръ Мартынычъ,— кричатъ,— помогите-сь, вашего барина бьютъ-сь!» Что такое?—думаю себѣ. А баринъ все кричатъ, да кричатъ. Приударилъ я лошадь, прискакалъ. Смотрю, а они,— т.-е. Платонъ Иванычъ и Артамонъ Дормидонычъ,— дерутся въ превеликую, и даже съ коней не слѣзали. Долго я глазамъ не вѣрилъ, ей-Богу-сь. Однако, поприсмотрѣвшись, вижу, что Артамонъ Дормидонычъ батюшку барина за косы таскаютъ, ажно руныя летятъ отъ ихней милости. Что тутъ дѣлать? Уговаривать зачалъ: «Бросьте,— говорю,— господа, нехорошо, стыдно...» Куда тебѣ! И вижу я, что Артамонъ Дормидонычъ совсѣмъ заколотили моего барина, даже вздохнуть имъ не дадутъ, перескочили къ нимъ на лошадку, одною-то рукой за горлышко, а другою-то по макушкѣ арапникомъ. Жаль мнѣ стало родимаго. Слѣзъ я съ лошади, выхватилъ кинжалъ, да Артамону Дормидонычу подъ колѣнку и пырнулъ. Индо взвизгнули, да съ коня-то на землю, словно снопы, упали. Я даже перепугался... Ну, мы кое-какъ перевязали рану,

полежать дали, водицей головку помочили, а потомъ, когда они очнулись, батюшка баринъ и говорятъ: «Ну-ка, Мартынычъ, примите-ка его, какъ стараго волка!» Я и принялъ. Поднялъ ихъ на ноги, скрутилъ назадъ руки, а баринъ принялся по лицу умывать. Ужъ они мыли, мыли его, со щеки на щеку переполаскивали, наконецъ, утомились и бросили. Уложили мы его, сердечнаго, на дроги, скрутили сворками и отправили домой. «И глазъ не могли показывать ко мнѣ!—кричить батюшка-баринъ.—Чтобъ и духу твоего не было!» Однако, недѣли черезъ три, смотримъ, летитъ къ намъ Артамонъ Дормидонычъ и какъ есть чересъ-чересомъ... на конѣ, за сбиной винтовка, а за поясомъ кинжалъ и пара пистолетовъ. Ну, думаю себѣ, дѣло плохо. Струсилъ и батюшка баринъ, въ домъ поскорѣе, да подъ печку и забились. «Иди въ домъ,—кричатъ,—запирай двери!» Я вошелъ, заперъ, а немного погодя, слышимъ, стучится. «Отпирай!—кричить,—двери вышибу!» Мы, конечно, молчимъ, притаились, дыхнуть боимся... вдругъ, слышимъ, въ окна палить зачалъ. Ужъ онъ палилъ, палилъ, всѣ стекла переколотилъ, всѣ стѣны пулями нашинговалъ... наконецъ, ворвался-таки въ домъ. Ворвался, увидалъ меня и бацъ въ морду. «Сказывай,—кричить,—гдѣ твой Стенька Разинъ, гдѣ? Подавай его сюда!» А ужъ баринъ подъ печкой-то задыхаться зачали, солять, слышу. Ну, какъ не вытерпять?—думаю.—Что тогда будетъ? «Въ городъ,—говорю,—уѣхамши». — «Врешь!» — кричить, и опять въ морду. — «Ей-ей», — говорю. — «Зачѣмъ?» — «Не знаю-съ, Артамонъ Дормидонычъ. Нешто они станутъ разговаривать со мной?» — «Врешь, скотина!» — и давай меня нагайкой полосовать. — «Ей-Богу!» — кричу. — Побожиться не грѣхъ». Не повѣрилъ, однако, и пошелъ домъ осматривать. Зашелъ къ эконоmkѣ, а въ тѣ поры у насъ не Пелагея Егоровна состояла, а Марѳа Васильевна, или нѣтъ, не Марѳа Васильевна, а Матрена Петровна, и ее тоже по мордѣ. «Гдѣ,—говоритъ,—негодяй-то твой, гдѣ? Сказывай!» — а та въ слезы. Разсердился даже, плюнулъ, и опять въ бариновы комнаты побѣжалъ... Прибѣжалъ, заскрипѣлъ зубами, выхватилъ кинжалъ и на печкѣ, подъ которой лежалъ батюшка баринъ, нацарапалъ кинжаломъ какую-то надпись. «Вотъ!—кричить.—Пушай прочитаетъ, да намотаетъ себѣ на усъ! Бровью отомщу, кровью!» Вскочилъ на лошадь, гикнулъ, свистнулъ и ускакалъ. «Ждите меня!—кричить.—Опять прѣйду, не разстанусь!» Вылѣзъ батюшка баринъ изъ-подъ печки чумазый-разчумазый, посмотрѣли на надпись, прочитали, да такъ и взвыли. А тамъ, вишь вотъ что написано было: «Смерть Пллатону Баклажанову!» Каково это вамъ

покажется?... Цѣльный годъ онъ такъ-то куралесилъ, Артамонъ-отъ этоть, чуть не каждый день прїѣзжалъ, а батюшка баринъ все прятались, то на чердакъ, то подъ полъ, то подъ печку, а одна даже, стыдно сказать, къ экономкѣ подъ кровать залѣзли. Они, вѣдь, у меня робкій-преробкій, только съ пьяныхъ глазокъ шумѣть горазды, а въ тверезомъ положеніи сердце у ихней милости совсѣмъ кроткое, долго сердчатъ не умѣютъ. Ну, а этоть, Артамонъ-отъ этоть, куда злющій-презлющій, не даромъ до смерти двухъ мужиковъ заporолъ. Шутка-ли, цѣльный годъ такую злобу питать?... И дивн бы искалѣчили его. А то всего-то жилку какую-то повредили, на одну ногу прицапывать зачали, а чтобы увѣче какое—ни-ни, сохрани Господи! Мой-отъ и забыли давно про свою обиду, давно и волосиками обросли, а этоть—куда!... Одначе, встрѣтились, все-таки. На охотѣ дѣло было, въ лѣсу, вальдшнеповъ стрѣляли... Батюшка-баринъ на утѣкъ было, бѣжать было, а тотъ какъ польснетъ изъ ружья, да цѣльный зарядъ въ спинку. Ну, тутъ ужъ и мой обозлился, и давай другъ друга бекасинникомъ, словно вѣниками, парить. Не повѣрите, всѣ заряды разстрѣляли. Бекасиннику этого повытаскалъ я изъ нихъ пригоршни по три, усталъ даже! Наконецъ, когда заряды вышли, они побросали ружья, посмотрѣли другъ на друга, расплакались и давай обниматься. И ужъ такъ-то это жалостно вышло, что, глядя на нихъ, и я прослезился.

Бъ этому-то Баглажанову попали мы съ французомъ.

Флигель, въ которомъ онъ жилъ, раздѣлялся просторными сѣнями на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной, обращенной окнами къ пруду, помѣщался самъ баринъ, а въ другой—экономка Пелагея Егоровна,—не та, которую билъ Артамонъ Дормидоничъ,—ту звали Матреной Петровной,—а другая, которая и завѣдывала въ настоящее время хозяйствомъ Платона Иваныча. Первая половина называлась «чистой», а вторая—«черной». Оказалось, однако, что «черная» была несравненно опрятнѣе «чистой», такъ какъ въ «черной» виднѣлись занавѣсочки на окнахъ, нѣсколько горшковъ бальзаминовъ и гераній, а въ «чистой», кромѣ двухъ, трехъ поманныхъ стульевъ, да обѣденнаго стола, не было ничего. Полы этой половины были не окрашены, затоптаны грязью, бревенчатая стѣны испещрены пулями, окна не промыты и не выставлены и вонь царила въ ней, какъ на самой послѣдней псарнѣ.

— Пожалуйте, гости дорогіе, пожалуйста-съ,—кричалъ хозяинъ, вводя насъ въ свои апартаменты,—пожалуйте!—Эй, Егоръ Мартыничъ, обѣдъ намъ изготовьте-съ... соляночку какую-нибудь и барана зажарьте.

— Цѣльнаго?—спросилъ тотъ.

— Ну, да-съ, конечно-съ. Чего вы морду-то перекосили? Для такихъ гостей и цѣльнаго не жалко-съ... А поба водочки поставьте, да сотни двѣ рѣдисокъ-съ.

И вдругъ, что-то вспомнивъ, прибавилъ:

— Да распорядитесь, чтобы дѣвки въ исправности были. Кутить, такъ кутить. Мы, мы, мы сегодня въ расположеніи. Повеселиться желаемъ-съ.

Егоръ Мартынычъ вышелъ, а Платонъ Иванычъ, обратясь къ французу, проговорилъ:

— У меня цѣлый хоръ изъ дѣвокъ составленъ-съ. Такъ поютъ, что заслушаетесь. Что твои цыгане-съ... А все Артамонъ Дормидонычъ обучалъ-съ... Такой-то мастеръ на это, что поискать-съ... И самъ хорошо поетъ... А ужъ кучеръ у него, Ванькой зовутъ-съ, такимъ-то надѣленъ басомъ, что даже весь хоръ, словно тулупомъ, прикрываетъ! Вотъ, жаль только, что Артамона Дормидоныча нѣтъ. Можетъ, впрочемъ, подъѣдетъ. Онъ меня часто навѣщаетъ. Прочь, кушъ на мѣсто!—закричалъ Платонъ Иванычъ на щеняты, бросившихся было къ нему съ изъявленіемъ радости.—Бушь! Каковы-съ, а? каковы-съ?—восхищался онъ, указывая на щеняты.

Мы похвалили, причемъ французъ одного изъ нихъ даже погладилъ.

— Собственныхъ своихъ кровей-съ,—объявилъ Платонъ Иванычъ, окинувъ насъ гордымъ взглядомъ.—Такихъ нигдѣ не найдете-съ. Самъ, лично, ухаживаю-съ. Это нашъ дворянскій дипломъ-съ,—прибавилъ онъ.—Могу похвалиться-съ.

Но намъ было не до «дипломовъ». Промокшіе до костей, мы дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и только о томъ и помышляли, какъ бы поскорѣе переѣнить платье, а свое отдать просушить. Платонъ Иванычъ смѣтилъ это, попросилъ насъ «пожаловать» въ спальную, причемъ указалъ на перегородку, а самъ побѣжалъ въ сѣни, крича на весь домъ: «Пелагея Егоровна, Палашка, достаньте-ка намъ халатиковъ, чистаго бѣлья нѣтъ ли? Переѣнитесь бы!»

Мы перешли въ спальную и первое, что бросилось намъ въ глаза, это—кровать Платона Иваныча, съ громаднымъ, не покрытымъ простыней пуховикомъ, на которомъ благодумствовали два «диплома», т. е. два щенка, а затѣмъ и историческая печь, подъ которой спасался когда-то Платонъ Иванычъ отъ кровожадныхъ преслѣдованій Артамона Дормидоныча. Въ настоящее время надпись: «Смерть Платону Баблажанову!»—была выскоблена, а вмѣсто нея красовалась слѣдующая: «Да здравствуетъ Платонъ!» Надпись

эта, какъ мы узнали потомъ, была начертана тѣмъ же Артамономъ Дормидономъ тотчасъ же послѣ состоявшагося примиренія.

Платье принесла намъ Пелагея Егоровна.

Она такъ понравилась французу, что тотъ даже остолбенѣлъ, увидавъ ее.

— Вотъ это настоящая красавица!—шепнулъ онъ мнѣ, пожирая глазами, Пелагею Егоровну.—*Diable, qu'elle est belle!*

Замѣтила француза и Пелагея Егоровна. Она лукаво улыбнулась, словно поняла его, лукаво посмотрѣла на него большими карими глазами, но тотчасъ же опустила ихъ и покраснѣла.

— Это вамъ платье?—спросила она.

— Намъ, намъ,—подхватилъ французъ.

— Господи!—вскрикнула она, всплеснувъ руками.—Гдѣ это вы такъ-то перемочились?

— Тамъ, тамъ, рѣка, вода.

— Въ воду попали?

— Да, да... вотъ такъ,—и французъ махнулъ по горлу.

Пелагея Егоровна засмѣялась.

— А вы не изъ русскихъ, должно?—спросила она.

— *Франсэ, sous-lieutenant de la grande armée.*

— Изъ французовъ?—спросила она.

— Да, да...

А самъ подошелъ къ ней и обнялъ за талию.

— Позвольте, пустите,—засмѣялась она.

— О, мой—твой!—бормоталъ французъ.

— Вотъ вамъ платье,—говорила она, вырываясь изъ объятій француза, и, положивъ платье на кровать, выбѣжала вонъ.

— О!—заговорилъ онъ по-французски, когда Пелагея Егоровна вышла изъ комнаты,—теперь я буду приходить сюда каждый день. Она прекрасна, какъ древняя Фрина. Не правда ли, мой старый другъ,—продолжалъ онъ,—мы будемъ приходить сюда?... Ахъ, какъ она хороша!... Непремѣнно посвящу ей *ноктурно*... У меня есть одно... Какъ хороша!

Я, конечно, согласился, хотя и не находилъ въ Пелагею Егоровну никакой особой красоты. По-моему, это была просто-на-просто русская баба, откормленная, отпоенная, румяная, съ большими карими глазами, блестящими какимъ-то лукавымъ блескомъ, и весьма напоминающая собою кормилицу. Впрочемъ, въ то время я такъ мало понималъ по части женскихъ прелестей, о Фринахъ же и не слыхивалъ, что врядъ ли и могъ быть настоящимъ оцѣнщикомъ.

Мы кое-какъ переодѣлись. На мою долю достался казакинъ изъ грубаго сукна, съ красными патронами на груди, а французу ваточный бухарскій халатъ съ продраннымъ сидѣньемъ, изъ котораго торчала вата. Опять прибѣжала Пелагея Егоровна, опять всплеснула руками, глядя на наши костюмы, забрала съ собой для просушки наше мокрое платье и, опять выскользнувъ изъ объятій француза, выбѣжала вонъ, зардѣвшись румянцемъ.

Мы перешли въ залу. Тамъ на столѣ стояла уже четвертная бутылъ съ водкой и красовалась цѣлая груда редисъ. За столомъ суетился Платонъ Иванычъ, тоже успѣвшій переодѣться въ сухой халатъ.

— Пожалуйте-съ,—кричалъ онъ, торжественно указывая на бутылъ.—Коли мало, еще подадимъ-съ.

И онъ налилъ двѣ рюмки. Меня почему-то Платонъ Иванычъ обошелъ.

— Пожалуйте-съ.

— Я пью водка, только чтобы себя тверже сдѣлать, — проговорилъ французъ, опрокинувъ рюмку и закусывая рѣдисой.—Водка хорошо, здорово,—и онъ зачѣмъ-то похлопалъ даже себя по животу.

— И вкусъ пріятный-съ, — подхватилъ налету Платонъ Иванычъ.—Лучше всякаго заморскаго вина-съ.

Подѣхалъ и прицаповавшій на лѣвую ногу Артамонъ Дормидонычъ. Одѣтъ онъ былъ по-цыгански—въ широкихъ шароварахъ, въ суконномъ казакинѣ, перетянутомъ наборнымъ ремнемъ, и красной шелковой рубахѣ.

Платонъ Иванычъ пришелъ въ неописуемый восторгъ. Онъ растопырилъ руки, облапилъ Артамона Дормидоныча и принялся неуклюже вертѣться съ нимъ по комнатѣ.

— Только тебя и недоставало!—кричалъ онъ.—Бучеръ твой при тебѣ?—добавилъ онъ, выпуская, наконецъ, изъ объятій Артамона Дормидоныча.

— Конечно. А что?

— Хочу, братецъ, хоромъ похвастаться.

— Можно.

И Платонъ Иванычъ принялся суетливо знакомить насъ съ Артамономъ Дормидонычемъ.

— *Шармъ*,—проговорилъ тотъ, шаркнувъ ногой.

Послѣ мы узнали, что, кромѣ нѣсколькихъ короткихъ словъ, онъ ничего болѣе по-французски не зналъ.

Французъ торжествовалъ. Онъ былъ очень радъ послушать

блажановскихъ цыганъ, надѣясь, что, вѣроятно, въ хорѣ будетъ участвовать и Пелагея Егоровна.

— Это хорошо, очень хорошо!— шепнулъ онъ мнѣ, потирая руки, и даже высказалъ мнѣ увѣренность, что ему удастся какъ-нибудь, подъ шумокъ, перекинуться съ нею нѣсколькими теплыми словами. Онъ даже весь встрепенулся какъ-то, предвкушая это блаженство (куда и дрожь дѣвалась), помолодѣлъ, повеселѣлъ и въ знакъ особаго расположенія къ Артамону Дормидонычу предложилъ ему выпить съ нимъ рюмку водки.

— *Мерси*,—подхватилъ тотъ, а когда водка была налита и когда они чокнулись, прибавилъ:—*Бонз жург*.

За то я, сидя въ своемъ казакинѣ съ красными патронами (послѣ я узналъ, что казакинъ этотъ носилъ Егоръ Мартынычъ, когда состоялъ еще при покойномъ старомъ баринѣ въ должности возачка и набивалъ трубки), имѣлъ видъ мокрой курицы. Я предчувствовалъ, что при столь веселомъ настроеніи компаніи французъ увлечется и, пожалуй, забудетъ о возвращеніи домой. Это меня очень беспокоило. Я нѣсколько разъ сообщалъ ему объ этомъ беспокойствѣ, но французъ искренно божился, что ничего подобнаго не случится, что домой мы воротимся въ-время, а если бы даже, паче чаянія, и запоздали, то никто этого и не замѣтитъ.

— Мы тихохонько проберемся къ себѣ на мезонинъ, тихохонько уляжемся,—утѣшалъ онъ меня,—а утромъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сойдемъ внизъ. Вотъ если бы, — продолжалъ онъ, — отецъ съ матерью были дома, — ну, тогда другое дѣло. Но такъ какъ ихъ нѣтъ, то нечего и беспокоиться.

Между тѣмъ, бесѣда становилась все оживленнѣе и оживленнѣе. Оживленію этому не мало способствовала и четвертая бутылъ, къ которой бесѣдовавшіе прибѣгали не только при малѣйшей заминкѣ въ разговорѣ, но даже и въ самомъ пылу его разгара. Артамонъ Дормидонычъ оказался великимъ говоруномъ и на первыхъ порахъ положительно забилъ своею болтовней остальную компанію, въ особенности же Платона Иваныча. Пока тотъ «мымыкалъ», мигалъ глазами и собирался вымолвить слово, онъ высыпалъ ихъ цѣлыми десятками. Онъ только и прерывалъ свои разговоры, когда приказывалъ своему возачку подать трубку. Возачекъ этотъ, мальчуганъ лѣтъ пятнадцати, а равно и кучеръ, обладавшій басомъ, оба были крестниками Платона Иваныча, оба ходили на Артамона Дормидоныча какъ двѣ капли воды и оба значились по метрикамъ незаконнорожденными дѣтьми какихъ-то бесѣдовскихъ крѣпостныхъ дѣвокъ.

Наконецъ, подали и обѣдъ.

Передъ обѣдомъ заставили и меня выпить водки.

— Выпей, выпей,—говорилъ французъ.—Здорово, хорошо.

Я выпилъ.

Это очень понравилось Артамону Дормидончу.

— Прекрасно,—говорилъ онъ,—прекрасно, приучайтесь, молодой человекъ, приучайтесь.

Вмѣсто селянки и жаренаго барана, Егоръ Мартынычъ изготвилъ намъ окрошку и яичницу, но всё были такъ голодны, что никто и не замѣтилъ этого измѣненія въ обѣденномъ меню. За обѣдомъ Артамону Дормидончу пришлось замолчать, такъ какъ на этотъ разъ разговоромъ завладѣлъ французъ, успѣвшій выпить еще нѣсколько рюмокъ. Онъ принялся рассказывать про свои любовныя походы, рассказывалъ все это ломанымъ русскимъ языкомъ, немилосердно коверкалъ слова (чепчикъ, напимѣръ, называлъ щепочкой, осла—козломъ, соловья—маленька птичка съ большою горла и т. д.), но за то всё эти рассказы были до того пикантны и остроумны, что вся компанія, въ томъ числѣ и я, хохотали до упада. Французъ увѣрялъ, что все рассказанное случилось съ нимъ частью въ Парижѣ, частью во время походовъ; припуталъ къ одному изъ рассказовъ Наполеона, называлъ поименно нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, но потомъ, когда я возмущалъ и ознакомился съ классическими произведеніями Боккачіо и припомнилъ рассказы француза, я убѣдился, что всё они были только почерпнуты изъ произведеній этого писателя.

Однако, выпитая рюмка не замедлила воздѣйствовать на меня. Я чувствовалъ, что голова моя кружилась, что въ глазахъ забѣгали какіе-то круги, что весь я ослабъ какъ-то, а потому, какъ только кончился обѣдъ, незамѣтно ушелъ въ спальную Платона Иваныча и упалъ на его постель, чуть не раздавивъ двухъ «дипломовъ».

Я не помню, долго ли я спалъ... Помню только, что я былъ разбуженъ какимъ-то крикомъ, долетавшимъ до меня изъ сосѣдней комнаты. Я долго не могъ понять, что бы значили эти крики? Сперва мнѣ представилось, что въ домѣ пожаръ, но, не замѣчая вокругъ никакой бѣготни и суеты, я порѣшилъ, что, вѣроятно, опять произошла драка или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но когда долетѣли до меня слова какой-то разухабистой пѣсни, топанье каблучковъ, выбивавшихъ дробь, гамъ, свистъ, звуки гитары и бубна, я вспомнилъ о хоровомъ пѣніи и нѣсколько успокоился. Меня тревожило одно только, это — возвращеніе домой, котораго я, по всей вѣроятности, дождусь не скоро.

Когда я вошелъ въ залу, то передо мной раскрылась слѣдующая картина: вся комната была переполнена табачнымъ дымомъ, въ облакахъ котораго видѣлся цѣлый табунъ разодѣтыхъ по-праздничному дѣвокъ, изображавшихъ доморощенный хоръ цыганокъ. Во главѣ этого хора, съ гитарой въ рукахъ, красовался Артамонъ Дормидонычъ. Онъ всею пятерней неистово колотилъ по струнамъ, притопывалъ хромою ногой, молодецки поводилъ плечами, подсвистывалъ и, видимо, изображалъ изъ себя самаго отчаяннаго цыгана. Въ глубинѣ хора, потрясая бубномъ, возвышалась мрачная фигура кучера-баса. Басъ у него дѣйствительно былъ здоровенный и дѣйствительно онъ, «словно тулупомъ», прикрывалъ имъ весь хоръ. Въ переднемъ углу на подоконникѣ, уцѣпившись обѣими руками за косяки, сидѣлъ Платонъ Иванычъ. Онъ былъ совершенно пьянъ, что-то мычалъ и, видимо, ничего не понималъ и не видѣлъ. Но на него никто не обращалъ вниманія, ибо взоры всѣхъ были исключительно сосредоточены на французѣ и Пелагеѣ Егоровнѣ, отплясывавшихъ трепака. Су-льетенанъ былъ выше всякаго описанія. Подобралъ полы бухарскаго халата, онъ выкидывалъ ногами такія антраша, что даже не вѣрилось глазамъ. Онъ то вскидывался всѣмъ корпусомъ на воздухъ, то падалъ на полъ. Ноги у него такъ и мелькали. То сгибая, то вытягивая ихъ, то выбивая ими дробь, онъ, въ то же время, молодцовато покручивалъ усь, поводилъ плечами и не спускалъ глазъ съ Пелагеей Егоровны. Та въ свою очередь не отставала отъ него. Потрясая всѣмъ корпусомъ и словно плавая вокругъ француза, извивавшагося передъ нею мелкимъ бѣсомъ, она поманивала платочкомъ и такъ задористо пронизывала его взглядами, такъ лукаво улыбалась ему, что будь Платонъ Иванычъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, онъ всенепремѣнно схватилъ бы палку и избилъ бы ее до полусмерти. Но Платонъ Иванычъ былъ и слѣпъ, и нѣмъ. Не замѣчалъ ничего и другъ его Артамонъ Дормидонычъ, занятый дирижерствомъ и, видимо, находившійся въ какомъ-то музыкальномъ оупьяненіи. Ему было не до того. Онъ продолжалъ бить по струнамъ, притопывать, присвистывать и только изрѣдка вскидывалъ глазами на баса, когда тотъ, увлекшись, черезъ-чуръ уже «накрывалъ тулупомъ».

Такъ продолжалось съ полчаса. Наконецъ, Артамонъ Дормидонычъ изнемогъ и бросилъ гитару.

— Нѣтъ,—вскрикнулъ онъ, обливаясь потомъ и махая платкомъ на разгорѣвшееся лицо,— больше не могу, хоть зарѣжьте!
Фатиге, тре боку...

— Мой тожъ... совсѣмъ нѣтъ нога, — подхватилъ французъ.

И оба они для подкрѣпленія силъ подошли къ водочному столу.

— *Votre santé* — проговорилъ французъ, опрокидывая рюмку.

— *Мерси... Бонъ журъ*. А вы отлично пляшете, — замѣтилъ Артамонъ Дормидонычъ. — *Тре жолли*... Развѣ въ Парижѣ трепаба пляшутъ?

— Мой Москва учился... Я цыганскій любитель.

— Любите цыганъ?

Французъ только глаза къ небу поднялъ.

— «Лучина-а-а», — запѣлъ вдругъ Платонъ Иванычъ благимъ матомъ, но какъ-то сорвался съ подоконника и пометѣлъ на полъ. — «Березова-а-ая», — продолжалъ онъ, лежа вверхъ брюхомъ, но явился Егоръ Мартынычъ, подозвалъ баса и «лучинушку» оттащили въ спальную. Хоръ былъ распущенъ и пѣніе прекратилось.

— Трубку! — крикнулъ Артамонъ Дормидонычъ возачку и, затѣмъ, оборотаясь ко мнѣ, спросилъ: — Ну-съ, молодой человекъ, а вамъ какъ понравилось наше пѣніе?

— Очень.

— Не правда ли, что «Человекъ съявь жито» было исполнено идеально?

— Я этого не слыхалъ.

— Какъ, не слыхали?

— Нѣтъ.

— А «Вышла Таня на крыльцо»?

— Тоже... Я очень крѣпко спалъ.

— Вы проспали «Таню»? — вскрикнулъ онъ, всплеснувъ руками.

— Проспалъ.

— А «Настасью»?

— И ее.

— Что же вы слыхали?

Я сказалъ.

— Нда-а, — промычалъ онъ, скорчивъ какую-то, не-то кислую, не-то презрительную мину. — Значить, строго говоря, вы ничего не слыхали, а видѣли только одну пляску... Жаль, очень жаль!.. А послушать было чего... Было-съ, было-съ...

И вдругъ, обратясь къ козачку, крикнулъ:

— Трубку!

Я воспользовался этимъ моментомъ, чтобы утащить домой француза, но, увы, въ комнатѣ его не оказалось. Какъ видно, онъ предупредилъ меня и тоже, воспользовавшись моментомъ, куда-то исчезъ. Однако, на этотъ разъ я порѣшилъ принять крутыя мѣры,

а именно: разыскать француза, предложить ему немедленно отправиться домой, а въ случаѣ отказа бросить его и ѣхать домой одному. «Чортъ съ нимъ! — думалъ я. — Пускай почуветь, коли хочеть, а ужь я не останусь, довольно!»

И, остановившись на этомъ, я пошелъ разыскивать француза. Прежде всего, я отправился въ комнату Пелагеи Егоровны, предполагая найти его тамъ, но ни его, ни экономки на «черной половинѣ» не оказалось. Тамъ сидѣли только двѣ дѣвки изъ хора и грызли сѣмячки.

— Француза здѣсь нѣтъ?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А Пелагея Егоровна гдѣ?

— Онѣ сюда не приходили-съ.

Я вышелъ на крылечко, обошелъ весь дворъ, побывалъ въ конюшнѣ, въ каретникѣ, заглянулъ въ людскую, на скотный, въ баню, но француза не было нигдѣ и никто изъ попадавшихся мнѣ людей его не видалъ. Я начиналъ уже злиться. А солнце, между тѣмъ, садилось и до сумерокъ оставалось не много. «Нѣтъ,—думалъ я,—нечего и разыскивать!... Пока я найду его, пока разыщу лодку, а солнце тѣмъ временемъ сядетъ и придется вернуться домой только ночью»... И я направился къ берегу пруда, къ тому мѣсту, гдѣ мы оставили лодку. Но каково же было мое изумленіе, когда я увидалъ француза, выходящаго изъ небольшой березовой рощицы, возвышавшейся въ нѣсколькихъ саженихъ отъ усадьбы.

— Гдѣ ты пропадаешь?—кричалъ онъ, изумленно растопыривъ руки.

— Нѣтъ, гдѣ вы-то пропадали? — вскрикнулъ я, не на шутку обозлившись на француза.

— Я искалъ, искалъ тебя, — продолжалъ онъ, словно и не слыша моего возраженія. — Весь дворъ обѣгалъ, даже всѣ ноги отбилъ себѣ... Ты, кажется, съ ума сошелъ! Когда же мы домой-то попадемъ? Къ разсвѣту? Развѣ можно быть такимъ неаккуратнымъ?... Ну, хорошо, что родителей нѣтъ, — продолжалъ онъ, — а представь, если бы они были дома? Тогда и тебѣ досталось бы, и мнѣ. Развѣ это хорошо? Положимъ, увлеченіе свойственно человѣку, — тараторилъ онъ, размахивая руками, — я самъ увлекался въ твои годы, иначе человекъ походилъ бы на манекена, но всему есть мѣра, всему есть границы. Однако, — вскрикнулъ онъ, перемѣнивъ тонъ, — бросимъ этотъ разговоръ и пойдемъ искать нашу лодку! Идемъ, идемъ!

Я уже не возражалъ французу и молча послѣдовалъ за нимъ.

Наконецъ, лодка была найдена и мы отправились въ путь. Я, по-прежнему, сѣлъ на корму и принялся за весла, а французъ забрался на носъ.

— Ну, товарищъ, — говорилъ онъ, усаживаясь, — я до того усталъ и до того мнѣ хочется спать, что работать веслами я положительно не въ состояніи. Ужь ты займись ими, а я хоть сколько-нибудь вздремну. Я усталъ, какъ собака.

И, проговоривъ это, онъ свернулся въ комокъ, подложилъ кулакъ подъ голову и вскорѣ успокоился.

А, между тѣмъ, ночь наступила. Зажались звѣзды, задымился туманъ и знойный лѣтній день смѣнился прохладною и влажною ночью. Было такъ темно, что я съ трудомъ различалъ камышъ отъ воды. Все это какъ-то слилось въ одно безцвѣтное, въ одну какою-то темную массу, такую же темную, какъ и сама ночь. Лодка то и дѣло врѣзывалась въ камыши и мнѣ стоило не малыхъ усилий снова вытолкнуть ее на воду. Опять начали подниматься стаи утокъ, испуганныхъ нашимъ внезапнымъ появленіемъ, и опять, кружась надъ самою головой, наполняли воздухъ свистомъ крыльевъ и шумнымъ крикомъ. За то, когда онѣ упали на воду, когда, успокоившись, умолкали, когда замиралъ послѣдній скользяшій шумъ воды отъ ихъ паденія, тишина снова воцарялась, да такая тишина, что даже не ускользалъ отъ слуха зудящій пискъ комара.

Я не чаялъ выбраться изъ этого пруда, гдѣ то и дѣло приходилось объѣзжать камыши и лавировать въ протокахъ, какъ по узкимъ, извилистымъ дорожкамъ незнакомаго лѣса. Я боялся заплутаться въ этихъ протокахъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ того мѣста, гдѣ впадала въ прудъ наша рѣка, правда, тоже извилистая, но которую я зналъ, какъ свои пять пальцевъ. А! вотъ и она! Я почувствовалъ себя, какъ дома, прибодрился, повеселѣлъ и усердно принялся работать веслами. Мнѣ казалось, что даже и лодка встрепенулась, что и она, почуявъ себя дома, гордо подняла грудь и быстро полетѣла впередъ по гладкой поверхности воды.

Тамъ, на рѣкѣ, все было тихо. Не поднимались шумно стаи утокъ, не заставляли меня испуганно вздрагивать, а все, напротивъ, словно притаялось, словно заснуло, такимъ же тихимъ сномъ, какимъ спалъ, свернувшійся въ клубокъ, су-льетенанъ. Спала рѣка, спали берега, покрытые кустами тальника и вербы, спала земля и только вотрепенулось одно небо и, какъ будто на смѣну землѣ, закипѣло жизнью. Тамъ, на этомъ небѣ, происходило, правда, не слышное, но за то видимое глазомъ оживленіе. Тамъ зажигались таинственными ругами караваны звѣздъ, медленно выплывала лу-

на, гдѣ-то далеко гудѣли раскаты грома, вспыхивала зарница, изрѣдко срывались звѣзды и, прочертивъ на темномъ фонѣ неба огненную царяпину, гдѣ-то далеко потухали. Задвигались легкія, какъ пухъ, облака и, налетая на серебряный дискъ луны, словно дымкой, окутывали землю. Да, тамъ все пробуждалось и чуть замѣтный вѣтерокъ, какъ дыханіе неба, какъ отголосокъ этого далекаго пробужденія, чуть слышно нашептывалъ о немъ уснувшей землѣ. А земля дѣйствительно спала и нѣжилась въ объятіяхъ ночи.

На берегу мелькнулъ огонекъ. Проѣзжая утромъ, я замѣтилъ, какъ косцы, собираясь завтракать, разводили этотъ огонекъ. Они подвладывали въ него сухіе сучья, раздували его и сучья съ трескомъ разгорались, объятые огненными языками. Тогда копошились вокругъ костра люди и шумно о чемъ-то говорили, а теперь уснули косцы, уснулъ и огонь. Онъ только изрѣдка вспыхивалъ и тотчасъ же потухалъ. Зашевелился кто-то и на берегу.

— Бумъ! — послышался чей-то голосъ въ просонкахъ.

Отвѣта не было.

— Бумъ, а кумъ!

— Ну? — спросилъ кто-то соннымъ голосомъ.

— Веребочка-то у котелка не перегорить?

— Зачѣмъ?

— Сними лучше... пригодится.

Я проѣхалъ мимо потухавшаго костра и видѣлъ, какъ бумъ снялъ котелокъ, затопталъ ногами огонь и снова рухнулъ на землю.

А вонъ вдали и нашъ паркъ, а за паркомъ и церковь. Блеснулъ крестъ на колокольнѣ и загудѣлъ колоколъ. Это сторожъ билъ часы. Боже мой, неужели двѣнадцать? Не даромъ сонъ такъ и клонитъ меня. Однако, что же это за огоньки мелькаютъ въ паркѣ? Мелькаютъ и пропадаютъ, словно бѣгаютъ по вѣстамъ и деревьямъ. Ужъ не волки ли? Нѣтъ, для волчьихъ глазъ огоньки эти слишкомъ велики. Они похожи скорѣе на свѣтъ, падающій изъ оконъ дома и мельбающій въ деревьяхъ по мѣрѣ движенія лодки. Попробую остановить ее. Такъ и есть. Остановилась лодка — остановились и огоньки. Но зачѣмъ же въ домѣ огни, когда тамъ нѣтъ никого? Неужели старая няня, въ ожиданіи насъ, распорядилась освѣтить домъ? Бъ чему? Зачѣмъ?

Наконецъ, мы подплыли къ аллеѣ, упиравшейся въ домъ, и онъ стоялъ передо мной, какъ на ладони. Въ залѣ горѣли огни. Я остановилъ лодку и разбудилъ француза.

Немного погодя мы входили въ ярко освѣщенную переднюю и,

о ужасъ, лицомъ къ лицу встрѣтились съ матушкой. Она, видимо, поджидала насъ и, заслышавъ наши шаги, поспѣшила на встрѣчу.

— Наслу-то!—вскригнула она, но, оглядѣвъ насъ съ ногъ до головы, всплеснула руками и умолкла.

Французъ растерялся, принялся извиняться, шаркать ногами, молоть какую-то ерунду, немилосердно лгать, а я стоялъ и чувствовалъ, что ноги мои подкашиваются и что я вотъ-вотъ упаду на полъ.

Боже мой, только теперь замѣтилъ я, что мы оба стоимъ передъ матушкой: я въ казакинѣ съ патронами, а французъ въ знаменитомъ бухарскомъ халатѣ съ продранными сидѣньемъ, изъ котораго влочками моталась вата.

Въ попыхахъ мы и забыли про свое просушивавшееся платье.

На слѣдующій день всѣ наши похождения сдѣлались извѣстными и *су-льтенантъ де грандъ армэ* былъ уволенъ, а мою кровать снова перенесли въ дѣтскую. Однако, я слышалъ, что отъ насъ французъ переѣхать къ Баклажанову, у котораго и прогостилъ все лѣто.

И. Саловъ.

Исторія пѣсни.

Ты родилась невинно-свято:
Предъ полудикою толпой
Сложилъ и спѣлъ тебя, когда-то,
Гусляръ Гомеръ, старикъ слѣпой.

Окрѣпла ты въ душѣ поэта,
Дитя его волшебныхъ грѣзъ,
И онъ тебя, храня отъ свѣта,
Въ лѣса Эллады перенесъ.

Тамъ Фавны съ Нимфами и Эхомъ
Встрѣчали радостно пѣвца
И восклицали съ громкимъ смѣхомъ:
— «Онъ будить спящія сердца!

Какъ сладко онъ поетъ для грека
И для боговъ!... Среди небесъ
Плѣнится пѣсней человѣка
Самъ громовержецъ, самъ Зевесъ»...

Все молодое, все живое
Бъ тебѣ неслоь... Подъ барбитонъ
Съ вакханкой пѣлъ: «Эванъ! Эвое!»
Съдой пѣвецъ Анакреонъ.

Тянулся съ пѣсней вѣкъ за вѣкомъ.
Эллада пала. Грозный Римъ
Изрекъ предъ слабымъ человѣкомъ:
— «Придемъ, увидимъ, покоримъ!»

Прославились земные боги
Латинской пѣснью, но она,
Явившись къ цезарямъ въ чертоги
Была безстрастно-холодна.

Римъ погибалъ, любви не зная...
 И вдругъ—божественно-чиста—
 Въ немъ зазвучала пѣснь иная
 Во имя братства и Христа.
 Не слышно было въ ней веселья;
 Она неслась не изъ долинъ;
 Она укрылась въ подземелья,
 Въ толпу спасенныхъ Магдалинъ.
 Не спасся только Римъ великій:
 Къ его стѣнамъ, свирѣпъ и смѣлъ,
 Примчался грозно варваръ дикій
 И пѣсней страшной загремѣлъ.
 Блпѣли, двигаясь, народы;
 Настало царство для Атилъ;
 Но голосъ ихъ твоей свободы
 Не побѣдилъ, не прекратилъ.
 Тебя запѣли менистрели—
 «Въ честь вѣрности и красоты»...
 Твердые рыцарей истлѣли,
 Но съ ними не погибла ты.
 Ты снова съ нѣгой южной, жаркой
 Въ терцетахъ дивныхъ раздалась,
 Воскресла съ пламеннымъ Петраркой
 И съ Тассомъ къ небу понеслась.
 Ты измѣнялась безпрестанно,
 Живое вѣчное дитя!
 Германецъ пѣлъ тебя туманно,
 Французъ—играя и шутя.
 Родная пѣсня! Въ русскомъ полѣ,
 Подъ темнымъ небомъ, въ злой ночи,
 О свѣтлыхъ дняхъ, о лучшей долѣ
 Святой пророчицей звучи!

Л. Трѣфалевъ.

СМЕРТНЫЙ БОЙ *).

(Повѣсть).

XXV.

Уже мѣсяца два Владиміръ Ивановичъ не получалъ никакихъ пакетовъ отъ Борзенковой. Другими словами, два мѣсяца уже онъ не испытывалъ того особеннаго мучительнаго состоянія, когда ждешь чего-нибудь непременно свернаго и нѣтъ никакой надежды на то, что оно можетъ хотя бы случайно оказаться хорошимъ. Но онъ до такой степени свыкъся съ мыслью, что въ домѣ у него все идетъ какъ слѣдуетъ, что пересталъ ждать этихъ пакетовъ. Онъ ходилъ на главную почту, получалъ газеты и письма и все собирался перевести свой адресъ на квартиру. Но такъ какъ въ послѣднее время стали подумывать о переѣздѣ на ту сторону Сены, чтобъ Ольгѣ Сергѣевнѣ удобнѣе было ходить на лекціи, то онъ воздерживался. Это было бы уже давно рѣшено, если бы не то обстоятельство, что Дарьѣ Степановнѣ приходилось ходить на урокъ пѣнія въ этой мѣстности, недалеко отъ оперы. Такимъ образомъ, дѣло о переѣздѣ стояло въ неопредѣленномъ положеніи.

И онъ съ особенною силою почувствовалъ тревогу, когда однажды вмѣстѣ съ газетами и обыкновенными письмами получилъ пакетъ, надписанный знакомою рукой Борзенковой. По обыкновенію, оттуда, прежде всего, вывалилась маленькая записочка, на этотъ разъ написанная очень спѣшно. Борзенкова писала: «Хотя ничего особеннаго, но все же и хорошаго мало, а потому на всякій случай посылаю и это». Вотъ и вся ея записка. А письмо къ ней Ольги Сергѣевны заключалось въ слѣдующемъ:

«Милая Лиза, ты давно уже, должно быть, замѣтила, что я усвоила себѣ юмористическій тонъ. И въ самомъ дѣлѣ я какъ-то не-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

волью на все научилась смотреть юмористически. Дошло даже до того, что я сама себя не могу видеть без улыбки. Если бы ты знала, какъ я мало похожа на ту Ольгу, которую описывала тебѣ въ моихъ первыхъ письмахъ! Помнишь, какъ я увлекалась Парижемъ, его театрами, бульварами, всевозможными кафе, музеями, выставками и всякими чудесами, которыхъ здѣсь безчисленное множество. Теперь у меня совсѣмъ другія развлеченія. Теперь я ничего не вижу. Когда я ѣду на верхушкѣ омнибуса, направляясь въ Латинскій кварталъ, чтобы погрузиться въ изученіе начатковъ медицины (начатковъ, замѣть это, — самыхъ начальныхъ начатковъ), я совсѣмъ не смотрю по сторонамъ, я не вижу ни улицы, ни домовъ, ни прохожихъ, ни магазиновъ, я не слышу этого шума, полного жизни и радости. Но не думай, что я закрываю глаза и уши. Нисколько. Они у меня открыты и, все-таки, я не вижу, потому что не хочу видѣть. Этого можно иногда достигнуть, когда сдѣлаешь надъ собой невѣроятное усиліе. Я уже два мѣсяца не была въ театрѣ. Для меня не существуетъ очаровательной Сарры, дивной Режанъ и несравненнаго Вормса; когда я о нихъ думаю, мнѣ представляется, что они умерли. Я равнодушно прохожу мимо музеевъ и въ особенности выставокъ, которыя теперь начинаютъ здѣсь выростать, какъ грибы послѣ дождя. Однимъ словомъ, я не вижу и не слышу ничего наркотическаго, никакихъ текущихъ проявленій ума, вкуса, таланта, вѣдь, все это здѣсь проявляется не такъ ровно, спокойно и скучно, какъ у насъ, а бьетъ блестящимъ фонтаномъ и сіяетъ миллиономъ разноцвѣтныхъ огней.

«Я добросовѣстна, я необыкновенно добросовѣстна. Я не посѣщаю всѣхъ лекцій, но это оттого, что мы живемъ слишкомъ далеко отъ медицинской школы, да и, кромѣ того, я, вѣдь, еще не студентка, я пока только любительница. На-дняхъ пріѣхали изъ Россіи мои документы. Шелковскій усиленно хлопочетъ, чтобы меня приняли безъ всякаго экзамена. И въ самомъ дѣлѣ это было бы немножко смѣшно, еслибъ я, мать троихъ дѣтей, стала держать экзаменъ по ариметикѣ. Впрочемъ, по ариметикѣ я навѣрное выдержала бы, ибо мы всю жизнь повторяемъ ее, практикуясь каждое утро на счетахъ нашихъ кухарокъ. Шелковскій надѣется, что придется держать экзаменъ только по-латыни. Но я теперь латыни не боюсь. Мнѣ извѣстны всѣ пять склоненій и ужъ не помню сколько спряженій. Но все равно, это даже слишкомъ много. Какъ видишь, у меня все идетъ вполне порядочно и, пожалуй, когда пойдетъ мнѣ пятый десятокъ, изъ меня начнетъ вырабатываться дѣльная женщина. Надо тебѣ замѣтить, Лиза, что я вовсе не шутя принялась

за медицину. Ты, конечно, не подумаешь, что мною руководить непремѣнно желаніе приобрѣсти ремесло. Вовсе нѣтъ. Владиміръ еще достаточно здоровъ, зарабатываетъ хотя и немного, но достаточно, чтобъ содержать меня и дѣтей. Я же настолько уважаю его и люблю, что мнѣ никогда и въ голову не пришло бы считать эту услугу съ его стороны для меня унижительной. Нѣтъ, безъ ремесла я могу обойтись, но мнѣ хочется во что бы то ни стало быть чѣмъ-нибудь. Вѣдь, согласишься, Лиза, что изъ-за этого стѣдуетъ поработать. Вѣдь, мы только жены своихъ мужей и больше ничего. Мы мыслимы только при нихъ. Представь себѣ, что Владиміръ вдругъ такъ или иначе исчезаетъ. Я не говорю о томъ, что онъ можетъ умереть. Вообрази такой, правда, невѣроятный случай, что онъ полюбилъ другую женщину. Что же, я должна была бы, все-таки, плыть у него на буксирѣ, потому что одна не въ состояніи была бы прокормить и воспитать дѣтей. Вотъ когда мысленно поставишь себя въ такое положеніе, то и начинаешь понимать, что ты—ничто. Безъ сомнѣнія, этого со мной никогда не случится, но развѣ для того, чтобы захотѣть быть чѣмъ-нибудь, а не нулемъ, нужно ждать, чтобы надъ головой стряслась бѣда? Нѣтъ, ужъ это было бы слишкомъ по-русски. Благо, что это сознано. Вотъ я и взялась за дѣло обѣими руками.

«Владиміръ кончилъ свои наблюденія надъ политическими правами и засѣлъ за свою большую работу. Онъ ушелъ въ эту работу весь, съ головой буквально, и ничего, что до нея не касается, не видитъ и не понимаетъ. Это свойство его ума. Онъ не можетъ разсыпаться въ разныя стороны и съ одинаковымъ вниманіемъ заниматься двумя предметами, наприм., работой и женой. Я представляю себѣ, что еслибъ онъ, наприм., былъ страстно влюбленъ и въ это время ему пришлось сосредоточиться на какой-либо работѣ. Я совершенно увѣрена, что онъ безповоротно забылъ бы о предметѣ своей страсти. Мнѣ кажется, что еслибъ я на глазахъ у всѣхъ повѣсилась, то онъ этого не замѣтилъ бы и посмотрѣлъ бы на это, какъ на галлюцинацію.

«Ловичъ у насъ опять бываетъ. Хотя ты его никогда не видала, но мнѣ кажется, что въ моихъ письмахъ ты настолько уже познакомилась съ нимъ, что можешь считать его старымъ пріятелемъ. Онъ присмирѣлъ, въ рѣчахъ его совсѣмъ исчезъ сарказмъ. Онъ какъ будто утратилъ весь свой ядъ и это очень вредитъ ему, это дѣлаетъ его какимъ-то благодушнымъ и плоскимъ и лишаетъ его той оригинальности, которая прежде привлекала къ нему. Это оттого, что надежды его увеличились и шансы сильно поднялись. Мнѣ

кажется, что онъ способенъ развестись со своею женой и предложить Дашѣ формальный союзъ. Для него это означаетъ нарушеніе основного принципа его жизни. Онъ выше всего на свѣтѣ цѣнилъ личную свободу, но Даша плѣнила его до того, что онъ готовъ отказаться отъ самого себя. Что же касается Отлетова, то, по моему глубокому убѣжденію, ему не видать Даши, какъ своихъ ушей. И признаюсь тебѣ откровенно, Лиза, что я этому очень рада и немножко даже способствовала. Терпѣть не могу плоскости и бездарности, хотя бы и въ такомъ миломъ и симпатичномъ образѣ, каковъ нашъ Федоръ Александровичъ. Ты знаешь, какъ я всегда хорошо относилась къ нему, такъ точно продолжаю относиться и теперь. Онъ прекрасный человекъ, но, по-моему, ничѣмъ не заслужилъ Даши. Даша сама по себѣ ничѣмъ не выдается, но у нея есть красота, а обладаніе красотой надо заслужить. Красоты вовсе ужъ не такъ много въ природѣ, а въ особенности въ образѣ женщинъ. Много ли въ самомъ дѣлѣ у насъ дѣйствительно красивыхъ женщинъ? Такъ обладать ими должны непременно только люди выдающиеся какими-нибудь дарованіями. Они избранники и имъ принадлежатъ лучшіе дары природы, лучшія блюда на жизненномъ пирѣ, — прости мнѣ этотъ нѣсколько торжественный стиль. Ты скажешь, что и Ловичъ ничѣмъ не выдается. Но у Ловича есть деньги. Это можно сравнить съ нашею прежнею системой рекрутчины: у кого было много денегъ, тотъ, вѣдь, откупался. Богатые люди *откупаются*... деньгами... отъ дарованій.

«Даша учится пѣть. Въ самомъ дѣлѣ это оказалось не шуткой. У этой красивой мордашки дѣйствительно чудный голосъ, но бѣдняжка, она и тутъ встрѣчаетъ препятствія, — ей, вѣдь, вообще никогда не везло. Она не музыкальна, у нея нѣтъ способностей. Ей нужно годъ для того, чтобы превозмочь какую-нибудь штуку, которая другому дается въ мѣсяць. Но Ловичъ все понукаетъ ее и, вѣроятно, она чего-нибудь достигнетъ.

«Кончаю. Надѣюсь, что ты довольна моимъ спокойнымъ тономъ, который происходитъ отъ того, что и въ душѣ у меня спокойно. И такъ, поздравь же меня: я — медичка! Твоя Ольга».

Дарья Степановна занималась своимъ новымъ дѣломъ съ какимъ-то невѣроятнымъ упорствомъ. Еслибъ Ольга Сергѣевна не чувствовала къ ней особенной нѣжности, а Владиміръ Ивановичъ не считалъ себя отвѣтственнымъ за ея судьбу, то, быть можетъ, давно уже оказалось бы, что ей жить у Каширцевыхъ неудобно.

Она каждый день ходила къ профессору брать урокъ. Сперва она ходила рѣже, какъ условились они вначалѣ. Больше той сум-

мы, за какую сторговался Ловичъ, она платить не могла. Но когда обнаружилось, что у нея нѣтъ способностей и, слѣдовательно, надо вдвое больше работать, Ловичъ настойчиво предложилъ, чтобъ она взяла у него въ займы и занималась больше. И его очень удивило, что на этотъ разъ она даже и не подумала отказать. Въ прежнее время это было бы немислимо. Взять деньги у кого бы то ни было посторонняго для Даши было невозможнымъ дѣломъ, а у Ловича, который такъ настойчиво ухаживалъ за нею, въ особенности. Но теперь ею такъ овладѣло стремленіе достигнуть своей цѣли, что она просто обрадовалась его предложенію и поблагодарила его. Онъ, разумѣется, мысленно къ своимъ прежнимъ шансамъ прибавилъ еще одинъ.

Часа полтора у нея уходило на урокъ у профессора. Затѣмъ, придя домой, она каждые полчаса хотя на пять минутъ присаживалась къ піанино и пѣла свои эзерсисы. Вообще застѣнчивая, замкнутая и боявшаяся какой бы то ни было публичности, она теперь не обращала вниманія ни на кого. Будь то въ сосѣдней комнатѣ гости, будь то Владиміръ Ивановичъ, погруженный въ свою статью, ей это было рѣшительно все равно. Она сдѣлалась рабой своей затаенной мысли: выйти на самостоятельную дорогу во что бы то ни стало, перестать зависѣть отъ грошевыхъ уроковъ, отъ заботъ о чужихъ дѣтяхъ, вообще перестать жить для другихъ и начать жить полною жизнью, какой давнымъ - давно жаждала ея душа. При такихъ обстоятельствахъ она уже, разумѣется, не могла такъ добросовѣстно, какъ прежде, отдавать свое время дѣтямъ. Она занималась съ ними наскоро, спѣшно и съ видимымъ недовольствомъ. Было и другое неудобство. Какъ разъ, когда Ольгѣ Сергѣевнѣ надо было ѣхать на лекцію, Даша надѣвала шляпку, чтобъ идти къ своему профессору. И никакихъ уступокъ отъ нея ждать было нельзя. На лицѣ ея была написана такая рѣшимость не обращать ни на что вниманія, что Ольга Сергѣевна даже не рѣшалась заговорить съ нею объ этомъ. Владиміръ Ивановичъ былъ совсѣмъ погруженъ въ свою работу и теперь онъ могъ быть только очень плохую нянькой. Но все же онъ бралъ на себя эти обязанности, и когда Ольга Сергѣевна рѣшала остаться дома и пропустить лекцію, онъ насильно выгонялъ ее изъ дому, говорилъ, что откладываетъ статью, и оставался съ дѣтьми. Но статьи онъ отложить не могъ и дѣти бѣгали по комнатамъ и по корридолу, предоставленные самимъ себѣ. Они доставляли много хлопотъ госпожѣ Броникъ, которая начала уже дуться, и вообще изъ всего этого получался порядочный кавардакъ.

Однажды Ловичъ пришелъ къ нимъ именно въ такой часъ,

когда ни Ольги Сергѣевны, ни Даши не было дома. Онъ вошелъ въ кабинетъ и засталъ Владиміра Ивановича углубленнымъ въ работу. Въ то же время, изъ сосѣдней комнаты слышался визгъ. Было очевидно, что тамъ дѣти подрались.

— Голубчикъ, что это у васъ тутъ дѣлается?—спросилъ Ловичъ, съ удивленіемъ прислушиваясь къ дѣтскому крику.

— Да вотъ, какъ видишь, дамы ушли,—Ольга на лекцію, Даша къ профессору, и оставили мнѣ дѣтей. А я, знаешь, такъ устроенъ, что если оторвусь хоть на день отъ работы, то ужъ она для меня сдѣлается чужой и я заброшу ее надолго.

— Экая бѣда!—замѣтилъ Ловичъ.—Ужъ, право, не взять ли мнѣ на себя эту обязанность? Мнѣ кстати въ это время дня рѣшительно нечего дѣлать. Хочешь, я буду приходить и смотрѣть за дѣтьми?

— Ты развратишь ихъ!—полушутя замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Я-то? Ахъ, ты, старый доктринеръ! Это вы развращаете дѣтей и юношей, навязывая имъ свои взгляды на жизнь. У дѣтей не должно быть никакихъ предвзятыхъ взглядовъ. Жизнь идетъ впередъ и если они вступятъ въ нее съ твоими взглядами, то положеніе ихъ будетъ въ такомъ родѣ, какъ если-бы выпустить теперь на войну полкъ, вооруженный старинными одностволками, которыя заряжались съ дула. Вотъ это-то и дѣлаетъ ихъ безпомощными. Жизнь дастъ имъ взгляды и это будутъ самые правильные взгляды. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—они никогда и не слушаются и всегда остаются при своемъ мнѣніи. Это значитъ, что жизнь сильнѣе доктрины. Оттого-то юность всегда стоитъ въ оппозиціи къ старости.

Владиміръ Ивановичъ махнулъ на него рукой. Онъ давно уже далъ себѣ слово никогда не спорить съ Ловичемъ. Самъ онъ не отличался особенною подвижностью и изворотливостью ума, и очень часто случалось, что онъ придумывалъ непобѣдимые доводы противъ доводовъ Ловича уже тогда, когда споръ былъ давно оконченъ и о немъ пора было забыть.

Но Ловичъ въ самомъ дѣлѣ былъ хорошею нянькой. Онъ тотчасъ же предоставилъ Владиміру Ивановичу опять погрузиться въ свою работу, а самъ отправился въ сосѣдную комнату и началъ съ того, что примирилъ дѣтей, а черезъ минуту они уже сидѣли у него на колѣняхъ и слушали его розсказни.

Онъ сталъ часто заходить сюда около 11 дня и проводилъ все время до завтрака съ дѣтьми. Какъ ни оппонировалъ ему Владиміръ Ивановичъ по всѣмъ вопросамъ, какіе бы ни были затронуты, но

все же онъ не могъ въ душѣ не чувствовать къ нему благодарности за это.

Въ послѣднее время было замѣчено, что Павелъ Аркадьевичъ сталъ чаще бывать у Каширцевыхъ. Онъ приходилъ къ утреннему чаю и мотивировалъ это тѣмъ, что у него въ этой сторонѣ завелся какой-то урокъ. Послѣ чаю, когда Дарья Степановна надѣвала шляпку, чтобъ идти къ профессору, онъ тоже подымался и говорилъ, что ему по дорогѣ. Почему-то, какъ только они выходили на улицу, онъ тотчасъ же дѣлался разговорчивымъ и даже краснорѣчивымъ, тогда какъ обыкновенно онъ былъ застѣнчивъ и молчаливъ. Его любимую темой было ниспроверженіе Ловича. Онъ много говорилъ о его прошломъ, о томъ, что Ловичъ человекъ совсѣмъ другого міра, съ которымъ онъ никогда не сошелся бы, и даже очень прозначно намекалъ на то, что Дарья Степановнѣ слѣдовало бы прекратить съ нимъ знакомство. Любилъ онъ также останавливаться подолгу на описаніи своей будущности. Онъ объяснилъ Дашѣ, что вмѣстѣ съ изученіемъ медицины здѣсь, въ Парижѣ, онъ также усердно готовится на экзаменъ зрѣлости въ Россіи. Покончивъ съ ученіемъ и выдержавъ этотъ экзаменъ, онъ изберетъ себѣ какую-нибудь популярную специальность и непременно, во что бы то ни стало, добьется извѣстности. Онъ былъ въ этомъ совершенно увѣренъ и говорилъ объ этомъ не такъ, какъ говорятъ о задушевныхъ желаніяхъ, а какъ о почти совершившемся фактѣ. Во время этихъ прогулокъ Даша также познакомилась съ его взглядами на чувства. Оказалось, что женщина, которая сдѣлается предметомъ его любви, въ то же самое время, будетъ и предметомъ его поглоненія.

— Я этого иначе не понимаю!—почти восторженно говорилъ Павелъ Аркадьевичъ. — Любовь къ женщинѣ я понимаю только какъ религію. Другой религіи нѣтъ и быть не можетъ. Мнѣ кажется, что я приносилъ бы ей жертвы и молился бы ей, какъ Богу.

При этомъ онъ пылающими глазами смотрѣлъ на Дашу и усиленно краснѣлъ. Даша очень хорошо чувствовала, что въ настоящій моментъ эту религію составляетъ для него она сама, и всякій разъ, когда онъ провожалъ ее, она дрожала при мысли, что вотъ-вотъ послѣдуетъ объясненіе. И она старалась, чтобы разговоръ все время не прерывался, чтобы какъ-нибудь поскорѣе дойти до квартиры профессора и разстаться съ нимъ. Но роковой моментъ, все-таки, наступилъ и однажды Павелъ Аркадьевичъ, доведя ее до подъѣзда, задержалъ ея руку въ своей и посмотрѣлъ на нее такими глазами, что, казалось, сейчасъ набросится на нее и станетъ жи-

мать ее въ свѣихъ объятіяхъ. Она инстинктивно отодвинулась, но рука ея, все-таки, была въ его рукѣ. Онъ держалъ ее крѣпко.

— Дарья Степановна, неужели же... неужели же вы не понимаете, что я васъ люблю?—промолвилъ онъ хриплымъ и дрожащимъ голосомъ.

— Ахъ, пустите меня, Павелъ Аркадьевичъ! Это, право, не нужно, совсѣмъ не нужно!—сказала Даша и вырвала отъ него свою руку.

Надо же было непременно случиться, чтобы какъ разъ въ это время Ловичъ вздумалъ зайти къ своему пріятелю-профессору. Онъ появился на порогѣ и, повидимому, тотчасъ же понялъ, что здѣсь произошло.

— Здравствуйте, Павелъ Аркадьевичъ!—сказалъ онъ просто, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ и что нисколько не удивленъ его присутствіемъ здѣсь.

Павелъ Аркадьевичъ стиснулъ зубы и злобно посмотрѣлъ на него.

— Я не со всѣми здороваюсь, господинъ Ловичъ,—промолвилъ онъ и, круто повернувъ, даже не поклонившись Дарьѣ Степановнѣ, пошелъ по тротуару. Рука Ловича осталась въ воздухѣ. Онъ сдѣлалъ брезгливую мину и обратился къ Дарьѣ Степановнѣ.

— Можете себѣ представить,—промолвилъ онъ нервно и слегка задыхаясь,—что оскорбленіе, какъ бы оно ни было глупо и какимъ бы ничтожествомъ оно ни было нанесено, всегда, все-таки, потрясаетъ и оставляетъ глубокой слѣдъ.

— Полноте,—успокоительно сказала ему Дарья Степановна, замѣтивъ, что онъ даже поблѣднѣлъ,—онъ слишкомъ еще юнъ, чтобъ ему ставить въ счетъ.

— Ну, да, юнъ, но глаза его горятъ, какъ у взрослога звѣря... а, впрочемъ, лучше забудемте объ этомъ. Онъ, конечно, просилъ вашей любви? Ну, что-жь, я его вполне понимаю. Однакожь, за мной есть преимущество: я добиваюсь этого гораздо давиѣе.

— Почему знать?—проговорила Дарья Степановна, когда они подымались уже по лѣстницѣ.

— Это легко высчитать. Я врѣзался въ васъ съ первой встрѣчи.

— Это неправда,—вы сами говорили... Благодаря тому, что меня зовутъ Дарьей, вы долго обходили меня.

— Да потому-то и обходилъ, что врѣзался. Повѣрьте, что если

бы мнѣ было до васъ все равно, то я даже и не думалъ бы о томъ, обхожу я васъ или нѣтъ.

— Ну, полноте, — повторила Дарья Степановна, — что спорить о не существующихъ правахъ?

Она произнесла это со смѣхомъ и это возвратило Ловичу его обычное веселое настроеніе.

— И то правда, — сказалъ онъ, — а какъ поживаетъ моя пріятельница, госпожа Щупкина?

— Я ее не видала съ того знаменитаго вечера.

— Чѣмъ же онъ знаменитъ?

— Тѣмъ, что Щупкина сдѣлалась вашею пріятельницей.

Они смѣясь позвонили и вмѣстѣ вошли къ профессору.

«Однако, — думала потомъ Дарья Степановна, вспоминая объ объясненіи Павла Аркадьевича, — всѣ хотятъ отъ меня одного и того же». Въ это время она думала столько же о Ловичѣ, сколько и объ Отлетовѣ.

XXVI.

Въ Рождеству Ольга Сергѣевна сдѣлалась студенткой. Благодаря хлопотамъ Шелковскаго, это удалось ей очень легко. Она, казалось, увлеклась наукой и стала проявлять страшное усердіе. Дома она ничего не хотѣла дѣлать, ни о чемъ слышать, какъ только о своихъ книгахъ и о томъ, что она слышала на лекціяхъ. Помимо лекцій, у нея обнаружилась удивительная пытливость. Она какъ будто хотѣла опередить своихъ товарищей и все шла впередъ по книгамъ. «Я слишкомъ поздно начала учиться, а потому должна знать все раньше другихъ», — шутила говорила она. Можно было подумать, что весь остальной міръ въ самомъ дѣлѣ вдругъ для нея какъ бы умеръ. Все, еще такъ недавно поглощавшее ея вниманіе, было до того забыто, что Владиміръ Ивановичъ, Шелковскій, даже Сербова, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ усердно уговаривавшіе ее заняться наукой, начали совѣтовать ей пойти въ театръ, на выставку и вообще развлечься.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — рѣшительно возражала она. — Я люблю заниматься тѣмъ, что меня больше всего охватываетъ. Я не хочу дѣлать моего вниманія на части.

Сербова говорила, что она понимаетъ ея настроеніе. Въ первое время, когда она «дорвалась до науки», съ нею было то же самое. Ей казалось, что все, не относящееся къ ея предмету, какъ будто даже враждебно ей. При видѣ того, какъ люди увлекаются другими ве-

щами, на нее нападало что-то похожее на ревность, словно эти люди оскорбляли ее науку. Потомъ это прошло и она стала относиться къ дѣлу болѣе здраво. Теперь она тоже ничѣмъ не занимается, кромѣ своей медицины, но ужъ это по необходимости, просто потому, что добросовѣстное изученіе требуетъ слишкомъ много времени.

Ольга Сергѣевна уходила на лекціи въ девять часовъ утра и приходила домой къ обѣду. За обѣдомъ она сидѣла усталая, блѣдная, но оживленіе не покидало ее. Напротивъ, она казалась возбужденной. Послѣ обѣда, поболтавъ съ полчаса съ мужемъ и съ дѣтьми, она садилась за книги, въ которыхъ были у нея начатыя и законченныя статьи. А къ десяти часамъ на нее нападала такая усталость, что она ложилась въ постель, засыпала съ головою болью и спала, какъ убитая.

— Вотъ, — говорила она Дарьѣ Степановнѣ, — можетъ быть, и мы съ вами, Даша, выйдемъ въ люди!

Дарья Степановна смотрѣла на нее и качала головой, —этотъ выходъ въ люди, по ея мнѣнію, для Ольги Сергѣевны обходился слишкомъ дорого. Оно была теперь худѣе и блѣднѣе, чѣмъ тогда, когда они жили въ Петербургѣ.

— Если это будетъ такъ же истощать васъ и дальше, — говорила она, — то Богъ знаетъ, до чего это дойдетъ.

— Иначе нельзя, Даша, — говорила ей Ольга Сергѣевна. — Такимъ, какъ я, проживавшимъ такую жизнь и отдавшимъ ей большую половину своихъ силъ, нельзя добиться никакихъ серьезныхъ результатовъ безъ большой натуги. Мужчины этого не понимаютъ. Для нихъ умственная работа — дѣло обычное. Они преодолеваютъ трудности машинально, по привычкѣ, да и, кромѣ того, они не растрачиваютъ такъ свои силы на другія вещи. Мужчины, вѣдь, не рожаютъ, и когда дѣло касается нашихъ страданій, то они дѣлаютъ избытныя ссылки на то, что если это устроено природою, то, значить, и въ порядкѣ вещей. Они, кажется, думаютъ, что когда мы рожаемъ дѣтей, то этимъ укрепляемъ наши силы. Мужчины не болѣли о дѣтяхъ такъ, какъ болѣютъ женщины. Въ сущности, они даже не понимаютъ, что значить болѣть о дѣтяхъ, когда малѣйшее страданіе ребенка отражается въ сердцѣ матери. Вы никогда не были матерью, Даша, и тоже, можетъ быть, не поймете этого. Но повѣрьте мнѣ, что когда ребенокъ болѣнъ и страдаетъ, то и мать точно такъ же больна и страдаетъ. Она переживаетъ тѣ же муки, что и онъ, только при этомъ онъ еще сильнѣе, потому что сознательнѣе. Я это испытала въ особенности въ Петербургѣ, когда у

Вари была скарлатина. Полтора мѣсяца я почти не выходила изъ комнаты. Полтора мѣсяца я почти не спала. Еще болѣзнь не такъ мучительна, но затѣмъ пошли осложненія, ушная боль, и это ужасное леченіе. Больныя дѣти страшно раздражительны. Нѣтъ болѣе требовательнаго существа, болѣе безжалостнаго, какъ больной ребенокъ. Эта тиранія ужасна и мать должна безпрекословно подчиняться ей. Вы знаете, что мнѣ иногда приходилось просиживать неподвижно, не шелохнувшись, по нѣсколько часовъ кряду, потому что этого требовала моя дѣвочка. Мужчины обыкновенно противопоставляютъ этому свои страданія, когда они зарабатываютъ хлѣбъ... Но, Боже мой, это такіе пустяки, о которыхъ не стѣить и говорить! Что значить зарабатывать хлѣбъ? Это значить работать, т. е. осуществлять естественное стремленіе организма. Помоему, это только доставляетъ удовольствіе. Да я ничего такъ не хотѣла бы, какъ имѣть возможность работать!

Дарья Степановна, попрежнему, усердно посѣщала своего профессора и, попрежнему, манировала своими обязанностями по отношенію къ дѣтямъ. Но настроеніе ея въ послѣднее время какъ бы нѣсколько упало. Пѣніе ея шло очень медленно. Профессоръ не говорилъ ей по этому поводу ни слова и не дѣлалъ никакихъ мрачныхъ предсказаній, но она сама чувствовала, что почти не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ. Ловичъ какъ-то спросилъ ее объ ея успѣхахъ и она отвѣтила ему сумрачно, что едва ли изъ нея что-нибудь выйдетъ.

— Полноте, — успокоилъ ее Ловичъ, — я еще не такъ давно говорилъ по этому поводу съ вашимъ профессоромъ, и онъ, напротивъ, сказалъ, что дѣло идетъ отлично.

Но онъ просто солгалъ изъ жалости. Очень ужъ безнадежно было выраженіе ея лица, когда она говорила ему объ этомъ. У профессора онъ не былъ и не говорилъ съ нимъ, но послѣ этого разговора зашелъ. Онъ, разумѣется, ни слова не сказалъ о разочарованіи Дарьи Степановны. Онъ просто среди разговора, между прочимъ, спросилъ о томъ, какъ идутъ дѣла его ученицы. Вѣдь, это было естественно, что родственникъ интересовался ея успѣхами.

— О, у нея отличный голосъ! — промолвилъ профессоръ. — Рѣдкій голосъ!

Это уже было подозрительно, что онъ на вопросъ объ успѣхахъ усиленно хвалилъ голосъ. Ловичъ зналъ, что у Дарьи Степановны хорошій голосъ, и профессоръ зналъ, что это для него не тайна. Но главное, что при этомъ у профессора былъ какой-то таинственный, непроницаемый видъ. Вотъ это-то и показалось Ловичу подо-

зрительнымъ. Такой видъ принимаютъ люди, когда изъ деликатности хотять скрыть истину. Тогда онъ сталъ спрашивать по-дробнѣе.

— Жаль, — сказалъ профессоръ, — что у нея съ дѣтства не развивали музыкальности. Это очень помогаетъ.

И это было подозрительно.

— А какъ вы думаете, — спросилъ, Ловичъ, — сколько лѣтъ при ея музыкальности надо учиться, чтобы достигнуть чего-нибудь?

— Я думаю, что не меньше шести лѣтъ, — мрачно отвѣтилъ профессоръ.

«Ого! — подумалъ Ловичъ, — что на это скажетъ Дарья Степановна?»

Онъ не хотѣлъ держать ее въ заблужденіи, а, съ другой стороны, не въ его расчетахъ было играть роль палача. Поэтому онъ рассказалъ о своемъ разговорѣ съ профессоромъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, рассчитывая, что она скажетъ Дашѣ и что первое впечатлѣніе объ этой новости не будетъ связано съ его особой. Такъ и случилось.

Ольга Сергѣевна рассказала объ этомъ Дашѣ, и въ глазахъ Дарьи Степановны выразился ужасъ.

— Шесть лѣтъ! — воскликнула она. — Но когда же жить? Вѣдь, это ужасно!

Владиміръ Ивановичъ кончилъ свою статью. Это оказалось полезнымъ, прежде всего, для дѣтей, такъ какъ теперь у него было много свободнаго времени. Онъ возился съ ними, водилъ ихъ гулять, возилъ даже въ театръ на утренніе спектакли. Между прочимъ, онъ опять сдѣлался наблюдательнымъ и сталъ присматриваться къ тому новому режиму, который установился въ домѣ и былъ для него почти новостью, потому что во время занятій статьею онъ не обращалъ на него вниманія. Онъ впервые обратилъ серьезное вниманіе на то, что Дарья Степановна вся отдалась пѣнію. Онъ поставилъ себѣ вопросъ: какое это можетъ имѣть отношеніе къ ея предполагаемому замужству съ Отлетовымъ? Однажды онъ спросилъ ее:

— Скажите, Даша, Отлетовъ знаетъ о томъ, что вы учитесь пѣть?

— Нѣтъ, не знаетъ, — отвѣтила Даша.

— Но какъ же? Вѣдь, вы, вѣроятно, готовитесь на сцену? Вѣдь, это довольно близко касается и его.

— Почему? — спросила Даша.

— Странный вопросъ! Развѣ ужъ онъ болѣе не женихъ вашъ?

— У насъ ничто не измѣнилось, — уклончиво отвѣтила Дарья Степановна.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, что вы должны объяснить ему это.

— Но я знаю навѣрное, что онъ этого не одобритъ, — отвѣтила Дарья Степановна.

— Значитъ, вы сознательно дѣйствуете противъ его желанія?

— Я дѣйствую по своему желанію, Владиміръ Ивановичъ. Я думаю, что пока еще я могу это дѣлать.

— Что значить: пока еще?

— Пока еще я не вышла замужъ.

— А развѣ когда выходятъ замужъ, то перестаютъ дѣйствовать сообразно съ своими желаніями?

— Не совсѣмъ, — отвѣтила Даша. — Но тогда являются желанія общія, большею частью вынужденныя положеніемъ и обстоятельствами, а это не то, что мои личные желанія.

— Все это, можетъ быть, и такъ, но я думаю, Даша, что вы должны бы сообщить ему объ этомъ. Сколько мнѣ помнится, онъ не рассчитываетъ слишкомъ надолго откладывать жениться.

— А я не думаю торопиться, — отвѣтила Дарья Степановна такимъ тономъ; которымъ прекращаютъ разговоръ. И она сейчасъ же занялась чѣмъ-то и, такимъ образомъ, разговоръ самъ собою прекратился.

Скоро явился новый, еще болѣе интересный матеріалъ для наблюденій Владиміра Ивановича. Ловичъ въ высшей степени добросовѣстно слѣдилъ за всѣмъ, что могло относиться къ будущей карьерѣ Дарьи Степановны. Последнее время онъ такъ много думалъ о музыкѣ, что его можно было бы принять за профессиональнаго музыканта. Какъ только появлялась въ Парижѣ какая-нибудь музыкальная знаменитость, онъ доставалъ билеты и тащилъ Дарью Степановну въ театръ или концертъ. Они довольно часто посѣщали Большую Оперу и комическую. И все, разумѣется, съ образовательною цѣлью. Ловичъ сталъ даже кое-что понимать въ голосахъ и въ оттѣнкахъ. Онъ обращалъ иногда ея вниманіе на такія тонкости, которыхъ она сама не замѣчала. Вообще усердіе его равнялось его все возростающему чувству къ Дарьѣ Степановнѣ. У него не было никакихъ важныхъ интересовъ, а теперь онъ уже окончательно предался весь интересамъ Дашы и все свое время посвящалъ ей карьерѣ. Это сдѣлалось его болѣзнью или, какъ онъ говорилъ, его сумасшествіемъ, маніей. Иногда ему казалось, что если послѣ извѣстнаго времени онъ не достигнетъ цѣли и не овладѣетъ ею, то

онъ будетъ способенъ на то, надъ чѣмъ всегда смѣялся, — способенъ покончить съ собою; и объ этой вещи онъ разсуждалъ хладнокровно, какъ разсуждаютъ люди о неизбѣжности для всѣхъ смерти.

Однажды онъ объявилъ, что на-дняхъ назначенъ интересный концертъ въ консерваторіи, и пояснилъ, что этого рода концерты особенно важны для Даши, потому что тутъ обращается главное вниманіе на школу. Даша и сама не желала пропустить такого случая уловить что-нибудь поучительное и, разумѣется, согласилась.

— Но я долженъ васъ предупредить, — сказалъ Ловичъ, — что на этихъ концертахъ бываетъ все публика богатая и разодѣтая.

— И это необходимо? — спросила Даша.

— Совершенно, если не хотите, чтобы зрители, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на сцену, смотрѣли на васъ.

— Прибавьте: если не хочу шокировать васъ!

— О, нѣтъ, на этотъ счетъ можете быть спокойны! Если на васъ будутъ смотрѣть, то я только этимъ буду гордиться, потому что всякій, если онъ только добросовѣстный человѣкъ, позавидуетъ человѣку, сидящему съ такою красивою женщиной.

— Ну, что-жь, — сказала Даша, — въ такомъ случаѣ придется отказаться отъ этого концерта.

Ловичъ запротестовалъ.

— Это невозможно! Помилуйте, если вы будете пропускать такіе концерты, вы никогда ничему не научитесь! Это лучший способъ ускорить ваше ученье. И, главное, ничего нѣтъ легче устроить дѣло.

— Какимъ образомъ? — спросила Даша, сильно заинтересовавшись.

— Очень просто. Вы, конечно, у меня денегъ не возьмете, я это знаю. Этой чести я не заслужилъ. Но я могу устроить вамъ до безконечности легкій кредитъ. У меня есть связи въ одномъ портняжномъ учрежденіи, гдѣ шьютъ очень хорошо. Мы устроимъ такимъ образомъ, что вы будете платить минимумъ того, что можете. Какихъ-нибудь пять франковъ въ мѣсяцъ...

Можетъ быть, Дарья Степановна и поняла истинное значеніе этого необыкновеннаго кредита, — вѣдь, она уже допустила одинъ компромиссъ въ своихъ денежныхъ отношеніяхъ къ Ловичу, согласившись, чтобъ онъ платилъ профессору. Но она даже передъ самою собою прикинулась, что вѣрить въ этотъ кредитъ, и согласилась.

Через недѣлю она поразила Владиміра Ивановича и Ольгу Сергѣевну, собравшись въ концертъ и нарядившись въ очень простое и, въ то же время, чрезвычайно эффектное платье съ небольшимъ декольте. Баширцевы почти одновременно догадались, что заказъ этотъ устроилъ ей Ловичъ, но ни одинъ изъ нихъ не спросилъ ее объ этомъ. А Ловичъ, который зашелъ за нею въ чрезвычайно официальномъ фракѣ, глядя на нее, дрожалъ отъ восторга. Платье было сшито очень удачно, замѣчательно шло къ ней, она была въ немъ очаровательна. Въ концертѣ на Дашу засматривались не только мужчины, но и дамы. Ловичъ испытывалъ чувство гордости.

Недѣли черезъ три былъ домашній концертъ у госпожи Арто. Ловичъ, разумѣется, и туда досталъ приглашенія. Онъ опять возбудилъ вопросъ о платьѣ.

— Но неужели же для каждаго концерта нужно новое платье? — спросила Даша. — Почему я не могу пойти въ томъ же?

— А это я вамъ сейчасъ объясню. На всѣхъ подобнаго рода концертахъ публика почти одна и та же. Вы обратили на себя общее вниманіе, — значить, васъ замѣтили. Замѣтить женщину, въ особенности для женщинъ, значить замѣтить и ея платье. Несомнѣнно, что здѣсь на васъ будутъ такъ же смотрѣть, какъ смотрѣли тамъ, и, прежде всего, обратятъ вниманіе на то, что вы въ томъ же платьѣ.

— Но, право же, Ловичъ, это все глупости! — замѣтила Дарья Степановна. — Вы совсѣмъ забываете о цѣли, съ которою мы ходимъ на эти концерты. Вѣдь, не для удовольствія публики мы ходимъ, а для того, чтобы чему-нибудь научиться.

— Да, въ особенности я, не правда ли? — промолвилъ Ловичъ и разсмѣялся.

Но затѣмъ онъ началъ просто просить Дашу заказать новое платье, въ видѣ одолженія ему лично.

— Вотъ вы этого не понимаете, что я испытываю самое торжественное чувство гордости, когда на васъ всѣ смотрятъ и любятъ вами. Вѣдь, согласитесь сами, что это очень немного для человѣка въ моемъ положеніи — довольствоваться удовлетвореніемъ невинной гордости, въ то время, когда въ груди кипитъ... Впрочемъ, — прибавилъ онъ тономъ шутки, — не буду повторяться! Вѣдь, вы хорошо знаете, чтѣ тамъ кипитъ...

Кончилось тѣмъ, что Дарья Степановна заказала и второе платье на прежнихъ условіяхъ. Нечего и прибавлять, что оба счета были сполна уплачены Ловичемъ. Второй разъ обновка Даши

еще болѣе поразила Каширцевыхъ, чѣмъ въ первый. Ольга Сергѣевна обратила на это вниманіе вскользь. Ей было не до того, — она вся погрузилась въ свою науку. Но главное, что она тотчасъ же отнесла это къ явленіямъ извѣстнаго порядка, такъ какъ это вполне согласовалось съ ея, впрочемъ, никогда не высказанными, предсказаніями. Она почти навѣрное знала, что Даша въ своихъ отношеніяхъ къ Ловичу пойдетъ crescendo и шепетильность ея все больше и больше будетъ ступенчатая. Но Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ сильное безпокойство. Говорить объ этомъ съ Дашей онъ не считалъ себя вправѣ. Написать Отлетову, — въ этомъ было еще меньше смысла. Единственное прибіжище у него въ такихъ случаяхъ былъ Шелковскій, но и тотъ на этотъ разъ не утѣшилъ его.

— Я думаю, — сказалъ онъ, — что пора бросить тебѣ быть ея нянькой. Она уже достаточно опредѣлилась. Во-первыхъ, тамъ, гдѣ играетъ такую значительную роль Ловичъ, Отлетову нѣтъ мѣста, — насколько, разумѣется, я знаю его изъ твоихъ разсказовъ. Въ сущности, что такое для нея былъ Отлетовъ? Вѣнецъ желаній. Она вела скучную, однообразную, томительную, труженическую жизнь и, естественно, идеаломъ ея было хоть какое-нибудь спокойствіе, хоть какая-нибудь увѣренность за будущее, а все это олицетворялось именно хоть въ какомъ-нибудь да мужѣ. Вотъ это и есть все значеніе роли Отлетова. Тогда у нея былъ маленькій масштабъ жизни, а теперь, когда она пожила въ Парижѣ и увидѣла широкую, блестящую жизнь, то и масштабъ расширился. Ну, и вѣнецъ ея желаній уже другой.

XXVII.

Шпигель давно не бывалъ у Каширцевыхъ. Когда онъ явился, то это даже показалось страннымъ и въ первую минуту его не узнали. Онъ нѣсколько перемѣнился по внѣшности, — подстригся и запустилъ бородку. Но когда онъ заговорилъ, то его тотчасъ же узнали по акценту.

— Я къ вамъ отъ Шелковского, — сказалъ онъ, какъ бы въ видѣ рекомендаціи.

— А что такое случилось у него? — спросилъ Владиміръ Ивановичъ, заподозривъ, что Шелковскій болѣнъ.

— Ахъ, это исторія съ этимъ психопатомъ! — объяснилъ Шпигель.

— Психопатомъ? — Владиміръ Ивановичъ никакъ не могъ сообразить сразу, о комъ идетъ рѣчь.

— Да, съ этимъ, съ Бурдяевымъ.

— Что же съ нимъ?

— Да ничего особеннаго; то, что было. Надо отправить его домой.

Владимиръ Ивановичъ пригласилъ его садиться. На этотъ разъ Шпигель произвелъ на него какое-то особенно неприятное впечатлѣніе. Сколько разъ онъ его ни видѣлъ, всякій разъ замѣчалъ, что въ немъ какъ бы прибавилось самоувѣренности и нахальства. И ему припоминались саркастическія выходки Ловича по поводу его, какъ онъ выражался, «радикальныхъ друзей». Ловичъ спрашивалъ: «Ну, что, Шпигель вашъ еще не сдѣлался главой фракціи? Ужь, навѣрное, онъ сочинить какую-нибудь фракцію,— ну, напимѣръ, шпигелианцевъ, и будетъ отчаянно полемизировать съ другой фракціей — курдяевцевъ... Впрочемъ, вѣрнѣе, что его вышлютъ изъ Парижа за воровство, этого вашего Шпигеля. Что-то мнѣ очень подозрителенъ этотъ его вазелинъ! Искусственный вазелинъ! Гм...»

— Вы говорите, что Курдяева надо отправить домой? Значить, онъ пришелъ къ заключенію, что изъ его изобрѣтенія ничего не выйдетъ?

— Ну, нѣтъ, къ этому онъ никогда не придетъ. Но, просто-на-просто, ему здѣсь очень плохо жить. Да вотъ вамъ письмо отъ Шелковскаго.

Шелковскій писалъ: «Помоги мнѣ, Владимиръ Ивановичъ, сдѣлать доброе дѣло. Бѣдняга Курдяевъ окончательно упалъ духомъ. Его надо отправить на родину. Консульство даетъ ему билетъ до границы. А тамъ до Москвы стѣбитъ что-то около 20 рублей, да кое-что надо на пищу и извозчиковъ. У меня найдется лишнихъ франковъ десять. Сербова даетъ пять франковъ, десять еще соберу у пріятелей, а на твою долю приходится цѣлыхъ пятьдесятъ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

— Вы увидите Шелковскаго? — спросилъ Каширцевъ.

— Да, я прямо отъ васъ къ нему.

— Такъ скажите, что я сдѣлаю это.

— То-есть, иными словами, вы дадите деньги? — спросилъ Шпигель.

— Ну, да, конечно.

— Такъ, можетъ быть, вы передали бы черезъ меня?

— Но я самъ сегодня буду у Шелковскаго. Вотъ это вы ему и скажите. Попросите его, если можно, быть дома въ 8 часовъ.

Шпигелю это не понравилось. Ему приходилось думать, что

Баширцевъ, пожалуй, боится довѣрить ему пятьдесятъ франковъ. Эта мысль мелькнула у него въ головѣ. А Владиміръ Ивановичъ, въ самомъ дѣлѣ, не то что не довѣрялъ ему, а просто не хотѣлъ давать ему порученія.

Шпигель скоро поднялся и простился очень сухо. Послѣ обѣда Каширцевъ поѣхалъ на бульваръ Agad. Шелковскій ждалъ его и очень обрадовался, когда онъ пришелъ. Тутъ сидѣлъ Бурдяевъ, у котораго былъ какой-то помятый и сконфуженный видъ. Взглянувъ на него, Владиміръ Ивановичъ узналъ свои старые брюки и пиджакъ, которые на немъ за нѣсколько мѣсяцевъ до безконечности истрепались. Воротникъ пиджака былъ поднятъ, изъ чего надо было заключить, что рубашка отсутствовала. Борода Бурдяева какъ-то разрослась и раздалась въ обѣ стороны. Волосы на головѣ казались давно нечесанными. Онъ еще похудѣлъ и поблѣднѣлъ въ сравненіи съ прежнимъ, и вообще этотъ человѣкъ, который могъ бы сойти даже за красиваго, былъ запущенъ до послѣдней степени.

— Ну, что, батюшка, — обратился къ нему Владиміръ Ивановичъ, стараясь, такъ сказать, зашутить его горькое положеніе и потому дѣлая отчаянное усиліе, чтобы тонъ у него былъ легкій и игривый, — вашъ винтъ не оправдалъ надеждъ?

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то, — возразилъ Бурдяевъ, мелькомъ изподлобья взглянувъ на Шелковскаго, который очень хорошо зналъ, что это и есть именно «то», — я, просто, получилъ письмо отъ жены. Она соскучилась, ну, и я тоже... Но, разумѣется, я своего дѣла не оставляю. Бромъ того, вы видите, какъ я здѣсь обносился. Дома я поправлю свои дѣла и опять приѣду. Когда у меня будетъ приличный видъ, эти хлыщи-французы ко мнѣ иначе отнесутся.

— Когда же вы ѣдете? — спросилъ его Каширцевъ, сразу понявъ, что его не слѣдуетъ оспаривать.

— На-дняхъ, — отвѣтилъ Бурдяевъ и тотчасъ же собрался уходить.

— Такъ мы вамъ это устроимъ, — сказалъ ему на прощанье Шелковскій. — Вы билетъ до границы получили?

— Завтра получу.

— Ну, такъ завтра же, если хотите, можете и ѣхать.

Бурдяевъ сдѣлалъ по адресу Владиміра Ивановича довольно суровый и сухой поклонъ и вышелъ. Онъ находился въ томъ положеніи унижительной нищеты, когда человѣкъ начинаетъ инстинктивно ненавидѣть того, кто ему помогъ, — ненавидѣть за то, что онъ

поставленъ въ такое положеніе, что долженъ обращаться къ нему за помощью.

— Какъ видишь, онъ ссылается на всѣ причины, кромѣ дѣйствительной, — сказалъ Шелковскій. — Ни жена, ни дѣти здѣсь не приче́мъ; онъ, кажется, совсѣмъ позабылъ, какія они на видъ. Вообще, онъ не лгунъ, а положеніе заставляетъ его лгать. Съ винтомъ его дѣло очень плохо. Оказалось, что точно такой же винтъ, но, разумеется, въ болѣе совершенномъ видѣ, изобрѣтенъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. На него взята привилегія и онъ давно прижмется тамъ, гдѣ это надо. Но вотъ чего я боюсь. До границы у него билетъ, а остальное приходится дать ему въ руки деньгами. Между тѣмъ, онъ теперь дошелъ до глубокаго отчаянія и есть опасность, что, доѣхавъ до границы, а то и раньше, въ Берлинѣ, что ли, онъ ухватится за свою привычку, отъ которой здѣсь, по необходимости, отсталъ, и запынствуется. И ужъ тогда не знаю, какъ онъ доставится въ Москву. Почему-то билетовъ прямого сообщенія для третьяго класса не существуетъ. Надо поразспросить, не ѣдетъ ли кто-нибудь въ Россію, чтобъ у него былъ попутчикъ.

Владиміръ Ивановичъ дивился, до какой степени беспокоитъ Шелковского судьба всѣхъ его «призрѣваемыхъ». Онъ искренно и всецѣло отдается имъ и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока окончательно не устроятъ ихъ дѣла.

Судьба Бурдяева навела ихъ на размышленіе.

— Удивительное дѣло, — замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ, — вѣдь, онъ, кажется, филологъ? Не такъ ли? Это только у насъ на Руси водится. Филологъ вдругъ увлекается изобрѣтеніемъ какого-то винта. Почему это? Почему онъ не увлекается открытіемъ какого-нибудь литературнаго или историческаго памятника, а удаляется въ совершенно неизвѣстную ему область техники?

— Да, это вопросъ очень сложный, — отвѣтилъ Шелковскій. — Мнѣ кажется, что это зависитъ отъ общаго положенія дѣлъ. Среди нашей средней публики отсутствуютъ высшіе интересы, то-есть не самые интересы, не стремленіе къ нимъ, — напротивъ, жажда ихъ ощущается въ высокой степени, — а отсутствуетъ возможность достигать чего-нибудь въ этой области. Ихъ можно питать только въ теоріи. Можно размышлять о нихъ, говорить, пожалуй, писать, но на почвѣ дѣйствія приходится опускать руки. Человѣческій умъ этого не выносить. Онъ по натурѣ своей утилитаренъ. Ему хочется видѣть приложеніе, плоды своей работы. Ну, вотъ, за неимѣніемъ настоящаго онъ ударяется въ суррогаты. Жажда возвышеннаго мельчаетъ и превращается въ жажду чего-нибудь иного, —

хоть, по крайней мѣрѣ, не того, чѣмъ занимаешься по специальности, по обязанности. И человекъ ударяется въ какую-нибудь чужую область, ищетъ тамъ чего-то, и это для него служить суррогатомъ... И люди эти не только не глупы, а, напротивъ, большею частью выдаются изъ массы. Потому-то они и попадаютъ въ эту ловушку, что не могутъ, подобно всей сѣрой массѣ, примириться съ необходимостью вѣчно зудить одну и ту же скучную, однообразную и безжизненную ноту. Я говорилъ съ Курдяевымъ не разъ и пахожу, что онъ, когда не чувствуетъ себя стѣсненнымъ, когда не подозреваетъ, что постороннее око смотритъ на его потертый пиджакъ, или, какъ твое, напимѣръ, око, волей-неволей узнаетъ на немъ нѣкоторыя части одежды, — однимъ словомъ, когда онъ чувствуетъ себя свободнымъ, то онъ не глупъ и даже начитанъ. Послѣдніе мѣсяцы жизни нѣсколько притупили его, а эти неудачи, въ связи съ упорствомъ и желаніемъ настоять на своемъ, сдѣлали его какимъ-то пассивнымъ маниакомъ.

Затѣмъ они перешли къ домашнимъ дѣламъ Баширцевыхъ. Шелковскій спросилъ объ Ольгѣ Сергѣевнѣ, попрежнему ли она отдается наукѣ?

— О, да! Она удивительно послѣдовательна, — отвѣтилъ Баширцевъ. — Теперь я за нее совершенно спокоенъ. Жаль только, что у нея мало здоровья, но я очень рассчитываю на лѣто, — свезу ее куда-нибудь на пляжъ и она наберется новыхъ силъ.

Шелковскій скептически покачалъ головой.

— Не слишкомъ ли ты беззаботенъ, Владиміръ Ивановичъ? — сказалъ онъ. — Что касается меня, то я не такъ розово смотрю на будущее. Видишь ли, если бы теперешнее ея настроеніе, хотя бы и очень упорное, сколько-нибудь вытекало изъ предъидущаго, то я бы, можетъ быть, раздѣлилъ твою увѣренность. Но въ томъ-то и дѣло, что оно слишкомъ противоположно тому, что было раньше. Такого рода скачки ненадежны и я боюсь, не есть ли это своего рода дрящійся нервный припадокъ... У женщинъ это наблюдается. Мнѣ самому приходилось наблюдать у нихъ буквально какія-то нервныя чудеса, а въ особенности у такихъ впечатлительныхъ и тонкихъ организацій, какъ Ольга Сергѣевна. Правда, это, кажется, моя собственная теорія, а я не специалистъ и потому не могу претендовать на признаніе ея. Но думаю, это объясняетъ многое, что мы привыкли считать необъяснимымъ, результатомъ женской непослѣдовательности, сумазбродства. Такъ какъ это случается съ женщинами очень умными, искренними и добросовѣстными, то я и отношу это къ особому роду дрящійся нервныхъ припаdkовъ. Слу-

чается, что она вдругъ начинаетъ ощущать пылкую, безумную любовь къ человѣку, который не имѣлъ никакихъ основаній ожидать этого. На него сыплются обѣщанія, клятвы, обнадеживанія и потомъ вдругъ наступаетъ охлажденіе и ему остаются однѣ муки. Что же это, какъ не нервный припадокъ? Иногда она вдругъ начинаетъ увлекаться наукой, искусствомъ, литературой, и увлекается искренно, такъ же искренно, какъ другая увлекается какимъ-нибудь зулусомъ или туркомъ, и потомъ все это проходитъ. Опять нервный припадокъ. Они длятся годами, эти припадки, и послѣ нихъ реакція иногда бываетъ ужасна. Въ особенности, если это было на сердечной почвѣ, если, напримѣръ, онѣ во время такого припадка унижались, то начинаютъ оскорблять, унижать и всячески мстить.

— Не знаю, можетъ быть, ты и правъ вообще, — промолвилъ Владиміръ Ивановичъ, — но это не можетъ относиться къ Ольгѣ. Если и допустить что-нибудь подобное относительно ея, то скорѣе то, преждее, было нервнымъ припадкомъ, — до такой степени оно противорѣчило всей ея жизни, а это, теперешнее, я нахожу совершенно нормальнымъ.

Зная взглядъ Шелковского на его опасенія по поводу Дарьи Степановны, Владиміръ Ивановичъ больше не говорилъ съ нимъ объ этомъ. Онѣ только сообщилъ, что написалъ Отлетову о томъ, что Даша учится пѣнію. Шелковский тоже, повидимому, не хотѣлъ обсуждать этого вопроса. Онѣ только лаконически замѣтилъ:

— Напрасно, братъ!

И больше не прибавилъ ни слова. Между тѣмъ, Дарья Степановна была очень удивлена, когда получила отъ Отлетова письмо, въ которомъ тотъ сообщалъ свой взглядъ на обученіе пѣнію. Отлетовъ писалъ: «Я ничего не имѣю противъ пѣнія, также какъ и противъ сцены. На сценѣ, какъ на всѣхъ другихъ поприщахъ, можно служить честно и безчестно. Я тебя настолько хорошо знаю, что не могу допустить мысли о послѣднемъ. Но не могу не возразить, что сцена представляетъ для женщины слишкомъ много соблазновъ. Ты слишкомъ красива для того, чтобы не быть замѣченной. Хотя я и вѣрю въ твой характеръ и въ твою твердость, но все же не могу скрыть отъ тебя, что испытываю страхъ при мысли о томъ, что ты будешь окружена блестящими поклонниками, свозъ густую толпу которыхъ мнѣ, быть можетъ, будетъ трудно пробиться. Для этого я слишкомъ скромный и незамѣтный человѣкъ. Есть еще и другая опасность. Дѣло въ томъ, что голосъ, какъ бы онѣ ни былъ прекрасенъ, очень непрочная вещь. И представь себѣ такое положеніе: ты выступаешь на сценѣ, ты имѣешь большой ус-

пѣхъ, на тебя сыплются лавры и деньги, ты приобретаешь поэтому широкіе вкусы, дорогія привычки, и вдругъ голось измѣнилъ тебѣ, ты потеряла все и возвратилась къ прежней бѣдности. Подумай, какія страданія придется тебѣ терпѣть. Бѣдность, — скромная доля, которая теперь кажется намъ не особенно веселой, но все же мы можемъ кое въ чемъ найти утѣшеніе, — тогда покажется тебѣ адомъ. Поэтому я говорю: надо сперва хорошенько взвѣсить, а затѣмъ, такъ какъ я высказалъ тебѣ свой взглядъ, то въ остальномъ ты поступишь по-своему».

Ни одно письмо Отлетова не доставляло Дарьѣ Степановнѣ столько досады, какъ это. Была одна минута, когда она чувствовала его своимъ врагомъ. Ей почему-то казалось, что въ этомъ письмѣ онъ какъ бы навязываетъ ей свои взгляды, хочетъ руководить ею, какъ будто она не самостоятельное существо, а какое-то незначительное дополненіе къ его особѣ. Но она скоро опомнилась и поняла, что, вѣдь, она сама же дала ему право вмѣшиваться въ свою жизнь. Письмо это послужило для нея поводомъ хорошенько заглянуть въ свою душу и разслѣдовать, что тамъ дѣлается. Она, сама того не замѣчая, принялась анализировать свои чувства къ Отлетову. Хотя они и были на ты, но у нихъ никогда не было той близости, которая непременно является у влюбленныхъ, въ особенности если они называютъ другъ друга женихомъ и невѣстой. Онъ ни разу не обнялъ ее, а поцѣловалъ чуть ли не въ первый разъ, когда провожалъ за границу. Она никогда не замѣчала въ немъ порывовъ. Онъ всегда былъ спокоенъ, разсудителенъ, правда, заботился о ней, старался услужить, но, вѣдь, это совсѣмъ не то, чѣмъ характеризуется чувство. Ну, а она? Вѣдь, ей тоже никогда не хотѣлось прижаться къ нему, приласкать его, назвать какимъ-нибудь нѣжнымъ именемъ, кромѣ формальнаго «Федя», къ которому она просто привыкла. Если у нея было какое-нибудь горе, то ей скорѣе хотѣлось рассказать о немъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, чѣмъ ему. Что же это? На чемъ были основаны ихъ отношенія и чтѣ они владутъ фундаментомъ для будущей супружеской жизни? Быть можетъ, все это было недоразумѣніемъ? Быть можетъ, все это было основано на томъ, что у нея была потребность въ своемъ углѣ, а у него въ мирной семейной жизни? Но тутъ она, какъ бы предвидя, куда заведетъ ее добросовѣстный анализъ, испугалась и насильно навела свои мысли на другія темы.

Но то обстоятельство, что всякій разъ, когда она начинала думать объ Отлетовѣ и своихъ отношеніяхъ къ нему, она пугалась и закрывала глаза и уши, какъ бы боясь увидѣть и услы-

шать собственные мысли и образы,—не доказывало ли оно, что въ ея чувствѣ къ Отлетову было что-то неладное?

XXVIII.

Прошла зима и началась чудная, неподражаемая парижская весна. Правда, каштаны еще только покрылись почками, но надо было какихъ-нибудь четыре-пять дней, чтобы вѣтви зазеленѣли и мигомъ обросли широкими листьями. Ольга Сергѣевна продолжала усердно ѣздить въ Латинскій кварталъ, но усталость, которую она привозила съ собой домой, уже мѣшала ей болтать послѣ обѣда полчаса и затѣмъ приниматься за книги. Прямо изъ за стола она уходила въ спальню, совсѣмъ разбитая ложилась въ постель, и тотчасъ на нея нападала вакая-то тревожная дремота. И вообще наблюдательный человѣкъ могъ бы замѣтить, что въ глазахъ ея часто появлялись тревожныя тѣни. Она иногда задумывалась и въ такія минуты какъ бы переносилась въ другой міръ, совсѣмъ забывая объ этомъ мірѣ, въ которомъ у нея было столько важныхъ и серьезныхъ интересовъ. Когда она ловила себя на этомъ, то тотчасъ же схватывала книгу и начинала старательно вчитываться въ строчки, сперва ничего не понимая, но затѣмъ овладѣвала предметомъ и чувствовала себя побѣдительницей.

Былъ чудный тихій вечеръ, изъ окна виднѣлось ясное темно-синее небо, усѣянное звѣздами. Въ раскрытое окно вѣялъ прохладный ночной воздухъ. Внизу на улицѣ экипажи двигались медленно, никто нигуда не спѣшилъ, и въ этомъ было что-то мирное, спокойное, разъ навсегда установившееся. Ольга Сергѣевна была въ спальнѣ одна. Она сидѣла у окна и глядѣла вверхъ черезъ крыши домовъ на небо. Ей казалось, что она ни о чемъ не думаетъ, а просто дышетъ свѣжимъ воздухомъ, но вдругъ она, сама не зная почему, начала вся дрожать и слезы выступили у нея на глазахъ. Это было нѣсколько секундъ, она сама тотчасъ же осмѣяла эту безпричинную нервность, но настроеніе, охватившее ее, не уходило. Она какъ-то смутно почувствовала, что ею овладѣваетъ какое-то желаніе, что-то сильное, могучее, но совершенно неопредѣленное. Бываютъ такія минуты, когда человѣкъ начинаетъ тянуть куда-то зачѣмъ-то, въ какія-то невѣдомыя страны, и все то, что его окружаетъ, кажется бѣднымъ, скучнымъ и ничтожнымъ. Иногда такое настроеніе какъ молнія пройдетъ черезъ весь организмъ. Мгновеніе—и оно уже исчезло и отъ него въ душѣ остался только слѣдъ въ видѣ сожалѣнія и досады.

Въ это время изъ дѣтской вышла Дарья Степановна, припшиливая къ волосамъ новую, недавно прибрѣтенную шляпку.

— Вы въ театрѣ, Даша?—спросила Ольга Сергѣевна, припомиравъ, что на сегодня у нихъ взяты билеты въ Варіетѣ.—А Ловичъ развѣ не зайдетъ за вами?

— Нѣтъ. У него сегодня какое-то дѣло; онъ только къ восьми часамъ освободится и пріѣдетъ прямо въ театрѣ.

— Поѣдѣте вмѣстѣ!—какимъ-то страннымъ тономъ, какъ бы сама себѣ не довѣряя, предложила Ольга Сергѣевна.—Или, можетъ быть, васъ это не устраиваетъ?

— Напротивъ, напротивъ!—горячо возразила Дарья Степановна.—Вы не можете себѣ представить, какъ я буду этому рада!

— Владимиръ!—крикнула Ольга Сергѣевна, какъ-то слишкомъ быстро подойдя къ двери,—ты уложишь дѣтей?

— А что?—спросилъ Владимиръ Ивановичъ,—развѣ ты такъ занята?

— Нѣтъ, я хоту пойти съ Дашей въ театрѣ.

— Превосходно,—сразу одобрилъ Владимиръ Ивановичъ,—я съ удовольствіемъ уложу дѣтей. Кстати, я давно не исполнялъ этихъ обязанностей и, чего добраго, могу отбиться отъ рукъ.

Ольга Сергѣевна какъ-то необыкновенно поспѣшно, точно боялась, что раздумаетъ, одѣлась и онѣ вышли на улицу. Здѣсь онѣ взяли извозчика и поѣхали бульварами. Когда они подѣхали къ Варіетѣ, Ловича у подѣзда не оказалось. Онъ или еще не пришелъ, или сидѣлъ уже въ партерѣ. Последнее, впрочемъ, было невѣроятно. Ловичъ ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ сѣсть на мѣсто безъ дамы, въ особенности, если этою дамой была Дарья Степановна. Онѣ подождали минутъ пять и, въ самомъ дѣлѣ, Ловичъ подѣхалъ и подбѣжалъ къ нимъ.

— Ура!—воскликнулъ онъ, протягивая обѣ руки Ольгѣ Сергѣевнѣ.—Я вижу, вы начинаете оживать!

— Ахъ, пожалуйста, не будьте каркающимъ ворономъ! Ужъ если я оживу, то будетъ плохо!

— Кому?—спросилъ Ловичъ.

— О, конечно, мнѣ, и только мнѣ! Женщина, къ сожалѣнію, такъ устроена, что отъ нея, въ концѣ-концовъ, бываетъ плохо только ей. Вѣдь, это только такъ кажется, что вы страдаете отъ женщинъ, а, въ сущности, никто, кромѣ нихъ самихъ, отъ себя не страдаетъ... Ну, впрочемъ, это къ дѣлу не относится. Вамъ придется испытать сегодня два лишенія. Во-первыхъ, вы уступаете мнѣ ваше мѣсто и, слѣдовательно, не сидите рядомъ съ Дашей, а, во-вто-

рыхъ, вамъ придется сидѣть гдѣ-нибудь на верхушкѣ, потому что внизу, навѣрное, билетовъ нѣтъ.

— О, я съ восторгомъ усядусь хоть въ пятомъ этажѣ! — воскликнулъ Ловичъ и, передавъ Ольгѣ Сергѣевнѣ своей билетъ, отправился въ кассу. Тамъ онъ узналъ, что ниже третьяго яруса мѣстъ нѣтъ и, такъ какъ ему дали не нумерованный билетъ, а контр-марку, то ему пришлось отдаться въ полную власть свирѣпой консьержкѣ, которая потребовала съ него страшную контрибуцію въ видѣ пяти франковъ и за это отыскала ему мѣсто на первой скамейкѣ. По крайней мѣрѣ, онъ за эту дорогую цѣну купилъ право лорнировать Дарью Степановну.

— Знаете, Даша, — говорила въ антрактѣ Ольга Сергѣевна, — я чувствую какое-то опьяненіе. Этотъ яркій свѣтъ, эта толпа, какой-то особенный гулъ, говоръ толпы, — все это дѣйствуетъ на меня, какъ вино. Слѣдите за мной, — каждый выходъ актера, вызывающій у всей публики смѣхъ, у меня вызываетъ чуть не слезы. Но не думайте, что мнѣ грустно, — напротивъ, мнѣ тоже смѣшно, какъ и другимъ, но это просто нервы. Я дѣлаю огромное усиліе, чтобы не разревѣться.

И въ самомъ дѣлѣ, Ольга Сергѣевна такъ нервно относилась ко всему, что происходило въ театрѣ, такъ отклонялась на каждый звукъ, на каждый шорохъ, что Дарья Степановна боялась, какъ бы это не разыгралось въ какой-нибудь припадокъ слезъ или неестественнаго смѣха.

Спектакль кончился, онѣ вышли изъ залы и подождали въ вестибюлѣ. Ловичъ спустился съ третьяго яруса и отыскалъ ихъ.

— Неужели вы будете тамъ ординарны, что заставите меня отвезти васъ домой? — сказалъ Ловичъ.

— Я думаю, — отозвалась Даша. — Какъ же иначе?

— Конечно, нѣтъ, — съ нервнымъ смѣхомъ промолвила Ольга Сергѣевна. — Конечно, мы поѣдемъ ужинать. У меня сегодня какой-то нервный аппетитъ.

— У васъ сегодня все нервное, даже, кажется, платье и шляпка! — смѣясь, замѣтилъ Ловичъ. — Но это прелестно, потому что, благодаря этому, мы пріятно проведемъ вечеръ. Поѣдьте къ нашему старому знакомому въ Café de Paris.

Даша съ нѣкоторымъ опасеніемъ смотрѣла на это путешествіе. Она сама была не прочь провести часа два не дома, а гдѣ-нибудь въ сафѣ, и очень была бы рада тому, что сегодня это можно сдѣлать, такъ какъ съ ними была Ольга Сергѣевна (вдвоемъ съ Ловичемъ такъ поздно она не рѣшилась бы поѣхать). Но настроеніе Ольги

Сергѣевны не внушало ей довѣрія. Она давно не видала ее такой, и Богъ знаетъ, чего можно было отъ этого ожидать.

Они поѣхали на Avenue de l'Oréга и заняли отдѣльный кабинетъ. Ловичъ тотчасъ же организовалъ блестящій ужинъ. По его приказанію притащили кучу закусокъ и вина и, разумѣется, всему этому суждено было остаться почти въ цѣлости, а Ловичу было суждено за все это заплатить. За ужиномъ Ольга Сергѣевна ѣла и пила очень мало, но за то говорила безъ конца. Она говорила глупости, повидимому, не имѣвшія отношенія ни къ кому изъ присутствовавшихъ, очень много смѣялась, но, странное дѣло, ни Ловичу, ни Дарьѣ Степановнѣ отъ этого не было весело. Ея рѣчи и смѣхъ были до такой степени проникнуты какою-то ненормальною, преувеличенною нервностью, что и они оба какъ бы заразились и начали ощущать какое-то тревожное чувство. Она часто и сильно кусала свои губы, глаза ее какъ-то нервно перебѣгали съ предмета на предметъ, брови вздрагивали, она сидѣла беспокойно, каждую минуту подымалась, поправляла что-нибудь на столѣ—то стаканъ, который стоялъ не на мѣстѣ, то складку на скатерти, которая ее раздражала. Если бы Ловичъ и Дарья Степановна не знали, какъ она провела день и вечеръ, то могли бы подумать, что она выпила излишнее количество вина. Ловичъ и Дарья Степановна то и дѣло многозначительно переглядывались и тихонько пожимали плечами. Они сообщали другъ другу взглядами, что это ихъ поражаетъ и тревожитъ, и даже Ловичъ, который, повидимому, долженъ бы торжествовать по поводу такой перемѣны въ Ольгѣ Сергѣевнѣ, глядѣлъ на нее тревожно и думалъ: «Можетъ быть, для нея и было бы лучше не оживать!» Во всей ея фигурѣ, въ манерѣ держаться, въ движеніяхъ, въ голосѣ, во взглядѣ было что-то роковое и, притомъ, не обѣщавшее ничего хорошаго.

Когда они поужинали и дамы надѣли накидки, Ольга Сергѣевна сказала:

— Ну, теперь еще куда-нибудь!

— Некуда, Ольга Сергѣевна, — какимъ-то отрезвляющимъ тономъ отвѣтилъ Ловичъ.

Было около двухъ часовъ и, безъ сомнѣнія, можно было еще куда-нибудь съѣздить, но онъ сказалъ это нарочно, не предвидя ничего хорошаго отъ подобной поѣздки.

— Какая досада! — воскликнула Ольга Сергѣевна. — А я ужъ хотѣла разомъ откупиться. Завтра опять погружусь въ свои занятія. Иногда, вѣдь, не грѣхъ подурачиться, не правда ли?

Они не отвѣтили на этотъ вопросъ. Оба они никакъ не могли назвать ея настроеніе дурачествомъ.

— Вотъ что, — сказалъ Ловичъ, — завтра вернисяжъ у акварелистовъ, не заѣхать ли за вами?

— О, нѣтъ, мнѣ некогда! — отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Нѣтъ, ужъ теперь баста!

Онъ усадилъ ихъ на извожика и самъ сѣлъ противъ нихъ. Хотя Ольга Сергѣевна продолжала болтать вздоръ, но Ловичъ замѣтилъ въ ея тонѣ значительную переиѣну. Не было уже той энергіи, той неудержимости, съ которой она сыпала слова за ужиномъ. Чувствовалось утомленіе. На полдорогѣ она совсѣмъ замолкла и до самаго дома не проронила ни слова. Когда онъ довелъ ихъ до подъѣзда и позвонилъ, Ольга Сергѣевна, прощаясь съ нимъ, сказала совершенно усталымъ голосомъ:

— Я совсѣмъ мертвая. Пожалуй, завтра не проснусь въ-время и прозѣваю лекцію.

И онъ, при свѣтѣ фонаря, разглядѣлъ, что лицо ея было мертвенно-блѣдно.

Ольга Сергѣевна опять погрузилась въ занятія. Но теперь она постоянно жаловалась на головную боль и сонливость. И въ самомъ дѣлѣ, чуть только она прочитаетъ страницу, какъ глаза ея смыкаются и она уже готова уснуть. Это бросалось всѣмъ въ глаза. И тотъ мертвенно-блѣдный цвѣтъ, который замѣтилъ Ловичъ тогда, послѣ ужина, не сходилъ съ ея лица. Даже когда она дѣмъ-нибудь увлекалась и оживлялась, румянецъ не покрывалъ ей щеки. Владиміръ Ивановичъ началъ беспокоиться и серьезно обдумывать положеніе. Но онъ пока ограничивался тѣмъ, что безпокойно ходилъ по кабинету, слегка похрамывая и часто передергивая плечами.

Однажды Ловичъ, поговоривъ съ Ольгой Сергѣевной полчаса и вынеся отъ нея самое безотрадное впечатлѣніе, вошелъ въ кабинетъ и плотно притворилъ за собою дверь, желая, очевидно, вести разговоръ, который Ольга Сергѣевна не должна была слышать.

— Ты что же это смотришь, Владиміръ Ивановичъ? — промолвилъ онъ тихо и осторожно. — Неужели ты не видишь, что она совсѣмъ выбивается изъ силъ? Неужели у тебя хватаетъ духу опираться эти непосильныя занятія? Неужели ты не понимаешь, что ей не наука нужна, а развлеченія, отдыхъ, воздухъ, желѣзо?

— Я очень хорошо понимаю, что ей нуженъ отдыхъ, и только объ этомъ и думаю, — отвѣтилъ Владиміръ Ивановичъ. — Не думаю, однакожъ, что тутъ слѣдуетъ противопоставлять науку этимъ твоимъ развлеченіямъ.

Ловичъ покачалъ головой.

— И опять скажу, — промолвилъ онъ, — ахъ, ты, старый доктринеръ! Вѣдь, вамъ, доктринерамъ, лишь бы вашу доктрину не прогнѣвать, а человекъ, хотя бы это былъ и близкій, и любимый, пусть чахнетъ, пусть ему грозитъ сумасшествіе... *Pereat mundus, fiat doctrina...*

Владиміръ Ивановичъ махнулъ на него рукой, а Ловичъ прибавилъ:

— Впрочемъ, я давно уже пришелъ къ заключенію, что ты готовъ стать на дыбы противъ очевидной истины, разъ только я ее проповѣдую. Такимъ способомъ можно тебя заставить согласиться съ нелѣпостью, достаточно только, чтобы я утверждалъ противное. Поэтому я оказываю Ольгѣ Сергѣевнѣ медвѣжью услугу, хлопоча нея объ отдыхъ и развлеченіи.

Онъ простился и ушелъ очень разстроенный.

Владиміръ Ивановичъ самъ очень хорошо видѣлъ, что Ловичъ правъ. Онъ началъ уговаривать Ольгу Сергѣевну оставить на время занятія и отдохнуть и развлечься. Ольга Сергѣевна посмотрѣла на него тѣмъ страннымъ взглядомъ, который всегда пробуждалъ въ душѣ его тревогу, и промолвила:

— Что? Бросить медицину, то-есть признать себя негодной, спасовать?

— Полно, мой другъ, — успокоивающимъ тономъ возразилъ Владиміръ Ивановичъ. — Бросать не надо, а только отдохнуть. Мы поѣдемъ на югъ, въ Швейцарію или на итальянскія озера. Ты отдохнешь, наберешься силъ, а съ будущаго года опять начнешь заниматься.

Ольга Сергѣевна медленно и задумчиво покачала головой.

— Нѣтъ, ужь если я теперь оставлю, то съ будущаго года ничего не начну.

— Но почему же, Ольга?

— Такъ! — промолвила она и больше не дала никакихъ объясненій.

Владиміръ Ивановичъ съ каждымъ днемъ все больше и больше беспокоился. На лицѣ Ольги Сергѣевны какъ бы сгущались признаки крайняго истощенія. Она часто вздрагивала, хмурилась, обо всемъ, даже о самыхъ простыхъ хозяйственныхъ вещахъ, говорила мрачнымъ тономъ. Самый ничтожный трудъ становился для нея тягостнымъ. Она должна была отодвигать книгу и отдыхать, прочитавъ одну-двѣ страницы. Нерѣдко ее можно было видѣть за столомъ склонившей голову надъ книгой и дремлющей.

Это не могло продолжаться безнаказанно.

XXIX.

Дарья Степановна, еще такъ недавно протестовавшая даже противъ намека на то, чтобы она могла воспользоваться какою-нибудь денежною услугою отъ Ловича, теперь, незамѣтно для себя самой, привыкла къ этимъ услугамъ. Она предоставляла ему подносить ей шутя, съ любезною улыбкой, весьма полезныя вещицы, такъ, какъ будто это были цвѣты и конфеты. Правда, Ловичъ обладалъ особеннымъ искусствомъ дѣлать это мало замѣтнымъ. Бромъ того, онъ слишкомъ ужь предупредительно проникалъ въ малѣйшее ея желаніе. Казалось, онъ всѣ свои силы, всѣ свои мысли посвятилъ на то, чтобы слѣдить за нуждами ея туалета. Но никогда онъ не дѣлалъ изъ своихъ подношеній исторіи, никогда онъ не подчеркивалъ ихъ, даже никогда не упоминалъ о нихъ.

И Дарья Степановна теперь одѣвалась совсѣмъ не такъ, какъ еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. На ней уже не было дешевыхъ вещей изъ Лувра и Бонмарше, — вещей, которыя были шиты безъ примѣрки и сидѣли на ней только приблизительно вѣрно. Всѣ ея туалеты были ею же обдуманы и примѣнены къ тѣмъ или другимъ случаямъ.

Недавно, съ наступленіемъ весны, Ловичъ, — незамѣтно, впрочемъ, для нея, — окинулъ нѣсколькими внимательными взглядами ея навидку, — прошлогоднюю, которая была куплена въ Луврѣ и, помимо того, что была похожа на десятокъ тысячъ такихъ же навидокъ, купленныхъ другими въ томъ же Луврѣ, уже не отличалась свѣжестью. Онъ не сказалъ ей ни слова, а просто пригласилъ ее пройти по бульварамъ и какъ бы случайно остановился у витрины шигарнаго магазина дамскихъ нарядовъ. Въ витринѣ были соблазнительно размѣщены всевозможныя дамскія кофточки, тальмы, навидки короткія и длинныя, самыхъ послѣднихъ фасоновъ. Онъ смотрѣли на нихъ, какъ живыя, и какъ бы манили зайти въ магазинъ и купить ихъ.

— А, вѣдь, это все будетъ кто-нибудь носить! — сказалъ Ловичъ.

— Разумѣется, — отвѣтила Дарья Степановна, и въ глазахъ ея промелькнула едва замѣтная тѣнь какъ бы огорченія отъ того, что будетъ носить ихъ не она.

— Меня всегда бѣситъ, когда я вижу какую-нибудь изящную вещь на какой-нибудь нескладной и ничѣмъ не отличающейся дамѣ. Вѣдь, эти вещи вводятъ насъ въ заблужденіе. Онѣ шиты такъ ловко, что скрываютъ всѣ природныя недостатки, кривобогихъ дѣ-

лаютъ прямыми, уничтожаютъ все несоразмѣрное, короткія таліи дѣлаютъ длинными, а слишкомъ длинныя укорачиваютъ. Это все равно, что популярныя книги и статьи, доступныя всѣмъ и каждому, усвояемыя безъ особеннаго труда, или, еще лучше, ежедневныя газеты, вталкивающія въ тупую голову всевозможныя свѣдѣнія и готовые разсужденія. Они дураку придаютъ до нѣкоторой степени видъ умнаго человѣка и невѣждѣ даютъ возможность производить впечатлѣніе человѣка освѣдомленнаго. Разумѣется, онъ освѣдомленъ только на сегодняшній день, какъ и кривобокая дама только на одинъ сезонъ получаетъ возможность ходить прямо, но, вѣдь, завтра газеты точно такъ же освѣдомятъ его на-завтра, какъ и даму, обладающую средствами, магазины снабдятъ и на будущій сезонъ способомъ казаться прямой. Ахъ, да! — вспомнилъ онъ. — Я зналъ одну даму, которая, не имѣя возможности покупать дорогія вещи, но обладая неудержимою страстью къ нимъ, заходила въ шикарные магазины и не выходила изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не примѣряла на себя всѣ элегантныя вещи. Это я понимаю. Вѣдь, у нея страсть, а страсть всегда должна въ чемъ-нибудь проявляться, иначе она задушитъ васъ. Обратите вниманіе, — вдругъ прибавилъ онъ, — вотъ на эту накидочку. Она вамъ нравится, не правда ли? Я это вижу! Она совсѣмъ какъ будто для васъ сдѣлана. Позвольте мнѣ поддержать пари, что эта вещица будетъ на васъ сидѣть сразу, какъ сшитая по самой тщательной мѣрѣ.

Дарья Степановна усмѣхнулась. Можетъ быть, она поняла его умыселъ, да и навѣрное поняла, потому что подобныя предисловія всегда кончались такою выходкой. Но почему же ей не подурачиться? И подержала пари.

Затѣмъ они зашли въ магазинъ, она примѣрила накидку, которая въ самомъ дѣлѣ ей удивительно шла къ лицу и превосходно на ней сидѣла. Ловичъ въ это время успѣлъ переговорить съ кѣмъ-то о цѣнѣ и затѣмъ уже было дѣло одной минуты уплатить. Дарью Степановну спросили, надѣнетъ ли она вещицу сейчасъ, или ей прислать на домъ. Она посмотрѣла на Ловича сперва даже какъ будто гнѣвно, но онъ сдѣлалъ такую виноватую мину, что она невольно разсѣялась и отвѣтила: «Не беспокойтесь, я возьму ее теперь».

И они продолжали прогулку, бесѣдуя о совершенно постороннихъ предметахъ.

Когда Дарья Степановна возбуждала вопросъ обо всемъ этомъ и жаловалась на то, что онъ ее развратилъ, онъ высказывалъ ей звою теорію.

— А по-моему, — говорилъ онъ, — я только доставляю вамъ

случай сдѣлать хоть одно доброе дѣло въ жизни. Вѣдь, согласитесь, что вы никогда настоящаго добраго дѣла не сдѣлали. Нельзя же считать добрымъ дѣломъ то, что вы давали какимъ-то тамъ птенцамъ уроки.

— Въ чемъ же тутъ доброе дѣло?—спрашивала Дарья Степановна.

— Неужели вамъ это неясно? Положимъ, вы меня не любите, но я отъ васъ безъ ума, мнѣ доставляетъ наслажденіе ежеминутно оказывать вамъ услуги и всякаго рода удовольствія. Конечно, я предпочелъ бы оказывать вамъ удовольствіе собственною особой, но такъ какъ этого я не могу при недостаткѣ сочувствія съ вашей стороны, то хоть такимъ образомъ. Простая человѣчность требуетъ, чтобы вы принимали отъ меня эти скромныя услуги. Иначе желаніе сдѣлать вамъ добро задушитъ меня. Вы знаете, — прибавлялъ онъ, — со мной иногда бываютъ чудеса. Сижу я, наприимѣръ, дома и думаю, положимъ, о вчерашней пьесѣ. Вдругъ передо мной являетесь вы, совсѣмъ, совсѣмъ какъ живая. И меня охватываетъ какое-то безумное желаніе заставить васъ почувствовать счастье, хоть на минуту, ну, поднести вамъ букетъ свѣжихъ розъ, прокатить васъ на рыскахъ, что-нибудь, лишь бы вы почувствовали удовольствіе и улыбнулись.

Владиміръ Ивановичъ все пристальнѣе и чаще посматривалъ на новые туалеты Дарьи Степановны. Онъ долго деликатничалъ, но, наконецъ, не выдержалъ и замѣтилъ ей:

— Я не совсѣмъ понимаю, Даша, на какихъ условіяхъ вы пріобрѣтаете эти дорогія вещи.

Даша вспыхнула гораздо больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Главное условіе, — сказала она, и при этомъ глаза ея бросали въ него молніи, — главное условіе, чтобы никто не вмѣшивался въ мою жизнь.

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы гнѣваетесь, — сказалъ онъ, — это первое доказательство того, что вы неправы.

— Я не гнѣваюсь, — отвѣтила Даша, — но согласитесь, Владиміръ Ивановичъ, что это странно, если я еще должна буду отдавать вамъ отчетъ въ моихъ туалетахъ.

— Не отчетъ, Даша, вы это очень хорошо понимаете. Но, впрочемъ, такъ какъ вамъ это неприятно, то я не буду пояснять. Я только напомню вамъ, что есть человѣкъ, который имѣетъ право быть оскорбленнымъ подобными вещами.

— Оскорбленнымъ? Такого человѣка нѣтъ.

— Развѣ вы уже окончательно забыли о Федорѣ Александровичѣ?

— Онъ ничѣмъ не бываетъ оскорбленъ. Онъ только знаетъ нѣсколько сентенцій, вотъ и все, — съ ироническою усмѣшкой замѣтила Дарья Степановна.

«Она начинаетъ даже выражаться языкомъ Ловича, — подумалъ Баширцевъ. — Но, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, она взрослый человекъ и насильно ее не заставишь думать и дѣйствовать иначе, и, можетъ быть, Шелковскій правъ, что пора перестань нянчиться съ нею».

У Дарьи Степановны явились новые враги. Щукина, когда увидѣла ее накидку, прямо набросилась на нее и сказала, что искренно завидуетъ ей. «Есть же такіе счастливые люди! — воскликнула она, впрочемъ, съ выраженіемъ шутки, хотя по ея горящимъ глазамъ было видно, что накидка глубоко трогаетъ ее. — Ахъ, вы знаете, — прибавила она, — мнѣ иногда приходитъ въ голову... Вотъ стоишь около магазина и смотришь на какую-нибудь кофточку и берешь тебя досада, что не можешь надѣть ее. Вдругъ подъѣзжаетъ коляска и выходитъ изъ нея какой-нибудь толстякъ, вроде банкира... и вдругъ мысль сказать ему. «Купите мнѣ кофточку!» Вѣдь, ему это ровно ничего не составитъ. И я бы это сдѣлала, если бы знала, что послѣ этого онъ поѣдетъ своею дорогой, а я пойду своею. Но въ томъ-то и дѣло, что за это всегда что-нибудь потребуютъ...»

Это она говорила, когда пришла одна, но при Сербовой, разумѣется, она не высказывала такихъ ужасныхъ мыслей. А Сербова смотрѣла на туалеты Дарьи Степановны такимъ взглядомъ, подъ которымъ хочется провалиться. Она не дѣлала никакихъ замѣчаній, но просто презирала это. Это было видно по всему. Она даже какъ-то отстранялась отъ Даши, какъ бы боясь прикоснуться къ ея новымъ нарядамъ.

Зашелъ къ нимъ и Павелъ Аркадьевичъ по какому-то родственному дѣлу. Онъ получилъ письмо изъ Россіи и пришелъ посоветоваться съ Владиміромъ Ивановичемъ. Дашѣ онъ не сказалъ двухъ словъ, издали надменно поклонился ей и какимъ-то долгимъ, умышленно подчеркнутымъ взглядомъ посмотрѣлъ на ея стройную фигуру, охваченную недавно приобретеннымъ платьемъ.

Дарья Степановна всѣ эти замѣчанія и взгляды чувствовала очень глубоко. Но на нее это производило совсѣмъ особенное дѣйствіе. По мѣрѣ того, какъ она встрѣчала неодобреніе въ окружающихъ ее людяхъ, она чувствовала, какъ они постепенно отходятъ, отдѣляются отъ нея и становятся все дальше и все болѣе и болѣе чужими. Они для нея какъ бы каменѣли. Ей казалось, что на все

то, что кипѣло и било ключомъ въ ея груди, у нихъ не найдется способности отклиннуться. Бывали даже такія минуты, что ей думалось: «Еслибъ я погибала у нихъ на глазахъ, они не протянули бы мнѣ руки, потому что они мнѣ чужіе».

Только Ольга Сергѣевна смотрѣла на нее съ какимъ-то молчаливымъ сочувствіемъ. Но она ни слова не говорила съ ней по этому поводу. Когда появлялась въ туалетѣ Даши какая-нибудь новинка, она осматривала ее, дѣлала замѣчанія, давала совѣты и вообще смотрѣла на нее, какъ на вещь заказанную и прибрѣтенную совершенно обыкновеннымъ, правильнымъ путемъ. Ей просто жаль было Дашу, и эта жалость видна была въ ея взглядахъ на нее и въ обращеніи съ нею.

XXX.

Ольга Сергѣевна удивила всѣхъ домашнихъ переимѣной въ своемъ образѣ жизни. Всего страннѣе было то, что она на этотъ разъ никакими внѣшними проявленіями не обнаружила своего душевнаго состоянія. Обыкновенно такого рода переимѣны у нея сопровождались чѣмъ-то вродѣ нервнаго пароксизма. Все ее раздражало, ничто ей не нравилось, ни съ чѣмъ она не соглашалась. На этотъ разъ она просто-на-просто проспала поѣздку на лекціи. Приучивъ всѣхъ къ тому, что въ половинѣ девятого она уже исчезала изъ дому, однажды она осталась до часу. Затѣмъ поднялась и съ очень простымъ видомъ напилась кофе, позавтракала, никому ничего не объясняя, какъ будто въ этомъ не было ничего особеннаго.

— Ты сегодня не поѣдешь на лекцію?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Нѣтъ,—лаконически отвѣтила она и больше ничего не объяснила. Но съ этого дня новый образъ жизни установился прочно. Она спала до часу и при этомъ въ самомъ дѣлѣ спала, потому что ей вѣчно хотѣлось сомкнуть глаза, легла очень рано: она иногда умудрялась, кромѣ того, заснуть еще между завтракомъ и обѣдомъ.

Владиміръ Ивановичъ находилъ это не цѣлесообразнымъ.

— И всегда, и во всемъ должна быть какая-нибудь разумная цѣль,—говорилъ онъ.

— Цѣль?—какъ-то слишкомъ спокойно, какъ бы не интересуясь предметомъ разговора, спросила Ольга Сергѣевна.

— Ну, да, конечно. Ты очень ослабѣла, и я понимаю, что тебѣ необходимъ отдыхъ. Но какой же это отдыхъ? Это какое-то умира-

ніе! По-моему, надо воспользоваться временемъ и поѣхать куда-нибудь, гдѣ воздухъ лучше.

— Зачѣмъ?—опять тѣмъ же тономъ спросила Ольга Сергѣевна.

— Какъ зачѣмъ? Чтобы ты могла поправить здоровье и потомъ съ новыми силами начать свои занятія.

— Бъ чему?

Онъ пытался объяснить ей то, что, впрочемъ, и безъ того было ясно. Въ Парижѣ не поправляютъ здоровье; здѣсь только его разстраняютъ. Одни по необходимости, потому что дѣла требуютъ отъ нихъ чрезмѣрныхъ силъ, другіе—добровольно, прожигая эти силы безъ толку. Есть, конечно, и середина, но она доступна очень немногимъ. Весну можно провести гдѣ-нибудь на югѣ, а потомъ перебраться къ морю. Все, что онъ говорилъ, было обыкновенно и вполне разумно и практично. Ольга Сергѣевна слушала его, повидному, спокойно, ничего не возражала, но все задавала свои вопросы какимъ-то тономъ безразличія: къ чему? надо ли? такъ ли это? стѣдуетъ ли? И она ограничивалась этими вопросительными знаками, ничего не высказывая и ничего не объясняя.

Владиміръ Ивановичъ видѣлъ во всемъ этомъ проявленіе крайней усталости и началъ серьезно подумывать о поѣздкѣ. Время было слишкомъ раннее для того, чтобы ѣхать прямо къ морю. Онъ посоветовался съ Шелковскимъ и они составили маршрутъ. Сперва они поѣдутъ въ Комо, на итальянскія озера, а затѣмъ, когда станетъ достаточно тепло, переѣдутъ въ Бретань, на берегъ океана. Владиміръ Ивановичъ съ каждымъ днемъ все больше и больше тревожился за здоровье своей жены. Его больше всего беспокоило то, что она не могла безъ промежутка окончить начатое дѣло. Онъ слишкомъ радовался, когда Ольга Сергѣевна серьезно занялась медициной. Онъ смотрѣлъ на это, какъ на удовлетвореніе ея постоянной пытливости, ея стремленіямъ быть чѣмъ-нибудь. Онъ радовался потому, что видѣлъ въ этомъ залогъ мирной жизни въ будущемъ, такъ какъ единственною помѣхой для домашняго мира было постоянное сознаніе Ольги Сергѣевны, что она не представляетъ изъ себя никакой опредѣленной самостоятельной личности, а служить только дополненіемъ мужу. И ему страшно хотѣлось поскорѣе поправить ея здоровье, чтобъ она имѣла возможность опять засѣсть за свои книги.

Ольга Сергѣевна большую часть времени проводила въ постели, но при этомъ она не жаловалась ни на какую боль и вообще производила впечатлѣніе чловѣка утомленнаго, но не больнаго. Когда съ нею заговаривали о поѣздкѣ, она тихонько качала головой и го-

ворила, что это ни къ чему не поведетъ. Владиміръ Ивановичъ убѣждалъ ее. У нихъ всегда были хорошія, дружескія отношенія, но нѣжность въ этихъ отношеніяхъ не играла значительной роли. Она являлась только въ такія минуты, когда надо было успокоить Ольгу Сергѣевну, и, притомъ, успокоить не словами, на которыя она всегда могла возразить, а лаской. Владиміръ Ивановичъ подсѣлъ къ ней на кровать, взявъ ее руку и заговорилъ тихо, глядя на нее добрыми, грустными глазами.

— Ты всегда смотришь на міръ съ точки зрѣнія того состоянія, въ которомъ ты находишься. Теперь ты утомлена, у тебя нѣтъ силъ, желанія твои подавлены и оттого все тебѣ кажется мрачнымъ, непужнымъ, ничтожнымъ. Но послѣ того, какъ мы побываемъ на озерахъ, ты подышешь горнымъ воздухомъ, потомъ поѣдемъ въ Бретань, ты погупаешься въ океанѣ, силы опять придутъ, явится бодрость духа и ты снова начнешь смотрѣть на вещи здорово и ясно. И опять тебѣ захочется заняться любимымъ дѣломъ и ты найдешь въ немъ удовлетвореніе.

Онъ говорилъ такимъ образомъ долго, стараясь не возвышать голоса, чтобы успокоить ее не только словами, но и тономъ. Ольга Сергѣевна смотрѣла на него и ничего не возражала. Она думала: «Какой ты добрый, хорошій, честный, и какъ ты скученъ, бѣдный человѣкъ! Какъ ты безцвѣтно прожилъ всю свою жизнь! Все ты толочся на одномъ мѣстѣ изъ-за какихъ-то честныхъ убѣждений и ровно ничего не сдѣлалъ. Развѣ ты убѣдилъ въ нихъ кого-нибудь? Развѣ ты зажегъ пламя въ чьемъ-нибудь сердцѣ, перевернулъ чью-нибудь душу, заставилъ кого-нибудь думать и жить лучше, чѣмъ онъ думалъ и жилъ? Нѣтъ, потому что ты средній человѣкъ, потому что въ тебѣ нѣтъ божественнаго огня! И всю-то жизнь тебѣ казалось, что ты служишь своимъ принципамъ, а въ дѣйствительности ты бился изъ-за рубля, ты былъ рабочимъ воломъ, тянулъ лямку, чтобы прокормить себя, меня и дѣтей. Ты былъ маленькимъ, а я была еще меньшимъ дополненіемъ къ тебѣ. Какъ скучно сознавать это! Мы живемъ, въ сущности, не для чего-нибудь, а только потому... потому что стали однажды жить. Ахъ, какъ хочется встряхнуться, да такъ, чтобы разомъ все перевернулось и перемѣнилось! И какъ, должно быть, смѣшно было бы со стороны, если бы кто-нибудь подслушалъ мои мысли! Разбитая, истощенная, слабая, съ соннымъ мозгомъ, хочеть перевернуть міръ».

Она не отозвалась на его рѣчи. И онъ не зналъ, убѣдилъ онъ ее или нѣтъ.

Шпигелю суждено было на минуту оживить мрачное настроеніе, охватившее квартиру Каширцевыхъ. Онъ явился какъ-то сперва къ Шелковскому, а затѣмъ къ Каширцевымъ очень взволнованнымъ, глаза его тревожно бѣгали, онъ говорилъ не обычнымъ своимъ голосомъ, а какимъ-то пониженнымъ и таинственнымъ. Когда онъ обратился съ своею рѣчью къ Владимиру Ивановичу, то сперва оглянулся и посмотрѣлъ, достаточно ли притворены двери.

— Я пришелъ къ вамъ проститься, — промолвилъ онъ. — Меня высылаютъ.

Владимиръ Ивановичъ сперва даже не понялъ.

— Васъ? Что это значить?

— Очень просто. Въ двадцать четыре часа. Здѣсь это водится.

— Да за что же? Развѣ вы занимаетесь политикой? — спросилъ Каширцевъ.

— Странный вопросъ! — слегка обидѣлся Шпигель. — Исторія очень проста. Видите ли, у меня были связи съ одною рабочею группою въ Германіи... Ну, переписка, конечно... Перехватили и вотъ въ двадцать четыре часа.

Владимиръ Ивановичъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и не зналъ, какъ къ этому отнестись. Конечно, подобные случаи бывають и въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, хотя странно, чтобы мотивомъ высылки была переписка «съ рабочею группою», какъ онъ выражается. Въ это время пришелъ Шелковскій.

— Послушайте, — обратился онъ къ Шпигелю, — это надо разъяснить. Васъ не имѣютъ права высылать такъ зря.

— Какъ разъяснить? — спросилъ Шпигель и глаза его замигали.

— Да очень просто, надо пойти въ префектуру и разузнать... Наконецъ, мы можемъ удостовѣрить, что вы мирный гражданинъ и ваше присутствіе въ Парижѣ никому не угрожаетъ.

Шпигель быстро закачалъ головой и замахалъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы этого, пожалуйста, не дѣлайте, — съ выраженіемъ испуга промолвилъ онъ, — это только ухудшитъ мое положеніе. Притомъ же, знаете, вы можете такимъ образомъ скомпрометировать другихъ. И знаете, я имѣю основаніе думать, что это можетъ неблагоприятно отразиться и на спокойствіи присутствующихъ здѣсь.

Это ужъ было совсѣмъ загадочнымъ. Но Шпигель очень настаивалъ на томъ, чтобы Шелковскій не дѣлалъ исторіи.

— Когда же вы уѣзжаете? — спросилъ Шелковскій.

Шпигель вынулъ часы, по всей вѣроятности, имъ самимъ сдѣланные.

— Мнѣ остается всего сорокъ минутъ. Этого достаточно, чтобы доѣхать до вокзала. Тамъ будетъ кое-кто изъ моихъ друзей.

Онъ началъ спѣшно прощаться и скоро ушелъ.

— Ну, это глупости! — сказалъ Шелковскій. — Все это преувеличено и этого нельзя допускать! Вѣдь, если этакъ одного выплюють безъ всякихъ основаній, то и каждому изъ насъ можетъ грозить то же самое. Здѣсь привыкли къ законности и потому я считаю своимъ долгомъ разъяснить это.

— Какъ ты близко принимаешь все это къ сердцу!

Шелковскій въ самомъ дѣлѣ волновался какъ будто его самого высылали въ двадцать четыре часа, и, притомъ, несправедливо. Онъ тоже простился съ Каширцевымъ, сказавъ, что успеетъ еще кое-что сдѣлать, и помчался разъяснить дѣло. Когда онъ явился въ префектуру, ему объяснили, что дѣло Шпигеля гораздо проще, чѣмъ кажется, и очень удивились исторіи, которую разсказалъ Шелковскій. Шпигель просто-на-просто былъ уличенъ въ мошенничествѣ со своимъ вазелиномъ. Шелковскій тотчасъ же понялъ, что это было въ высшей степени правдоподобно. Онъ взялъ извозчика и помчался на вокзалъ, съ котораго долженъ былъ уѣхать Шпигель. Но въ тотъ моментъ, когда онъ появился на платформѣ, поѣздъ отходилъ. Шпигель торжественно выглядывалъ изъ окна вагона и махалъ платкомъ небольшой кучкѣ своихъ друзей. Когда онъ увидѣлъ Шелковскаго, то платокъ его взмахнулъ выше и онъ крикнулъ какія-то слова, нигдѣмъ не разслышанныя.

— Господа, — сказалъ Шелковскій, обратившись къ провожавшимъ его, — знаете ли вы, что все это выдумка?

Тѣ заинтересовались.

— Вы просто-на-просто проводили мошенника!

И онъ разсказалъ имъ всю исторію.

Въ кабинетѣ Владиміра Ивановича сидѣли Шелковскій и Сербова. Самъ Каширцевъ ходилъ по комнатѣ, а Ольга Сергѣевна лежала на диванѣ. Дѣти были въ сосѣдней комнатѣ и съ ними Дарья Степановна.

Въ только что полученной русской газетѣ они прочитали свѣдѣніе, что явилась мысль о возобновеніи женскихъ медицинских курсовъ. Сербова мечтательно говорила, что она тотчасъ же непременно переѣдетъ въ Россію. Владиміръ Ивановичъ пространно говорилъ на ту тему, что «пора, давно пора».

Ольга Сергѣевна смотрѣла на нихъ какими-то странными, стеклянными глазами и молчала.

— Конечно, и вы туда переведетесь? — спросила у нея Сербова.

— Зачѣмъ? — какъ бы съ недоумѣніемъ промолвила Ольга Сергѣевна.

— Какъ зачѣмъ? Чтобъ учиться!

— Нѣтъ, у меня нѣтъ силъ учиться... Я взялась не за свое дѣло!

— Полноте! Силы можно найти!

— Нѣтъ, не всегда. Бываютъ невозвратныя потери... Вѣдь, я было поправилась, но надолго ли меня хватило? Да и нужно ли это? Ужь, право, не лучше ли, чтобы мозгъ находился въ полудремотѣ?... Это такое спокойное состояніе, состояніе святого невѣжества!... Какъ только онъ проснется, то сейчасъ же начинаешь мучиться тысячью сомнѣній и вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣтовъ, а если и есть, то эти отвѣты ужасны.

И она какъ-то содрогнулась, какъ будто явственно видѣла передъ собой весь ужасъ этихъ отвѣтовъ.

— Все преувеличено, мой другъ,—спокойно или, лучше, успокоительно замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.—Это съ непривычки. Вопросы самые простые, но мозгу, не привыкшему обращаться съ ними, они кажутся необыкновенно сложными.

— Ты думаешь?

— Конечно. Ну, напримѣръ, какіе такіе вопросы и сомнѣнія ты имѣла въ виду? Навѣрное, если разобрать ихъ спокойно, то окажется что-нибудь очень ясное и давно рѣшенное.

— Напримѣръ?... Но мои примѣры могутъ удивить васъ, господа...

— Ну, это не такъ легко!—отозвался Шелковскій.

Она привстала и оперлась на локоть.

— Я, напримѣръ, часто думала о томъ, до какой степени произвольно это дѣленіе женщинъ на порядочныхъ и продажныхъ.

— Вотъ что?!

— Да. Я думаю даже, что продажныя женщины честнѣе такъ называемыхъ непродажныхъ.

— О-о!—воскликнули всѣ разомъ.

— Ну, вотъ видите, оказывается, что васъ вовсе не такъ трудно удивить... Но я это докажу,—да, да, докажу, докажу!—съ какою-то упорною настойчивостью говорила Ольга Сергѣевна. — Продажной женщинѣ вы платите за то, что она—женщина, вамъ только это и нужно, вы ничего другого отъ нея не требуете, и она передъ вами является только женщиной, и съ своей стороны не требуетъ, чтобы вы относились къ ней иначе. Но она—человѣкъ, у нея есть душевная жизнь, зачастую мрачная и печальная, у нея есть горе,

обида, оскорбленія, у нея есть сердечныя раны. И что же? Какъ она добросовѣстна! Развѣ она когда-нибудь рѣшится омрачить вашу душу, раскрывъ передъ вами эти раны и прося утѣшенія? Нѣтъ, она знаетъ, что это для васъ не интересно, а еслибъ она и попробовала бы сдѣлать это, вы ей такъ прямо и скажете, что это до васъ не касается. Вамъ нужна женщина, вамъ нужно тѣло, она и предлагаетъ его въ ваше распоряженіе, а вы за это платите. Мы только и дѣлаемъ, что заставляемъ васъ возиться съ нашими думами, тревогами, сомнѣніями, большею частью болѣзненными и потому неосновательными, мы требуемъ отъ васъ вниманія къ нашимъ мнѣніямъ и взглядамъ на жизнь, настаивая, чтобы вы принимали ихъ въ расчетъ, мы являемся, такъ сказать, нравственными пайщиками въ вашей жизни и, значить, стѣсняемъ вамъ свободу вашихъ дѣйствій. И, вдобавокъ ко всему, мы почти всегда плохія женщины. Послѣ того, какъ мы родили вамъ дѣтей, мы постоянно болѣемъ, мы истощены, нервны до послѣдней степени и оттого вами въ вашихъ отношеніяхъ къ намъ руководить гораздо болѣе жалость, снисхожденіе къ нашей слабости, невольными виновниками которой являетесь вы, чѣмъ любовь. Кромѣ того, мы большею частью васъ не любимъ. Мы не увѣряемъ васъ въ любви, мы не даемъ постоянно клятвъ, но мы и не заявляемъ вамъ противнаго. Мы просто замалчиваемъ это и живемъ съ вами такъ, какъ будто любимъ васъ. Насъ за это нельзя винить. Это совершенно необходимо для того, чтобы существовала семья, которая нужна дѣтямъ, да и вамъ, потому что вы такъ любите покой, регулярную жизнь, чтобы изо дня въ день повторялось одно и то же и чтобы былъ здоровый обѣдъ и чистое бѣлье,—вѣдь, это все блага, которыя безъ семьи вамъ обошлись бы слишкомъ дорого. И оттого, что мы должны лицемерить, продажныя женщины счастливѣе насъ. Онѣ могутъ презирать себя только по отношенію къ самимъ себѣ, но у нихъ совѣсть чиста, потому что онѣ никогда не говорятъ о любви, а если и говорятъ, то очень хорошо знаютъ, что имъ не повѣрятъ...

— Погоди, Ольга, — возразилъ Владиміръ Ивановичъ. — Ты увлекаешься парадоксами. Ты, вѣдь, не согласилась бы помѣняться ролями съ какою-нибудь *Blanche* или *Lilie*.

— Ты очень ошибаешься, Владиміръ, — повидимому, спокойно отвѣтила она. — Впрочемъ, я не хочу говорить о себѣ. Я только высказываю свой взглядъ... Я думаю о своихъ дочеряхъ. Какъ жаль, что я бессильна воспитать ихъ по-своему!.. Бѣдняжки! Вѣдь, имъ предстоитъ общій удѣлъ всѣхъ женщинъ. Прежде всего, ихъ

также, какъ и меня, обманеть воспитаніе. Оно навяжетъ имъ тысячи понятій, которыя потомъ одно за другимъ будетъ безжалостно разбивать жизнь. Затѣмъ явятся герои и, глядя на нихъ страстными глазами и мечтая только о томъ, чтобъ овладѣть ими, какъ женщинами, будутъ говорить о высокихъ задачахъ, о благородныхъ стремленіяхъ, объ общей работѣ на пользу человѣчества. Потомъ женятся на нихъ и сдѣлаютъ ихъ своими женами, своими женщинами, смотрительницами ихъ бѣлыя, няньками дѣтей и пр., и пр., сдѣлаютъ ихъ больными и слабыми, а задачи оставятъ себѣ. Когда я подумаю объ этомъ, меня охватываетъ ужасъ. Нѣтъ, пусть онѣ будутъ, чѣмъ хотятъ, пусть будутъ врачами, если смогутъ, но пусть начнутъ это не съ 34-хъ лѣтъ и не растративъ еще всѣ силы на радости любви съ ея послѣдствіями; пусть будутъ артистками или кокетками... Это—единственное, что ставитъ женщину въ уровень съ мужчиной и заставляетъ уважать въ ней личность. Не хмурьтесь, Сербова! Вамъ легко отрицать это, потому что вы избрали счастливую долю: вы будете врачомъ, вы будете чѣмъ-нибудь, единицей, а не придаткомъ, не мелкою дробью, которую отбрасываютъ для округленія счета. Я говорю правду. Мужчины ничего не ищутъ въ женщинѣ, кромѣ красоты ея тѣла. Это мы ищемъ въ нихъ умъ и душу, а они, когда говорятъ это, лицемерятъ, облекаютъ низменные инстинкты въ возвышенныя формы. О, они такъ хорошо умѣютъ это дѣлать! Мнѣ говорилъ Ловичъ, и я ему вѣрю: «Не вѣрьте, когда мужчина говоритъ, что ищетъ въ женщинѣ друга. Я ищу въ женщинѣ только женщину. Зачѣмъ я стану искать себѣ друга среди женщинъ, когда мнѣ гораздо легче и проще найти его среди мужчинъ? Мужчина и болѣе подходитъ для этой роли, онъ, такъ сказать, цѣннѣе: онъ образованнѣе, тверже характеромъ, лучше знаетъ и правильнѣе понимаетъ жизнь». Это говорилъ Ловичъ, и онъ такъ дѣйствительно думаетъ. Другіе такъ не думаютъ, но, все равно, это такъ. Когда прятали женъ въ терема, то поступали послѣдовательно и логично, потому что такимъ образомъ прятали отъ посторонняго глаза низменныя отношенія между людьми.

Она выразительно посмотрѣла на мужа и продолжала уже какъ бы по его адресу:

— Я глубоко сожалѣю, что ты привезъ меня за границу. Тамъ я, по крайней мѣрѣ, была загнипнотизирована моралью, что быть женой и матерью—необыкновенно возвышенное дѣло. Бѣдныя женщины, поставленныя въ невозможность подняться выше этого, выдумали себѣ это для утѣшенія. Все-таки, легче жить на свѣтѣ,

когда думаешь, что осуществляешь какое-то высокое призваніе. Но что же тутъ возвышеннаго? Всякая женщина съумѣетъ быть женой, а родить дѣтей не такая ужъ головоломная задача, — они сами рождаются. Что мы любимъ своихъ дѣтей, возмиса съ ними, болѣемъ о нихъ,—иначе быть не можетъ, иначе было бы противуестественно и мы страдали бы. Это простые инстинкты и мы только являемса ихъ рабами... Почему не говорить, что обѣдать каждый день возвышенно? А это, вѣдь, то же самое.

— О, такъ, по-твоему, и самое слово «возвышенно» слѣдуетъ исключить изъ лексикона? Вѣдь, все такимъ образомъ можно подвести подъ инстинктъ... Что же, по-твоему, возвышенно?

— Быть личностью, быть чѣмъ-нибудь, быть самимъ собой, а не нераздѣльною частью, которая безъ самага цѣлаго стодитъ нуль. Этимъ будутъ Сербова, Щупкина, Даша,—если не сбѣлаетъ ошибки,—будутъ многія, но не я... Мнѣ ужъ поздно и не по силамъ мѣнять специальность... Вотъ, господа, какія у меня странныя мысли!... Не даромъ я обѣщала удивить васъ... Вотъ и удивила!

Она легла попрежнему и замолчала. Всѣ были подавлены ея рѣчами и молчали. Никто, разумѣется, не былъ согласенъ съ нею, но всѣ понимали, что возражать было бы еще хуже, такъ какъ въ ней, вѣдь, говорили нервы.

XXXI.

— Нѣтъ, нехорошо, нехорошо, Ольга Сергѣевна, вы себя ведете!—говорилъ ей Ловичъ въ тотъ же день вечеромъ, когда они вдвоемъ сидѣли въ кабинетѣ. Владиміръ Ивановичъ былъ у Шелковскаго, а Даша укладывала дѣтей. — Нехорошо! И вы теперь видите, отчего все это произошло. Оттого, что вы забраковали меня,—ну, и пошли по ложному пути.

Ольга Сергѣевна усмѣхнулась.

— Знаете, Ловичъ, вы единственный человекъ, еще иногда вызывающій во мнѣ охоту говорить, возражать, спорить... Отчего это, какъ вы думаете? Не оттого ли, что всѣ другіе выше насъ?

— Представьте себѣ, что именно отъ этого самага!—отвѣтилъ Ловичъ.—Да, выше, но только не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ вы разумѣете. Они не ростомъ выше, а только забрались по выше и оттуда смотрятъ на міръ. Знаете, какъ куры, на которыхъ послѣ захода солнца, то-есть передъ сномъ, нападаетъ мечтательность и онѣ непремѣнно взлетаютъ на какой-нибудь заборъ или на крышу, а если ничего такого нѣтъ, такъ онѣ становятся самими

песчастными курами... Такъ вотъ и люди, васъ окружающіе. Они всегда чувствуютъ потребность въ маленькихъ ходулькахъ, чтобы не только другимъ, но и себѣ самимъ казаться чуть-чуть повыше. Знаете, какъ люди маленькаго роста любятъ ходить въ сапогахъ съ высокими каблукамп. А мы съ вами просто по землѣ ходимъ. Только вотъ что, Ольга Сергѣевна, вы-то не важно ходите, а, знаете, этакъ пошатываясь, какъ пьяный.

— Я иначе не могу.

— Пустое! Блянусь честью, пустое! Это васъ заморила медицина. А вы встряхнитесь... Знаете что? Въ воскресенье въ St. Cloud гулянье и всѣ фонтаны пустятъ. Положимъ, эти фонтаны комичны и передъ версальскими grands aux ничего не стоятъ. Но дѣло не въ нихъ, а въ воздухъ, въ толпѣ, въ оживленіи. Мы поѣдемъ туда на пароходикѣ, а вернемся по желѣзной дорогѣ на St.-Lazar, — это отъ васъ въ двухъ шагахъ.

— Полноте, полноте!... Я буду ныть и отравлю вамъ весь день. Поѣзжайте съ Дашей вдвоемъ. Это вамъ доставитъ гораздо больше удовольствія.

— Рѣчь идетъ не о моемъ удовольствіи, а о томъ, чтобы васъ расшевелить. Вѣдь, вы изъ тѣхъ людей, которыхъ надо раскачать въ извѣстномъ направленіи, они и побѣгутъ по немъ. Помните, какою кислою вы пріѣхали въ Парижъ? А, вѣдь, вотъ же я раскачалъ васъ и мы съ вами весело провели нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ эта медицина все дѣло испортила.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, Ловичъ, медицина здѣсь не причемъ. Мнѣ, какъ старому вивѣру, въ конецъ развинтившему себѣ и желудокъ, и нервы, все вредно—и сладкое и горькое, и кислое и соленое, и холодное и горячее, и волненіе и покой. Для здороваго организма все хорошо. Сербовой хорошо заниматься медициной, Дашѣ хорошо весело развлекаться, а мнѣ все плохо, потому что я истощена жизнью. Вѣдь, въ истощенной почвѣ не принимаются и не даютъ ростковъ самыя здоровыя сѣмена.

— Ахъ, право, вы такъ все это говорите, точно рѣшили завтра застрѣлиться!

— Да я это почти рѣшила, Ловичъ!—промолвила она такимъ спокойнымъ, невозмутимымъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о завтрашнемъ гуляньѣ въ паркѣ St.-Cloud.

— Почти рѣшить въ такомъ дѣлѣ—значитъ совсѣмъ не рѣшить,—возразилъ Ловичъ.

— Отчего же? Сперва почти, а потомъ и совсѣмъ. Вѣдь, это, все-жь-таки, не такъ просто, какъ выпить стаканъ вина.

— А я думаю, наоборотъ, что тутъ можетъ быть только два случая: или у человѣка такъ много данныхъ жить, что это не только не просто, а совсѣмъ невозможно, или данныхъ нѣтъ, тогда это очень просто, все равно, какъ если бы васъ втолкнули подъ стеклянный колпакъ, изъ-подъ котораго выкачали весь воздухъ, вѣдь, вы неминуемо задохнетесь.

Ольга Сергѣевна съ живостью приподнялась.

— Ахъ, какое хорошее сравненіе!—воскликнула она.— Оно мнѣ ужасно пригодится!

— Для чего? Вы пишете романъ?

— О, нѣтъ, для меня, для меня лично! Вѣдь, я теперь все взвѣшиваю, подвожу итоги и... вдругъ можетъ оказаться это... вотъ, какъ вы сказали... что меня втолкнули подъ стеклянный колпакъ, изъ-подъ котораго выкачали воздухъ!... Да, вотъ отчего я иногда чувствую, что задыхаюсь... Да, да!

— Э, ну васъ! Это все оттого, что вы дышите этимъ пансіонскимъ воздухомъ и никогда ничего не видите. Нѣтъ, я васъ умоляю, поѣдьте въ воскресенье въ St.-Cloud... Ну, сдѣлайте это для меня... Вѣдь, все-жъ-таки, я иногда хоть забавлялъ васъ.

— Да, вѣдь, надо дѣтей брать, — съ миной усталости промолвила Ольга Сергѣевна.—Они меня истощаютъ.

— О, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! Владиміръ Ивановичъ можетъ поѣхать съ ними куда-нибудь въ другое мѣсто,—ну, въ Венсенскій лѣсъ, что ли!... Пусть-ка потрудится для семейнаго очага. А мы поѣдемъ втроемъ.

— Не стоитъ, право... Я знаю, это только въдесятеро утомитъ меня.

— Но для меня, Ольга Сергѣевна!

— Вы хотите, чтобъ я для васъ утомилась до смерти? Это жестокость!

— Ничего. Я хочу этого.

— Ну, извольте, я поѣду. Но только не жалуйтесь, если я буду изводить васъ.

— Ни одной жалобы! Обѣщаю вамъ это! Только одѣньтесь по-праздничному, посвѣтлѣе, попестрѣе, чтобы ничто, ни одна черная ленточка не омрачала вашего взора. И вы увидите, что мы васъ возстановимъ!

— А я предсказываю, что обратно меня притащутъ на носилкахъ,—уже смѣясь, замѣтила она.

Дарья Степановна уложила дѣтей и вошла къ нимъ. Имъ ничего не стоило уговорить ее ѣхать съ ними въ воскресенье. Она

только возразила, что, можетъ быть, Владиміръ Ивановичъ рѣшилъ иначе употребить завтрашній день.

— Такъ пусть перерѣшитъ. Эка важность! — сказалъ Ловичъ. — Пускай уступаетъ женщинамъ. Я вообще намѣренъ поднять голосъ за угнетенныхъ... Женщина, это — красота, а красота надо поклоняться, а не заставлять ее дрова рубить.

— Это что-то вродѣ религіи Павла Аркадьевича, — замѣтила Даша.

— Ну, что-жь? Почему же мнѣ не сойтись на этомъ съ Павломъ Аркадьевичемъ, тѣмъ болѣе, что мы поклоняемся одному и тому же неумолимому божеству.

— Это что значить? — спросила Ольга Сергѣевна.

— А развѣ вы не знаете, что послѣдовало объясненіе?

— Павелъ Аркадьевичъ тоже влюбленъ въ васъ, Даша?

— Почему тоже? — спросила Дарья Степановна.

— А разумѣется — тоже, тоже, тоже! — энергично подтвердилъ Ловичъ.

Дарья Степановна, глядя на него, укоризненно покачала головой.

— Вы болтливы, какъ женщина, — сказала она.

— Я не зналъ, что это ваша священная тайна, — возразилъ онъ.

— Не тайна и, тѣмъ болѣе, не священная, но я не хотѣла ставить его въ смѣшное положеніе. Вотъ и все. Онъ въ такомъ возрастѣ, когда влюбляются въ каждую женщину. Что-жь тутъ удивительнаго?

— Развѣ я нахожу въ этомъ что-нибудь удивительное? Напротивъ, было бы удивительно, еслибъ онъ прошелъ мимо васъ безнаказанно. Я это слишкомъ хорошо знаю по личному опыту.

Пришелъ Владиміръ Ивановичъ и Ловичъ сразу заявилъ ему:

— Рѣшено, что ты въ воскресенье цѣлый день будешь нянькой и повезешь дѣтей въ Венсенскій лѣсъ.

— Если это рѣшено, то мнѣ остается только исполнить, — разваливаясь на диванѣ, отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ. — Но почему въ Венсенскій? Я его не люблю. Онъ скучный.

— Куда хочешь, только не въ St.-Clud... Мы туда ѣдемъ.

— Почему же, Ольга, ты не хочешь взять съ собою дѣтей? Имъ бы хорошо туда проѣздиться. Тамъ, вѣдь, праздникъ и открытіе фантановъ.

— Потому что они будутъ угнетать меня, — просто объяснила Ольга Сергѣевна.

— Дѣти тебя могутъ угнетать?

— Да, представь себѣ... Даже больше, они иногда тяготятъ меня.

— Ольга!

— Я, вѣдь, знаю, что ты отъ этого долженъ придти въ ужасъ. Это потому, что ты здоровый человѣкъ и не понимаешь человѣка, у котораго все... не то, что болитъ, а ослабѣло. Это въ порядкѣ вещей.

— Да, но это очень печально, очень печально! — промолвилъ Владиміръ Ивановичъ и въ сильномъ волненіи началъ теревить и мять свою бороду.

— Я и не говорю, что это весело.

Минуты двѣ длилось молчаніе. Даша сидѣла за столомъ, подперевъ голову обѣими руками, Ловичъ—по другую сторону—барабанилъ по столу пальцами. Всѣмъ было тяжело, и чтобы разогнать тучу, Ловичъ съ необыкновенною живостью, сильно впадая въ шаржъ, началъ говорить о томъ, какъ Владиміръ Ивановичъ будетъ завтра возиться съ дѣтьми, причемъ комически изображалъ и его, и дѣтей, cadaго порознь. Но это не вызвало ни у кого улыбки. Тогда онъ молча вопросительно посмотрѣлъ на Дашу, а она тоже молчаливымъ взглядомъ отвѣтила ему, что его попытки напрасны, что отъ нихъ только тяжелѣе, потому что онѣ подчеркивають грустное положеніе, и чтобъ онъ ихъ оставилъ. Онъ понялъ это и вновь перемѣнилъ разговоръ.

— Когда-жъ вы ѣдете на озеро?—спросилъ онъ.

— Никогда!—отвѣтила Ольга Сергѣевна такимъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, что всѣ повернулись къ ней.

— Какъ никогда? Мы ѣдемъ, мы непремѣнно ѣдемъ, — возразилъ Владиміръ Ивановичъ,—это никому такъ не нужно, какъ тебѣ.

— Мнѣ ничего не нужно, Владиміръ.

— Ахъ, не будемъ говорить объ этомъ!—нервно воскликнулъ Каширцевъ.—Ну, ты думаешь, что не нужно, потому что ты нездорова, истощена и у тебя неправильно функционируютъ нервы. Но если я попрошу тебя сдѣлать это для меня, то ты сдѣлаешь, вѣдь?

— Я все теперь дѣлаю по особой просьбѣ для другихъ!— съ горькимъ смѣхомъ промолвила Ольга Сергѣевна.—Въ S.-Cloud ѣду для Ловича, а на озеро для тебя... Это оттого, что мои собственные желанія такъ же истощены и слабы, какъ и я, и не могутъ достаточно сильно заявлять о себѣ... Ну, хорошо! Что-жъ, ты серьезно думаешь, что я тамъ возвращу силы?

— Почему же нѣтъ? У тебя нѣтъ никакой болѣзни, ты только утомлена и малокровна. Все это поправимо.

— Но ты забываешь, что мнѣ придется все время возиться съ дѣтьми.

— Это почему? Развѣ Даша тебѣ не будетъ помогать?

— Даша? Я не думаю, чтобъ она рѣшилась бросить пѣніе.

— Какъ? Вы останетесь въ Парижѣ одна?—съ изумленіемъ спросилъ Каширцевъ.

— Въ Парижѣ около трехъ милліоновъ населенія, — замѣтилъ Ловичъ.

— Нѣтъ, это вопросъ серьезный. Я хотѣлъ бы слышать это отъ самой Даши.

— Я не уѣду изъ Парижа, Владиміръ Ивановичъ, — промолвила Дарья Степановна, глядя внизъ на столъ между своихъ рукъ.

— Вотъ какъ!—съ явной досадой сказалъ Владиміръ Ивановичъ.— Жаль, что это не было предусмотрено, когда мы выѣзжали изъ Россіи.

Дарья Степановна сильно вспыхнула.

— Если это вамъ такъ неудобно, то я поѣду, — произнесла она, не скрывая своего раздраженія.

— О, нѣтъ! Зачѣмъ же? Я не прошу этой вынужденной услуги... Ну, что-жь, я самъ буду смотрѣть за дѣтьми, пока они привыкнуть къ кому-нибудь.

— Ну, вотъ видишь, Владиміръ, — вступила въ разговоръ Ольга Сергѣевна, — ты говоришь, что мои нервы функционируютъ неправильно. А твои, можетъ быть, и правильно, но за то несправедливо... Это такое естественное желаніе у Даши—не прерывать начатаго дѣла, на которое она возлагаетъ надежды, въ которомъ, можетъ быть, вся ея будущность... Ты хотѣлъ бы, чтобы весь міръ бросилъ свои дѣла и занялся бы твоими?

— Однимъ словомъ, я злостный эгоистъ!—саркастически воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Не злостный, а просто—эгоистъ, какъ и мы всѣ. Только я понимаю положеніе Даши, потому что обѣ мы—женщины, а ты не понимаешь, потому что ты—мужчина, естественный врагъ женщины.

— Ну, хорошо! Съ кѣмъ же вы будете здѣсь жить, Даша?—прежнимъ тономъ спросилъ Каширцевъ.

— По всей вѣроятности, съ Ловичемъ, — рѣзко, сверкая глазами, промолвила Дарья Степановна, порывисто поднялась съ мѣста, руто повернулась и вышла въ другую комнату, хлопнувъ дверью.

— Ты крайне неправъ!—съ глубокимъ укоромъ сказала мужу Ольга Сергѣевна и тоже поднялась и пошла вслѣдъ за Дашей.

Владиміръ Ивановичъ нервно кусаль губы, а Ловичъ смотрѣлъ въ сторону и молчалъ. Владиміръ Ивановичъ больше всего досадовалъ на самого себя. То, что онъ говорилъ, было, конечно, несправедливо, но это оттого, что онъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое и не могъ. Противъ Даши онъ имѣлъ многое, но не рѣшился затронуть эти вопросы, — они были слишкомъ щекотливы. На его взглядъ, Даша катилась по наклонной плоскости все быстрѣе и быстрѣе и не далеко была отъ пропасти. Ея образъ дѣйствій по отношенію къ Ловичу становился, по его мнѣнію, предосудительнымъ. Она уже не только позволяла ему платить деньги за ея уроки, не только носила платья, оплаченныя имъ, она свободно ѣздила въ его коляскѣ, посылая за нею, когда ей было нужно, и тратила его деньги на маленькія прихоти. Она начинала входить во вкусъ полной обезпеченности и незнанія границъ въ расходахъ. Все это должно идти дальше и дальше, и наступить моментъ, когда Ловичъ потребуетъ отплаты и будетъ правъ.

Все это смущало его, а когда онъ узналъ, что Даша хочет остаться одна въ Парижѣ, то въ душѣ его закипѣло негодованіе. Тутъ ужъ Ловичу остается только быть послѣдовательнымъ, чтобы достигнуть цѣли.

Но говорить объ этомъ съ Дашей онъ не рѣшался, а съ Ловичемъ—тѣмъ больше. Это было и неприятно, и бесполезно. И они тяжело молчали оба.

Ольга Сергѣевна, какъ только ушла Даша, догадалась, что эти сверкающія молнія въ ея глазахъ должны разрѣшиться слезами. Потому-то она и пошла въ дѣтскую. Дарья Степановна лежала на кровати, уткнувшись лицомъ въ подушку, и въ самомъ дѣлѣ плакала. Она стала утѣшать ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, я всѣмъ дѣлаю только зло!—нервно вздрагивая, говорила Даша.—Я даже и тѣмъ преступленіе совершаю, что хочу, наконецъ, достигнуть для себя чего-нибудь хорошаго... И этимъ я что-то отнимаю у другихъ!... По всей вѣроятности, мнѣ на роду написано тянуть лямку.

— Полноте, Даша! — успокоивала ее Ольга Сергѣевна, присѣвъ къ ней на кровать и съ нѣжностью глядя ея роскошныя золотистыя волосы.—Владиміръ, навѣрное, уже созналъ, что неправъ. Развѣ вы его не знаете? Онъ никогда не бываетъ несправедливъ больше двухъ минутъ... А вы не говорите глупостей. Ничего такого вамъ на роду не написано. Вамъ тянуть лямку? Да что вы,

милая? Да за васъ тысячи людей потянуть ее, стодить только кликнуть кличь. Нѣтъ, Даша, вы должны быть счастливы во что бы то ни стало, слышите? И за себя, и за... за нѣкоторыхъ другихъ...

Дарья Степановна вдругъ поднялась и схватила ее руку.

— За что вы такъ добры ко мнѣ и... снисходительны?— горячо воскликнула она.—Вѣдь, я не стою этого, я такая гадкая!

— Ахъ, Даша! Жизнь женщины это—постоянная борьба съ мужчиной! Вспомните только всю исторію женщины и ея отношеній къ мужчинамъ. Въ какое унижительное положеніе ставили они насъ, какія оскорбленія наносили намъ! Они продавали насъ, какъ вещи, и обращались, какъ съ животными. Для нихъ всѣ средства были позволительны, потому что они были сильнѣе насъ, а теперь, когда они сами развились умственно и требованія ихъ стали выше, они и носъ поднимаютъ, но это единственно потому, что иначе имъ съ нами было бы невыносимо скучно, единственно для себя и для себя... Они хотятъ, чтобы женщина будила въ нихъ страсть и удовлетворяла ихъ не только тѣломъ, но и умомъ, но, въ сущности, развѣ это не то же самое, только острѣе и утонченнѣе? Нѣтъ, Даша, берите счастье во что бы то ни стало, обѣими руками берите его... Ну, полно, прочь слезы, вытрите ихъ, вымойте лицо и идите къ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало! Они никогда не должны знать о нашихъ слезахъ. Мы слабы и не можемъ жить безъ нихъ, это—нашъ протестъ. Но когда они видятъ насъ плачущими, они начинаютъ чувствовать себя сильными, господами, и сознавать, что мы безъ нихъ беспомощны.

— Вы славная, милая!—въ порывѣ благодарности говорила Даша, горячо пожимая ее руку и цѣлуя ее въ щеки.—Я ничѣмъ не заслужила этого, я не сдѣлала вамъ ничего хорошаго.

Минуть черезъ десять онѣ вышли въ кабинетъ и нашли мужчинъ мрачно и молчаливо сидящими въ разныхъ углахъ. Ольга Сергѣевна тотчасъ же съ неестественною веселостью начала говорить о томъ, какъ застала Дашу съ надутыми губками и какъ убѣдила ее не сердиться.

— Сердиться долженъ Владиміръ, потому что онъ неправъ, какъ Юпитеръ,—прибавила она.

— Да, я неправъ,—просто подтвердилъ Владиміръ Ивановичъ.—Извините, Даша.

— Ну, Богъ съ вами!—отвѣтила Дарья Степанова, какъ-то бессознательно усвоивая тонъ Ольги Сергѣевны.

Тогда и Ловичъ оживился и опять заговорилъ о воскресной

поѣздѣ. Они рѣшили выѣхать изъ дому въ 11 часовъ. Онъ ушелъ, оставивъ въ квартирѣ Баширцевыхъ мирное настроеніе.

Тотчасъ послѣ его ухода поднялся Владиміръ Ивановичъ и сказалъ, что тоже хочетъ пройтись, такъ какъ у него разболѣлась голова. Онъ взялъ шляпу и, выйдя на улицу, направился, насколько могъ быстро, на вокзалъ St.-Lazar. Здѣсь онъ послалъ въ Петербургъ телеграмму, адресовавъ его Отлетову. Онъ написалъ: «Пріѣзжайте немедленно, если хотите спасти Дашу отъ гибели. Только ваше личное присутствіе можетъ ее удержать отъ паденія въ пропасть».

Онъ вернулся домой съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ, какъ человѣкъ, исполнившій свой долгъ.

XXXII.

Черезъ два дня наступило воскресенье. Они сдѣлали, какъ было условлено. Ольга Сергѣевна одѣлась въ свѣтлое платье и Ловичъ похвалилъ ее за это. День начался весело. Яркое свѣтило солнце, по обѣ стороны Сены зеленѣли густые лѣса; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ. Вся палуба небольшого парохода была сплошь набита пестрою толпой, среди которой преобладали мелкіе буржуа съ своими женами и дочерьми. Но попадались и студенты, и рабочіе.

Въ S.-Cloud толпа весело двигалась по улицамъ и наполняла паркъ; въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ тысячей голосовъ. Рестораны выставили свои столы прямо на площадь; въ разныхъ концахъ гремѣла музыка.

Они начали съ того, что позавтракали подъ открытымъ небомъ. Потомъ пошли въ паркъ и любовались на фонтаны. Мелодическій плескъ воды смѣшивался съ непрерывнымъ грохотомъ, который шелъ отъ montagnes russes, расположившихся тутъ же въ паркѣ; съ верхней части парка слышалось пѣніе. Какая-то дѣтская веселость наполняла воздухъ.

Ольга Сергѣевна смотрѣла на все съ какимъ-то черезъ-чуръ внимательнымъ любопытствомъ. Казалось, что ей стоило большого напряженія, чтобъ усвоить все, что происходило вокругъ. Веселости не было видно на ея лицѣ. Но Ловичъ все время старался развлечь ее, рассказывалъ анекдоты, сыпалъ каламбурами, но это мало помогало. На каждый анекдотъ, на каждую шутку Ольга Сергѣевна какъ бы считала своимъ долгомъ отвѣтить ему улыбкой, но онъ очень хорошо видѣлъ, что эта улыбка вынужденная.

— Да полноте, развернитесь!.. Помните, какъ вы умѣли это дѣлать!—воскликнулъ онъ, стараясь расшевелить ее.

— А теперь не умѣю,—отвѣтила Ольга Сергѣевна.

— Но почему же именно теперь? Посмотрите, какое солнце, какой воздухъ, какая зелень!

— Да... И представьте, что я не понимаю, какъ все это можетъ кому-то доставить удовольствіе. Солнце мнѣ кажется слишкомъ яркимъ, толпа слишкомъ глупой, зелень—слишкомъ скучной. И все это раздражаетъ меня... Знаете ли, Ловичъ, я лучше уѣду!

— Куда? Какъ можно? Мы васъ не пустимъ!

Она сѣла на скамейку и лицо ея покрылось блѣдностью и выраженіемъ усталости.

— Нѣтъ, я поѣду! Мнѣ хочется, чтобы вы съ Дашей остались здѣсь до конца праздника. А съ меня просто довольно, вотъ и все!

Ловичъ и Даша принялись горячо возражать. Въ такомъ случаѣ, и они поѣдутъ. Но Ольга Сергѣевна отклонила это рѣшительно и даже нѣсколько рѣзко:

— Ахъ, неужели вы не понимаете, что вы сегодня уже мнѣ надоели? Нѣтъ, я прошу васъ, сведите меня на вокзалъ, возьмите мнѣ билетъ и я поѣду.

Она настойчиво потребовала отъ нихъ, чтобъ они оставались до конца. Имъ пришлось подчиниться.

И вотъ поѣздъ двинулся. Она сидитъ въ купѣ, въ другомъ углу кабой-то старикъ въ плисовыхъ полосатыхъ штанахъ, въ мягкой шляпѣ, съ трубочкой въ зубахъ. Но она его не замѣчаетъ. Приложивъ високъ къ оконной рамѣ, она смотритъ въ одну точку на противоположномъ диванѣ и въ головѣ ея все одна и та же мысль: «Въ квартирѣ никого нѣтъ, Владиміръ придетъ поздно... Это такъ просто, такъ просто...»

И она не замѣчаетъ, какъ станціи мелькаютъ одна за другой, а вотъ уже виднѣнъ спереди ярко освѣщенный грандіозный вокзалъ St.-Lazar. Было около пяти часовъ, когда она вышла на площадь, протиснулась сквозь ряды omnibusовъ и извозничьихъ колясокъ и поспѣшными шагами направилась по улицѣ Реріпіège, потомъ, миновавъ церковь св. Августина, еще прибавила шагу и повернула на улицу Воетіе, гдѣ находился ихъ пансіонъ.

Толстая г-жа Брония сидѣла на улицѣ у подъѣзда и о чемъ-то шлетничала съ пансіонеркой. Она спросила Ольгу Сергѣевну, почему она такъ рано вернулась,—развѣ ей не нравится паркъ St.-Cloud? Ольга Сергѣевна отвѣтила, что паркъ превосходенъ, но она стала.

Войдя въ квартиру, она скинула накидку и шляпку и почему-то бережно уложила ихъ каждую на ея мѣсто. Потомъ подошла къ письменному столу и, вынувъ изъ ящика листъ бумаги, хотѣла уже запереть его, но увидала тамъ какую-то телеграмму. Она прочтала ее и сперва не поняла; прочитавъ еще разъ, она усмѣхнулась и покачала головой. Потомъ она закрыла ящикъ, но телеграмму оставила на столѣ. Затѣмъ она принялась писать и писала быстрымъ, нервнымъ, разгонистымъ почеркомъ.

Исписавъ четверть листа, сложила его и, написавъ: «Владиміру», оставила тутъ же на столѣ. Потомъ она перешла въ спальню, съ четверть часа ходила по ней изъ угла въ уголъ, подходила къ окну, останавливалась, смотрѣла, какъ-то странно усмѣхалась и пожимала плечами. Лицо ея было такъ блѣдно и утомленно, что, по всей вѣроятности, все это она дѣлала черезъ силу. Ей бы лечь въ постель и отдохнуть. Тутъ ею овладѣла жажда. Она положила въ стаканъ сахару, кусокъ лимона, налила воды и долго мѣшала чайною ложкой. вмѣсто того, чтобы выпить лимонадъ, она отставила его и переодѣлась. Она сняла платье и корсетъ и надѣла широкую блузу. Еще нѣсколько шаговъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Вдругъ она порывисто подошла къ стакану, еще разъ вторично помѣшала ложкой и сразу, залпомъ, выпила все до дна. Глаза ея широко раскрылись, какъ будто она была до безконечности изумлена своимъ поступкомъ. Она постояла съ минуту у окна, посмотрѣла внизъ, на толкавшіися по улицѣ толпу, и слезы стали катиться изъ ея глазъ.

Она безпокойно оглядѣлась по сторонамъ. На лицѣ ея выразился какъ бы испугъ; она чего-то искала глазами, или, быть можетъ, хотѣла выбѣжать вонъ. Но это было только одно мгновеніе, и вотъ ужъ на лицѣ ея апатія и сонливость. Она махнула рукой, подошла къ постели и, тяжело повалившись на нее, закрыла свое лицо подушкой.

Потомъ все смолкло. Базалось, она заснула грѣпкимъ сномъ.

Изъ Венсенскаго лѣса вернулись часовъ около восьми. вмѣстѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ пріѣхали Шелковскій, Сербова и Щупкина. Они всѣ гуляли съ дѣтьми.

Дамы, въ полной увѣренности, что изъ St.-Cloud еще никто не вернулся, отвели дѣтей прямо въ дѣтскую и начали раздѣвать ихъ. Мужчины вошли въ кабинетъ. Владиміръ Ивановичъ за свѣтилъ лампу и, увидавъ на столѣ свернутый листъ бумаги съ надписью, съ удивленіемъ промолвилъ вслухъ: «Что бы это значило?»

Потомъ онъ прочиталъ то, что было тамъ написано.

«Вѣдь, это же оскорбительно—оказаться неспособной довести до конца начатое дѣло, которое всякая можетъ довести до конца, не обладая ни выдающимся умомъ, ни способностями. Всѣ силы отданы не жизни, а какой-то бессмысленной вознѣ съ пустяками... А когда страстно захотѣлось жить, силъ на это нѣтъ, *жить незачѣмъ*... Что же? Мозгъ оказался слишкомъ слабымъ и худосочнымъ, чтобъ одолѣть простыя вещи, которыя легко даются Щупкиной; нервы до того растравлены, что содрогаются и трепещутъ при малѣйшемъ новомъ впечатлѣніи... Гдѣ тутъ быть личностью, единицей, чѣмъ-нибудь?... И опять чувствовать себя нулемъ? Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ надобности. Нулей и безъ меня довольно на земномъ шарѣ... Недавно я почувствовала, что даже дѣти меня обременяютъ. И оттого-то я на каждомъ шагу была несправедлива къ нимъ. Увы, они научились бояться меня, моего раздраженія, моихъ нервовъ. Значить, я для нихъ не полезна, а вредна... А, вѣдь, это было единственное, ради чего можно заставить себя жить... Что же я такое? Я не гожусь ни въ работницы, ни въ кокетки, ни въ матери... Да, хорошо сказалъ Ловичъ: я именно подъ стекляннымъ колпакомъ, изъ-подъ котораго выкачали воздухъ, и я должна задохнуться. Ахъ, проклятый городъ! Зачѣмъ ты разбудилъ меня?»

— Что же это такое?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ, дрожащею рукой подсовывая къ самымъ глазамъ Шелковскаго бумагу.—Это пишетъ Ольга... Но, вѣдь, они ушли раньше меня... Можетъ быть, она вернулась.

Пока Шелковскій читалъ записку, онъ отворилъ дверь въ спальню и, при свѣтѣ спички, увидѣлъ Ольгу Сергѣевну, лежавшую на кровати. Но она лежала не въ той позѣ, въ какой была, когда опустилась на кровать. Руки ея раскинулись. Одна свѣсилась внизъ, другая крѣпко сжимала подушку. Головы совсѣмъ не было видно.

— Ольга!—окликнулъ ее Владиміръ Ивановичъ, но тотчасъ же выбѣжалъ въ кабинетъ.—Дай свѣчку!—хриплымъ голосомъ сказалъ онъ Шелковскому. У него дрожали ноги и сгибались колѣни. Почему-то въ эту минуту вдругъ этотъ ужасъ, о которомъ онъ никогда раньше не думалъ, показался ему возможнымъ. И когда Шелковскій остановился въ дверяхъ, держа въ поднятой рукѣ свѣчку, онъ подбѣжалъ къ кровати, схватилъ руку жены, потомъ отшвырнулъ подушку, оцупалъ ее голову, лицо и вдругъ со стономъ грохнулся на полъ.

Шелковскій подошелъ къ кровати, взглянулъ и понялъ все. Но

онъ не растерялся. Положеніе было таково, что не позволило ему этого, что-то сдавило ему горло, свѣчка стала дрожать въ его рукѣ, тогда онъ схватилъ ее обѣими руками. Онъ тихо подошелъ къ двери, которая вела въ дѣтскую, и неслышно повернулъ въ ней ключъ два раза. Затѣмъ поставилъ свѣчку на столъ, поднялъ Владиміра Ивановича и перенесъ его въ кабинетъ, на диванъ.

Каширцевъ очнулся.

— Неужели это правда?—съ ужасомъ произнесъ онъ.

— Ну, будь же мужественъ... Тамъ дѣти!—промолвилъ Шелковскій.

Владиміръ Ивановичъ зарыдалъ.

— Это я, это я довелъ ее до этого!...

— Полно!... Не ты, а вся жизнь!... Она права!... Съ такими силами она должна была нести какое-то полусуществованіе... Но успокойся, ради Бога!... Сдержи себя!... Дѣти должны уснуть, ничего не зная... Завтра имъ скажутъ, что мама опасно больна, и увезутъ ихъ къ Сербовой... Потомъ подготовить къ удару.

Черезъ нѣсколько минутъ узнали Сербова и Щукина. Дѣти послѣ цѣлаго дня бѣготни на свѣжѣмъ воздухѣ тотчасъ уснули. Всѣ теперь признали, что это надо было предвидѣть. Когда въ корридорѣ раздались шаги, Сербова вышла встрѣтить и предупредить Ловича и Дашу о случившемся. Даша, увидавъ ее издали, бросилась къ ней.

— Говорите, что случилось!... У меня все время сердце ноетъ...

Она пошатнулась и чуть не свалилась, когда Сербова объяснила ей. Она прошла прямо въ дѣтскую, а Ловичъ въ кабинетъ. Онъ прочиталъ записку Ольги Сергѣевны и остался за столомъ, положивъ на него голову. Онъ искренно любилъ Ольгу Сергѣевну и испытывалъ глубокое горе. Онъ не слышалъ, какъ Шелковскій куда-то исчезъ и увелъ съ собой Владиміра Ивановича,—по всей вѣроятности, прокатить и освѣжить его. Ему стало какъ-то страшно въ этой комнатѣ, когда онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что онъ одинъ. Дамы были въ дѣтской. Онъ хотѣлъ выйти въ корридоръ. Онъ вообще не зналъ, какъ вести себя.

Онъ уже взялъ шляпу, чтобы выйти. Въ это время вошла Даша. Ее всю охватила нервная дрожь, она путалась въ платьѣ и громко стучала челюстями. Глаза ее были красны.

— Я сейчасъ съ ума сойду,—промолвила она.—Мнѣ всего страшно... На меня наводитъ ужасъ мои собственные шаги... Ахъ, я такъ несчастна!... Мнѣ такъ жаль ее, бѣдную!... И у меня теперь въ этомъ домѣ нѣтъ ни одного друга!... Гдѣ ее письмо?

Онъ указалъ на столъ. Но, прежде чѣмъ взять письмо, она за-мѣтила телеграмму и развернула ее.

— Что это значить? Смотрите: «Выѣзжаю сегодня, буду въ понедѣльникъ. Отлетовъ». Его вызвали... я понимаю это... Ну, говорите же, говорите, что мнѣ дѣлать?... Я не хочу встрѣтиться съ нимъ... Я не могу этого... Вы понимаете? Понимаете?

— Я вамъ скажу, если вы меня послушаете, — какъ-то слишкомъ серьезно сказалъ Ловичъ.

— Ахъ, говорите!

— Идите, захватите шляпу и накидку.

— Потомъ?

— Сдѣлайте это... Солгите имъ что-нибудь!

Она какъ-то машинально вышла въ корридоръ, вошла въ дѣтскую и сейчасъ же появилась со шляпкой и накидкой въ рукѣ.

— Надѣньте это и пойдемъ.

— Въ это время? При такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ?

— Вы ничего не можете помочь.

— А дѣти?

— Здѣсь есть женщины, которыя будутъ полезнѣе, чѣмъ вы.

— Нѣтъ, это невозможно!

— Завтра утромъ пріѣдетъ Отлетовъ.

Она быстрымъ движеніемъ надѣла шляпку и накидку и молча пошла къ выходу; онъ послѣдовалъ за нею. Они прошли направо, дошли до какой-то широкой Аvenues; Ловичъ подозвалъ извозчика и назвалъ ему вокзалъ.

— Куда мы ѣдемъ?—спросила она, прижимаясь въ уголъ кареты.

— Въ Трувилль!... Поѣздъ отходитъ черезъ полчаса. Утромъ будемъ тамъ.

— А потомъ?

— Тамъ обсудимъ... Если вы прикажете мнѣ броситься въ море, внизъ головой, чтобъ я не надоѣдалъ вамъ, я это сдѣлаю тотчасъ же, на вашихъ глазахъ.

— Нѣтъ, не прикажу!

— Спасибо!

Онъ взялъ ея руку, которая дрожала, и поднесъ къ своимъ губамъ.

— Вы теперь сознаете мою беспомощность и свою власть надъ мной? — какимъ-то страннымъ, неровнымъ голосомъ произнесла она.

Онъ посмотрѣлъ на нее огненнымъ взглядомъ, продолжая сти-

мать въ своихъ рукахъ ея руку и, должно быть, онъ замѣтилъ въ ея глазахъ что-то новое.

— Нѣтъ, это вы имѣете надо мной безконечную, безпредѣльную власть, и если кто беспомощенъ, такъ это я, я, вашъ рабъ... Дарья Степановна, вы можете прогнать меня за это вонъ, но я... я не въ си-лахъ... не могу, не могу больше такъ томиться... Дарья Степановна! Даша! Жизнь моя!

И онъ схватилъ ее всю своими сильными руками и страстно прижалъ ее къ себѣ. Она не возражала и не сопротивлялась.

Когда они вошли въ вокзалъ, оставалось десять минутъ до отхода поѣзда. Ловичъ досталъ гдѣ-то бумагу и конвертъ; пока онъ бралъ билеты, Даша писала карандашомъ письмо Владиміру Ивановичу. Затѣмъ они отыскивали коммиссіонера и велѣли тотчасъ же отнести письмо по адресу.

Ловичъ велъ Дашу подъ руку и лицо его сіяло. А она, оторвавшись разомъ и такъ внезапно отъ прежней почвы, вдругъ почувствовала къ нему довѣріе. Вѣдь, никто еще въ жизни не выражалъ ей столько любви и не сдѣлалъ столько добра, какъ онъ.

Они уѣхали въ Трувиль.

На другой день утромъ дѣтей увезли къ Сербовой. Шелковскій не покидалъ Владиміра Ивановича, который какъ бы потерялся. Изъ дѣтской вынесли кровати и поставили тамъ столъ. Туда перенесли Ольгу Сергѣевну.

Въ десять часовъ явился съ чемоданомъ Отлетовъ. Онъ вошелъ въ квартиру, предупрежденный консьержкой о несчастіи, и потому видъ у него былъ какой-то помятый. И безъ того некрасивое и незамѣтное лицо его приняло жалкое выраженіе.

Владиміръ Ивановичъ поцѣловался съ нимъ и сказалъ, махнувъ рукой:

— Все поздно!... Все!... Какъ-то это вдругъ случилось!... Вотъ прочитайте!

И онъ отдалъ ему письмо Дарьи Степановны. Оно было кратко. Она извинялась, что покинула дѣтей въ такое время, но поясняла просто, что иначе не могла поступить. Она просила сказать Отлетову, что она теперь не та, что прежде, и ужь совсѣмъ не годится для скромной жизни съ нимъ. «Мы отравили бы другъ друга», — прибавила она, и затѣмъ просила не справляться о ней вовсе и не предпринимать никакихъ мѣръ, чтобы возвратить ее. «Я ушла безвозвратно!» — такъ заканчивала она свое письмо.

Отлетовъ скомкалъ письмо и долго просидѣлъ въ своемъ креслѣ неподвижнымъ, какъ пріѣхалъ, въ пальто и съ кожанною сумкой черезъ плечо. А Владиміръ Ивановичъ безконечно грустнымъ, подавленнымъ взоромъ смотрѣлъ въ окно, откуда была видна часть бульвара и вдалекѣ вырисовывались колонны святой Магдалины, крыша Большой Оперы съ бронзовою группою надъ фасадомъ, шумѣла толпа, грохотали экипажи и omnibusы, и все это было залито яркими, прозрачными лучами солнца, и думалъ: «Ты побѣдилъ, побѣдилъ!»...

И. Поталенко.

ЛЮДИ — БРАТЯ.

(Разсказъ).

„Такъ ли, сынъ мой, ты говоришь съ отцомъ твоимъ, которому ты долженъ быть вѣчно благодаренъ, ибо онъ есть виновникъ дней твоихъ?...“

(Изъ одного стариннаго романа).

„Sois malheureux — et tu seras seul“.

A. de Musset (Confession).

I.

Осенью мачиха объявила, что я поступаю въ пансіонъ г-жи Ролль.

Я всегда училась дома, къ шестнадцати годамъ знала приблизительно то же, что знаютъ всѣ барышни моего возраста, но долговязый дядя Эдя, братъ покойнаго отца, внушилъ мачихѣ, что я должна имѣть дипломъ. Дядя Эдя пріѣзжалъ къ намъ въ Москву рѣдко, притворялся дѣльцомъ и во всемъ рѣшительно знатокомъ, меня терпѣть не могъ, а мачиха его уважала и слушалась. Каждый разъ послѣ отъѣзда дяди она становилась строгой, хотя и не надолго.

Насчетъ пансіона мачиха выказала необычайную твердость. Напрасно я рыдала и повторяла, что, конечно, я не родная дочь, мамаша не можетъ любить меня, и напрасно она лицемѣрить. Мачиха сама плакала горькими слезами, влялась, что любить меня больше собственнаго пятилѣтняго сына, — и это была правда; однако, на этотъ разъ капризовъ моихъ не уважили и въ пансіонъ г-жи Ролль меня опредѣлили. Тамъ въ нѣсколько мѣсяцевъ приготавливали къ экзамену на домашнюю учительницу.

Всѣ мои подруги, «семиклассницы», да и вообще всѣ воспитанницы казались мнѣ противными и безобразными, хотя я имъ улыбалась и почти заискивала передъ ними отъ непривычки и отъ

страху, — я всегда слышала, что надъ новенькими смѣются. Вставать рано и спѣшить въ пансіонъ во всякую погоду тоже казалось мнѣ ужаснымъ.

Пансіонъ г-жи Ролль имѣлъ странную особенность: въ немъ не было помѣщенія для седьмого класса и мы кочевали со своими учителями, учительницами и тетрадями изъ столовой въ гостиную, изъ гостиной въ пріемную, занимались даже въ спальнѣ г-жи Ролль. Рядомъ со спальней была комната взрослого сына начальницы, красиваго офицера, какъ говорили видѣвшія его воспитанницы.

Въ достопамятный третій день моего пансіонскаго ученья мы сидѣли въ шестомъ — младшемъ — классѣ. Мутное небо сѣрѣло, въ окнахъ по стекламъ сбѣгали дождевыя капли. Я пришла поздно, когда урокъ уже начался, сердито пробралась на свое мѣсто и сѣла. Рядомъ со мной была дочка священника, Машенька Фивейская, болтливая и толстая, съ необычайно густымъ, сизымъ румянцемъ на крѣпкихъ щекахъ. Она съ готовностью повторяла мнѣ фамиліи, имена, рассказывала даже, у кого какое состояніе и гдѣ служить отецъ.

При этомъ, конечно, она половину выдумывала, изъ усердія, но выдумывала такъ наивно, что ложь у ней всегда можно было отличить отъ правды.

Она шептала мнѣ за урокомъ, что жидовка Вейденгаммеръ хвастается собачьею шапochкой, а экзамена не выдержитъ; ее всѣ зовутъ Вейденгаммерская, а она обижается, потому что окончаніе дурно звучитъ.

— А посмотрите, Леля Дѣй такъ затянулась, что едва дышетъ... На щекахъ красныя пятна... Воображаетъ себя хорошенькой... Учителя въ нее влюбляются, это правда, но, вѣдь, она имъ глазки строить.

Урокъ давала Наталья Сергѣевна, учительница геометріи. Урокъ былъ нашъ, а шестиклассницы приглашались сидѣть смирно, если не желали слушать.

Фивейская объяснила мнѣ, что Наталья Сергѣевна безнадежно влюблена въ сына г-жи Ролль и даетъ уроки почти даромъ. Наталья Сергѣевна была высока, худа, съ красивымъ лицомъ, еще молодая, но такая унылая, вялая, даже зловѣщая, что тоска брала при одномъ взглядѣ на нее.

Наталья Сергѣевна сказала коротконогой ученицѣ, которая бойко писала мѣломъ:

— Довольно! Бузьмина, продолжайте!

Сзади меня послышался шорохъ и съ дальней парты къ доскѣ

вышла или, скорѣе, выскочила ученица Бузьмина. Я ее видѣла въ первый разъ. При мнѣ она въ пансіонъ не приходила.

II.

Бузьмина стояла ко мнѣ спиной. Она была невысокаго роста, хорошо сложена, въ сѣромъ платьѣ. За плечами перекрещивались бретельки чернаго передника. Темные волосы лежали на самой маковкѣ, закрученные въ небольшой шиньонъ. Я смотрѣла съ равнодушнымъ любопытствомъ, но вдругъ замерла отъ удивленія и неожиданности, когда дѣвушка обернулась.

Лицо ея оказалось поразительно некрасивымъ. Ротъ былъ довольно приятенъ, глаза черные, на выкатѣ, кругловатые, но крошечный, приплюснутый, безформенный носъ безобразилъ это лицо выше всякой мѣры.

Однако, уродство Бузьминой не внушало отвращенія, а скорѣе жалость.

Я обратилась къ моей Оивейской:

— Что это? Кто эта Бузьмина? Отчего она такая безобразная? Оивейская отвѣтила мнѣ шепотомъ:

— Вы удивляетесь? А мы къ ней привыкли... Знаете, она въ третьемъ классѣ еще хорошенькая была, очень недурненькая... Только больная, у ней золотуха сильная... Не лечили, запустили, пришлось операцию дѣлать... Мы ее послѣ больницы и не узнали... Такое ужъ несчастье...

— И что же, и начальница замѣтила?

— Еще бы! Она ее не хотѣла и принимать, пока ей не дали свидѣтельство отъ семи докторовъ, что золотуха не заразительна, да, къ тому же, у Бузьминой и совершенно прошла.

— Ну, а сама Бузьмина? Сколько ей лѣтъ было, когда съ ней это случилось?

— Четырнадцать, кажется. Теперь ей восемнадцать.

— И что же она? Горевала, плакала?

— Бузьмина-то будетъ плакать? Какъ же! А и заплачетъ, такъ сейчасъ же утѣшится. Такой ужъ характеръ. Особенно некрасивой она себя не считаетъ, привыкла... Вотъ вы увидите, она веселая, Анята Бузьмина.

Хотя разговоръ нашъ велся шепотомъ, однако, Наталья Сергѣевна его услышала и, для прекращенія безпорядка, мрачнымъ голосомъ вызвала меня къ доскѣ помогать Бузьминой.

— Здравствуйте,—сказала Бузьмина тихонько, когда я была

съ нею рядомъ. — Мы еще съ вами незнакомы. Давайте рѣшать задачу.

Она улыбулась, показавъ рядъ блестящихъ, тѣсныхъ зубовъ. На щекахъ и на подбородкѣ у нея были ямки. Бруглые глаза смотрѣли весело и довѣрчиво.

«Правду говорила Фивейская, — подумала я, — навѣрное, эта Аня была хорошенькая и къ ней можно привыкнуть».

III.

По пятницамъ, отъ часу до трехъ, мы оказывались въ самомъ грустномъ положеніи: уйти домой было нельзя, — въ три начинался урокъ исторіи, во всѣхъ классахъ сидѣли учителя, въ пріемную насъ однѣхъ не пускали и заниматься было рѣшительно нечѣмъ.

Въ одну изъ такихъ несчастныхъ пятницъ мы пріютились въ корридоръ на окнѣ и разговаривали въ полголоса.

Аня Бузьмина, въ своемъ сѣренькомъ платьицѣ, была тутъ же, что-то безсвязно рассказывала и смѣялась такъ громко, что мы ее унимали.

— Послушайте, mesdames, — сказала, краснѣя, миловидная Лея Дэй. — Намъ скучно, времени много. Давайте зайдѣмъ на минутку въ комнату Петра Павловича?

Петръ Павловичъ былъ красивый офицеръ, сынъ начальницы.

Мы въ ужасѣ посмотрѣли на Дэй. Она продолжала:

— Никого нѣтъ, я знаю. Горничная Батя мнѣ говорила, что у него въ комнатѣ красиво. Ковры, оружіе... портреты разныхъ актрисъ... Пойдемте, а?

— Нѣтъ, извините, я не пойду, — надменно отозвалась Вейденгаммеръ. — Я не маленькая. Это непозволительная вещь для молодой дѣвушки.

— Ну, и сиди, Вейденгаммерская, молодая дѣвушка! — закричала, вся вспыхнувъ, Аня Бузьмина. — А мы пойдемъ! Вставайте же, mesdames!

Она расширила свои круглые глаза и теребила меня и Дэй.

Дэй, впрочемъ, довольно безцеремонно отстранила ее.

— Я, вѣдь, кажется, просила васъ, Бузьмина, такъ за меня че хвататься. Я не люблю. И чего вы? Безъ васъ пойду.

Бузьмина обращалась съ подругами безцеремонно и дружественно и, кажется, совсѣмъ не замѣчала, что въ ихъ отношеніи было что-то брезгливое, хотя и фамиллярное.

Дэй не ошиблась, сказавъ, что мы пойдемъ. Мы не устояли

противъ соблазна увидѣть актрисъ и оружіе и на цыпочкахъ пробрались къ таинственной комнатѣ черезъ спальню м-ше Ролль. Другого хода мы не знали.

Вейденгаммеръ, поднявъ носъ, осталась въ корридорѣ.

Дверь была не заперта. Мы вошли въ большую квадратную комнату, сплошь устланную ковромъ. На стѣнахъ дѣйствительно висѣли кривыя ржавыя сабли, а надъ низкою оттоманкой я увидѣла портретъ офицера съ крутыми усами—вѣроятно, самого хозяина—и картинку, изображающую раздѣтую женщину. Въ комнатѣ стоялъ крѣпкій и пріятный запахъ хорошихъ сигаръ.

Дѣй вытащила откуда-то альбомъ, и мы столпились у стола какъ вдругъ за стѣной послышался шумъ. М-ше Ролль пришла къ себѣ и путь былъ намъ отрѣзанъ.

Сначала мы думали, что она уйдетъ. Но мы услышали, какъ она велѣла горничной подкатить къ окну кресло, опустилась въ него своимъ грузнымъ тѣломъ и, вздыхая, принялась раскладывать пасьянсъ.

— Mesdames, вотъ другая дверь,—прошептала курчавая Динева.—Я посмотрю, нѣтъ ли выхода въ корридоръ.

Она прокралась туда, но черезъ минуту воротилась и съ отчаяніемъ объявила, что тамъ спальня, а за спальней маленькая передняя и отдѣльный выходъ на улицу.

Бѣ довершенію несчастія, маленькіе звонкіе часы на письменномъ столѣ пробили три. Учитель исторіи насъ ждалъ.

А сквозъ плохо притворенную дверь безнадежно слышалось шелганье картъ и шорохъ шелкового платья начальницы.

Вдругъ кто-то постучался, потомъ вошелъ въ комнату м-ше Ролль. Мы явственно услышали звонъ шпоръ. Офицеръ вернулся.

Онъ говорилъ о чемъ-то съ матерью. Сколько минутъ прошло, мы не замѣтили. Мы ждали.

И дѣйствительно, офицеръ очутился на порогѣ комнаты. Онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на пансіонерокъ, похожихъ на стадо глухыхъ, испуганныхъ овецъ.

— Какъ! У меня гости?—сказалъ онъ, усмѣхаясь.—Маман! Взгляните, какое здѣсь милое общество!

Я не думаю, чтобы офицеръ желалъ намъ зла. Онъ просто не зналъ, какъ великъ нашъ проступокъ и какая великая кара насъ ожидаетъ.

М-ше Ролль съ одного взгляда поняла дѣло.

— Будьте добры,—произнесла она,—пойдите въ мой кабинетъ. Я сейчасъ приду.

Мы гуськомъ двинулись вонъ мимо улыбающагося офицера. Я шла послѣдняя и видѣла, какъ онъ особенно учтиво поклонился розовой Лелѣ Дѣй, а когда мимо шла Кузьмина, онъ отвернулся и пересталъ улыбаться.

Въ кабинетѣ мы цѣлые полчаса слушали грозную рѣчь начальницы. Объяснивъ, что въ продолженіе недѣли мы каждый день остаемся до шести часовъ и что это наказаніе еще слишкомъ легкое за нашъ неприличный поступокъ, м-ше Ролль вдругъ совершенно неожиданно набросилась на Кузьмину:

— Это вы все затѣяли, я не сомнѣваюсь! Вы первая выдумываете гадкія шалости, вы самая дурная дѣвушка во всемъ пансіонѣ! Давно бы васъ слѣдовало исключить! Не беспокойтесь, я сегодня же напишу вашей тетенькѣ, какъ вы себя ведете! Ступайте всѣ теперь, а съ вами, голубушка, я еще поговорю!

Леля Дѣй молча кусала губы. Кузьмина тоже молчала, но когда мы всѣ, пристыженные, вышли въ корридоръ, она вдругъ заревѣла,—прямо заревѣла, а не заплакала,—и бросилась на то самое окно, гдѣ мы сидѣли раньше. Теперь тамъ никого не было. Вейденгаммеръ занималась въ залѣ съ учителемъ исторіи.

Я остановила въ дверяхъ Лелю Дѣй.

— Послушайте, почему вы не сказали, что это не Кузьмина затѣяла идти?

— А вамъ что за дѣло? Да и какъ не она? Вѣдь, она же всѣхъ тянула и визжала? А теперь реветъ. Отправляйтесь утѣшать ее.

И Дѣй захлопнула дверь.

Я дѣйствительно пошла къ Кузьминой, забывъ урокъ исторіи. Не то, чтобъ я жалѣла Анюту, но меня интересовало общее отношеніе къ ней и то, что я сама начинала говорить съ нею, какъ другія, полупрезрительно, а причины этому не знала.

Анюта лежала грудью на окнѣ и продолжала плакать.

Я постояла нѣкоторое время молча, потомъ сказала:

— Перестаньте, Кузьмина. Чего вы плачете? Вѣдь, мы всѣ наказаны.

Кузьмина подняла голову и взглянула на меня своими широко заплаканными глазами.

— А зачѣмъ она...—голосъ ея прервался,—зачѣмъ она такъ а меня... орала?... Всѣ были... а она на меня бросилась... И егда, и всегда на меня... У всѣхъ я самая виноватая.

Я сѣла рядомъ съ Кузьминой, на окно, и принялась утѣшать . Она почти не слушала меня, а черезъ минуту уже смѣялась,

разсказывала мнѣ какіе-то пустяки. Но когда я хотѣла уйти, она вдругъ сжала мою руку своими маленькими ручками и сказала:

— Останьтесь со мной. Вы мнѣ ужасно понравились. Хотите, будемъ на «ты»?

И Анята глядѣла на меня пристально, мигая круглыми глазами. Въ эту минуту я подумала: «Какъ ея глаза похожи на птички! И вся она какая-то утка. Утки такъ мигаютъ, часто-часто... И ходить она съ перевальцемъ—совершенная утка... Смѣшная и бѣдная».

Въ первый разъ мнѣ стало искренно жаль Аняту. Я подала ей руку и сказала:

— Ну, хорошо. Будемъ на «ты».

IV.

Въ одномъ изъ московскихъ переулковъ, недалеко отъ Успенія на Могильцахъ, былъ сѣрый деревянный домикъ. Онъ очень походилъ на всѣ домики въ переулкахъ: такой же длинный, немного покосившійся на одинъ бокъ; сверху стоялъ мезонинъ колпачкомъ, въ три маленькихъ окошка, и, какъ большинство другихъ домиковъ, онъ граничилъ на обѣ стороны съ дощатыми заборами садовъ. Изъ-за заборовъ наклоняли свои вѣтки прозрачныя березы и другія деревья. Надъ подъездомъ былъ сдѣланъ желѣзный навѣсъ, на углахъ котораго торчали двѣ узенькія водосточныя трубы, устроенныя въ видѣ драконовъ съ разинутыми ртами. Желѣзо заржавѣло, а маленькіе желтые драконы смотрѣли совсѣмъ безпомощными старичками.

На двери висѣла старая металлическая дощечка. Чернота буквъ кое-гдѣ стерлась, но, все-таки, можно было прочесть:

«Агушерка

Марья Платоновна Тѣшъ».

Марья Платоновна занимала весь домъ, да онъ внутри оказывался и не очень большимъ: четыре комнаты внизу, да двѣ въ мезонинѣ, гдѣ жила бабушка, сѣдая старушка въ бѣломъ чепчикѣ съ длиннымъ, непривѣтливомъ лицомъ. За дѣтьми ходили няни, которыя постоянно мѣнялись, потому что жалованье имъ казалось недостаточнымъ.

Дѣти звали Марью Платоновну Машей, старушку въ чепцѣ—бабушкой; имъ было извѣстно, что они не всѣ родные между собой, что родители ихъ живутъ далеко, но что, тѣмъ не менѣе, они должны любить и уважать ихъ и всячески эту любовь выказывать,

когда прѣзжаютъ папаша или мамаша. Впрочемъ, прѣзжали они только къ Ванѣ и Анютѣ, которые были родные братъ и сестра. Надя же разъ только видѣла свою тетю, а потомъ ей сказали, что она должна быть очень послушной, потому что ея родители умерли. Надю это извѣстiе не особенно огорчило: она была бабушкина любимица и бабушка постоянно держала ее при себѣ, не позволяла отдать нигуда учиться и кормила имбирными лепешками.

Анюта и Ваня съ молчаливою завистью глядѣли на эти лепешки. Марья Платоновна или Маша, какъ они ее называли, не давала имъ лепешекъ. Марья Платоновна была бездѣтная вдова и жила съ достаткомъ. Практика у нея случалась довольно частая. Вся фигура Марьи Платоновны была полна достоинства, даже важности. Широкая, еще молодая, съ бѣлымъ прiятнымъ лицомъ, она, казалось, такую родилась, такую умереть и никогда не состарится. Глаза у Марьи Платоновны были свѣтло-сѣрые, выпуклые и не злые. На головѣ она носила черную кружевную косынку и сильно хромала: она еще въ дѣтствѣ вывихнула ногу, и ее не выправили.

Для Вани и Анюты было очень обычно, что папаша съ мамашей прѣзжаютъ изъ своего имѣнiя въ Польшѣ, цѣлуютъ ихъ, дарятъ не интересныя игрушки и уѣзжаютъ, и опять все попрежнему. Ваня одинъ разъ принялся разспрашивать Марью Платоновну, гдѣ имѣнiе папы и мамы и отчего они не живутъ дома, но Марья Платоновна сухо объяснила ему, что дѣтямъ въ деревнѣ жить нельзя, потому что нужно учиться и скоро его отдадутъ въ гимназiю.

Анютѣ было восемь лѣтъ, когда она въ первый разъ увидѣла мамашу. Она прѣехала одна, сказала, что папаша будетъ вечеромъ, плакала, цѣловала Ваню и Анюту, попросила у Марьи Платоновны кофе и сняла шляпку. Анютѣ мамаша показалась огромной, высокой, почти до потолка, очень толстой и очень бѣлой, несмотря на черные, какъ деготь, волосы. Анюту заняло, что у мамыши оказалось два подбородка, одинаково бѣлыхъ и круглыхъ, а на рукахъ, около колець съ зелеными камнями, было много хорошенькихъ ямочекъ.

Мамашино черное платье съ пышнымъ шлейфомъ все блестѣло гдѣ стеклярусныхъ кружевъ, но блестѣло такъ скромно и такъ просто, что когда мамаша сказала Марьѣ Платоновнѣ, утирая заплаканные глаза: «Я ужь старуха, я всегда въ черномъ», — стеклярусъ не показался страннымъ, а, напротивъ, придалъ мамашинимъ словамъ много достоинства.

За кофею мамаша нѣсколько разъ принималась плакать, сообщила, что прѣехала очень не надолго, но что теперь они стануть

навѣщать «дѣточекъ» часто, разъ въ годъ, по крайней мѣрѣ. Нужно будетъ прїѣзжать въ Москву по дѣламъ.

Узнавъ, что Анята хвораетъ, мамаша взволновалась, но сейчасъ же успокоилась и вполнѣ раздѣлила мнѣніе бабушки, что домашнія средства лучше всякихъ докторовъ.

Вечеромъ прїѣхалъ папаша. Анята, помня наставленія Марьи Платоновны, бросилась къ нему на шею, за ней бросился и Ваня. Папаша оказался маленькимъ, сохлымъ и довольно пожилымъ. Онъ привезъ много конфетъ, говорилъ мало, сидѣлъ въ углу дивана и все ежился да пожимался. Мама при немъ стала разсуждать тише и робче, и, хотя она была очень большая, а онъ очень маленькій, всѣ сейчасъ же видѣли, что не онъ ея, а она его боится.

Потомъ папаша и мамаша уѣхали, обѣщая скоро вернуться. Они сдѣлали и надлежащія распоряженія. Согласно этимъ распоряженіямъ, Марья Платоновна опредѣлила Ваню живущимъ въ частную гимназію, а Анята стала ходить въ пансіонъ г-жи Ролль. Кромѣ того, каждый день ее поили домашнимъ декоктомъ, цѣлительныя свойства котораго были испытаны.

Во время Анятиной болѣзни мамаша прислала двѣ телеграммы, а увидѣвъ Аняту въ домѣ послѣ ея выздоровленія, мамаша плакала сильнѣе обыкновеннаго и подарила Анятѣ хорошенькій бархатный альбомъ для стиховъ и еще другія вещицы. Въ послѣдній разъ папаша и мамаша прїѣзжали весной, когда Анята переходила въ седьмой классъ. Они подарили ей серебряныя часики, и Анята любила ихъ вынимать въ пансіонѣ. Показывала и мнѣ ихъ разъ десять. Вообще она охотно говорила со мной о себѣ, о своихъ домашнихъ и семьѣ. Сначала я изумлялась.

— Ты никогда не пишешь папѣ и мамѣ? Ты ихъ не любишь?

— Господи, какъ же не любить папу съ мамой? И пишу иногда... въ Машиномъ письмѣ приписываю.

— А Маша добрая?

— Ничего... Она только строгая. Съ Ваней все бранятся... Ну, да, вѣдь, онъ такой... Ни въ чемъ не уступитъ.

— А ты Машу любишь?

— Люблю.

Но это «люблю» Анята произнесла жалкимъ, унылымъ тономъ и такъ грустно заморгала круглыми глазками, что я невольно протянула ее къ себѣ и поцѣловала. За нѣсколько недѣль моего пребыванія въ пансіонѣ я привыкла къ Анятѣ,—она часто казалась мнѣ только жалкой и милой. Я называла ее «уткой» за ея круглые глаза. Она не сердилась и улыбалась мнѣ какъ-то робко.

У.

Одинъ разъ Анята затащила меня къ себѣ.

Это былъ день именинъ ея «сестры» Нади. Въ залѣ, посреднѣхъ комнаты, стоялъ столъ, на немъ пироги, бутылки и самоваръ. На диванѣ у стѣны сидѣла бабушка, рядомъ съ ней ея любимица, пухлая и сонная Надя, а по бокамъ двѣ барышни-гости.

Анята, у которой дома спала вся бойкость, словно она чего-то опасалась, познакомила меня съ барышнями, назвавъ ихъ Катей и Тиной Горляковыми.

Изъ противоположнаго угла комнаты къ намъ подошла, прихрамывая, Марья Платоновна.

— Вотъ, Маша, — сказала Анята, запинаясь, — это моя подруга.

— А-а! — протянула Маша равнодушно. — Милости просимъ.

Я сѣла на диванъ между барышнями. Мнѣ было очень неловко, хотѣлось уйти, но я не знала, какъ это сдѣлать.

Барышни стали со мной разговаривать. Только Надя молчала и поглядывала на бабушку.

Катя была совершенно зеленая, мертвенная, съ длиннымъ неподвижнымъ лицомъ и черными глазами, которые она держала полувскрытыми. Ея сестра Тина, маленькая, скромненькая фигурка, вся, казалось, состояла изъ одного лба, — такой онъ у ней вышелъ большой и высокій. Она, очевидно, знала свойство своего лба выставляться на видъ и сама этимъ была угнетена.

Анята суетилась, но робко и тщетно. Отъ пирога я отказалась. Разговоръ не клеился. Наконецъ, я встала и начала прощаться.

Анята не удерживала меня. Она смотрѣла недоумѣло и жалко. Барышни Горляковы дружелюбно протянули мнѣ руки и вдругъ зеленая Катя, къ величайшему моему удивленію, пригласила меня къ себѣ на именины въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

— Вы не думайте, у насъ не скучаютъ, — говорила она своимъ неподвижнымъ голосомъ. — Мы танцуемъ, играемъ въ разныя игры. Молодежь... Кавалеровъ много, а барышень мало. Приходите вотъ въ Анятой.

Анята подхватила, мгновенно развеселившись:

— Непремѣнно пойдемъ, неpremѣнно! Ты увидишь, какъ будетъ весело! Я танцую до упаду!... Она придетъ, Катя, будь спокойна!

Я совершенно растерялась отъ неожиданности и вздохнула свободно только выйдя на улицу. Не понравился мнѣ Анятинъ «домъ».

VI.

Моя мачиха сердцемъ расположилась къ Анютѣ. Она звала ее бывать у насъ чаще, спрашивала о семьѣ. Въ силу привычки, Анята и папу съ мамой въ польскомъ имѣніи, и свое житье у Маши съ неизвѣстнымъ будущимъ,—все находила простымъ и естественнымъ. Мало-по-малу привыгла и я и перестала думать о странностяхъ въ Анятиной жизни.

Анята всегда была весела, очень искренна и очень откровенна. Казалось, она бы не могла имѣть никакихъ секретовъ.

Числа двадцатаго ноября Анята поймала меня въ пансіонскомъ корридорѣ и прошептала скороговоркой:

— Ты какое платье надѣнешь?

— Когда?—спросила я въ изумленіи.

— Да во вторникъ, къ Горляковымъ! Вѣдь, во вторникъ вечеръ!

Я приняла обиженный и надменный видъ хорошо воспитанной барышни и произнесла:

— Неужели ты думаешь, что я пойду? Одинъ разъ видѣла людей, сказала два слова. Да меня и не пустятъ, мамаша не знаетъ, кто такіе Горляковы.

— Вотъ вздоръ какой! Не знаетъ Горляковыхъ? Да Горляковы извѣстные: онъ чиновникъ, пожилой, больной, къ гостямъ не выходитъ... сынъ студентъ. У нихъ весело. Я сама приду уговорить твою мамашу. Душечка, пойдешь! Ты увидишь, у меня будетъ голубое платье и серебряный газъ сверху. И я буду танцовать, танцовать...

Мной овладѣло мучительное желаніе посмотрѣть на бѣдную Аняту въ серебряномъ газѣ. Несмотря на всю мою дружбу и жалость къ ней, въ этомъ стремленіи было что-то злорадное. Я сама не понимала, откуда это злорадство. Часто, видя ее смѣшной и не подозревающей своего несчастія, я испытывала эгоистическое довольство, что я не такая, какъ она, и отъ этого двойственного отношенія къ Бузьминой я долго не могла избавиться.

Я рѣшила идти къ Горляковымъ. Мачиху уговорить было не трудно. И въ день вечера, часовъ въ восемь, Анята зашла за мной, красная, взволнованная. Платье она подобрала подъ свое старенькое пальто, которое ни за что не хотѣла снять. Пока я одѣвалась, она безъ умолку болтала.

— Знаешь, Маня, тамъ бываетъ одинъ морякъ, прошлый разъ онъ сильно за мной пріударилъ, но я не обратила никакого вниманія. Я тебѣ скажу, кто мнѣ нравится, вотъ ты его увидишь. Онъ

тоже не особенно мнѣ нравится, но онъ лучше всѣхъ, кто за мною ухаживаетъ,—Петя Горляковъ, студентъ. Я тебя съ нимъ познакомлю...

Я съ сомнѣніемъ слушала Анюту. Интересно будетъ посмотреть, кто это и какъ за ней ухаживаетъ.

УП.

Деревянный домъ Горляковыхъ былъ ярко освѣщенъ. На тротуарѣ около оконъ стояла толпа народу, какъ водится въ Москвѣ. Гдѣ свадьба или вечеръ, тамъ и гомушки въ сѣрыхъ платкахъ и капорахъ лѣзутъ на подоконники любоваться чужимъ весельемъ.

Въ передней насъ охватила душная волна,—двери въ залу были отворены, мелькали розовыя и бѣлыя платья.

Насъ встрѣтила, довольно привѣтливо, мертвенная Катя. При огнѣ она казалась не такою зеленой, но отъ этого почему-то не выигрывала. Большелобой сестрицы я не замѣтила.

Мы вошли въ залу, Анюта впереди. На ней точно оказалось свѣтло-голубое платье, покрытое серебрянымъ газомъ; воротъ былъ вырѣзанъ, на лбу волосы она подвила въ буколки, на руки надѣла бѣлыя, но не совсѣмъ свѣжія перчатки. Никогда въ простомъ сѣромъ платьѣ она не казалась мнѣ такою некрасивой. Мнѣ стало гадко, что я пришла нарочно любоваться Анютинымъ стыдомъ.

Бъ ней подлетѣли два кавалера. Одинъ былъ въ штатскомъ, только съ подозрительнымъ розовымъ галстукомъ; другой — студентъ, высокій, сутулый и мѣшковатый, но желающій казаться развязнымъ; у него было водянисто-блѣдное лицо, голубые глазки и необыкновенно вздернутый острый носъ. Несмотря на соломенный цвѣтъ волосъ студента, въ немъ сейчасъ же можно было узнать брата мертвенной брюнетки Кати.

Худая таперша заиграла польку. Пары запрыгали, подошвы зашаркали.

Катя повела меня въ столовую, къ своей матери. Мадамъ Горлякова приготавливала ужинъ, устанавливала цѣлые ряды бутылокъ съ наливками. Кавалеры и до ужина развлекались наливкой, укрѣпляли силы между вальсомъ и кадрилию.

Мадамъ Горлякова была высока, очень суха, съ длинною жистую шейю и цѣпкими руками; въ общемъ она гораздо больше оходила на кухарку или экономку, чѣмъ на даму. Она благосклонно со мной поздоровалась и послала въ залу «веселиться».

Въ залѣ, для перемѣны, играли въ «веревочку». Среди круга

стоялъ волосатый юноша. Онъ взмахивалъ своими кудрями, безпрестанно дѣлалъ движеніе всѣмъ корпусомъ, какъ бы удерживая падающую одежду, и, кромѣ того, со свирѣпѣйшимъ видомъ глядѣлъ на руки играющихъ, точно готовясь броситься и растерзать въ блячки свою жертву.

Я увидѣла голубое платье Анюты противъ меня, рядомъ съ морскимъ офицеромъ. Анюта говорила правду: офицеръ былъ гораздо хуже Пети Горлякова, чернѣе, меньше, къ тому же, очевидно, развлекся наливкой и теперь не вязалъ лыка, — онъ клевалъ носомъ, нестати хохоталъ и вслѣдъ за этимъ погружался въ глубокую задумчивость.

Наблюдая за офицеромъ, я не замѣтила, что волосатый юноша подгрался ко мнѣ, винулся и такъ ударилъ меня по рукамъ, что я вскрикнула и чуть было не заплакала. Всѣ захохотали. Я вышла въ кругъ, а свирѣпый юноша занялъ мое мѣсто.

Долго я не могла никого ударить. Анюту жаль было отрывать отъ бесѣды съ Петей, ея лѣвымъ сосѣдомъ; до мертвенной Кати я какъ-то не рѣшалась дотронуться.

Я подошла и ударила по рукѣ морского офицера. Къ удивленію моему, онъ не пошевелился, точно его укусила мошка, не издалъ звука и остался совершенно непоколебимъ. Я подождала и ударила снова — и съ тѣмъ же результатомъ. Начинаясь хохотъ. Гимназистъ рядомъ толкнулъ офицера въ бокъ; тотъ расклеилъ глаза, навелъ ихъ на меня, проговоривъ: «сударыня», — и опять умолкъ, послѣ чего изъ игры былъ исключенъ, да и вообще «веревочка» прекратилась. Опять таперша сѣла за фортепiano и начался вальсъ.

Анюту то и дѣло приглашали Петя и его товарищъ, штатскій съ розовымъ галстукомъ. Она была наверху блаженства и даже шепнула мнѣ мимоходомъ:

— Видишь, какъ Петя за мной ухаживаетъ?

Ухаживаніе Пети становилось такимъ явнымъ, что всѣ обращали вниманіе, поздравляли Анюту съ побѣдой. Онъ при всѣхъ говорилъ ей комплименты, увѣрялъ, что она необыкновенно интересна, что голубой цвѣтъ идетъ къ ней. Я видѣла, что надъ Анютой смѣются, всѣ рады этой шуткѣ и всѣ противъ нея одной. Я злилась и досадовала на Анюту: неужели она не можетъ понять, что надъ нею издѣваются?

Волосатый юноша завертѣлъ меня въ вальсѣ, отдавливая ноги. Когда я опомнилась, ко мнѣ подлетѣла барышня съ огненнымъ бантомъ на груди и залепетала:

— Ахъ, пойдите, пойдите скорѣ комедію смотрѣть! Всѣ ушли!... Ахъ, какой этотъ Петя забавникъ!

И она потащила меня черезъ столовую въ маленькую комнату, заставленную ширмами и сундуками.

— Ахъ, — твердила моя спутница, — Петя свиданіе назначилъ этой Кузьминой и сейчасъ онъ ей въ любви будетъ признаваться, вотъ интересно! Только тише, а то ничего не выйдетъ.

За дверями столпились барышни и кавалеры, стараясь не шумѣть. Аня стояла посрединѣ комнаты. Петя, зная, что его слушаютъ, хотѣлъ отличиться и насмѣшить компанію, но, вѣроятно, крѣпкая наливка разсѣяла его мысли, потому что онъ не придумалъ ничего лучше, какъ съ шумомъ опуститься на колѣни и запѣть:

«Я васъ люблю и вы повѣрьте...»

За дверями послышался шумъ и смѣхъ. Кто-то захопалъ въ ладоши. Петя продолжалъ романсъ, а публика мало-по-малу выходила изъ засады.

Аня смотрѣла, поплѣднѣвшая, не понимая. Потомъ она опустилась на стулъ и заплакала, повторяя:

— Вы не смѣете, не смѣете!... Это подло!... Я Глафирѣ Львовнѣ расскажу!

Мадамъ Горлякова уже входила въ комнату. Аня бросилась на встрѣчу.

— Глафира Львовна... скажите ему... Это нельзя, пусть онъ не смѣетъ... Я ничего ему не дѣлала...

Мадамъ Горлякова едва выслушала дѣло и вдругъ совершенно неожиданно принялась кричать на Анюту и сдѣлалась при этомъ еще больше похожа на кухарку или эконому:

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ? Шутокъ не понимаете? Вы приняты какъ равная, Петя, жалѣя васъ, танцуетъ съ вами, а вы что себѣ воображаете, ужь и пошутить съ вами нельзя, а? Скажите, принцесса какая!...

Я не дослушала, втихомолку прокралась въ переднюю, нашла свою горничную и уѣхала домой. По дорогѣ я вспомнила слова Аняты послѣ выговора г-жи Роль:

«И отчего это такъ всегда? Отчего я всегда, всегда самая виноватая?»

УШ.

Георгій Даниловичъ Маремьянцъ, окончивъ курсъ медикомъ Харьковскомъ университетѣ, рѣшилъ попытать счастья въ сто-

лицѣ. Родной Тифлисъ ему казался захолустною провинціей даже передъ Харьковомъ. Если ужь добиваться чего-нибудь, то, конечно, въ Москвѣ или Петербургѣ. А Георгій Даниловичъ зналъ, что онъ добьется. Посидить годъ, два, ну, три безъ практики, поѣсть колбасу и ситный, а потомъ явится и практика, и рысакъ свой, и кабинетъ, хорошо убранный. У Георгія Даниловича была такая наружность, передъ которой изъ пятидесяти одна женщина могла устоять. Ростъ высокій, волосы курчавые, черные, какъ смоль, лицо бѣлое и румяное, глаза огненные, хотя нельзя сказать, чтобъ очень выразительные. Такія лица созданы исключительно для того, чтобы плѣнять женскія сердца, и самъ Георгій Даниловичъ зналъ, что его фортуна—въ дамскихъ ручкахъ. Поэтому и взгляды онъ себѣ выработалъ соотвѣтственные. Съ пациентами нужно быть нѣжнымъ, предупредительнымъ, терпѣливымъ; съ коллегами и профессорами—наивнымъ и благоговѣйнымъ; во всѣхъ дѣлахъ честнымъ, благороднымъ и благородства своего отнюдь не скрывать; давно уже Георгій Даниловичъ сообразилъ, что честнымъ быть гораздо умнѣе и выгоднѣе, а всегда вообще слѣдовало показывать видъ, что знаешь нѣчто про себя, чего другимъ не хочешь сказать изъ скромности. Это при всѣхъ случаяхъ годилось.

И Георгій Даниловичъ бодро переносилъ нужду въ чаіи будущихъ благъ. Цѣлую зиму провелъ онъ въ Москвѣ; къ веснѣ практики у него становилось все больше и больше.

Онъ отнюдь не брезговалъ скромными домами, каковъ былъ нашъ, тѣмъ болѣе, что намъ его рекомендовалъ старичокъ - докторъ, имѣвшій большую практику, —онъ долженъ былъ уѣхать. Я всю зиму пролежала въ постели. Въ пансіонѣ я простудилась и схватила сильный плевритъ. Отчасти я радовалась, что отдѣлалась отъ ненавистой м-ше Ролль, и непрерывно упрекала мачиху.

— Вотъ вы послушались дяди Эди, отдали меня въ пансіонъ и я чуть не умерла... Конечно, вы мнѣ не родная мать, я не могу требовать любви.

Мачиха плакала и обѣщала мнѣ никогда больше не слушать дядю Эдю.

Въ февралѣ я стала поправляться. Но было рѣшено, что весной мы поѣдемъ въ Крымъ, —мачиха боялась за мое здоровье. Новый докторъ мнѣ нравился. Онъ часто засиживался у насъ, пилъ чай, болталъ, декламировалъ стихи и даже показывалъ фокусы, —онъ былъ мастеръ на всѣ руки.

Анюта Бузьмина прибѣгала ко мнѣ почти каждый день. Сначала она дичилась Георгія Даниловича, который обращался съ ней

чрезвычайно вѣжливо и предупредительно, шутилъ, но я ни разу не замѣтила въ немъ насмѣшки, вѣроятно, потому, что онъ отличался сообразительностью, а мнѣ было только шестнадцать лѣтъ.

Мало-по-малу смущеніе Аниуты совершенно прошло; Она даже сдѣлалась особенно весела и развязна въ его присутствіи, хохотала, бѣгала, прыгала, какъ маленькая дѣвочка, и болтала вздоръ. Уже не проходило ни одного визита доктора безъ Аниуты. Она торопила самоваръ для него, доставала варенье, суежилась, но иногда вдругъ притихала, садилась въ уголокъ и смотрѣла оттуда на розовое лицо Маремьянца съ глубокимъ и наивнымъ обожаніемъ.

Дня за три до нашего отъѣзда я лежала въ залѣ на кушеткѣ и читала. Снѣгъ давно сошелъ. Выставили окна. Погода стояла жаркая, не апрѣльская. Въ сосѣднемъ монастырѣ звонили къ вечернѣ. Вѣтеръ едва шевелилъ бѣлыми спущенными занавѣсками на окнахъ. Сквозь занавѣски солнце ложилось на полъ теплыми, матовыми пятнами. Я опустила книгу и закрыла глаза. Въ домѣ было тихо. Вдругъ я услышала стукъ колесъ по скверной мостовой нашего переулка. Черезъ минуту позвонили. Вошелъ Маремьянецъ.

Мы ждали его вечеромъ, и я удивилась. Онъ показался мнѣ не то смущеннымъ, не то болѣе обыкновеннаго таинственнымъ.

Пришла мачиха. Мы стали говорить о нашей поѣздкѣ, о моемъ здоровьѣ.

Вдругъ Маремьянецъ придвинулъ свой стулъ ко мнѣ и сказалъ, перемѣнивъ тонъ:

— Видите, я хотѣлъ васъ спросить: вы другъ Анны Николаевны, не правда ли?

— Да,—отвѣчала я, недоумѣвая.

Маремьянецъ помолчалъ.

— Вчера я имѣлъ удовольствіе видѣть Анну Николаевну у себя... Признаюсь, я удивился.

— Аниуту?—изумилась я.—Она приходила къ вамъ? Зачѣмъ?

— Анна Николаевна, кажется, беспокоилась насчетъ состоянія вашего здоровья, просила меня быть откровеннымъ. Я могъ только сказать истинную правду, что болѣзнь ваша окончательно тропла.

Мачиха смотрѣла съ безпокойствомъ, а я ничего не понимала.

— Да... И пожалуйста, Марья Александровна...—тутъ Маремьянецъ смутился или сдѣлалъ видъ, что смутился, и опустилъ глаза въ длинными рѣсницами,—вы ея другъ... имѣете на нее вліяніе... она такая восторженная... и, кажется, безразсудная... Сколько я могъ понять... Повѣрьте, мнѣ очень, очень непріятно.

Сначала я въ удивленіи глядѣла на доктора, потомъ вдругъ поняла и расхохоталась. Анята влюблена въ Маремьянца! Бѣдная Анята! А, между тѣмъ, у меня было опять злорадное чувство.

Георгій Даниловичъ посмотрѣлъ на меня строго и вздохнулъ. Я поняла, что онъ находитъ мой смѣхъ неумѣстнымъ, и сконфузилась.

Разговоръ не клеился. Георгій Даниловичъ, прилично-грустный, всталъ и началъ прощаться. Мачиха, которая все время молчала, пошла проводить его въ переднюю и я слышала, какъ они тамъ долго и горячо разсуждали.

Вернувшись, мачиха сказала мнѣ:

— Въ самомъ дѣлѣ, Маня, поговори съ Анятой. Я вполнѣ понимаю Георгія Даниловича. Ему, должно быть, ужасно непріятно; онъ такой скромный, благородный, и сердце у него прекрасное.

Мнѣ было уже не смѣшно. Я вдругъ страшно разсердилась на Аняту. Что, въ самомъ дѣлѣ? Надо же немного знать приличія! И что она ему наговорила?

У Аняты давно начались экзамены и она приходила только по вечерамъ. Маремьянецъ постоянно спрашивалъ ее, какъ идутъ дѣла, и шутилъ, что она провалится. Въ этотъ день она тоже пришла вечеромъ. Она была тише и печальнѣе, чѣмъ всегда. Даже волосы на лбу не подвила и, вмѣсто желтаго, какъ яйцо, платья, въ которомъ она щеголяла послѣднее время, она осталась въ сѣромъ, пансіонскомъ, съ чернымъ передникомъ.

— Георгій Даниловичъ не будетъ сегодня, — сказала я холодно.

— Не будетъ?

— Онъ займалъ днемъ... Поди сюда, Анята, я хочу съ тобой поговорить.

Я разыгрывала роль старшей сестры. Анята покорно подошла и сѣла около меня.

Продолжать въ спокойно-холодномъ тонѣ я не сумѣла и вдругъ вспыхнула.

— Это безобразіе, Анята, что ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты была у Георгія Даниловича? Ты держать себя не умѣешь... Лѣзешь къ человѣку, выдумываешь предлоги... И что ты ему наговорила? Пожалуйста, не отпирайся. Онъ при всѣхъ разсказывалъ.

— Онъ разсказывалъ? — проговорила Анята. — Ну, пусть. Ну, что-жь? Развѣ я скрываю? Я его люблю.

— Скажите, пожалуйста, любить! — закричала я еще громче. — Да что ты себѣ вообразила?

— Я ничего не вообразила, — тихо и твердо сказала Анята. — Я ничего не думала... Я только видѣть его хотѣла. Вы уѣзжаете.

И онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Развѣ я ему сдѣлала дурное? Я ничего не просила и не тронула его... Я совсѣмъ нечаянно сказала, что готова умереть отъ горя, когда онъ уѣдетъ. Вѣдь, такъ долго осталось.

— Да ты понимаешь ли, что ты не должна...

Анюта вдругъ поднялась и встала передо мною. Я невольно замолчала.

— Не должна? Чего не должна? Я никого не обидѣла! Маня, ты думаешь, что если я убогая, такъ мнѣ ужъ и не хочется, хоть немножко... себѣ ничего не хочется? И не смѣю я минуточку на солнцѣ погрѣться? Не должна, убогая! Пусть сидитъ въ темномъ углу! Нельзя ей и взглянуть, только взглянуть, одинъ разъ на прощанье!

Анюта говорила, а изъ круглыхъ, не мигающихъ глазъ катились слезы.

Мнѣ было стыдно; я молчала.

Анюта вдругъ успокоилась, подошла къ столу и взяла свою шляпу.

— Скажи Георгію Даниловичу,—проговорила она, завязывая ленты у шляпки,—что я ему всего, всего хорошаго желаю. И если онъ не хочетъ, я его не увижу. И что я никогда не измѣнюсь. Я еще приду васъ проводить. Ты не знаешь, какъ мнѣ грустно, что вы уѣзжаете. Ну, прощай теперь, Маня. Не сердись на меня. И еще скажи Георгію Даниловичу,—тихо прибавила она и улыбнулась робко,—что я экзамены выдержала.

IX.

Четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Москвы. И не вернулись бы еще дольше, если бы какія-то дѣла не вызвали мачиху въ Москву на нѣсколько мѣсяцевъ.

Былъ май. Скоро оказалось, что провести лѣто въ тѣсной квартиркѣ, которую мы наняли въ томъ же переулкѣ, гдѣ жили четыре года назадъ, просто невозможно. Пыль, духота... Маленькій братъ заболѣлъ... Мы поневолѣ переселились на дачу.

Дача стояла близъ полустанка Николаевской дороги, верстахъ въ шестидесяти отъ Москвы. Было много перелѣсья, юныхъ бережокъ, на рѣченкѣ съ пивками—купальня, на балконѣ—осинныя нѣзда. По вечерамъ въ низкихъ мѣстахъ колебался блѣдный и безлютный туманъ. Но жить было можно—и мы жили. Старуха Домиа ворчала въ кухнѣ, мачиха на цѣлые дни уѣзжала въ городъ по дѣламъ, а я съ братомъ или одна гуляла по березовымъ перелѣсьямъ.

Никого изъ прежнихъ знакомыхъ я въ Москвѣ не застала, всѣ разбрелись. Нѣкоторыхъ я и не отыскивала.

Одинъ разъ, подь вечеръ (это было уже въ августѣ), я возвращалась изъ лѣсу домой.

По тропинкѣ, ведущей къ нашей дачѣ, спѣшила мнѣ на встрѣчу мама. Лицо ея было блѣдно и разстроено. Я испугалась.

— Мама, что такое? Говорите скорѣй!

— Представь себѣ, — сказала мачиха, задыхаясь отъ скорой ходьбы, — эта несчастная Анята Кузьмина...

— Анята Кузьмина? Вы ее видѣли? — Съ самаго моего отъѣзда изъ Москвы я ничего не знала объ Анятѣ, да, по правдѣ сказать, рѣдко и вспоминала ее.

Мачиха отвѣтила мнѣ:

— Видѣла, потому что она здѣсь. Пойдемъ скорѣе, взгляни сама.

Анята сидѣла на ступенькахъ балкона. Когда я подошла къ ней, она робко встала, не зная, какъ ей здороваться: поцѣловать ли меня, подать ли руку, или просто поклониться?

Мнѣ было странно и страшно. Неужели это Анята? Ея плоское лицо, ея круглые черные глаза, но кожа стала грубой и коричневой отъ загара; на головѣ былъ надѣтъ деревенскій ситцевый платокъ, заношенный и полинялый, ситцевая же кофта, розовая юбка, съ оборваннымъ подоломъ, и старый холщевый передникъ. Ноги были босыя. Такъ одѣвается прислуга изъ простыхъ, когда мѣсяца четыре живетъ безъ мѣста.

Первыя минуты я не могла найти словъ. И языкъ не поворачивался спросить, что съ нею сдѣлалось.

Мачиха выручила меня.

— Идите же на балконъ, Анята, — сказала она. — Сейчасъ подавать чай. Отдохните. Вы, я думаю, очень устали. Шестидесять верстъ пѣшкомъ...

— Нѣтъ, ничего... Я потихоньку шла.

Голосъ у нея сталъ глуше и робче.

— Да неужели ты пѣшкомъ изъ Москвы? — удивилась я.

Анята подняла на меня глаза, обрадованная, что я ей говорю попрежнему «ты».

— Я ничего... Я привыкла, — сказала она. — А какъ ты измѣнилась, Маня, какая здоровая, полная!... Я бы тебя не узнала.

Анята хоть и говорила, что не устала, однако, я видѣла, что она едва сидитъ.

Поскорѣе я велѣла постлать ей въ залѣ. Она легла, не раздѣ-

ваясь. Я хотѣла спросить ее, почему она не хочетъ раздѣться, но мачиха дернула меня за рукавъ и проговорила:

— Тише. Оставь ее. У нея бѣлья нѣтъ.

Х.

На другое утро мы разговорились съ Анютой и узнали многое. Она сначала плакала, стыдилась, не хотѣла говорить при мачихѣ, но мало-по-малу перестала стѣсняться.

Мы сидѣли на балконѣ—Анюта опять на ступенькахъ, въ своей лозовой юбкѣ. Я дала ей туфли. Платокъ она съ головы сняла и стала больше напоминать прежнюю барышню, ученицу ш-ше Ролль.

— Я знаю, что вамъ удивительно;—говорила она.—Ты, Маша, даже испугалась меня. Только ты не думай... Мнѣ скрывать нечего... Я могу все рассказать, что со мной было.

— Анюта, а гдѣ же акушерка, у которой ты жила? А бабушка? Надя? Твой братъ?

— Маша все тамъ же, по-старому живетъ. Только я это понимаю, у ней средства небольшія, она не можетъ меня держать... Да лучше я вамъ все съ начала расскажу. Хорошо?

— Говори, Анюта.

— Кончила я тогда свои экзамены. Маша устроила вечеръ. Были Горляковы. Поплясали мы. Петя опять за мной ухаживалъ, только ужъ взаправду... Ну, просто не отставалъ. И представь себѣ...

Круглые глаза Анюты оживились. Она вспомнила вечеръ во всѣхъ подробностяхъ, хотѣла рассказывать, но вдругъ опомнилась, стихла и продолжала:

— Такъ вотъ послѣ вечера Маша позвала меня къ себѣ и сказала: «Ты, Анюта, не маленькая. Тебѣ дано образование, ты должна зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Родители твои заботились о тебѣ, пока ты не стала на свои ноги, теперь же содержаніе твое они прекращаютъ, ибо сами они люди не состоятельные. Мои средства тоже ограничены, я для тебя ровно ничего не могу сдѣлать». Я удивилась, вспыхнула и говорю: «А развѣ я теперь не поѣду къ папѣ и мамѣ?»—«Какая ты глупенькая!»—сказала Маша.—«Скрывать, впрочемъ, отъ тебя не слѣдуетъ, что отецъ и мать твои—не мужъ и жена, вы съ братомъ—незаконные, носите фамилію крестнаго и приписаны къ мѣщанамъ. Вы оба у меня родились и мнѣ отданы на воспитаніе, а гдѣ живутъ твои родители и какъ ихъ фамилія—они тебѣ не скажутъ, а я открытъ не имѣю права». Знаете, тутъ начала плакать и плакала цѣлый день. Какъ вспомню—

опять, вспомню—опять. А Маша вечеромъ говоритъ: «Я тебя не гоноу пока. Мѣсто, однако, себѣ пріискивай». Получила я дипломъ—домашняя учительница географіи, мѣщанская дѣвица Анна Кузьмина. А какое мѣсто пріискивать, я и понятія не имѣла. Прошло такъ лѣто. Сестра Надя заболѣла. Надя тоже съ рожденія была Машина воспитанница, но за нее давно не платили. Однако, Маша ее держала, потому что бабушка безъ нея жить не могла. Надя заболѣла, бабушка къ ней доктора и близко не подпустила, сама и лечила ее, сама и ходила за ней. Но, все-таки, Надя умерла. Бабушка чуть съ ума не сошла, а потомъ рѣшилась: не могу здѣсь оставаться, поѣду хоть не надолго къ сыну въ Веневь. И Маша съ ней собралась отдохнуть мѣсяца на три. Братъ Ваня жилъ пансіонеромъ въ гимназіи. Ну, и уѣхали онѣ.

— А ты какъ же? Гдѣ же ты осталась, Анята?

— Миѣ Маша выдала пятьдесятъ рублей, сундукъ съ моими вещами, подушки... Я переѣхала въ комнату и скоро черезъ знакомыхъ даже урокъ достала въ пять рублей. Но потомъ миѣ отказали.

— Что-жь, недовольны тобой были?

— Нѣтъ, такъ... Лучше нашли за ту же цѣну... Съ виду лучше...

Анята потупилась. Намъ всѣмъ стало тяжело.

— Ну, а послѣ какъ, Анята?—спросила ее мачиха.—Трудно уроки было доставать?

— Какіе уроки! Я и ходить перестала по публикаціямъ. Зачѣмъ меня возьмутъ, когда на мое мѣсто двадцать пойдутъ, и не такія, какъ я?... Потомъ я уже не уроковъ стала искать... Хоть бы въ горничныя взяли... Скрывала свой дипломъ. Да и въ горничныя не берутъ ни за что. Одинъ разъ пришла я наниматься, выходитъ барыня, разодѣтая. Взглянула на меня и говоритъ: «Нѣтъ, милая, вы намъ не годитесь». Потомъ при миѣ же обращается къ мужу: «Mon Dieu, comme elle est laide!» У меня кровь въ голову бросилась. «Сударыня,—говорю ей,—будьте осторожныѣ, многіе и кромѣ васъ знаютъ по-французски!»—повернулась и вышла. Что дѣлать было? Шить? Да кому мое шитье нужно? Развѣ меня учили? Я и вышивать начну, такъ кресты въ разныя стороны дѣлаю. Позаложила платья свои, потомъ въ уголь переѣхала. Куда ни ходила—нигдѣ не берутъ. Я и дипломъ, и рекомендаціи, и свидѣтельства даже докторскія показывала,—ничего никому отъ меня не нужно. Не нужно, да и все.

— Ну, а Маша? Вернулась? Ты была у нея?

— Бъ веснѣ только вернулась. Безъ бабушки. Я приходила къ ней. Она очень сожалѣла, пять рублей изъ своихъ дала и общала извѣстить, когда прїѣдутъ отецъ съ матерью.

— А знакомые твои? Горляковы, напримѣръ?

— Что-жь они могутъ? У нихъ у всѣхъ свои заботы. И я понимаю, развѣ имъ прїятно у себя принимать такъ одѣтую, какъ я теперь? Могутъ подумать Богъ знаетъ что... Маша даже не совѣтовала ходить ради папы и мамы.

— Ну, какъ же ты жила?

— А вотъ все хуже. Одно время на конфетной фабрикѣ Абрикосова работала. Поденно ходила, случалось. Только, вѣдь, меня стирать не учили—трудно мнѣ это, лѣтомъ развѣ. Ходила огороды полоть за Язу. Такъ все и жила. Потомъ переселилась въ Сокольники, углы одна женщина отдаетъ... Вотъ гдѣ северно, я вамъ скажу! Бабы не дешево... Срамъ, рабочіе, какіе-то проходимицы въ углахъ, пьяные... Сколько я стыда вынесла!... Только вы не думайте чего-нибудь,—прибавила она поспѣшно и даже съ гордостью.—Спросите тамъ любого, всякій скажетъ, что «Анюта курносая»—честная... Мало ли ихъ, дряни, подѣзжало!... Имъ что!... А только я не такая, какъ они, иначе воспитана.

Вдругъ она остановилась, на глаза набѣжали слезы.

— А помнишь Георгія Даниловича, Маня?

— Маремьянца? Еще бы! А ты не забыла? Гдѣ онъ? Ты его видѣла?

Анюта покачала головой.

— Не видала. Развѣ ты не знаешь, онъ въ Петербургѣ живетъ, богатъ сталъ, женился... Мнѣ случайно сказали.

Она замолчала. Мнѣ вспомнились огненные глаза доктора, его «скромность» и всѣ прекрасныя качества... Они были награждены.

— Я его всегда, всегда любить буду,—настойчиво проговорила Анюта,— всегда!

Она вдругъ всхлипнула и уронила голову на колѣни.

Мачиха поспѣшно встала и ушла съ балкона. Я осталась одна съ Анютой.

— Маня, ты не сердись, что я къ вамъ сюда явилась,— сказала Анюта, помолчавъ.— Я какъ узнала, что вы тутъ, не могла утерпѣть... А я уйду скоро...

Я принялась увѣрять ее, что мы ей рады и хотимъ, чтобъ она дольше осталась.

Анюта вздохнула.

— Я только пока мѣсто на фабрикѣ откроется,— сказала

она. — Теперь у меня совсѣмъ ничего нѣтъ. Весной братъ на службу опредѣлился, на желѣзную дорогу. Женился и уѣхалъ. Бъ свадьбѣ отецъ съ матерью писали, что пріѣхать не могутъ, а что этою осенью пріѣдутъ... Вотъ бы ихъ повидать!

— А эти четыре года они не были?

Анюта опять вздохнула.

— Нѣтъ.

Вечеромъ, когда я уходила спать, мачиха сказала мнѣ тихо:

— Вотъ, дочка, каковы родные отецъ съ матерью!

Я ничего не отвѣтила и крѣпко поцѣловала мою *не родную* мать.

XI.

Анюту мы одѣли съ помощью моихъ платьевъ, ботинокъ, бѣлья кое-какого. Сначала я краснѣла, предлагая ей ношеную кофточку, но она взяла съ такою радостью и такъ просто, что я сама обрадовалась.

Переодѣтая, повеселѣвшая Анюта все больше и больше напоминала мнѣ прежнюю беззаботную пансионерку. Правда, у ней очень измѣнились манеры и языкъ. Въ движеніяхъ иногда замѣчалось ухарство. Но, сказавъ какое-нибудь рѣзкое, «сокольничье» слово, — какъ мы называли, — она сама конфузилась, стихала и просила извиненія.

Дни она проводила за безконечными разсказами. Докторъ Георгій Даниловичъ сдѣлался для нея какою-то святыней, она даже и говорить о немъ не любила; но о прежней жизни своей, о вечерахъ и танцахъ вспоминала съ наслажденіемъ, увлекалась описаніемъ своего послѣдняго платья, которое потомъ заложила жидовкѣ за два съ полтиной, радостно мигала круглыми глазами, и я видѣла въ ней все ту же легкомысленную Анюту.

Но я больше разспрашивала ее о Сокольникахъ. Что это за женщина, у которой она живетъ?

— Настасья Ивановна? Она, знаешь, очень добрая, только грубая, конечно. Четыре угла отдаетъ. Вотъ исторія-то разъ вышла! Я съ Настасьей Ивановной откровенна, рассказываю ей все, про Машу, про брата, про всѣхъ... А этотъ пьяница, Антонъ Антоновичъ... впрочемъ, вѣдь, ты его не знаешь, — это такъ, прощайга, молодой совсѣмъ, болѣзненный и спившійся, — такъ онъ изъ своего угла все слышалъ. И, можешь себѣ представить, написалъ письмо отъ моего имени къ Машѣ, просить рубль, будто я больная лежу, и самъ же къ Машѣ понесъ. Маша, добрая душа, не обра-

тила вниманіа на почеркъ (а онъ ловко такъ написалъ: «А брату поклонись, а Лизу, невѣстку, поцѣлуй») — дала рубль. Черезъ недѣлю этотъ мошенникъ — опять. Только Маша ужъ не дала, а по почтѣ мнѣ написала, что не имѣетъ возможности. Тутъ я и узнала. Маня, какъ мнѣ обидно было! Плачу-разливаюсь въ своемъ углу, а этотъ чортъ хохочетъ. Настасью Ивановну угостилъ, — она на меня же напала... Настасья Ивановна — добрая, только пьетъ, конечно, и, когда выпьетъ, бываетъ грубая.

Прошла недѣля, другая. Вдругъ Анята объявила намъ:

— Теперь я пойду въ Москву. Мнѣ надо свои дѣла устраивать. Вѣдь, не могу я такъ жить. На фабрику навѣдаюсь.

Мачиха отправлялась въ городъ съ утреннимъ поѣздомъ и взяла Аняту съ собой.

— Знаете, мама, напрасно мы ее отпустили. Куда она пошла? — говорила я мачихѣ, когда она вернулась.

— Ничего, можетъ быть, и пристроится. Пошла въ Сокольники. Теперь лѣто, тепло. Пусть поищетъ пока. Нельзя же такъ ей безъ дѣла у насъ жить.

Я съ недовѣріемъ покачала головой. Ужъ коли четыре года не могла нигуда пристроиться, значить, ей это не такъ-то легко.

ХІІ.

Въ началѣ сентября мы переѣхали въ городъ. Объ Анятѣ мы ничего не слыхали. Дѣла, которыя вызвали мачиху въ Москву, приняли дурной оборотъ: мы должны были стать вдвое бѣднѣе. Мы не знали, съ чѣмъ и выѣдемъ изъ Москвы мѣсяца черезъ три-четыре, когда всѣ хлопоты кончатся.

Въ нашей маленькой квартиркѣ, во дворѣ, подъ Новинскимъ, было темно и тоскливо, когда наступали раннія сумерки, съ осенними дождями и непогодой.

Въ однѣ изъ такихъ ненастныхъ сумерокъ я сидѣла у окна и глядѣла на немощный дворъ, по которому текли холодные ручьи. Дождикъ падалъ незамѣтный, неуловимый, сѣрый и настойчивый. Мачиха легла отдохнуть въ самой дальней комнатѣ и мы съ братомъ сидѣли тихо, чтобъ ее не разбудить.

Вдругъ мнѣ показалось, что отъ воротъ по двору, пробираясь у стѣнки, мелькнула фигура не совсѣмъ незнакомая. Я встала и вглядывалась въ мутный сумракъ, когда вошла, тихо ступая, Домна.

— Барышня! — окликнула она меня шепотомъ, — барышня спать? А тамъ опять эта пришла, какъ ее... дачная-то курносака.

Я побѣжала въ кухню. Анята сидѣла, понуривъ голову. На ней опять былъ ситцевый платокъ, мое же платье, въ конецъ истрепанное, и драповая рыжая кофточка, короткая и узкая, точно не по ней. Руки она прятала въ кармашки кофты, но это было не легко, потому что одинъ карманъ оторвался, а въ другомъ у нея помѣщались только пальцы.

Увидавъ меня, Анята встрепенулась и встала.

— Прости, что я зашла, — сказала она. — Мнѣ очень далеко въ Сокольники сегодня... Дождь сильный... Мамаша твоя дома?

— Перестань, пожалуйста, Анята, мы тебѣ рады... Раздѣвайся, обогрѣйся. Можетъ быть, ты кушать хочешь? Пойдемъ въ залу, тебѣ подадутъ.

— Чего, барышня, въ залу, она и тутъ поѣсть, — добродушно сказала Домна. — Вотъ щей осталось, я ей налью... Тутъ же и теплѣе.

— Да, я лучше здѣсь.

Я хотѣла было протестовать и запретить Домнѣ фамиллярничать, но какъ-то раздумала, сказала только «хорошо» и пошла будить мамашу.

Анята осталась у насъ ночевать и въ этотъ день, и на другой день, по той простой причинѣ, что идти ей было некуда. Мѣсяцъ тому назадъ она опредѣлилась на фабрику, но проработала недолго: работа трудная, ей непривычная, прямо непосильная. Она заболѣла и пролежала въ своемъ углу двѣ недѣли, а когда немножко оправилась, то Настасья Ивановна объявила, что держать ее больше не можетъ, потому что и такъ Анята ей три съ полтиной должна, а отдавать не изъ чего.

Анята ушла. Ей удалось нѣсколько разъ работать поденно. Ночевала она въ ночлежномъ домѣ. Лицо у нея обвѣтрилось, она очень похудѣла, изрѣдка кашляла, но смѣшно, басомъ, точно изъ бочки. Каждый день собиралась уходить — и оставалась.

— Знаешь, Маня, я тебѣ не говорила, а, вѣдь, я ихъ видѣла, — сказала она мнѣ разъ таинственно.

— Кого ихъ?

— Папу съ мамой. Они приѣзжали. Маша меня вызывала.

— Неужели? — вскрикнула я такъ громко, что мачиха изъ другой комнаты пришла узнать, въ чемъ дѣло.

— Вотъ я вамъ расскажу, — продолжала Анята. — Впрочемъ, и рассказывать-то особенно нечего. Пришла я въ этомъ же платьѣ, какъ была, прямо изъ Сокольниковъ. Мама постарѣла, хотя все еще очень полная, а папа все какъ прежде, маленькій, сохлый.

Ну, жалѣли очень, что я не могу устроиться. Спрашивали, почему я уроковъ не даю, разъ у меня дипломъ есть, а что я скажу, если они сами не понимаютъ? Молчу. А напа началъ упрекать: «Мы, — говорить, — тебѣ образованіе дали, хотѣли, чтобы ты вышла скромная, трудящаяся дѣвушка, а ты Богъ знаетъ гдѣ шляешься, въ трущобахъ живешь...» Я не выдержала: «Дайте, — говорю, — мнѣ уроки, достаньте мѣсто—буду на квартирѣ жить, а теперь мнѣ и въ трущобѣ за уголъ платить нечѣмъ». Мама въ слезы. Отецъ нахмурился, махнулъ рукой: «Хорошо, мы подумаемъ насчетъ тебя!» Я стала собираться домой. Мама поцѣловала, перекрестила меня и въ передней дала три рубля. Я ушла. Черезъ два дня Маша опять вызвала меня и объявляетъ: «Родители твои рѣшили выдавать тебѣ отъ трехъ до четырехъ рублей въ мѣсяцъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ты уѣхала изъ Москвы куда-нибудь. Они бы дали больше, но не въ состояніи. Здѣсь же тебѣ оставаться нельзя, — пойми это сама, — ты и отца съ матерью, и родныхъ стыдишь. Богъ вѣсть, когда найдешь работу и одѣнешься прилично. И вообще, тебѣ нельзя здѣсь быть». А посудите сами, куда мнѣ ѣхать? Я сроду нигдѣ не была. И здѣсь-то едва корку хлѣба добудешь, а умрешь съ голоду—все-таки, хоть похоронять. И какъ знать, что они аккуратно высылать станутъ? Нѣтъ, я не согласилась. «Поблагодари папу, Маша, — говорю, — но я лучше здѣсь буду». Маша сердилась, уговаривала меня, но я осталась на своемъ.

— И съ тѣхъ поръ ты ихъ не видала? И ничего больше они тебѣ не сказали, не дали?

— Видѣла вскорѣ папу на улицѣ, но онъ, какъ замѣтилъ меня, скорѣе на извозчика и уѣхалъ. А сказать... что-жь имъ сказать? Больше нечего было. Теперь ужь, вѣрно, ихъ въ Москвѣ нѣтъ.

Анюта понурилась. Она часто теперь сидѣла такъ, согнувшись. Глаза смотрѣли впередъ и нельзя было узнать по нимъ, думаетъ ли она что-нибудь, горюетъ ли, или просто, безъ мысли, отдыхаетъ отъ тяжести жизни, погруженная въ полудремоту.

Вечеромъ мачиха мнѣ объявила:

— Знаешь что? Это что-нибудь не такъ. Поѣду я сама къ этой Машѣ, поговорю съ ней. Надо убѣдить ее, что не бросаютъ людей на произволъ судьбы. Однимъ словомъ, надо дѣйствовать.

Я покачала головой въ раздумьи.

— Врядъ ли что-нибудь выйдетъ изъ этого, мама. Впрочемъ, попытаемся. Я отправлюсь съ вами. Анютѣ ничего не говорите.

XIII.

Сѣренькій домигъ въ переулкѣ былъ все тотъ же, только желѣзные драконы еще больше заржавѣли, дощечка съ фамиліей Марьи Платоновны потускнѣла, сады по сторонамъ домика разрослись гуще. Въ комнатахъ тоже ничто не измѣнилось: диванъ, стулья, цвѣты на окнахъ... Марья Платоновна теперь жила одна, а такъ какъ квартира ей была велика, то она отдавала комнаты жильцамъ.

Марья Платоновна поднялась намъ на встрѣчу и, прихрамывая, сдѣлала нѣсколько шаговъ.

Мнѣ казалось, что я ее видѣла вчера. Бѣлое лицо, широкій подбородокъ, на головѣ наколка, сѣрые глаза на выкатъ смотреть непроницаемо.

— Извините, — сказала мачиха, рекомендуясь. — Имѣю удовольствіе видѣть Марью Платоновну Тѣшь? Я желала бы поговорить съ вами.

— Секретно? — спросила Марья Платоновна хладнокровно и взглянула на меня. Меня она какъ будто не узнавала.

— Дѣло касается нѣкоей Анюты Кузьминой, — поспѣшно прибавила мачиха.

Марья Платоновна я тутъ не выказала удивленія.

— А-а! — протянула она. — Въ такомъ случаѣ, переговорить и здѣсь можно. Позвольте васъ познакомить... — она протянула руку направо. — Мой жилецъ, господинъ Бутлякинъ. Онъ нашему разговору не помѣшаетъ, м-ше Кузьмину онъ знаетъ хорошо.

Изъ-за покосившейся корзинки съ горшками цвѣтовъ поднялся очень упитанный молодой человекъ. Онъ яростно взмахнулъ волосами, сдѣлалъ движеніе всѣмъ корпусомъ, какъ бы удерживая падающую одежду, и, наконецъ, подалъ намъ руку.

Его шевелюра и оригинальное движеніе показались мнѣ знакомыми, а въ слѣдующее мгновеніе я, къ ужасу, открыла, что этотъ отъѣвшійся малый — волосатый юноша, который на злополучномъ балѣ Горляковыхъ билъ меня по рукамъ, отдавливалъ ноги и вообще омрачалъ мое существованіе. Я живо вспомнила и залу, и сухую Горлякову, и Петины шутки съ Анютой. Не хорошимъ прошлымъ повѣяло на меня. Нѣтъ ничего милѣе воспоминанія о прошедшихъ радостяхъ, но за то все дурное, стыдное въ прошломъ ранить сердце глубоко даже при мимолетной мысли, и порою самое невинное дѣлается на всю жизнь такимъ дурнымъ воспоминаніемъ.

Марья Платоновна обернулась къ Бутлягину.

— Что же вы, Любимъ Ивановичъ? Присядьте ближе. Вотъ сюда, на кресло.

Мнѣ почудилось, что въ сѣрыхъ выпуклыхъ глазахъ хозяйки мелькнула нѣжность. Но, вѣрно, это мнѣ только почудилось.

Начался разговоръ. Мачиха горячилась. Г-жа Тэшъ, напротивъ, возражала спокойно и холодно.

— Но, вѣдь, согласитесь, — говорила мачиха, — что жестоко оставлять эту дѣвушку безъ помощи, если ее постигло несчастье.

— Бого же вы въ ея несчастіи вините, сударыня? Ей дано образование, воспитаніе, она, можно сказать, стоитъ на своихъ ногахъ. Родители ея дали ей все, что могли. Они люди небогатые. Мои средства болѣе, чѣмъ скромны, и я, при желаніи, не могу помочь ей... Работать, работать и работать — вотъ что слѣдуетъ посоветовать этой жалкой дѣвушкѣ... Она лѣнива...

— Совсѣмъ не лѣнива! — вскрикнула мачиха. — Но какъ вы не понимаете, что ей, при ея наружности, невозможно сыскать трудъ, мало-мальски соответствующій ея воспитанію? Она убогая, ее прирѣвать нужно, а не выгонять изъ дому!

Марья Платоновна прищурилась и слегка насмѣшливо посмотрѣла на свою собесѣдницу.

— Вотъ вы бы, сударыня, — проговорила она, — если принимаете въ ней такое участіе, и прирѣли бы убогую, взяли бы ее къ себѣ совсѣмъ.

Мачиха смутилась.

— Я не имѣю возможности... — начала она.

— Ну, такъ вотъ и каждый не имѣетъ возможности, сударыня. Очень, очень жалѣю, что не могла вамъ ничего сообщить пріятнаго... и утѣшительнаго для подруги вашей дочки, — прибавила она сухо, обернувшись ко мнѣ.

Мы встали и начали прощаться.

— Плохо дѣло! — сказала мачиха, когда мы вышли.

Я не отвѣчала. Я уже рада была и тому, что дышу чистымъ воздухомъ.

XIV.

О нашемъ неудачномъ визитѣ Анюта ничего не знала. Пока она жила у насъ. Затрудненія не разрѣшились, но о нихъ молчали.

Иногда Анюта поспѣшно надѣвала свою драповую кофточку, завязывала платокъ и черезъ заднее крыльцо куда-то исчезала. Возвращалась иззябшая и молчаливая. Мы догадывались, что она

искала работы. Ей было тяжело у насъ жить и она старалась сократить до послѣдней возможности.

Она никогда не соглашалась лечь въ залу или въ мою комнату. Изъ передней въ кухню велъ маленькій темный корридорчикъ, такой темный, что и днемъ тамъ можно бы расколотить лобъ, если бы не падало нѣсколько лучей свѣта изъ четырехугольнаго отверстія, продѣланнаго въ кухонной двери, наверху. Въ это отверстие, по странной фантазїи, хозяинъ квартиры вставилъ темно-желтое, оранжевое стекло, и корридорчикъ былъ полонъ неожиданнымъ, металлическимъ сумракомъ.

Въ одномъ углу корридорчика стоялъ нашъ большой дорожный сундукъ съ горбатою крышкою. Анята нигдѣ больше не соглашалась спать, кромѣ этого сундука. Какимъ образомъ она умудрялась устраиваться на своемъ выпукломъ ложѣ, я не знаю. Она не брала матраца, ничего, кромѣ маленькой подушки. Покрывалась она старымъ пледомъ, который я ей подарила.

— Я хотѣла вамъ сказать... — робко произнесла Анята, входя въ залу, гдѣ сидѣла я съ мачихой. — Я придумала...

— Что такое ты придумала? Насчетъ чего?

— Мнѣ, вѣдь, нельзя все здѣсь жить, да и вы уѣдете скоро... А я куда пойду? Дѣла никакого моего никому не нужно... Да и сама я убогая... Ну, Богу и послужу... Я искренно... Я въ какую-нибудь общину поступлю.

Мы переглянулись. Что-жь? Это прекрасная мысль.

— Только, вѣдь, трудно тамъ, Анята, — сказала мачиха. — Черную работу васъ заставятъ...

— Господи! Да что мнѣ черная работа! Лишь бы силъ хватило. А за то уголь свой будетъ, вѣчный, никуда не прогонять.

— А вы не знаете еще, въ какую общину? Не справлялись?

— Нѣтъ. Мнѣ какже самой? Я хотѣла васъ попросить.

Мачиха согласилась разузнать дѣло и опять приняться за хлопоты. Она хлопотала было объ опредѣленїи Аняты въ какой-то прїютъ, но тамъ, конечно, отказали, узнавъ, что дѣвушка здорова, съ дипломомъ и можетъ работать.

Мачиха ѣздила и туда, и сюда. Результатъ ея поѣздокъ былъ самый неутѣшительный. Выслушавъ исторїю Аняты Бузьминой, никто ничего опредѣленнаго не говорилъ, всѣ тянули, и кончалось дѣло непремѣнно тѣмъ, что во всякомъ случаѣ необходимъ взносъ, рублей сорокъ-пятьдесятъ, а безъ этого въ общину не принимаютъ.

Анята совсѣмъ упала духомъ, когда мачиха вдругъ вспомнила, что у нея тетка завѣдуетъ одною общиною въ провинціи.

— Напишу я ей, — рѣшила мачиха. — Она и безъ взноса приметъ.

Письмо было отправлено самое подробное.

Между тѣмъ, наступили заморозки. Нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ.

— Вотъ ты все, сударушка, работы искала, — объявила разъ Домна, обращаясь къ Анютѣ, — такъ у насъ на второмъ дворѣ по-денщицу ищутъ. Двухъ имъ, слышь, нужно. Случай такой—бѣлья много. Я за тебя пообѣщалась. Пойдешь, что-ль, стирать?

Анюта встрепенулась.

— Пойду, пойду, Домна... Вотъ спасибо тебѣ... Шестъ гривенъ или пятьдесятъ?

— Шестъдесятъ пять на ихнемъ! — съ торжествомъ проговорила Домна.—Ужъ я тебѣ дурно не посоветую...

Мы воспротивились. Холодъ, придется на рѣчку ѣхать. Что за неблагоразуміе!

Анюта молчала. Но на другой день ея и слѣда не было на горбатоу сундукѣ; она ушла стирать.

XV.

— Скажите, докторъ, это что-нибудь серьезное?

— Я подозрѣваю инфекціонное заболѣваніе. Но не безпокойтесь, случай не серьезный. Если даже и «тификъ», то въ очень легкой формѣ.

Мачиха всплеснула руками.

— Тифъ! Дождались! Что-жь, теперь ее въ больницу надо.

— Я бы вамъ не совѣтовалъ, — сказалъ докторъ, — напрасно только растревожите. Если оставите больную дома, она очень скоро поправится.

— Что же, она простудилась?

— Нѣтъ, скорѣе это заразное... Въ соединеніи съ неблагопріятными условіями, конечно.

— Батюшки-свѣты! — вскричала Домна, которая была тутъ же. — Ужъ не прилипло ли ей оттуда, гдѣ она поденно-то была? Гамъ, говорятъ, баринъ молодой болѣлъ, и бѣлье-то его давали.

Мачиха разсердилась.

— А все ты, все ты! Спасибо тебѣ, Домнушка, удружила, приела въ домъ болѣзнь!

Домна ушла въ отчаяніи, кивая головой и повторяя:

— Вотъ грѣхъ, вотъ грѣхъ!

Я слышала, что сказалъ докторъ, и не безъ внутренняго удовольствія рѣшила быть горничной. Я перевела Анюту въ свою комнату и сама принялась ухаживать за нею.

Дѣло было не легкое. Анюта, какъ я ее ни увѣряла, что опасности никакой нѣтъ, по цѣлымъ днямъ рыдала, говорила, что умираетъ, что не хочетъ умирать, и безпрестанно требовала доктора. Мои заботы она принимала какъ должное, капризничала и вообще совершенно измѣнилась характеромъ. Довольная своимъ героизмомъ, я старалась переносить ея выходки терпѣливо.

— Перестань, ради Бога, Анюта,—говорила я иногда.—Даю тебѣ честное слово, что ты не опасно больна.

— Ты скрываешь, скрываешь! Всѣ вы хороши, за все спасибо! Умиру я, ой, не хочу, ой, не хочу!

И она ревѣла, какъ маленькій ребенокъ.

Но мало-по-малу, выздоравливая, она дѣлалась прежнею, упрямно-скромною и молчаливою, и только все спрашивала, нѣтъ ли отвѣта изъ общины.

Докторъ сказалъ, что тифъ почти совершенно прошелъ, и хорошо, что былъ такой легкій: у субъекта сердце не совсѣмъ солидно.

Несмотря на слабость, Анюта въ одинъ прекрасный день перebrалась изъ моей комнаты на горбатый сундукъ и никакіе уговоры не помогли.

— Я выздоровѣла и могу тутъ,—твердила она.— Я и тутъ полежу. Довольно я у тебя понѣжилась.

Въ тотъ же день вечеромъ получилось письмо отъ родственницы, завѣдующей общиной. Она писала:

«Рада бы угодить тебѣ, душа моя, и взять дѣвушку, но прямо скажу, что это немислимо. Вполнѣ понимаю, почему вездѣ отказали тебѣ. Я тебя душой люблю, да, къ тому же, привыкла правду не скрывать; знай же, что хотя взносъ нуженъ, дѣйствительно, однако, я для тебя устроила бы все; но дѣвушка, за которую просишь, не можетъ вступить въ нашу общину по своему особливому убожеству. Ты сама поймешь, что это и для сестеръ, и для мірскихъ людей зазорно будетъ, да и мало ли что говорить стануть? Ея дипломы да свидѣтельства по стѣнкамъ не развѣсишь. Одно смущеніе будетъ, да и сама она мира душевнаго не получить. Прости, ради Господа, племянница, за отказъ мой и прими совѣтъ—въ другія общины съ этимъ дѣломъ не обращаться, ибо вездѣ такъ же разсудятъ, а если иначе, то добраго отъ сего не будетъ. Передай дѣвицѣ Аниѣ мое благословеніе. Пусть она не унываетъ и духомъ не падаетъ. Отецъ Небесный поможетъ ей и на міру спасется».

Письмо заканчивалось общими благословениями и пожеланиями.

Дочитавъ, я сложила листокъ и растерянно посмотрѣла на мачиху. Что же дѣлать? И какъ сказать Анютѣ? Или совсѣмъ не говорить?

Но дверь скрипнула и вошла сама Анята. Изъ корридора она слышала, что приходилъ почтальонъ, и пришла тихонько, придерживаясь за дверной косякъ.

— Письмо?—сказала она.—Про меня? Дай-ка сюда, Маня.

И она протянула руку.

Я такъ смутилась отъ неожиданности, что совершенно безотчетно подала листокъ.

Мачиха тоже не нашлась и молчала въ ужасѣ.

Анята подсѣла къ лампѣ, медленно прочла письмо и сложила его. Потомъ сказала только: «ну, что-жь?»—встала и тихо поплевалась въ корридорчикъ.

Позднѣе, проходя въ кухню, я даже не слышала ея дыханія на сундукѣ.

XVI.

Прошелъ день.

Анята выходила не надолго, говорила мало, казалась слабѣе и просила ее не тревожить, когда я присѣла къ ней на постель.

— Оставь ее, Маня,—сказала мачиха.—Конечно, ей тяжело. Пусть сама, одна передумаетъ.

Но минулъ еще день и на слѣдующее утро мамаша пришла ко мнѣ, немного обезпокоенная.

— Знаешь, ужь не хуже ли Анютѣ? Она какая-то странная. Лежитъ и какъ-то вдругъ замолгла.

— Нѣтъ, мама, просто она письмомъ огорчилась. Ее надо развлечь. Все въ этомъ корридорѣ... Съ ума можно сойти. А, вѣдь, докторъ же сказалъ, что она здорова.

Я, не торопясь, одѣлась, позавтракала и пошла навѣстить подругу.

Я едва различила ея согнутую фигуру въ желтомъ туманѣ корридора. Она лежала къ стѣнѣ лицомъ.

— Что ты, Анята, спишь?—окликнула я ее.—Можно съ тобой посидѣть?

Не дожидаясь отвѣта, я взобралась на покатую крышку сундука, на зеленый пледъ.

Анята медленно повернулась, приподнялась и сѣла, прислонив-

шись къ стѣнѣ, гдѣ были навѣшаны какія-то платья. Все темное казалось чернымъ въ этомъ странномъ мракѣ, а бѣлое горѣло мутнымъ оранжевымъ огнемъ. Я увидѣла освѣщенное лицо Анюты и раскрытые круглые глаза.

— Не тревожь меня,—сказала Аня.—Я устала. Хочу отдохнуть.

— Что ты? Отъ чего устала? Пойдемъ-ка въ залу, а? А то все здѣсь, въ темнотѣ.

Я подсѣла ближе. Мнѣ вспомнилось, какъ въ пансіонѣ она казалась мнѣ порою жалкой и милой и какъ я ее тогда называла.

Я обняла ее и наклонилась къ ней.

— Ну, что ты, утенокъ? Ты все моя прежняя утка? Не стѣбитъ унывать, право! Все, дастъ Богъ, устроится!

И я заглянула ей въ глаза. Глаза были открыты, смотрѣли на меня и не мигали. На бѣлки падалъ желтый отсвѣтъ. Аня не произнесла ни слова, но я вдругъ отшатнулась отъ нея, глядѣла, не имѣя силъ оторвать взора, а по спинѣ у меня пробѣгалъ холодъ непонятнаго ужаса. Я видѣла то, чего никогда не видѣла ни въ чьихъ живыхъ глазахъ. И душа моя трепетала, какъ будто я заглянула слишкомъ глубоко, гдѣ человѣку не добро быть.

Нѣсколько мгновений прошло. Я съ усиліемъ встала, не обертываясь, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, отворила ее рѣзко и вышла.

Свѣтъ ослѣпилъ меня. Я опомнилась немного и, сама не понимая, что случилось, пошла къ мачихѣ.

— Знаете, мама...

— Отчего ты такая блѣдная?

— Нѣтъ... А вотъ что, мама, надо послать за докторомъ. Помоему, Аня нехороша.

— Да что, ей хуже? Болитъ у ней что-нибудь?

— Не знаю, а только слѣдуетъ послать.

Отправили Домну. Пробыло половина второго. Аня не вышла къ завтраку. Мачиха подходила, но она не отозвалась и слышалось только ея дыханіе, долгое, медленное, протяжное. Я ходила въ кухню, мимо, и тоже ничего не слышала, кромѣ этого дыханія. Подойти я не смѣла и, кромѣ страха, еще чувствовала какое-то странное благоговѣніе къ Анятѣ, которое не могла побѣдить. Впрочемъ, и объ Анятѣ я уже не думала, не понимала, что это Аня лежить согнувшись и дышетъ. Это былъ другой, тотъ, который выглянулъ тогда изъ ея глазъ.

Мы съ мачихой замолкли и даже избѣгали другъ друга. И мнѣ

казалось, что въ домѣ наступила небывалая тишина. Все притаилось и замерло. Только за дверями слышалось протяжное дыханіе, страшное по своей нѣжности и непрерывности. Мысль моя почти не двигалась. Я тупо ждала чего-то незаслуженнаго и тупо чувствовала его близость.

На минуту мы вышли изъ оцѣпенѣнія, точно проснулись, и сами удивились. Что такое? Вѣдь, ничего и нѣтъ. Пришла Домна и сказала, что нашъ докторъ уѣхалъ до завтрашняго вечера. Я послала ее въ аптеку узнать адресъ перваго попавшагося.

Черезъ полчаса явился докторъ, еще очень молодой, какой-то растерянный. Мачиха стала ему рассказывать и путалась, потому что собственно нечего было рассказывать, и она никакъ не могла объяснить, чтѣ ее беспокоитъ въ состояніи Аняты.

Докторъ почти не слушалъ.

— Тифъ прошелъ, вы говорите? Давно? Гм...

Потомъ мачиха повела его въ корридорчикъ. Я услышала оттуда какое-то мычаніе, покашливаніе доктора, потомъ опять мычаніе, молящее и покорное.

Докторъ поспѣшно вышелъ, бросился къ дверямъ, надѣвая пальто и не попадая въ рукава.

— Да, да, — бормоталъ онъ. — Конечно... Не тревожьте, главное... Главное, не тревожьте. Она спокойна. Миндальнаго молока можно дать. Это не повредить.

Онъ исчезъ.

— Что же докторъ сказалъ? — спросила я.

— Ты слышала... Я ничего не знаю... Велѣлъ не тревожить. Завтра въ 11 заѣдетъ.

И опять мы погрузились въ недобрую тишину, безъ мысли, безъ силъ. Домна не говорила ни слова и сидѣла въ кухнѣ, не двигаясь. Передъ самымъ обѣдомъ, побѣжденная привычкой, она затопила плиту и разогрѣла вчерашній супъ. Мы его съѣли молча и спѣша, потому что въ столовой слышнѣе было неумолимое, тяжелѣющее дыханіе Аняты.

Стемябло и подали свѣчку. Часы пробили семь, потомъ восемь, девять.

— А что же миндальное молоко? — шепотомъ сказала мачиха.

Я покачала головой и снова наступило молчаніе. Мы обѣ понимали, что не нужно миндальнаго молока.

Часовъ въ одиннадцать мачиха встала и пошла туда. Я послѣдовала за нею. Ничего. Мракъ, даже безъ желтыхъ отсвѣтовъ, потому что въ кухнѣ было темно, а изъ мрака все тотъ же мѣрный

звукъ, ставшій только чуть-чуть острѣе и глубже. Мы не знали, уйти или остаться. Зачѣмъ остаться? И какъ уйти?

— Я отворю всѣ двери. Если она позоветъ...

Мачиха отворила двери; мы сѣли въ залѣ, у свѣчки. Теперь звукъ дыханія наполнялъ всю комнату, всѣ углы, и продолжался, и продолжался—и ничего не было, кромѣ этого звука. Часы летѣли съ невѣроятною быстротой. Базалось, только сію минуту пробило два, а вотъ и три, четыре...

Я очнулась, вздрогнувъ. Въ окно глядѣло утро, молочное, позднее. Свѣчка потухла. Напротивъ, въ креслѣ, спала мачиха. Я хотѣла вспомнить, что меня разбудило. Какой-то толчокъ, что-то внезапное. Бровь билась въ вискахъ. Кто же затворилъ дверь? Я не слышу. Да, ничего не слышу. Нѣтъ больше того звука, съ которымъ я заснула. Кто затворилъ дверь?

Я встала и пошла къ столовой. Двери были широко раскрыты. Бѣлый свѣтъ падалъ въ корридоръ и мѣшался съ оранжевыми лучами, которые точно погасли.

На выпукломъ сундукѣ я увидѣла неживое возвышеніе, что-то безмолвное и отвердѣвшее подъ зеленымъ пледомъ.

Безъ страха я приблизилась и взглянула въ мертвые, успокоенные глаза Анюты.

Она ушла туда, гдѣ она никого не будетъ позорить и гдѣ никто не отниметъ ея мира душевнаго.

3. Гиппиусъ.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

XXXIX.

Поланецкій, подъ впечатлѣніемъ катастрофы, совершенно забылъ про свое обѣщаніе написать Основскому о томъ, какъ Завиловскій перенесъ вѣсть о разрывѣ своего сватовства и объ отъѣздѣ панны Кастелли. Основскій узналъ о случившемся изъ газетъ, началъ каждый день по телеграфу освѣдомляться о здоровьи больного и выказывалъ большое безпокойство. Въ прессѣ и обществѣ ходили разнорѣчивые слухи. Однѣ газеты утверждали, что состояніе Завиловскаго безнадежно, другія предвѣщали скорое выздоровленіе. Поланецкій долгое время не могъ сообщить ничего вѣрнаго и только черезъ двѣ недѣли послалъ телеграмму, что больной уже не былъ между жизнью и смертью и что врачи положительно ручаются за его выздоровленіе.

Основскій отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сообщалъ разныя новости изъ Остенде:

«Да вознаградитъ васъ Богъ за ваше доброе извѣстіе. Такъ, дѣйствительно, всякая опасность миновала? Не сдумѣю вамъ сказать, какая тяжесть свалилась съ нашего сердца. Скажите Игнасю, что не только я, но и моя жена со слезами приняли вѣсть о его выздоровленіи. Она теперь ни о комъ другомъ и не говоритъ, и не думаетъ, только о немъ. Ахъ, панъ Поланецкій, что такое женщины, объ этомъ можно было бы написать цѣлые томы! Но Анета — исключеніе, и вы повѣрите мнѣ, что, несмотря на весь ея ужасъ, Игнась еще болѣе выросъ въ ея глазахъ по милости этого несчастнаго случая. Но женщины вездѣ такъ усердно доискиваются рома-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

нической стороны, что Анета уже и въ Коповскомъ (а она хорошо знаетъ всю его глупость), какъ въ виновникѣ несчастія, видитъ что-то демоническое. Но, прежде всего, хвала Богу за исцѣленіе Игнася! Да даруетъ Богъ ему долгую жизнь на славу нашему народу и да пошлетъ ему достойное его существо! По вашей телеграммѣ я заключаю, что онъ находится подъ покровительствомъ панны Елены. Да пошлетъ Богъ и ей всего хорошаго за ея доброе сердце! Дѣйствительно, у нея никого нѣтъ на свѣтѣ, и я думаю, что Игнась, какъ напоминаніе о Плошовскомъ, сталъ для нея еще болѣе дорогимъ.

«Теперь, когда вы успокоили меня относительно его здоровья, я могу сообщить вамъ нѣсколько извѣстій о тетѣ Броничъ и о Линетѣ. Можетъ быть, вы уже слышали, что онѣ здѣсь, вмѣстѣ съ Коповскимъ. Они сначала отправились въ Шевенингенъ, но услышали, что тамъ оспа, и поѣхали въ Остенде, не предполагая, что и мы живемъ здѣсь. Мы нѣсколько разъ встрѣчались въ курзалѣ и дѣлали видъ, что незнакомы съ ними. Коповскій даже оставилъ у насъ свои визитныя карточки, но я не отдалъ визита, хотя, какъ справедливо говорить моя жена, онъ во всемъ этомъ виноватъ далеко меньше, чѣмъ пани Броничъ и Линета. Только послѣ полученія вашей телеграммы, въ которой вы извѣщаете меня, что Игнась внѣ всякой опасности, мнѣ показалось, что чувство человѣчности приказываетъ мнѣ послать имъ эту телеграмму, и я сдѣлалъ такъ. Имъ и такъ здѣсь нехорошо живется, знакомые отстраняются отъ нихъ,—мнѣ хотѣлось, чтобы они знали хоть то, что на ихъ совѣсти не лежитъ человѣческой жизни, тѣмъ болѣе, что Линета, кажется, приняла къ сердцу поступокъ Игнася. Въ этотъ же самый день они были у насъ съ визитомъ и жена приняла ихъ. Она вѣрно говоритъ, что зло—это моральная болѣзнь, а родныхъ нельзя оставлять въ случаѣ болѣзни. Вообще первая встрѣча была тяжела и непріятна для обѣихъ сторонъ. Объ Игнасѣ мы не говорили ни слова. Коповскій—на положеніи жениха Линеты, но не кажется ужь особенно счастливымъ, хотя, по правдѣ, она больше подходитъ къ нему, чѣмъ къ Игнасю, и, по крайней мѣрѣ, хоть съ этой точки зрѣнія все случившееся можно приписать волѣ Божіей. Отъ постороннихъ людей я знаю, что тетя Броничъ такъ и представляетъ все дѣло. Не нужно говорить, какъ меня злитъ это злоупотребленіе именемъ Божиимъ. Я знаю, что однихъ знакомыхъ она пробовала убѣдить, что онѣ порвали сношенія съ Игнасемъ вслѣдствіе недостатка въ немъ религіозныхъ чувствъ, а другимъ рассказывала о его деспотизмѣ и несходствѣ его взглядовъ со взглядами Линеты. Тетка такъ

привыкла и другимъ, и себѣ внушать это, что въ концѣ сама увѣровала въ возвышенный характеръ Линеты и съ этой точки испытала огромное разочарованіе. Правда, она чувствуетъ себя обязанною прикрывать ее, выдумываетъ Богъ вѣсть что въ ея защиту, мечется, какъ угорѣлая, но чувство разочарованія гнѣздится къ ней, и я думаю, что это грызетъ ее, потому что она сильно похудѣла. Имъ, очевидно, очень важно возобновить отношенія съ нами; онѣ думаютъ, что это до нѣкоторой степени примирить ихъ со свѣтомъ, но, конечно, хотя жена моя и приняла пани Броничъ, наши отношенія не могутъ вернуться въ прежней нормѣ. Я первый не разрѣшилъ бы этого, — я обязанъ избирать для жены соответственное общество. Свадьба Линеты съ Боповскимъ будетъ, какъ видно, черезъ два мѣсяца въ Парижѣ. Очевидно, мы не поѣдемъ на свадьбу. Моя жена смотритъ на это очень скептически. Я расписался такъ подробно въ надеждѣ, что это вызоветъ и съ вашей стороны такой же подробный отвѣтъ, со всѣми мелочами, которыя касаются Игнася. Если состояніе его здоровья позволить, обнимите его за меня и скажите ему, что онъ всегда можетъ видѣть во мнѣ друга, преданнаго ему всею душой и сердцемъ».

Мариня, несмотря на позднюю пору, все еще жила въ Бучинкѣ. Поланецкій обѣдалъ у Бигелей и показалъ имъ это письмо.

— Съ одной стороны, хорошо, — сказала пани Бигель, когда прочла письмо, — что она сейчасъ же выходитъ за своего Боповскаго. Иначе я боялась бы, что въ Игнась снова что-нибудь отзовется и что онъ будетъ готовъ возвратиться къ ней, когда выздоровѣетъ.

— Нѣтъ. У Завиловскаго много характера и я думаю, что онъ не возвратился бы ни въ какомъ случаѣ, — сказала Бигель. — Какъ ты думаешь, Стахъ?

Бигель такъ привыкъ въ каждомъ случаѣ спрашивать мнѣніе своего товарища, что и теперь не могъ обойтись безъ него.

— Я думаю, что онѣ, когда хорошенько сообразятъ, что сдѣлали, скорѣе будутъ готовы возвратиться назадъ; что же касается его... я жилъ столько лѣтъ и видѣлъ столько невѣроятныхъ вещей, что ни за кого не ручаюсь.

Въ эту минуту Поланецкому снова припомнились слова: «Я знаю, какова она, но не могу души оторвать отъ ней!»

— А ты, еслибъ былъ на его мѣстѣ, возвратился бы? — продолжалъ допытывать Бигель.

— Думаю, что нѣтъ, но не ручаюсь и за себя. Прежде всего, я не стрѣлялъ бы себѣ въ лобъ. Впрочемъ, ничего не знаю!

Онъ говорилъ это съ большою неохотой: кто угодно другой, а ужъ онъ-то не имѣеть права ручаться за самого себя.

Тутъ заговорила пани Бигель:

— Я Богъ знаетъ что дала бы, чтобы только увидать Игнася, но, право, легче взять вѣрность, чѣмъ пробраться къ нему. Я не понимаю, почему панна Елена такъ охраняетъ его отъ людей, даже такихъ преданныхъ ему, какъ мы.

— Она охраняетъ его отъ людей потому, что докторъ предписалъ ему безусловное спокойствіе. Наконецъ, для него, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ въ сознаніе, одинъ видъ людей, хотя бы и преданныхъ, въ высшей степени мучителенъ. И я понимаю это. Не можетъ же онъ говорить съ ними о своемъ поступкѣ, а видѣть будетъ, что всякій приближающійся къ нему ни о чемъ другомъ и не думаетъ.

— А вы бываете у него каждый день?

— Меня допускають, — я присутствовалъ при дѣлѣ съ самаго начала. Я первый сказалъ ему о разрывѣ сватовства и до нѣкоторой степени ухаживалъ за нимъ.

— Вспоминаетъ онъ эту дѣвушку?

— Я спрашивалъ объ этомъ у панны Елены и панны Ратковской; онѣ говорятъ, что никогда. Я также по цѣлымъ часамъ просиживалъ возлѣ него и никогда не слыхалъ ничего подобнаго. Странное дѣло, онъ въ сознаніи, знаетъ, что раненъ, знаетъ, что болѣнъ, но, кажется, совсѣмъ не помнитъ о прошломъ, какъ будто прошедшаго вовсе не существовало. Доктора говорятъ, что поврежденіе головы влечетъ за собою такія странныя послѣдствія. Наконецъ, онъ узнаетъ всякаго, кто къ нему подходитъ, выказываетъ горячую благодарность паннѣ Еленѣ и паннѣ Ратковской. Въ особенности онъ любитъ панну Ратковскую и, видимо, тоскуетъ по ней, когда она отойдетъ отъ него хоть на минуту. Да и объ онѣ, ей-Богу, — словъ не найдешь, — какія хорошія!

— Меня въ особенности трогаетъ панна Ратковская, — сказала пани Бигель.

А Бигель вставилъ:

— Я, когда хорошенько поразмыслилъ объ этомъ, пришелъ къ заключенію, что она, вѣроятно, была влюблена въ него.

— На эту догадку и времени не нужно было тратить, — отвѣтилъ Поланецкій, — это ясно, какъ Божій день. Бѣдняжка таила въ себѣ чувство, пока не пришло несчастье. Поэтому она отвергла такую партію, какъ Свирскій. Я не дѣлаю изъ этого тайны, — самъ Свирскій рассказываетъ это повсюду. Ему кажется, что онъ обя-

занъ вознаградить ее за подозрѣнія, что она любитъ Боповскаго. Когда Завиловскій ранилъ себя, панна Ратковская была у своей родственницы, пани Мельницкой, но когда узнала, что панна Елена перевезла Игнася къ себѣ, то пришла и упросила, чтобъ и ей позволили остаться. Всѣмъ отлично извѣстно, какъ это понимать, но она не считается съ такими соображеніями, также какъ и панна Елена.

Тутъ Поланецкій обратился къ хозяйкѣ:

— Ахъ, пани Бигель! Васъ больше всего трогаетъ панна Ратковская, но подумайте, что за трагическая фигура эта панна Елена. Завиловскій, по крайней мѣрѣ, остался живъ, а Плошовскій намѣтился лучше. По ея понятіямъ, нѣтъ для него прощенія даже и въ будущей жизни. А она любитъ его. Вотъ положеніе-то! Наконецъ, послѣ одного такого самоубійства происходитъ другое, раздираетъ всѣ раны, воскрешаетъ всѣ воспоминанія. Панна Ратковская можетъ трогать кого-нибудь, но у той жизнь разбита развѣ навсегда, и никакой надежды, только отчаяніе.

— Правда, правда! Но она, должно быть, сильно привязалась къ Игнасю, если такъ ухаживаетъ за нимъ.

— Я понимаю, почему она это дѣлаетъ. За спасеніе Завиловскаго она хочетъ вымолить у Бога прощеніе для того.

— Это можетъ быть, — сказалъ Бигель. — А Завиловскій, — кто знаетъ, — не женится ли на паннѣ Ратковской, когда выздоровѣетъ?

— Если забудетъ о паннѣ Бастелли, если не сломается и если выздоровѣетъ.

— Какъ, если выздоровѣетъ? Вѣдь, ты самъ говорилъ, что это не подлежитъ сомнѣнію?

— Несомнѣнно, что онъ останется живъ, но еще вопросъ, будетъ ли онъ прежнимъ Завиловскимъ. Даже еслибъ онъ и не стрѣлялъ себѣ въ лобъ, то и тогда трудно было бы предположить, чтобы подобное обстоятельство не сломало человѣка, да еще такого экзальтированнаго. А ты прибавь къ этому еще разбитую голову. Вѣдь, за это расплачиваются. Кто знаетъ, что будетъ дальше, но теперь, напримѣръ, онъ какъ будто въ сознаніи, какъ будто говорить со смысломъ, а нѣтъ-нѣтъ, зайнется и не можетъ припомнить самага простѣйшаго слова. Прежде онъ никогда не заикался. И, странно, названія предметовъ онъ помнитъ хорошо, а когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь дѣйствиіи, то останавливается и или вспоминаетъ съ трудомъ, или вовсе не вспоминаетъ.

— А докторъ что?

— Нужно надѣяться на Бога, что это пройдетъ, — и докторъ тоже не теряетъ надежды. Однако, еще вчера, какъ только я вошелъ, Игнасъ сказалъ было: «пани...» — и оборвался. Видимо, онъ вдругъ вспомнилъ о Маринѣ, но не счумѣлъ спросить о ней. Съ каждымъ днемъ онъ говоритъ все больше, — это правда, — только много воды утечетъ, прежде чѣмъ онъ придетъ въ себя, а какіе-нибудь слѣды могутъ остаться навсегда.

— Мариня уже обо всемъ знаетъ?

— Пока не было увѣренности, что онъ останется живъ, я все держалъ въ тайнѣ, но потомъ рѣшилъ рассказать ей. Понятно, я соблюдалъ величайшую осторожность. Всю тайну трудно было скрывать дольше. Люди черезъ-чуръ много говорятъ объ этомъ и я боялся, чтобы Мариня не узнала объ этомъ со стороны. Наконецъ, я сказалъ ей, что Завиловскій ранилъ себя слегка, что ему ничего не угрожаетъ, но что доктора запретили навѣщать его. И такъ Мариня сильно огорчалась.

— Когда вы перевезете ее въ городъ?

— Пока стоитъ хорошая погода, я предпочитаю, чтобъ она жила въ деревнѣ.

Слуга подалъ Поланецкому письмо. Письмо было отъ Машко, слѣдующаго содержания:

«Я хочу видѣться съ тобою по твоему собственному дѣлу. Буду ждать у тебя дома до пяти часовъ».

— Интересно, чего онъ хочетъ? — сказалъ Поланецкій.

— Кто именно?

— Машко. Хочетъ видѣться со мной.

— Дѣла и дѣла, — сказалъ Бигель. — У него дѣлъ выше ушей. Ей-Богу, я иногда удивляюсь, откуда онъ беретъ столько силъ и ума для всего этого... Ты знаешь, что пани Краславская пріѣхала, и пріѣхала совершенно слѣпая? Ничего рѣшительно не видитъ, — что называется, — ничего! Мы были у нихъ передъ ихъ выѣздомъ въ деревню. Куда ни повернись, всюду горе человѣческое, — жалость беретъ смотреть.

— Но въ несчастіи всякій оказывается тѣмъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, — сказала пани Бигель. — Помните, мы считали пани Машко сухою женщиной, а теперь вы не повѣрите, какъ она добра къ матери. Не позволяетъ горничной приблизиться къ ней, сама водить ее повсюду, прислуживаетъ ей, читаетъ вслухъ. Положительно, она сдѣлала мнѣ пріятный сюрпризъ, — вѣрите, онъ обѣ, потому что и пани Краславская совсѣмъ утратила свою прежнюю фанатерію. Пріятно смотреть, какъ эти женщины любятъ другъ дру-

га. Оказывается, въ пани Машко было что-то, чего мы не съумѣли подмѣтить.

— Обѣ онѣ ужасно возмущены поступкомъ панны Кастелли, — прибавилъ Бигель. — Пани Браславская сказала намъ: «Если бы моя Терка поступила такъ, то я, хотя и слѣпа, и нуждаюсь въ попеченіи, отреклась бы отъ нея». Но пани Машко, какова бы она ни была, такъ не поступить, — это совсѣмъ другой сортъ женщины.

Поланецкій выпилъ свою чашку кофе и началъ прощаться. Всякое упоминаніе о пани Машко стало въ послѣднее время для него несносно и, кромѣ того, ему показалось, что онъ снова слышитъ какой-то отрывокъ изъ той странной человѣческой комедіи, которая разыгрывалась вокругъ него и въ которой онъ также игралъ свою непривлекательную роль. Ему не приходило въ голову, что человѣческая натура такъ сложна, что даже въ самой дурной могутъ найтись кое-какіе зародыши добра, и что пани Машко, несмотря на все, можетъ, однако, быть любящею дочерью. Вообще, онъ предпочиталъ не думать объ этомъ, а за то остановился надъ вопросомъ, чего можетъ пожелать отъ него Машко? Онъ забылъ, что Машко писалъ, что хочетъ видѣться съ нимъ по его, а не по своему личному дѣлу, и съ оттѣнкомъ безпокойства допускалъ, что отъ него снова потребуютъ денегъ.

«А я не могу ему отказать теперь», — подумалъ онъ.

И ему пришло въ голову, что жизнь похожа на механизмъ часовъ. Когда въ одномъ колесѣ что-нибудь поломается, всѣ остальные начинаютъ дѣйствовать неправильно. Какая связь могла существовать между его приключеніемъ съ пани Машко и его дѣлами, его кассой и его торговою дѣятельностью? И, тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ, что даже какъ купецъ, — по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Машко, — онъ не могъ дѣйствовать съ прежнею свободой.

Однако, предположенія его оказались ошибочными. Машко пришелъ не затѣмъ, чтобы просить денегъ.

— Я искалъ тебя въ конторѣ и дома, — сказалъ онъ, — наконецъ, догадался, что ты долженъ быть у Бигелей и послалъ туда шписку. Я хочу съ тобой поговорить по твоему дѣлу.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ Поланецкій.

— Прежде всего, я прошу тебя: то, что я скажу, пусть остается между нами.

— Хорошо. Я слушаю тебя.

Машко съ минуту молча смотрѣлъ на Поланецкаго, какъ будто имъ молчаніемъ хотѣлъ его подготовить къ какой-нибудь важной

новости, затѣмъ проговорилъ съ удивительнымъ спокойствіемъ, отчеканивая каждое слово:

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, что я погибъ, безъ всякой надежды на спасеніе.

— Ты проигралъ дѣло?

— Нѣтъ. Дѣло слушается только черезъ двѣ недѣли, но я знаю, что проиграю его.

— Откуда у тебя такая увѣренность?

— Помнишь, я говорилъ тебѣ однажды, что дѣла объ уничтоженіи духовныхъ завѣщаній почти всегда выигрываются потому, что нападеніе вообще энергичнѣе, чѣмъ защита, что въ уничтоженіи его всегда кто-нибудь лично заинтересованъ, и заинтересованъ сильно? На свѣтѣ ко всему можно прицѣпиться, даже то, что соотвѣтствуетъ духу закона, всегда хоть сколько-нибудь, въ большей или меньшей степени, погрѣшаетъ противъ его буквы, а суды должны придерживаться буквы.

— Да, ты все это говорилъ.

— Вотъ такъ и съ тѣмъ дѣломъ, за которое я взялся. Оно не было такимъ недобросовѣстнымъ, какъ кажется. Мнѣ, самое главное, нужно было уничтожить завѣщаніе, и, можетъ быть, я счумѣлъ бы доказать нѣкоторыя его разногласія съ буквою закона, если бы другой одинаково страстно не стремился доказать, что этого разногласія нѣтъ. Долго объ этомъ я не буду распространяться, тебѣ довольно знать, что я имѣю дѣло не только съ противникомъ-адвокатомъ, шельмой чистѣйшей воды, но и съ личнымъ врагомъ, котораго интересуется не столько дѣло, сколько желаніе погубить меня. Когда-то я презрительно отнесся къ нему, а теперь онъ мститъ мнѣ. Ну, да не о томъ рѣчь. Дѣло я долженъ проиграть, такъ ужъ оно поставлено, и еслибъ я былъ Следземъ, то также выигралъ бы его, какъ выиграетъ онъ. Я знаю это заранѣе и не заблуждаюсь. Довольно съ меня всего этого.

— Ты пойдешь дальше, будешь апеллировать?

— Нѣтъ, милый мой. Дальше я идти уже не могу.

— Почему?

— Потому что у меня долговъ больше, чѣмъ волосъ на головѣ, потому что послѣ перваго проигрыша кредиторы сразу бросятся на меня. Я,—Машко понизилъ голосъ,—долженъ бѣжать.

Наступило молчаніе. Машко опустилъ голову на руку и нѣсколько минутъ просидѣлъ молча, затѣмъ, не поднимая головы, заговорилъ, какъ бы самъ съ собою:

— Сорвалось! Я связывалъ отчаянно, пока руки мои не устали;

у другого не хватило бы силъ, а я все связывалъ. Больше не могу. Видить Богъ, у меня уже нѣтъ силъ. Каждой вещи свой конецъ, пусть и это кончится разъ навсегда.

Онъ вздохнулъ, какъ страшно измученный человѣкъ, потомъ поднялъ голову и сказалъ:

— Но, однако, это мое дѣло, а я пришелъ говорить о твоихъ. Слушай. По договору, заключенному при покупкѣ Кшемена, я долженъ былъ послѣ распродажи Магерувки уплатить долгъ твоей женѣ; тебѣ лично я тоже долженъ нѣсколько тысячъ рублей. Твоему тестю я обязанъ выплачивать пожизненную ренту. И вотъ приходится сказать, что если не черезъ недѣлю, то черезъ двѣ я бѣгу за границу, какъ банкротъ, и изо всего этого вы гроша отъ меня не увидите.

Машко проговорилъ все это съ выразительностью и безстыдствомъ человѣка, которому нечего терять, и посмотрѣлъ прямо въ глаза Поланецкому, какъ будто желая увидать въ нихъ признаки приближающейся бури.

Но онъ ошибся. Правда, лицо Поланецкаго потемнѣло на минуту, точно отъ сдерживаемаго гнѣва, но черезъ минуту онъ успокоился и сказалъ:

— Я всегда ожидалъ, что это такъ кончится.

Машко зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и, скорѣе допуская, что Поланецкій схватитъ его за шиворотъ, теперь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

А Поланецкій въ эту минуту подумалъ:

«Еслибъ онъ еще потребовалъ отъ меня на дорогу, то и тогда я не могъ бы отказать ему».

И онъ сказалъ вслухъ:

— Да, это можно было предвидѣть.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Машко со страстностью человѣка, который не хочетъ разстаться съ мыслью, что всему виною только исключительное стеченіе обстоятельствъ, — ты не имѣешь права говорить такъ! За минуту до смерти я готовъ повторить, что это могло бы пойти иначе.

— Любезный другъ, чего же ты собственно хочешь отъ меня? — съ отъѣнкомъ нетерпѣнія спросилъ Поланецкій.

Машко остылъ и отвѣтилъ:

— Я отъ тебя ничего не хочу. Я пришелъ къ тебѣ, какъ къ человѣку, который всегда выказывалъ мнѣ расположеніе и которому, кромѣ денежныхъ долговъ, я обязанъ еще долгомъ благодар-

ности, пришелъ откровенно сказать, какъ стоятъ мои дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ, посоветовать: спасай что можно и сколько можно.

Поланецкій стиснулъ зубы. Онъ думалъ, что даже и въ той ироніи жизни, скрежетъ которой онъ съ нѣкотораго времени постоянно слышалъ вокругъ себя, должна быть известная мѣра. А теперь слова Машко о дружбѣ и долгѣ благодарности показались ему чѣмъ-то совершенно превышающимъ эту мѣру. «Чортъ бы побралъ и деньги, и тебя, только исчезни ты разъ навсегда!» — подумалъ онъ про себя, но громко сказалъ:

— Я не вижу способа сдѣлать это.

— Способъ только одинъ, — отвѣтилъ Машко. — До тѣхъ поръ, пока еще никому неизвѣстно, что я долженъ разориться, пока на дѣло о завѣщаніи еще можно возлагать какую-нибудь надежду, пока мое имя и моя подпись что-нибудь да значить, ты можешь продать претензію своей жены. Скажи покупателю, что хочешь капитализировать все состояніе или что-нибудь подобное. Поводъ найти легко. Покупатель найдется всегда, въ особенности, если ты согласишься продать съ значительною уступкой. Въ ожиданіи выгоды твою претензію купить любой жидъ. Я предпочитаю, чтобъ потерялъ кто-нибудь другой, а не ты, а, вѣдь, ты могъ и не слышать того, что я говорилъ тебѣ о своемъ предстоящемъ банкротствѣ, могъ надѣяться, что я выиграю дѣло. При этомъ ты можешь быть увѣренъ, что тотъ, кто купитъ у тебя претензію, самъ продалъ бы ее безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, хотя бы зналъ, что завтра она не будетъ стоить ломаного гроша. Свѣтъ — это биржа, а на биржѣ большинство дѣлъ совершается по этой нормѣ. Это называется предусмотрительностью.

На это Поланецкій отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Это называется иначе. Ты упоминалъ о жидяхъ, а существуютъ дѣла, которыя они опредѣляютъ однимъ словомъ: «schmizig». Деньги моей жены я буду спасать другимъ манеромъ.

— Воля твоя. Я, милый мой, также знаю цѣну моему манеру, только видишь, несмотря ни на что, рѣшилъ, что обязанъ рекомендовать его тебѣ. Можетъ быть, это порядочность будущаго банкрота, но о другой мнѣ и думать нечего. Ты догадаешься, какъ легко мнѣ говорить это. Я зналъ заранѣе, что ты на это не согласишься, значить, мнѣ нужно было выполнить только то, что я рѣшилъ. А теперь дай мнѣ чашку чаю и рюмку коньяку, — я еле живъ.

Поланецкій позвонилъ и приказалъ подать чай и коньякъ. Машко продолжалъ:

— Я долженъ зацѣпить известное количество людей, — это неизбежно, — но хотѣлъ бы зацѣпить скорѣе постороннихъ, чѣмъ тѣхъ,

которые оказали мнѣ какую-нибудь услугу. Есть положенія, въ которыхъ нужно быть оппортунистомъ по отношенію къ собственной совѣсти.

Машко горько улыбнулся.

— Я и самъ не зналъ о томъ, а теперь предо мною открылись новые горизонты. Человѣкъ поучается вплоть до смерти. У насъ, банкротовъ, тоже есть point d'honneur. Что касается меня, то мнѣ менѣе жалко постороннихъ, чѣмъ тѣхъ, кому я обязанъ благодарностью. Можетъ быть, это мораль Ринальдо Ринальдини, но, все-таки, своего рода мораль.

Слуга принесъ чай. Машко долилъ себѣ чашку до половины коньякомъ и выпилъ залпомъ.

— Мой милый, ты, конечно, знаешь свое положеніе лучше, чѣмъ я, — сказалъ Поланецкій. — Все, что я могъ бы сказать тебѣ противъ бѣгства и въ пользу пребыванія на мѣстѣ и сдѣлки съ кредиторами, ты, навѣрное, уже сказалъ самому себѣ, такъ я хочу спросить совѣмъ о другомъ: приберегъ ли ты хотя на первое обзаведеніе, выѣхать-то тебѣ есть ли съ чѣмъ?

Машко долилъ коньякомъ другую чашку и отвѣтилъ:

— Не думай, что я начинаю пить съ отчаянія, но сегодня съ утра я ни на минуту не посидѣлъ на мѣстѣ и утомленъ страшно. Ахъ, какъ мнѣ хорошо стало! Скажу тебѣ откровенно, я не считаю себя побѣжденнымъ. Видишь, я не пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Мелодрама... Бъ тому же, устарѣло. Правда, я знаю, что здѣсь для меня все кончено, но на этой почвѣ я и такъ не могъ бы процвѣсти. Здѣсь просто-на-просто дѣла черезъ-чуръ мелки, простора нѣтъ. Возьми Западъ, Парижъ, на примѣръ! Вотъ тамъ люди дѣлаютъ состоянія, тамъ падаютъ и поднимаются. Что тутъ толковать, коли оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Знаешь ли ты, что у Гирша, когда онъ уѣзжалъ изъ родины, можетъ быть, не было трехсотъ франковъ? А я знаю, знаю! Съ точки зрѣнія здѣшней мертвечины, здѣшней неподвижности, это можетъ показаться мечтою, бредомъ банкрота... А, однако, тамъ и похуже меня наживаютъ миліоны, похуже!... Проиграю или выиграю, но если когда-нибудь возвращусь сюда...

Очевидно, чай съ коньякомъ возбудили его. Онъ стиснулъ ладони и прибавилъ:

— Увидишь!

Но Поланецкій отозвался еще съ большимъ, чѣмъ прежде, нетерпѣніемъ:

— Во всякомъ случаѣ, если это не мечта, то будущее. А теперь что?

— Теперь, — сказалъ Машко, — меня будутъ считать за мошенника, никто не подумаетъ, что есть паденіе и паденіе. Тебѣ я скажу, что я, напримѣръ, не потребовалъ отъ жены никакой подписи, никакого ручательства, и у меня будетъ столько же, сколько было, прежде чѣмъ она вышла за меня. А уѣзжаю пока одинъ и, пока не устроюсь, она останется здѣсь одна съ матерью. Я не знаю, слышалъ ли ты, что пани Краславская потеряла зрѣніе. Я не могу взять ихъ съ собою теперь, потому что не увѣренъ, гдѣ буду жить, въ Парижѣ или въ Антверпенѣ, но надѣюсь, что наша разлука долго не продлится. Онѣ еще не знаютъ ни о чемъ... Вотъ въ чемъ драма! Вотъ что мучить меня!

Машко провелъ рукой по головѣ и поморщился, какъ будто отъ боли.

— Когда ты уѣзжаешь? — спросилъ Поланецкій.

— Не знаю; тогда я дамъ тебѣ знать. Ты, кажется, хотѣлъ предложить мнѣ помощь, — ты можешь оказать ее мнѣ, хотя и не въ денежной формѣ. Въ первое время отъ моей жены всѣ будутъ стонуть. Приласкай ее немного, возьми ты ее подъ свое покровительство. Согласенъ? Ты дѣйствительно былъ расположенъ ко мнѣ, и я знаю, что и къ ней ты также расположенъ.

«Ей-Богу, можно съ ума сойти!» — подумалъ Поланецкій, но громко сказалъ:

— Согласенъ.

— Благодарю тебя отъ души и сердца. И еще одна просьба. Ты очень высоко стоишь въ глазахъ многихъ барынь, онѣ вѣрятъ всему, что ты говоришь имъ. Защищай меня немного, хоть въ первое время, передъ лицомъ моей жены. Объясни ей, что безчестность — это одно, а несчастье — другое дѣло. Я, клянусь тебѣ, во все не такой мошенникъ, за какого будутъ считать меня. Ты видишь, я и жену могъ бы потянуть за собою въ пропасть, однако, не сдѣлалъ этого; могъ изъ тебя вытянуть тысячи двѣ рублей. Ты все это сумѣешь представить ей, и она тебѣ повѣритъ. Согласенъ?

— Согласенъ, — повторилъ Поланецкій.

Машко опять обѣими руками схватился за голову и проговорилъ:

— Вотъ въ чемъ кроется паденіе! Вотъ что заставляетъ страдать!

Онъ началъ прощаться. Поланецкій вышелъ съ нимъ вмѣстѣ, сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ въ Бучинекъ.

По дорогѣ онъ думалъ о Машко, о его судьбѣ, а, вмѣстѣ съ

тѣмъ, повторялъ себѣ: «Я тоже банкротъ!» И это была правда. Кромѣ того, съ недавняго времени его удручала какая-то непонятная тревога за все, и онъ рѣшительно не могъ справиться съ нею. Вокругъ себя онъ видѣлъ разочарованія, несчастія, крушенія и не могъ освободиться отъ чувства, что все это и для него является предостереженіемъ и угрозою въ будущемъ. Правда, онъ доказывалъ себѣ, что подобныя опасенія не могутъ быть логически оправданы, тѣмъ не менѣе, опасенія, все-таки, гнѣздились гдѣ-то въ глубинѣ его души и отъ времени до времени шептали ему на ухо: «Почему ты можешь составлять единственное исключеніе?» Тогда сердце его сжималось предчувствіемъ несчастія. Это было горше тѣхъ шпилекъ, которыми при каждомъ словѣ невольно кололи его даже самые расположенные къ нему люди. Вообще нервы его разстроились за послѣднее время до такой степени, что онъ сдѣлался чуть не суевѣрнымъ. Каждый день онъ возвращался въ Бучинекъ съ безпокойствомъ, не случилось ли чего-нибудь дурного во время его отсутствія.

Теперь, благодаря приходу Машко, онъ возвращался позже обыкновеннаго и пріѣхалъ, когда уже совершенно смерклось. Выйдя изъ экипажа на усыпанную пескомъ дорогу, которая смягчала стукъ колесъ экипажа, онъ увидалъ, что Мариня, пани Эмилиа и профессоръ сидятъ за столомъ посерединѣ гостиной. Мариня раскладывала пасьянсъ и, видимо, объясняла его пани Эмилиа. Поланецкій при видѣ Марини подумалъ то, что постоянно повторялъ себѣ въ послѣднее время и что наполняло его и великимъ счастьемъ и еще большею горечью: «Это самая чистая душа, какую я только встрѣчалъ въ жизни!» Съ этою мыслью и онъ вошелъ въ комнату.

— Сегодня ты опоздалъ, — сказала Мариня, когда онъ поднесъ ей руку къ своимъ губамъ, — но мы, все-таки, ждали тебя ужинать.

— Меня задержалъ Машко, — отвѣтилъ Поланецкій. — А здѣсь что слышно?

— Какъ всегда. Все благополучно.

— А ты какъ себя чувствуешь?

— Какъ рыба въ водѣ! — весело отвѣтила Мариня и подставила ему свой лобъ.

Начались разспросы о Завиловскомъ. Поланецкій, послѣ тягостнаго разговора съ Машко, въ первый разъ вздохнулъ свободно. «Она здорова и все хорошо!» — подумалъ онъ и удивился, самъ не зная чему. Дѣйствительно, ему было хорошо въ этой свѣтлой

комнатъ, въ этомъ полномъ покоѣ, среди любящихъ душъ, въ присутіи этого добраго и вѣрнаго существа. Онъ чувствовалъ, что здѣсь было все, что нужно для счастья, но чувствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ это счастье попрамъ добровольно, внесъ въ чистую атмосферу своего дома элементъ растлѣнія и зла и что живетъ незаконно подъ кровлей этого дома.

XL.

Въ половинѣ сентября началась такая холодная погода, что Поланецкіе изъ Бучинка переѣхали въ городъ. Поланецкій передъ прибытіемъ жены обновилъ квартиру и оставилъ ее цвѣтами. Правда, ему казалось, что онъ утратилъ право любить Мариню, но на самомъ дѣлѣ онъ только утратилъ свою прежнюю свободу по отношенію къ ней, за то, а можетъ быть и вслѣдствіе этого, сталъ къ ней болѣе внимательнымъ и предупредительнымъ. Никто не можетъ дать право любить и никто не можетъ отнять его. Другое дѣло—человѣкъ павшій въ присутствіи души несравненно болѣе благородной можетъ себя чувствовать недостойнымъ ея. Тогда онъ любить съ покорностью и чувство свое не смѣетъ назвать настоящимъ именемъ. Что Поланецкій утратилъ дѣйствительно, такъ это свою самоувѣренность, свою размахистость и прежнюю безцеремонность по отношенію къ женѣ. Теперь по временамъ въ его обращеніи съ ней чувствовался такой отгѣнокъ, какъ будто она все еще была панной Плавницкой, а онъ искателемъ ея руки, неувѣреннымъ въ успѣхѣ.

Однако, эта его неувѣренность по временамъ походила на холодность. Несмотря на всѣ старанія Поланецкаго, они стали какъ-то дальше другъ отъ друга, чѣмъ были прежде. «Нѣтъ у меня права!»—вотъ что повторялъ Поланецкій при каждомъ болѣе или менѣе сильномъ движеніи своего сердца. И Мариня, въ концѣ-концовъ, замѣтила, что они живутъ теперь какъ-то иначе, но объясняла это различными соображеніями.

Прежде всего, въ домѣ были гости,—значить, какъ бы то ни было, для фамиллярности не было уже такого простора. Во-вторыхъ, подоспѣло это несчастіе съ Завиловскимъ,—оно могло потрясти Поланецкаго и отвлечь его мысли въ другую сторону. Мариня привыкла уже къ различнымъ переменамъ въ расположеніи Стаха и перестала придавать имъ такое значеніе, какое придавала раньше.

Переживъ долгіе часы горькихъ размышленій, она пришла, на-

конецъ, къ заключенію, что въ первое время, пока нѣкоторыя неровности и загибы характеровъ не сложатся въ одну общую линію, разныя перемѣны и колебанія возможны, но все это современемъ пройдетъ. Отчасти открыть эту правду ей помогъ здравый умъ пани Бигель, которая, когда Мариня начала восторгаться ихъ жизнью, сказала:

— О, да, вѣдь, это не сразу сдѣлалось! Сначала мы какъ будто и страстно любили другъ друга, но были мало связаны, — одного тянуло въ одну, другого въ другую сторону. Только у обоихъ насъ была порядочность и добрая воля. Господь Богъ видѣлъ и благословилъ это. Послѣ рожденія перваго ребенка все пошло самымъ лучшимъ образомъ, и сегодня я не отдала бы своего стараго кота ни за какія сокровища, хотя онъ толстѣетъ у меня не по днямъ, а по часамъ, и слушать не хочетъ, когда я уговариваю его пить Карлсбадъ.

— Послѣ перваго ребенка?—съ великимъ интересомъ спросила Мариня.—Ага! я и такъ бы догадалась, что это пришло послѣ перваго ребенка!

Пани Бигель разсмѣялась.

— А какой онъ былъ смѣшной, когда у насъ родился первый мальчикъ! Первые дни онъ не говорилъ ничего, только подниметь на лобъ очки, посмотреть на ребенка, какъ на какое-нибудь заморское чудо, а потомъ подойдетъ ко мнѣ и начнетъ цѣловать у меня руки.

Надежда на ребенка давала Маринѣ возможность не принимать близко къ сердцу эту новую перемѣну въ Стахѣ. Теперь она была занята приготовленіемъ мѣста для новаго гостя какъ въ своемъ домѣ, такъ и въ своей душѣ. Она чувствовала, что пришельца нужно обвить не только пеленками, но и любовью.

И Мариня подготовляла все необходимое. Она говорила себѣ, что жизнь вдвоемъ можетъ быть перемѣнчивой, но втроемъ—это счастье и воплощеніе такъ жарко ожидаемаго милосердія Божія.

Вообще въ будущее она смотрѣла очень бодро. Если, наконецъ, Поланецкій сталъ другимъ, какъ-то болѣе церемоннымъ, болѣе далекимъ, то, вмѣсто этого, проявлялъ такую деликатность, которую она не видала отъ него раньше. Заботу и утомленіе, которыя виднѣлись на его лицѣ, Мариня приписывала привязанности къ Завиловскому. Правда, о здоровьѣ его не нужно тревожиться, но его горе она понимала своимъ женскимъ сердцемъ и знала, что оно можетъ покончиться только съ жизнью.

Притомъ, вскорѣ послѣ переѣзда Поланецкихъ въ городъ, изъ

Остенде пришли неожиданныя извѣстія, грозяція новыми осложненіями. Однажды утромъ Свирскій какъ бомба ворвался въ контору, увелъ Бигеля и Полавецкаго въ отдѣльную комнату и заговорилъ съ таинственною миной:

— Знаете, что случилось? Былъ у меня Бресовскій, — только что вчера возвратился изъ Остенде. Основскій разошелся съ женой и переломалъ ребра Боповскому. Скандалъ баснословный! Все Остенде ни о чемъ другомъ и не говорить.

Полавецкій и Бигель молчали подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія. Наконецъ, Полавецкій сказалъ:

— Раньше или позже это должно было случиться. Основскій — ослѣпленный человѣкъ.

— А я ничего не понимаю, — добавилъ Бигель.

— Неслыханная исторія! — волновался Свирскій. — Кто бы могъ допустить что-нибудь подобное?

— Что говорить Бресовскій?

— Бресовскій рассказываетъ, что Основскій сговорился какъ-то съ знакомыми англичанами ѣхать въ Бланкенбергъ стрѣлять дельфиновъ, но опоздалъ на желѣзную дорогу. У него оставалось не занятое время, онъ возвратился домой и засталъ тамъ Боповскаго. Вы можете представить, что увидалъ онъ, если, несмотря на свою мягкость, до такой степени возмутился и потерялъ голову, что, забывъ о послѣдствіяхъ, поколотилъ Боповскаго такъ, что тотъ теперь лежитъ въ постели.

— Онъ такъ былъ влюбленъ въ жену, что могъ сойти съ ума или убить ее, — сказалъ Бигель. — Что это за несчастіе для человѣка!

Полавецкій молчалъ. Бигелю было ужасно жаль Основскаго и онъ долго ходилъ по комнатѣ, наконецъ, остановился передъ Свирскимъ, засунулъ руки въ карманы и сказалъ:

— Однако, я ничего не понимаю.

Свирскій, не отвѣчая ему, опять обратился къ Полавецкому:

— Помните вы, что я говорилъ о ней въ Римѣ, когда рисовалъ портретъ вашей жены, что это за женщина? Я зналъ, что она немного стѣдтъ, но не допускалъ, чтобъ она могла зайти такъ далеко... И это съ какимъ-то Боповскимъ!... Теперь я вижу ясно разныя вещи! Боповскій вѣчно сидѣлъ тамъ, то какъ будто ухаживалъ за панной Кастелли, то какъ будто за панной Ратковской, а на самомъ дѣлѣ они сговорились съ Анетой и придумали себѣ надлежащую обстановку. Веселый мальчикъ! Панна Кастелли на обѣдъ, Основская къ десерту! Такому вездѣ хорошо!... А между

тѣми-то—соперничество, —одна передъ другой идутъ на уступки, чтобы притянуть его къ себѣ. Вы думаете, что тамъ женское самолюбіе мало значило?

— Вы совершенно правы, —сказалъ Поланецкій. —Основская всегда была противъ брака Коповскаго съ панной Кастелли и поэтому, должно быть, такъ усердно и сватала ее съ Игнасемъ. Когда тѣ сьумѣли что-нибудь понять, она дошла до крайности, чтобы удержать при себѣ Коповскаго. Отношенія ихъ —это старая исторія.

— Теперь я начинаю немного понимать, —сказалъ Бигель, —но какъ это грустно!

— Грустно?—переспросилъ Свирскій. —Напротивъ! Коповскому было весело!... Хотя и то нѣтъ! «Борень зла сладокъ, но плодъ горекъ». Нечего ему завидовать. Знаете ли вы, что Основскій почти такъ же силенъ, какъ я? Ему хотѣлось нравиться женѣ, онъ боялся потолстѣть и поэтому съ утра до вечера занимался разными гимнастическими упражненіями. Ахъ, какъ онъ ее любилъ! Какой это былъ добрый человѣкъ, и какъ мнѣ жаль его! Въ услугамъ этой женщины было все: сердце, богатство, чисто-собачья привязанность, и все это она потоптала. Кастелли, по крайней мѣрѣ, не была женой Завиловскаго.

— И они дѣйствительно разошлись?

— Такъ дѣйствительно, что она уже уѣхала. Что тамъ должно было произойти, коль скоро Основскій бросилъ ее, право, тяжело подумать.

Бигель любилъ смотрѣть на вещи съ практической стороны и потому спросилъ:

— Интересно знать, что она будетъ дѣлать? Все состояніе его.

— Если онъ сразу не убилъ ее, то, вѣроятно, не дастъ умереть съ голоду. Не такого сорта онъ человѣкъ. Бресовскій говорилъ, что онъ остался въ Остенде и хочетъ еще вызвать Коповскаго. Но Коповскій-то, все-таки, съ недѣлю долженъ лежать. Будетъ и дуэль. Пани Броничъ съ панной Кастелли также уѣхали въ Парижъ.

— А бракъ панны Кастелли съ Коповскимъ?

— А вамъ чего бы хотѣлось? Конечно, въ виду столь ясной измѣны жениха, все дѣло разстроилось. Дѣло не выгорѣло и онѣ сѣли, какъ ракъ на мели. Гм... Пусть ищутъ за границей какого-нибудь князя Крапулеску, — послѣ того, что они сдѣлали съ Игнасемъ, панну Кастелли можетъ взять только или мошенникъ, или дуракъ. Завиловскій къ ней, конечно, не вернется.

— Я то же самое говорил Поланецкому, — сказал Бигель, — а онъ отвѣтилъ мнѣ на это: «Кто знаетъ?»

— Э? — удивился Свирскій, — вы въ самомъ дѣлѣ предполагаете...

— Ничего не предполагаю, ничего! — взволновался Поланецкій. — Ни за что не ручаюсь, ни за что не ручаюсь!... И за себя не ручаюсь!

Свирскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Можетъ быть, это и вѣрно, — сказалъ онъ, помолчавъ немного. — Если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ вчера, что Основскіе разойдутся когда-нибудь, то я считалъ бы его сумасшедшимъ.

Тутъ онъ распрощался и ушелъ. Бигель и Поланецкій остались одни.

— За зло нужно расплачиваться, — послѣ нѣкотораго размышленія сказалъ Бигель. — Но знаешь, что меня занимаетъ? Какъ, однако, понижается у насъ нравственный уровень! Возьми какую-нибудь пани Броничъ, панну Кастелли, пани Основскую... Какія онѣ всѣ скверныя, какія испорченныя и, вдобавокъ, какія глупыя! Какая-то смѣсь чортъ знаетъ изъ чего, какія-то безграничныя претензіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, души горничныхъ! Точно и думать объ этомъ, — правда? И такіе люди, какъ Игнась или Основскій, платятъ за это!

— И этой логики я не понимаю, — угрюмо отвѣтилъ Поланецкій.

Бигель снова началъ ходить по комнатѣ, чмокать и погачивать головою, но вдругъ остановился передъ Поланецкимъ съ прояснившимся лицомъ, потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Ну, старикъ! Ты и я, однако, можемъ сказать, что въ жизненной лотереѣ вынули счастливые нумера. Мы также не были святыми, но, можетъ быть, Господь Богъ потому послалъ намъ счастье, что мы по-разбойнически не подкапывались подъ чужое счастье.

Поланецкій не отвѣтилъ ничего.

Такъ ужъ сложились условія, — все, что вокругъ него дѣлалось, все, что онъ слышалъ вокругъ, образовывало какую-то пилу съ острыми зубцами, и эти зубцы рвали его нервы. Вдобавокъ, онъ испытывалъ чувство, что все это не только необыкновенно мучительно и болѣзненно, но начинаетъ становиться и смѣшнымъ. По временамъ ему приходило въ голову взять Маринку и скрыться съ нею гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь глухой деревнѣ, только подальше отъ этой страшной комедіи жизни, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, ста-

новилась все болѣе омерзительной. Но онъ зналъ, что не сдѣлаетъ этого, хотя бы потому, что ему помѣшаетъ теперешнее состояніе здоровья Марини. Однако, онъ отказался отъ покупки Бучинка, — а дѣло это почти было совсѣмъ налажено, — отказался, чтобы присмотрѣть себѣ какую-нибудь болѣе отдаленную и менѣе доступную дачу. Вообще, отношенія къ людямъ страшно начали тяготить его; онъ чувствовалъ, что попалъ въ водоворотъ и не выберется изъ него. По временамъ въ немъ пробуждался прежній, полный энергіи и трезвости, человѣкъ, который съ изумленіемъ спрашивалъ самого себя: «Что за чорты! люди грѣшатъ такъ тысячу разъ на день, — почему моя вина все растетъ и растетъ безъ конца и предѣла?» Но совѣсть отвѣчала ему сейчасъ же, что какъ въ медицинѣ нѣтъ болѣзней, а есть только больные, такъ и въ моральномъ мірѣ нѣтъ вины, а есть только виновные. Что одинъ переноситъ легко, за то другой расплачивается жизнью. И тщетно онъ старался защитить себя. Вина его, какъ человѣка съ правилами, какъ человѣка, едва полгода женившася на такой женщинѣ, какъ Мариня, какъ будущаго отца, дѣйствительно была безмѣрна, такъ неслыханна и неизвинительна, что по временамъ онъ самъ удивлялся, какъ могъ совершить ее. Теперь, возвращаясь домой, подъ впечатлѣніемъ несчастія Основскаго, онъ чувствовалъ, какъ будто часть отвѣтственности за все происшедшее падаетъ и на него. «Я, — говорилъ онъ себѣ, — акціонеръ той фабрики, которая выработываетъ такія отношенія и такихъ женщинъ, какъ панна Кастелли или пани Основская». Затѣмъ въ голову ему пришло, что Бигель былъ правъ, когда говорилъ, что общій моральный уровень понижается и что общее настроеніе, которое не исключаетъ возможности подобныхъ явленій, становится прямо опаснымъ. Онъ понималъ, что все это происходитъ не изъ исключительныхъ несчастій, не изъ демоническихъ страстей, не изъ непомѣрной кипучести натуры, но изъ общественной распущенности и тому подобныхъ извращеній, имя же имъ легіонъ. «Вотъ, — подумалъ онъ, — только въ кружкѣ моихъ знакомыхъ есть пани Машко, есть пани Основская, есть панна Кастелли, а кого я противопоставлю имъ? Развѣ только одну мою Мариню!» Въ эту минуту ему не пришло въ голову, что, кромѣ Марини, въ его кружкѣ есть и пани Эмилія, и панна Елена Завиловская, и панна Ратковская. За то Мариня на этомъ фонѣ испорченности и легкомыслія показала ему такъ непохожею на другихъ, такую чистою и надежною, что онъ вздрогнулъ до глубины души при одномъ воспоминаніи о ней. «То другой міръ и другой видъ!» — подумалъ онъ. Но, вѣдь, и Основскій назы-

валъ свою жену исключеніемъ... Поланецкій сейчасъ же отогналъ отъ себя эту мысль: «Основскій ошибался, а я не ошибаюсь!» И онъ почувствовалъ, что скептицизмъ, который не отступилъ бы передъ Мариной, былъ бы не только глупымъ, но и смѣшнымъ. Да, въ ней прямо не было мѣста для зла. На болото можетъ садиться только болотная птица. Самъ онъ когда-то шутилъ ей, что еслибъ она носила высокіе каблуки, то мысль, что она обманываетъ свѣтъ, довела бы ее до угрызенія совѣсти. Въ этой шуткѣ была и частица правды. Онъ видѣлъ ее теперь передъ собою такъ ясно, какъ видятъ людей, о которыхъ думаютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, видѣлъ ея измѣнившуюся фигуру и измѣнившееся лицо, отъ котораго, впрочемъ, остался все тотъ же чудесный, немного широкій ротъ, тѣ же самые чистые глаза, и растрогивался все болѣе и болѣе. «Дѣйствительно, на мою долю выпалъ огромный выигрышъ въ жизненной лотереѣ, но я не умѣлъ оцѣнить этого счастья...» Бигель говоритъ: за зло нужно расплачиваться. И Поланецкій, которому уже не разъ приходила подобная мысль, теперь испытывалъ передъ нею суевѣрный страхъ. «Есть какая-то логика, въ силу которой волна, отраженная берегомъ, возвращается назадъ, такъ возвратится и мое зло». И вдругъ ему показалось совершенно невозможнымъ, чтобъ онъ спокойно могъ обладать такою женщиной и такимъ счастьемъ. А логика, которая повелѣваетъ возвращаться назадъ волнѣ зла?... Ну, а дальше что? Дальше... Напримѣръ, Мариня можетъ умереть во время родовъ. Пани Машко изъ мести можетъ сказать какое-нибудь слово, которое уязвитъ Мариню, а потомъ, при ея положеніи, это проявится въ формѣ горячки. Тутъ не нужно даже говорить всю правду. Напротивъ, пани Машко можетъ даже похвастаться, что устояла противъ его покушенія, и, — кто знаетъ? — подумалъ Поланецкій, — не у Марини ли въ настоящее время пани Машко, а въ такомъ случаѣ — разговоръ о мужчинахъ, нѣсколько язвительныхъ словъ и... довольно...

Онъ чувствовалъ, что шапка горитъ на его головѣ, и пришелъ домой объятый тревогой. Но пани Машко у нихъ не было, за то Мариня подала ему записку, въ которой панна Елена Завиловская просила его придти къ ней послѣ обѣда.

— Боюсь, не стало ли пану Игнасю хуже, — сказала Мариня.

— Нѣтъ. Я заходилъ туда утромъ на минуту. Панна Елена о чемъ-то совѣщалась съ юристомъ Копоновичемъ, но я видѣлъ и Завиловскаго, и панну Ратковскую. Завиловскій чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо и поти весело разговаривалъ со мною.

За обѣдомъ Поланецкій рѣшилъ сообщить Маринѣ послѣднюю

новость, она и безъ того не могла бы укрыться отъ нея. И вотъ, когда Мариня спросила, что онъ слышалъ въ конторѣ и въ городѣ, Поланецкій отвѣтилъ:

— Въ конторѣ ничего новаго, но въ городѣ говорятъ о какихъ-то недоразумѣніяхъ между Основскими.

— Между Основскими?

— Да. Въ Остенде что-то произошло. Кажется, поводомъ ко всему былъ Коповскій.

Мариня покраснѣла отъ любопытства.

— Стахъ, что ты говоришь?

— Говорю, что слышалъ. Помнишь мои замѣчанія на помолвкѣ Завиловскаго? Оказалось, что я правъ. Короче сказать, вышелъ какой-то скандалъ, и вообще дѣло приняло скверный оборотъ.

— Да, вѣдь, ты говорилъ, что Коповскій женихъ панны Бастелли?

— Былъ, да пересталъ. Тамъ все могло разорваться.

На Мариню это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе. Она хотѣла разузнать подробности, но когда Поланецкій сказалъ ей, что ничего больше не знаетъ и что, вѣроятно, черезъ нѣсколько дней придутъ болѣе точныя извѣстія, Мариня начала горевать надъ участію Основскаго, — она всегда любила его, — и негодовать на пани Анету.

— Я думала, — сказала она, — что онъ покорить ее своею добротой и привяжетъ къ себѣ своею любовью, но она не стоитъ его, и панъ Свирскій говоритъ правду о женщинахъ.

Тутъ подоспѣлъ панъ Плавицкій, который послѣ ранняго обѣда въ ресторанѣ пришелъ сюда сообщить «важную новость», тѣмъ болѣе, что о ней говорятъ весь городъ. Поланецкій теперь увидалъ, что хорошо сдѣлалъ, подготовивъ до нѣкоторой степени жену, потому что въ рассказѣ пана Плавицкаго дѣло приняло черезъ-чуръ яркую окраску. Правда, панъ Плавицкій въ своемъ рассказѣ упоминалъ о «правилахъ», о «прежнихъ матронахъ», но, очевидно, былъ доволенъ, что случилось что-то интересное, и, очевидно, сморѣлъ на дѣло съ комической стороны, потому что въ концѣ скалъ:

— Ну, молодецъ бабенка! Что на полѣ битвы, то и непріятель! никому спуска не даетъ, никому, никому!... Бѣдный Основскій, она никому не давала спуска!

Онъ поднялъ брови вверху, а потомъ посмотрѣлъ на Мариню и ланецкаго, точно желая удостовѣриться, поняли ли они, что должно

было значить это «никому». Но на лицѣ Марини отразилось неудовольствіе.

— Фу, Стахъ!—сказала она,—это не только безчестно, но и гадко!

XLI.

Послѣ обѣда Поланецкій отправился къ панинѣ Еленѣ. Завиловскій носилъ еще на лбу черную повязку, заикался и слегка косилъ, но вообще все больше и больше приходилъ въ себя и считался уже здоровымъ. Врачъ утверждалъ, что и тѣ явленія, которыя остались вслѣдствіе раны, пройдутъ безъ слѣда. Въ минуту, когда Поланецкій вошелъ, молодой человѣкъ сидѣлъ у стола въ глубокомъ креслѣ, когда-то принадлежавшемъ старому пану Завиловскому, и слушалъ съ закрытыми глазами стихи, которые читала ему панна Ратковская.

Она при видѣ гостя положила книжку.

— Добрый вечеръ!—сказалъ Поланецкій.—Какъ поживаешь, Игнась? Я вижу, что помѣшалъ вашему чтенію. Чѣмъ это вы такъ зачитываетесь?

Панна Ратковская повернула къ книгѣ свою коротко остриженную голову; прежде у нея были роскошные волосы, но она остригла ихъ,—при больномъ невозможно было посвящать много времени на прическу.

— Это стихи пана Завиловскаго.

— Свои собственные стихи слушаешь?—разсмѣялся Поланецкій.—Ну, и что-жь, какъ они тебѣ нравятся?

Завиловскій отвѣтилъ:

— Слушаю, какъ чужіе.

Черезъ минуту онъ прибавилъ медленно, слегка заикаясь:

— Но я опять буду писать, какъ только совсѣмъ приду въ себя.

Было видно, что эта мысль сильно занимаетъ его и что онъ не разъ говорилъ уже объ этомъ, потому что панна Ратковская прибавила, какъ будто желая ободрить его:

— И такіе же чудесные, и въ скоромъ времени.

Онъ благодарно улыбнулся ей, но промолчалъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла панна Елена, пожала Поланецкому руку и сказала:

— Какъ любезно съ вашей стороны, что вы пришли! Я хотѣла бы посовѣтоваться съ вами.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, я прошу васъ къ себѣ.

Она привела его въ другую комнату, указала ему стулъ, сѣла напротивъ него и нѣсколько минутъ молчала, какъ будто собирая мысли.

Поланецкій, смотря на нее при полномъ освѣщеніи, въ первый разъ замѣтилъ въ ея свѣтлыхъ волосахъ нѣсколько серебряныхъ нитей и подумалъ, что этой женщинѣ всего только тридцать лѣтъ.

Она заговорила своимъ холоднымъ и рѣшительнымъ голосомъ:

— Собственно это не совѣтъ, а просьба оказать помощь моему родственнику. Я знаю, что вы его истинный другъ; кромѣ того, вы и ко мнѣ были такъ добры послѣ смерти моего отца, что я всю жизнь сохраняю благодарность къ вамъ, а теперь буду говорить съ вами откровеннѣе, чѣмъ говорила бы съ кѣмъ-нибудь другимъ. По личнымъ соображеніямъ, которыхъ я касаться не хочу и о которыхъ я могу вамъ сказать только, что они весьма мучительны, я рѣшила создать себѣ другія условія жизни, болѣе сносныя для себя. Я сдѣлала бы это и раньше, но не могла, пока былъ живъ отецъ. А потомъ случилось это несчастіе! Мнѣ казалось, что моя обязанность не дозволяетъ мнѣ оставить послѣдняго моего родственника, носящаго нашу фамилію, къ тому же, я чувствовала къ нему искреннюю и сердечную пріязнь. Но теперь, слава Богу, онъ избавленъ отъ опасности. Доктора ручаются за его жизнь, и если Богъ далъ ему выдающіяся способности и предназначилъ его для великихъ дѣлъ, то я не буду стоять на пути его назначенія.

Она замолгла, точно остановилась мыслью на чемъ-то прошломъ, затѣмъ словно пробудилась отъ сна и продолжала:

— Но въ силу этого моя послѣдняя задача окончена и я вправѣ возвратиться къ своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ. Остается только состояніе, завѣщанное мнѣ отцомъ, состояніе значительное, но совершенно ненужное для моей жизни. Еслибъ я могла его считать своею личною собственностью, то распорядилась бы имъ, можетъ быть, иначе, но состояніе это родовое и я не считаю себя въ правѣ завѣщать его на другія цѣли, пока живетъ кто-нибудь, носящій одинаковую фамилію со мной. Я не скрываю передъ вами, что мною руководитъ и привязанность къ моему кузену, но думаю, что, прежде всего, дѣлаю то, что приказываетъ мнѣ совѣсть, и при этомъ исполняю волю отца. Ему не пришлось, но,—я знаю это съ точностью,—часть состоянія онъ хотѣлъ завѣщать Игнасю. Я отрекаюсь отъ наслѣдства сама, правда, не въ такой степени, какъ думалъ отецъ, но, все-таки, беру больше, чѣмъ мнѣ нужно. Остальное пусть наслѣдуетъ Игнась. Дарственный актъ уже составилъ, согласно законнымъ требованіямъ, панъ Бопоновичъ. Иг-

насъ получить этотъ домъ, Ясмень, имѣніе въ Кутнѣ, познанскія имѣнія и капиталы, за исключеніемъ той части, которую беру я, и той, которую я предназначаю для панны Ратковской. Все дѣло въ томъ, какъ бы вручить Игнасю этотъ актъ. Я спрашивала двухъ докторовъ, не преждевременно ли это, не повредитъ ли ему волненіе? Доктора ручаются, что нѣтъ и что всякая благопріятная новость можетъ только выгодно вліять на его здоровье, а если это такъ, то я хотѣла бы вручить актъ немедленно, — время не ждетъ.

Она блѣдно улыбнулась. Поланецкій пожалъ ея руку и спросилъ съ неподдѣльнымъ волненіемъ:

— Дорогая панна Завиловская, я спрашиваю не изъ простаго любопытства, что вы намѣрены дѣлать?

Панна Елена, видимо, не хотѣла прямо отвѣчать на вопросъ и сказала:

— Человѣкъ всегда имѣетъ право прибѣгнуть къ покровительству Божію. Что касается Игнася, то у него доброе сердце и благородный характеръ, — онъ не употребитъ во зло состоянія, но состояніе очень велико, а Игнась молодъ, неопытенъ, начнетъ новую жизнь при совершенно измѣнившихся условіяхъ. Поэтому я и хотѣла просить васъ, какъ достойнаго человѣка и его друга, не оставить его безъ призора. Присматривайте за нимъ, охраняйте его отъ злыхъ людей, но, прежде всего, напоминайте ему, что его обязанность писать и работать дальше. Я заинтересована не только въ сохраненіи его жизни, но и въ сохраненіи его таланта. Пусть онъ пишетъ, пусть заплатитъ обществу долгъ не только за себя, но и за тѣхъ, кого Богъ сотворилъ на славу Себѣ и на помощь людямъ и кто погубилъ и себя, и свои способности.

Губы панны Елены вдругъ поблѣднѣли, руки судорожно сжались, голосъ оборвался. Казалось, что отчаяніе, скопившееся въ этой душѣ, поломаетъ всѣ плотины воли, но вскорѣ она овладѣла собою и только сжатые руки показывали, чего ей стоило это усиліе.

Поланецкій, видя ея страданія, думалъ, что въ этомъ случаѣ лучше будетъ обратить ея вниманіе въ другую сторону, къ вещамъ практическимъ, текущаго характера, и поэтому сказалъ:

— Очевидно, это будетъ огромная пережѣна въ жизни Игнася; но и я надѣюсь, что это послужитъ ему во благо. Зная его, трудно предположить другое. Но не могли ли бы вы отложить свой даръ на годъ или, по крайней мѣрѣ, на полгода?

— Почему?

— По причинамъ, которыя лежатъ не въ самомъ Игнасѣ, но которыя могутъ имѣть съ нимъ связь. Я не знаю, дошло ли до васъ

извѣстіе, что свадьба панны Бастелли съ Коповскимъ разстроилась и что, вслѣдствіе того, положеніе этихъ дамъ очень плохо. Послѣ исторіи съ Игнасемъ они возстановили противъ себя общественное мнѣніе, и теперь общая молва снова повторяетъ ихъ имена. Для нихъ было бы превосходнымъ исходомъ возвратиться къ Игнасю, и можно допустить, что, узнавъ о вашемъ дарѣ, онъ во что бы то ни стало будетъ стараться сблизиться съ Игнасемъ вновь, а онъ, при его теперешнемъ положеніи... кто знаетъ, выдержитъ ли онъ?

Панна Елена съ бровями, нахмуренными отъ напряженнаго вниманія, смотрѣла на Поланецкаго, потомъ, взвѣсивъ то, что сказалъ онъ, отвѣтила:

— Нѣтъ, я думаю, что Игнась сдѣлаетъ другой выборъ.

— Я отгадываю вашу мысль, но примите въ соображеніе, что къ паннѣ Линетѣ онъ былъ привязанъ сверхъ всякой мѣры, такъ что даже не хотѣлъ пережить ея утраты.

Тутъ случилось то, чего Поланецкій не ожидалъ. Панна Елена, всегда такъ владѣющая собой, чуть не суровая, беспомощно развела своими исхудалыми руками и сказала:

— О! еслибъ это такъ было... еслибъ для него не было другого счастья, какъ только съ нею!... Ахъ, панъ Поланецкій, вѣдь, я знаю, что онъ не долженъ дѣлать этого, но есть вещи сильнѣе человѣка, есть вещи, безъ которыхъ жизнь невозможна, и, притомъ...

Поланецкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, а она черезъ минуту прибавила:

— Притомъ, человѣкъ всегда можетъ вступить на лучшую дорогу, пока онъ живъ.

«Не думалъ я, что услышу отъ нея что - нибудь подобное», — подумалъ Поланецкій и сказалъ громко:

— Въ такомъ случаѣ, пойдете къ Игнасю.

Завиловскій принялъ извѣстіе сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ съ радостью, но эта радость была какъ будто какая-то внѣшняя. Кажалось, онъ съ помощью мозга понимаетъ, что ему достается что-то очень хорошее, но сердцемъ этого не чувствуетъ. Сердце его проявилось только въ грусти и заботѣ, съ какими онъ началъ выпытывать панну Елену, что она намѣревается дѣлать и что съ нею будетъ. Панна Елена не хотѣла отвѣчать ему и, упомянувъ вообще, что хочетъ отстраниться отъ жизни и что рѣшеніе ея непреклонно, умоляла его не губить своихъ способностей и не обмануть надежды преданныхъ ему людей. Она говорила съ нимъ, какъ мать, а Завиловскій со слезами на глазахъ повторялъ: «Я буду писать, какъ

только совсѣмъ приду въ себя». Неизвѣстно только, были ли это слезы сочувствія, или горестъ ребенка, котораго оставляетъ добрая и нѣжная нянька, — панна Елена сказала, что съ этой минуты она считаетъ себя его гостей въ этомъ домѣ и что дня черезъ два намѣрена покинуть его.

Завиловскій, однако, не хотѣлъ согласиться на это и наставвалъ, чтобы она осталась еще недѣлю. Панна Елена должна была согласиться изъ опасенія, чтобы не взволновать его и не повредить его здоровью. Тогда Завиловскій успокоился и развеселился, какъ малый ребенокъ, но въ концѣ вечера, однако, задумался, обвелъ всѣхъ присутствующихъ удивленными глазами и сказалъ:

— Странная вещь, но мнѣ кажется, что какъ будто все это уже случалось, и не разъ.

А Поланецкій, желая придать болѣе веселый тонъ разговору, разсмѣялся и спросилъ:

— При прежнемъ существованіи, на другихъ планетахъ, да?

— Да, все это уже когда-то было, — повторилъ Завиловскій.

— И ты тѣ же самые стихи писалъ, — тамъ, на лунахъ?

Завиловскій взялъ лежащую на столѣ книжку, посмотрѣлъ на нее, задумался и въ концѣ сказалъ:

— Я опять буду писать, какъ только совсѣмъ приду въ себя.

Поланецкій простился и ушелъ. Въ этотъ же самый вечеръ панна Ратковская переѣхала къ пани Мельницкой.

XLII.

Разрывъ между Основскими, которые занимали въ обществѣ довольно видное положеніе и огромное состояніе, неожиданно свалившееся на Завиловскаго, были важнѣйшими новостями, которыми занимался городъ. Люди, которые предполагали, что панна Елена взяла къ себѣ молодого родственника, чтобы выйти за него замужъ, остолбенѣли отъ изумленія. Начались новыя сплетни и предположенія: шептали, что Завиловскій былъ сынъ стараго богача и что онъ угрожалъ сестрѣ процессомъ о скрѣтіи духовнаго завѣщанія, вслѣдствіе чего панна Елена предпочла отречься отъ всего и уѣхать за границу, чѣмъ подвергаться скандальному процессу. Иные, напротивъ, утверждали, что поводомъ ея выѣзда была панна Ратковская и что между ними происходили такія неслыханныя и возмутительныя сцены, что уважающіе себя дома рѣшили не перепускать черезъ свой порогъ панну Ратковскую. Были, наконецъ, и такіе, которые вступались за общество, отказывали паннѣ Еленѣ въ пра-

въ распоряжаться такимъ образомъ своимъ состояніемъ и давали при этомъ понять, что на ея мѣстѣ они распорядились бы иначе, болѣе согласно съ требованіями общественной пользы.

Словомъ, болтали все, на что только можетъ подняться сплетничество, пройдохество, легковѣріе и мелкая злоба. Но вскорѣ для общественнаго любопытства явилась новая пища — вѣсть о дуэли Основскаго съ Коповскимъ. Основскій слегка раненъ, а Коповскій вскорѣ вернулся въ городъ со славой героя всевозможныхъ любовныхъ приключеній, болѣе глупый, чѣмъ когда-либо, но болѣе красивый, чѣмъ прежде, и вообще такой обаятельный, что при видѣ его молодыя и старыя сердца начинали биться ускореннымъ біеніемъ.

Основскій лечился въ Брюсселѣ. Свирскій получилъ отъ него короткое извѣстіе, вскорѣ послѣ дуэли, что ему хорошо, что въ серединѣ зимы онъ собирается въ Египеть, но передъ этимъ ѣдетъ въ Пшитуловъ. Съ этимъ извѣстіемъ художникъ пришелъ къ Поланецкому и выразилъ опасеніе, не для того ли возвратится Основскій, чтобы снова добиваться удовлетворенія отъ Коповскаго?

— Въ одномъ я увѣренъ, — сказалъ Свирскій, — что если онъ и раненъ, то потому, что нарочно допустилъ это. По моему мнѣнію, онъ просто хотѣлъ, чтобъ его убили. Я не мало настрѣлялся съ нимъ у Бруфини и знаю, какъ онъ стрѣляетъ. Я видѣлъ, какъ онъ сбивалъ пулей зажигательныя спички, и увѣренъ, что еслибъ онъ хотѣлъ стереть Копося съ лица земли, — потуда мы его и видѣли.

— Можетъ быть, — отвѣтилъ Поланецкій, — но коль скоро онъ говорить о путешествіи въ Египеть, то, очевидно, у него нѣтъ намѣренія дать убить себя. Напротивъ, пусть ѣдетъ и возьметъ съ собою Завиловскаго.

— Правда, и Завиловскій долженъ немного посмотреть на чужіе края. Хотѣлось бы мнѣ отъ васъ завернуть къ нему. Какъ онъ поживаетъ?

— Пойдемте виѣстѣ, потому что и я не видалъ его сегодня. Поживаетъ онъ хорошо, но вообще какой-то странный. Помните, какая это была гордая и замкнутая въ себѣ душа? Теперь онъ какъ будто бы здоровъ, но обратился точно въ малаго ребенка, — при малѣйшей непріятности слезы на глазахъ.

Они вышли виѣстѣ. По дорогѣ Свирскій спросилъ:

— Панна Елена еще при Завиловскомъ?

— Да. Онъ такъ принимаетъ къ сердцу ея отъѣздъ, что паннѣ Еленѣ жаль его. Она должна была выѣхать черезъ недѣлю, а теперь, какъ видите, прошла и другая.

— Что она собственно хочет сдѣлать съ собой?

— Точно она не говорить никому. Вѣроятно же всего, поступить въ какой-нибудь монастырь и будетъ всю жизнь молиться за Пловскаго.

— А панна Ратковская?

— Панна Ратковская у пани Мельницкой.

— Завиловскій сильно тосковалъ по ней?

— Первые дни. Потомъ какъ будто забылъ.

— Если въ теченіе года онъ не женится на ней, я повторю свое предложеніе. Ей-Богу, повторю. Если такая женщина выйдетъ за мужъ, то ужъ привяжется къ человѣку.

— Я знаю, панна Елена въ душѣ желаетъ, чтобъ онъ женился на паннѣ Ратковской. Но кто знаетъ, какой оборотъ примутъ дѣла?

— Э! я знаю, что онъ женится, а что я говорю, то это пустыя мечты. Я-то ужъ не женюсь.

— Жена сказывала мнѣ, что вы вчера говорили ей это, но она смѣялась надъ вашею угрозою.

— Это не угроза, — нѣтъ у меня счастья.

На встрѣчу имъ попался экипажъ съ пани Краславской и пани Машко. День былъ ясный и холодный и пани Машко съ такимъ усердіемъ окутывала мать теплымъ пледомъ, что не замѣтила, какъ ей кланяются.

— Я былъ у нихъ третьяго дня, — сказалъ Свирскій, — добрая женщина!

— И я слышу, что она добрая дочь, — отвѣтилъ Поланецкій.

— Это замѣтилъ и я, когда былъ у нихъ, но, по привычкѣ стараго скептика, подумалъ, что ей нравится роль заботливой дочери. Замѣтили ли вы, женщины часто дѣлаютъ добро только потому, что думаютъ, что это идетъ къ нимъ?

И Свирскій не ошибался, — по крайней мѣрѣ, отчасти. Пани Машко, дѣйствительно, нравилась роль самоотверженной дочери, но при видѣ несчастія матери въ ней самой что-то пробудилось и дрогнуло. Притомъ, Свирскій не желалъ или не сумѣлъ сдѣлать дальнѣйшаго вывода изъ своей мысли, что какъ въ области туалета женщинѣ къ новой шляпкѣ требуется новое платье и новыя перчатки, такъ и въ области добра, разъ она обзаведется чѣмъ-нибудь, то также захочетъ быть одѣтою во все новое съ ногъ до головы. Благодаря этому, полное возрожденіе женщины всегда возможно.

Завиловскій принялъ ихъ съ радостью; ему доставляло удовольствіе видѣть людей, какъ это бываетъ съ выздоравливающими

послѣ тяжкой болѣзни. Узнавъ отъ Свирскаго, что онъ скоро собирается въ Италію, Завиловскій началъ просить взять его съ собою.

«А!—подумалъ Свирскій,—такъ у тебя не панна Ратковская въ головѣ?»

Завиловскій началъ доказывать, что онъ давно мечталъ объ Италіи, что онъ чувствуетъ, что нигдѣ бы ему не написать такъ, какъ тамъ, подъ впечатлѣніемъ чудесъ искусства. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ этой мысли, и добрый Свирскій охотно согласился.

— Но, —сказалъ онъ,—долго я тамъ не пробуду, мнѣ нужно написать здѣсь нѣсколько портретовъ, къ тому же, я общалъ пани Поланецкой возвратиться къ крестинамъ.

И онъ обратился къ Поланецкому:

— Ну, такъ какъ же? къ крестинамъ сына или дочери?

— Все равно, только далъ бы Богъ благополучно, — отвѣтилъ Поланецкій.

И когда Завиловскій со Свирскимъ начали толковать о маршрутѣ, онъ простился съ ними и пошелъ въ контору. Ему нужно было просмотрѣть всю вчерашнюю почту и онъ принялся за дѣло, но не надолго. Вскорѣ доложили, что пришла какая-то дама и желаетъ видѣться съ нимъ.

Поланецкій встревожился. Неизвѣстно почему ему пришло въ голову, что это не можетъ быть никто иной, какъ пани Машко. И, въ предчувствіи разныхъ объясненій и сценъ, его сердце учащенно забилось.

И вдругъ неожиданно въ дверяхъ показалось веселое, улыбающееся лицо Марини.

— Что, сдѣлала я тебѣ сюрпризъ?—спросила она.

При видѣ ея Поланецкій вскопился съ чувствомъ великаго облегченія и радости, схватилъ ея руки и началъ осыпать ихъ поцѣлуями.

— Дорогая ты моя! Дѣйствительно, сюрпризъ!—проговорилъ онъ.—Какъ пришло тебѣ въ голову заглянуть сюда?

Онъ подставилъ ей кресло и началъ усаживать ее, какъ дорогого и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почетнаго гостя. По его сіяющему лицу было видно, какое удовольствіе доставляетъ ему ея присутствіе.

— Мнѣ нужно было сообщить тебѣ кое-что интересное, а такъ какъ мнѣ и безъ того нужно много ходить, то я и зашла сюда. А ты думалъ, кто? Признавайся мнѣ сейчасъ.

Она разсмѣялась и погрозила ему пальцемъ, а Поланецкій отвѣтилъ:

— Здѣсь столько дѣлъ совершается... Во всякомъ случаѣ, я не думала, что это ты. Что ты хотѣла сказать мнѣ?

— Смотри, какое письмо я получила.

«Дорогая и милая пани Поланецкая! Можетъ быть, васъ удивить, что я обращаюсь къ вамъ, но вы, которая вскорѣ должны стать матерью, одна на свѣтѣ поймете, что должно происходить въ сердцѣ матери (хотя она была бы и теткой), видящей несчастье своего дѣтища. Повѣрьте, мнѣ хотѣлось доставить хотя бы временное успокоеніе своему дѣтищу и, главное, потому, что во всемъ случившемся болѣе всѣхъ виновата я. Можетъ быть, эти слова удивить васъ, но это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Когда злой и испорченный человѣкъ воспользовался обморокомъ Ниточки и осмѣлился прикоснуться къ ней своими нечестивыми устами, я не должна была бы терять голову по этому поводу и обречать свое дѣтище въ жертву. Правда, виноватъ и Юзя Основскій, который вопросъ о бракѣ поставилъ ребромъ. Если онъ подозрѣвалъ уже что-нибудь и желалъ такимъ способомъ выгнать изъ своего дома Боповскаго, то да проститъ его Богъ, потому что нельзя охранять себя насчетъ чужого счастья и жизни. Ахъ, пани Поланецкая! въ первую минуту и мнѣ казалось, что единственный выходъ—это бракъ съ тѣмъ негодяемъ, Боповскимъ, и что Ниточка не имѣетъ уже права стать женою Игнася. Я даже нарочно писала ему, что она пошла за влеченіемъ сердца и отдаетъ руку Боповскому по любви. Я думала, что такимъ образомъ Игнася легче перенесетъ утрату, и хотѣла смягчить его горе... Ниточка и Боповскій! Милосердый Господь не допустилъ этого, а когда я также замѣтила, что подобное замужство приведетъ Ниточку къ могилѣ, мы обѣ только и думали о томъ, какъ бы избавиться отъ опутывающихъ насъ узъ. Теперь я думаю уже не о возстановленіи прежнихъ отношеній, да и Ниточка такъ утратила вѣру въ людей и жизнь, что, вѣроятно, никогда не согласилась бы на это. Она даже не знаетъ, что я пишу вамъ это письмо. Если бы знали, какъ она поплатилась за все это своимъ здоровьемъ и какъ сильно приняла къ сердцу покушеніе пана Завиловскаго, то сжалились бы надъ нею. Онъ не долженъ былъ дѣлать этого хотя бы ради нея, но, увы, мужчины въ такихъ случаяхъ руководствуются только личными соображеніями. Она во всемъ виновата столько же, сколько новорожденный младенецъ, но я вижу, какъ она таетъ на моихъ глазахъ и какъ съ утра до ночи терзается тѣмъ, что стала невольною причиной его несчастья и могла разбить его жизнь. Вчера со слезами она просила меня, чтобъ я, послѣ ея смерти, была матерью для Игнася и ухаживала

бы за нимъ, какъ за собственнымъ сыномъ. Каждый день она говоритъ о томъ, что онъ долженъ проклинать ее, а у меня сердце разрывается, — докторъ сказалъ мнѣ, что не ручается ни за что, если такое состояніе продлится дольше. Боже милосердый!... Но и вы, придите и вы на помощь отчаянію матери, хоть отъ времени до времени присылайте мнѣ извѣстія объ Игнасѣ или, лучше, напишите, что онъ здоровъ, спокоенъ, что онъ забылъ о ней, что не проклинаетъ ее. Я могла бы показать это письмо Ниточкѣ и хоть сколько-нибудь облегчить ея страданія. Я понимаю, что пишу безсвязно, но вы поймете, что творится во мнѣ, какъ только я взгляну на эту несчастную жертву. Богъ вознаградитъ васъ за это, а я буду ежедневно возносить къ Нему молитвы, чтобы ваша дочь, — если Господь дастъ вамъ дочь, — была счастливѣе моей бѣдной Ниточки».

— Что ты думаешь объ этомъ?— спросила Мариня.

— Я думаю, — сказалъ Поланецкій, — что извѣстіе о перемѣнахъ въ судьбѣ Завиловскаго разошлось повсюду, и, во-вторыхъ, что это письмо хотя и послано по твоему адресу, но предназначается для Игнасы.

— Можетъ быть. Это письмо неискреннее. Но, однако, и онѣ могутъ быть очень несчастны.

— Конечно, имъ не должно быть весело. Основскій былъ правъ, когда писалъ, что во всемъ этомъ и пани Броничъ испытала огромное разочарованіе и что она напрасно старается обмануть себя. А что касается панны Бастелли, ты знаешь, что сказалъ мнѣ о ней Свирскій? Я не повторю тебѣ буквально его оскорбительныхъ словъ, но онъ сказалъ, что ее теперь можетъ взять или дуракъ, или человекъ сомнительной нравственности. Они сами это понимаютъ и, конечно, имъ не весело. Можетъ быть, и совѣсть отзывается, но посмотри, однако, сколько въ этомъ письмѣ вывертовъ. Не показывай его Игнасю.

— Нѣтъ, не покажу, — отвѣтила Мариня. Всѣ ея самыя горячія желанія были на сторонѣ панны Ратковской.

А Поланецкій, идя вслѣдъ за мыслью, которая волновала его уже съ давняго времени, повторилъ почти бубально то, что говорилъ самому себѣ:

— Есть какая-то логика, которая караетъ, и онѣ собираютъ то, что посеяли. Зло, какъ волна, отражается отъ берега и возвращается назадъ.

Мариня начала чертить концомъ зонтика фигуры на полу, какъ

будто раздумывая о чемъ-то, потомъ подняла на мужа свои ясные глаза и сказала:

— Правда, Стахъ, что возвращается, но оно можетъ также возвратиться какъ угрызеніе совѣсти, какъ горе; тогда Господь Богъ удовлетворяется такимъ покаяніемъ и болѣе уже не караетъ.

Если бы Мариня знала, что его удручаетъ, хотѣла бы смягчить его страданія и придать ему бодрости, то ничего не сзумѣла бы найти лучше этихъ простыхъ словъ. Съ нѣкотораго времени Поланецкій жилъ подъ давленіемъ предчувствія, что его можетъ встрѣтить какое-то несчастіе, подъ вѣчнымъ страхомъ при ожиданіи этого предчувствія. Только теперь онъ узналъ отъ Марини, что этою возвращающею волной могутъ быть его угрызенія совѣсти и горе. Да, настрадался онъ не мало и въ горѣ ему недостатка не было, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ, что еслибъ этого было достаточно для искупленія, то онъ согласился бы страдать вдвое болѣе. Теперь его разбирало желаніе прижать къ груди эту полную правды и простоты женщину, отъ которой на него изливалось только добро, и если онъ не сдѣлалъ этого, то изъ опасенія взволновать ее, изъ робости, которая тормазила его отношенія къ ней. За то онъ поднесъ къ губамъ ея руку и сказалъ:

— Ты права... и вообще ты очень добра.

Когда она ушла, Поланецкій подошелъ къ окну и проводилъ ее глазами. Издали онъ видѣлъ, какъ она подвигается впередъ тяжелыми шагами, видѣлъ темные волосы, выбившіеся изъ-подъ шляпки, и въ эту минуту съ большею силой, чѣмъ когда-либо, почувствовалъ, что это — самое дорогое для него существо, что онъ одну ее любить и будетъ любить до смерти.

XLIII.

Два дня спустя Поланецкій получилъ отъ Машко прощальное письмо. «Уѣзжаю сегодня, — писалъ Машко. — Постараюсь непременно завернуть къ тебѣ, но на всякій случай прощаюсь и благодарю тебя за всѣ, проявленныя тобою, доказательства дружбы. Да пошлетъ мнѣ Богъ больше счастья, чѣмъ я видѣлъ прежде. Очень хотѣлъ бы я видѣться съ тобой хоть на минуту, и, если будетъ возможно, заѣду къ тебѣ около четырехъ часовъ въ контору. А пока я повторяю свою просьбу: не забывайте мою жену и приласкайте, когда другіе покинутъ ее. Тебя я также прошу, чтобы ты защищалъ меня передъ нею отъ людскаго злословія. Я ѣду въ Берлинъ въ девять часовъ вечера, и совершенно открыто. До сви-

данія, но, во всякомъ случаѣ, будь здоровъ. Еще разъ благодарю за все. Машко».

Поланецкій около четырехъ часовъ пошелъ въ контору, но больше часу прождалъ бесполезно. «Не прїѣдетъ,— подумалъ онъ, наконецъ,— тѣмъ лучше!» И онъ пошелъ домой съ чувствомъ удовольствія, что ему пришлось избѣгнуть непріятнаго свиданія, но вечеромъ въ немъ начало пробуждаться нѣкоторое состраданіе къ Машко. Поланецкій подумалъ, что этотъ человѣкъ, правда, шелъ дурною дорогой, но въ концѣ жестоко поплатился, что все случившееся давно можно было предвидѣть, и если тѣ, которые предвидѣли это, жили съ нимъ и принимали его у себя, то теперь, въ минуту его паденія, не должны выказывать презрѣнія къ нему. Онъ, кромѣ того, понималъ, какое удовольствіе доставить Машко, если явится на вокзалъ, и, послѣ минутнаго колебанія, пошелъ. По дорогѣ онъ сообразилъ, что, вѣроятно, встрѣтитъ въ вокзалѣ и пани Машко, но ему и такъ придется встрѣтиться съ ней, а бѣжать отъ нея теперь было бы ужъ совсѣмъ позорною трусостью.

Съ этими мыслями онъ и пришелъ въ вокзалъ. Въ небольшомъ залѣ перваго класса сидѣло уже нѣсколько человѣкъ, на диванахъ лежали груды ручного багажа, но Машко нигдѣ не было видно, и, только осмотрѣвшись хорошенько, Поланецкій распозналъ въ молодой, закутанной вуалью дамѣ, сидящей въ углу зала, пани Машко.

— Добрый вечеръ, — сказалъ онъ, приближаясь къ ней. — Я пришелъ проводить вашего мужа. Гдѣ онъ?

Она, слегка кивнувъ ему головой, отвѣтила своимъ обычнымъ, холоднымъ голоскомъ:

— Мой мужъ покупаетъ билеты. Онъ сейчасъ придетъ.

— Какъ билеты? Развѣ и вы ѣдете съ нимъ?

— Нѣтъ; мой мужъ покупаетъ билетъ.

Дальнѣйшій разговоръ при такихъ условіяхъ представлялся довольно затруднительнымъ, къ счастью, появился Машко въ сопровожденіи артельщика, которому и отдалъ вещи и деньги на багажъ. Въ длинномъ плащѣ съ пелериной, въ мягкой войлочной шляпѣ, со своими длинными бакенбардами и золотымъ пенснѣ, онъ казался агимъ-то странствующимъ дипломатомъ. Поланецкій ошибся, что Машко проявитъ особую радость при его появленіи. Правда, Машко, завидя его, сказалъ: «Ахъ, какъ я радъ, что ты пришелъ!» — но казалъ какъ будто съ оттѣнкомъ небрежности и съ торопливостью коро отъѣзжающаго человѣка.

— Ну, — добавилъ онъ и осмотрѣлся вокругъ, — все улажено. А гдѣ мой ручной багажъ? Ахъ, вотъ! Хорош!

Петомъ онъ обратился къ Поланецкому и повторилъ:

— Спасибо, что ты пришелъ. Сдѣлай мнѣ, въ такомъ случаѣ, еще одно одолженіе: отвези мою жену домой или, по крайней мѣрѣ, выйди съ ней вмѣстѣ и помоги ей отыскать экипажъ... Тереза, панъ Поланецкій проводитъ тебя домой. Дорогой мой, поди сюда на минуту, мнѣ нужно тебѣ сказать кое-что.

Онъ отвелъ Поланецкаго въ сторону и началъ говорить съ лихорадочною поспѣшностью:

— Ты непременно отвези ее. Я свой отъѣздъ кое-какъ обставилъ, но ты такъ, мимоходомъ, скажи ей, что удивляешься, что не задолго до такого важнаго дѣла я уѣзжаю, что если меня задержать какая-нибудь случайность, то дѣло должно быть проиграно. Я хотѣлъ быть у тебя, чтобы собственно просить объ этомъ, но ты понимаешь... день отъѣзда! Слушается дѣло черезъ недѣлю... Я захвораю, — вмѣсто меня выступитъ мой помощникъ, начинающій адвокатъ, — и, понятно, проиграетъ. Но всему будетъ приданъ приличный видъ. Жену я обезпечилъ. Все записано на ея имя и у нея не отнимутъ ни одной рюмки. У меня же созрѣла теперь идея, съ которой я направляюсь къ кораблестроительному обществу въ Антверпенъ. Если я заключу договоръ, всѣ наши лѣса затрепчатъ, но кто знаетъ, не возвращусь ли я назадъ? Это такое дѣло, въ сравненіи съ которыми весь Плошовъ — пустыня. Подробности я не могу говорить. Еслибъ не тяжелыя минуты, которыя придется пережить моей женѣ, то я боролся бы съ горемъ, но меня здѣсь такъ и душить!

Онъ показалъ рукою на горло, а потомъ заговорилъ еще поспѣшнѣе:

— На меня свалилось несчастіе, но несчастіе можетъ свалиться и на всякаго. Наконецъ, объ этомъ говорить поздно. Какъ было, такъ и было, но я дѣлалъ все, что могъ, и еще сдѣлаю, что могу. Для меня будетъ утѣшеніемъ и то, что ты свое получишь, хотя бы изъ Кшемени. Еслибъ у меня было время познакомить тебя съ моею идеей, то ты самъ сознался бы, что такая мысль не всякому придетъ въ голову. Можетъ быть, я буду имѣть дѣла и съ вашими домою. Видишь, я не поддаюсь. И жену обезпечилъ совершенно. Ну!... Что-жъ дѣлать? Другой на моемъ мѣстѣ хуже бы кончилъ. Развѣ не правда? Но возвратимся къ женѣ.

Поланецкій съ неудовольствіемъ слушалъ Машко. Онъ удивлялся его твердости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что ему недостаетъ какого-то равновѣсія, которое отличаетъ предприимчиваго человѣка отъ авантюриста. И ему казалось, что въ Машко сидятъ

остатки стараго, отжившаго типа, что онъ долго еще будетъ метаться изъ стороны въ сторону со своими идеями, но будетъ падать все ниже и ниже, до тѣхъ поръ, пока не окончатъ стоптанными сапогами и кафе второго разряда, гдѣ будетъ рассказывать такимъ же «поломаннымъ судьбою» исторію о своемъ прошломъ величіи. Кромѣ того, вся его жизнь съ начала до конца основана на неправдѣ, и Машко, при всемъ своемъ умѣ, никогда не выбратся изъ этой неправды.

А Машко притворялся теперь и въ присутствіи жены. Мало того, когда зала начала наполняться народомъ и нѣкоторые знакомые подходили къ нимъ перекинуться двумя-тремя словами, Машко относился къ нимъ съ такимъ оттѣнкомъ величія и снисходительности, что Поланецкаго разбирала злость. «И подумать, — мелькнуло у него въ головѣ, — что этотъ человѣкъ бѣжитъ отъ кредиторовъ! Что будетъ, если онъ когда-нибудь наживетъ состояніе?»

Раздался звонокъ, за окнами послышалось тяжелое дыханіе локомотива. Всѣ заторопились. «Интересно знать, что въ немъ теперь дѣлается?» — подумалъ Поланецкій. Но Машко и въ эту минуту не могъ высвободиться изъ цѣпей лжи. Можетъ быть, его сердце сжалось злымъ предчувствіемъ, что онъ больше никогда не увидитъ свою жену, что ѣдетъ на горе, на поношеніе, но ему невозможно было ни высказать того, что онъ чувствовалъ, ни даже проститься съ женою такъ, какъ бы хотѣлъ.

Раздался третій звонокъ. Всѣ вышли на платформу, а Машко еще на минуту остановился передъ спальнымъ вагономъ. Свѣтъ фонаря падалъ прямо на его лицо, и видно было, что около его губъ показались двѣ складки. Но говорилъ онъ спокойно, тономъ человѣка, котораго дѣла заставляютъ уѣхать на нѣсколько дней и который не сомнѣвается, что скоро возвратится.

— Ну, до свиданія, Тереня! Поцѣлуй отъ меня руку мамы и будь здорова! До свиданія, до свиданія!

Онъ взялъ ея руку и долго прижималъ къ своимъ губамъ.

А Поланецкій, — онъ нарочно отошелъ немного въ сторону, — думалъ:

«Они видятся въ послѣдній разъ. Черезъ какіе-нибудь полгода начнется процессъ о разводѣ».

И его вдругъ поразило, что судьба и матери, и дочери предназначила одинаковую участь. Обѣ составили какъ будто бы блестящую партію и мужья обѣихъ должны были бѣжать отъ семейнаго очага, оставивъ женамъ только одинъ позоръ.

Прозвонили въ третій разъ. Машко вошелъ въ вагонъ. Еще съ минутою въ широкомъ окнѣ виднѣлись его бакенбарды и золотое пенсне, потомъ поѣздъ двинулся и гсчезъ въ темнотѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, — сказалъ Поланецкій.

Онъ былъ почти увѣренъ, что пани Машко ограничится сухою благодарностью, и даже заранѣе сердился на нее, потому что рѣшилъ сказать ей нѣсколько словъ не только о ея мужѣ, но и о самомъ себѣ. Но пани Машко кивнула головой въ знакъ согласія. У нея также былъ свой планъ. Въ сердцѣ ея скопилась масса негодованія и обиды на Поланецкаго. Конечно, онъ захочетъ воспользоваться минутою, которую они проведутъ наединѣ, и тутъ-то она дастъ ему такой отпоръ, что онъ долго будетъ помнить его. Но она ошибалась. Прежде всего, онъ разбился объ нее, какъ ладья о льдину, и ужъ по этому поводу питалъ къ ней не только недоброежелательство, но и ненависть. Во-вторыхъ, если, благодаря сознанию, что вина исключительно лежитъ на его сторонѣ, эта ненависть и прошла, то самъ онъ измѣнился такъ сильно, что сдѣлался чуть ли не совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Торговый расчетъ съ самимъ собой научилъ его тому, что за подобныя прихоти платять дорого, онъ былъ въ фазисѣ страшной тоски по жизни безъ обмана, и раскаяніе такъ развѣло его вождельнія, какъ ржа развѣдаетъ желѣзо. Помогая ей сѣсть въ карету и прикасаясь къ ея рукѣ, онъ былъ совершенно спокоенъ и тотчасъ же завелъ разговоръ о Машко. Чувство человѣчности призываетъ подготовить ее къ будущей катастрофѣ и смягчить ея значеніе.

— Я удивляюсь смѣлости вашего мужа, — сказалъ онъ. — Достаточно, чтобъ во время его пребыванія въ Берлинѣ обрушился хоть одинъ мостъ на желѣзной дорогѣ, и онъ не вернется къ дѣлу, а отъ этого дѣла, какъ вамъ извѣстно, зависитъ вся его судьба. Вѣроятно, онъ руководился важными соображеніями, но, во всякомъ случаѣ, это рискъ.

— Мосты крѣпки, — отвѣтила пани Машко.

Но Поланецкій, не обезкураженный этимъ не особенно поощряющимъ отвѣтомъ, говорилъ дальше, приподнимая передъ нею завѣсу будущаго, и говорилъ такъ долго, что карета подъѣхала къ дому Машко. Тогда пани Машко, очевидно, не понимая смысла словъ Поланецкаго, а, можетъ быть, недовольная тѣмъ, что онъ не далъ ей возможности оборвать его, сказала, уже выйдя изъ кареты:

— У васъ есть какая-нибудь личная цѣль, чтобы тревожить меня?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Поланецкій. Онъ сообразилъ, что на-

ступила минута сказать ей то, что онъ рѣшилъ сказать отъ себя. — По отношенію къ вамъ у меня есть только одна цѣль, — это сказать вамъ, что я подло поступилъ съ вами и отъ всей души прошу у васъ прощенія.

Но молодая женщина не отвѣтила ни слова и вошла въ сѣни. Поланецкій до конца жизни не узналъ, что означало это молчаніе, — ненависть или прощеніе.

Тѣмъ не менѣе, домой онъ возвращался съ нѣкоторымъ облегченіемъ, — ему казалось, что онъ долженъ былъ такъ поступить. Не крупный это актъ покаянія, но все равно: пани Машко поняла его. «Она можетъ думать, что я просилъ у нея прощенія за дальнѣйшее мое поведеніе, — говорилъ себѣ Поланецкій, — но, во всякомъ случаѣ, я смѣлѣе буду смотрѣть ей въ глаза».

Въ этой мысли, несомнѣнно, крылась и часть эгоизма, но было видно и желаніе сойти съ ложнаго пути.

XLIV.

Панна Елена передъ отъѣздомъ также получила письмо отъ пани Броничъ вродѣ того, какое получила Мариня, и также не показала его Завиловскому. Наконецъ, и Завиловскій уѣхалъ вмѣстѣ со Свирскимъ недѣлю спустя и не посѣтилъ никого изъ знакомыхъ, за исключеніемъ панны Ратковской. Самъ Свирскій отвлекъ его отъ всѣхъ визитовъ и Поланецкій, въ разговорѣ съ женой, отдавалъ ему полную справедливость: «Теперь это было бы непріятно и для Игнасы, и для насъ. Другое дѣло — тѣ, которые видѣли его каждый день, — они привыкли къ нему, но изъ постороннихъ никто бы не могъ воздержаться, чтобы не посмотрѣть на слѣдъ, что остался у него на лбу. Теперь Игнасъ сильно измѣнился. За границей онъ совсѣмъ придетъ въ себя, и когда возвратится, мы примемъ его такъ, какъ будто бы ничего не произошло, а чужіе, прежде всего, будутъ видѣть въ немъ богатаго барина».

Конечно, это была правда, но, вслѣдствіе выѣзда Свирскаго и Завиловскаго, вокругъ Поланецкихъ образовалась пустота. Кружокъ ихъ знакомыхъ распался. Основскій все жилъ въ Брюсселѣ, — о пани Основской никто не зналъ хорошенько, гдѣ она. Пани Броничъ съ панной Бастелли сидѣли въ Парижѣ; пани Браславская съ дочерью замкнулись и жили только другъ для друга, а бѣдную пани Эмилию болѣзнь, наконецъ, разъ навсегда приковала къ постели.

Остались только Бигели и профессоръ. Но и профессоръ былъ также болѣнъ и, кромѣ того, сдѣлался настолько страннымъ, что

посторонніе принимали его прямо за сумасшедшаго. Нѣкоторые съ проницей говорили, что человѣкъ, который надѣется, что христіанскій духъ такъ же проникнетъ въ исторію, какъ проникъ въ частныя отношенія, не можетъ обладать здравымъ умомъ. Профессоръ самъ началъ думать о смерти и готовился къ ней. Часто онъ говорилъ Поланецкому, что хотѣлъ бы умереть въ «преддверіи къ иному міру», и для этого собирался ѣхать въ Римъ. Но онъ очень любилъ Мариню и хотѣлъ дождаться конца ея беременности.

Такимъ образомъ, Поланецкіе проводили время въ полномъ одиночествѣ, да оно было необходимо для Марини, потому что въ послѣднее время она чувствовала себя очень плохо, и вполне соотвѣтствовало его настроенію. Поланецкій работалъ въ конторѣ и надъ собой; онъ вырабатывалъ въ себѣ новаго человѣка и наблюдалъ надъ женой, — она тоже готовилась къ новой эпохѣ въ жизни, готовилась весело, ей казалось, что самое преддверіе этой эпохи благотворно вліяетъ на нихъ обоихъ. Поланецкій съ каждымъ днемъ становился все какъ-то болѣе безпристрастнымъ, болѣе снисходительнымъ въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, болѣе мягкимъ не только по отношенію къ Маринѣ, но и ко всѣмъ, съ кѣмъ сталкивалась его жизнь. Мариню онъ окружалъ исключительною заботливостью, и хотя она допускала, что заботливость эта относится не къ ней только, но и къ будущему ребенку, но признавала ея справедливость и была признательна мужу. По временамъ ее удивляла какая-то робость, точно нерѣшительность въ его обращеніи, но и это она приписывала только опасенію Стаха за то, окончится ли все благополучно.

Такимъ образомъ протекали цѣлыя недѣли. Однообразіе прерывалось только письмами Свирскаго, который, когда только могъ улучшить свободную минуту, сообщалъ, что могъ, о Завиловскомъ и о себѣ. Въ одномъ изъ писемъ онъ спрашивалъ отъ имени Завиловскаго, позволить ли ему пани Поланецкая посылать описаніе своихъ впечатлѣній въ формѣ писемъ къ ней. «Мы много говорили съ нимъ объ этомъ, — писалъ Свирскій. — Онъ, прежде всего, утверждаетъ, что, можетъ быть, и вамъ пріятно будетъ слышать голосъ изъ страны, которая надѣлила васъ такими хорошими впечатлѣніями, а, во-вторыхъ, что это значительно облегчитъ его работу, потому что онъ будетъ писать какъ будто къ частному лицу. Онъ здоровъ, ходитъ, ѣстъ и спитъ отлично. Всякій вечеръ я вижу, какъ онъ садится къ столу и собирается писать. Я замѣтилъ, что онъ пробуетъ писать и стихи, но это какъ-то не удается ему, потому что до сихъ поръ онъ, насколько я знаю, ничего не написалъ, но, должно быть,

И это мало-по-малу придется, а пока, можетъ быть, эпистолярная форма дѣйствительно облегчить его работу. Долженъ прибавить, что панну Елену онъ вспоминаетъ съ величайшею благодарностью и при каждомъ упоминаніи о панни Ратковской его глаза разгораются. Я часто напоминаю ему о ней, да что-жь и дѣлать мнѣ, бѣдному? Если на роду не написано, такъ ужъ ничего и не подѣлаешь, а кому написано, что онъ долженъ быть коломъ въ плетнѣ, тотъ не пуститъ листьевъ даже и весною».

Въ половинѣ ноября пришло изъ Рима письмо, которое заставило Поланецкихъ сильно призадуматься. Свирскій писалъ вотъ что:

«Вообразите себѣ, что пани Броничъ и панна Кастелли здѣсь и что я съ ними видѣлся. Въ Римѣ я, какъ дома, и объ ихъ пріѣздѣ узналъ на другой же день. И знаете, что я тотчасъ же сдѣлалъ? Уговорилъ Игнася ѣхать въ Сицилію, для чего, впрочемъ, и не потребовалось много успій. Я подумалъ, что онъ будетъ сидѣть въ Сиракузахъ и Таорминѣ, а если бы случайно попалъ въ руки «маффіи», то заплатить за выкупъ дешевле, чѣмъ заплатилъ уже за право ношенія колечка панны «Ниточки». Я говорилъ себѣ, что если они должны когда-нибудь встрѣтиться и примириться, то пусть себѣ встрѣчаются и мирятся, но не хотѣлъ брать этого на свою отвѣтственность, въ особенности послѣ того, что произошло. Игнася какъ будто здоровъ, но умственно еще не пришелъ въ себя и въ этомъ состояніи его легко можно довести до чего-нибудь такого, о чемъ онъ сожалѣлъ бы всю жизнь. Что касается этихъ барынь, я сразу понялъ, для чего онѣ пріѣхали сюда, и радовался въ душѣ, что разстроилъ ихъ соображенія. Что догадки мои были вѣрны, доказательство: нѣсколько дней спустя на имя Игнася пришло письмо, и я на адресъ сразу узналъ почеркъ достойной вдовы покойнаго Теодора. Я написалъ на конвертѣ, что Завиловскій отбылъ неизвѣстно куда, и отослалъ письмо назадъ.

«Но это только начало исторіи. На слѣдующій день я получаю письмо и приглашаюсь прибыть туда - то. Отвѣчаю, что съ прискорбіемъ долженъ отказать, что мои занятія не позволяютъ мнѣ доставить себѣ это удовольствіе. На это получаю другое письмо уже съ апелляціей къ моему характеру, таланту, происхожденію, сердцу, сочувствію къ несчастной женщинѣ и съ просьбой прибыть самому или назначить время, когда я могу принять ихъ въ своей мастерской. Дѣлать было нечего и я пошелъ. Приняла меня одна пани Броничъ со слезами и съ цѣлымъ потокомъ разсказовъ, повторять которыхъ я не стану, но въ которыхъ Ниточка представляется какъ св. мученица Агнеса. Я спросилъ, чѣмъ могу служить?»

Пани Броничъ отвѣтила, что ей не нужно ничего, кромѣ добраго слова Завиловскаго, что «дѣвочка больна, кашляетъ и, вѣроятно, года не проживетъ, но хочеть умереть со словомъ прощенія». Признаюсь, тутъ я немного размягъ, но все еще держался. Я не могъ дать адреса Завиловскаго, потому что и самъ не зналъ навѣрное, въ какомъ отелѣ онъ остановится, но, въ концѣ-концовъ, обѣщавъ, что если Игнасъ когда-нибудь первый заговорить со мной о паннѣ Бастелли, то я буду свлонять его, чтобъ онъ поступилъ согласно желанію пани Броничъ.

«Но и это еще ничего. Въ минуту, когда я собирался уходить, вдругъ появилась сама панна Линета и обратилась къ теткѣ съ просьбой, чтобъ она позволила намъ поговорить наединѣ. Бстати я скажу вамъ, что она похудѣла и показалась мнѣ болѣе высокою, настоящимъ «тополемъ», который можетъ сломаться отъ всякаго дуновения вѣтра. Едва мы остались одни, какъ она обратилась ко мнѣ и сказала: «Тетя пытается оправдать меня и дѣлаетъ все изъ любви ко мнѣ. Я признательна ей, но не могу вынести этого и говорю вамъ, что я виновата, что я злая, что я ничего не стою и, если несчастна, то сто разъ заслужила это». Услышавъ это, я пришелъ въ недоумѣніе, но видѣлъ, что говорить она искренно, что губы ея трясутся, а глаза покрылись мглой. Вы можете говорить, что сердце у меня масляное, но я признаюсь, что сильно растрогался и спросилъ, что могу сдѣлать для нея? Она отвѣчала мнѣ, что ничего, но просила меня, по крайней мѣрѣ, вѣрить, что она въ этихъ попыткахъ тетки возстановить старыя отношенія не принимаетъ никакого участія, что у нея, послѣ попытки Завиловскаго на самоубійство, открылись глаза на то, какова она, что она сдѣлала, и что она никогда въ жизни не забудетъ этого. Въ концѣ она еще разъ повторила, что виновата во всемъ она одна, и просила меня передать этотъ нашъ разговоръ Завиловскому, но не теперь, а когда-нибудь позже, когда онъ уже не будетъ въ состояніи сдѣлать предположенія, что она хочеть тронуть его.

«Ну, и что-жь? Повѣрили бы вы чему-нибудь подобному? Я вижу ясно двѣ вещи: во-первыхъ, попытка Завиловскаго на самоубійство, какъ бы то ни было, страшно поразила ее; во-вторыхъ, что она баснословно несчастна и—кто знаетъ?—не больна ли на самомъ дѣлѣ. Мнѣ приходятъ въ голову слова панны Елены Завиловской, — помните, вы повторили мнѣ ихъ?—что человѣку невозможно сомнѣваться, пока онъ живъ. Во всякомъ случаѣ, это—вещь исключительная. И я вѣрю, что если бы Завиловскій захотѣлъ теперь вновь возвратиться къ ней, то она сама не согласилась бы, и толь-

ко потому, что не чувствует себя достойною его. Я думаю, что на свѣтъ много болѣе лучшихъ и благодарныхъ натуръ, чѣмъ пани Бастелли, но пусть меня чортъ возьметъ, если я буду что-нибудь дѣлать противъ нея».

Это письмо произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе и послужило поводомъ къ частымъ разговорамъ между Поланецкими и Бигелями. И сейчасъ же оказалось, насколько измѣнился Поланецкій. Прежде онъ не нашелъ бы достаточно словъ для обвиненія панны Бастелли и никогда не повѣрилъ бы, чтобы въ женщинѣ такого рода могла отозваться какая-нибудь струна порядочности, а теперь, когда пани Бигель (всѣ барыни душой и тѣломъ принадлежали къ партіи панны Ратковской) выразила сомнѣніе, не обозначаетъ ли это только перемѣну въ тактикѣ панны Бастелли, Поланецкій сказалъ:

— Нѣтъ, она черезъ-чуръ молода для того и теперь, мнѣ кажется, поступаетъ искренно. Уже и то великая вещь, что она безъ всякихъ оправданій признаетъ свою вину, — это доказываетъ, что ей опротивѣла житейская неправда.

Онъ подумалъ немного и добавилъ:

— Я помню, напримѣръ, Машко, — онъ какъ будто и сознавалъ, что идетъ неправильнымъ и фальшивымъ путемъ, но сейчасъ же и искалъ за собою обстоятельства, которыя могли бы оправдать его: «У насъ такъ нужно»; «это вина нашего общества»; «я плачу такими деньгами, которыя находятся въ оборотѣ». Чего-чего я ни наслушался! И все это была одинаковая неправда. А, вѣдь, нужно имѣть отвагу, чтобы сказать: моя неизвинительная вина! — и у кого эта отвага есть, у того кое-что осталось.

— Такъ вы думаете, что Завиловскій хорошо бы сдѣлалъ, если бы вернулся къ ней?

— Я этого не думаю и не допускаю, чтобы это могло случиться.

Но живой интересъ, возбужденный извѣстіями изъ Рима, забота о Завиловскомъ и паннѣ Бастелли смолкли подъ натискомъ болѣе важной заботы, которая распростерла свои крылья надъ домомъ Поланецкихъ. Въ концѣ ноября здоровье Марини стало видимо портиться. Оно и давно было нехорошо, но Мариня скрывала это, покуда могла. Теперь на нее находили припадки сердцебіенія и такая слабость, что бывали дни, когда она не могла подняться съ кресла. Въ этому присоединилась боль въ спинѣ и головокруженіе. Въ теченіе недѣли она измѣнилась и похудѣла до такой степени, что даже врачи, которые до сихъ поръ принимали эти явле-

нія за обычныя предвѣстія приближающихся родовъ, начали тревожиться. Прозрачное лицо Марини по временамъ принимало синеватый оттѣнокъ и, въ особенноти, когда глаза больной были закрыты, становилось похожимъ на лицо умершей. Даже пани Бигель, величайшая оптимистка изъ всѣхъ окружающихъ, не могла противиться опасеніямъ, а доктора прямо заявили Поланецкому, что, при такихъ условіяхъ, будущее является не безопаснымъ и грозитъ Богъ вѣсть какими послѣдствіями. Только одна Мариня, несмотря на возрастающую слабость, не теряла надежды.

А Поланецкій терялъ и надежду. Для него наступило такое тяжелое время, что всѣ невзгоды и страданія, какія пришлось пережить ему, показались теперь ничѣмъ въ сравненіи съ этою страшною тревогой, переходящею иногда въ совершенное отчаяніе. Когда-то, вскорѣ послѣ женитьбы на Маринѣ, въ его понятіяхъ о бракѣ и въ надеждахъ на будущее ребенокъ былъ чѣмъ-то главнымъ, а теперь онъ почувствовалъ, что отдалъ бы не одного, а всѣхъ дѣтей, которыхъ послала бы ему судьба, чтобы спасти только ее, ее одну. И сердце его разрывалось, когда Мариня ослабѣвшимъ голосомъ повторяла свой вѣчный вопросъ. «Стахъ, а если будетъ мальчикъ?» Ему хотѣлось бы упасть къ ея ногамъ, обнять ихъ и сказать: «Провались они всѣ, мальчикъ или дѣвочка, только ты осталась бы жива!» — но долженъ былъ улыбаться и спокойно увѣрять ее, что ему все равно. Снова напалъ на него прежній страхъ, и надежда, что волна зла, при милости Божіей, возвращается только какъ раскаяніе, развѣялась безъ слѣда. Теперь по временамъ ему казалось, что болѣзнь Марини и есть именно эта возвращающаяся волна. Почему это такъ, онъ не могъ бы отвѣтить, но напрасно разумъ твердилъ ему, что, на примѣръ, между проступкомъ пани Основской или панны Кастелли и карой, которая постигла ихъ, существуетъ непосредственная связь, а тутъ никакой связи нѣтъ. Страхъ отвѣчалъ ему на это, что зло можетъ просачиваться въ жизнь такими таинственными путями, что человѣческій разумъ не въ состояніи прослѣдить ихъ. И при этой мысли имъ овладѣвала какая-то мистическая боязнь. Въ несчастіи человекъ утрачиваетъ способность къ логическимъ размышленіямъ и живетъ подъ бременемъ тяготящей надъ нимъ угрозы, и вотъ подъ такимъ-то бременемъ и жилъ Поланецкій. Онъ видѣлъ только пропасть и собственное безсиліе. Не разъ, глядя на изможденное лицо Марини, онъ говорилъ себѣ: «Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы допустить, что она останется жива», — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчаянно искалъ на лицахъ окружающихъ хоть тѣнь надежды и каждую каплей крови,

каждою частицей мозга, всею силой души и сердца возмущался противъ ея смерти. Ему казалось непонятною несправедливостью, чтобъ она могла на вѣки сомкнуть очи, прежде чѣмъ онъ не докажетъ, какъ безмѣрно онъ любитъ ее, прежде чѣмъ не вознаградить ее за всю свою невнимательность, рѣзкость, эгоизмъ и недовѣріе, прежде чѣмъ не скажетъ ей, что она стала душою его души, чѣмъ-то не только цѣннымъ дороже всей жизни, но и обоготворяемымъ. Онъ повторялъ себѣ, что если Богъ не сдѣлаетъ этого для него, то долженъ сдѣлать для нея, чтобы, по крайней мѣрѣ, она ушла изъ міра съ такимъ сознаниемъ счастья, какового она заслуживала. Отъ этихъ дерзкихъ предписаній Богу онъ снова переходилъ къ сокрушенію, покорности и мольбѣ. Но состояніе здоровья Марини ухудшалось съ каждымъ днемъ, а Поланецкій между двухъ, отверзтыхъ передъ нимъ, безднъ отчаянія, изъ которыхъ одна кричала: «этого не можетъ быть,» а другая: «это быть должно», — метался и терялъ голову.

Вдобавокъ ко всему, — по необходимости, изъ опасенія, чтобы не лишить жену надежды, — онъ, въ присутствіи ея, долженъ былъ показывать видъ, что не придаетъ особаго значенія ея болѣзни. И докторъ, и пани Бигель каждый день предостерегали его, чтобъ онъ не пугалъ ее излишнею заботливостью, то же повторялъ ему собственный разумъ, но это являлось для него новымъ терзаніемъ, — ему приходило въ голову, что она можетъ принять это за недостатокъ чувства и умереть съ мыслью, что онъ никогда не любилъ ее. Въ немъ все измѣнилось кореннымъ образомъ. Безсонница, мученія и тревога довели его до состоянія какой-то болѣзненной экзальтаціи, въ которой опасность, и безъ того достаточно очевидную, онъ видѣлъ въ преувеличенныхъ размѣрахъ. Ему казалось, что надежды нѣтъ уже никакой, и по временамъ онъ думалъ о Маринѣ, какъ будто она уже умерла. Въ теченіе цѣлыхъ дней онъ вспоминалъ всѣ хорошія стороны ея характера, ея слова, ея доброту, вспоминалъ, какъ всѣ любили ее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горько упрекалъ себя, что никогда не стоилъ ее, недостаточно любилъ, недостаточно цѣнилъ, что, въ концѣ-концовъ, нарушилъ ея довѣріе, долженъ, вслѣдствіе этого, потерять ее, и теряетъ ее по-дѣломъ. Въ этомъ сознаниі, что такое страшное наказаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, и заслужено имъ, и что для всякаго исправленія время уже миновало, — было что-то раздирающее.

Въ началѣ декабря, послѣ двухмѣсячнаго отсутствія, возвратились изъ Италіи Свирскій и Завиловскій.

Поланецкій такъ высохъ и похудѣлъ за это время, что они ед-

ва узнали его, да и онъ, весь погруженный въ свое горе, почти не обратилъ на нихъ вниманія и какъ съвозъ сонъ слушалъ ободряющія слова и рассказы, какими добрый Свирскій хотѣлъ разсѣять его удручающія мысли. Могли ли его интересовать теперь Завиловскій, пани Броничъ или панна Бастелли, когда его Мариня могла умереть каждый день? Свирскій, необычайно расположенный къ Маринѣ, желалъ прицѣпиться къ какой-нибудь надеждѣ и для этого отправился къ пани Бигель, но и та не много могла утѣшить его. Доктора сами не знали хорошенько, что съ больной, потому что къ ея положенію присоединились еще и разныя осложненія, которыя не поддавались даже опредѣленію. Извѣстно было только, что сердце больной дѣйствуетъ неправильно, опасались, чтобы, вслѣдствіе неправильнаго кровообращенія, не образовался въ жилахъ сгустокъ, который грозитъ моментальною смертію. Но, кромѣ того, даже при самомъ благопріятномъ исходѣ, могло случиться многое: и истощеніе, и упадокъ силъ,—и все это могло оказаться впоследствии. Свирскій убѣдился, что пани Бигель также не обольщаетъ себя надеждой, потому что въ концѣ разговора она расплакалась и сказала:

— Бѣдная Мариня, но и онъ бѣдный. Хоть бы ребенокъ остался, — тогда, по крайней мѣрѣ, онъ нашелъ бы силы перенести ударъ.

И, выплакавшись, она прибавила:

— Я и такъ не понимаю, какъ онъ можетъ выдерживать все это.

Она была права. Поланецкій не ѣлъ и не спалъ. Въ конторѣ онъ не показывался давно, изъ дому выходилъ не надолго только за цвѣтами, — Мариня всегда любила ихъ. Но она была такъ больна, что каждый разъ, неся въ рукахъ пучокъ хризантемовъ, онъ возвращался со страшною мыслью, что, можетъ быть, ему придется положить ихъ на гробъ. Мариня и сама поняла, что, можетъ быть, она близка къ смерти. Мужу она не хотѣла говорить объ этомъ, но передъ пани Бигель какъ-то расплакалась, — ей было такъ жаль и Стаха, и жизни. Ее убивала мысль, какъ онъ перенесетъ горе; ей, въ одно и то же время, хотѣлось, чтобъ онъ и сильно жалѣлъ ее, и не особенно сильно страдалъ. Долгое время она притворялась передъ нимъ, что увѣрена, что все окончится благополучно, но потомъ, когда съ ней стали случаться обмороки, она собралась съ духомъ и рѣшилась говорить съ нимъ откровеннѣе. Она считала это своимъ долгомъ и однажды ночью, когда пани Бигель, утомленная долгимъ бдѣніемъ, пошла спать, а Поланецкій, по обыкновенію, остался при ней, Мариня притянула къ себѣ его руку и сказала:

— Стахъ, я хотѣла бы поговорить съ тобой и попросить объ одной вещи.

— Что ты хочешь, любовь моя?—спросилъ Поланецкій.

Мариня задумалась на минуту, какъ бы лучше выразить свою просьбу, а потомъ заговорила:

— Обѣщай мнѣ... Я знаю, что непременно оправлюсь... но обѣщай мнѣ, что... если это будетъ мальчикъ, ты будешь добръ къ нему и будешь любить его.

Поланецкій нечеловѣческимъ усиліемъ подавилъ рыданіе, которое сдавливало его горло, и отвѣчалъ спокойно:

— Дорогая моя! и тебя я всегда любилъ, и его буду любить. Будь спокойна...

Мариня попробовала было поднести его руку къ губамъ, но, отъ слабости, не могла и только благодарно улыбнулась ему, а черезъ минуту сказала:

— И еще одно... Не думай, чтобъ я предполагала что-нибудь страшное,—вовсе нѣтъ!—но я... я хотѣла бы исповѣдаться.

У Поланецкаго дрожь пробѣжала съ головы до ногъ.

Мариня вспомнила, что ему когда-то не нравилось ея выраженіе «служба Божія», и, желая дать понять, что тутъ дѣло идетъ не о чемъ другомъ, а только о выполненіи религіозныхъ обязанностей, она сказала почти съ веселою улыбкой:

— Служба Божія!

Исповѣдь совершилась на другой день. Поланецкій такъ уже былъ увѣренъ, что всему конецъ, что удивлялся, какъ Мариня все еще жива. Но этого мало, къ вечеру ей сдѣлалось немного лучше.

Онъ не смѣлъ внустить въ свою душу надежду, а надежда становилась все очевиднѣе. Дыханіе Марини стало легче, около полуночи она завела съ нимъ обычную войну, чтобы онъ пошелъ отдохнуть. Дѣйствительно, и самъ Поланецкій, отъ тревоги и утомленія, казался не лучше Марини. Сначала онъ сопротивлялся, настаивалъ на томъ, что спалъ днемъ,—это была неправда,—но когда Мариня потребовала настоятельно, то уступилъ, тѣмъ болѣе, что при ней были акушерка и пани Бигель, а докторъ, который уже цѣлую недѣлю проводилъ ночи въ ихъ квартирѣ, завѣрилъ его, что сегодня нельзя ожидать никакого ухудшенія.

Поланецкій ушелъ, но сдѣлалъ то, что дѣлалъ всегда, то-есть сѣлъ въ кресло у дверей Марини и началъ прислушиваться, что дѣлается въ ея комнатѣ. Одинъ часъ проходилъ за другимъ.

При малѣйшемъ шумѣ Поланецкій вскакивалъ, но когда шумъ

стихалъ, садился снова и начиналъ думать быстро и хаотично, какъ дѣлаютъ люди, надъ которыми виситъ опасность. Но, вслѣдствіе утомленія, одна мысль его заходила за другую, образовалась какая-то путаница, въ которой онъ не могъ разобраться. Да и сонъ побѣждалъ его. Силы у него были недюжинныя, но въ теченіе десяти дней онъ только переодѣвался, а совсѣмъ не раздѣвался ни разу, и поддерживалъ себя только чернымъ кофе и возбужденіемъ. Онъ не поддавался и теперь, хотя голова его была точно налита свинцомъ, а путаница мыслей обратилась въ какую-то черную тучу, безъ малѣйшаго яснаго луча. Механически онъ повторялъ себѣ только, что Мариня больна и ему нельзя заснуть, но эти слова не имѣли для него никакого значенія.

Наконецъ, трудъ, утомленіе и бессонныя ночи взяли верхъ. Его объялъ непреодолимый, каменный сонъ, въ которомъ ничего не снится, въ которомъ гибнетъ дѣйствительность, гибнетъ весь міръ и, кажется, каменѣетъ вся жизнь.

Передъ утромъ его разбудилъ стукъ въ дверь.

— Панъ Станиславъ!—послышался тихій голосъ пани Бигель.

Поланецкій вскочилъ, сразу опаматовался и выбѣжалъ изъ комнаты. Однимъ взоромъ онъ охватилъ постель Марини и, при видѣ спущенныхъ занавѣсокъ, ноги его подкосились.

— Что случилось?—прошепталъ онъ поблѣвшими губами.

Пани Бигель отвѣтила такъ же тихо, слегка прерывающимся голосомъ:

— Богъ далъ вамъ сына...

И она приложила палецъ къ губамъ.

В. Л.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ.

Романъ Альфонса Доде.

I.

Деревенскій колоколь.

Ричардъ Фениганъ, извѣстный охотникъ и рыбоволь департамента Сены-и-Уазы, живущій круглый годъ въ деревнѣ съ матерью и съ молодою женой, только что вынулъ изъ воды свои верши на усѣянномъ зелеными островами участкѣ Сены, который онъ арендовалъ для рыбной ловли, между шлюзами Эври и Атиса. Знойнымъ, удручающимъ июльскимъ утромъ, подъ жгучимъ, какъ расплавленная платина, солнцемъ, серебрящимъ все небо, рѣка курилась, неподвижная и молчаливая, безъ обычнаго даже птичьяго гомона, которымъ оглашаютъ пребрежные кусты камени, малиновки, ласточки. И, наоборотъ, эта марящая духота обостряла аромат водяныхъ растений, противный запахъ шпанскихъ мухъ, сверкавшихъ изумрудными пятнами на ясеняхъ. Даже Фениганъ, здоровенный малый лѣтъ тридцати пяти, краснолицый, съ густою темною бородой, чувствовалъ всю тяжесть такой атмосферы. Добравшись до маленькой заводи, гдѣ причалены были лодки и раскинуты на свѣжей муравѣ берега его рыболовныя сѣти, онъ нѣсколько минутъ не могъ подняться изъ лодки, поддаваясь дремотѣ, изнемогая въ своей одеждѣ изъ зеленого полотна, забрызганной водою, испещренной темными сырными пятнами. На той же сторонѣ Сены пронесся съ высоты звонъ колокола. Ричардъ вздрогнулъ.

— Слышалъ, Шюшенъ?

Шюшенъ, караульщикъ рыбной ловли, забившійся въ свою сторожку считать наловленныхъ щукъ, линей и угрей, приподнялъ темное отъ загара лицо, болѣе изборожденное морщинами, чѣмъ бѣга волнами подъ порывами вѣтра.

— Звонять, навѣрное, въ замѣ.

— Не къ завтрагу же звонять. Еще только одиннадцать часовъ.

— Можетъ быть, гости... кто - нибудь изъ Гробурга. Я только что видѣлъ, какъ ихъ коляска ѣхала назадъ къ мосту.

Снова раздался вдали звонъ колокола, особенно рѣзкій въ неподвижномъ затишьи.

— Прибери тутъ все, старина Шюшенъ, я пойду узнаю.

Неторопливою походкой, привычною деревенскому жителю, Ричардъ пошелъ береговою тропой до тополевой аллеи, круто поднимающейся въ гору къ дорогѣ въ Корбейль, вдоль которой было расположено маленькое село Узелли и помѣстье, носящее то же названіе. На ходу, заинтересованный призывнымъ звономъ колокола, онъ вслухъ разсуждалъ самъ съ собой, безъ малѣйшаго предчувствія чего-либо дурного. Предположеніе, что пріѣхали гости изъ Гробурга, совсѣмъ неправдоподобно. Кому оттуда пріѣхать? Генераль на водахъ въ Тироль, вмѣстѣ съ герцогиней. Сынъ въ Парижѣ готовится къ экзамену въ Сень-Сиръ, а экзаменъ уже на носу. Всего вѣрнѣе, что какая-нибудь драма на кухнѣ или на скотномъ дворѣ дѣлаетъ необходимымъ присутствіе хозяина. Или, быть можетъ, сцена между его матерью и женою... А, впрочемъ, уже давнымъ-давно покончена эта отвратительная междоусобная война, омрачавшая первое время ихъ супружества... Что же, однако, тамъ такое?

— Добраго утра, мосье Ричардъ! — раздался съ другой стороны дороги приторно-сладкій, фальшивый голосъ и отвлекъ Фенигана отъ его думы.

Тамъ ихъ было четверо или пятеро подъ развѣсистымъ тополемъ: сторожъ Робенъ, разсылный Рожеръ, сошедшій съ своего велосипеда, который онъ держалъ за правило, прачка, присѣвшая на рукоятку своей тяжелой двухколески, нагруженной мокрымъ бѣльемъ. Всѣ они слушали, разинувши рты и вытаращивши глаза, исторію, которую имъ разсказывалъ мосье Александръ, бывшій метръ-д'отель Гробурга, длинный, бритый, чопорный, въ бѣлой фланелевой парѣ и съ рыболовною бамбуковою тростью въ рукахъ. О чемъ шла эта болтовня, вдругъ смолкшая съ приближеніемъ Фенигана? Что значить эта иронія въ привѣтствіи отставного холопа, всегда принижено почтительнаго? Впослѣдствіи малѣйшія подробности этого утра придутъ на память Ричарду съ ужасающею ясностью, онъ пойметъ всѣ мелочи, которыя теперь проскальзываютъ, едва касаясь его, лишенные всякаго значенія.

Передъ церковью, сверкающею бѣлизной, какъ только что поставленный надгробный памятникъ, кто-то обликнулъ его еще разъ.

Старикъ Мериве, въ цилиндрѣ и въ длинной сѣрой блузѣ, съ кистью въ одной рукѣ, съ горшкомъ черной краски въ другой, былъ усердно занятъ обновленіемъ, какъ онъ говорилъ, надписи на фасадѣ.

— Посмотрите, сосѣдъ... за цѣлое лѣ можно прочесть теперь.

Онъ посторонился, чтобы дать сосѣду полюбоваться заново вычерченными строками на штукатуркѣ стѣны справа отъ главнаго входа.

*Наполеонъ Мериве,
Кавалеръ ордена Святого Григорія Великаго,
Соорудилъ эту церковь
Въ память своей супруги Ирены*

и

Оную принесъ въ даръ общинѣ Узелли.

Эта надпись была эпилогомъ семейной драмы, никому доподлинно не извѣстной въ округѣ. Всѣ знали только, что г. Мериве, послѣ смерти жены, которую онъ любилъ до безумія, построилъ эту церковь противъ своей усадьбы и очень заботился о ней, вмѣстѣ съ своею кухаркой, исправлявшею должность сторожа, и съ своимъ лакеемъ, служившимъ за пономаря. Строитель даже особенно гордился, когда его церковь бывала по воскресеньямъ полна народа, когда у ея дверей стояли экипажи и люди обмѣнивались привѣтствіями и любезностями послѣ короткой мессы, отслуженной въ девять часовъ утра викаріемъ изъ Дравейля, къ приходу котораго принадлежали Узелли. По поводу этой - то воскресной службы Мериве и остановилъ сосѣда, чтобы высказать свое неудовольствіе на обывателей замка. Статочное ли это дѣло, что тамошнія дамы ѣздятъ разыскивать мессу въ Дравейль или въ сиротскій пріютъ Суази, когда тутъ близехонько...

— Нехорошо это, сосѣдъ, очень плохо, — приставалъ старикъ, пошлепывая кистью въ горшкѣ съ краской, — ни одна изъ тѣхъ церквей не стѣитъ моей, моя приноситъ счастье. Если бы вы знали, подъ какимъ она патронатомъ, что за существо была моя Ирена!... Республика выставляетъ на своихъ монументахъ слова: *Свобода, равенство, братство*, а тутъ на фронтонѣ мнѣ слѣдовало бы написать: *Жалость, милосердіе, всепрощеніе*... Про насъ говорятъ, что мы маленький приходъ, а по-настоящему надо бы сказать — добрый приходъ. И, приходя молиться сюда, вы, человекъ женатый, обезпечили бы себѣ этимъ ваше семейное счастье.

Ричардъ извинялся, оправдывалъ своихъ дамъ: самая близость является уже препятствіемъ къ исполненію ихъ желанія бывать въ этой церкви, — онѣ такъ рѣдко выѣзжаютъ. Воскресная месса въ

Дравейль или въ приютѣ даетъ имъ возможность подышать воздухомъ, промять лошадей, поистинѣ, слишкомъ зажирѣвшихъ. Но онъ поговорить объ этомъ съ своею матерью, и очень скоро его дамы будутъ имѣть свои стулья въ маленькомъ приходѣ. Эти послѣднія слова заставили его улыбнуться, онъ вспомнилъ прозвище, которымъ въ округѣ называли церковь Мериве, — прозвище, далеко не способное привлекать въ нее женатыхъ людей. Третій призывной звонъ колокола, частый и рѣзкій, заставилъ его вновь пуститься въ путь, на этотъ разъ уже торопливѣе.

Помѣщеніе владѣльцевъ Узелли состояло изъ двухъ отдѣльных домовъ, такъ называемаго замка, новѣйшей постройки съ шиферною крышею, съ верандою и балконами. Тутъ жила мать Фенигана. Длинный шпалерный ходъ соединялъ замокъ съ павильономъ, гдѣ помѣщались молодые супруги. Небольшая дверь служила входомъ въ эту часть усадьбы. У ея-то порога Розина Шюшенъ, дочь сторожа рыбныхъ ловель, служившая у Фенигановъ, всматривалась въ дорогу, прикрывая руками глаза отъ ослѣпительныхъ лучей солнца. Издали дѣвушка крикнула Ричарду:

— Мадамъ нѣтъ съ вами?

На самомъ дѣлѣ, часто, въ дни осмотра своихъ рыболовныхъ снастей, Ричардъ съ утра уводилъ жену съ собою на рѣку. Молодая женщина любила опускать руки по плечо въ холодную воду, ей нравилось самой вытаскивать тяжелы верши, смотрѣть, какъ въ глубинѣ ихъ блещетъ и трепещетъ живымъ серебромъ пойманная рыба. А въ этотъ день Лидія была утомлена и на всѣ уговоры мужа отвѣчала легкимъ ворчаніемъ въ полудремотѣ, очаровательно разгорѣвшаяся въ своей подушкѣ, сверкая яркимъ взглядомъ голубовато-сѣрыхъ, жемчужныхъ, глазъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. На нѣсколько секундъ Ричардъ отдался воспоминанію объ этомъ сладкомъ видѣніи влюбленаго мужа въ то время, какъ служанка повторяла совершенно:

— Мадамъ, стало быть, не съ вами?

— Нѣтъ, а что?

— Ахъ, мосьё, она исчезла съ самаго утра!

— Исчезла? Что за вздоръ!

У него хватило силъ пройти двѣ ступеньки у маленькой двери, и онъ тотчасъ же опустился на каменную скамью при входѣ подъ шпалеру. То же недомоганіе, что утромъ, головокруженіе, уже испытанное имъ на рѣкѣ, повторилось съ еще большею силой. Не въ состояніи будучи ни слова вымолвить, ни шевельнуться, онъ смутно слышалъ болтовню Розины, едва понимая, что она говоритъ. Въ

паркѣ, на огородѣ, въ баракѣ у рѣки, повсюду искали... Наконецъ, вотъ сейчасъ только старый Жоржъ, вѣчный бродяга, вернувшись изъ лѣсу, сказалъ садовнику, что отворена одна изъ калитокъ, ведущихъ въ лѣсъ, потомъ передалъ какую-то записку мадамъ Фениганъ-матери...

— Да вотъ идетъ и сама мадамъ Фениганъ... быть можетъ, она что-нибудь знаетъ.

Мать Ричарда, гордая и массивная, неизмѣнно съ открытою головою, съ гладко причесанными, вѣриже—прилизанными, черными волосами, шла подъ шпалерой, какъ бы прорѣзывая на каждомъ шагѣ яркія пятна свѣта, разсыпанныя по лежащей на землѣ тѣни. Порывистая походка ясно давала понять, что старуха знаетъ что-то и взбѣшена. Ричардъ хотѣлъ встать, пойти ей на встрѣчу, но, точно прикованный къ скамьѣ, смогъ только взглядомъ выразить свою тревогу и проговорить такимъ голосомъ, какимъ онъ обращался къ матери, будучи ребенкомъ:

— Лидія? Гдѣ Лидія, мамаша?

Грубо, почти съ торжествомъ, мать отвѣтила:

— Твоя жена уѣхала, дитя мое, и это единственная радость, которую она когда-либо намъ доставила.

— Уѣхала?

— И, представь, не одна... Но угадай, съ кѣмъ... нѣтъ, ты угадай!

Вмѣсто того, чтобы угадывать, онъ слабо простоналъ, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и съ побагровѣвшимъ лицомъ повалился на скамью, касаясь руками песка, которымъ была усыпана крытая шпалерой дорожка.

II.

Дневникъ князя.

*М. В. де-Валлонгу
въ Коллегиі Станислава, Парижъ.*

Гробургъ, 6 іюля 1886 г.

Нынѣшнимъ утромъ, мой милый Валлонгъ, и слѣдующими за нимъ утрами мое мѣсто останется пустымъ въ приготовительномъ. Покончено, я отказываюсь отъ Сенъ-Сира и отъ военной славы, которою нашъ родъ, на мой взглядъ, увѣнчанъ въ достаточной мѣрѣ. Начиная съ моего прадѣда, Шарля Довернь, котораго первая имперія сдѣлала маршаломъ, герцогомъ д'Альбантара и княземъ

Ольмиюцкимъ, и кончая бѣднягою моимъ отцомъ, разбитымъ параличомъ въ сорокъ семь лѣтъ, въ чинѣ генерала, командира 3-го корпуса, мои преславные предки не оставили уже ни одного отличія на долю моего честолюбія. Русская чаша, красующаяся посерединѣ нашего большого салона улицы Шаналейль, — знаменитая чаша, въ которую мы, въ видѣ консервовъ, складываемъ всё ордена семьи, полна и даже верхомъ. Что же дѣлать теперь? Ничего. На это я и чувствую себя рѣшившимся наиположительнѣйшимъ образомъ. Въ восемнадцать лѣтъ, единственному сыну, наследнику громкаго имени, крупнаго состоянія и, несомнѣнно, пресквернаго здоровья папаша сама мудрость повелѣваетъ наслаждаться, не откладывая вдаль, тѣмъ, что жизнь можетъ дать хорошаго. Я начинаю.

Изъ тѣхъ двухъ писемъ, что я писалъ при васъ во время класса тригонометріи, одно было адресовано капитану Нюитту изъ Кардифа и предупредило его, чтобъ онъ ждалъ меня въ маленькомъ портѣ Басси, въ устьѣ Роны, съ яхтой *Bleu-blanc-rouge*, хорошо снаряженной, при восьми человекѣхъ экипажа, кромѣ повара и метръ-д'отеля, за плату по десяти тысячъ франковъ въ мѣсяць за все. Вторымъ письмомъ я извѣстилъ ту особу, которая сопровождаетъ меня въ моей экспедиціи. Вы понимаете, разумѣется, что не въ одиночествѣ же я отправляюсь. Дамы этой вы не знаете. Она не фигурируетъ въ ящикѣ для галстуконъ, въ которомъ мы часто перебирали вмѣстѣ письма и портреты моихъ фаворитокъ. Я могу вамъ сообщить, что она замужемъ, наша сосѣдка, живетъ противъ Гробурга, по ту сторону Сены. Тридцать лѣтъ едва минуло, продолговатые свѣтлые глаза всегда опущены, а когда она ихъ открываетъ, они освѣщаютъ все ея лицо отблескомъ жемчужнаго ожерелья. Видъ самый скромный, длинныя руки пьянистки въ полуперчаткахъ былыхъ временъ. Дѣтей нѣтъ, мужъ ее боготворить, въ округѣ она пользуется общимъ уваженіемъ. Мнѣ стоило только написать: «Пріѣзжайте», — она отвѣтила: «Ѣду», и вотъ она бросаетъ все, — мужа, домъ, семью, чтобы пуститься въ плаваніе съ такимъ молодымъ и малонадежнымъ спутникомъ, каковъ вашъ добрый другъ. Поистинѣ говорю вамъ, женщины совсѣмъ необычайныя птицы!

Что меня касается, то этою я ничуть не больше дорожу, чѣмъ всякою другою, я слишкомъ люблю *tutte le done* для того, чтобъ отдать предпочтеніе какой-нибудь одной изъ нихъ. Какъ только я положилъ въ ротъ одну изъ этихъ восхитительныхъ конфетокъ, мнѣ уже хочется ее выплюнуть и перебрать всю коробку, въ на-

деждѣ, что попадется хотя одна такого чуднаго вкуса, какового я ищу и не нахожу. Пожелайте мнѣ успѣха на этотъ разъ, милый мой Валлонгъ.

Когда вы получите это письмо, я уже буду нестись на всѣхъ парусахъ, и проклятія моихъ родителей ужаснутъ небеса. Тѣмъ хуже! Сами добивались того, что вышло. Чѣмъ держать меня сначала въ Гробургѣ, потомъ въ Станиславкѣ, оставили бы они меня лучше на свободѣ въ Парижѣ, тогда и не напало бы на меня непреодолимое желаніе задать стрекача. А герцогиня, моя мамаша, сама не прочь пожить одна, подальше отъ своихъ мужинь, какъ она насъ называетъ, нашла чрезвычайно разумнымъ принудить меня учиться и быть положительнымъ, сдѣлавши изъ меня сидѣлку при больномъ генералѣ. Она не подумала о томъ, что одиночество—плохой совѣтникъ и что отъ непрерывнаго созерцанія узелльскаго бугра съ маленькою бѣлою церковкой и съ колокольней, на которую собируются голуби всей округи, мнѣ могутъ придти въ голову меланхолическія мысли и желаніе вырваться на просторъ. Генералъ засадилъ меня въ коллегію и тѣмъ окончательно довелъ до рѣшенія бѣжать. Когда-нибудь я расскажу вамъ интимную драму, разыгравшуюся между этимъ знаменитымъ инвалидомъ и мною за время моего пребыванія въ замкѣ.

А, Валлонгъ, какъ много я передумалъ одинъ, вечерами, въ этомъ огромномъ Гробургѣ, бродя по парку или по площадкѣ на берегу рѣки! Какъ я прямо и смѣло посмотрѣлъ на жизнь, на людей и на себя самого, человѣка болѣе сложнаго, чѣмъ всѣ другіе! Въ результатъ этого анализа получилось открытіе, что въ восемнадцать лѣтъ я чувствую себя одряхлѣвшимъ и усталымъ, поконченнымъ для всякихъ стремленій, не любящимъ ничего, не интересующимся ничѣмъ, знающимъ напередъ конецъ какихъ бы то ни было радостей. Почему я таковъ? Откуда взялась моя преждевременная опытность, мое отвращеніе отъ всего и эти морщины, которыя я чувствую на себѣ до конца моихъ пальцевъ? Таково ли, вообще, все наше поколѣніе, всѣ тѣ, кого называютъ «дѣтьми пораженія» потому, что они родились, какъ я, около года войны и вторженія, или же такова лишь въ частности особенность моей семьи, обветшалою почвы, давшей слишкомъ много счастливыхъ урожаевъ и требующей теперь продолжительной залежи? Какъ Богъ ѡзвять, я устрою ей залежь.

Бъ тому же, только женщина и море представляютъ, на мой взглядъ, желательныя развлеченія, и я хочу попользоваться тѣмъ и другимъ, широко попользоваться. До сихъ поръ, въ качествѣ лю-

бовника и матроса, я пускался только въ пробныя экскурсіи. На этотъ разъ ухажу въ дальнее плаваніе и, если мои задушевные повѣствованія васъ интересуютъ, я обязуюсь, дорогой Вильки, для васъ вести настоящій дневникъ или корабельный журналъ странствованій и приключеній души, которую генераль-герцогъ, мой родитель, давно уже объявилъ темною и опасною, какъ ночное сраженіе.

Шарлексисъ, князь Ольмиуцкій.

III.

Корбейльская дорога. — Ричардъ и Лидія.

Всѣ комнаты павильона, въ томъ числѣ и та, куда перенесли Ричарда послѣ обморока, выходили окнами на корбейльскую дорогу, вьющуюся карнизомъ надъ рѣкою и едва ли не самую живописную въ департаментъ Сены-и-Уазы. По этой самой дорогѣ, тридцать пять лѣтъ назадъ, октябрьскимъ утромъ 1851 года, подъ мелкимъ осеннимъ дождемъ, неожиданно захватившимъ путниковъ, метръ Фениганъ, нотаріусъ изъ Дравейля и владѣлецъ помѣстья Узеллей, шелъ съ своимъ сосѣдомъ, жившимъ въ Гробургѣ старымъ герцогомъ д'Альбантара, заявить въ меріи о рожденіи сына, явившагося на свѣтъ ночью. Зайдя утромъ случайно къ своему нотаріусу, герцогъ пожелалъ выразить ему этимъ свое расположеніе, и длинный путь пѣшкомъ скромнаго деревенскаго нотаріуса подъ руку съ знаменитымъ сподвижникомъ Наполеона оставилъ въ хроникѣ семейства Фенигана не менѣе блистательный слѣдъ, чѣмъ подпись славнаго маршала въ книгѣ ничтожной общины.

Мать долго не могла оправиться послѣ запоздавашаго появленія на свѣтъ маленькаго Ричарда. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она принуждена была не вставать съ своей кушетки; отецъ жилъ внѣ дома, постоянно занятый въ конторѣ; ребенокъ, единственная утѣха больной, росъ при ней, одинокій, молчаливый и задумчивый, запертый въ одной комнатѣ, гдѣ единственнымъ для него развлеченіемъ было смотрѣть на проѣзжую дорогу со снующими по ней телѣгами и экипажами, людьми и животными, прохожими, пастухами и мелкими торговцами. И зналъ онъ въ точности эту бѣлую дорогу, настоящую панораму, въ которой его маленькіе глаза, быстрые и зоркіе, умѣли различать тысячи подробностей, незамѣтныхъ для другихъ. Лучше, чѣмъ солнечные часы, установленные на тумбѣ посрединѣ лужайки, дорога показывала ему время. Лѣтомъ, когда сторожъ Робенъ задвигалъ свою тачку подъ короткую тѣнь

стѣнки у фонтана, мальчикъ думалъ вслухъ: «Завтракъ Робена... ровно часъ». И большимъ удовольствіемъ для ребенка было смотрѣть, какъ сторожъ и его двое ребятишекъ садились у дороги вокругъ тачки, служившей имъ столомъ. По окончаніи завтрака, столъ превращался въ кресло, немного жесткое, на которомъ сторожъ пристраивался для отдыха въ то время, какъ дѣти въ двухъ шагахъ отъ него принимались тихонько играть, сгребали мелкіе камешки въ красивыя кучки, подобныя тѣмъ, какія складывалъ ихъ отецъ на шоссе. Такъ же точно, когда женщины возвращались со стирки бѣлья, когда стадо проходило въ большія ворота сосѣдней фермы, когда дѣти на пути изъ школы расходились въ разныя стороны на поворотѣ за фонтаномъ, Ричардъ зналъ, что было четыре... пять... шесть часовъ. Какъ дорога замѣняла ему часы, такъ она служила ему и календаремъ, отмѣчая извѣстнымъ образомъ каждый день недѣли. По понедѣльникамъ нищіе, — длинная вереница лохмотьевъ и костылей, являвшихся невѣдомо откуда, — всегда одни и тѣ же изнуренныя, землистаго цвѣта лица, — показывались у большой двери, чтобы получить отъ мадамъ Клеманъ, садовницы, два су и кусокъ хлѣба. По субботамъ, согласно обычаю старой Франціи, проходили свадьбы, съ музыкантами во главѣ, взбудораживавшими все селеніе своимъ пикианьемъ. За ними — новобрачная въ бѣломъ, въ красномъ, вся потная подъ вѣнкомъ изъ флёръ-д'оранжа, новобрачный въ шелковомъ цилиндрѣ и черномъ суконномъ сюртукѣ, поблѣвшемъ отъ накаленной солнцемъ шоссеиной пыли; за ними — гости попарно, женщины, гордо волочащія бахромы своихъ ковровыхъ шалей, мужчины, смущенные тѣмъ, что разгуливаютъ по дорогѣ безъ дѣла, въ праздничныхъ нарядахъ, теряя рабочій день. По вторникамъ и четвергамъ, въ канунъ рынковъ въ Корбейлѣ, проходили стада быковъ, двигались телѣжки торгашей, останавливавшихся иногда у замка продавать свои товары. По воскресеньямъ, лѣтомъ, «орфеоны» разгуливали съ музыкой, щеголяя своими знаменами, увѣшанными медалями конкурсовъ, парадировали пожарные. Съ наступленіемъ осени начиналось передвиженіе войскъ, пушекъ, длинные обозы которыхъ заставляли дрожать дома, а у того же фонтана толкались и дрались изъ-за воды усталые солдаты, несмотря на гнѣвные крики майора. Иногда большіе охотничьи брики провозили къ рошѣ, окаймлявшей дорогу, приглашенныхъ въ сосѣдніе замки, въ Гробургъ, въ Ла-Грантъ, въ Мерожи, блестяли новыя охотничьи сумки, сверкали ружья подъ лучами красноватаго солнца.

Но изъ всѣхъ дней недѣли самымъ радостнымъ для Ричарда,

наибольше нетерпѣливо ожидаемымъ былъ четвергъ, когда около трехъ часовъ рой молодыхъ голосовъ раздавался подь окнами и, занимая всю ширину дороги, одѣтыя въ длинныя пелеринки и соломенные шляпы съ голубыми лентами, шли на прогулку сиротки изъ Суази подь присмотромъ двухъ или трехъ монахинь въ бѣлыхъ головныхъ уборахъ. Почти всегда ихъ зазывали въ замокъ поиграть и закусить на лужайкахъ. Какой это былъ праздникъ для Ричарда, не знавшаго другихъ дѣтей, кромѣ этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ, которымъ онъ представлялся чѣмъ-то вродѣ юнаго короля, въ этой рамкѣ роскоши и цвѣтовъ! И какимъ печальнымъ взглядомъ, послѣ игръ, бѣготни, веселья на дорожкахъ, онъ провожалъ ихъ до поворота, пока не исчезали изъ вида добрыя монахини съ развѣвающимися по вѣтру лопастями бѣлыхъ шляпъ!

О, дорога въ Корбейль! Какое мѣсто занимала она въ воспоминаніяхъ Фенигана! Его дѣтство, его молодость какъ будто прорѣзаны ея широкою пыльною полосой, на которой разыгрывались важнѣйшія событія его жизни. На этой дорогѣ, между Дравейлемъ и Узеллями, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ высокой желѣзный крестъ, упалъ метръ Фениганъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ на пути изъ своей конторы. Ричарду было тогда шестнадцать лѣтъ. Спѣшно вызванный изъ коллегіи Людовика Великаго, гдѣ онъ медленно и съ трудомъ тянулъ свой курсъ наукъ, молодой человекъ утѣшался въ постигшемъ его горѣ надеждою никогда не вернуться въ школу. Это заточеніе маленькаго Фенигана было поводомъ къ рѣзкимъ спорамъ въ семействѣ нотариуса: мать хотѣла держать сына при себѣ, взявши для него учителя, отецъ стоялъ за университетское образованіе и школьную дисциплину изъ опасенія, какъ бы его Ричардъ, живя одинъ въ деревнѣ, не сдѣлался такимъ же дикимъ и неотесаннымъ, какъ дѣти шоссейнаго сторожа. Всегда крайне слабый передъ женой, которую онъ называлъ своимъ «добрымъ тираномъ», метръ Фениганъ на этотъ разъ твердо настоялъ на своемъ. Не обращая вниманія на слезы и бушеваніе супруги, онъ самолично отвезъ Ричарда въ Парижъ и водворилъ его въ высокія черныя стѣны, гдѣ мальчикъ и остался бы до окончанія своего образованія, если бы скорбная телеграмма не вызвала его въ Узелли сиротой.

Какою восхитительною казалась Ричарду его милая дорога въ то время, какъ онъ шелъ за катафалкомъ, одинъ впереди огромной, сосредоточенно молчаливой толпы! Люцерна ярко зеленѣла, волнующіяся нивы сверкали подь лучами солнца. На каждомъ шагѣ вставали передъ юношей воспоминанія его дѣтства; лѣса, рѣка об-

давали его хорошо знакомыми, опьяняющими ароматами, и онъ самъ себя укорялъ за сладостныя ощущенія сквозь слезы, за радостное настроеніе на лонѣ этой привычной ему природы, которую онъ любилъ всѣми своими инстинктами, которую покидалъ съ большимъ горемъ. И вотъ теперь онъ уже не разстанется съ нею. Въ этомъ онъ вполне сходилъ съ своею матерью, слѣдившею изъ окна за длинною похоронною процессіей и думавшею такую думу: «Что ему дѣлать въ Парижѣ? Ради чего продолжать ученіе, которое идетъ такъ плохо и безуспѣшно? Какая надобность идти по слѣдамъ отца, когда состояніе уже нажито, и не изъ-за чего мнѣ опять разлучаться съ моимъ единственнымъ ребенкомъ?»

На другой же день по возвращеніи въ Узелли Ричардъ сложилъ всѣ свои книги въ ящикъ, ожесточенно забилъ его и отправилъ на чердакъ, твердо порѣшивши никогда его не открывать и не брать въ руки ни одной изъ отвратительныхъ книжицъ, терзавшихъ его такъ долго. Какъ почти всѣ мелкіе буржуа, выросшіе въ деревнѣ, онъ былъ безпечно лѣнивъ и склоненъ къ задумчивости, робокъ до дикости, неразговорчивъ, и оживлялся только на полномъ просторѣ, на рыбной ловлѣ, верхомъ на лошади, никогда не читалъ ни книгъ, ни журналовъ, кромѣ *Иллюстрированной Охоты* и нѣсколькихъ номеровъ *Вокругъ Свѣта*. Мать вставала рано, но видала его лишь за столомъ, за то вечерами онъ отлучался рѣдко, игралъ съ нею двѣ партіи въ шахматы, длившіяся до десяти часовъ, когда по неизмѣнно установленному порядку тушились всѣ огни въ домѣ и въ службахъ. Гости бывали у нихъ рѣдко. Продолжительная болѣзнь г-жи Фениганъ удалила отъ нихъ добрыхъ знакомыхъ, живущихъ въ Дравейлѣ и Суази, и хотя вдова нотаріуса пользовалась теперь отличнѣйшимъ здоровьемъ, ей слишкомъ хорошо было съ взрослымъ сыномъ для того, чтобы хлопотать о возстановленіи порванныхъ связей. Прошло десять лѣтъ такой однообразной и спокойной жизни. За всѣ эти десять лѣтъ выдающимися событіями въ жизни Ричарда были приглашенія его аристократическими сосѣдями Гробурга къ открытію охоты, да поѣздка въ Гавръ для покупки маленькой шляпки, которую ему вздумалось приобрести. Случилось еще, что два лѣта сряду гостили у Фенигановъ ихъ родственники изъ Лоріана, папенька, маменька и совсѣмъ молоденькая дѣвушка, которую постоянно видали въ меленькой фѣтровой шляпѣ верхомъ на лошади рядомъ съ вузеномъ. Отъ Вильневъ-Сенъ-Жоржа до Корлѣйя, во всемъ краю, гдѣ значительное состояніе Фенигановъ сдѣлало ихъ имя извѣстнымъ, заговорили было о предстоящей женитьбѣ Ричарда. Потомъ родственники вдругъ исчезли, и тѣ, что выдавали за

достоверное известіе о женитьбѣ, первые начали доказывать его несодѣянность. Увалень Ричардъ, съ своею бычачьею шеей и съ лицомъ, сплошь заросшимъ бородой, — слабое и смиренное существо, находящееся въ полномъ подчиненіи у матери, а мадамъ Фениганъ слишкомъ любитъ его для того, чтобы допустить другую женщину поселиться въ ихъ домъ. И вотъ доказательство: въ тотъ день, когда лоріанская амазонка совсѣмъ была увѣрена въ успѣхъ по возвращеніи съ катанья, настолько многознаменательною казалось мечтательная молчаливость кузена, достаточно было одного слова мадамъ Фениганъ, одного взгляда на сына: «Очень тебѣ нравится?» — «Нисколько», — отвѣтилъ молодой человекъ, смахивая съ сапога пепель своей англійской трубки такъ же спокойно, какъ выкидывалъ изъ головы свое легкое покушеніе на любовь. На слѣдующій день дѣвица уѣхала, и помина никогда не было потомъ объ этомъ мнимомъ сватовствѣ. Немного времени спустя сынъ мадамъ Фениганъ, все-таки, женился, не встрѣтивши на этотъ разъ ни малѣйшаго препятствія со стороны матери.

По очень старой привычкѣ, еще со времени ранняго дѣтства Ричарда, сиротскій пріютъ Суази заходилъ по четвергамъ въ теплое время года въ Узелли и получалъ тамъ угощеніе. Мадамъ Фениганъ подчинялась, такъ сказать, этой повинности, не столько, впрочемъ, ради дѣвочекъ, сколько изъ-за удовольствія побыть съ монахинями, почти поголовно женщинами хорошаго общества и необыкновенной доброты. Въ одинъ изъ четверговъ Ричардъ, оставшійся случайно дома, присутствовалъ при визитѣ сиротокъ и за обѣдомъ спросилъ у матери:

— Кто эта высокая дѣвушка, тоненькая и блѣдная, съ серебристо-сѣрыми глазами, точно бархатными? Она все время не отходила отъ сестры Марты, ирландки.

— Да это Лидія, маленькая Лидія.

— Какъ, ужасная маленькая цыганочка?

И вдругъ въ толпѣ этихъ заброшенныхъ ребятъ, дѣтей порока и нужды, рядомъ съ несчастными подкидышами, онъ видитъ гордое и меланхолическое лицо, обрамленное вьющимися прелестными волосами, спускающимися изъ-подъ жалкой соломенной шляпы. И это маленькая Лидія, это дитя большой дороги, дѣвченка, подобранная лѣтъ пятнадцать назадъ чуть ли не въ канавѣ, завернутою въ какое-то тряпье... Вотъ она какою стала!

— Если бы ты слышалъ въ воскресенье, какъ она играетъ на органѣ... О, ирландка можетъ гордиться своею ученицей: ея ма-

ленькая Лидія совершенная прелесть! Я говорю—маленькая, а она уже съ меня ростомъ.

Въ слѣдующее же воскресенье Ричардъ въ первый разъ отправился, вмѣстѣ съ матерью, къ обѣднѣ въ сиротскій пріютъ, и во всю службу не отводилъ глазъ отъ изящнаго профиля, склоненнаго надъ органомъ въ глубинѣ хоръ. О, нѣтъ, эта дѣвушка не могла быть такимъ же незаконнорожденнымъ подкидышемъ, какъ другія, ея происхожденіе не можетъ быть такимъ же низменнымъ! Иначе чѣмъ же объяснить ея аристократическіе инстинкты, ея музыкальныя способности, которыми гордится сестра Марта?

Ричардъ побывалъ нѣсколько разъ у обѣдни въ Суази, по четвергамъ оставался дома для пріема сиротокъ. Разъ даже мадамъ Фениганъ упросила ирландку сыграть сонату въ четыре руки съ ученицей на старомъ фортепіано, издававшемъ тоненькіе, жиденькіе звуки. Ричардъ вышелъ изъ комнаты до окончанія сонаты. «Слишкомъ жарко было»,—отвѣтилъ онъ рѣзко, когда его хотѣли заставить сознаться въ охватившемъ его волненіи. Но съ этого дня бѣдный малый началъ постоянно напѣвать эту сонату, пытаться наигрывать ее на фортепіано неловкими и неповоротливыми пальцами. Тѣмъ не менѣе, онъ не измѣнилъ своей обычной жизни, охотился, ходилъ къ своимъ вершамъ въ сопровожденіи сторожа, но сталъ еще молчаливѣе, упорно сохраняя свою тайну, которую угадывала мать и съумѣла, наконецъ, у него вырвать.

— Угадай, кто будетъ обѣдать у насъ на будущей недѣлѣ? — сказала мадамъ Фениганъ между двумя партіями въ шахматы.

Онъ ничего не отвѣтилъ, весь погруженный въ свою мечту.

— Версальскій епископъ, — продолжала мать. — Онъ будетъ служить въ сиротскомъ пріютѣ по случаю постриженія Лидіи.

— Она идетъ въ монахини?

— Куда же ей дѣваться безъ денегъ, безъ родныхъ? Хорошо еще, что въ монастырь ее принимаютъ безъ всякаго взноса.

Ричардъ измѣнился въ лицѣ, оставилъ игру и исчезъ во мракѣ сада. Мадамъ Фениганъ разыскала сына въ маленькомъ домикѣ, стоящимъ у окна, прислонившись лбомъ къ стеклу, облитому луннымъ свѣтомъ.

— Дрянной мой мальчикъ!... Почему не хочешь сказать, что ты любишь ее?

— А, мама... мама...

Онъ только и могъ отвѣтить этими двумя словами, съ большимъ усилиемъ вырвавшимися изъ сжатаго спазмой горла въ то время, какъ брызнувшія изъ глазъ слезы дождемъ лились по стеклу, а его

могучее тѣло дрожало, точно въ лихорадкѣ. Боже мой, любилъ ли онъ ее! Только сознаться въ этомъ никогда бы онъ не посмѣлъ изъ боязни получить отказъ.

— Глухой, глухой, — нѣжно журила мать, — ничего другого я никогда не искала, кромѣ твоего счастья.

Соображеніе, что сынъ предпочелъ другимъ дѣвушкамъ совсѣмъ нищую и сироту, тоже весьма содѣйствовало такому благодушію матери: какъ бы то ни было, бѣдняжка, которая всѣмъ будетъ имъ обязана, не можетъ внести въ домъ новаго авторитета, своего вліянія, сопротивляющагося власти мадамъ Фениганъ, такъ долго бывшей тутъ единственною госпожей.

Лидія тотчасъ же согласилась на этотъ бракъ. Съ радостью ли она это сдѣлала? Не пожалѣла ли она, напротивъ, о томъ, что инымъ представлялся женихъ въ ея мечтахъ? Никто не узналъ этого никогда. Когда въ первый разъ Ричардъ явился въ качествѣ жениха въ приемную пріюта, Лидія приняла его съ милою и простою улыбкой, совершенно спокойная въ своемъ нищенскомъ чепчикѣ и въ ужасной пелеринкѣ, точно невѣста съ великолѣпнымъ приданымъ и самымъ лучшимъ родствомъ. Она была такою же сосредоточенною, молчаливою, какъ Ричардъ. Но робость женщины даже самой конфузливой не похожа на робость мужчины, такъ какъ, несмотря ни на что, женщина сохраняетъ увѣренность въ своей привлекательности. Къ тому же, эта дѣвушка не любила еще, тогда какъ молодой человекъ, весь охваченный страстью, не могъ вымолвить ни слова. Волненіе было такъ сильно, такъ искренно, что оно сообщилось и молодой дѣвушкѣ, и оба они съ минуту стояли молча, неподвижные и растерянные.

Къ счастью, корбѣйльская дорога, лежавшая подъ окнами пріемной, помогла имъ выйти изъ неловкаго положенія. Сиротка знала эту дорогу во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ, такъ какъ, подобно Ричарду, цѣлыми часами смотрѣла на нее изъ окна. Они заговорили объ этой дорогѣ, точно о фееріи, которую оба они видѣли на сценѣ, про которую вспоминаютъ, перебирая ея перипетіи и дѣйствующихъ лицъ. О, тачка стараго Робена и маленькіе Робены, очень выросли они теперь, но имъ на смѣну являются другіе маленькіе Робены, донашиваютъ рваные панталончики и заплатанные рукава старшихъ. А маленькій горбунъ, торгующій обувью, а турокъ въ шубѣ, являющійся съ своимъ медвѣдемъ, котораго Лидія такъ боялась, когда была маленькою, боялась, впрочемъ, меньше, чѣмъ старика Жоржа и его длиной палки. Чѣмъ только объяснить странную блажь этого ужаснаго бродяги, упорно слѣдовавшаго за

воспитанницами во время прогулки лишь тогда, когда Лидія была въ ихъ числѣ? Она даже по ночамъ бредила имъ, по четвергамъ не осмѣливалась уже и выходить. Наконецъ, чтобъ избавиться отъ сумасшедшаго старика, принуждены были пригрозить ему жандармами.

— Знаете, мадемуазель Лиди, вѣдь, живъ еще старый Жоржъ.

— Знаю, мосьё Ричардъ, но теперь я уже не боюсь его, хотя онъ попрежнему ходить съ своею огромною палкой и, встрѣчаясь со мною, бормочетъ что-то на своемъ эльзасскомъ нарѣчїи, котораго я не понимаю.

А вотъ кого уже давно не видно—пирожницы изъ Суази, доброй, старенькой бабушки, сгорбленной и всегда такой чистенькой, проходившей этою дорогою по воскресеньямъ въ большомъ бѣломъ фартукѣ и съ корзиной, покрытой бѣлою салфеткой, изъ-подъ которой пахло вкусными горячими пирогами. Несмотря на свои годы, старушка обходила Суази, Узелли и даже Дравейль, и очень гордилась тѣмъ, что пирожки ея покупаютъ въ замкѣ Фенигановъ. Когда она заходила въ прїютъ и воспитанницы обступали ея корзину, добирались до отложеннаго въ сторонку лакомства, старушка говорила съ отгнкомъ почтенія: «Не трогайте, мадемуазель... это съ ванилью, для мосьё Ричарда». Исторія о пирожкѣ съ ванилью, которую Лидія вспоминала очень забавно, продѣлывая старомодные реверансы торговки, смѣшила обоихъ до слезъ. Но дѣвушка не давала того, что и она раздѣляла тогда благоговѣнне старушки передъ булкой съ ванилью, передъ самимъ мосьё Ричардомъ и передъ всѣми обитателями замка. Женщина, какъ бы молода ни была, всегда держится на-сторожѣ и умалчивается о своихъ затаенныхъ впечатлѣнїяхъ, въ особенности о такихъ, которыя она испытала наиболѣе живо. И Лидія не сказала также ничего о тѣхъ впечатлѣнїяхъ, которыя оставляли въ ея дѣтской душѣ посѣщенія по четвергамъ Узеллей, гдѣ высокія деревья и роскошная зелень лужаекъ плѣняли ея широко раскрытые глаза не менѣе, чѣмъ богатые обои и обстановка комнатъ нижняго этажа, видная съ крыльца. Откуда могла явиться у нищей дѣвочки эта склонность къ роскоши и слишкомъ рано проявившіеся аристократическіе инстинкты? Почему изъ безконечнаго разнообразія всего, видѣннаго ею на большой дорогѣ, ничто не заставляло такъ биться ея сердечко, какъ мчащіеся на станцію желѣзной дороги экипажи, блестящіе, украшенные гербами, запряженные четвериками, съ сидящими на козлахъ напудренными жучерами и лакеями? Не было ли основанія вѣрить тому, что говорили монахини, будто Лидія родилась, повидимому, въ ка-

комъ-нибудь сосѣднемъ замкѣ и въ недалекомъ будущемъ раскроется тайна ея происхожденія на свѣтъ, — восхитительный аристократическій романъ? Этимъ объясняли, по крайней мѣрѣ, добрыя монахини то радостное «да», которымъ отвѣтила на предложеніе Ричарда молодая дѣвушка наканунѣ постриженія, предпочитая опасный свѣтскій шумъ бѣлому монашескому головному убору, который такъ прекрасно шелъ бы къ ея яснымъ глазамъ и наввно-чистому лицу.

Вѣнчаніе происходило въ монастырской капеллѣ въ субботу, по деревенскому обыкновенію. Но корбейльская дорога, — насколько могъ помнить старый шоссейный сторожъ, — никогда еще не видала такой свадьбы. Всѣ старые кліенты конторы Фенигана, начиная съ фермера изъ Бержери и кончая владѣльцемъ Гробурга, присутствовали въ церкви, отдавая тѣмъ послѣднюю дань уваженія памяти деревенскаго нотаріуса, честнаго человѣка такого типа, который сталъ очень рѣдкимъ въ наше время. Передъ вереницей экипажей, слѣдовавшихъ за каретой новобрачной, лежала широкая и гладкая дорога, вся залитая блескомъ чуднаго іюньскаго солнца. На поворотѣ къ Суази, не доѣзжая сиротскаго пріюта, гдѣ епископъ ждалъ молодую чету, дорога поднималась въ гору, все выше и выше и терялась вдали, точно тонула въ небѣ, безконечно голубомъ, чистомъ, безъ одинаго облачка.

«Я буду дѣлать изъ нея все, что захочу», — порѣшила мать Ричарда, и этимъ вполне объяснялось ея согласіе принять въ домъ дѣвushку безъ приданаго, безъ имени, блѣдную и нѣжную бѣлоручку. Совершенно противоположный типъ представляла собою женщина, которую метръ Фениганъ называлъ «добрымъ тираномъ». Дѣятельная, энергичная, погромыхивающая при каждомъ движеніи связкою ключей, которыхъ было ровно столько же, сколько замковъ въ домѣ, мадамъ Фениганъ въ пятьдесятъ пять лѣтъ, во времени женитьбы сына, имѣла видъ сорокалѣтней женщины. Ея гладкіе черные волосы, ничѣмъ не прикрытые, незнакомые ни съ какими модными прическами, были неизмѣнно такими же черными, какъ ея глаза, маленькіе, быстрые и добрые, но добрые по-янсенистски, спокойно, безъ нѣжности. Нужны были какія-нибудь совершенно исключительныя обстоятельства для того, чтобъ она поцѣловала сына, котораго любила, однако, больше всего въ мірѣ.

— У насъ въ семьѣ не любятъ этихъ нѣжностей, — говорила она очень охотно.

Кромѣ того, привычка жить вдовою, какъ ей угодно, развила въ ней потребность властвовать. При такомъ ничѣмъ не сдержива-

ваемою деспотизмъ, она съ перваго же дня очень плохо принялась за свою сноху.

Начать съ того, что она высказалась противъ путешествія новобрачныхъ. Ричардъ ни на какой поѣздкѣ не настаивалъ. Была бы только жена съ нимъ, а здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, до этого ему было мало дѣла. Его чрезмѣрная робость ужасалась даже передъ всякою переменною мѣста, передъ гостиницами, табльд'отами, необходимою разговаривать съ незнакомыми людьми тамъ, гдѣ онъ никогда не бывалъ. И, наоборотъ, путешествіе представлялось Лидіи какимъ-то идеаломъ дозволеннаго счастья. Въ замкнутой монастырской жизни она только одного и желала — посмотреть другія страны, уѣхать далеко-далеко за этотъ холмъ, что лежитъ напротивъ, спуститься съ него, переѣхать черезъ другой, и такъ — докуда глазъ хватаетъ.

— Это отъ того, что я слишкомъ много смотрѣла на дорогу, — говорила она во время долгихъ бесѣдъ съ женихомъ и признавалась ему въ томъ, что такъ и тянетъ ее на просторъ и что ей случалось завидовать самой жалкой колымагѣ фигляровъ, ихъ ужинамъ гдѣ-нибудь у канавы, ихъ приваламъ въ тѣни запыленныхъ деревьевъ. Очарованный разгорѣвшимся отъ восторга личикомъ онъ общался: «Мы поѣдемъ путешествовать, Лидія». И чего бы онъ ни общался въ такую минуту! Теперь онъ ничего не говорилъ, находилъ возраженія, повторяемые матерью, основательными... Развѣ въ ея время путешествовали новобрачные? Ничего не можетъ быть опаснѣе. Сколько несчастныхъ молодыхъ женщинъ заплатили жизнью за эту дурацкую выдумку! «И если бы вы знали, моя милочка, какая это пытка для толико что вышедшей замужъ, — и стыдно-то, и неловко... Повѣрьте мнѣ, откажитесь отъ такой затѣи». Лидія не настаивала. Но подавленное желаніе надолго оставило въ ея душѣ недоброе чувство. Вначалѣ, изъ благодарности расположенная къ свекрови, она вдругъ очутилась точно въ тюрьмѣ у нея, только и думала, какъ бы вырваться на свободу. Что же касается мужа, котораго она готова была полюбить и котораго видѣла теперь постоянно съ опущенною головою, съ прячущимися глазами, прижженнымъ, безпомощнымъ, какъ ребенокъ, подъ своею огромною бородой, то его она стала презирать, привыкла ни въ чемъ не рассчитывать на его помощь.

Молодые поселились въ старомъ павильонѣ, а кушали въ замкѣ у *мадамъ*, какъ всѣ титуловали старую хозяйку. Сидя за столомъ на хозяйскомъ мѣстѣ, мадамъ, по-старинѣ, разрѣзала кушанья, наливала чай, кофе, вино. Покончивши завтракать, супруги исче-

зали. Вначалѣ мать пыталась задержать сноху, посвятить ее въ многочисленныя обязанности хозяйки дома, столь сложныя въ деревнѣ, гдѣ воровство такъ и гнѣздится повсюду, — въ саду, на кухнѣ, на скотномъ дворѣ, все хозяйство охватываетъ цѣлою сѣтью плутней и обмановъ. Но Лидіи настолько скучными казались рассказы о домоводствѣ, Ричардъ сидѣлъ, потупившись, такъ забавно удрученный, что мать отпускала ихъ и, покоряясь необходимости, принималась сама считать груши, подбирать опадающіе фрукты, караулить корзины, въ которыхъ переносили ихъ, и осматривать опустошенія, производимыя бѣлками, ужасными бѣлками, менѣе вороватыми, однако, чѣмъ садовникъ, сваливавшій на нихъ всю вину. Погруженная въ свои хлопоты, мадамъ Фениганъ раздумывала о томъ, какъ ошиблась она въ долговязой, беззаботной снохѣ, которою надѣялась распорядиться, какъ вздумается. При своемъ кажущемся перерожденіи, Лидія оставалась прежнимъ «дьявольскимъ цыганенкомъ», въ душѣ беспорядочною и своевольною. Сопровождать мужа на охоту, на рыбную ловлю, помогать ему снаряжать патроны представлялось ей не въ примѣръ занимательнѣе, чѣмъ сидѣть за шитьемъ и вышиваньемъ.

— Надо же вамъ, моя милая, учиться быть хорошею хозяйкой.

— Для чего, мадамъ, когда у меня нѣтъ хозяйства, а въ домѣ вамъ угодно принимать всѣ заботы на себя?

— Но, вѣдь, не вѣчно же я буду при васъ.

Такия пререканія, очень частыя между ними, неизмѣнно повторялись въ коляскѣ, возившей ихъ разъ въ недѣлю въ Борбейль, и дѣлали еще противнѣе Лидіи нескончаемую прогулку по старинному маленькому городку, съ остановками на рынкѣ, гдѣ мадамъ Фениганъ упорно доискивалась распознать овощи и фрукты своего сада.

— Посмотрите, развѣ это не наши дыни?... А эти армянскіе огурцы! Ихъ только и выводятъ въ Гробургѣ и у насъ... Я убѣждена, что все это — все краденое.

И опять начиналась та же вѣчная исторія о корзинахъ, наполненныхъ фруктами и исчезающихъ у хозяйки изъ-подъ носа, улетающихъ черезъ загородку сада, несмотря ни на какой надзоръ. Въ счастью, молодая женщина, при поѣздкѣ туда и обратно, находила себѣ развлеченіе въ воспоминаніяхъ, никогда не надѣждавшихъ Лидіи, мелькавшихъ передъ нею на этой дорогѣ, подъ шумъ колесъ. Она переживала про себя то время, когда совсѣмъ маленькою дѣвочкой бѣгала тутъ въ пелеринчкѣ и въ шляпѣ съ голубыми лентами, а, проѣзжая по главной улицѣ Суази-су-Этуаль, без-

родная сирота каждый разъ испытывала приливъ тщеславной радости при видѣ монастыря, гдѣ она выросла.

Вечеромъ послѣ обѣда всѣ сидѣли вмѣстѣ въ гостиной. Ричардъ, попрежнему, сражался съ матерью въ шахматы, но его постоянно развлекала игра Лидіи на фортепіано.

Этотъ дикарь страстно любилъ музыку и никогда не слыхивалъ ее иначе, какъ въ исполненіи обожаемой женщины, — двойное наслажденіе совершенно опьяняло его. Его взглядъ каждую минуту скользилъ отъ шахматовъ къ изящному профилю музыкантши, къ ея рукамъ, бѣлизною превосходившимъ клавиши. Когда же движеніе, призывъ ревниваго нетерпѣнія матери заставляли его вернуться къ шахматамъ, онъ разсѣянно передвигалъ какую-нибудь фигуру, неумѣло подпѣвая басомъ сонату, которую играла Лидія.

— Да замолчи, Ричардъ, это несносно! — кричала мать.

Но сколько же разъ онъ принимался за то же до десяти часовъ, этого неизмѣнно установленнаго срока тушить огни въ замкѣ!

Существовало еще одно обязательство, которому молодые супруги подчинялись крайне неохотно. Такъ хорошо было бы погулять внѣ усадьбы, по дорогѣ, освѣщенной луной, или въ лѣсу, подъ шелестъ березъ, облитыхъ волшебнымъ серебристымъ свѣтомъ. Но нѣтъ, всѣ ворота и калитки на заперѣ, всѣ влючи повѣшены у изголовья хозяйки. Если же Ричардъ и Лидія запаздывали на свѣжемъ воздухѣ парка, Атось и Портось, два огромныхъ сторожевыхъ пса, лаяли такъ долго и громко, что гуляющіе предпочитали сидѣть у себя дома.

Одно изъ оконъ павильона, а именно окно уборной, выходило на равнину Вильневъ-Сень-Жоржъ, въ ту сторону, гдѣ находится Парижъ. Тусклое отраженіе свѣта на темномъ небѣ неясно обозначало мѣсто громаднаго города. По вечерамъ Лидія долгія минуты проводила у этого окна, гипнотизируемая манящимъ заревомъ. О, Парижъ! Какъ близко онъ, всего семь-восемь лье, и какъ недосыгаемъ для нея! Еще одно изъ тиранствъ мадамъ Фениганъ. «Зачѣмъ вамъ ѣхать въ Парижъ, моя милочка? Развѣ я ѣзжу туда? Развѣ мой сынъ ѣздилъ до васъ?» Лидія ничего не отвѣчала, даже негодовать перестала на несправедливый деспотизмъ, лишившій ее всякаго удовольствія, котораго жаждали ея молодость и здоровье. Но Ричарду очень слѣдовало побаиваться тѣхъ взглядовъ, которые она порою устремляла на этотъ свѣтъ волкана, мечтательно забываясь у открытаго окна.

Разъ, впрочемъ, предубѣжденія мадамъ Фениганъ уступили настояніямъ сосѣдей изъ Гробурга. Собственники лѣсовъ, близъ ко-

торыхъ расположено село Узелли, Алькаптары, гдѣ открытію охоты неизмѣнно приглашали Ричарда, знавшаго весь лѣсъ не хуже любого браконьера. Ему стоило только пройти свой паркъ, отворить калитку, и онъ могъ явиться первымъ на сборный пунктъ охоты по фазанамъ. Въ первый годъ послѣ его женитьбы, утромъ, въ день открытія охоты, генераль и его гости увидали поджидавшаго ихъ Фенигана стоящимъ рядомъ съ хорошенькимъ охотникомъ въ зеленомъ бархатномъ костюмѣ, въ гетрахъ, въ сапогахъ, въ тирольской шляпѣ на чудесныхъ пепельныхъ волосахъ. «Моя жена, генераль!» — сказалъ Ричардъ, представляя Лидію. Она была такъ восхитительно молода и стройна, такъ задорно интересна, что генераль не отходилъ отъ нея во все время охоты, усадилъ съ собою рядомъ за завтракомъ въ лѣсу. Прощаясь, онъ настоятельно просилъ Ричарда пріѣхать въ Гробургъ съ женой. Мадамъ Фениганъ возстала противъ этого визита. Со смерти нотаріуса сосѣди не бывали другъ у друга. Генераль женился на единственной дочери барона Сильва, богатаго вѣнскаго банкира, и ея огромное приданое пришлось очень встать, чтобы освободить отъ долговъ майоратъ Гробурга, спасти отъ разоренія семью мотовъ Довернь, изъ рода въ родъ кутилъ и игроковъ. Гордая австріячка считала Фенигановъ слишкомъ мелкою сошкой для себя. «Особливо со времени женитьбы Ричарда», — добавляла его мать, никогда не пропускавшая случая осадить непокорливую сноху, напомнить Лидіи ея происхожденіе. Вдругъ, въ началѣ зимы, получается письмо генерала-герцога съ приглашеніемъ отъ имени герцогини госпожѣ Фениганъ и молодымъ супругамъ провести вечеръ въ ихъ ложѣ въ Оперѣ на какомъ-то дебютѣ, назначенномъ черезъ двѣ недѣли. Мадамъ Фениганъ, очень польщенная на этотъ разъ, посоветовала дѣтямъ принять приглашеніе.

— Миѣ это уже не подѣ лѣта, а вамъ-то... понимаете, Лидія, вы должны ѣхать. Я плачу за хорошее платье для васъ.

— Благодарю васъ, шатап, — отвѣтила, краснѣя отъ удовольствія, Лидія, давно уже называвшая свекровь не иначе, какъ «мадамъ».

Двѣ недѣли молодая женщина провела точно во снѣ. Заказъ платья въ Парижѣ сдѣлалъ необходимыми поѣздки, потомъ присутствіе въ домѣ Фенигановъ модистки, изящно одѣтой, съ увядшимъ, истрепаннымъ лицомъ, засыпающей на первомъ попавшемся стулѣ, какъ бы изъ непреодолимой потребности наверстать недоспавшее. Эта проблематическая особа вдоль и поперекъ знала парижское общество и, примѣривая платье, выбалтывала всю скандальную подноготную Гробурга: генераль, какъ безумный, бѣгаетъ за всѣ-

ми женщицами, герцогиня почти не ревнуетъ его, вся поглощена страстью къ сыну и къ деньгамъ. За модисткой явился парикмахеръ, не корбейльскій, которымъ Лидія удовольствовалась на своей свадьбѣ, а парижскій парикмахеръ, рекомендованный модисткой.

Когда, послѣ столькихъ хлопотъ и стараній, Лидія очутилась въ большой ложѣ, одѣтою въ платье «Empire», съ обнаженными руками и плечами, передъ ярко освѣщенною залой, впечатлѣніе у безродной подкинутой пріютки, до двадцати четырехъ лѣтъ не видавшей театра, получилось неопишное, до безумія взбудоражившее всѣ ея нервы. Глазамъ больно было, — такъ они у нея разгорѣлись и блестяли. Чтò происходило на сценѣ, чтò тамъ пѣлъ небольшой толстенькій человекъ, чтò игралъ оркестръ, звуки котораго то разрастались, то слабѣли въ гармоническихъ переливахъ, — все это исчезало для Лидіи за біеніемъ ея пульса и висковъ. Она не слышала даже дерзваго привѣтствія герцогини, маленькой женщины съ веснучатымъ лицомъ, съ желтыми волосами, съ овечьимъ профилемъ и длинною шейю, обвитою тремя рядами жемчуга, такого крупнаго, какова Лидія никогда не видала.

Вдругъ она была рѣзко выведена изъ этого забытья, сладко укачивающаго ее, въ которомъ она носилась подобно медузѣ, утрачивающей свой переливчатый блескъ, какъ только ее вынуть изъ воды. Генераль, сидѣвшій позади Лидіи, уже не разъ наклонялся, чтобы оглянуть залу, и концами своихъ длинныхъ рыжихъ усовъ щекоталъ хорошенькое плечо сосѣдки. Затѣмъ она почувствовала, что ея руку схватила и сжимаетъ желѣзная, пылающая перчатка. Вначалѣ Лидія оскорбилась, пробовала высвододиться, но перчатка сопротивлялась, крѣпко держала маленькую гибкую ручку, обезсиленную, наконецъ, этимъ влюбленнымъ и грубымъ пожатіемъ. У Лидіи голова кружилась. «Какова дерзость! Какъ онъ сжимаетъ, какъ жжетъ меня! Непремѣнно замѣтятъ... герцогиня... мой мужъ»... Всего же больше приводила ее въ ужасъ невозмутимая наглость генерала, спокойно говорившаго о какихъ-то пустякахъ. Въ первый разъ являлось передъ нею свѣтское притворство и глубоко возмущало ея душу, пока еще честную. Почему, при первомъ движеніи герцогини, поднявшейся задолго до конца оперы и проговорившей громко, немного въ носъ: «Не могу больше, уѣдемъ!» — почему герцогъ тотчасъ же всталъ съ мѣста и тоже ушелъ въ срединѣ акта, бросивши изумленную и негодующую ручку такъ же безцеремонно, какъ захватилъ ее? «А, хорошо же... пусть-ка господинъ герцогъ д'Алькантара въ другой разъ попробуетъ ломать мнѣ руку цѣлый вечеръ... я его отдѣлаю». И, оставшись одна съ Ричардомъ, тихо си-

дѣвшимъ въ глубинѣ ложи, Лидія, подѣ громъ оркестра и вопли хора, обдумывала, какъ ей отдѣлать генерала, — она была убѣждена въ томъ, что на этомъ герцога не покончить.

Когда они сѣли въ карету, по окончаніи представленія, Лидія, очень возбужденная и взволнованная непривычною ей толпою, разумѣется, блескомъ электричества, всѣмъ оживленіемъ парижской ночи послѣ спектаклей, сказала мужу: «Не поужинать ли намъ?» — Ричардъ удивленно посмотрѣлъ на жену. Съ чего ей пришла въ голову такая фантазія? А ихъ поѣздъ, единственный ночной поѣздъ въ двѣнадцать часовъ пятьдесятъ минутъ, который еще застать надо на Лионскомъ вокзалѣ? Они едва успѣютъ доѣхать. «Э, ну его этотъ поѣздъ!... Мы ночуемъ въ гостиницѣ», — и, въ то же время, она обвила вокругъ его шеи такія нѣжныя руки, прильнула къ его губамъ такимъ небывало сладкимъ поцѣлуемъ, что бѣдный мужъ избавилъ ее отъ обычнаго: «что скажетъ мама?» — и просто отвѣтилъ: «Ноѣдемъ ужинать».

Чтобы все уже было для молодой женщины непредвидѣннымъ въ эту ночь, ея спутникъ, обычно робкій до того, что не осмѣливался одинъ войти въ магазинъ, ни заговорить съ прикащикомъ, проявилъ поразительную самоувѣренность и веселость, говорилъ «ты» слугамъ ночного ресторана, пилъ шампанское, не стѣсняясь, оказался такимъ мужемъ, какого она никогда не знала и какого впредь ей никогда не суждено было видѣть. Онъ былъ разговорчивъ и экспансивенъ, клялся каждый мѣсяцъ устраивать такой же маленькій кутежъ, а если мамаша вздумаетъ что-либо возражать, то отправить маменьку къ ея бѣлкамъ, да!... такъ-таки прямехонько. Въ два часа ночи молодая чета путешествовала въ фіакрѣ по Парижу, ища пристанища, такъ какъ въ нѣкоторыя гостиницы ихъ не пустили, принимая за подозрительную парочку, что очень смѣшило обоихъ. Наконецъ, они пріютились въ улицѣ Монмартръ и сохранили объ отведенной имъ огромной комнатѣ съ облупленнымъ поломъ, съ продранною мебелью, неизгладимо-чуждое воспоминаніе.

Но на слѣдующій день надо же было вернуться въ Узелли. Слуги говорили шепотомъ, лица у всѣхъ были убитыя. «Мадамъ» лежала въ постели, больная, прождала всю ночь до утра. Цѣлую недѣлю потомъ она не выходила въ гостиную, и если простила Ричарду его продѣлку, то со снохой никогда уже не помирилась. Лидія попробовала разъ или два напомнить мужу про ихъ поѣздку, но бѣдняга приходилъ въ такой забавный ужасъ, такъ съеживалось все его лицо подѣ большущей бородой, когда онъ шепталъ: «Да, вѣдь, это уморить мамашу!» — что молодая женщина, изъ жалости къ

его безсилію и изъ презрѣнія также, отказалась и отъ повторенія ихъ праздника, и отъ воодушевленнаго смѣлостью и рѣшимостью, блестящаго, влюбленнаго мужа, котораго она любила одну только ночь, всего одну ночь.

О генералѣ, съ его попытками на ухаживаніе, и слуха не было, — ни письма, ни визита. И мысль, что старый волокита, съ выцвѣтшими глазами и багровымъ румянцемъ, цѣлый вечеръ потѣшался надъ нею, счелъ ничего большаго не стоящею, казалась Лидіи настолько оскорбительною, что ей хотѣлось бы отомстить ему или пожаловаться на него. Но какъ это сдѣлать съ такою тряпкой, какъ ея мужъ? Только лишнюю досаду прибавлять ко всему прежнему и прятать ее въ душѣ, вмѣстѣ со многими печальными или унижительными воспоминаніями, какъ запрятано въ сундукъ ея платье, сшитое знаменитымъ портнымъ для одного вечера и никогда потомъ ненадѣванное, на которое она даже не посмотрѣла, чтобы не травлять горькихъ сожалѣній.

— Знаете, какое несчастье въ Гробургѣ?—спросила однажды вечеромъ Розина, разувая свою госпожу.

Генераль, уже нѣкоторое время разнемогавшійся вслѣдствіе паденія съ лошади, которое хотѣли скрыть, только что перевезенъ въ свое помѣстье разбитый параличомъ. Розина Шюшенъ узнала объ этомъ отъ мосье Александра, бывшаго эконома въ Гробургѣ, жившаго на проценты съ своихъ капиталовъ въ Узелляхъ, завитаго щеголя и отчаяннаго сердцеѣда, несмотря на свои лѣта и крашенные волосы. При такомъ извѣстіи, объяснявшемъ все, Лидіи уже не осталось никакого иного чувства, кромѣ большой жалости къ герою, сраженному въ разцвѣтѣ силъ, гордости, сремленій къ славѣ и почестямъ.

Немного времени спустя Ричардъ и Лидія ходили по лѣсу и на заросшей травомъ дорогѣ, шириной какъ разъ въ экипажный ходъ, встрѣтили на половину закрытое ландо, въ которомъ уныло сидѣлъ высокій старикъ, совсѣмъ сѣдой, неподвижный, погруженный въ думу, рядомъ съ молодымъ человѣкомъ въ очкахъ. «Видѣла, генераль?»—тихо проговорилъ Ричардъ, котораго никогда не обманывали его зоркіе глаза охотника. Генераль, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, усами, съ восковымъ цвѣтомъ лица, съ немощно лежащими руками! Лидія глазамъ не вѣрила. Но никакого сомнѣнія не могло оставаться, когда она увидала въ двадцати шагахъ отъ экипажа герцогиню, идущую тою же дорогой подъ руку съ сыномъ, княземъ Ольмицкимъ, хорошенькимъ, безбородымъ и розовымъ юношей лѣтъ пятнадцати-семнадцати. Сильно измѣнилась и герцогиня со времени

ихъ встрѣчи въ Оперѣ, въ особенности же измѣнились ея тонъ и манеры. Она представила милымъ сосѣдямъ князя, своего сына, котораго зовутъ Шарлексисъ, слитыми въ одно именами его дѣда и отца: Шарль, Алексисъ. Учитель, сидѣвшій съ генераломъ въ ландо, подозвалъ молодого человѣка. Мать воспользовалась этимъ и заговорила свободнѣе. Бѣдному мальчику не весело живетъ въ Гробургѣ, а болѣзнь генерала вынуждаетъ всю семью провести здѣсь все лѣто. На бѣду случилось такъ, что ея отецъ заболѣлъ въ Вѣнѣ и ей необходимо поспѣшить къ нему. Поэтому она обращается ко всѣмъ друзьямъ и сосѣдямъ съ просьбой почаще бывать въ Гробургѣ, чтобы хоть немного поживѣ было вокругъ больного и развлекался бы Шарлексисъ, тоскливо переходящій отъ своего класнаго стола къ креслу недвижимаго отца. Было бы, поистинѣ, добрымъ дѣломъ со стороны Ричарда и его прелестной жены брать его съ собою на ихъ прогулки верхомъ, въ лодкѣ. Милый мальчикъ такъ любитъ всѣ удовольствія спорта, которыхъ, къ сожалѣнью, не могутъ доставить ему ни его отецъ, ни его учитель.

— Вы будете иногда брать его съ собой, не правда ли?

По мшистой зеленой дорогѣ къ нимъ подходилъ князь, изящный и стройный, гордо поднявши кудрявую русую головку, и улыбки трехъ собесѣдниковъ говорили:

«Какъ онъ милъ!»

Издали, обращаясь къ герцогинѣ, онъ сказалъ:

— Добрая вѣсть, матушка... Увидавши мадамъ Ричардъ недалеко отъ ландо, генералъ узналъ ее и внятно выговорилъ ея имя. Это первое слово, которое ему удалось собрать. Мой учитель подозвалъ меня, чтобы сообщить объ этомъ.

Лидія Фениганъ почувствовала, какъ розовѣетъ ея лицо, что придало ей необыкновенный блескъ юности и свѣжести. Герцогиня пожала руку молодой сосѣдки и проговорила:

— Вотъ видите, ваше присутствіе чуда дѣлаетъ. Я очень разсчитываю на васъ обоихъ.

Съ этого дня, благодаря Шарлексису, установилась связь между Гробургомъ и Узеллями. Станный мальчикъ, изысканно вѣжливый и невозмутимый, съ такимъ же интересомъ слушалъ исторіи мадамъ Фениганъ о грабительствахъ бѣлогъ и садовниковъ, съ какимъ принималъ участіе въ кокетливости мадамъ Лиди, которой онъ давалъ совѣты относительно ея нарядовъ, шляпъ, бѣлья. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то отчаянный, сорви голова, любящій и ищущій опасности, тревожащій Ричарда своими безумствами, которыхъ онъ продѣлывалъ съ обычнымъ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ не-

измѣннымъ каменнымъ жесткимъ взглядомъ, сверкающимъ и непроницаемымъ. Добрый онъ или злой? Этого никто не зналъ. «Я не понимаю его»,—говорилъ учитель юноши, Жанъ Метцеръ. Правда, такой наставникъ, бывший профессоръ Лозаннскаго университета, который онъ покинулъ вслѣдствіе болѣзни горла, оказывался плохимъ знатокомъ людей, болѣе знакомымъ съ книгами, чѣмъ съ живыми существами. Теперь онъ поправлялъ свое здоровье этимъ деревенскимъ урокомъ, соединеннымъ съ удовольствіями долгихъ прогулокъ въ экипажѣ и занятій музыкой, вмѣстѣ съ Лидіей, такъ какъ Жанъ Метцеръ былъ превосходнымъ виолончелистомъ.

Гробургъ и Узелли понаслушались-таки за это время ноктурновъ и сонатъ. Длинный футляръ инструмента переправлялся черезъ рѣку въ лодкѣ старика Шюшена почти также часто, какъ и юный князекъ. По вечерамъ, во время нескончаемыхъ партій въ шахматы Ричарда съ матерью, нотариусъ изъ Дравейля, преемникъ Фенигана, старикъ Мериве, строитель церкви на шоссе, а иногда присоединявшіеся къ нимъ священникъ и членъ корбейльскаго суда составляли обычную аудиторію Лидіи и учителя. Вечеръ заканчивался угощеніемъ липовымъ цвѣтомъ, любимымъ напиткомъ старой хозяйки дома, подчивавшей имъ гостей, въ предупрежденіе простуды, передъ уходомъ ихъ среди ночи. Можно было подумать, что находишься за сто мь отъ Парижа, въ глухой провинціи, пришедшей къ незатѣйливой и правильной жизни.

Насколько же иными были для Лидіи музыкальные сеансы въ Гробургѣ! Происходили они послѣ полудня въ одной изъ обширныхъ и высокихъ пріемныхъ комнатъ нижняго этажа, обтянутой полосатою, зеленою съ золотомъ, шелковою матеріей, отдѣланною деревомъ со временъ Людовика XIII, когда построенъ самый замокъ, съ окнами-дверями, выходящими на огромную террасу передъ великолѣпнымъ французскимъ садомъ, грандіознымъ, залитымъ свѣтомъ, гдѣ подъ яркими лучами солнца сверкали мраморною бѣлизной статуи, вазы, балюстрады на фонѣ замыкающихъ садъ безконечныхъ шпалеръ подстриженныхъ канделябровидныхъ деревьевъ. Со времени болѣзни мужа и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей смерти отца герцогиня не жила въ Гробургѣ, занятая сложными хлопотами о наслѣдствѣ въ Вѣнѣ и въ Будапештѣ, и замокъ казался унылымъ и покинутымъ. При первыхъ звукахъ рояля и виолончели, дуло отдававшихся въ пустыхъ залахъ, слышалось легкое погрохиваніе катящагося по ковру кресла на колесахъ. Генераль, къ которому вернулись память и способность говорить, вся интеллектуальная жизнь, но который, повидимому, былъ приговоренъ къ

вѣчной неподвижности, приказывалъ подвозить себя къ роялю и цѣлые часы проводилъ, слушая Баха, Бетховена, Шумана. Нерѣдко Лидія украдкой брошеннымъ взглядомъ видала, какъ больной, подъ вліяніемъ дѣйствовавшей на его нервы музыки, запрокидывалъ голову на спинку своего кресла, стараясь сдерживать крупныя капли слезъ, проступавшія на его ввалившихся глазахъ. И каждый разъ видъ молчаливаго отчаянія, огромнаго несчастія, за-таенно оплакиваемаго въ этой роскошной и печальной обстановкѣ, сжималъ сердце молодой женщины нѣжною тревогой.

О томъ, что было въ Оперѣ, не было сказано ни слова, ни намека, ни имъ, ни ею. Иногда, оставшись наединѣ съ нею у рояля, онъ бралъ руку Лидіи, съ минуту держалъ ее въ своихъ дрожащихъ рукахъ. И эта немощная ласка, настолько непохожая на грубое сжиманіе, которымъ онъ томилъ ее цѣлый вечеръ, наполняло Лидію очень сладкою грустью. Долго это вводило ее въ заблужденіе, и, довѣрчиво отдаваясь чисто-платоническому чувству, она думала, что, сопровождая мужа въ Гробургъ, бываетъ тамъ ради больного. Но онъ первый увидалъ все ясно и въ раздраженіи ей объяснилъ:

— Вашъ мужъ, должно быть, не ревнивъ?

Она кокетливо улыбнулась.

— Къ кому же ревновать?

— Да къ мальчегнѣ, смѣю думать! Не видите вы развѣ, какъ онъ бродитъ вокругъ васъ, подкарауливаетъ на дорожкахъ сада, прислушивается къ шелесту вашего платья на поворотахъ въ аллеи?

Онъ говорилъ рѣзко и запинаясь отъ легкой афазіи, вернувшейся въ припадкѣ ревности. Лидія попыталась обратить все въ шутку. Вѣдь, онъ, просто, еще ребенокъ. Кто же думаетъ о женщинахъ въ семнадцать лѣтъ? Навѣрное, она должна ему казаться чѣмъ-то вродѣ бабушки. Но герцогъ стоялъ на своемъ, отрицательно качалъ головой, судорожно сжималъ руки на своихъ безжизненныхъ колѣняхъ.

— Берегитесь, мальчишка далеко не новичокъ. У него тамъ наверху цѣлый ящикъ набитъ письмами женщинъ. Скажите вашему мужу, чтобъ онъ попросилъ его показать. А, звѣренокъ рано началъ, умѣетъ подбираться къ женскимъ сердцамъ! У него, впрочемъ, какъ говорить его учитель, есть *кавата*.

Имѣтъ *кавату*, на языкѣ віолончелистовъ, значитъ владѣть смычкомъ съ тою плѣнительностью, которая сообщаетъ трепетъ глубокимъ звукамъ, заставляя дрожать струны и нервы слуша

телей. У юноши была *кавата*, и Лидія бессознательно поддавалась таинственному очарованію. Предупрежденная генераломъ, она рѣшила быть осторожнѣе. Но возможно ли это съ такимъ милымъ и нѣжнымъ мальчикомъ, почти неотлучнымъ и неопаснымъ? Они вмѣстѣ катались въ лодкѣ, на рыбной ловлѣ ихъ голыя руки сплетались въ тольбо что вынутыхъ изъ воды вершахъ. Цѣлыми часами они сидѣли на охотѣ въ засадѣ, рядомъ, прижавшись другъ къ другу, въ потемкахъ подъ деревьями. Разговоры велись чуть слышно, мелкій осенній дождь шелестилъ листьями. Мальчикъ забѣ, Лидія укрывала его половиной своего широкаго плаща. Окончательно успокоивало молодую женщину то, что Ричардъ былъ всегда не далеко и говорилъ про Шарлексиса: «Это нашъ сыночекъ», не замѣчая, какъ эти слова всякій разъ подновляютъ затаенное горе его жены, ея печаль о томъ, что нѣтъ у нихъ дѣтей. Добрякъ Ричардъ неловокъ былъ до геніальности и первый приходилъ въ восторгъ отъ безстрашной ловкости юноши. «На все онъ молодецъ!» — говорилъ про него Ричардъ. Но въ характерѣ Лидіи было столько правдивости и гордости, что это охраняло ее отъ банальной измѣны мужу. Для этого нужна была неожиданность, нѣчто непредвидѣнное, противъ чего женщина защищается плохо, не имѣя времени ни для колебаній, ни для разсужденій.

Разъ вечеромъ въ воскресенье, около конца сентября, обычные слушатели музыки были очень удивлены появленіемъ Жана Метцера безъ віолончели и безъ ученика. Учитель былъ сильно разстроенъ, голосъ измѣнялъ ему больше, чѣмъ всегда... Шарлексисъ уѣзжаетъ, завтра поступаетъ въ коллегію Станислава готовится къ экзамену въ Сень-Сиръ. Генералъ совершенно неожиданно порѣшилъ это, и молодой человекъ, послѣ короткаго и рѣзкаго объясненія съ отцомъ, шелъ проститься съ своими друзьями Фениганами, но вдругъ въ десяти шагахъ отъ ихъ дома онъ покинулъ учителя, сказавши, что слишкомъ тяжело у него на душѣ, и поручилъ всѣмъ передать его горе и увѣренія въ искренней дружбѣ. Въ залѣ послѣдовалъ общій взрывъ сожалѣній, нѣжныхъ словъ. Всѣ обожали милого князька. Мадамъ Фениганъ негодовала на генерала за то, что онъ такъ распоряжается въ отсутствіе герцогини.

— Всегда она въ отсутствіи! — ворчалъ обозлившійся Ричардъ, чуть не опрокидывая шахматный столикъ.

— А милѣйшій учитель Жанъ? — спросилъ Мериве, забывшій отъ волненія положить сахаръ въ свой липовый цвѣтъ. — Неужели мы и его лишимся?

Совершенно сдавленнымъ голосомъ учитель отвѣтилъ, что ему предлагаютъ остаться въ Гробургѣ въ качествѣ... въ качествѣ...

— Регента пѣвчихъ?—подсказалъ Мериве.

— Именно,—подтвердилъ бѣдняга, краснѣя отъ стыда.—И я соглашаюсь въ надеждѣ видать моего милаго ученика во время отпусковъ разъ въ мѣсяць.

— Какъ?—отозвались всѣ хоромъ.—Только разъ въ мѣсяць? Это варварство!

Лидія слушала молча, хотя болѣе всѣхъ была взволнована отъѣздомъ князя: она догадывалась, что есть въ томъ доля и ея вины, и если страстная ревность генерала разжигала ея гордость, то сжимающее сердце чувство, вызванное этою разлукой, не безъ основанія изумляло ее. Неужели, вправду, она любитъ этого мальчика? Но, въ такомъ случаѣ, что же такое ея флиртъ съ его отцомъ?... Пока она старалась разобраться въ своихъ сложныхъ чувствахъ, вечеръ тянулся уныло, а въ десять часовъ всѣ поднялись уходить. Ричардъ зажегъ большой фонарь и спросилъ:

— Лидія, пойдешь провожать маэстро Жана?

Ночь была очень темная, гудѣлъ вѣтеръ. Плохо закрѣпленный ставень погромыхивалъ объ стѣну. Почему Лидія, готовая во всякое иное время съ удовольствіемъ проѣхать по рѣкѣ, взбудораженной осеннимъ вѣтромъ, на этотъ разъ не приняла приглашенія мужа? Истинякъ ли, предчувствіе удержали ее, или простое желаніе остаться одной въ своей комнатѣ, подумать о неожиданномъ горѣ? Лидія сошла съ крыльца, вмѣстѣ съ гостями, проводила ихъ за ворота до дороги, потомъ направилась къ закрытому шпалерами ходу, въ концѣ котораго свѣтилась желтымъ пятномъ лампа, горящая въ нижнемъ этажѣ павильона. Молодая женщина шла тихо, точно во снѣ, а вѣтеръ крутилъ вокругъ нея юбку легкаго платья, гналъ массу сухихъ листьевъ, шелестъ которыхъ производилъ такое впечатлѣніе, будто кто-то слѣдуетъ за нею, крадется по пятамъ. Два или три раза она оглядывалась, слышала произнесенное шепотомъ свое имя:

— Лидія... Лидія...

Безъ малѣйшаго страха она протянула руки впередъ и пошла прямо къ скамейкѣ, откуда раздавался хорошо знакомый голосъ.

— Шарлей!... вы?...

Онъ уже два часа поджидалъ ее, караулилъ, чтобы проститься съ нею, съ нею одной. Какъ онъ дрожалъ, милый, бѣдный мальчикъ! Его голосъ обрывался отъ слезъ, отъ настоящихъ дѣтскихъ рыданій, которыя Лидія пыталась остановить, зажимая ему ротъ

рукой и кружевомъ накинутаю на голову косынки. Наконецъ, изъ опасенія, что его могутъ услыхать изъ павильона, она ушла съ нимъ въ глубину темнаго парка. Но скоро выпущенныя собаки начали свой ужасный лай.

— Въ избу, — тихо проговорилъ юный князекъ.

Избой называли маленькую кладовую для садовыхъ инструментовъ, которую Ричардъ приспособилъ для хранения своего оружія, приказавши выстрогать и отполировать потолокъ и сосновыя доски, облицовывавшія внутреннія стѣны, что, вмѣстѣ съ циновками, брошенными на полъ, и мебелью, покрытою восточными коврами, какъ будто походило на что-то русское.

О, если бы Лидія могла видѣть улыбку Шарлея, когда они входили въ избу, куда онъ предательски заманивалъ молодую женщину! Но, увлеченная заботой утѣшить его и успокоить, могла ли она заподозрить такое, не по лѣтамъ раннее, коварство? Дверь скрипнула, гонимые вѣтромъ листья слѣдомъ за ними пронеслись въ темноту вплоть до широкаго дивана, надъ которымъ красовался трофей изъ мечей съ блестящими рукоятками. Не слыша болѣе шаговъ, собаки смолкли.

Все время, что Шарлексисъ пробылъ въ коллегіи Станислава, въ этой избѣ происходили ихъ свиданія, опасныя и рѣдкія, разъ въ мѣсяць, ночью съ субботы на воскресенье, когда юноша пріѣзжалъ въ отпускъ. Какъ только всѣ укладывались спать въ Гроббургъ, князь переправлялся черезъ рѣку, перелѣзалъ черезъ стѣну сада, незамѣтно проскальзывалъ до кладовой, гдѣ оставался до разсвѣта, и тою же дорогой возвращался домой. Каждый разъ онъ рисковалъ жизнью. Съ своей стороны Лидія подвергалась еще болѣе опасностямъ, прокрадываясь изъ алькова, изъ общей супружеской спальни на свиданіе съ любовникомъ. Возвращаясь запыхавшеюся отъ бѣга, въ пеньюарѣ, измоченномъ росой или изморозью, она каждое утро ожидала, что на порогѣ павильона ее встрѣтитъ мужъ ужаснымъ вопросомъ: «Ты откуда?» Лидіи даже нравилась опасность: она какъ будто скрашивала низость измѣны, постоянного обмана, особенно возмущавшаго ее. Ей случалось даже выдумывать такія отчаянныя штуки, которыя, въ концѣ-концовъ, пугали самого юношу.

Въ одно изъ такихъ свиданій Лидія пожелала, чтобы Шарлексисъ, приглашенный къ нимъ завтракать на слѣдующее утро, остался ночевать въ избѣ на диванѣ, и утромъ принесла ему рубашку своего мужа, чтобы онъ не показывался въ измятомъ бѣльѣ. Было настоящимъ чудомъ, что ихъ не захватили сотню разъ, такъ

какъ слуги, за исключеніемъ Розины, дочери Шюшена, нанавидѣли безродную нищую, сдѣлавшуюся женою ихъ господина. Чего бы не дали они за то, чтобъ изловить ее на такомъ дѣлѣ! Нѣтъ, никто ничего не видалъ, ничего не подозрѣвалъ. Сторожевыя собаки, быть можетъ, знали кое-что, но ихъ свидѣтельство оказывалось невразумительнымъ. Одинъ только паралитикъ, генераль, сидя въ своемъ креслѣ, угадалъ все безъ тѣни шпионства. Теперь, когда Лидія являлась въ Гробургъ въ дни, назначенные для музыки, насмѣшливый и горькій взглядъ встрѣчалъ ее, преслѣдовалъ, стѣснялъ, въ особенности при учителѣ, котораго онъ могъ навести на подозрѣнія. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда не бывало въ комнатѣ ни учителя, ни Ричарда, больной ласкалъ ея руку и тихо, нѣжно укорялъ молодую женщину:

— Я васъ предупреждалъ, однако... Онъ не любитъ васъ и никогда не полюбитъ... А вышло вотъ что... Есть у него *кавата*, есть *кавата*...

Лидія притворялась ничего непонимающею, широко раскрывала красивые наивные глаза, но онъ упрямо продолжалъ настаивать. О своей страсти онъ говорилъ не иначе, какъ тономъ сожалѣнія о чемъ-то далекомъ и навсегда потерянномъ.

Разъ какъ-то онъ говорилъ:

— Изъ всего, чѣмъ мнѣ пришлось пожертвовать, что разбито и отнято у меня, я оплакиваю только васъ. И какъ подумаю, что вы принадлежите моему сыну... О!

Въ другой разъ:

— Когда онъ приходитъ отъ васъ, какъ онъ ни скрывается отъ меня, я угадываю это по его походкѣ, по запаху вашихъ духовъ. И это такое мученіе, такая пытка... Тогда я начинаю жалѣть, что не страдаю отъ болѣзни еще болѣе. По крайней мѣрѣ, боли отвлекли бы меня, я не сталъ бы думать непрерывно объ одномъ и томъ же, объ ужасной ревности, которая сводитъ меня съ ума.

Вначалѣ весны герцогиня пріѣхала за мужемъ, чтобы везти его въ Тироль на воды, про которыя чудеса рассказывали. Больной долженъ былъ выдержать двойной курсъ. Прикрывая свою ревность тѣмъ предлогомъ, что близятся экзамены и необходимы усиленные занятія, генераль рѣшилъ, что Шарлексисъ все это время проведетъ въ школѣ безвыходно, несмотря на предложеніе Ричарда брать къ себѣ молодого князя на время отпусковъ. Шарлексисъ покорился безъ малѣйшаго возраженія. Онъ давно мечталъ о большомъ путешествіи на яхтѣ вокругъ свѣта и, чтобы добыть денегъ для осуществленія своей затѣи, обратился къ содѣйствію

бывшаго метръ-д'отеля герцогини. Юноша предполагалъ пуститься въ плаваніе не въ одиночествѣ, а убѣдить Лидію ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и для этого ему достало о было написать ей нѣсколько довольно искусно сочиненныхъ писемъ, — ловко поиграть педалью на тѣхъ или иныхъ струнахъ женскаго сердца, всѣ вибраціи которыхъ были ему хорошо знакомы. Передъ бродяжническими и цыганскими инстинктами безродной сироты онъ развѣртывалъ панораму чудесъ и приключеній долгаго плаванія, раскрывалъ небо, невѣдомыя горизонты. Чтобы польстить ей тщеславію незаконнорожденной и зная романы, которые она измышляла о своемъ таинственномъ происхожденіи, Шарлексисъ писалъ ей: «Неужели текущая въ твоихъ жилахъ аристократическая кровь не возмущается въ этой средѣ отупѣлаго мѣщанства, низкаго сваредничества?» Несмотря ни на что, Лидія, все-таки, съ недовѣріемъ относилась къ нему, къ его молодости, задумывалась передъ отчаяніемъ его матери, передъ горькою усмѣшкой генерала. Одно ничтожное обстоятельство уничтожило ея колебанія.

— Кто вамъ это передалъ?—спросила она Розину, когда та утрадкой сунула ей первое письмо князя.

Горничная покраснѣла.

— Мосьё Александръ... вамъ это, однимъ вамъ...

Съ этой минуты Лидія почувствовала себя во власти дворни. Бывшій лакей, при встрѣчахъ съ Лидіей, строилъ таинственныя рожи сообщника. Она была поставлена въ необходимость дѣлать видъ, будто не знаетъ про его отношенія къ Розинѣ, такъ какъ ея собственный секретъ былъ въ рукахъ обоихъ. Рано или поздно, по ихъ неосторожности или по злобѣ, разразится скандалъ, лучше уже было не дожидаться этого. Она написала своему любовнику: «Когда захочешь». Отвѣтъ: «Завтра утромъ, въ пять часовъ, у лѣсной калитки».

Послѣдній день въ домѣ Фенигановъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ другихъ дней. Вечеромъ игра въ шахматы и музыка. Вернувшись въ павильонъ ровно въ десять часовъ, пока Ричардъ укладывался спать, Лидія въ своей уборной нацарапала нѣсколько строкъ свекрови, объясняя ей, что уходитъ изъ дому безъ денегъ, безъ чемодана и узла, лишь въ томъ, что на ней надѣто. «Вы взяли меня безъ ничего, безъ ничего я и уйду... Я была въ тюрьмѣ, — убѣгаю на свободу». Она сняла совсѣмъ новый пенъваръ изъ голубаго фуляра съ гипюромъ и швырнула его Розинѣ, къ неописуемому изумленію горничной.

— Мадамъ дарить мнѣ?

— Да, возьмите.

Затѣмъ она преспокойно легла, проспала до разсвѣта, когда мужъ отправился на рыбную ловлю и ровно въ пять часовъ была въ дальней части парка у калитки, растворенной настежь, но не передъ ожидаемымъ экипажемъ, а передъ телѣгой торгаша, на которую садовники укладывали корзины съ овощами и фруктами. Вотъ такъ бѣгли!...

Появленіе Лидіи произвело чисто-сценическій эффектъ. Телѣга исчезла въ лѣсу, садовники—въ чащѣ парка, на мѣстѣ осталась лишь одна корзина, забытая у калитки. Какъ бы расхохоталась бѣглянка, если бы для нея самой этотъ моментъ не былъ настолько драматиченъ! Но она спѣшила къ скрытой на половину деревьями каретѣ, запряжка и кучеръ которой были ей хорошо знакомы. Изъ канавы на встрѣчу Лидіи поднялся старый бродяга. Въ этомъ грязномъ и оборванномъ нищемъ съ всклокоченною бородой молодая женщина узнала старика Жоржа, наводившаго на нее такой ужасъ во время ея дѣтства. Она тотчасъ же рѣшила отдать ему письмо къ свекрови.

— Снеси это туда въ домъ.

Онъ взялъ письмо и не двинулся съ мѣста, склонивши набокъ голову и загоразивая дорогу красавицѣ, съ которой не спускалъ своихъ часто мигающихъ глазъ. Она подумала, что онъ ждетъ платы за данное ему порученіе.

— У меня нѣтъ денегъ, тебѣ тамъ заплатятъ

Онъ, повидимому, не понявъ, продолжалъ стоять неподвижно и только шевелилъ губами какія-то невнятные слова. И только когда Лидія отстранила его рѣзкимъ движеніемъ, чтобы пройти, и скрылась за кустарникомъ на поворотѣ, онъ повернулъ въ противоположную сторону и побрелъ съ глухимъ рычаніемъ, похожимъ на стонъ, по вырвавшійся изъ сдавленнаго горла.

IV.

Ревность.

Противъ павильона, на углу дороги въ Корбейль и переулка, ведущаго въ поле и спускающагося къ Сенѣ между виноградниками, стоитъ у стѣны стариннаго парка хорошо знакомый пѣшеходамъ фонтанъ-колонна съ привѣшеннымъ на цѣпочкѣ жестянымъ стаканомъ. Первый звукъ, дошедшій до Ричарда, когда онъ очнулся отъ безпамятства, продолжительности котораго онъ не могъ опредѣлить, былъ звонъ этого скакана, выпущеннаго изъ рукъ про-

хожимъ, только что напившимся изъ него. Услыхавши знакомый съ дѣтства звукъ, Ричардъ улыбнулся, открылъ глаза и съ своей постели, въ полутемной комнатѣ со спущенными занавѣсками, увидалъ отраженную на бѣломъ потолкѣ, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря, крошечную тѣнь путника, берущагося за свою сумку послѣ остановки у фонтана.

— О, дорога!—проговорилъ Ричардъ вслухъ, довольный такимъ возвратомъ сознания. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вернулось и воспоминаніе о постигшей его бѣдѣ. Ему стало холодно, стало страшно, и онъ инстинктивно закрылъ опять глаза, какъ бы для того, чтобы снова впасть въ безпамятство, забыть обо всемъ. Но его закрытые глаза видѣли, его закутанныя одѣяломъ уши слышали все одинъ и тотъ же ужасъ: появленіе его матери у входа подъ шпалеру, ея крикъ:

— Лидія уѣхала!

По странной аномаліи, ревность, отъ которой ему пришлось позднѣе выстрадать такъ много, что онъ послужилъ типомъ для этого этюда человѣческой страсти, не сразу дала почувствовать свои когти и свое острое жало безопадной химеры этому очень простому и очень мягкому, но чисто-инстинктивному существу. Когда онъ узналъ, съ кѣмъ уѣхала Лидія, — съ Шарлемъ, съ его матросомъ, какъ самъ мальчикъ называлъ себя, съ задушевнымъ его другомъ, — то, конечно, ударъ показался ему тяжелымъ, похожимъ на рану въ животъ, предательскую рану снизу вверхъ, самая неожиданность которой ослабляетъ первую боль. «Онъ... онъ могъ!»... Мимолетная вспышка пробѣжала по его лихорадочно-блѣдному лицу, туманъ пронесся передъ его глазами добродушной собаки, и только. Муки ревности явились позднѣе, ударили въ догонку и тогда уже довели до горячешнаго бреда. Въ данную же минуту все рушилось въ огромную черную пропасть, раскрывшуюся у его ногъ, куда онъ глядывался, ничего не понимая... Уѣхала?... Почему? Что сдѣлали ей?... Стало быть, она не любила его, когда онъ любилъ такъ сильно?

Сидя у окна, передъ знакомыми видами, гдѣ все напоминало ему Лидію, онъ во все время выздоровленія думалъ только одно: «Что же такое случилось?» Онъ хотѣлъ прочесть письмо, которое она оставила, уѣзжая. Но мать не давала ему этого письма... Позднѣе, когда онъ совсѣмъ оправится. Въ письмѣ есть вещи, которыя причиняютъ ему слишкомъ большія страданія, могутъ вызвать новый припадокъ... А эта негодница тамъ будетъ въ восторгѣ отъ того!

На самомъ дѣлѣ письмо Лидіи настолько категорически обвиняло свекровь, дышало такимъ негодованіемъ и такою искренностью, что мать пугалась отчаянія и, быть можетъ, гнѣва сына, влюбленнаго въ жену послѣ восьми лѣтъ супружества, какъ въ первый день брака. И вотъ самое постоянство этой любви въ особенности раздражало почтенную женщину. Какъ для множества французенокъ, — неизмѣримо болѣе нѣжныхъ матерей, чѣмъ любящихъ женъ, переносящихъ на ребенка всю силу своихъ чувствъ, которыми не хотѣлъ или не умѣлъ пользоваться мужъ, — для матери Ричарда страстная любовь имѣла значеніе лишь аксессуара, пригоднаго въ романѣ и на сценѣ, а жизнь съ мужемъ была только низменною ассоціаціей. Могла ли такая женщина объяснить себѣ силу страсти, которую она видѣла во взорахъ сына столь же пламенною послѣ многихъ лѣтъ, какъ въ то время, когда слезы его обливали огно избы?

— По правдѣ сказать, не понимаю я васъ, мужчинъ, — говорила мадамъ Фениганъ, вода и поддерживая сына на первой его прогулкѣ по парку. — Вы одновременно можете любить и презирать... Хотя тебя взять, ты все еще думаешь о негодяйкѣ, которая обманула тебя, живетъ съ другимъ, сдѣлала тебя посмѣшищемъ всей округи.

Мать почувствовала, какъ дрогнула рука сына, опиравшагося на ея руку, но продолжала суровымъ тономъ, глядя незнающими пощады глазами оператора:

— Вся ихъ исторія доподлинно извѣстна, представь только это... Свиданія ихъ бывали у насъ же въ домѣ. Онъ являлся по ночамъ, перелѣзалъ черезъ стѣну.

— Войдите сюда, мама, я совсѣмъ разбитъ, — прошепталъ Ричардъ, отворяя дверь русскаго домика.

Фениганъ опустился на диванъ всею тяжестью своего измученнаго тѣла. Ослабѣвшія пружины дивана скрипнули, и одна и та же мысль вызвала краску на лица матери и сына.

— Ради собственнаго достоинства, ради твоего имени, милое дитя мое, не думай ты больше объ этой женщинѣ... обѣщай мнѣ забыть ее.

Она сдвинула съ мѣста подушку, чтобы сѣсть ближе къ сыну. Забытыя подъ пѣю головныя шпильки попались подъ руку мадамъ Фениганъ. Она собрала ихъ и съ отвращеніемъ выбросила наружу. Послѣдовало долгое молчаніе, во время котораго черезъ отворенную дверь влетѣла ласточка, червнула крыломъ, точно вѣеромъ по бревнамъ, и упорхнула, какъ гапризъ женщины.

— Обѣщай мнѣ... — повторяла мать, сильно взволнованная.

Ричардъ отвѣтилъ:

— Да, хорошо, я объщаю, но съ однимъ условіемъ... Я хочу знать, требую, чтобы ты мнѣ сказала, гдѣ они.

Она испугалась того, что слишкомъ сильно растрогала самолюбіе и злобу сына.

— Знать, гдѣ они... Зачѣмъ? Что ты хочешь дѣлать?

— Ничего, простое любопытство.

— Но я сама не знаю, увѣряю тебя.

— Хорошо. Тѣ, гробургскіе, вернулись. Тамъ я добьюсь отвѣта.

Изъ боязни скандала мадамъ Фениганъ объщала сама отправиться за справками къ д'Альвантара, ей придется заплатить только мигреню, какъ всякій разъ, когда она надѣвала шляпку.

Черезъ два дня она вышла изъ экипажа передъ громаднѣмъ крыльцомъ Гробурга и застала герцогиню за интимною и оживленною бесѣдой съ москѣ Александромъ. Сердце посѣтительницы похолодѣло отъ его насмѣшливо-почтительнаго поклона.

— Я еще увижу васъ, Александръ...— сказала герцогиня, вводя гостью въ маленькій угольный салонъ, обитый старинною шелковою матеріей.

— Чему мы обязаны столь любезнымъ посѣщеніемъ, госпожа нотаресса?— проговорила хозяйка тономъ притворнаго и высокомернаго расположенія.

Нотаресса, сразу такъ ловко озадаченная своимъ титуломъ, совсѣмъ растерялась отъ такого приѣма, въ виду всего, брайнѣ тяжелаго и еще не высказаннаго между ними.

— Мой сынъ, Ричардъ, чуть не умеръ...

— А, неужели?... вотъ какъ?... а я и не знала.

— Какъ, вы не знали, что мой несчастный сынъ...

— Боже мой, моя милая, подобные сюжеты настолько щекотливы...

Она водила флагономъ съ солями подъ своимъ типическимъ еврейскимъ носомъ.

— Этотъ сюжетъ касается васъ довольно близко, однако,— тихо сказала мадамъ Фениганъ.

И вдругъ, увлеченная своимъ материнскимъ негодованіемъ, она осклинула:

— Ахъ, герцогиня, какое огромное несчастье, что мой сынъ ошелся съ вашимъ!

Маленькая головка съ волосами лимоннаго цвѣта выпрямилась о злобнымъ смѣхомъ.

— Ужь не думаете ли вы обвинить Шарлексиса въ похищеніи

вашей снохи? Моему сыну едва минуло восемнадцать лѣтъ, онъ былъ еще въ школѣ...

Растворилась дверь, изъ амфилады пріемныхъ комнатъ появилась жалкая, исхудалая фигура генерала, тяжело опирающагося на ручку своего кресла, чтобы бросить г-жѣ Фениганъ такую дерзкую фразу:

— Я же добавлю, сударыня, что нашъ невлинный младенецъ уѣхалъ, занявши сто тысячъ франковъ, за что мы, конечно, заплатимся вдвое, тогда какъ его Даная хвалится тѣмъ, что убѣждала въ одной рубашкѣ, которая была у нея на плечахъ.

Въ то время, какъ онъ говорилъ, старинное зеркало надъ каминомъ маленькаго салона отражало вздрагиваніе его длинныхъ усовъ, передергиваемыхъ улыбкою бѣшенства, и отчаянныя движенія, которыя выдѣлывалъ смычкомъ віолончели учитель Жанъ, стоя позади кресла больного. Мадамъ Фениганъ поднялась съ большимъ достоинствомъ и, улыбаясь, проговорила:

— Пожелайте же вашему сыну никогда не встрѣтиться лицомъ къ лицу съ моимъ.

Генералъ вздрогнулъ, герцогиня послѣшила его успокоить:

— Пустое это!... Одинъ въ департаментѣ Сены и Уазы, другой на пути въ Индію, — встрѣтиться не рискуютъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ только мадамъ Фениганъ сѣла въ карету и экипажъ удалялся въ конецъ аллеи, мось Александръ былъ позванъ въ маленькій салонъ.

— Александръ!

— Что прикажете?

— Смотрите за этимъ Ричардомъ... понимаешь? Если вздумаетъ уѣхать, вали слѣдомъ и давай знать обо всемъ.

Герцогиня добавила:

— Что же касается расходовъ моего сына, сколько бы онъ ни потребовалъ, обращайтесь прямо ко мнѣ.

Бывшій метръ-д'отель повлился чуть не до земли и вышелъ изъ Гробурга сіяющей и зловѣщей.

Въ то же время, приподнявши свои широкія плечи, Ричардъ бѣшено шагалъ по своей гостиной и слушалъ рассказъ мадамъ Фениганъ, подавленной негодованіемъ, немощно опустившейся въ кресло и положившей на колѣни старомодную шляпку. Стиснувши зубы, онъ выждалъ конца рассказа, потомъ остановился передъ матерью, приподнял ее, прижалъ къ своей груди и въ избыткѣ нѣжности, довольно рѣдкомъ у такого сдержаннаго человѣка, проговорилъ:

— Теперь конецъ. Твоя правда, ничего эта женщина не стѣнить и пусть себѣ отправляется куда ей угодно, никогда мы о ней говорить не будемъ.

Онъ говорилъ это отъ всей искренности своей злобы, терзаясь мыслью, что Лидія увлекла, похитила и развратила школьника. Въ первый разъ онъ сообразилъ, насколько это потѣшно и омерзительно, и дивился тому, какъ, живя вмѣстѣ, такъ долго не замѣчалъ, что она, просто, больная, истеричная женщина. За подтвержденіями онъ обращался къ матери, и та поддерживала, укрѣпляла въ немъ эту мысль, восхищенная своимъ вновь завоеваннымъ положеніемъ.

— Это уже, видишь ли, сынокъ, наша вина... Мы разыскали ее въ воспитательномъ домѣ. Это избавляетъ отъ неудобствъ возиться съ женщиною родней, за то получаешь жену безъ всякаго прошлаго, безъ ручательства, окруженную таинственностью, неизвѣстнымъ, со всѣми возможными наслѣдственными изъянами. Эта дѣвчонка набила себѣ въ голову, будто она аристократическаго происхожденія... Это ей натолковали въ монастырѣ. Только, какъ бы тамъ ни было, ея аристократизмъ пустилъ ей въ жилы довольно много всякой скверности... Обними ты меня, лучше, и забудемъ мы о ней.

Это онъ и попытался сдѣлать, утомляя себя до изнеможенія, чтобы вечеромъ повалиться на постель и уснуть, какъ убитый. Конечно, еслибъ онъ женился на доброй хозяйкѣ, какою была его мать, вѣчно занятая своимъ садомъ, шкафами, бѣльемъ, вареньемъ, Ричардъ, быть можетъ, разогналъ бы свое горе жизнью внѣ дома. Но Лидія, не имѣя ни дѣтей, ни заботъ по хозяйству, всюду сопровождала мужа, неразлучно съ нимъ была на охотѣ, на рыбной ловлѣ, и когда онъ задумалъ убѣжать отъ воспоминаній о ней, онъ встрѣчалъ ихъ на каждомъ шагу, живыми и неотступными, какъ тѣнь его исчезнувшаго счастья.

Въ первый разъ, по уходѣ жены, онъ закинулъ свою сѣть между Ри и Жювизи, недалеко отъ берега. Въ водѣ, очень тихой въ томъ мѣстѣ, отражался въ опрокинутомъ видѣ трактиръ, одиноко стоявшій у самаго бечевника, крытый соломой и бывшій когда-то почтовою станціей.

— Что, въ траву, должно быть, заѣхали? — спросилъ Шюшень, сидѣвшій на веслахъ и удивившійся неподвижности хозяина.

Ричардъ не отвѣтилъ. Въ эту минуту передъ нимъ вновь оживала одна изъ сценъ его жизни съ Лидіей, происходившая на этомъ-

вами мѣстѣ. Гроза и ливень хлестали рѣку, небо было черно, сода заливала лодку. Лидія вскригивала и смѣялась подъ дождемъ, одинъ башмакъ свалился съ ея ноги, упалъ въ воду, при выходѣ на берегъ. Потомъ—зала трактира, длинная и мрачная, гдѣ салныя свѣчи, воткнутыя въ пустыя бутылки, освѣщали свирѣпыя лица каменщиковъ, землекоповъ, пастуховъ, тоже застигнутыхъ дождемъ и просушивавшихъ свои широкіе плащи передъ пылающимъ хворостомъ, у котораго грѣлась вся измокшая Лидія и выжимала свои волосы, потѣшаясь разгоравшимися на нее взглядами этихъ озвѣрѣлыхъ людей, сдерживаемыхъ на почтительномъ разстояніи внушительною фигурой и увѣсистыми кулаками ея спутника.

— Тутъ вода слишкомъ чиста, старикъ, поднимемъ за мостъ, — сказалъ Ричардъ измѣнившимся голосомъ.

Подъ сильными взмахами весель Шюшена, зеркало, отражавшее прибрежный трактиръ, разбилось вдребезги, исчезнувши въ глубинѣ рѣки, вмѣстѣ съ вызванными имъ воспоминаніями. Лодка остановилась у Воробьиного острова, отличнѣйшаго мѣста для ловли приволокой, но хозяинъ былъ рѣшительно не въ ударѣ на этотъ разъ.

На одной изъ оконечностей островъ двоятся, берега расходятся, образуя удлинненный полукруглый заливъ, съ чистымъ песчанымъ дномъ, съ тихою прозрачною водой, двумя наклонившимися и густо разросшимися ивами. Лидія называла это мѣстечко своею купальней. Лодка Ричарда съ развернутымъ парусомъ прикрывала заливчикъ со входа, ивы служили занавѣсомъ со стороны берега, и Лидія брала тутъ уроки плаванія. При раздѣваніи, при выходѣ изъ воды такъ и звенѣлъ ея смѣхъ, легкіе крики испуга при малѣйшемъ прикосновеніи къ ея обнаженному, розовому тѣлу вѣтки кустарника или вьющагося надъ водою насѣкомаго. Воспоминаніе объ этомъ восхитительномъ тѣлѣ, раздражающее сознаніе утраты, — вотъ все, что получилось въ результатъ долгой стоянки у Воробьиного острова.

— Чудное это дѣло, — говорилъ вечеромъ въ кухнѣ отецъ Розины, Шюшень, — съ такимъ печальнымъ лицомъ, какое у мосея Ричарда, онъ, не переставая, пѣлъ во все время рыбной ловли.

На самомъ дѣлѣ, отдаваясь единственному и дорогому воспоминанію, онъ машинально повторялъ мотивъ Перголеза, игранный учителемъ Жаномъ и Лидіей, вслухъ воспроизводилъ въ тактъ басы своими «пумъ-бумъ», аккомпанируя ими дивной пѣснью, звучавшей въ его головѣ, наполнявшей его сердце.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни повторялось то же самое. Во всѣхъ закоулкахъ и изгибахъ рѣки ему чудился любимый образъ, гдѣ бы и въ какой бы то часъ ни было, подъ утреннимъ туманомъ, густымъ настолько, что направлять лодку можно было только прислушиваясь къ плеску воды о мостовыя сваи, или вечеромъ, когда огни барокъ скользятъ въ сумракѣ надъ самою поверхностью воды, и на Іерѣ, и на Оржи, хорошенькихъ притокахъ Сены, окаймленныхъ зелеными берегами, группами деревьевъ и цвѣтовъ, прачешными плотами, старинными аббатствами, превращенными въ мельницы. Тотъ же неотступный образъ видѣлъ онъ подъ своимъ весломъ, — стройный и свѣжій, какъ водяное растеніе, съ его зелено-вато-бѣлою окраской, недоступною солнцу и загару.

Лѣсъ тянулся вдоль рѣки. Ричардъ кинулся въ лѣсъ, чтобы уйти отъ призрака, преслѣдовавшаго его на водѣ. Но и въ лѣсу, въ заросляхъ кустарниковъ, на перекресткахъ зеленыхъ дорогъ, всѣ развѣтвленія которыхъ онъ зналъ наизусть, его не покидало то же видѣніе. Вездѣ и всегда она — Лидія, а если и не сама Лидія, то разныя встрѣчи и случайности непрерывно напоминали Ричарду о его несчастіи. Разъ вечеромъ, возвращаясь домой послѣ долгой ходьбы пѣшкомъ и проходя мимо стариннаго, упраздненнаго монастыря, онъ услышалъ привѣтливые голоса:

— Э, мосьё Ричардъ!

Соткѣръ, прозванный Индѣйцемъ, старый полѣсовщикъ огромнаго роста, гроза браконьеровъ, женилъ сына, служащаго прикащикомъ въ Парижѣ, на дѣвушкѣ, работавшей въ одномъ съ нимъ большомъ магазинѣ. Среди заросшаго травой, запущеннаго двора прежняго монастыря, за большимъ столомъ сидѣли сторожа въ синихъ ливреяхъ Гробурга съ загорѣлыми женами, разряженными въ яркіе цвѣта, фермеръ съ семьей, два свадебныхъ музыканта и мосьё Александръ настоящимъ щеголемъ въ лаковыхъ башмакахъ, въ свѣтлыхъ панталонахъ, заигрывая моноклемъ съ новобрачною, восхитительною дурнушкой, одѣтою и причесанною на славу. Ричардъ принужденъ былъ зайти и присѣсть на нѣсколько минутъ. Обѣдъ подходилъ къ концу, пили бѣлое вино за здоровье новобрачныхъ. Затѣмъ, по сигналу, данному музыкантами, составила кадрили при послѣднихъ вспышкахъ заката. Ричардъ и Индѣецъ смотрѣли на танцующихъ и разговаривали, положивши локти на скатерть.

— Что касается кокетства, мосьё Ричардъ, это точно, я думаю, что очень кокетлива эта дѣвочка, — говорилъ старый полѣсовщикъ, слѣдя своими узкими глазами толстокожаго за бѣлымъ

вѣнгомъ молодой снохи.—Мой молодецъ совсѣмъ и не желаетъ, чтобъ она возвращалась въ магазинъ, тѣмъ болѣе, что у нея немного слаба грудь. Они пробудутъ сезонъ или два здѣсь. Онъ цѣлый день будетъ занятъ своимъ дѣломъ въ Парижѣ, а я тутъ буду присматривать за его женой. Съ моею-то, бывшее дѣло, неладно вышло, за то ручаюсь вамъ, что этой не дамъ сбиться съ пути.

— Да, разумѣется,—сказалъ Ричардъ, принужденно улыбаясь и думая про себя, что недурно бы рассказать Индѣйцу, каковъ былъ присмотръ у нихъ въ домѣ.

Ночь охватывала мѣсь, когда Ричардъ ушелъ изъ стараго монастыря. Птицы смолкли, въ воздухѣ разносились только отрывистые и рѣзкіе звуки свадебной музыки. Но не ее слышалъ Ричардъ, не ей подпѣвалъ басомъ свои тоскливые «пумъ-бумъ-пумъ», гудѣвшіе по темнымъ аллеямъ.

Совсѣмъ истомленный, онъ пересталъ выходить изъ дому. Въ нижнемъ этажѣ павильона, рядомъ съ кладовою, была такъ называемая рабочая комната. Ричардъ, со времени ухода жены, ночевалъ въ замкѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жилъ холостымъ, вблизи отъ комнаты матери, а днемъ отдыхалъ въ покинутой рабочей, сидя въ большомъ кожаномъ креслѣ, и тамъ же повѣрялъ счета подрядчиковъ за пузатымъ бюро стараго нотариуса. Теперь онъ цѣлые дни проводилъ въ этой комнатѣ. Изъ окна, какъ во время своего дѣтства, онъ смотрѣлъ на дорогу, довольный тѣмъ, что находитъ на ней старыхъ знакомыхъ, тачку шоссейнаго сторожа, маленькаго горбуна, торговца обувью,—все это имѣло наивный видъ громадной игры въ «гусѣкъ», причемъ Фенигану представлялось, будто и Лидія тутъ же, рядомъ съ нимъ. Онъ вспомнилъ, какъ она боялась быковъ, рыночныхъ старухъ и телѣги, въ которой отвозили утопленниковъ, покрытыхъ грубымъ холстомъ.

И вотъ, какъ разъ, эта мрачная телѣга медленно поднимается со стороны Сены, везетъ слугу старика Мериве, вытащенного изъ прибрежной травы, гдѣ онъ случайно утонулъ третьяго дня. Онъ былъ за пономаря въ маленькомъ приходѣ, и бѣдняга Мериве идетъ за нимъ и плачетъ, болѣе сторбленный, болѣе съѣжившійся, чѣмъ обыкновенно.

А тутъ и старый Жоржъ съ своею длинною палкой и съ кускомъ хлѣба подъ мышкой, хотя нынче и не день раздачи милостыни нищимъ. Но съ нѣкоторыхъ поръ старый бродяга не покидаетъ Узеллей. Его постоянно видятъ то шляющимся вокругъ замка, то лежащимъ у одной изъ калитокъ, или въ сторонѣ дороги, или у лѣса. «Такъ и не опохмѣляется!»—завистливо говорилъ Шюшень,

а работницы, когда старый шатунъ заглядываетъ къ нимъ въ подвальный этажъ, смѣются и кричатъ ему:

— Что, иль и у тебя есть какое горе на сердцѣ, папашка Жоржъ?

Въ ясный и теплый день на душѣ мрачно становится, при видѣ этого человѣческаго отребья, еле держащагося на ногахъ, цѣпляющагося за деревья и за стѣны. Откуда онъ? Гдѣ его родина? Какой языкъ коверкаетъ его беззубый ротъ? Какъ могло случиться, что въ этомъ уголкѣ Сены-и-Уазы старый нищій такъ же далекъ, чуждъ и неизвѣстенъ всѣмъ, какъ еслибъ онъ блуждалъ по центральной Африкѣ? Вотъ онъ подходитъ къ фонтану, пытается взять стаканъ и держать его подъ струей воды. Его руки трясутся, ноги скользятъ, войлочная шляпа, давно утратившая цвѣтъ и форму, сваливается, падаетъ рядомъ съ пролитымъ стаканомъ, что вызываетъ громкій смѣхъ молодой жены фермера, стоящей у воротъ своего двора. Наконецъ, бѣднягѣ, послѣ огромныхъ усилій, удалось напиться прямо изъ-подъ крана, и двѣ струйки воды текутъ по его бородѣ, тогда какъ солнце палитъ его голый, красный черепъ, испещренный толстыми синими жилами. И Ричардъ припоминаетъ, какъ Лидія говорила, что никогда не могла видѣть прохожаго, останавливающагося напиться тутъ, на перекресткѣ, и въ нерѣшительности опускающаго глаза, — да, никогда не могла она видѣть этихъ несчастныхъ, всѣми покинутыхъ, и не подумать тутъ же, что этотъ жалкій бродяга былъ когда-то ребенкомъ, что его ласкала и нѣжила любящая мать и, глядя на него соннаго, отдавалась самымъ чуднымъ мечтамъ о его будущемъ. Какъ же женщина, говорившая съ такою сердечною добротой, съ такою искреннею жалостью, могла такъ много зла сдѣлать своему мужу? Неужели для нея онъ значить меньше, чѣмъ какой-нибудь нищій старикъ?

Напившись, старый Жоржъ укладывается у фонтана, опускается тяжело, какъ-то не вдругъ, точно бросаетъ на землю свои усталые члены другъ за другомъ, поочередно. Онъ вынимаетъ краюшку хлѣба изъ-подъ своего дыряваго рубища, кладетъ ее на ближній камень, палку кладетъ по другую сторону, закрываетъ глаза, но только на половину, такъ какъ охраняетъ свой провіантъ отъ мухъ и отъ всякой дряни, враждебной отдыху бродяги. Онъ засыпаетъ, положивши одну руку на свой хлѣбъ, держа другою свою здоровую дубину.

А Ричардъ и заснуть не можетъ, — покончено съ прежними сладкими часами дневного отдыха! Онъ видитъ, почти слышитъ, какъ по ту сторону залитой свѣтомъ дороги спитъ несчастный бѣднякъ,

къ которому онъ чувствуетъ что-то похожее на нѣжность, потому что это былъ нищій Лидіи, потому что она съ нимъ говорила съ послѣднимъ,—ему, въ его истрескавшіяся руки, отдала записку, которую мадамъ Фениганъ не посмѣла показать сыну. И вдругъ Ричардъ сообразилъ, что, за неимѣніемъ этого письма, въ маленькомъ бюро Лидіи, наверху, въ ихъ комнатѣ, могутъ оказаться другія письма, не менѣе интересныя. Какъ же ранѣе не пришло ему въ голову порыться въ этомъ бюро?

Еще минута, и онъ у Розины, чтобы спросить ключъ, видитъ силуэтъ мосьё Александра, уносящаго ноги черезъ открытое окно въ паркъ, быстро поднимается по маленькой деревянной лѣстницѣ, задрапированной ковромъ съ крупными цвѣтами. Вотъ и маленький кокетливый столикъ со старинными инкрустаціями. Ричардъ выламываетъ замокъ, внезапно опьяненный запахомъ ириса въ саше, который напоминаетъ ему отсутствующую сильнѣе всякихъ мотивовъ Перголесе или Бетховена. Толстыми дрожащими пальцами онъ ищетъ, перерываетъ все. Ему уже попались подъ руку письма его матери и его собственныя, писанныя когда онъ былъ женихомъ, нѣсколько записокъ сестры Марты за время ея поѣздки въ Дублинъ, потомъ—очень тщательно сохраненные два счета за ихъ ужинъ и за ночлегъ въ гостиницѣ въ вечеръ оперы. Бѣдная Лидія, не много удовольствій выпало ей на долю!

Наконецъ-то, большой конвертъ и въ немъ футляръ съ миниатюрой на кости и три письма, написанныя знакомымъ тонкимъ и предательскимъ почеркомъ, рукою Шарлексиса. Съ первыхъ же строкъ Ричардъ вздрагиваетъ, его щеки багровѣютъ отъ дьявольскихъ ухищреній князька убѣдить Лидію бѣжать съ нимъ, показать ей всю отвратительность ея существованія между толстымъ Пумпумъ и госпожею съ бѣлками, подборательницей яблокъ,—такъ онъ отдѣлываетъ Ричарда и его мать. А, гадина! ничто отъ него не ускользнуло, всѣ слабости подмѣтилъ, и какъ онъ ловко умѣетъ раздражить тщеславіе молодой женщины, ея претензіи на аристократизмъ, ея мечты о путешествіяхъ и приключеніяхъ, какъ хитро увѣряетъ ее, будто она задыхается на этомъ клочкѣ Сены между двумя плюсами!... И осмѣливаются обвинять Лидію, будто она воспользовалась тѣмъ, что ему всего восемнадцать лѣтъ! Да ему сто лѣтъ, этому юному князьку, и на придачу—за нимъ опытность старой танцовщицы и мерзкаго патера... О, не она его похитила и развратила, доказательства налицо — эти письма... Но въ крошечной золотой рамкѣ что же это за ребенокъ, восхитительный, словно точеный, совсѣмъ голеный на цвѣтахъ ковра? Чей это ребенокъ?

Быть можетъ, ихъ... Но когда же? Гдѣ, какъ? Она никогда не уѣзжала изъ дому... И несчастный мужъ, постоянно сокрушавшійся о томъ, что у него не было дѣтей, всматривается, пытается распознать черты лица на миниатюрѣ, золотистые вьющіеся волосы, холодные, какъ камень, глаза предполагаемаго незаконнаго ребенка юнаго чудовища. Такъ нѣтъ же, это само чудовище. Этотъ портретъ двухлѣтняго Шарлексиса — прихоть генерала, желавшаго этимъ сказать дамамъ, восхищавшимся тѣломъ прелестнаго мальчика: «Вотъ какіе отъ меня родятся!» — тогда какъ князь, дая своей любовницѣ медальонъ съ такимъ портретомъ, хотѣлъ, повидимому, показать ей: «Вотъ я какъ сложенъ!» Въ томъ же футлярѣ, подъ портретомъ, болѣе интимное письмо, болѣе пламенное, чѣмъ другія, объясняло это. Пробѣгая это письмо, Ричардъ вдругъ поблѣднѣлъ, весь охваченный нервною дрожью, почувствовалъ жестокую судорогу въ груди. Въ глазахъ у него зарыбило, читать онъ уже не могъ, ослѣпленный какими-то искрами... Ядъ, ядъ ревности... онъ понятія не имѣлъ еще о томъ, какъ страшно жжетъ этотъ ядъ. Лидія уѣхала, потеряна для него, — далѣе этого онъ ничего не видалъ. Теперь онъ думаетъ о томъ, кто отнял ее, объ ихъ восторгахъ, объ ихъ ласкахъ...

И несчастный продолжаетъ читать. Онъ бы хотѣлъ бросить письмо, каждое слово терзаетъ его, жжетъ, но надо читать, надо... точно злая лихорадка заставляетъ его пить чудную отраву...

Чтобъ убѣдить Лидію уѣхать, любовникъ въ пламенныхъ фразахъ изливаетъ свои жалобы на то, что ихъ ночи въ избѣ слишкомъ темны; ему надоѣло любить ощупью, во мракѣ, подъ страхомъ, слыша дыханіе собакъ за дверью. Несомнѣнно, имѣетъ свою прелесть и опасность... О! ихъ вчерашній поцѣлуй на крыльцѣ Гробурга, такой сладкій, дивный поцѣлуй, что пять минутъ потомъ они оба пошатывались, ноги у нихъ подкашивались... Но, все равно, ихъ свиданіе на яхтѣ будетъ еще лучше.

Ричардъ поднялся съ мѣста, въ бѣшенствѣ ходитъ по комнатѣ, взмахиваетъ руками, готовыми на убійство. То отвратительное, что онъ видитъ, что наполняетъ его глаза ужасомъ, этого онъ никогда уже не вырветъ изъ нихъ. «А, мерзкій князюшка! А, разбойникъ, куда ты увезъ ее? Гдѣ прячешь? Если бы могъ я узнать, найти его, зинуться... вотъ же тебѣ, вотъ!» — и каблукомъ сапога онъ топчетъ, разбиваетъ въ мелкіе куски медальонъ съ портретомъ на кости, воображая, будто истребляетъ обнаженное тѣло, живое существо... Но отравы выпита, вошла въ кровь и не дастъ ему пощады.

Вечеромъ въ гостиной, разставляя шахматы, при спокойномъ свѣтѣ изъ-подъ абажура, мадамъ Фениганъ смотритъ на сына съ радостною, довольною улыбкой.

— Хорошо, правда? Оба мы счастливы вотъ такъ-то вдвоемъ?

Еслибъ она могла подозрѣвать, что онъ видитъ, какія сцены измышляетъ его воображеніе...

У.

Разговоръ въ оградѣ.

Обѣдня только что кончилась. Сквозь отворенныя рѣшетки и двери видно было на черномъ фонѣ церкви, затемненной еще болѣе яркимъ свѣтомъ снаружи, какъ гаснуть свѣчи одна за другою. Подъ самымъ порталомъ маленькій г. Мериве, начисто выбритый, съ бѣлыми волосами, лежащими валикомъ на высокомъ шелковомъ галстукѣ, съ розовымъ папскимъ орденомъ въ петлицѣ сюртука, раскланивался съ посѣтителеми при выходѣ, провожалъ болѣе важныхъ до дороги, благодарилъ за большую честь, съ игривою и старомодною мимикой.

— Поистинѣ, поистинѣ, я такъ признателенъ... Очень не мало народа было сегодня, и было бы еще больше, если бы не престольный праздникъ въ Дравейлѣ и ужъ не знаю что въ сиротскомъ пріютѣ Суази, который постоянно намъ вредитъ... До воскресенья... пріѣзжайте же... до воскресенья.

Вѣрные маленькому приходу, почти все сосѣди, расходились въ разныя стороны, и на шоссе нѣсколько минутъ слышались поскрипыванія новыхъ ботинокъ и шуршаніе шелковистыхъ матерій. Варвара, стародавняя кухарка, исполнявшая со смерти камердинера должность пономаря, принесла господину Мериве влючи отъ главной двери.

— Да, мосьё, все аккуратно заперто, вездѣ потушено... Только ризница осталась, господинъ викарій тамъ еще. Онъ сказалъ, чтобъ я не ждала его, — пройдетъ черезъ ограду.

Ограда охватывала маленькій влючокъ земли, прилегающей къ церкви, на которомъ въ травѣ и высокомъ цвѣтущемъ макѣ валилось нѣсколько тесаныхъ камней, оставшихся отъ постройки. Съ дороги можно было счесть это мѣстечко за небольшое сельское кладбище.

— Здоровъ ли господинъ аббатъ Сересъ? Зачѣмъ онъ остался въ ризницѣ? — спросилъ Мериве, которому священникъ его маленькой церкви былъ такъ же дорогъ, какъ сама церковь.

Варвара успокоила его. Господинъ викарій взялъ у нея иголку и черныхъ нитокъ, навѣрное, для починки своей изношенной лоснящейся сутаны.

— Пора бы вамъ, мосьё, купить ему и новенькую.

— Правда, Варвара, мы купимъ новую сутану... А вы поторопитесь съ завтракомъ.

Старая дѣвушка перешла черезъ опустѣвшую дорогу, ставшую какъ будто шире, подобно всей окрестности, отъ тишины и праздничнаго покоя. Варвара скрылась въ маленькую дверь противоположной стѣны, оставивши своего хозяина сидящимъ на одномъ изъ широкихъ бѣлыхъ камней въ оградѣ. Мериве съ минуту поджидалъ викарія и выискивалъ средство, какъ бы заставить его принять хорошую сутану съ тѣмъ, чтобъ онъ не продалъ ее тотчасъ для помощи своимъ бѣднымъ, когда на дорогѣ слышались шаги и чей-то голосъ, напѣвающий басомъ. Старикъ всего больше любилъ, чтобы прохожій, чужой кто-нибудь, остановился передъ его церковью, прочелъ надпись: *Наполеонъ Мериве, кавалеръ ордена святаго Григорія Великаго...* и т. д. Онъ уже поднялъ голову, предвкушая тщеславную радость, но тотчасъ же немного разочаровался появленіемъ Ричарда Фенигана, котораго онъ не видалъ со времени прекращенія музыкальныхъ вечеровъ, прерванныхъ отъѣздомъ Лидіи. Мериве позвалъ Ричарда привѣтливымъ жестомъ, усадилъ его рядомъ съ собой и, пристально вглядываясь въ него, заговорилъ:

— Что вы не пришли раньше? Вы такъ ни разу не хотите побывать въ моей маленькой церкви? А вамъ бы она добро сдѣлала.

Ричардъ, исхудалый, осунувшійся, съ длинными горизонтальными морщинами, избородившими его лобъ, какъ потную бумагу, искалъ какой-нибудь предлогъ, чтобы поскорѣе спастись бѣгствомъ отъ упрековъ стараго маниака, вообразившаго себя собственникомъ какого-то культа; но теплота камня, расслабляющій аромать мака, все, что было привлекательнаго и захватывающаго въ добротѣ старика, точно заворожили Фенигана на мѣстѣ.

— Вы много моложе меня,—говорилъ добрякъ, тихонько хлопывая сосѣда по рукѣ,—но разница лѣтъ почти исчезаетъ, когда у людей одинаковое горе... То, отъ чего вы страдаете, я испыталъ, пережилъ, какъ вы, готовый умереть отъ тоски, готовый отъ тоски убить... да, именно, убить... Забавно это, не правда ли? Старый Мериве, маленькій старичокъ, такой вѣжливый, такой тихонькій... едва не сдѣлался, въ припадкѣ безумной гордости...

подлѣйшимъ изъ убійць. Да, можетъ ли быть что подлѣе убійства мужемъ жены съ разрѣшенія закона?

Ричардъ опустилъ глаза, ничего не отвѣтивъ. Цѣлую недѣлю онъ только и бредилъ убійствомъ, местию, и теперь возвращался съ почты, гдѣ надѣялся случайно, между письмами до востребованія, по почерку, добраться до чего-нибудь. И вдругъ ему приходится наткнуться на такія откровенности! Неужели настолько уже видны зловѣщія думы, гнетущія его пылающую голову?... И почему старый Мериве, крайне скрытный обыкновенно, вдругъ пожелалъ рассказать ему свою исторію?

— Эта исторія, дорогой мой другъ, похожа на вашу, только я былъ на шестнадцать лѣтъ старше моей жены. Ростомъ я былъ малъ, некрасивъ, по уши погруженъ въ торговлю, въ торговлю альфой *), вынуждавшую меня часто ѣздить въ Алжиръ. За меня было одно, я хорошій музыкантъ. Моя Ирена, родомъ изъ Блидаха **), имѣла золотистый цвѣтъ лица, продолговатые и ласковые глаза, необыкновенно кроткій видъ. Совсѣмъ не зная музыки, она любила ее, какъ вы любите, инстинктивно, всѣми своими нервами, и моя скрипка приводила ее въ восхищеніе. Звуки производили на нее такое впечатлѣніе, что она вся вздрагивала. Надо вамъ сказать, что я порядочно-таки былъ силенъ въ музыкѣ. Вы удивляетесь тому, что никогда не слышали меня на вашихъ концертахъ по воскресеньямъ. Дѣло въ томъ, что со смерти Ирены я уже никогда не бралъ въ руки смычка. На второй годъ у насъ родился ребенокъ, но пожилъ не долго. Мою жену это страшно огорчило, тѣмъ болѣе, когда насъ предупредили, что она уже не можетъ быть матерью. Тогда-то, чтобы занять ее, дать ей возможность дышать хорошимъ воздухомъ, я купилъ это имѣніе. Ей здѣсь нравилось или притворялась она, будто нравится, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе. Такая она была добрая!... На мое несчастье, одинъ извѣстный художникъ поселился тутъ не вдалекѣ. Ирена любила людей, пользующихся извѣстностью. Подобно ей, и я поддавался этой слабости парижскихъ буржуа, очень гордящихся тѣмъ, что за ихъ столомъ бываетъ знаменитость. Принятый у насъ художникъ началъ являться часто. Красивый былъ малый, съ театральными манерами, съ бородкой влинушкомъ, съ прической à la Рубенсъ, и, при такомъ-то претенціозномъ видѣ, фантазія богатѣйшая, рѣчь эффектная и захваты-

*) *Альфа (Ligum spartum)*—растение, разводимое въ Сѣв. Африкѣ и въ Испаніи, даетъ превосходный матеріалъ для выработки бумаги. Алжиръ производит огромное количество альфы.

**) *Блида* или *Блидаха*—городокъ въ Африкѣ, въ 48 килом. отъ гор. Алжира.

вающая. Все время, пока онъ сидѣлъ, бывало, у насъ, Ирена глазъ съ него не сводила, упивалась его фразами. Потому, какъ ни заставлялъ я пѣть мою скрипку, жена только его голосъ слышала, не смотря на Мендельсона и Шопена. Я страдалъ, видя ее печальною и молчаливою, когда мы оставались одни, и оживляющеюся, розовою и сияющею, какъ только она заслышитъ его шаги за дверью. Иногда я упрекалъ ее за это въ шутку, смѣясь, но мой смѣхъ былъ, вѣроятно, настолько же неестественнымъ, какъ и ея, когда она отвѣчала съ наивнымъ, изумленнымъ видомъ: «Неужели ты думаешь?... Да нѣтъ же, увѣряю тебя!...» Скоро у меня въ головѣ не было уже другой мысли, какъ: «Она любитъ его... она любитъ его...» Ночью, лежа рядомъ съ нею, я видѣлъ во снѣ, будто я очень большого роста, очень силенъ, много красивѣе того, а часто, когда не могъ заснуть, я слѣдилъ за нею, подварауливалъ, не вырвется ли у нея во снѣ крикъ страсти, которою, — я уже видѣлъ это, — полна ея грудь, хотя между ними ничего ровно не было. Иной разъ мнѣ хотѣлось разбудить ее, крикнуть: «Люби меня, люби меня, или я убью тебя!» Наконецъ, чувствуя, какъ съ каждымъ днемъ все больше и больше ускользаетъ отъ меня сердце моей жены, я рѣшился обратиться къ человѣку котораго она полюбила. Самъ не знаю почему, въ моемъ представленіи я отождествлялъ занятіе искусствомъ съ возвышенностью души, съ великодушіемъ, съ умственнымъ превосходствомъ. И такъ, однажды, я совершенно просто сказалъ этому господину: «Послушайте... Я безсиленъ... Я чувствую, что ускользаетъ она отъ меня, что стремится къ вамъ, сама того не желая. Для васъ это — забава, удовлетвореніе минутной прихоти... Для меня это — вся жизнь моя. Не отнимайте ее у меня, прошу васъ... оставьте ее мнѣ, увѣжайте» Этотъ господинъ отвѣтилъ: «Хорошо, я уѣду». И онъ дѣйствительно уѣхалъ на слѣдующій день, только и ее увезъ съ собой. Что я выстрадалъ, вы это по себѣ знаете. Но къ этому! добавьте еще, что я былъ одинъ, души не было, съ кѣмъ бы подѣлиться горемъ, не было матери, которая не дала бы мнѣ надѣлать безумствъ. Прежде всего, я пустился за ними вдогонку, твердо помышляя убить обоихъ. Они были въ Швейцаріи, въ Герсо, на берегу озера Четырехъ Бонтоновъ. Какъ уныло показалось мнѣ это озеро, затемненное горами, подъ сумракомъ ночи, въ тотъ вечеръ, когда я вышелъ изъ вагона въ двухъ шагахъ отъ единственной гостиницы. Моя жена и ея любовникъ только что отправились въ путь. Я занялъ комнату насупротивъ ихъ номера, слышалъ, какъ они вернулись домой вмѣстѣ съ другими жильцами гостини-

цы. Художникъ громко говорилъ въ корридорѣ своимъ нѣжнымъ, пѣвучимъ голосомъ. Но у него былъ и другой голосъ, мнѣ незнакомый, домашній голосъ, рѣзкій и грубый, вскорѣ донесшійся до меня смутно съвозъ ихъ затворенную дверь. Свою я оставилъ полуотворенною въ продолженіе части ночи и притаился за нею съ револьверомъ въ рукѣ, готовый кинуться за нимъ. Удержалъ меня глупый пустякъ — непривычка обращаться съ оружіемъ, въ особенности съ пистолетомъ, купленнымъ въ то же утро совсѣмъ заряженнымъ. Я боялся, что не сдюжю хорошо владѣть имъ. Мнѣ кажется, однако, что, при малѣйшемъ страстномъ вздохѣ, я бросился бы, какъ дикій звѣрь. То, что я услыхалъ, ничуть не походило на нѣжности. Онъ бушевалъ и злился, она умоляла тихимъ жалобнымъ голосомъ, прерываемымъ слезами, унижалась. Позднѣе я узналъ, что онъ дѣлалъ ей сцену изъ-за одного музыканта курзала, на котораго она будто бы засматривалась, — художникъ былъ тоже ревнивъ, ревнивъ и золь до того, что билъ ее, и во время ихъ ссоръ его самый главный доводъ, самый первый упрекъ ей состоялъ въ томъ, что она обманула мужа. Слыша эти тихія и монотонныя всхлипыванія существа, которое я такъ любилъ и которое страдало такъ близко отъ меня, я самъ обливался слезами потому, что она плакала, и, упрекая себя въ глупости и слабости, я кинулся на постель, заглушая свои рыданія и стоны подушкой... О, какъ темно въ нашихъ душахъ, когда ихъ не освѣщаетъ молитва! А въ то время я не умѣлъ молиться. На разсвѣтѣ любовникъ Ирены ушелъ съ своимъ ящикомъ и мольбертомъ. Онъ отправился писать въ горы. Моя жена спала, повидимому — въ комнатѣ было тихо. Мнѣ стоило только повернуть ручку двери... И самъ я не знаю, какъ и зачѣмъ, — убійцей или любящемъ мужемъ, чтобы поцѣловать ее или убить, — но я очутился около жены. Произведенный мной легкій шумъ на половину разбудилъ ее, она зашевелилась, но тяжелый утренній сонъ послѣ дурно проведенной ночи опять охватилъ ее. Спала она, вѣроятно, одна, а онъ — на диванѣ, гдѣ валялись простыни, дополняя беспорядокъ тѣсной комнаты, загроможденной чемоданами и платьемъ, освѣщенной двойнымъ утреннимъ блескомъ неба и сосѣдняго озера. Съ какимъ волненіемъ смотрѣлъ я на мою возлюбленную, очутившуюся въ такой обстановкѣ, на трактирной кровати, и въ той же кокетливой позѣ, которую я такъ часто любовался, съ одною рукой, закинутаю за голову и поддерживающей волосы, съ другою лежащею на одѣялѣ въ ослѣпительной наготѣ. Да, тутъ я готовъ былъ задушить ее, чтобы не доставалась она тому, другому. Но

склонившись надъ нею, охваченный этимъ дикимъ порывомъ, я услыхалъ ея глубокой вздохъ полурыданіе настоящаго ребенка, уснувшаго огорченнымъ рѣзкою бранью. Я видѣлъ, что ея вѣки красны, припухли отъ слезъ, и мнѣ стало новообразимо жаль ея, вся моя злоба исчезла передъ такою безотвѣтностью и слабостью. Хорошо говорить съ театральными жестами какому-нибудь торговцу фразами: «Убей ее!» Но, вѣдь, для этого надо имѣть инстинкты убійцы, низкую душу и руки палача... Я ушелъ, не оглядываясь, а черезъ часъ былъ уже въ пути... Вернулся я въ Парижъ совсѣмъ неспособнымъ приняться за дѣла, бѣжалъ сюда и очутился настолько одинокимъ, настолько несчастнымъ, что пустилъ — таки въ дѣло мой револьверъ противъ себя самого на этотъ разъ... Вотъ эта маленькая круглая ямка, — старикъ Мериве приподнялъ сѣдые волосы и показалъ шрамъ, — это слѣдъ пули, которую я пустилъ себѣ въ голову и которая держала меня два мѣсяца между жизнью и смертью въ безсмысленствѣ. Когда мой мозгъ вновь началъ жить, я увидалъ около себя дивнаго человѣка, святого, исцѣлившаго мою душу. А разъ была исцѣлена душа, мои объятія, по закону милосердія и прощенія, опять раскрылись для той, которую я все еще любилъ и которая ничего такъ не желала, какъ вернуться ко мнѣ. Бѣдная, каково было это возвращеніе! Исхудалая, изнеможенная, съ алыми кругами на щекахъ, подобными тѣмъ, что мы видимъ на листьяхъ бука, попорченныхъ долгоносиками, она вернулась послѣ шести мѣсяцевъ свободной любви, точно изъ больницы вынужденная. Я думалъ, что этотъ хорошенькій зеленый уголокъ, отлично пріютившійся между рѣкой и лѣсомъ, возстановитъ ея силы. Но она не переставала чахнуть, даже послѣ зимы, проведенной на родинѣ, среди анельсинной рощи около Блудаха. Иногда, съ невообразимо-грустною улыбкой въ чудныхъ глазахъ, дѣлавшихся съ каждымъ днемъ все огромнѣе, она говорила мнѣ: «Я люблю тебя, я счастлива и умираю... Какова судьба!» Я все еще надѣялся, полагаясь на мою любовь, на ея молодость... Вдругъ она точно ожила, по крайней мѣрѣ, вернулись всѣ признаки оживленія и желаніе жить. Это чудо сдѣлали романы Гершера. Все лѣто, послѣднее ея лѣто, она провела въ нашемъ саду, вонъ по ту сторону дороги, зябко сидя на самомъ припекѣ въ будочкѣ изъ ивовыхъ прутьевъ, читая и перечитывая прелестныя любовныя повѣсти романиста и въ особенности *Золотошвейку*, наиболѣе нравившуюся ей за милый образъ Іамины, которой она вздумала подражать, нося ея костюмъ, бархатную вышитую куртку и уборъ изъ секиновъ на длинныхъ косахъ. Меня она часто спра-

шивала: «Что сказалъ бы авторъ, еслибъ увидалъ меня Іаминой? Похожа я на нее?»... Ничего не зная, я отвѣчалъ: «несомнѣнно»... думая тоскливо, что еслибъ авторъ явился сюда, то увидалъ бы, какъ я видѣлъ, что надъ кресломъ его кокетливой Іамины, съ прелестными, лихорадочно горящими глазами, развѣшены на балконѣ ея комнаты бѣлье и подушки больной, еще непросохшіе отъ испарины безсонной ночи. Желая сдѣлать ей пріятное, побаловать ее до конца, я однажды спросилъ, не доставитъ ли ей удовольствія повидать Гершера, и если она хочетъ, то я напишу ему, попрошу пріѣхать? Любовь моя все еще продолжалась, но отъ ревливой гордости я совсѣмъ излечился, какъ видите. Все это такъ ничтожно, когда смерть близка! Ирена, сильно взволнованная, ничего не сказала и, вмѣсто отвѣта, послала мнѣ поцѣлуй рукой, не имѣя силы сдержать рыданіе. Не много времени спустя я лишился ее на первыхъ дняхъ осени, когда въ опустѣвшихъ поляхъ вороны смѣняются ласточекъ. И тогда только я узналъ, что моя жена переписывалась съ знаменитымъ романистомъ, была одною изъ тѣхъ «незнакомокъ», надъ безумною влюбленностью которыхъ онъ потомъ самъ потѣшался. Что съ этимъ подѣлаешь? Несчастливая женщина была такъ романтична. Ее ужасала тихая жизнь, плетущаяся одною бороздой. Никогда не видавши ее, славный писатель отвѣчалъ ей: *Госпожѣ Х...*, до востребованія, *Вильневъ-Сенъ-Жоржъ*. И каждую субботу Варвара ходила за письмами и относила письма. Она мнѣ и открыла тайну этой переписки, совершенно невинной, я полагаю. Говорю: «я полагаю» потому, что у меня достало характера не раскрыть ни одного изъ многочисленныхъ писемъ, писанныхъ одною и тою же рукой и найденныхъ въ столѣ моей жены. Я отправилъ ихъ знаменитому писателю съ такимъ извѣщеніемъ: «Ваша незнакомка въ Вильневѣ умерла. Если интересуетесь узнать ея имя, вы можете прочесть его на фронтонѣ маленькой церкви, выстроенной въ память ея на дорогѣ въ Борбейль, между Дравейль и Суази». Г. Гершеръ не пріѣхалъ.

Наступило молчаніе. Слышны были только воркованія голубей на церковной крышѣ и отголоски далекихъ колоколовъ, приносимые рѣкой, точно звуковымъ трамполиномъ. Ричардъ зло усмѣхнулся и сказалъ:

— Вашъ рассказъ, добрѣйшій мой сосѣдъ, доказываетъ, что по части измѣны и жи всѣ женщины стѣяютъ другъ друга и что изъ мужчинъ очень немногіе настолько снисходительны и добры, какъ вы.

Мериве взглянул на него, глубоко огорченный тѣмъ, что его не поняли.

— Это моя вина, — заговорилъ онъ. — Я не сумѣлъ передать сущности разлада между моею женой и мною. У нея было все то, чего мнѣ не доставало: привлекательность, красота, молодость. По ея милости, я былъ счастливъ нѣсколько лѣтъ, не задумываясь надъ тѣмъ, счастлива ли она, не спрашивая ее: «Чего бы ты хотѣла?» Передъ настоящими, справедливыми судьями одно это эгоистическое отношеніе послужило бы къ оправданію проступка жены. А сколько другихъ соображеній могли бы оправдать ее! По какому праву, на примѣръ, требуютъ отъ женщины, чтобъ она была женою одного человѣка, когда мужчина не удовлетворяется одною женщиной? Много лѣтъ моя Ирена жила одиноко въ своемъ домѣ, видала мужа только по вечерамъ, жила далеко отъ родного края, отъ матери, не имѣя дѣтей. Отсутствие дѣтей въ семьѣ — великое оправданіе. Материнство — прямое назначеніе женщины, занятіе для нея, ея радость, ея охрана. Вамъ, какъ и мнѣ, милый мой Ричардъ, не доставало ребенка.

Фениганъ поднялся съ мѣста окончательно взбѣшенный. Все, что ему говорили, онъ самъ зналъ отлично. Лидія достаточно-таки приходила въ отчаяніе отъ того, что не было у нихъ дѣтей. Весь отдавшись своему мщенію, онъ сближалъ въ своемъ умѣ эти два направленія мысли и ограничился злобною выходкой:

— По-вашему, стало быть, лучшаго, чѣмъ то, что съ нами случилось, и желать нельзя: женщина очень хорошо дѣлаетъ, что обманываетъ мужа?

— Нѣтъ, я хочу только, чтобъ и защита была, чтобы никого не обвиняли, не выслушавши.

— Женщина нашла самый лучший способъ защиты: она убѣгаетъ отъ мужа, — возразилъ Ричардъ внѣ себя.

Старикъ заморгалъ своими хитрыми глазами, тихонько усадилъ Ричарда опять на камень рядомъ съ собою и продолжалъ:

— Ну, да, она уходитъ... Не честнѣе ли это, чѣмъ оставаться, лгать и прятаться? Не лучше ли стать внѣ закона передъ обществомъ, чѣмъ безъ опасности и скандала вносить развратъ въ мью? Скажу болѣе: отсутствіе вашей жены облегчаетъ вамъ ея щиту передъ самимъ собой, даетъ возможность взглянуть прямо на ея несчастье и на ваше собственное, чтобы совершенно быть готовымъ къ великому дню примиренія и прощенія.

— Никогда я не прощу, — заскрежеталъ Ричардъ стиснутыми руками.

Старикъ покачалъ головой.

— Вы такъ думаете потому, что васъ еще терзаетъ страшный недугъ ревности, отъ котораго я страдалъ не менѣе, чѣмъ вы, и излечился, какъ и вы излечитесь.

— Излечивается тотъ, кто не любить.

— Ошибаетесь. Ревность совсѣмъ не то же самое, что любовь, хотя, конечно, связь есть между ними. Разница чувствуется въ томъ наслажденіи, которое примѣшивается къ самымъ ужаснымъ терзаніямъ ревностью... О, Боже мой, вспомнить страшно, какое удовольствіе я испытывалъ, заставляя мою жену говорить, что она думала о своемъ живописцѣ, что она любила его больше всего въ мірѣ! Я чуть не умиралъ отъ этого и находилъ въ этомъ какую-то дикую сладость... Тѣмъ не менѣе, любовь возможна безъ ревности, которая оказывается только горячкою, бредомъ любви, иногда бредомъ болѣе горделивымъ, чѣмъ страстнымъ. «Возможно ли это?— другой красивѣе, любимъ больше, чѣмъ я!» Доказательство, что ревность есть чувство, не зависящее отъ любви, стоящее особнякомъ отъ нея, заключается въ томъ, что любовь вездѣ одинакова, тождественна, на Востокъ ч на Западѣ, тогда какъ ревность восточныхъ людей не похожа на нашу. Такъ, арабу незнакома ревность къ прошлому, самая мрачная, быть можетъ, самая грызущая Я зналъ близъ Орлеанвиля одного каида *), который изъ своихъ четырехъ женъ отдавалъ предпочтеніе одной, болѣе красивой, правда, чѣмъ другія, Байѣ, бывшей танцовщицѣ и куртизанкѣ. Влюбленный *руми* ни на одинъ день, ни на одинъ часъ не пересталъ бы терзать эту несчастную позорнымъ прошлымъ ея мерзкой юности. И, наоборотъ, мой каидъ, совершенно равнодушный къ этому исчезнувшему, погребенному прошлому, которое онъ зналъ и добровольно забывалъ, оказался свирѣпо-ревнивымъ относительно настоящаго, такимъ звѣремъ, что, когда Байя позволила себѣ легкій флиртъ, какъ вы говорите, съ однимъ переводчикомъ арміи, мужъ изрубилъ ей лицо и горло кинжаломъ. Какимъ-то чудомъ она осталась жива, и каидъ отдѣлался приговоромъ къ пятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ въ Аяччіо. Оттуда онъ регулярно писалъ своему брату, приставленному наблюдать за его женами и имуществомъ, и каждое письмо, вмѣсто обычной арабской формулы: *ля Алла или Алла*, начиналось строжайшимъ наказомъ: *смотри за Байей*. Ясно, что его ревность не стихала... А то, вотъ еще, великій человекъ, имя котораго мнѣ родители дали, совсѣмъ не къ лицу,

*) *Сайол*—вождь племени, начальникъ, правитель города или провинціи.

такъ какъ никогда во мнѣ не было ничего геройскаго, — Наполеонъ, отчасти арабъ родомъ, былъ ревнивъ по-восточному. Его письма къ Жозефинѣ показываютъ, насколько невозмутимо онъ относился къ ея страшно-бурному прошлому и какъ все ему подозрительно и терзаетъ его въ ея настоящей жизни... Я хорошо помню отвѣтъ той самой Байи, про которую сейчасъ рассказывалъ вамъ. На вопросъ предсѣдателя суда, почему она держала себя такъ кокетливо, когда знала, насколько ревнивъ ея мужъ, она спокойно отвѣтила: «Чтобы заставить его лучше смотрѣть за мною». Какъ много мужей, на самомъ дѣлѣ, которые не только не смотрятъ за женой, а подставляютъ ее подъ всякія опасности изъ тщеславія, изъ безопасности или по своей неловкости! Не я ли самъ разыскалъ и ввелъ къ себѣ въ домъ художника, который укралъ у меня жену? И вы сами, милый мой сосѣдъ, твердо ли убѣждены въ томъ, что всегда хорошо смотрѣли за вашею Байей?

Въ эту минуту въ оградѣ показалась старая, затрепанная суктана викарія среди высоко разросшагося мака. Проходя мимо, аббатъ Сересъ, ариѣжскій горецъ, бодрый не по годамъ, съ сѣдыми жесткими волосами, поклонился очень смиренно.

— Смотрите, господинъ аббатъ, не забудьте, что мы завтракаемъ вмѣстѣ!—крикнулъ ему Мериве.

Потомъ, когда священникъ уже не могъ слышать его голоса, онъ обратился къ Ричарду:

— Вотъ человѣкъ, вотъ тотъ святой, который вылечилъ меня, спасъ меня.

— Какъ, господинъ Сересъ?—сказалъ Ричардъ, знавшій викарія съ дѣтства, со времени приготовленія къ первому причастію, и относившійся немного свысока къ бѣдному аббату, котораго не принимали въ замкахъ и въ зажиточныхъ домахъ, гдѣ находили его слишкомъ эксцентричнымъ, плохо одѣтымъ, неряшливымъ.

— Да, этотъ превосходнѣйшій священникъ побѣдилъ мою гордыню... Я знаю, что говорятъ про аббата Сереса въ официальныхъ сакристіяхъ. Но если вы зайдете въ церковь маленькаго прихода, — а, вѣдь, должны же вы рѣшиться зайти въ нее когда-нибудь, — вы поймете, почему для службы въ ней и пригласилъ этого простого человѣка съ ясными глазами, чуждаго заботъ житейскихъ, и когда вы услышите, какъ онъ читаетъ *Отче нашъ*, какъ говоритъ: «яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», вы будете растроганы до глубины души и исцѣлены, какъ я исцѣлился.

— Есть оскорбленія, которыхъ не прощаютъ, есть раны, отъ которыхъ никогда не вылечиваются, — глухо проговорилъ Ричардъ. —

Оскорбленный человекъ мститъ и убиваетъ. Я за Шекспира противъ проповѣдниковъ всепрощенія.

— А, да, Шекспиръ, Отелло... Читалъ я это, чтобъ ознакомиться, получить понятіе, когда самъ страдалъ этимъ... Ничего онъ не понимаетъ, вашъ Шекспиръ. Его Оттело не ревнивецъ, онъ — просто негръ, сынъ знойныхъ странъ, пламенный, звѣрскій, и только. Особенность ревности, охватывающей человека, состоитъ въ томъ, что она самага кроткаго дѣлаетъ свирѣпымъ, самага невиннаго сразу посвящаетъ во всё ухищренія, — ангеламъ, дѣвушкамъ даетъ сатанинское воображеніе и пониманіе всѣхъ тайнъ разврата. Чтобъ изъ Отелло сдѣлать правдивый типъ, надо было, когда забираетъ его ревность, чтобы завистливая и мерзкая душа Яго, единственнаго настоящаго ревнивца, вошла въ Отелло, вселилась въ него... Велика геніальность, нечего сказать, сдѣлать Отелло мулатомъ, существомъ низшей расы, безобразнымъ, уродомъ! У влюбленнаго урода ревность представляется вполнѣ естественною. Менѣе объяснима она у такого статнаго молодца, какъ вы, дорогой сосѣдь.

Ричардъ грустно улыбнулся, онъ зналъ за собою жестокое уродство: свою робость, которую не могли одолѣть столько лѣтъ супружеской жизни. Всего разъ, одинъ только разъ въ восемь лѣтъ, онъ осмѣлился любить свою жену такъ, какъ того хотѣлъ, всѣмъ существомъ своимъ, да и въ эту-то ночь онъ былъ пьянъ. Тогда какъ тотъ, молодой негодяй, мастеръ на блестящія слова, искусившійся во всѣхъ нѣжностяхъ. О, какъ чудно хорошо должно быть ихъ путешествіе новобрачныхъ! Рѣзкій толчокъ поднялъ его на ноги, рука бессознательнымъ движеніемъ отгоняла отъ глазъ, силилась вырвать изъ нихъ отвратительное видѣніе.

— Куда же вы?... Ричардъ!...

— Нѣтъ... нѣтъ... видѣть это постоянно... Нѣтъ, конечно, не могу я больше! Прощайте... прощайте!...

Онъ выкрикивалъ это сдавленнымъ голосомъ, шагая въ бѣшенствѣ по большей дорогѣ. Старикъ Мериве остался одинъ, встревоженный внезапнымъ уходомъ сосѣда, и раздумывалъ, не его ли старыя исторіи и разсужденія о ревности, вмѣсто того, чтобъ успокоить несчастнаго мужа, еще больше взволновали его. Въ тишинѣ и теплѣ ограды жужжаніе пчелъ сливалось съ блескомъ солнца на яркихъ, пестрыхъ цвѣтахъ мака. У Мериве слегка кружилась голова, когда черезъ минуту онъ поднялся съ мѣста и увидалъ подъѣзжающій экипажъ, полный народа, свѣтлыхъ платьевъ, сверкающихъ зонтиковъ. Маленькая бѣлая церковь, надъ которою висаластая голубей, старый господинъ, съ розовою орденскою ленточкой

въ петлицѣ, съ озабоченнымъ и важнымъ видомъ хозяина запирающій зорота, возбудили любопытство катающихся. Они остановились.

— Осмотрѣть можно?—спросилъ изъ экипажа молодой женскій голосъ.

Мериве улыбнулся, очень польщенный.

— Осмотрѣть? Зачѣмъ? Въ церкви нѣтъ ничего любопытнаго. Но каждое воскресенье въ девять часовъ у насъ бываетъ месса и проповѣдь, и я ручаюсь вамъ, что нигдѣ нѣтъ такой мессы, какъ въ нашемъ маленькомъ приходѣ.

Онъ поклонился и направился къ себѣ домой черезъ дорогу въ полномъ удовольствіи отъ тѣшившаго его тщеславіе молодого женскаго голоса, читавшаго вслухъ надпись:

Наполеонъ Мериве,
Бавалеръ ордена Святого Григорія Великаго,
Соорудилъ эту церковь...

VI.

Дневникъ князя.

*А. В. де-Валлонгу,
въ коллегію Станислава.*

Ваше письмо, мой милый Вильги, переслано мнѣ изъ Мессины, которую я вамъ обозначилъ, какъ первый портъ моего кругосвѣтнаго путешествія, прерваннаго совершенно неожиданно.

Впечатлѣніе, произведенное моимъ бѣгствомъ на персоналъ училища, рѣчь директора въ столовой, молитва отца Салиньона о скорѣйшемъ возвращеніи заблудшаго чада, всѣ прелестные и обстоятельные ваши рассказы о первыхъ дняхъ, слѣдовавшихъ за моимъ отъѣздомъ, отлично позабавили меня, въ чемъ я весьма нуждаюсь, такъ какъ не однѣ розы даетъ ремесло похитителя. Еще разъ простите и примите мою благодарность за трудъ, который вы приняли на себя, доставляя въ Гробургъ мой скарбишко подъ проливнымъ дождемъ, и не взщите также за весьма дѣтный завтракъ, которымъ васъ, навѣрное, угостили тамъ на великолѣпномъ серебрѣ съ фальшивыми гербами. Меня не обманете, я хорошо знаю, чѣмъ тамъ кормятъ, когда герцогиня дома. Въ разгаръ сезона фруктовъ васъ за десертомъ потчивали черносливомъ и всякимъ сухояденіемъ. А сама герцогиня была въ прескверномъ расположеніи духа отъ того, что я опять запросилъ у нея фондовъ. При подобныхъ обстоятельствахъ кровь барона Сильва бушуетъ и вопіетъ противъ

меня. Не такъ легко объяснима мрачность моего отца, если, какъ вы говорите, его ноги поправляются со дня на день. Ему бы сѣять надо было. Что касается маэстро Жана, моего бывшаго учителя, то его словечко *кавата*, которое онъ шепнулъ вамъ, говоря о своемъ ученикѣ, имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ ящику для галстуковъ, куда я сваливаю письма и другой любовный хламъ... «У него есть *кавата*» значить, что я непреодолимый мастеръ по части женскаго пола. Бѣдный малый легко могъ убѣдиться въ этомъ въ качествѣ усерднаго свидѣтеля моихъ амуровъ, которымъ онъ аккомпанировалъ на своей виолончели... Да, маленькая колокольня на возвышеніи, съ нѣсколькими домиками кругомъ, которые вы видѣли сквозь дождь, на зеленомъ фонѣ Сенарскаго лѣса, и есть, именно, церковь села Узелли. Въ округѣ ее называютъ «маленькимъ приходомъ».

.....

Тамъ-то я однимъ раннимъ утромъ прошедшаго мѣсяца, на разсвѣтѣ, поджидалъ мою любовницу, мадамъ Ф..., сидя въ экипажѣ съ гербами и ливрейными слугами Гробурга, что не лишено нѣкоторой дозы отчаянности, какъ вы согласитесь. Восхитительный Александръ все оборудовалъ для нашего бѣгства, — доставилъ деньги, написалъ маршрутъ. Рекомендую вамъ этого молодца; дорогъ онъ, правда, но неподражаемъ.

Домчались лѣсомъ до Мелёна, по желѣзной дорогѣ — до Ліона, нѣсколько часовъ отдыха — и пустились въ Басси, куда пріѣхали на слѣдующій день вечеромъ. Все путешествіе — волшебство. Эта красивенькая дѣвчонка выпрыгнула съ постели прямо въ мою карету, не успѣла даже застегнуть лифъ... Наши первыя объятія облиты ароматомъ мяты и брызгами росы, воображеніе опьянено мыслью, будто насъ преслѣдуютъ въ этой безумной скачкѣ по лѣсу, вѣтви хрустятъ, листья бьютъ по стекламъ, и при всемъ этомъ чудное и дивное наслажденіе тѣмъ, что все это мы дѣлаемъ наперекоръ всякимъ правиламъ и обязанностямъ, охотимся на запретныхъ земляхъ... Наконецъ, Басси, море, въ концѣ набережной яхта *Blou-blanc-rose* съ парусомъ на половинѣ мачты, поджидающая насъ только, чтобы развернуть крылья. Все это... о, все это архи-восхитительно!

Но едва только мы пустились въ путь дивнымъ вечеромъ, зеленымъ и лиловымъ, едва только моя подруга и я начали вкушать всю полноту наслажденій, обнявшись и лежа на палубѣ, убаюкиваемые прелестнымъ хоромъ мужскихъ голосовъ съ неаполитанскаго ловца коралловъ, державшаго одинъ курсъ съ нами и сли-

вавшего свои веселыя пѣсни съ тихимъ рокотомъ воды подъ килемъ, съ шелестомъ вымпела на верху мачты, какъ — *horrible, most horrible!*— мою возлюбленную забрала жесточайшая морская болѣзнь, не дававшая ей передышки во всю ночь, во весь слѣдующій день, и заставившая насъ отложить плаваніе на мѣсяцъ, на два мѣсяца, можетъ быть, навсегда. Болѣе полнаго фіаско представить себѣ невозможно. Я говорилъ вамъ, какую восхитительную подругу путешествія я выбралъ себѣ изъ столькихъ другихъ, — смѣлую и предприимчивую, страстно увлеченную моремъ и плаваніями, умѣющую править рулемъ и крѣпить шкотъ не хуже, чѣмъ я, — настоящій типъ жены мореплавателя. Все пошло къ чорту! Надо же было, чтобы съ нею сдѣлалась морская болѣзнь... да какая! — ужасная, неизлечимая.

Что оставалось дѣлать? Отказаться отъ моего чуднаго путешествія? Отпустить яхту въ Бардифъ, оставивши добрѣйшему капитану Нюитту полторы тысячи ливровъ, выданныя впередъ за три мѣсяца? На это у меня рѣшимости не хватило, какъ и на то, чтобы буржуазно засѣсть въ какой-нибудь виллѣ на берегу Люцернского или Женевского озера, а потомъ перебраться на итальянскія озера съ моею графиней... Графъ и графиня дезъ-Узелль — это мы для сосѣдей за общимъ столомъ и для записей въ отеляхъ. Житье вдвоемъ, при такихъ условіяхъ, это — самоубійство скукой, если человѣкъ не влюбленъ или не страдаетъ грудною болѣзью. Нѣтъ, это не мой жанръ, и не вашъ, надѣюсь, Валлонгъ.

Чтобы дать себѣ время все обдумать, я задвинулъ свою яхту подъ огромную скалу Монако и нанялъ первый этажъ одного изъ каравансараевъ Монте-Барло, величественно группирующихся вокругъ игорнаго дома. Хотя теперь и не сезонъ еще, но вокругъ столовъ рулетки цѣлая толпа, толпа исключительно иностранцевъ. Въ первые дни я выигралъ большія деньги, потомъ проигралъ и добавилъ къ нимъ оставшіяся у меня въ карманѣ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ франковъ. На мою незадачу случилось такъ, что Александра не было дома, чтобы тотчасъ отвѣтить на мое требованіе выслать денегъ, и мнѣ пришлось взять обратно у капитана Нюитта все, выданное ему впередъ. Можете себѣ представить его разочарованіе, его ужасъ. А чѣмъ платить ѡкинажу, *by God?* а на содержаніе мистрисъ Нюиттъ? Ровно восемь дней я вынужденъ былъ слушать весь этотъ вздоръ съ уморительнѣйшими варіаціями капитана, его помощника, баталёра, съ добродушными англійскими мордами, унылыми, отчаянными, преслѣдующими меня повсюду, въ почтовомъ бюро, за игорнымъ столомъ, бродящими за мною,

точно фантастическія и потѣшныя тѣни, по бѣлымъ террасамъ отеля, по тѣнистой дорогѣ въ Монако. Наконецъ, прибыли галіоны, капитанъ, его супруга, экипажъ улагодворены и довольны, я продолжаю играть, такъ какъ дни необыкновенно длинны, но уже застрахованъ напередъ отъ всякихъ увлеченій.

Вначалѣ моя возлюбленная была въ страшномъ горѣ отъ неудачи, постигшей насъ по ея винѣ, но скоро примирилась съ этимъ, благодаря превосходнымъ инструментамъ Плейэля и невзыскательной аудиторіи нашей виллы. Добавьте къ этому наслажденіе комфортомъ, роскошью и ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе слышать, какъ метръ-д'отель величаетъ: «madame la comtesse», входить въ столовую подъ руку съ графомъ. Титулы, гербы — завѣтная мечта этой безродной дѣвчонки, воспитанной въ сиротскомъ пріютѣ и съ дѣтства воображающей, будто она аристократическаго, архи-аристократическаго происхожденія. Правда, она достаточно изящна, талія нѣжная и гибкая, видъ легко становится высокошприннымъ, лобъ узкій, превосходно обрамленный волосами, но большія ноги и большія руки настолько же удобны для фортепіано, для клавишъ и педали, насколько мало убѣдительны относительно происхожденія. Полюбила ли бы она меня, еслибъ я не былъ сыномъ герцога и не имѣлъ бы самъ княжескаго титула? Сомнѣваюсь. Она еще слишкомъ молода для того, чтобъ ее могла плѣнить моя юность, какъ одну весьма зрѣлую баронессу, пріятельницу моей матушки, очень лакомую до свѣженькихъ щечекъ. Несмотря на мой ростъ и сложеніе, мои восемнадцать лѣтъ скорѣе стѣсняють ее, какъ и наивность и несмысленность, которыя она предполагаетъ во мнѣ. Бѣдная дѣвочка!

Che volete? Есть еще на свѣтѣ сентиментальныя женщины. Моя любовница изъ тѣхъ, что способны вамъ сказать: «Приди, поплачь на моемъ плечѣ». Къ слову, расскажу вамъ, мой милый Вильки, — быть можетъ, пригодится при случаѣ, — какъ мнѣ удалось преодолѣть ея послѣднія сопротивленія. Мы были одни, вечеромъ, въ маленькомъ домикѣ въ глубинѣ парка. Какихъ ухищреній мнѣ стоило завести ее туда!... И представьте, — ничего больше... ни просьбы, ни мольбы, ничто не беретъ. Какъ нарочно, чтобы сдѣлать меня окончательно смѣшнымъ, — въ подобные моменты очень легко оказаться смѣшнымъ, — мнѣ попадаетъ въ глазъ какая-то соринка. Я усиленно тру глазъ, продолжая мою атаку. Глаза краснѣютъ, наворачиваются слезы, и вдругъ я чувствую, что моя дама уступаетъ: «Ты плачешь?... ты сомнѣваешься въ моей любви?... О, не плачь, не сомнѣвайся!» Это недоразумѣніе длится до сихъ

поръ,—она думаетъ, будто я необыкновенно влюбленъ, хотя сама не особенно сильно меня любить.

Не любопытная ли штука, что она пустилась въ такую авантюру съ довольно умѣреннымъ запасомъ горячаго матеріала страсти? Правда ли, какъ она увѣряетъ, что «ей прискучило лгать»? А, между тѣмъ, это вовсе не такъ скучно, и въ поедингѣ между женщиной и женщиной оружіе слабыхъ, дѣтское и женское оружіе, хорошенькая ложь, тонкая и изворотливая, сплетенная маленькими артистическими ручками, представляется мнѣ очень пріятною игрой... Нѣтъ, не ложь ей наскучила, а очень просто, сама она заскучала. Жертва монотонной жизни и бездѣлья, она предпочла отдаться всѣмъ капризамъ моихъ восемнадцати лѣтъ, всѣмъ опасностямъ монгольфера на соломенномъ огнѣ. На что она разсчитываетъ? Допуская даже, что ей удалось бы развестись съ мужемъ, у меня найдется тысяча основаній для того, чтобы не жениться на ней,—мои годы, мое положеніе... Къ тому же, о разводѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Ея мужъ, г. Ф..., котораго считали невозмутимымъ толстякомъ, лопнуть готовъ отъ бѣшенства, какъ сообщаетъ мнѣ Александръ, и въ одно прекрасное утро можетъ нагрянуть, обрушиться на насъ. Впрочемъ, ревность мужа кажется мнѣ менѣе опасною, чѣмъ ревность моего отца, генерала.

Да, милый мой Валлонгъ, отецъ ревнуетъ меня, безъ ума влюбленъ въ мою любовницу, которая очень глубоко въ сердцѣ хранить къ герою Виссембурга болѣе нѣжное чувство, чѣмъ къ его невинному сыночку. Жалость ли породила это чувство, или оно существовало до болѣзни генерала? Этого я не знаю. Но видѣлъ я нѣсколько мѣсяцевъ кряду, какъ она у рояля, онъ въ своемъ креслѣ на колесахъ обмѣнивались взглядами, болѣе краснорѣчивыми, чѣмъ слова, и я часто соображалъ, что съ этого рода любительницею ворковать нашъ калѣка, увѣнчанный сѣдинами и славой, очень опасный соперникъ. Старикъ, съ своей стороны, смекалъ про меня, побаивался моей *каваты*, убѣжденный, что побѣда останется за мною, по милости моихъ ногъ и всего того, чего не хватаетъ у него. А сколько я, должно быть, надѣлалъ ему непріятностей, въ особенности, когда она пріѣзжала днемъ въ Гробургъ, и я водилъ ее по всему дому и по саду! Представьте себѣ только обезножившаго Донъ-Жуана, хитрѣйшаго изъ самыхъ ловкихъ, такого, котораго не проведешь, какъ онъ говоритъ, и который всю жизнь самъ всѣхъ проводилъ,—представьте вы себѣ такого человѣка привинченнымъ къ креслу, вынужденнымъ издали посматривать, сквозь оконныя стекла, и твердить себѣ все время: «Гдѣ они? Что они дѣлаютъ?» По-

дозрительный, истомленный, едва ползающий, чтобы подслушивать у дверей, безсильный и плачущий, таковъ-то былъ мой отецъ. Отлично понимаю, что, желая отдѣлаться отъ этой пытки, онъ надумалъ законопатить меня въ Станиславку! На что я и отвѣтилъ неукоснительно сугубымъ улепётываніемъ молодого человѣка и предмета нѣжной страсти. Теперь очень легко можетъ статья, особливо, послѣ неудавшагося плаванія на яхтѣ, оставившаго насъ подъ его лапами, что отецъ воспользуется моимъ несовершеннolбтіемъ и запрячетъ меня въ Гробургъ и даже опять въ Станиславку. Нѣтъ, слишкомъ забавно было бы снова очутиться въ приготовительномъ... заодно бы ужъ и съ любовницей. Нашъ мундирчикъ былъ бы ей къ лицу. И вотъ такой-то развязки она, конечно, не предвидѣла.

Задумывается ли она, впрочемъ, надъ чемъ-нибудь?—на это я затрудняюсь отвѣтить, и, сказать правду, очень необыкновенна эта замкнутость, эта затаенность другъ отъ друга двухъ существъ, живущихъ бокъ-о-бокъ, спящихъ подъ однимъ мустикеромъ*). Воображаю порой ея вопль ужаса, еслибъ она вдругъ заглянула въ мое нутро, въ самую глубину, настолько темную и непонятную, что я самъ въ ней путаюсь и самому мнѣ страшно становится. Что бы съ нею было, еслибъ она туда забралась, если бы только прочла вотъ это письмо? Сразу, наповаль была бы убита та небольшая любовь, которую она, быть можетъ, питаетъ ко мнѣ, хотя возможно и совершенно обратное. Не припомню, какая-то герцогиня блистательнаго вѣка говорила, будто женщина тогда только сполна любитъ мужчину, когда немного презираетъ его. Каково же было бы, если бы надѣвшею мнѣ любовницѣ я показалъ себя такимъ, какою я на самомъ дѣлѣ, и этимъ ея увлеченьице превратилъ бы въ страсть? Нѣтъ, ужъ лучше пусть дѣло идетъ, какъ угодно судьбѣ и фурвьерскимъ святынямъ, къ которымъ моя красавица питаетъ самую слѣпую вѣру,—насколько слѣпую, что, убѣжавши изъ дому чуть не голою, она въ Лионѣ, прежде чѣмъ купить рубашку, кинулась на богомслѣ въ Фурвьерь и запаслась тамъ освященными медальончиками и ладонками.

Изъ иностранцевъ, болѣе или менѣе невѣдомаго происхожденія, живущихъ въ нашемъ отелѣ или приходящихъ только обѣдать, мы сошлись съ молодою четой Нанzenовъ. Мужъ—шведъ, профессоръ какого-то тамъ университета, выхлопоталъ себѣ для поправленія здоровья командировку на югъ Италіи. Онъ возвращается оттуда женатымъ, восемь мѣсяцевъ назадъ, на прехорошенькой дочкѣ со-

*) *Мустикеръ*—пологъ изъ тюля у кровати для защиты отъ комаровъ.

держателя гостиницы въ Палермо. Медовый мѣсяцъ преисполненъ страсти, парная запряжка Сѣвера съ Югомъ представляетъ забавнѣйшій контрастъ. Мужъ—рыжій, въ очкахъ, кроткій, чахлый, съ свалившеюся грудью, съ блѣдными и тусклыми глазами. Кто-то сказалъ: «Чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ безцвѣтнѣе и безжизненнѣе становятся глаза». Совсѣмъ не таковы чудесные близорукіе глаза Нины, мадамъ Нанзенъ, двѣ соблазнительныхъ, сверкающихъ ягоды чернаго винограда на великолѣпной итальянской кожѣ. Дамочка немного толста, но очень мила своею молодостью и естественностью, такъ и льнетъ къ мужу со смѣхомъ обожаемой любовницы, съ дрожью счастливаго растенія, нѣжащагося и распускающагося на солнцѣ. Наше появленіе въ отелѣ, куда они приходятъ кушать изъ сосѣдней виллы, нарушило ихъ семейную гармонию. Красивые туалеты моей парижанки, ея высокомѣрная сдержанность производили видимое впечатлѣніе на господина Нансена, который вдругъ сталъ замѣчать, что у его Нины корсажи слишкомъ ярки, а видъ слишкомъ простъ. Но бѣдный малый черезъ-чуръ робокъ и ни малѣйшей надежды не подаетъ на то, что когда-нибудь потрудится смѣнить меня съ вахты, какъ бы ему ни хотѣлось этого, да и мнѣ, быть можетъ, тоже. Чѣмъ обуславливается такая робость, очень заурядная у мужчинъ и совсѣмъ незнакомая женщинамъ? Я говорилъ вамъ о господинѣ Пумъ-пумъ, Нанзенъ напоминаетъ его своею робостью. Это такого сорта люди, что спотыкаются, какъ только на нихъ помотришь, имъ нужно сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы войти въ магазинъ, и на улицѣ они жмутся къ стѣнѣ, желали бы продать ея и исчезнуть. Пумъ-пумъ, удостоивавшій меня всяческихъ откровенностей, рассказывалъ про одного своего пріятеля, который напивался пьянымъ для того, чтобъ осмѣлиться быть нѣжнымъ съ своею женой. Я всегда подозрѣвалъ, что такой пріятель—онъ самъ. Мой датчанинъ такой же молодчина. Разъ въ салонѣ онъ игралъ тягучій вальсъ Брамса и въ какомъ-то упоеніи не спускалъ глазъ съ моей любовницы. Я стоялъ около него и тихо сказалъ: «Берегитесь, Нанзенъ, вѣдь, замѣтно...» Въмѣсто того, чтобы спросить, чтѣ замѣтно, онъ сильно покраснѣлъ и уронилъ очки на клавиши.

Когда я дразнилъ Лидію ея безмолвнымъ обожателемъ, она отвѣтила, улыбаясь: «А мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ равнодушны къ его женѣ...» И вправду, Нина волновала меня двойною таинственною привлекательностью молоденькой жены и чужеземки, вдобавокъ еще сильно влюбленной въ мужа. Поняла ли это моя любовница? Не боязнь ли заставила ее вдругъ рѣшиться уѣхать въ Монте-Карло? Какъ бы то ни было, разъ утромъ, съ недѣлю на-

задъ, когда капитанъ Нюиттъ флегматически пришелъ за приказаніями, она объявила, что готова пуститься въ море, несмотря на предостереженія врачей. Мы условились добраться до Генуи и въ томъ случаѣ, если это короткое плаваніе не повредитъ ей, отправиться на Мальту и дальше.

— Не взять ли намъ съ собой Нанzenовъ до Генуи? — предложилъ я небрежнымъ тономъ.

Она попыталась въ глубинѣ моихъ глазъ высмотрѣть мои мысли, что совсѣмъ не такъ легко, и, по обыкновенію, очень гордо рѣшила:

— Возьмемъ Нанzenовъ.

Въ тотъ же день, въ два часа, наша яхта выходила изъ Монако подъ всеми парусами. Но передъ вечеромъ, противъ Вентимилли, на насъ налетѣлъ хорошенькій шкваликъ, съ градомъ, съ молоньей, громомъ. Мадамъ Ф... повалилась на постель, недвижима и безгласна, совсѣмъ въ агоніи. Рядомъ, въ салонѣ, освѣщаемомъ молніей, отдавалъ Богу душу, забывши про любовь, Нанzenъ. Мы могли бы, я и его жена, цѣловаться и обниматься при немъ, какъ намъ угодно, и онъ не въ состояніи былъ бы шевельнуть пальцемъ. Но бѣдной Нинетѣ не до того уже было. Обезумѣвши отъ страха, она весь вечеръ провела на колѣняхъ, вцѣпившись въ кресло своего супруга, и каждый разъ, когда молнія сверкала въ иллюминаторъ, она отчаянно крестилась, рыдала, выкликала: «Святая Варвара, святая Елена, святая Марія Магдалина!...» Чтобы затѣять флиртъ при такихъ условіяхъ, мнѣ надо было бы имѣть романтическую и богохульную душу одного изъ героевъ Эжена Сю.

М. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главные течения русской исторической мысли XVIII и XIX столетий *).

V. Первые попытки критической разработки и философского построения русской истории.

I.

Новый период в развитии русской исторической мысли начинается тогда, когда исходною точкою всех исторических разсуждений становится идея исторической закономерности. Нельзя сказать, чтобы эта идея была совершенно неизвестна предыдущему времени. Уже в XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ ее въ формѣ астрологическаго ученія о вліяніи свѣтилъ на ходъ земныхъ происшествій. XVIII вѣкъ ищетъ законовъ болѣе близкихъ къ историческимъ явленіямъ и находитъ ихъ въ ученіи о вліяніи климата на народныя темпераменты. Но только въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX мы встрѣчаемся съ попыткой приложить понятіе закона въ его чистой философской формѣ къ объясненію историческаго процесса. Попытка эта является результатомъ крупной перемены въ цѣломъ міровоззрѣніи европейскаго общества.

Какъ извѣстно, общій смыслъ перелома, совершившагося на рубежѣ двухъ столѣтій въ общественномъ настроеніи Европы, заключается въ протестѣ противъ односторонней разсудочности воззрѣній XVIII столѣтія. Содержаніе этого протеста видоизмѣняется, смотря по тому, въ какой сферѣ мы будемъ за нимъ слѣдить: въ области литературы или политики, философіи или общественныхъ наукъ. Но вездѣ, гдѣ бы этотъ протестъ ни обнаруживался, онъ заявляется во имя правъ чувства, поправленныхъ разумомъ. Трезвый критицизмъ Канта установилъ рѣзкую грань между употребленіемъ разума въ границахъ возможнаго опыта и вѣтъ этихъ границъ. Признавши возможность знанія только въ границахъ опыта, Кантъ показалъ неизбежность внутреннихъ противорѣчій при употребленіи логическихъ способностей разума дальше сферы этого возможнаго для человѣка опыта.

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

Для запросовъ чувства такія границы человѣческаго знанія казались чрезъчуръ узки, и Кантъ самъ открылъ выходъ этимъ запросамъ, признавъ рядомъ съ достовѣрностью научной достовѣрность нравственную. Но простое признаніе возможности такого исхода не могло уже удовлетворить молодого поколѣнія. Осторожный кенигсбергскій мудрецъ былъ для молодежи просто «геніальнымъ педантомъ», а его логическія разсужденія казались «схоластичкой», свидѣтельствующей о недостаткѣ истиннаго чувства. «Кто вѣритъ въ какую-либо систему, тотъ изгналъ изъ сердца всеобъемлющую любовь», разсуждалъ Вакенродеръ, одинъ изъ наиболѣе тонко организованныхъ представителей молодого поколѣнія. «Кто своимъ вопросомъ «почему» подкапывается подо все, что есть самаго изящнаго и божественнаго въ духовномъ мірѣ,—тотъ въ сущности не интересуется тѣмъ, что изящно и божественно, а только заботится объ уясненіи понятій, чтобы съ ихъ помощью установить свои алгебраическія правила». Внутреннее сознаніе, съ этой точки зрѣнія, есть наиболѣе дѣйствительная изъ всѣхъ дѣйствительностей; въ себѣ самомъ оно заключаетъ всѣ доказательства собственной достовѣрности. Естественно, что моралью не исчерпывалось для молодежи содержаніе внутренняго сознанія. Самый глубокомысленный изъ этой молодежи, Шлейермахеръ, находилъ, что Кантъ ошибся и даже унижилъ религію, выведя ее изъ морали. Истинная религія имѣетъ свою «особую сферу въ человѣческой душѣ» и въ этой сферѣ,—въ предѣлахъ разума, въ которые хотѣлъ заключить ее Кантъ,—господствуетъ неограниченно. Другіе требовали для фантазіи и эстетики тѣхъ же правъ, какія Шлейермахеръ отвоевывалъ для религіи, и скоро пустая область чистаго разума наполнилась конкретными образами, среди которыхъ трудно стало различить дѣйствительное отъ воображаемаго.

Прежде чѣмъ новое настроеніе успѣло отразиться въ созданіи новыхъ философскихъ системъ, вліяніе его уже проникло во всѣ области знанія. Общественныя науки должны были пережить такую же метаморфозу въ своемъ основномъ понятіи о народѣ, какую пережила философія въ основномъ вопросѣ о критеріи достовѣрности. Отвлеченное логическое понятіе—предметъ простаго ариметическаго счета математически-однообразныхъ единичныхъ волю у Руссо, пассивная этнографическая масса, воспринимаящая механическіе толчки законодателя—у Шлепера,—народъ является теперь въ своемъ конкретномъ образѣ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и начинаетъ жить внутреннею жизнью у Гердера и Фихте. Вѣсть съ тѣмъ, интересъ къ сознательной, цѣлесообразной организаціи общественной дѣятельности все болѣе и болѣе замѣняется интересомъ къ бессознательному, стихійному процессу народной жизни. Идеаль наилучшей формы правленія, занимавшій Руссо и Канта, отодвигается на второй планъ; не средства осчастливить человѣчество занимаютъ писателей и публику, а самый фактъ жизни въ его индивидуальности и конкретности. Общей нормы для счастья и прогресса не можетъ и быть для всѣхъ временъ и народовъ. Человѣкъ счастливъ въ каждомъ данномъ мѣстѣ, въ каждый данный мо-

ментъ по-своему. Въ общей суммѣ этихъ моментовъ, конечно, можетъ обнаружиться ихъ внутренняя связь и единство, можетъ обрисоваться общая цѣль, къ которой идетъ человѣчество; но цѣль эту ставить не законодатель, а Провидѣніе. Наблюдатель, историкъ можетъ открыть эту цѣль, привести ее въ общее сознаніе; но результатомъ такого самосознанія будетъ не дѣятельность, а спокойное созерцаніе,—не общественная реформа, а пониманіе историческаго закона, руководящаго движеніемъ жизни, —и признаніе его необходимости. «Выдумать законы!»—воселицаетъ одинъ изъ типичнѣйшихъ русскихъ романтиковъ; но, вѣдь, «во всякомъ мірѣ законы должны быть совсѣмъ готовы—стоитъ отыскать ихъ» *).

Такимъ образомъ, не исторія законодательства или государственнаго управленія будетъ теперь занимать историка, а исторія безсознательныхъ, стихійныхъ народныхъ процессовъ. Въ нихъ нѣтъ, правда, никакой цѣлесообразности, за то тѣмъ виднѣе закономерность, тѣмъ легче подслушать мѣрный ходъ послѣдовательнаго развитія. Одно только препятствіе стоитъ на дорогѣ этому представленію о стихійномъ процессѣ народной жизни. Народная легенда уже въ самомъ началѣ исторіи выдвинула *личность*. Цари создаютъ исторію, законодатели и изобрѣтатели благодѣтельствуютъ человѣчеству, мудрецы и поэты его просвѣщаютъ уже на зарѣ исторической жизни. Но и это препятствіе оказалось легко устранимымъ. Италия въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, показала примѣръ Европѣ. Въ своей «Новой наукѣ» глубокомысленный неаполитанецъ Вико еще въ началѣ XVIII вѣка объяснилъ героическія фигуры народныхъ преданій просто какъ образныя представленія, какъ олицетворенія, созданныя младенческими пріемами мысли древнихъ народовъ. По пути, указанному Вико, пошли знаменитые нѣмецкіе ученые романтической эпохи. Такимъ образомъ, Гомеръ превратился въ коллективное понятіе, а его поэмы представились безъискусственнымъ созданіемъ народнаго эпоса (Вольфъ), семь царей римскихъ тоже обратились въ нарицательныя обозначенія силы или религіозности (Нибуръ), и даже самъ Лигуръ оказался мною, въ которомъ сгустились черты дорійскаго народнаго духа и общественнаго устройства (Отфридъ Мюллеръ).

Таковы были тѣ перемѣны въ области философской и исторической мысли, которыя отодвинули, по мнѣнію Полевого **), литературную и ученую дѣятельность Карамзина въ область исторіи. Надо прибавить, что до самаго послѣдняго года жизни Карамзина ничто не предвѣщало быстрого расцвѣта новыхъ идей въ Россіи. Въ высшіе слои русскаго общества начинало, правда, проникать вліяніе романтизма, но это былъ романтизмъ французскій, не обладавшій ни непосредственностью, ни цѣльностью, ни глубиной мысли и чувства, которыя давали такую силу нѣмецкому романтизму. Во всякомъ случаѣ, романтическое вліяніе оставалось личнымъ и не

*) Сочиненія кн. Охоевскаго, I, стр. 145.

***) См. Р. М., кн. IX.

проникало въ литературу, если не считать романтизмомъ sentimentalнаго творчества Жуковскаго. Еще въ 1827 году Погодинъ могъ выразиться: «журналисты наши, которые, казалось бы, должны быть посредниками между нами и Европою, обираются только около себя... Такъ, напримѣръ, лѣтъ съ 20 уже нашли въ Германіи новыя точки зрѣнія на науки, а мы о нихъ по сію пору слыхомъ не слыхивали въ журналахъ» *). Но съ этого года и въ литературѣ, и въ наукѣ сразу обнаруживается цѣлый рядъ явленій, свидѣтельствующихъ о самомъ сильномъ вліяніи новаго европейскаго направленія. Восемь лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ уже цѣльную характеристику новаго направленія, сдѣланную притомъ ученикомъ: «XVIII-й вѣкъ кончился: аналитическое направленіе, данное имъ наукамъ, замѣнилось другимъ, противоположнымъ; слѣпое пристрастіе къ образцамъ, оставленнымъ намъ греками и римлянами въ словесности, а вслѣдствіе этого преобладаніе литературы французской, болѣе всѣхъ приближавшейся къ древнимъ по изяществу формъ, также прекратилось, и мѣсто этого пристрастія заступило внимательное изученіе словесныхъ памятниковъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Мыслители перестали заботиться о первобытномъ состояніи человѣка, занимавшемъ столь большое мѣсто въ философскихъ парадоксахъ прошедшаго столѣтія, а обратились къ изученію внутренней жизни человѣка, доступной сознанію, и къ изслѣдованію проявленія этой жизни въ дѣйствительности—къ исторіи. Германія упреждала прочія европейскія государства въ этомъ развитіи; но когда, послѣ разрушенія могущества Наполеонова, народы, соединенно съ нею возставшіе, встрѣтились всѣ въ побѣжденномъ Парижѣ и цари ихъ заключили между собою священный союзъ братства и любви, тогда германское образованіе обобщилось. Во всѣхъ странахъ Европы началось совмѣстное изученіе внутренней жизни духа и развитія человѣчества въ исторіи, и плодомъ этого изученія было открытіе закона послѣдовательнаго совершенствованія человѣка, руководимаго Божественнымъ Промысломъ. Въ искусствѣ отразилось также всюду направленіе психологическое и историческое: оно или углубилось внутри человѣка и мощною фантазійю извлекло оттуда сокровеннѣйшія тайны духовной жизни, или силою животворнаго вдохновенія воскресило міръ прошедшаго и освѣтило его яркими лучами творческихъ вымысловъ. Скептицизмъ и невѣріе характеризуетъ XVIII вѣкъ; въ нашъ вѣкъ, напротивъ, вѣрованіе почитается по справедливости условіемъ всякой жизни, всякой дѣятельности: искусство и наука хотятъ освятить себя имъ, хотятъ найти свое начало въ самомъ Зажидителѣ и къ нему стремятся. Вотъ что было въ Европѣ. Такое измѣненіе въ ходѣ образованія необходимо должно было отразиться въ нашемъ отечествѣ, и отразилось»; именно, подъ его вліяніемъ зарождается «цѣлостное понятіе народности» и полагается «начало новой эпохи самобытной словесности русской». Авторъ любопытной статьи, изъ которой приведены эти выписки,—студентъ Московскаго университета.

*) *Московский Вѣстникъ*, № 2, въ статьѣ: *Исторія географіи*.

Николай Сазоновъ, талантливая личность, закружившаяся въ послѣдствіи въ водоворотъ русской эмиграціи и безжалостно охарактеризованная въ «Быломъ и думѣхъ». Журналъ, помѣстившій статью, — «Ученыя Записки Московскаго Университета» *). Такимъ образомъ, статья Сазонова приводитъ насъ къ главной лабораторіи, въ которой перерабатывались «новыя начала наукъ» и откуда они потомъ вышли въ литературу, къ Московскому университету. Самый годъ появленія статьи знаменателенъ для исторіи университета. Въ 1835 г., одновременно съ введеніемъ новаго устава и съ назначеніемъ въ попечители гр. Строганова, происходитъ переломъ въ общемъ духѣ университетской жизни.

Профессоръ александровской эпохи еще сохранялъ многія черты, свойственныя профессорскому типу екатерининскаго времени. Ученыя занятія продолжали носить, какъ мы уже имѣли случай видѣть, характеръ службы. Между профессоромъ и людьми, занимавшими высшіе посты на государственной службѣ, существовала огромная пропасть въ социальномъ отношеніи, далеко не зятая пріемами цивилизованнаго обращенія. Желая оказать вниманіе профессору, высокопоставленное лицо *назначало* ему являться къ обѣду по воскресеньямъ, и во время обѣда супруга хозяина удостоивала спросить гостя, откуда онъ родомъ. Въ благодарность за такое благоволеніе, профессоръ, уловивши удобный моментъ, почтительнѣйше изъяслялъ какую-нибудь ученую остроту, вызывавшую снисходительную улыбку высокопоставленной особы. Въ лучшемъ случаѣ, хозяинъ удостоивалъ обнаружить передъ гостемъ, что и ему не чуждо образованіе. «Не люблю его, бестію, — выражался, напримѣръ, вельможа о Вольтерѣ, — а пріятно писать»; и ученый гость спѣшилъ припомнить, что гдѣ-то про Вольтера сказано: *il lit un livre, puis il le fait*. «Это очень вѣрно замѣчено», — одобрялъ вельможа, — и профессоръ уходилъ съ обѣда, унося съ собою благодарное воспоминаніе о сопривосновеніи съ этимъ высшимъ міромъ; рассказы о высокихъ качествахъ ума и сердца благосклоннаго вельможи, о его палатахъ и востомѣ долго послѣ того жили въ семействѣ обласканнаго ученаго вмѣстѣ съ подлинными остротами вельможи и его застольными анекдотами о Потемкинѣ и о самой царицѣ. Такому социальному положенію вполне соответствовалъ и социальный составъ профессуры и студенчества. Въ университетъ и въ ученое сословіе шелъ разночинецъ, поповичъ или приказный; когда попалъ въ составъ профессоровъ первый дворянинъ, современные журналы отиѣтили это какъ необыкновенное событіе. И дворянинъ, очутившись въ университетѣ студентомъ, не скрывалъ своего пренебреженія не только къ своему брату — студенту черной кости, но и къ профессору. «Въ моей библіотекѣ получаютъ всѣ послѣднія европейскія новости; до васъ, г. профессоръ, это еще не дошло», — такова любезность, отпущенная Лермонтовымъ экзаменатору, когда тотъ полюбоществовалъ узнать, откуда взялъ студентъ лишнія сравнительно съ лекціями свѣдѣнія.

*) 1835 г., т. IX.

Со второй половины двадцатых годовъ въ университетской жизни появляются замѣтные признаки переменъ. Интеллигентная жизнь послѣ суда и ссылки декабристовъ какъ-то сразу переходитъ изъ Петербурга въ Москву, изъ гвардіи въ университетъ. Все чаще и въ большемъ количествѣ начинаютъ появляться въ университетѣ дворянскія дѣти старинныхъ фамилій, хорошо подготовленные дома и въ Москвѣ продолжающія брать частныя уроки у лучшихъ профессоровъ университета. Высшее образованіе болѣе не служитъ для нихъ непосредственной ступенью въ хлѣбной карьерѣ; они не ищутъ ни ученой, ни учительской, ни приказной службы, и если занимаются наукой въ университетѣ, то занимаются ею безкорыстно. Такъ создается почва для отвлеченнаго идеализма тридцатыхъ годовъ; и можно заранѣе сказать, что новыя философскія идеи дадутъ на этой почвѣ обильную жатву.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ, однако, къ судьбѣ философскихъ идей и къ оцѣнкѣ ихъ роли въ русской исторіографіи, мы должны будемъ остановиться нѣсколько на одномъ явленіи переходнаго характера. До появленія философскихъ идей въ ихъ чистомъ видѣ на очереди стояли въ развитіи исторической мысли идеи критическія. Мы уже познакомились раньше съ ролью «критической исторіи» безъ всякой примѣси новыхъ идей,—въ томъ видѣ, въ какомъ это понятіе завѣщено было историческою наукою прошлаго вѣка. Но теперь, при наплывѣ новыхъ воззрѣній, и идея исторической критики существенно измѣнилась и осложнилась. «Историческая критика» Вольфа и Нибура была уже не тѣмъ, чѣмъ была «критическая исторія» Шлецера. Въ какое же отношеніе стали послѣдователи Шлецера къ новымъ критическимъ идеямъ и какую роль сыграли эти идеи въ общемъ развитіи русской исторіографіи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы по необходимости вернемся къ тому пункту, на которомъ остановились; мы встрѣтимся съ профессоромъ старомоднаго, екатерининскаго типа; мы увидимъ, что онъ исходитъ изъ достаточно извѣстныхъ намъ критическихъ идей Шлецера; на нашихъ глазахъ эти идеи осложнятся новыми вліяніями, и мы будемъ имѣть возможность наблюдать, какую роль играетъ въ этомъ осложненіи молодая аудиторія старомоднаго профессора; мы увидимъ, наконецъ, какъ идеи исторической критики окажутся исчерпанными и перестанутъ удовлетворять молодое поколѣніе, которое покинетъ аудиторію стараго профессора такъ же быстро, какъ оно ее наполнило, и направится въ другія аудиторіи—искать болѣе общихъ основъ цѣльнаго философскаго міросозерцанія. На одномъ человѣкѣ и на одномъ моментѣ исторіографіи мы прослѣдимъ, такимъ образомъ, тотъ, повидимому, огромный скачокъ, который успѣла сдѣлать русская наука въ нѣсколько лѣтъ, прошедшихъ со смерти Барамзина до появленія первыхъ философско-историческихъ конструкций русской исторіи.

II.

Мы только что говорили, что идея исторической критики перешла къ XIX столѣтію по наслѣдству отъ XVIII-го. Появившійся въ первыхъ годахъ

нашего столѣтія *Исторія* Шлецера далъ примѣръ приложенія на практикѣ тѣхъ примѣровъ, которыми Шлецеръ училъ въ теоріи русскихъ изслѣдователей прошлаго вѣка. Эта книга сдѣлалась школой, черезъ которую прошли всѣ сколько-нибудь выдающіеся специалисты по русской исторіи. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что историографія XIX вѣка идетъ отъ Шлецера. Тѣ, кто считалъ появленіе *Исторія государства Россійскаго* зрой въ нашей историографіи, конечно, должны были иначе представлять себѣ ходъ развитія русской науки. Съ ихъ точки зрѣнія Шлецеръ былъ представителемъ не только критическаго (по методу), но отрицательнаго (по содержанію) взгляда на русскую исторію; напротивъ, Карамзинъ явился выразителемъ положительнаго взгляда и сдѣлался, такимъ образомъ, сознательнымъ противникомъ Шлецера. Какъ мало, въ сущности, принципиальной разницы во взглядахъ Карамзина и Шлецера, объ этомъ мы говорили раньше. Между тѣмъ, на этой предполагаемой разницѣ строилось ичогда представление о всемъ послѣдующемъ ходѣ русской историографіи. Развитие ея представлялось въ видѣ борьбы двухъ направленій, положительнаго и отрицательнаго; первое выводилось отъ Карамзина, второе отъ Шлецера. Едва ли, однако же, такое представление соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не то, чтобы вовсе не было при Карамзинѣ и послѣ него сторонниковъ націоналистическаго взгляда на исторію, но, сами по себѣ, выраженія этого взгляда, вродѣ патриотическихъ возгласовъ Сергѣя Глинки, или увлеченій такъ называемой «славянской школы», превратившей въ славянъ большую часть автохтоновъ Европы, или даже вродѣ мистическаго патриотизма Погодина, — всѣ эти уродливыя выраженія націонализма едва ли кто рѣшится зачислить въ рубрику «положительнаго направленія». Если же оставить ихъ въ сторонѣ при изученіи «главныхъ теченій» русской историографіи, тогда и представители «положительнаго» и представители «отрицательнаго» направленія одинаково окажутся учениками Шлецера и послѣдователями его критическихъ тенденцій. Не говоримъ уже о старшемъ поколѣніи, о Румянцевѣ и Евгеніи, Каченовскомъ и Арцыбашевѣ, но и самые молодые изъ ученыхъ александровскаго времени окончили свое историческое образованіе, независимо отъ *Исторіи государства Россійскаго*, подъ влияніемъ Шлецера. Патриотъ и ополченецъ 12-го года, Балайдовичъ, учившійся у Глинки и Карамзина: «святой любви къ отечеству», по его собственнымъ словамъ, «учился исторической критикѣ у великаго Шлецера». Погодинъ былъ еще гимназистомъ, когда вышла *Исторія* Карамзина; съ благоговѣйнымъ трепетомъ онъ приступилъ къ чтенію собственнаго экземпляра, приобретеннаго немножко чичиковскимъ способомъ. Но и онъ «очутился въ новомъ мірѣ и уразумѣлъ, что такое критика», только тогда, когда въ университетѣ товарищъ Кубаревъ натолкнулъ его на чтеніе *Нестора*. А готовясь къ магистерскому экзамену, Погодинъ вотъ уже что записывалъ въ своемъ дневникѣ: «Такую дичь написалъ Карамзинъ въ первой главѣ, что ни на что не похоже. Едва ли не одно достоинство остается за Карамзиннымъ:

искусство писать» *). Повторяемъ, *школа* Карамзина не существовало въ русской историографіи. Существовала только школа Шлецера. Внутри *этой* школы и образовались тѣ два направленія, за которыми утвердились названія «положительнаго» и «отрицательнаго» (или «скептическаго»).

«Наибольшую славою,—такъ характеризуетъ это положеніе дѣла одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ 1834 году,—по справедливости пользуются нынѣ мнѣнія, съ такою блестящею ученостію развитыя Шлецеромъ и такъ удачно внесенныя Карамзинымъ въ его безсмертное твореніе. Въ числѣ послѣдователей этихъ великихъ мужей находятся извѣстѣйшіе наши ученые». Но между этими послѣдователями авторъ отмѣчаетъ разницу. Одни, «вѣруя безотчетно въ ученыхъ, но не всегда справедливыя розысканія Шлецера и Карамзина, списываютъ ихъ буква въ букву и труды этихъ великихъ мужей почитаютъ геркулесовыми столпами въ критикѣ русской исторіи». Другіе, «не довольствуясь изслѣдованіями предшествовавшихъ имъ критиковъ, пробиваютъ себѣ новую тропинку на неразработанномъ полѣ отечественной исторіи, хотятъ идти далѣе въ дѣлѣ исторической критики, распространить ея предѣлы и съ большею вѣрностію и большимъ безпристрастіемъ примѣнить ея законы къ лѣтописямъ нашимъ». Это говорить, разумѣется, представитель одной изъ борющихся партій **). Но вотъ что пишетъ въ томъ же году посторонній наблюдатель борьбы, Бѣлинскій: «Теперь у насъ двѣ историческія школы: Шлецера и Каченовскаго. Одна упирается на давности, привычкѣ, уваженіи къ авторитету ея основателя; другая, сколько я понимаю, на здоровомъ смыслѣ и глубокой учености. Мнѣ кажется очень естественнымъ, что настоящее поколѣніе, чуждое воспоминаній старины и предубѣжденій авторитетовъ, горячо приняло историческія мнѣнія Каченовскаго» ***).

И такъ, смыслъ раскола среди послѣдователей Шлецера заключался въ

*) *Бессоновъ*: „Калайдовичъ“ (*Ученія* 1862 г., т. II), 23; ср. стр. 96 о „почтеннѣйшихъ друзьяхъ (его) Болтинѣ, Миллерѣ и Шлецерѣ, къ которымъ (онъ) и въ радости, и печали прибѣгаетъ, и въ нуждѣ находитъ недвѣрипательные совѣты и всегдашнюю помощь“. П. М. Строевъ пятнадцати лѣтъ уже изучалъ исторію Щербатова, пріобрѣтенную на толкучкѣ. *Барсуковъ*: „Строевъ“, 3. *Барсуковъ*: „Жизнь и труды Погодина“, I, 29—30, 54—56, 233. Ср. оцѣнку Карамзина Погодинымъ и его взглядъ на очередныя задачи изученія въ предъидущей статьѣ.

***) *Сергій Скроменко* (Строевъ младшій): „О недостоверности древней русской исторіи и ложности мнѣнія касательно древности русскихъ лѣтописей“. М., 1834 г. стр. 1—3.

***) *Молва* 1834 г., № 52, стр. 440. Ср. отзывъ К. Аксакова (*День* 1862 г., № 40, стр. 3): „Въ наше время любили, и дѣлили, и боялись, притомъ, чуть ли не больше всѣхъ, Каченовскаго. Молодость охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любятъ новое, самобытное мнѣніе,—и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашель сильное сочувствіе во всѣхъ насъ. Строевъ (братъ археографа), Бодянский съ жаромъ развивали его мысли. Станкевичъ такъ же думалъ. Я тоже былъ увлеченъ. Только впоследствии увидалъ я всю несостоятельность нашего историческаго скептицизма“. Обѣ цитаты см. у *Барсукова*: „Жизнь и труды Погодина“, т. IV, стр. 214.

томъ, что молодое поколѣніе подъ руководствомъ своего профессора захотѣло «идти далѣе» Шлецера «въ дѣлѣ исторической критики».

Вопросъ, который разъединилъ обѣ спорившія стороны, былъ, въ сущности, вопросомъ не новымъ. Это былъ все тотъ же вопросъ о степени дикости или образованности древней Руси, на рѣшеніи котораго разошлись въ XVIII вѣкѣ Шербатовъ и Болтинъ, Шторкъ и Шлецеръ. Карамзинъ, съ своимъ стилистическимъ соединеніемъ противоположныхъ мнѣній, не подвинулъ, въ сущности, ни на шагъ рѣшеніе спорнаго вопроса. Нельзя отрицать, правда, что появленіе въ свѣтъ *Истории государства Россійскаго*, съ ея идеями о древнемъ могуществѣ и величіи Россіи, освѣжило споръ и придало больше оживленія полемикѣ. Въ жару спора скептикамъ случалось клеймить вѣрныхъ послѣдователей Шлецера эпитетомъ «карамзинистовъ». Но, въ сущности, литературно-патріотическій взглядъ Карамзина былъ такъ же чуждъ обѣимъ спорящимъ сторонамъ, какъ таковой же Ломоносовскій взглядъ чуждъ былъ изслѣдователямъ конца XVIII вѣка. Настоящій интересъ спора заключался въ возстаніи противъ Шлецера, а то, что сообщило этому возстанію особую привлекательность, это—употребленіе въ дѣло тѣхъ ученыхъ ресурсовъ, которые вытекали изъ новаго пониманія въ XIX вѣкѣ идеи исторической критики. Знаменитый критикъ XVIII вѣка сдѣлалъ уже не мало шаговъ въ направленіи скептицизма. Онъ отвергалъ существованіе просвѣщенія, торговли, городовъ въ древней Руси,—отвергалъ, поэтому, возможность существованія металлической монеты, письменъ, слѣдовательно, и древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ (договоровъ съ греками). Для критика XIX вѣка всего этого было мало, потому что онъ находилъ отрицаніе Шлецера недостаточно принципиальнымъ. Отвергая тѣ или другія свидѣтельства древняго памятника, Шлецеръ вѣрилъ въ самый памятникъ. Объявляя подложными отдѣльные показанія лѣтописи и считая ихъ позднѣйшими вставками,—онъ тѣмъ самымъ спасалъ древнюю лѣтопись отъ всякихъ подозрѣній и нареканій. «Подлинный» *Несторъ* по Шлецеру кратокъ, скуденъ, но вѣренъ; а то, что есть въ немъ «баснословнаго», вставлено переписчиками. Точка зрѣнія критика XIX вѣка совершенно иная. «Баснословное» не есть произвольная вставка переписчика: это есть настоящая стихія древняго памятника. «Мы бы тогда усомнились въ подлинности древняго временника, когда бы *не* находили въ немъ этой дѣтской, простодушной баснословности, этого мнѣческаго оттѣнка, который есть несомнѣнная печать древности» (слова Надеждина). И такъ, причина недостоверности лѣтописныхъ извѣстій заключается не въ томъ, что до лѣтописца дошло мало свѣдѣній, и не въ томъ, что лѣтописный текстъ подвергся позднѣйшимъ передѣлкамъ и искаженіямъ. Лѣтописи недостоверны потому, что между событіемъ и писателемъ, по общему историческому закону, открытому новою критикой, необходимо предположить промежуточный періодъ народной устной передачи. Такимъ образомъ, исторія всякаго народа *должна* начинаться съ *преданій*. Нибуръ, съ своимъ превращеніемъ въ народную легенду цѣлаго періода римской исторіи, являлся нагляднымъ примѣромъ

плодотворности новаго взгляда. Его открытіями измѣряли пространство, пройденное европейскою исторіографіей со временъ Шлецера, и не дожидаясь болѣе «очищенія» *Нестора*, требовали апріорнаго признанія баснословности начала всякой исторіи, слѣдовательно, и русской. Не «изгонять (искусственно) баснословный мракъ изъ перваго вѣка нашей исторіи» долженъ историкъ, а прямо признать, что источники «сами указываютъ на вѣкъ мифологическій, неясный и сомнительный». «Народы стѣнно любятъ освящать свое младенчество сверхъестественными происшествіями, божественными посредничествами, или даже и одними лишь темными воспоминаніями о доблести и славѣ, которыя какъ бы возвеличиваютъ судьбу отечества». «Притомъ же, у младенчествующихъ народовъ преданія почти всегда облекаются въ поэтическія формы: поэзія — едва ли не первое искусство народа». «Но рано или поздно настанетъ минута, въ которую безжалостная критика, углубляясь въ прошедшее, не устрашится уже таинственного мрака. Эта роковая минута для Рима настала задолго до того времени, когда берлинскій ученый предпринялъ исторгнуть ту смоковницу, подъ которою волчица питала Ромула съ Ремомъ, и ниспровергнуть алтарь Аія Локуція *). Для Россіи тоже «время такого совершеннаго переворота... не замедлило наступить... Начало этого переворота положено М. Т. Каченовскимъ **).

Какъ видимъ, появленіе новой точки зрѣнія на періодъ древнѣйшей русской исторіи было совершенно естественно и законно. Это была точка зрѣнія романтизма XIX вѣка, пришедшая на смѣну рационализму XVIII столѣтія. Намъ остается познакомиться съ представителями новаго взгляда и съ тѣмъ, какое употребленіе было ими сдѣлано изъ этого взгляда въ приложеніи къ русской исторіи.

Биографія основателя школы, М. Т. Каченовскаго, мало похожа на биографію ученыхъ нашего времени. Конецъ XVIII вѣка Каченовскій (род. въ 1775 г.) прослужилъ въ полкахъ и городскихъ учрежденіяхъ. Въ 1801 году бывшему губернскому регистратору и квартирмейстеру удалось опредѣлиться у попечителя Московскаго университета, гр. А. К. Разумовскаго, бібліотекаремъ и правителемъ канцеляріи. Съ этихъ поръ Каченовскій быстро пошелъ въ ходъ. Въ 1805 году онъ уже магистръ философіи въ универси-

*) Вторая и четвертая фразы взяты изъ переводной рецензіи на исторію Нибура, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы* Каченовскаго за 1830 г., № 17—20, стр. 75—92. Первая изъ нихъ перешла въ его собственную статью *О баснословномъ времени въ русской исторіи*, изъ которой взята и третья цитированная въ текствѣ фраза (*Ученія Записки Московскаго Университета*). Наконецъ, первая фраза изъ статьи *О скудности и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей исторіи*, написанной по лекціямъ Каченовскаго, читаннымъ за два года раньше, и напечатанной въ его журналѣ въ 1830 г. (*Вѣстникъ Европы*, № 13—16, стр. 161—166; ср. *ibid.*, № 17—20, стр. 33). Ср. статью *Надеждина*: «Объ историческихъ трудахъ въ Россіи». *Библ. для чтенія*, XX, *Наука и искусство*, стр. 94; тамъ же и характеристика пріемовъ Шлецера съ новой точкой зрѣнія, см. стр. 125—133.

**) *С. Скромянко*: «О недостоверности» и т. д., стр. 5.

тетѣ, въ 1806 г.—докторъ, въ 1808 г.—адъюнктъ и старшій письмоводитель при попечителѣ, въ 1810 г.—экстраординарный, а въ слѣдующемъ—ординарный профессоръ изящныхъ искусствъ и археологій. Десять лѣтъ спустя (1821 г.) его переводятъ на кафедру исторіи, статистики и географіи Россійскаго государства. Еще черезъ десять лѣтъ ему поручаютъ русскую словесность, и временно—всеобщую исторію и статистику. Если прибавить къ этому, что кончилъ свою карьеру Каченовскій уже въ качествѣ преподавателя исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій (1835—† 1842) и что большую часть времени, проведеннаго на кафедрѣ, онъ издавалъ еще журналъ (*Вѣстникъ Европы*), то увидимъ, что бывшему квартирмейстеру, кончившему свое образованіе 13 лѣтъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, было нелегко изучить всѣ тѣ различныя специальности, которыя ему приходилось преподавать въ теченіе университетской службы. Въ какой степени онъ успѣлъ, среди всѣхъ своихъ многообразныхъ занятій, углубиться въ русскую исторію, можно судить, за недостаткомъ подробныхъ біографическихъ данныхъ *), по его печатнымъ статьямъ въ *Вѣстникъ Европы* (начиная съ 1809 года). Статья *Объ источникахъ русской исторіи* составляетъ простое изложеніе Шлецера, въ которомъ нѣтъ ничего оригинальнаго. *Краткая выписка о первобытныхъ народахъ* есть, дѣйствительно, выписка изъ лѣтописи съ шлецеровскими поправками и шлецеровскою классификаціей на летговъ, финновъ и славянъ. И статья *Параллельная мѣста къ русскимъ лѣтописямъ*, въ которой «автору удалось,— по мнѣнію пр. Иконникова,— блистательно доказать сравнительнымъ путемъ баснословность многихъ извѣстій русскихъ лѣтописей», составлена на основаніи Шлецера и Татищева и ни на шагъ не подвигаетъ вопроса о происхожденіи легендъ начальной лѣтописи. Каченовскій еще стоитъ на точкѣ зрѣнія Шлецера, что всѣ лѣтописныя преданія «умышленно выписаны изъ книгъ чужестранныхъ и вставлены для наполненія пустого промежутка»; онъ только начинаетъ подозрѣвать, не слѣдуетъ ли эти «вымыслы», «включенные въ лѣтопись», по мнѣнію «усердныхъ почитателей преп. Нестора», «уже гораздо позднѣе (въ XVI в.)»,—отнести уже ко времени составленія лѣтописи и вину за нихъ возложить на самого лѣтописца.

Въ слѣдующіе годы, до самаго выхода въ свѣтъ *Исторіи* Карамзина, всѣ болѣе значительныя статьи Каченовскаго въ *Вѣстникъ Европы* относятся къ исторіи русской словесности **). Въ 1817 г. Каченовскій напе-

*) Біографическія данныя о Каченовскомъ см. въ *Біогр. словарь профессоровъ Моск. уни.* I, 333 (см. *Соловьева*); въ статьѣ проф. *Иконникова*: „Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники“ (здѣсь и обзоръ статей Каченовскаго и его послѣдователей), *Кіевскія Унив. Извѣстія* 1871 г., №№ 9 и 10 (окончаніе въ № 11); въ „Справочномъ словарѣ“ *Геннади* (Бера. 1880) II, 124 и въ *Біографическіяхъ Запискахъ* 1892 г., №№ 4 и 5, статья *В. М. Каченовскаго*. О занятіяхъ славянствомъ Каченовскаго см. у *Кочубинскаго*: „Начальные годы русскаго славянсвѣдѣнія“, стр. 40—50.

***) О Россійскомъ витійствѣ прошлаго вѣка, о Ломоносовѣ, о славянскомъ языкѣ.

чталаъ свои *Пробныя листки изъ руководства къ познанію исторіи и древностей Россійскаго юсударства*. Руководство это, начатое имъ за четыре года передъ тѣмъ, было брошено авторомъ, когда появились труды Лерберга и Круга; въ *Пробныхъ листкахъ* мы находимъ простую компиляцію изъ *Nordische Geschichte* и *Нестора* *).

Въ слѣдующемъ (1818) году встрѣчаемъ въ *Вѣстникъ Европы* первое нападеніе на Карамзина. Исторіографъ написалъ для императрицы, — очевидно, наскоро и безъ достаточныхъ пособій, — записку о московскихъ достопамятностяхъ: нѣчто вродѣ путеводителя по случаю ея поѣздки въ Москву. Записка эта, безъ вѣдома автора, была напечатана. Каченовскій попалъ на ея ошибки, притворяясь, что не вѣритъ, будто Карамзинъ могъ сдѣлать такіе промахи и будто статья дѣйствительно принадлежитъ ему **). Вслѣдъ затѣмъ начался и разборъ *Исторіи юсударства Россійскаго въ Письмахъ отъ кievскаго жителя къ другу* (1818 и 1819 гг.). Разборъ этотъ не пошелъ, однако, дальше предисловія и возраженій на общія возраженія Карамзина.

Такимъ образомъ, до сихъ поръ мы не имѣемъ права быть слишкомъ высокаго мнѣнія объ учености Каченовскаго или самостоятельности и оригинальности его взглядовъ. Говоря словами Погодина, «первые опыты Каченовскаго на поприщѣ исторіи были очень не важны и не заключали въ себѣ почти ничего новаго; — выписки и извлеченія изъ Шлецера, Добровскаго, Тунмана, полезныя потому, что между русскими литераторами въ то время мало еще были извѣстны подлинники» ***). Новая, наиболѣе блестящая пора въ ученой дѣятельности Каченовскаго начинается съ тѣхъ поръ, какъ его переводить на кафедру русской исторіи (1821). Чтеніе лекцій заставляетъ профессора серьезнѣе ознакомиться если не съ источниками, то, по крайней мѣрѣ, съ литературой русской исторіи. Предметомъ его изученія, также какъ и предметомъ преподаванія съ кафедры, становится древнѣйшій періодъ. Направленіе лекцій само собою опредѣляется стариннымъ отношеніемъ Каченовскаго къ Шлецеру, а появленіе *Исторіи юсударства Россійскаго* даетъ возможность придать Шлеперовской критикѣ характеръ послѣдняго слова науки. «Всѣ ложныя понятія, господствовавшія въ Россійской исторіи», какъ доказывала исторія Карамзина, «до нашего (1830) времени, о какой-то Рюриевой монархіи, о какихъ-то столицахъ, о какомъ-то благоустроенномъ правительствѣ и какихъ-то историческихъ видахъ и ошибкахъ

*) Въ одномъ мѣстѣ этой статьи можно предполагать намекъ на впечатлѣніе, произведенное *Исторіей юсударства Россійскаго*. «Было время, — говоритъ Каченовскій, — когда смѣлые дѣписатели, не имѣя вѣрныхъ извѣстій, предлагали свои собственные выдумки; такой способъ удовлетворять любопытству, при нынѣшнемъ состояніи наукъ историческихъ, по справедливости почитается недостойнымъ благомыслящихъ читателей и посрамительнымъ для историка».

***) *Погодинъ*: «Карамзинъ», II, стр. 230.

***) *Моск. Вѣстникъ* 1830 г., № 3, стр. 318 — 320. Цит. у *Барсукова*, т. III, стр. 110—111.

первых князей полудикахъ, о какихъ-то правахъ на титул великаго, о какомъ-то героизмѣ, о какой-то мудрости, о какомъ-то гражданскомъ про-свѣщеніи, всё сказки, повторявшіяся, вслѣдъ за Карамзинымъ, «безъ малѣйшаго измѣненія» даже въ школьныхъ учебникахъ сдѣлались теперь пред-метомъ обличенія съ кафедръ, къ величайшему интересу аудиторіи *).

Во всемъ этомъ не было, правда, еще ничего «скептическаго». Тотъ «скептицизмъ», которымъ отличается школа Каченовскаго отъ современнаго ей критическаго направленія исторической мысли, развился у самого осно-вателя школы мало-по-малу уже въ теченіе двадцатыхъ годовъ. Особенность этого скептицизма состояла не столько въ *цѣли*, которую ставили себѣ скептики, сколько въ выборѣ тѣхъ *средствъ*, съ помощью которыхъ они думали этой цѣли достигнуть. Цѣль у всѣхъ была одна: и скептики, и ихъ современники хотѣли разрушить традиціонныя представленія о какомъ-то небываломъ величіи и могуществѣ нашей начальной исторіи. Но большин-ство современниковъ винило за эти представленія позднѣйшихъ переписчи-ковъ лѣтописи или историковъ, начиная съ Татищева и кончая Карамзи-нымъ. Скептики находятъ въ самыхъ источникахъ подтвержденія тѣхъ же самыхъ фантастическихъ представленій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не начинается каждая исторія, по новымъ историческимъ понятіямъ, періодомъ баснослов-нымъ? Скептикамъ не было даже надобности изучать русскіе источники, чтобы рѣшить, что въ нихъ уже заключаются «тѣ ложныя понятія о могуществѣ, богатствѣ и славѣ» древней Руси, которыя поражали ихъ въ *Исторіи государ-ства Россійскаго*. Поэтому, вмѣсто того, чтобы бороться съ отдѣльными литера-турными украшеніями историковъ, они предпочли заподозрить фактическія по-казанія источника и пресѣчь, такимъ образомъ, зло въ самомъ корнѣ. «Если въ лѣтописи и Русской Правдѣ находятъ подтвержденіе мнѣнія о могуществен-номъ государствѣ Олеговъ и Владимировъ, если договоръ Олега есть дока-зательство того, что руссы были не варвары, если «всѣ эти источники свидѣтельствуютъ, что «Новгородъ ведеъ значительную торговлю», то не значить ли это, что и лѣтописи, и Русская Правда, и договоры—одинаково подозрительны **). Съ этой точки зрѣнія «польза» и даже необходимость скептицизма была совершенно несомнѣнна. Если лѣтописи, дѣйствительно, поддерживаетъ традиціонный взглядъ на древній періодъ, то, «конечно», «принявъ мнѣніе о позднемъ составленіи» и недостоверности нашихъ лѣто-писей, мы «освободили бы исторію отъ этого традиціоннаго взгляда»: «не баснословили бы о началѣ государства; не приписывали бы предкамъ на-

*) Мы нарочно цитируемъ для характеристики исходнаго пункта лекцій Каче-новскаго слова его будущаго противника Погодина, чтобы тѣмъ рѣзче подчеркнуть господствовавшее настроеніе описываемаго момента. Оппозиція Карамзину, какъ ви-димъ, одинаковая у сторонника Шлецера и у основателя скептической школы. *Моско-вскіе Вѣстн.* 1830 г., рецензія на учебникъ Кайданова, изд. у Барсукова, т. III, стр. 191.

***) Этотъ основной силогизмъ скептиковъ формулировалъ уже К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ его статьѣ *Современное состояніе русской исторіи, какъ наука* *Московское Обозрѣніе* 1859 г., кн. I, стр. 54.

нимъ небывалыхъ триумфовъ и не выводили бы пустыхъ слѣдствій изъ договоровъ несбыточныхъ; не философствовали бы о политическихъ видахъ Ольги и Святослава; не составляли бы ложныхъ понятій о древнемъ могуществѣ, богатствѣ и славѣ любезнаго нашего отечества и не растагивали бы безъ нужды границъ онаго, соблюли бы историческую перспективу, соблюли бы истину» *).

Какъ видимъ, первая посылка скептическаго силлогизма была построена на основаніи новыхъ историческихъ взглядовъ: русскіе источники, какъ и всякіе другіе, содержатъ баснословныя представленія о древнѣйшемъ періодѣ исторіи. Тѣ же новыя воззрѣнія подсказали и вторую посылку: подобныя историческія представленія «противорѣчатъ общимъ законамъ развитія каждаго государства, каждаго народа» **). Эта вторая посылка особенно характерна для новаго направленія: она выдвигаетъ совершенно новый критерій исторической достовѣрности. Далекое не ясно сознанный самимъ основателемъ школы, этотъ критерій совершенно сознательно формулированъ однимъ изъ его временныхъ приверженцевъ, Надеждинымъ ***). «Критика, низшая и высшая, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ заключаютъ ее нынѣ,—говоритъ Надеждинъ,—совсѣмъ недостаточна для достиженія несомнѣнной исторической достовѣрности. Этотъ недостатокъ состоитъ именно въ томъ, что критика до сихъ поръ ограничивалась только разборомъ свидѣтельствъ, а не содержащихся въ нихъ фактовъ, или, яснѣе, что она основывала всю достовѣрность фактовъ на достовѣрности свидѣтельствъ». Съ новой точки зрѣнія, «всякій фактъ самъ въ себѣ имѣетъ внутреннія условія достовѣрности, которыя гораздо важнѣе и выше, которыя часто не зависятъ нисколько отъ достовѣрности свидѣтельствъ, а, напротивъ, даютъ имъ достовѣрность. Эти внутреннія условія составляютъ историческую возможность факта,—возможность не отрицательную только, заключающуюся въ отсутствіи противорѣчія, но положительную, состоящую въ полномъ согласіи его съ законами историческаго развитія жизни. Никакой древній историческій манускриптъ, никакой извѣстный авторитетъ, выдержавшій всю пытку обыкновенной критики, не убѣдитъ меня въ подлинности факта, если онъ представляетъ рѣшительное противорѣчіе съ этими законами; напротивъ, полное согласіе съ ними внушаетъ довѣренность къ факту, хотя бы онъ опирался на преданія, не удовлетворяющихъ требованіямъ нынѣшней критики». Въ этихъ словахъ Надеждина какъ нельзя лучше охарактеризованъ тотъ шагъ впередъ, который сдѣлала теорія исторической критики со времени Шлецера. Не довольствуясь «формальной критикой» послѣдняго, новое направленіе требовало критики «реальной»; и въ этомъ требованіи заключается вся суть раскола между скептиками и остальными послѣдователями Шлецера. Но та же статья Надеждина лучше всего пока-

*) Слова Каченовскаго въ статьѣ *О баснословномъ времени въ русской исторіи*.

**) С. Скрамченко: „О недостоверности древней русской исторіи“, стр. 28.

***) Библиотека для Читенія 1837 г., т. XX. „Объ исторической истинѣ“, стр. 148, 153—154.

зываетъ, что до такого раскола Каченовскій не могъ дойти старыми средствами. Дѣло въ томъ, что статья направлена *противъ* самого Каченовскаго, какъ представителя «формальной» Шлецеровской критики. Надеждинъ не безъ основанія показываетъ, что формальная критика необходимо приводитъ къ отрицанію и разрушенію, къ одностороннему скептицизму, «тогда какъ произведеніе положительнаго убѣжденія, при настоящихъ ея средствахъ, почти невозможно». Дѣйствительно, поднявъ возстаніе противъ Шлецера, Каченовскій въ сущности продолжалъ стоять ближе къ Шлецеру, чѣмъ къ новому направленію. Вместе съ новымъ направленіемъ онъ провозгласилъ «баснословность» лѣтописныхъ преданій; но то, что представлялось ему въ этихъ «баснословныхъ» преданіяхъ голой «выдумкой», которую слѣдуетъ просто отбросить *), — людямъ новаго направленія представлялось «миоомъ», въ которомъ слѣдуетъ доискиваться правды, внутренней вѣроятности. Сомнѣнія Каченовскаго повели его къ доказательству недостоверности древнихъ источниковъ, тогда какъ самый талантливый изъ его учениговъ (Скромненко), даже принявъ взгляды учителя, охотно призналъ, что лѣтопись дошла до насъ въ первоначальномъ, подлинномъ видѣ.

Промежуточное положеніе скептической школы между критическимъ и философскимъ направленіемъ исторической мысли особенно характерно подчеркивается тѣмъ фактомъ, что изъ двухъ своихъ основныхъ посылокъ первую скептики унаслѣдовали, въ сущности, отъ Шлецера, а вторую взяли изъ философскихъ аксіомъ своего времени. Русскіе историки «баснословятъ» о древнѣйшемъ періодѣ; такова, какъ мы знаемъ, первая посылка. Вторую посылку мы также приводили: баснословныя представленія о древнѣйшемъ періодѣ противорѣчатъ общимъ законамъ историческаго развитія. Необходимый выводъ былъ: русскіе источники противорѣчатъ законамъ внутренней достовѣрности. Чтобы избѣгнуть этого вывода, надо было бы только замѣтить, что онъ построенъ на логической ошибкѣ, именуемой *quaternio terminorum*, т.-е. на употребленіи одного термина въ двухъ разныхъ смыслахъ. «Баснословіе» источниковъ было совсѣмъ не то, что баснословіе ходячихъ историческихъ представленій. Въ первомъ можно было искать внутренней вѣроятности, а послѣднее надо было опровергать, какъ невѣрный ученый выводъ. Но, для того, чтобы все это замѣтить, нужно было или лучше знать источники или глубже проникнуть въ философскій смыслъ новыхъ историческихъ идей.

Отсутствіе того и другого условія создало скептическую школу. Указанный ходъ мысли избавлялъ ее отъ необходимости самостоятельно изслѣдовать источники и внушалъ ей послѣдователямъ апріорную увѣренность въ правотѣ ихъ дѣла. Вооруженные своими аксіомами, скептики не имѣли нужды въ какомъ-либо систематическомъ построеніи русской исторіи; имъ

*) Разногласіе съ Шлецеромъ было тутъ только въ томъ, кто виноватъ въ этой выдумкѣ: лѣтописецъ или позднѣйшіе переписчики и компиляторы.

оставалось просто прилагать свою общую точку зрѣнія ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ, въ которыхъ обнаруживалась устарѣлость воззрѣній ихъ противниковъ.

У самого основателя школы полное развитіе его мнѣній совершилось не сразу, и было бы трудно обозначить моментъ, когда изъ противника Карамзина онъ сдѣлался противникомъ Шлецера. Первое еретическое мнѣніе, съ которымъ онъ выступилъ въ печати и въ преподаваніи, мнѣніе о происхожденіи Руси, не выходило изъ рамокъ старыхъ споровъ и даже вовсе не было его личнымъ мнѣніемъ. Еще Шлецеръ, опираясь на Байера, готовъ былъ признавать существованіе какаго-то исконнаго племени южныхъ руссовъ, независимаго отъ прибывшихъ на Русь варяго-руссовъ скандинавскаго происхожденія. Это мнѣніе было однимъ изъ «любимыхъ парадоксовъ» *) Румянцева, а Каченовскій, выдвигая его противъ норманнама Карамзина, могъ выставить въ свою пользу еще мнѣнія Фатера, принимавшаго этихъ руссовъ за остатки готовъ на югѣ Россіи, и Эверса, считавшаго ихъ сперва хазарами, а потомъ вообще обитателями Черноморья. Къ доказательствамъ своихъ предшественниковъ въ этомъ вопросѣ Каченовскій ничего не прибавилъ новаго. Точно также не новы были послѣ Шлецера и его сомнѣнія въ древнерусской торговлѣ. Но въ этомъ пунктѣ по одному спеціальному вопросу Каченовскій предпринялъ и самостоятельное изслѣдованіе. Денежную систему нашихъ древнихъ памятниковъ нѣкоторые изслѣдователи считали основанной на кредитныхъ знакахъ, именно на кожаныхъ доскуткахъ, имѣвшихъ только нарицательную стоимость. Такъ какъ кредитныя деньги предполагали бы существованіе государственнаго кредита, то Каченовскій не могъ допустить ихъ существованіе въ древности и воспользовался намеками Сарторіуса, историка Ганзы, чтобы доказать, что древняя Русь расплачивалась не кожаными доскутками, а настоящею металлическою монетою, замѣнившею прежнія звѣриныя мѣха. Но эту замѣну мѣховъ металломъ Каченовскій объяснилъ вліяніемъ Ганзы и долженъ былъ, повтому отнести къ довольно позднему времени, не ранѣе XIII вѣка. Этотъ-то выводъ, столь, повидимому, спеціальныи, сдѣлался исходною точкою всѣхъ остальныхъ заключеній Каченовскаго, и долженъ былъ, по его мнѣнію, «произрастать въ отечественной исторіи нашей цвѣты неуываемые, принести плоды безсмертныя для душъ, алчущихъ истины исторической» Дѣло въ томъ, что всѣ древнѣйшіе памятники русской исторіи держались той же самой денежной системы, которая, какъ теперь увѣренъ былъ Каченовскій, заимствована была на Руси отъ нѣмцевъ не ранѣе XIII столѣтія. Выводъ ясенъ былъ самъ собой, — очевидно, всѣ эти памятники составлены не раньше XIII вѣка. Имѣя въ запасѣ этотъ рѣшительный аргументъ, Каченовскій, однако, «не торопился пугать читателей повѣстью такого результата, который, при своей исторической справедливости, долженъ былъ дать другой видъ первымъ столѣтіямъ нашей исторіи». Даже извѣстныи намъ

*) Выраженіе Карамзина.

выводъ изъ изслѣдованія «о кожаныхъ деньгахъ» обставленъ у автора всевозможными оговорками и умолчаніями и виденъ только очень внимательному читателю. Тѣмъ не менѣе, это изслѣдованіе заканчивается многообъясняющими словами, повторенными здѣсь Каченовскимъ уже во второй разъ: «Мы стоимъ на порогѣ неожиданныхъ переменъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ происшествій на сѣверѣ, начиная съ IX вѣка. Наступитъ время, когда удивляться будемъ тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій, почти невѣроятныхъ... Примѣръ передъ глазами: таковы ли нынѣ первые вѣка Рима, какими представлялись они взорамъ ученыхъ до Нибура?»

Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ Каченовскій попробовалъ примѣнить свои критическіе приемы на болѣе широкомъ поприщѣ: онъ предпринялъ доказать, что древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства, Русская Правда, возникъ подъ тѣмъ же нѣмецко-балтійскимъ вліяніемъ, какъ и русская денежная система. Низшая и высшая критика Шлепера пущены были здѣсь въ ходъ: авторъ доказывалъ, что Правда не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ и что нѣкоторые термины и понятія ея не могли быть извѣстны въ XI в. Но центръ тяжести аргументаціи перенесенъ уже здѣсь съ «формальныхъ» доказательствъ на «реальные». Русская Правда считалась законами, данными Ярославомъ Мудрымъ новгородской городской общинѣ. Каченовскій доказывалъ, что ни кодификація, ни городское самоуправленіе не были извѣстны въ Европѣ до XIII—XIV вѣка, и не могли, слѣдовательно, быть извѣстны въ «уединенномъ Новгородѣ въ началѣ одиннадцатаго столѣтія». Такимъ образомъ, изслѣдованіе о Русской Правдѣ есть точная иллюстрація методическаго ученія школы *).

«Гораздо прямѣе и подробнѣе», чѣмъ въ только что названныхъ печатныхъ работахъ, «говорилъ Каченовскій о тѣхъ же предметахъ на лекціяхъ **). Здѣсь профессоръ чувствовалъ себя менѣе связаннымъ строгими требованіями ученаго изслѣдованія и безопаснымъ отъ пробѣрочной критики товарищей по спеціальности. Здѣсь - то, во время университетскаго

*) Оба разсужденія: о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ перерабатывались Каченовскимъ нѣсколько разъ; онъ смотрѣлъ на то и другое какъ на такіе труды, «кими должно быть ознаменовано мое существованіе въ здѣшнемъ свѣтѣ, какъ профессора исторіи и статистики государства Россійскаго» (*В. Евр.* 1829 г., №№ 13 — 16, стр. 24). Первая редакція обѣихъ статей появилась въ *В. Евр.* за 1827 — 1829 годы. Въ исправленномъ и дополненномъ видѣ онѣ перепечатаны были затѣмъ въ *Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета* за 1835 годъ (№№ 3, 4, 9, 10). Тогда же Каченовскій началъ готовить и отдѣльное изданіе, но, «не кончивъ, хѣтъ за семь до своей кончины, остановился, увидѣвъ, вѣроятно, невозможность доказать первое свое опрометчивое утвержденіе». *Подойми:* «Изслѣдованія», стр. 255. Напечатанные 13 листовъ были выпущены уже послѣ смерти К. въ 1849 году, подъ заглавіемъ: *Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ покойнаго засл. проф. Импер. Москов. универ. М. Т. Каченовскаго.*

***) Свидѣтельство одного изъ слушателей и послѣдователей Каченовскаго, С. Строева (Скромненка), въ статьѣ *О недостаточности и т. д.*, стр. 6.

преподаванія и для преподаванія, окончательно сложилась система скептических взглядов на древнюю русскую исторію. Не рѣшаясь опубликовать ее самъ и отъ своего имени, Каченовскій, однако же, напечаталъ въ своемъ журналѣ и въ *Ученыхъ Запискахъ* университета цѣлый рядъ студенческихъ сочиненій, воспроизводившихъ по частямъ читанныя имъ лекціи *). Вслѣдъ за своимъ профессоромъ авторы этихъ сочиненій рѣшили, что древняя исторія, какъ ее изображаютъ древніе памятники, «совершенно не въ духъ IX и X столѣтій». Памятники показываютъ, «что въ IX и X столѣтіи существовало Россійское государство, превосходившее своею обширностью едва ли не всѣ тогдашнія государства европейскія; государство это находилось тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: оно имѣло богатые города и столицы, придворный штатъ, монетную систему, законы гражданскіе, флоты, правильно устроенные, постоянныя войска, обширную торговлю; знакомо было съ пышностью и роскошью, искусствами механическими, изящными, краснорѣчіемъ, зодчествомъ и пр. Эта обширная монархія основана была на сѣверѣ однимъ изъ трехъ братьевъ норманновъ, пришедшихъ изъ-за Балтійскаго моря; преемники его въ нѣсколько лѣтъ распространили свои завоеванія на югъ нынѣшней Россіи, напали на Константинополь, заключали съ греческими императорами мирные трактаты и т. д.». Но сравненіе съ всеобщей исторіей показываетъ, что въ IX и X ст. предки наши не могли находиться въ такомъ состояніи, а сравненіе съ достоверными свидѣтельствами современныхъ этому періоду иностранныхъ источниковъ убѣждаетъ, что они и дѣйствительно не находились въ немъ; въ дѣйствительности «очевидцы и современники» показываютъ намъ, «что въ IX и X ст. былъ грубый и дикій народъ—руссы, жившій на югѣ нынѣшней Россіи, занимавшійся разбоями и грабежами, что онъ опустошалъ берега морей Чернаго и Каспійскаго, что онъ покорилъ своей власти славянскія племена, жившія на Днѣпрѣ, имѣлъ своихъ князей, которые ежегодно ѣздили собирать дань съ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ (слѣдовательно, находились на низшей ступени гражданской образованности) и т. д.» **). И такъ, русскіе источники не достоверны. И дого-

*) «Плодомъ этихъ чтеній,— говоритъ С. Строевъ,— было нѣсколько историческихъ диссертаций, написанныхъ его слушателями въ томъ духѣ, въ какомъ читалъ профессоръ». Самъ Каченовскій свидѣтельствуетъ объ одной изъ этихъ статей: «Плодомъ сихъ бесѣдъ (лекцій о русской исторіи) явилось сочиненіе на заданную тему: *О времени и причинахъ вторичнаго переселенія славянъ на берега Волхова*». По словамъ Погодина, «студенты, имѣвшію къ нему (Каченовскому) отношеніе, какъ къ профессору, декану и, наконецъ, ректору, должны были, *benevolentiae caritandae causa*, писать классическія упражненія въ его духѣ и подвели разсужденія изъ общихъ мѣстъ подъ его отрицанія и знаки вопроса». *Исследованія, замѣчанія и лекціи*, т. I, стр. 331. О «любимыхъ темахъ» Каченовскаго и о томъ, что студенты принимали въ расчетъ его взгляды, мы знаемъ и отъ его слушателей. См. *Переписку Станкевича*, стр. 84. Нельзя не прибавить, что «общія мѣста» часто удавались молодому поколѣнію учениковъ лучше, чѣмъ самому учителю.

***) *С. Скроженко*, о. с., 11 — 29. Характернымъ для школы образомъ, первая картина составлена по Карамзину, но приписана источникамъ.

воры съ греками, и Русская Правда, и самая лѣтопись составлены «въ духѣ XIII и XIV столѣтій», когда, дѣйствительно, благодаря балтійскимъ нѣмцамъ и Ганзѣ, проникли на Русь и торговля, и просвѣщеніе черезъ посредство Новгорода. Здѣсь, въ Новгородѣ, и составлены заподозрѣнные документы: договоры по образцу ганзейскихъ, лѣтопись по образцу нѣмецкихъ хроникъ. Самая географія и этнографія древней лѣтописи выкрадены изъ этихъ хроникъ, изъ Гельмольда и Адама Кременскаго; всѣ эти поляне, древляне, волыняне никогда не существовали въ дѣйствительности и перенесены въ Приднѣпровье компиляторомъ XIII—XIV вѣка, который просто «присвоилъ славянамъ російскимъ имена славянъ балтійскихъ», полавовъ, голцатовъ (отъ Holz—дерево) и т. д. Самый Новгородъ, въ которомъ составлялась заднимъ числомъ, изъ политическихъ видовъ, кievская лѣтопись, вовсе еще не существовалъ въ XI столѣтіи; онъ появляется не раньше XII вѣка, и есть колонія балтійскихъ славянъ, пришедшихъ изъ Вагрии. Эти «вагры» (славяне) и суть «варяги» нашей лѣтописи. Нечего и говорить, что всѣ рассказы лѣтописи объ основаніи и первыхъ временахъ государства есть чистый вымыселъ *).

Общія идеи скептической школы о законмѣрности историческаго процесса, о роли легендъ въ древнѣйшей исторіи, точно также какъ ея понятія о реальной критикѣ, представляли несомнѣнный шагъ впередъ въ развитіи русской исторической мысли. Но приложеніе этихъ взглядовъ и приѣмовъ къ разработкѣ русскихъ источниковъ вышло черезъ-чуръ неосторожнымъ. Какъ первая послышка скептиковъ, приписывавшая источникамъ взгляды Карамзина и Ломоносова, такъ и послѣдній выводъ, объявлявшій источники недостоверными на основаніи этихъ взглядовъ, одинаково свидѣтельствовали о плохомъ знакомствѣ съ источниками. При отсутствіи серьезнаго спеціальнаго изученія и вся система гипотезъ, которыми скептики

*) Кромѣ статей, цитированныхъ въ предыдущихъ примѣчаніяхъ, мнѣнія скептиковъ изложены были въ слѣдующихъ: С. М. Строева (*Скромница*): „О пользѣ изученія російской исторіи въ связи со всеобщемъ“ (*Уч. Зап. Моск. Univ.* 1833 г., №№ 4—7); „О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси“ (*Сынъ Отеч.* 1835 г., часть 51); „Критическій взглядъ на статью (Сенковского) подъ заглавіемъ: Скандинавскія саги“, помѣщенную въ 1 т. *Библи. для Читенія*. М., 1834 г., стр. 74; *Перемышлевскаго*: „О времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія славянъ на берега Волхова“ (*Уч. Зап.* 1833 г., № 9); *Станкевича*: „О причинахъ постепеннаго новышенія Москвы до смерти Ювана III“; *Стрекалова*: „Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Болтина“ (*Уч. Зап.* 1835 г., №№ 11 и 12); *Н. Сазонова*: „Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера“ (*Уч. Зап.* 1835 г., №№ 1 и 2); неизвѣстнаго автора: „О скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей древней исторіи отъ основанія государства до смерти Игоря“ (*Вѣстн. Евр.* 1830 г., №№ 13—16, 16—20). Ср. *Буткова*: „Оборона лѣтописи русской“, стр. I—II; *Погодина*: „Исслѣдованія“, т. I, стр. 333; *Барсукова*, стр. 217—218. Изложеніе статей см. у Погодина и Иконникова (*Кіев. Изв.* 1871 г., сент., стр. 28—32; окт., стр. 13—14). „Всѣ школьники, — по выраженію Погодина, — оставивъ университетъ, перестали писать тогда же, кромѣ одного (Строева), который продолжалъ писать въ этомъ духѣ еще годъ“ (*Измѣдован.*, т. I, стр. 331.

стремились доказать позднее происхожденіе источниковъ, обазывалась построенной на пескѣ. Разрушить это скороспѣлое построеніе было весьма благодарною задачей, и скоро нашлись критики, не оставившіе въ немъ камня на камень.

Первымъ выступилъ противъ скептической школы Погодинъ. Самъ представитель молодого поколѣнія и слушатель Каченовскаго, Погодинъ не могъ остаться чуждымъ этимъ новымъ идеямъ, совпаденіе съ которыми сдѣлало лекціи «великаго скептика» такими популярными среди молодежи. Но отношенія къ Каченовскому сложились у Погодина иначе, чѣмъ у другихъ студентовъ, его послѣдователей. Погодинъ узналъ Каченовскаго, какъ профессора, раньше того «счастливейшаго времени въ литературной жизни» послѣдняго, когда Каченовскій сдѣлался на нѣсколько лѣтъ любимымъ профессоромъ молодежи. Когда Погодинъ былъ студентомъ, Каченовскій читалъ эстетику, а на русскую исторію перешелъ какъ разъ въ годъ окончанія курса Погодинымъ (1821). «Если сравнить со Шлецеромъ,—писалъ въ этотъ самый годъ Погодинъ,—тѣхъ, которыхъ у насъ называютъ знатоками, наприм., Каченовскаго,—какіе пигмеи!» Готовясь къ магистерскому экзамену, Погодинъ, однако же, долженъ былъ завязать личныя сношенія съ Каченовскимъ, сотрудничалъ въ его журналѣ и посѣщалъ его лекціи. Профессоръ былъ тогда еще только противникомъ Карамзина, а не Шлецера, и на лекціяхъ доказывалъ хозарство и южное происхожденіе Руси. Тема эта еще гимназистомъ интересовала Погодина, негодовавшего изъ патріотизма на Карамзина за то, что тотъ основаніе государства приписывалъ иностранцамъ (норманнамъ). Теперь,—очевидно, подъ вліяніемъ лекцій Каченовскаго,—Погодинъ остановился окончательно на этомъ сюжетѣ для своей диссертациі и принялся за работу. Въ результатѣ онъ очень скоро убѣдился въ норманизмѣ Руси и началъ критиковать авторитеты Каченовскаго: сперва Фатера, а потомъ и Эверса, указаннаго ему самимъ профессоромъ. Это повело къ первымъ столкновеніямъ; критику на Фатера Каченовскій отказался помѣстить въ своемъ журналѣ (1823 г.), и диссертациія *О началѣ Руси*, отрывки изъ которой печатались въ *Вѣстникѣ Европы*, прошла не безъ нѣкоторыхъ затрудненій (1825 г.). Отношенія между литературными противниками, однако, не только не разстроились послѣ диспута, а, наоборотъ, сдѣлались еще лучше. Двойною причиною этого, кажется, было то, что Погодинъ въ это время открыто присоединился къ противникамъ Карамзина (въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ*) и съ возрастающимъ интересомъ сталъ слѣдить за новою стадіей скептицизма Каченовскаго. Его *Разсужденія* «подѣйствовали и на меня, — признавался онъ позднѣе,—связь этнографическая Новгорода съ Балтійскимъ поморьемъ мнѣ нравилась, а таинственные намеки о происхожденіи Русской Правды, тогда не слишкомъ еще для меня знакомой, возбуждали мое любопытство, и я началъ ожидать съ нетерпѣніемъ общанныхъ разъясненій и подтвержденій». Однако же, и тогда (1829 г.) Погодинъ находилъ, что «скептицизмъ Каченовскаго слишкомъ далеко простирается». Когда же

начали появляться студенческія статьи (1833 г.), Погодинъ выступилъ противъ Каченовскаго въ университетѣ и въ печати; онъ составилъ статью *О достоверности древней русской исторіи*, прочелъ ее студентамъ на лекціи и затѣмъ напечаталъ въ *Библиотеку для Чтенія* *). Каченовскій пожаловался начальству, но министръ Уваровъ, признавая за Каченовскимъ ученость, за Погодинымъ признавалъ благонамѣренность; онъ полагалъ, что «потрясеніе нашихъ лѣтописцевъ предосудительно для нашего народнаго чувства», и хотѣлъ, чтобы въ журналѣ министерства «былъ показанъ весь вредъ безвѣрія въ наши лѣтописи» **). Такимъ образомъ, положеніе, занятое Погодинымъ въ ученомъ спорѣ, не только не повредило ему въ служебномъ отношеніи, но, напротивъ, упрочило его положеніе въ университетѣ и послужило къ его реабилитаціи, въ которой онъ сильно нуждался послѣ своихъ нападеній на Карамзина. Министръ началъ оказывать ему знаки своего благоволенія, выслушивалъ его мнѣнія о положеніи университета, при случаѣ поручилъ ему передать эти мнѣнія новому попечителю, гр. Строганову. Въ результатѣ этихъ сношеній при введеніи новаго устава 1835 года катедра русской исторіи была отнята у сильно устарѣвшаго Каченовскаго и передана Погодину ***). «Врагъ нашей старины» ****), очевидно, не годился для «новой эры» университетскаго преподаванія въ духѣ православія, самодержавія и народности.

Съ этихъ поръ «защита историческаго православія», т.-е. лѣтописи, и вообще древняго періода, отъ нападеній скептиковъ становится на нѣкоторое время спеціальностью и даже какъ бы официальною обязанностью Погодина *****). Въмѣсто призывовъ къ строгой критикѣ и къ отрицанію авторитетовъ, какихъ бы то ни было, съ кафедры русской исторіи раздались теперь другія рѣчи. Погодинъ приглашалъ студентовъ учиться любви къ отечеству и «смирennemудрію» у Нестора, «съ нетлѣнныхъ останковъ котораго всѣ клеветы и напраслины сбѣгаютъ чужою чешуей»; водрузить «не портретъ, но освященный образъ» его въ «пантеонъ русской литературы» и «молиться ему, чтобы онъ послалъ намъ духа русской исторіи». Одновременно съ этимъ Погодинъ продолжалъ печатать журнальныя статьи противъ скептиковъ. За первую статью, названною выше, послѣдовали двѣ другія: *Кто писалъ Несторову лѣтопись; Первобытныи видъ и источ-*

*) *Барсуковъ*: „Жизнь Погодина“, т. I, стр. 30, 61, 72, 95, 146, 154, 221—22, 228—230, 243, 253, 255, 275, 291, 293; т. II, стр. 359. *Погодинъ*: „Исслѣдованія“, т. I, стр. 323—329.

***) 1834 г., № 10. *Барсуковъ*, т. IV, стр. 218—219.

****) *Барсуковъ*, т. IV, стр. 208—212, 309—311, 347 („Каченовскій, получившій славянскія нарѣчія, вмѣсто русской исторіи, возненавидѣлъ меня еще болѣе и написалъ то мнѣмъ кознямъ“,—повидимому, не безъ основанія. Ср. еще *Барсуковъ*, т. V, стр. 18).

*****) Выраженіе Шафарика о Каченовскомъ.

*****) „Дай Богъ усвѣховъ въ полевыхъ трудахъ вашихъ на защиту историческаго православія“,—писалъ служившій у министра Сербяновичъ, поздравляя Погодина съ новымъ 1837 годомъ. *Барсуковъ*, V, стр. 33.

никъ *Несторовой летописи*. На всѣ три статьи младшій Строевъ отвѣчалъ не безъ таланта; на нѣкоторыхъ второстепенныхъ позиціяхъ Погодину пришлось даже, вслѣдствіе этихъ возраженій, отступить отъ строгаго «православія». Такъ, онъ призналъ, что летопись есть сводъ различныхъ источниковъ, а не цѣльное сочиненіе одного автора; согласился и съ тѣмъ, что вопросъ объ авторствѣ Нестора имѣетъ второстепенное значеніе сравнительно съ вопросомъ о достовѣрности летописи *). Вѣроятно, необходимость осмотрѣться въ занятой позиціи и пересмотрѣть еще разъ всѣ свои доказательства заставили Погодина на время отказаться отъ начатой полемики. «Свои изслѣдованія о первомъ періодѣ,—рѣшаетъ онъ въ дневникѣ (1836 г.),—представляю какъ диссертацию, защищу и съ бою войду на кафедру. Тутъ всего приличнѣе произнести судъ Каченовскому». Въ 1838 г. докторская диссертациа Погодина была готова; послѣ годичнаго перерыва, употребленнаго на заграничную поѣздку, Погодинъ выпустилъ своего *Нестора* въ свѣтъ (конецъ 1839 г.) **). Это было какъ разъ во время, такъ какъ въ слѣдующемъ 1840 году вышла книга, задававшаяся тою же цѣлью, какъ и погодинскій *Несторъ*, и выполнявшая ее съ еще большею ученостію и съ бѣльшимъ глубокомысліемъ. Мы разумѣемъ *Оборону летописи русской, Несторовой, отъ наветта скептиковъ* П. Буткова. Несмотря, однако, на умъ и ученость автора, книга проигрывала въ одномъ, весьма существенномъ отношеніи. Съ своими этимологіями въ стилѣ Шишкова ***) , съ своими поисками Кіева во времена Геродота, Новгорода въ VI вѣкѣ послѣ Р. X. и славянь, «съ незапамятныхъ временъ», на Кавказѣ и въ предѣлахъ древней Скиѣи, съ безусловною вѣрой въ Нестора и въ его писательское «благоразуміе и правдивость»,— Бутковъ являлся представителемъ поколѣнія, давно сошедшаго со сцены, а его изслѣдованіе, при всѣхъ своихъ серьезныхъ достоинствахъ, казалось какимъ-то анахронизмомъ. Какъ бы то ни было, *Несторъ* Погодина и *Оборона летописей* Буткова сдѣлали свое дѣло: фантазіи скептиковъ были безповоротно осуждены ****). Про-

*) *Погодинъ*: „Изслѣдованія“, I, стр. 226—229, 261, 478—484. Первый отвѣтъ Строева („О недостовѣрности“ и т. д.) мы не разъ цитировали. Въ немъ въ свою очередь сдѣланы уже нѣкоторыя уступки. Другіе отвѣты въ *Смысл Отечества* 1835 года: „Кто писалъ выиѣ намъ извѣстные летописи“ (ч. 47) и „О первобытномъ видѣ и источникахъ выиѣ намъ извѣстныхъ летописей“ (ч. 48), и отдѣльно: „О мнимои древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашихъ летописей“ (Спб., 1835 г.). Статьи Погодина въ *Библіотекъ для Чтенія* 1835 г., VIII и IX. Отзвыы его о статьяхъ Строева см. у *Барсукова*, IV, стр. 220; V, стр. 377 („показалъ свои диалектическія способности, живость ума, познаніе языка; правое дѣло нельзя почти было запутывать ловчѣе, фехтовать на словахъ искуснѣе“).

**) *Барсуковъ*, IV, стр. 220, 293—298, 396; V, 33—35, 46, 177 (разсужденіе „О послѣднихъ историческихъ толкахъ“, прочтенное въ засѣданіи общ. ист. и др. рос. 23 февр. 1838 г.), стр. 399—402.

***). Напрям., *шалыгъ*—шель-лягъ (шкура звѣря, лежащаго въ щеляхъ), *норники*—живущіе въ норахъ, *самбатасъ* (названіе Кіева по Константину Багрянородному)—се мати (буди градомъ русскимъ); *волохи*—отъ влачу и т. п.

****) Отмѣтимъ здѣсь, кстати, магистерскую диссертацию *Алексыя Фодотова*: „О

тивъ этого вердикта специалистовъ современная критика могла выставить только одно возраженіе, но и то касалось не существа приговора, а только его формы. Каковы бы ни были мнѣнія скептиковъ, возражали Буткову,— все же это ученые мнѣнія, а не уголовные проступки. «Лѣтопись преподобнаго Нестора—не каноническая книга церкви; слѣдовательно, нисколько не предосудительно заниматься повѣркою ея бытописаній». Что сдѣлать, въ самомъ дѣлѣ, дурного, чѣмъ развратилъ молодежь «великій скептикъ», «который возбудилъ въ юношества охоту къ русской исторіи, который своимъ скептицизмомъ не привлекъ къ себѣ множества подписчиковъ, не купилъ на него ни села, ни двора, ни скота, который живетъ въ смиренной долѣ русскаго ученаго?» Что дѣлаютъ предосудительнаго или зловреднаго его послѣдователи тѣмъ, что «терпятъ безпокойство, сомнѣнія, роются въ иностранныхъ и отечественныхъ лѣтописяхъ, архивахъ, грамотахъ, чтобы собрать улики противъ мнѣній», кажущихся имъ «несправедливыми, увѣрить самихъ себя и научить истинѣ своихъ соотечественниковъ» *)? Передъ лицомъ науки всѣ равны; скептики дѣлаютъ то же и для столь же почетной цѣли, какъ и ихъ противники. «Жизнь науки есть борьба мнѣній», и самъ Бутковъ съ Погодинымъ въ этой борьбѣ «увлекаются духомъ критики, толкуютъ и поправляютъ слова лѣтописца»; сами они часто не согласны другъ съ другомъ и, конечно, «не изъяты изъ заблужденій». «Что же есть скептикъ и что не скептикъ?» Гдѣ точный признакъ, отличающій одного отъ другого?

Какъ мы знаемъ, точные признаки были, но они сами собой отступили на задній планъ, когда критеріемъ основательности ученыхъ мнѣній сдѣлалась ихъ благонамѣренность. Послѣ того, какъ вѣрные сторонники Шлецера Прикрылись знаменемъ Карамзина, ихъ противникамъ только и оставалось защищать самый принципъ свободнаго критическаго изслѣдованія, не рассуждая уже о томъ, какъ они этимъ принципомъ воспользовались. При такихъ условіяхъ, естественно, что молодое поколѣніе профессоровъ, обновившее Московскій университетъ въ срединѣ тридцатыхъ годовъ, отнеслось сочувственнѣе къ скептикамъ, чѣмъ къ ихъ офиціознымъ гонителямъ. Подъ такимъ настроеніемъ сложилась та благопріятная оцѣнка скептической школы, которая отъ поколѣнія С. М. Соловьева перешла къ послѣдующимъ историкамъ. Въ наше время пора снять это ложное освѣщеніе, при-

главнѣйшихъ трудахъ по части критической русской исторіи», стр. 108. М., 1839 г. Авторъ касается всѣхъ модныхъ вопросовъ его времени: вопросъ о происхожденіи Руси считаетъ нерѣшеннымъ, лѣтопись, договоры и Русскую Правду—достовѣрными и подлинными; исторія Карамзина, по его мнѣнію, „въ критическомъ отношеніи имѣетъ омутительные недостатки“; но и Шлецеръ не представлялъ послѣдняго слова исторической критики. Какъ итогъ мнѣній, вошедшихъ въ ученый обиходъ того времени, книжка Федотова очень характерна. Любопытно сравнить ее съ упоминавшейся выше статьей Надеждина въ *Библиотекѣ для Читенія* 1837 г. (*Объ историческихъ трудахъ съ Россіи*).

*) *Галател* (изд. Ражчемъ) 1840 г., № 16, стр. 274—277, цит. у Барсукова, V, стр. 404 (рецензія на книгу Буткова).

данное ученому спору борьбой общественных партій, и возвратить скептической школѣ ту дѣйствительную роль, которую она на самомъ дѣлѣ сыграла въ исторіи нашей науки. Характеризовать скептическое направленіе, какъ «критическое» вообще, причислять на этомъ основаніи къ «скептикамъ» изслѣдователей, у которыхъ съ ними не было ничего общаго, наприм., Арцыбашева, считавшаго ихъ «несносными умниками, сердитыми и не сильными вралями» *), или Полевого, къ которому всѣ университетскіе ученые, скептики и не скептики, относились съ презрѣніемъ, какъ къ самоучкѣ,—вовсе не значитъ реабилитировать скептиковъ; *настоящую* «скептическую школу» такая характеристика можетъ только лишить и того значенія, которое ей принадлежало въ дѣйствительности **). Какъ ни неудачна была попытка критическаго изученія, сдѣланная Каченовскимъ съ его учениками, все же это была *первая* самостоятельная попытка въ этомъ родѣ русскихъ ученыхъ. До двадцатыхъ годовъ русскіе изслѣдователи, въ томъ числѣ и самъ Каченовскій, только повторяли Шлецера или полемизировали съ нимъ въ частныхъ вопросахъ ***). Было бы черезъ-чуръ рискованно утверждать, что въ послѣднее десятилѣтіе своего преподаванія (1825—35 г.) Каченовскій «вполнѣ усвоилъ себѣ приемы критики Шлецеровской и Нибуrowsкой» (Иконниковъ). У Шлецера онъ взялъ только его результаты, а у Нибура—только представленіе о народномъ творествѣ въ древніе періоды,—представленіе настолько общее притомъ, что его можно было бы получить даже изъ статей о Нибури, переведенныхъ изъ иностранныхъ журналовъ въ *Вѣстникъ Европы* и *Сверномъ Архивѣ*; мы, въ сущности, даже не знаемъ навѣрное, читалъ ли Каченовскій самого Нибура. Качествомъ ученой работы нельзя мѣрить значенія скептиковъ въ русской историографіи, потому что къ серьезному изученію послѣдователи Каченовскаго вовсе не успѣли приступить; съ источниками они были знакомы поверхностно и, поставивъ вопросъ, останавливались тамъ, гдѣ только нужно было начинать ученое изслѣдованіе. Оттого всѣ ихъ выводы имъ самимъ представлялись только «возможными»; оттого, развивая свою мысль въ отрицательномъ направленіи, въ полемической формѣ, они никогда не переходили къ положительному доказательству; отвергая, наприм., мнѣніе, что лѣтопись составлена въ XI вѣкѣ, и не думали серьезно до-

*) *Барсуковъ*, т. IV, стр. 295.

**) Указанными недостатками страдаетъ, по нашему мнѣнію, оцѣнка скептической школы, сдѣланная проф. Иконниковымъ. Объ изображеніи Кояловича нечего и говорить; онъ не только сближаетъ со скептиками Арцыбашева, но даже находитъ, что на нихъ, „помимо сознанія ихъ, отражалось“ вліяніе Карамзина; именно „какъ Карамзинъ въ первые годы своей дѣятельности разрабатывалъ свою исторію въ журналахъ, такъ этому приему послѣдовали и скептики“.

***) Совершенно шлецеровскими вопросами и даже цитатами наполнены работы въ первыхъ томахъ *Трудовъ О. И. Др. Р.*, въ *Вѣстникъ Европы* и другихъ журналахъ первыхъ двухъ десятилѣтій XIX в. Кромѣ статей самого Каченовскаго, см., наприм., статьи Зубарева, Брусилова.

казывать собственную гипотезу, что она составлена, дѣйствительно, въ XIII или XIV в.

Отчего же критическая идея оказалась такою бесплодною въ ученое отношеніи? Отчего всѣ, и даже ея сторонники, такъ быстро отъ нея отвернулись? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы уяснимъ себѣ истинную причину успѣха скептицизма Каченовскаго. Новыя идеи, которыя онъ началъ пропагандировать въ 20-хъ годахъ, были дѣйствительно новы и значительны для того момента. Но самъ пятидесятилѣтній профессоръ былъ уже слишкомъ старъ для новыхъ идей, когда сложилась, — можетъ быть, неожиданно для него самого, — его скептическая школа. Волна, поднявшая Каченовскаго на верхъ ученой славы, пошла не отъ него, и схлынула такъ же быстро, какъ пришла, унеся съ собою весь молодой *entourage* стараго профессора. «Разсматривая опредѣленія исторіи, оставленныя новѣйшими историками, — писалъ младшій Строевъ, самый усердный и самый талантливый изъ скептиковъ, — легко можно видѣть, что всѣ они обращаются около одной мысли, что назначеніе исторіи — найти общіе законы, по которымъ развивалось человѣчество. Сказать, что въ такомъ-то году такой-то полководецъ взялъ такой-то городъ, что въ такомъ-то году пало такое-то государство, — не значить писать исторію. Въ такомъ случаѣ исторія не была бы стройною наукою: она представляла бы въ себѣ хаосъ событій, знаніе коихъ ни къ чему бы насъ не довело. Показать истинное значеніе каждаго событія, показать причины, его произведшія, и слѣдствія, имъ произведенныя, наконецъ, показать вліяніе, которое оно имѣло на образованіе всеобщей жизни человѣчества, — вотъ дѣло исторіи, возведенной на степень науки. Принимаемая въ этомъ, истинномъ ея значеніи, она должна быть «представленіемъ жизни всего человѣчества въ ея дѣйствительности» (слова Аста *)). Таково было понятіе «философической исторіи», съ которымъ молодое поколѣніе приходило на лекціи Каченовскаго. Едва ли можно сомнѣваться, что самому профессору это понятіе было совершенно чуждо, когда онъ начиналъ развивать свои сомнѣнія. Конечно, эти сомнѣнія, «знаки вопроса», ссылки на Западъ будили мысль, имѣли воспитательное значеніе, по свидѣтельству будущаго философа-юриста изъ тогдашнихъ слушателей Каченовскаго (Рѣдкина). Мы и видѣли, что во имя этихъ сомнѣній, во имя самостоятельной мысли молодежь льнула къ профессору. Но однихъ этихъ мыслей о первобытной дикости Россіи, о недостовѣрности древнихъ памятниковъ, о происхожденіи Руси съ юга было слишкомъ мало, чтобъ удержатъ и дисциплинировать разбуженный интересъ. Въ освѣщеніи мелочныхъ фактовъ общими мѣстами мало было похожаго на «философію исторіи» для студента, только что пришедшаго изъ аудиторіи Павлова или Надеждина, и мы понимаемъ шутку одного изъ слушателей Каченовскаго, — Станкевича. «Въ одной старинной книгѣ, — пи-

*) Критическій взглядъ на статью: „Скандинавскія саги“. *С. Скронштейн*. М., 1834 г., стр. 14—15.

шетъ онъ своему пріятелю,—сказано: «и идоша къ варягамъ въ голштинскую землю». Теперь все рѣшено. Я радъ. Хочу писать *Философію русской исторіи!*» На приложенной виньеткѣ *Философія русской исторіи* олицетворена въ трехъ фигурахъ. Одинъ господинъ, очевидно, Погодинъ, тыкаетъ пальцемъ вверхъ и говоритъ: «Вотъ откуда пошла русская земля!» Рядомъ съ нимъ другой господинъ (Каченовскій) на каедрѣ возражаетъ: «Помилуйте! какъ имъ сюда пробраться съ юга? скажутъ: финны? Ну, да, это другое дѣло». Внизу третій, съ козацкой люлькой, Несторомъ и чешскою грамматикой (Бодянский), провозглашаетъ: руссы—козаки!... Ге, земляче! колы хочешъ знать правду, пойдемъ въ Півтаву!» Наконецъ, самъ Станкевичъ кладетъ руку на книгу съ надписью *Философія русской исторіи 1850 г.* (письмо писано въ 1838 г.) и восклицаетъ: «Варяги—вагры! Ей-ей, правда!» *).

«Ей-ей, правда»,—таково резюме методическихъ пріемовъ Каченовскаго и Погодина въ шутиломъ изображеніи ихъ слушателя, а толки, откуда руссы, съ сѣвера или съ юга,—таково резюме ихъ *Философіи исторіи*. Какими жалкими и скудными должны были, дѣйствительно, казаться эти критическія умствованія, когда рядомъ, въ другой аудиторіи, слушатель получалъ цѣлое философское міровоззрѣніе, въ которомъ человекъ тонуть къ одухотворенной жизни природы и съ гордостью возвращался отъ созерцанія этой жизни, надѣленный космическою ролью—главнаго органа мірового самосознанія! *Философія исторіи* перетягивала у «исторической критики» ея адептовъ; не найдя философско-историческаго построения у Каченовскаго, молодежь принялась созидать его собственными силами. Вотъ куда ушли, слѣдовательно, эти силы, отвлеченныя отъ специальной исторической работы. Отвлеченіе это было, однако же, только кажущимся. Скептическая конструкція русской исторіи не удалась; теперь была очередь за конструкціей философской. Мы скоро увидимъ, что вліяніе философской идеи въ нашей исторіографіи оказалось гораздо глубже и могущественнѣе, чѣмъ вліяніе идеи исторической критики,—и въ результатѣ этого вліянія получились гораздо болѣе обильные плоды.

П. Милоковъ.

*) *Переписка Станкевича*, стр. 245. Не забудемъ, что Станкевичъ самъ прошелъ эту школу, самъ написалъ и напечаталъ одно изъ дюжины студенческихъ сочиненій на тему не изъ „любимыхъ“ у Каченовскаго, но съ его любимыми выходками по поводу ненадежности лѣтописей или „заблужденій, въ которыя вводятъ насъ пристрастіе, незнаніе, невѣжество лѣтописцевъ, часто несовременныхъ или удаленныхъ отъ мѣста описываемыхъ ими событій“ (О причинахъ возвышеніи Москвы).

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ шестидесятихъ годахъ *).

III.

Вознагражденіе за трудъ.—Мѣсячное жалованье.—Урочная и поденная плата.

При началѣ золотопромышленности въ Сибири вознагражденіе за трудъ на промыслахъ было гораздо однообразнѣе и состояло изъ ничтожнаго мѣсячнаго жалованья и болѣе значительной платы за старательскій трудъ. И въ позднѣйшее время въ основѣ вознагражденія за трудъ горнорабочихъ лежитъ та же система, но когда старательская работа сдѣлалась обязательною и превратилась въ простое продолженіе урочной работы, вознагражденіе за трудъ горнорабочихъ приняло нѣсколько болѣе разнообразныя формы.

Мѣсячное жалованье для горнорабочихъ продолжало существовать и, притомъ, въ прежнемъ ничтожномъ размѣрѣ, хотя нерѣдко оно примѣнялось лишь въ тѣ мѣсяцы, когда не было промывки золота. Мѣсячное вознагражденіе ремесленниковъ и такъ называемыхъ «разночинцевъ» было попрежнему значительно выше жалованья чернорабочихъ. Пищниковъ въ своей статьѣ говоритъ: «Чернорабочій, зарабатывающій хозяину всѣ расходы, потому что золото добывается его руками, этотъ человекъ, находящійся постоянно на трудной земляной работѣ подъ вліяніемъ всѣхъ переменъ въ воздухѣ, всегда грязный, оборванный, измученный, обиженный продовольствіемъ, живущій иногда въ тѣсныхъ, сырыхъ, душныхъ лачугахъ или землянкахъ, получаетъ жалованья только 3 р. 15 коп. въ мѣсяцъ, состоящій изъ 30 рабочихъ дней, или просто 10¹/₂ коп. с. въ день, а въ праздники, не получая и этого жалованья», пользуется лишь вознагражденіемъ за стараніе. Напротивъ, «конюхъ, хлѣбопекъ, плотникъ или одинъ изъ такъ называемыхъ на принсахъ разночинцевъ**), пользующійся хорошою

*) *Русская Мысль*, кн. X.

**) Скарятинъ называетъ разночинцами промывальщиковъ, кузнецовъ, плотниковъ, хлѣбопекъ, кашеваровъ, конюховъ и т. п.

квартирой, полуторнымъ продовольствіемъ, всегда разодѣтый, какъ на праздникъ, не отягощенный работой, получаетъ жалованья отъ 10 до 15 р. въ мѣсяцъ или отъ 35 до 50 коп. въ день, не исключая и праздниковъ». Ив. Латкинъ, рассматривая вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ и увеличеніи ихъ заработковъ, говоритъ: «Прежде всего, должна быть уничтожена обязательная трехрублевая мѣсячная плата, которая до сихъ поръ еще помѣшается почти что въ каждомъ условіи съ рабочими и даетъ мѣсто широкому произволу. Замѣпа ея болѣе рациональнымъ и справедливымъ расчетомъ много помогла бы дѣлу... Въ нѣкоторыхъ компаніяхъ, какъ это мнѣ хорошо извѣстно, въ особенности начиная съ прихода рабочихъ на промысла, въ февралѣ и мартѣ, до начала промывки, а также зимою и лѣтомъ, рабочимъ, работающимъ въ такъ называемыхъ поторжныхъ работахъ, существуетъ подобная трехрублевая плата». Однако, «у многихъ благоразумныхъ хозяевъ,— продолжаетъ Латкинъ,— подобной низкой мѣсячной платы не существуетъ, а если и разсчитываются рабочіе изъ поденной платы, то таковая бываетъ отнюдь не ниже 25, 30 или 40 коп. въ сутки».

Въ дѣйствительности вознагражденіе было не одинаково не только у разныхъ золотопромышленниковъ, но и у одного и того же хозяина въ разные годы. Такъ, наприм., рабочіе, нанявшіеся въ 1864 году на лѣтнюю операцію къ золотопромышленницѣ Лавровской (Маріинск. округа), должны были получать мѣсячную плату по 3 р. въ мѣсяцъ и, кромѣ того, особую старательскую плату. Напротивъ, по договору съ нею же, заключенному въ ноябрѣ того же года, рабочіе должны были получать трехрублевую мѣсячную плату только съ поступленія на присѣкъ до начала промывки (а въ праздничные дни въ это время особую повышенную плату), съ начала же промывки поденную плату за исполненіе извѣстнаго урока. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа Колчинымъ (въ мартѣ 1865 г.) мѣсячное жалованье назначено выше обычнаго, а именно отъ 6 до 9 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней (а въ праздники плата съ золотника добытаго золота), но съ тѣмъ, что если они не будутъ выполнять назначенныхъ имъ уроковъ, то, вмѣсто 6—9 р., они должны были получать по 5 р. въ мѣсяцъ. Изъ числа горнорабочихъ возвышенную мѣсячную плату получали рабочіе, опредѣленные на шурфовку. По договору съ золотопромышленникомъ Флягинымъ (1865 г.) они должны были получать по 12—15 р. въ мѣсяцъ, но если не будутъ выполнять назначеннаго имъ урока, то, кромѣ общей мѣсячной платы въ 3 р. 50 коп., такіе рабочіе должны были «разсчитываться по усмотрѣнію управленія».

На золотыхъ промыслахъ въ Киргизской степи, въ Кокбектинскомъ округѣ, мѣсячная плата была отъ 2 до 5 р.: первая полагаглась мальчишкамъ отъ 12 до 14 лѣтъ; остальные рабочіе получали увеличенное жалованье, смотря по силѣ и проворству, но не болѣе 5 р. Жены киргизъ часто нанимались въ работу съ мѣсячною платой въ 3 — 4 р. и большею частью употреблялись для ручного отвоза въ тачкахъ вскрываемаго торфа.

На промыслахъ Восточной Сибири наиболѣе обычнымъ мѣсячнымъ жалованьемъ для чернорабочихъ,—по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оно существовало,—было также 3 рубля. Жандармскій штабъ-офицеръ Енисейской губ. Боркъ писалъ (въ 1861 г.) о трехрублевой мѣсячной платѣ, какъ объ общераспространенномъ явленіи. Скарятинъ въ своей книгѣ, написанной въ 1860 году, свидѣтельствуетъ, что собственно «жалованье рабочему, по контракту, какъ было опредѣлено съ самаго начала золотопромышленности по 3 р. въ мѣсяць, такъ и осталось до сихъ поръ». По постепенно,—по крайней мѣрѣ, для лѣтнаго времени,—мѣсячная плата вытѣснялась платою въ день за исполненіе назначеннаго урока. Кроме того, и мѣсячная плата бывала иногда въ дѣйствительности выше назначенной по контракту *). По договору 1865 г. съ Окуловымъ было постановлено, что «такъ какъ въ зимнее время старательскихъ работъ не бываетъ, то рабочіе должны были получать съ 11 сент. по 1 апр. 1866 г. отъ 6 до 15 р. на человѣка въ мѣсяць», смотря по трудамъ каждаго, въ лѣтнее же время было иное вознагражденіе. По договору съ Крутовскимъ чернорабочіе должны были получать съ 10 сент. 1868 г. по 1 мая 1869 г. за вскрытіе торфа 4 р. 50 коп. до 6 р. въ мѣсяць, а находящіеся въ разныхъ поторжныхъ работахъ, кромѣ мастеровыхъ, 4—5 р., а съ 1 мая до 10 сент. повышенную поденную плату.

Такія же различія при опредѣленіи мѣсячной платы мы встрѣчаемъ и въ общихъ контрактахъ сѣверной части Енисейскаго округа **), а также и въ Олекминскомъ округѣ ***).

Мѣсячное жалованье рабочимъ на шурфовкахъ въ поисковыхъ партіяхъ на промыслахъ южной части Енисейскаго округа колебалось между 5 и 20 руб. Въ Олекминскомъ округѣ, по договору съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.), рабочіе въ поисковыхъ партіяхъ должны были получать по 6 р. въ мѣсяць, если имъ будетъ положена старательская плата, какъ чернорабочимъ на приискахъ; въ противномъ же случаѣ отъ 10 до 12 р. въ мѣсяць, смотря по усердію въ работѣ.

*) Такъ, наприм., по общему контракту К^о Бевадь, на операцію 1861—62 г. чернорабочіе должны были получать по 8 р. 43 коп. въ мѣсяць; въ донесеніи же горному инспектору о размѣрѣ вознагражденія рабочимъ на этихъ промыслахъ въ 1862 г. сказано, что чернорабочіе получали зимою отъ 6 до 8 р. въ мѣсяць, а лѣтомъ вознагражденіе было поденное за исполненіе извѣстнаго урока.

***) Въ договорѣ съ К^о Толкачева (1869 г.) рабочіе должны были получать до начала промывки песковъ по 3 р. 15 коп. въ мѣсяць, а съ начала промывки, сверхъ 10 коп., въ будни еще старательскую плату. Напротивъ, по договору на всѣ работы съ К^о Малевинскаго съ 11 сент. 1868 по 1 марта 1869 г. рабочіе должны были получать жалованье по 10 р. въ мѣсяць.

****) Въ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.) упоминается объ «обыкновенной платѣ изъ трехрублеваго оклада въ мѣсяць», а по общему контракту съ Прибрежно-Витимскою К^о (1867 г.) рабочіе должны были получать весь годъ въ будни плату, считая по 4 р. 50 коп. въ мѣсяць (лѣтомъ къ этому прибавлялась старательская плата).

Что касается мѣсячнаго жалованья разнымъ мастеровымъ, ремесленникамъ и т. п., то въ контрактахъ, въ различныхъ документахъ пріисковыхъ архивовъ и въ донесеніяхъ пріисковыхъ управленій горному исправнику мы встрѣчаемъ плату въ южной части Енисейскаго округа въ слѣдующемъ размѣрѣ: кузнецамъ 8—33 р., хлѣбопекамъ, поварамъ и плотникамъ 6—20 р., столярамъ 7—20 р., конюхамъ 6—25 р., дровошамъ 6—12 р., квасоварамъ и кашеварамъ 4—15 р. въ мѣсяцъ, причемъ въ лѣтнюю операцію жалованье было всегда больше, чѣмъ въ зимнюю. Женщины (стрижки, коровницы, прачки) получали 3—5 р. въ мѣсяцъ*). Въ Олекминскомъ округѣ мы встрѣтили слѣдующія данныя относительно жалованья мастеровымъ: кузнецамъ 9—30 р., хлѣбопекамъ и поварамъ 6—15 р., конюхамъ 10—30 р., плотникамъ 7—30 р. Сравнивая мѣсячное жалованье мастеровымъ и разпочинцамъ въ 60-хъ годахъ съ вознагражденіемъ въ предшествующее десятилѣтіе, мы не находимъ въ немъ существенныхъ измѣненій, и если произошло нѣкоторое повышеніе, то развѣ только для времени промывки золота. Въ нѣкоторыхъ общихъ контрактахъ назначеніе платы мастеровымъ предоставлялось усмотрѣнію пріисковаго управленія.

Еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ стало входить въ обыкновеніе платить не мѣсячную плату по 3 руб. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней, а урочную плату (за исполненіе извѣстнаго урока), причемъ въ праздничные дни плата была гораздо болѣе, чѣмъ въ будни, такъ какъ она соответствовала прежней праздничной старательской платѣ. Эта система была довольно развита и въ 60-хъ годахъ, причемъ на нѣкоторыхъ промыслахъ до начала промывки существовала мѣсячная плата, а во время лѣтней операціи — урочная. По словамъ Н. Латкина, «обыкновенно на хорошо устроенныхъ промыслахъ (Енисейскаго округа), гдѣ желаютъ привязать къ себѣ хорошихъ работниковъ и избѣгать ихъ побѣговъ, тамъ плата назначается съ выработки куб. саж. пласта и турфа, избѣгая произвольной поденной или помѣсячной платы, а если и даютъ такую, то соображаясь съ прочею задѣльной платой, чтобъ она была съ немъ, по возможности, соразмѣрна. Къ сожалѣнію, — продолжаетъ Латкинъ, — до сихъ поръ есть промыслы, гдѣ на это мало обращаютъ вниманія и, руководствуясь рутинной, стараются, вопреки мѣстнымъ условіямъ и контрактамъ съ рабочими, давать рабочимъ плату, не соответствующую работѣ и низшую противъ другихъ промысловъ, отчего на такихъ промыслахъ рабочіе бываютъ недовольны, и частые побѣги ихъ бываютъ послѣдствіемъ таковыхъ неблагоприятныхъ распоряженій и достойнымъ за это наказаніемъ».

*) Наиболѣе обычное жалованье мастеровымъ въ южной части Енисейскаго округа (во второй половинѣ 60-хъ годовъ), по словамъ Н. Латкина, было слѣдующее: кузнецы получали 10—20 р. въ мѣсяцъ, хлѣбопеки и повара—10—15 р., промышляльщики—15—20 р., конюхи—10—15 р., быководы, дровошны, квасовары, кашевары и другіе второстепенные мастера—8—12 р., плотники и столяры—10—15 р., машинисты и старшіе плотники—20—25 р.

По договору 1864 г. съ Лавровскою (Марининскій округъ) назначено было слѣдующее вознагражденіе: до начала промывки въ будни по 10 коп., т.-е. 3 руб. за 30 дней, а въ праздники и табельные дни—по 50 коп. въ день; съ начала же промывки за вскрышу 1 куб. саж. торфа съ отвозкою его въ отвалы двумъ человѣкамъ, при одной хозяйской лошади, въ будни—80 коп. (по 40 коп. каждому), а въ праздники—1 руб. 60 коп.; за добычу золотоносныхъ песковъ, вывозку на машину и промывку ихъ, съ уборкою эфеля и гальки, за каждую выработанную и промытую на машинѣ куб. сажень въ будни—1 руб. 20 коп., въ праздники—2 руб. 40 коп. Въ договорѣ было указано, какъ должно было распредѣляться вознагражденіе за добычу и промывку песковъ между рабочими: изъ только что указанной платы (1 руб. 20 коп. въ будни и 2 руб. 40 коп. въ праздники съ выработанной и промытой куб. сажени) промывальщики должны были получать постоянно съ начала промывки золота на прискѣ въ будни по 70 коп. и въ праздники по 1 руб. 40 коп., остальная же затѣмъ плата за выработку и промывку песковъ распредѣлялась между забойщиками, отвальщиками гальки и эфеля и другими, находившимися при добычѣ и промывкѣ песковъ рабочими (кроме машинистовъ, получавшихъ особую плату отъ управленія), изъ которыхъ каждый забойщикъ получалъ въ будни на 10 коп., а въ праздники на 20 коп. въ день *болѣе, чѣмъ каждый изъ остальныхъ рабочихъ*; оставшаяся сумма должна была дѣлиться между этими послѣдними или поровну, или сообразно трудамъ каждаго, по усмотрѣнію приссвоваго управленія.

Изъ общихъ контрактовъ и донесеній исправнику мы узнаемъ, что въ Марининскомъ и Енисейскомъ округахъ существовала въ 60-хъ годахъ слѣдующая урочная плата: при вскрышѣ торфа съ конною отвозкою за куб. сажень двумя человѣками въ будни всего чаще 60—80 коп. и только за мерзлый торфъ 1 руб. (слѣдовательно, на каждаго работника по 30—50 коп. въ день), а въ праздники за сажень—1 руб. 20 коп.—2 руб. (за мерзлый турфъ 2 руб. 40 коп.); ручнымъ отватомъ 3—4-мя работниками всего чаще въ будни 1 руб. 20 коп.—1 руб. 60 коп. (въ К° Бенардаки и Латкина «не менѣе 75 коп.»), въ праздники 2 руб. 80 коп.—3 руб. 20 коп. (у К° Бенардаки и Латкина—2 руб., у Поповыхъ—2 руб. 40 коп., у Мясниковыхъ—4 руб. 20 коп.). За добычу и вывозку куб. сажени песковъ въ будни—70 коп.—1 руб., въ праздники—1 руб. 40 коп.—2 руб.; за добычу, вывозку и промывку песковъ съ куб. сажени въ будни—1 руб.—1 руб. 20 коп., въ праздники—2 руб.—2 руб. 40 коп.; плата эта дѣлилась между всѣми, участвовавшими въ работѣ, но обыкновенно, какъ мы видѣли изъ договора съ Лавровскою, не поровну *).

*) На Гавриловскомъ прискѣ К° Рязановыхъ и др. (сѣверная часть Енисейскаго округа) въ операцию 1869—70 гг., при добычѣ торфа общеконтрактными рабочими, оказалось, что, при вознагражденіи мѣсячною платой, одна поденщина обоглась въ 40 коп. въ день, а добыча сажени—1 руб. 71 коп.; урочными работами одна поденщина обоглась въ 45 коп. и добыча сажени въ 1 руб.; старательскими работа-

Въ Олекминскомъ округѣ, по одному договору, рабочіе за выработку 1 куб. саж. при вскрышѣ талого торфа 2-мя человекѣми, а мерзлаго—сколькими потребуется, должны были получать съ 10 сентября по 1 мая по 15 к. въ будни и по 50 к. въ праздники; съ 1 же мая они обязывались выработывать еще по $\frac{1}{2}$ куб. саж. старательскою работою и должны были получать за урочную куб. сажень по 50 коп. *), а за старательскую работу, какъ въ будни, такъ и въ праздники, по 1 руб. 40 коп. съ сажени. При ручномъ откатѣ 4 человекѣ должны были получать за урочную выработку 1 руб. 50 коп., за старательскую—3 руб. за сажень. При работѣ на пескахъ полагалась поденная плата.

Выше, чѣмъ общеконтрактныхъ, было вознагражденіе рабочихъ, нанимавшихся артелями исключительно на выработку торфа или на плотничныя работы, такъ называемыхъ отрядныхъ или подрядныхъ рабочихъ. Хотя еще въ концѣ 50-хъ годовъ вознагражденіе этихъ рабочихъ понизилось сравнительно съ первою половиною 50-хъ годовъ и на этомъ болѣе низкомъ уровнѣ оно стояло въ теченіе всего десятилѣтія 60-хъ годовъ, но, все-таки, вознагражденіе, получаемое ими, было выше платы общеконтрактныхъ. Изъ 38 извѣстныхъ намъ контрактовъ на вскрытіе торфа (60-хъ годовъ) южной части Енисейскаго округа въ 35 говорится о вскрытіи торфа исключительно на лошадяхъ, въ одномъ—на лошадяхъ и ручнымъ откатомъ и въ двухъ—только ручнымъ откатомъ. При конной отвозкѣ торфа болѣе обычнымъ урокомъ была выработка 1 куб. сажени въ день на 1 лошади для 2 человекъ (К^о Квятковскаго и Королева увеличила праздничный урокъ въ одномъ договорѣ до $1\frac{1}{4}$, а въ другомъ—до $1\frac{1}{2}$ куб. саж., хотя праздничное вознагражденіе по этимъ договорамъ было не выше, а ниже средняго уровня: въ первомъ—1 руб. 80 коп., во второмъ—2 руб. съ сажени). Вознагражденіе за исполненіе урока въ будни, т.-е. за добычу сажени 2-мя рабочими, при отвозкѣ торфа на лошадяхъ, колебалось между 70-ю коп. и 1 рублемъ за исполненіе урока въ будни, если же взять среднюю цифру изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ, то получимъ 86 коп. (на двоихъ) за урочную сажень. Вознагражденіе за исполненіе урока на торфахъ въ праздничный день колебалось между 1 руб. 70 коп. и 3 руб. за сажень (на двоихъ), а въ среднемъ получаемъ 2 руб. 18 коп. **); слѣдовательно, на каждаго рабочаго въ среднемъ (если они не выработывали болѣе урока) приходилось на торфахъ въ будни по 43 коп., въ праздники—по 1 руб. 9 коп. Объ отвозкѣ торфа ручнымъ откатомъ упоминается, какъ мы

ми—одна поденщина около 90 коп., добыча сажени—болѣе 2 руб. При промывкѣ песковъ поденщина обошлась въ 52 коп., а добыча и промывка куб. сажени песковъ—1 руб. 35 коп., старательскими работами—поденщина около 1 руб. 5 коп., а сажень—2 руб. 80 коп.

*) Изъ этого видно, какъ введеніе обязательныхъ полоторныхъ уроковъ понизило плату за урочную работу.

**) Общеконтрактные рабочіе получали, какъ мы видѣли, за урочную сажень въ будни обыкновенно 60—80 коп., въ праздники—1 руб. 20 коп.—2 руб.

уже говорили, только въ 3 договорахъ съ отрядными рабочими южной части Енисейскаго округа *). При обозначеніи платы въ праздничные дни обыкновенно прибавляется, что по такой же нормѣ производится вознагражденіе рабочихъ и за сверхурочную (старательскую) работу въ будни. Слѣдовательно, если отрядные рабочіе выработывали въ день болѣе, чѣмъ назначено въ контрактѣ, то они получали и болѣшую плату, но въ нѣкоторыхъ контрактахъ встрѣчается при этомъ оговорка, что такая сверхурочная работа не должна превышать $\frac{1}{4}$ куб. саж., и, слѣдовательно, на каждаго рабочаго въ такомъ случаѣ приходилось по $\frac{1}{8}$ с. Если взять среднее праздничное вознагражденіе за сажень (2 р. 18 к.), то это составить прибавку къ будничному заработку въ 27 коп.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа, безъ сомнѣнія вслѣдствіе большой дороговизны содержанія лошадей, было гораздо болѣе распространено добываніе торфа съ ручною откаткой. Изъ 13 извѣстныхъ намъ договоровъ этого округа отрядныхъ рабочихъ (на вскрышку турфа) въ 6-ти дѣло идетъ объ отвозкѣ исключительно на лошадяхъ, въ 2 исключительно о ручной откаткѣ и въ 5—о томъ и другомъ способѣ отвоза торфа. При конной отвозкѣ плата за выполнение урока колебалась въ будни между 60 к. и 1 р. 50 к., въ среднемъ двое получали 94 к. или 47 к. на каждаго (за исполненіе урока). При ручномъ откаткѣ 3-мя человекѣми (а въ одномъ договорѣ 4-мя) за исполненіе урока платили въ будни отъ 80 коп. (на троихъ— въ договорѣ К° Малевинскаго 1868 г.) до 1 р. 50 к., т.-е. 27—50 к. въ день на каждаго, а въ среднемъ 1 р. 14 к. за сажень; въ праздники отъ 1 р. 80 к. (въ томъ же договорѣ К° Малевинскаго) до 2 р. 70 к. (60—90 к. въ день на каждаго), а въ среднемъ за сажень 2 р. 40 к. **).

Н. Латкинъ, сходно съ показаніями контрактовъ, утверждаетъ, что подрядные рабочіе или нижегороды получали въ Енисейскомъ округѣ за вскрышку торфа (очевидно, при конной отвозкѣ) отъ 80 к. до 1 р. 20 к. и даже 1 р. 50 к. за сажень, смотря по свойству торфа. Въ воскресные и табельные дни и за старательскую перевыработку въ будни отъ 1 р. 60

*) Въ контрактѣ съ Сидоровымъ (1863 г.) 3 рабочихъ за добычу и откатку на тачкахъ 1 куб. с. получали вмѣстѣ въ будни 1 р. 30 к. (по 43 к. на каждаго), въ праздники 3 р. (по 1 р. на каждаго); въ договорѣ съ К° Зотовыхъ (1863 г.) также 3 рабочихъ получали въ будни за сажень 1 р. 60 к. (53 к. на каждаго), въ праздники 3 р. 20 к. (1 руб. 7 к. на каждаго) и, наконецъ, въ договорѣ съ Лопатинымъ (1862 г.) за вскрышку и откатку 1 куб. с. торфа 4-мя человекѣми въ будни получали 2 р. (по 50 к. на каждаго), въ праздники 4 р. 50 к. (по 1 р. 12 к.).

**) При вскрышкѣ торфа по особому условію на Гавриловскомъ прискѣ Рязановыхъ и К° въ операцию 1869—70 гг. урочными работами поденщина обошлась въ 60 к., а вскрышка 1 к. с. торфа 1 р., старательскими работами—поденщина 2 руб. 32 к., а сажень—2 р. (по договорамъ на турфы этой компаніи 1865—67 гг. вскрытіе производилось только съ конною отвозкой). Слѣдовательно, здѣсь при урочныхъ работахъ отрядныхъ рабочихъ сажень (при конной вывозкѣ) выработывалась мѣче, чѣмъ двумя человекѣми, а при старательскомъ вознагражденіи даже одинъ еловѣкъ выработывалъ болѣе сажени.

коп. до 2 р. 50 к. за сажень (какъ мы видѣли, бывало вознагражденіе и въ 3 руб.).

Жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ свидѣтельствуетъ, что «нижегороды всегда остаются довольными, зарабатываютъ хорошія деньги, никогда не бѣгаютъ и почти никогда не жалуются»; онъ же говоритъ, что нижегороды нѣрѣдко являлись на промысла даже съ собственными лошадьми. Н. Латкинъ также говоритъ: «Вообще подрядные рабочіе значительно отличаются въ работѣ отъ неподрядныхъ; они всегда старательны, никогда не бѣгаютъ съ промысловъ, а потому ихъ нанимаютъ охотно».

Оригинальный договоръ былъ заключенъ съ рабочими компаніею Бенардаки (южной части Енисейскаго округа) въ маѣ 1861 г.: рабочіе нанимались на *всѣ* работы (слѣдовательно, это были общеконтрактные) до 10 сентября, «а въ случаѣ надобности и до 1 октября 1861 г. за постоленную плату по 25 руб. каждый мѣсяцъ, заключающій въ себѣ 30 дней будничныхъ и *праздничныхъ*», въ которые они «должны быть неуклонно каждый день на работѣ *безъ всякой особой за стараніе платы*»,—слѣдовательно, было уничтожено всякое различіе между урочными и старательскими работами. Въ каждый мѣсяцъ по очереди или по усмотрѣнію управляющаго имъ полагался *1 день отдыха* безъ всякой платы за него. За дни перехода при шурфовкѣ изъ одной мѣстности въ другую рабочимъ полагалась обычная плата. По договору съ К^о Бенардаки (1870 г. южной части Енисейскаго округа) «за всякую промысловую работу» рабочіе должны были получать въ мѣсяцъ по 30 р. Мы встрѣтили и еще въ южной части Енисейскаго округа нѣсколько болѣе или менѣе сходныхъ съ этимъ договоровъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ. Такъ, по договору съ Завадскимъ (1869 г.) чернорабочіе должны были получать въ зимніе мѣсяцы до 1 мая 4 руб. 50 к.—6 руб., а съ перваго мая или съ открытія промывки: забойщики 18—21 р. въ мѣсяцъ, т.-е. въ будни и праздники, по 60—70 к. въ день, возчики—15 р. или по 50 к. въ день, хвостовые и поторжные—10 р. 50 к.—12 руб. въ мѣсяцъ или 35—40 въ день *). По контракту съ Вилимовскимъ (1870 г.) вознагражденіе въ лѣтніе мѣсяцы назначено было «по степени работъ» и способностямъ cadaго—отъ 25 р. въ мѣсяцъ». Слѣдовательно, въ 60-хъ годахъ мы встрѣчаемъ уже на нѣкоторыхъ промыслахъ мѣсячное вознагражденіе болѣе значительнаго размѣра, съ уничтоженіемъ всякаго различія между урочною и старательскою работою, между буднями и праздниками.

На нѣкоторыхъ промыслахъ для всѣхъ рабочихъ, на другихъ лишь для

*) За такую плату забойщики и возчики должны были выработать огромные уроки, а именно торфа съ отвозкою въ отвалы на 1 лошадь 2-мя человѣками не менѣе 2 куб. саж., а при мерзлотѣ не менѣе 1½ к. с., песковъ добыть и подвести на машину на 2 лошади 4-мя рабочими, полагая въ томъ числѣ и возчика—2¾ и не менѣе 2½ к. с., а 5-ю рабочими тоже на 2 лошади 3½ и не менѣе 3 куб. с. Въ случаѣ ненастья, управление обязывалось сбавлять урокъ, но не болѣе, какъ на ¼ куб. саж.

части ихъ существовала, вмѣсто урочной, поденная плата. Н. В. Латкинъ относительно поденной платы говоритъ: «Рабочіе при промывкѣ песковъ у машинъ, возчики песковъ, отвозчики эфеля и гальки получаютъ поденную плату отъ 40 до 50 к. с. въ будни и отъ 80 до 1 р. въ воскресные и табельные дни; прочіе поденщики, обыкновенно рабочіе средней руки, получаютъ отъ 20, 30 до 35 к. с. въ будни, а въ воскресные и табельные дни по 70 и 80 к. с.» Мы видѣли выше, что при добычѣ и промывкѣ золота въ нѣкоторыхъ договорахъ назначалась плата съ каждой сажени промытаго песку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалось, какъ поденно должно было распределяться вознагражденіе между рабочими *).

До начала промывки въ будни горнорабочимъ выдавалась обыкновенно мѣсячная плата, а въ праздники иногда поденная (50 к.—1 р.), на другихъ же промыслахъ въ зимнюю операцію особой праздничной платы не было. Поденная плата иногда назначалась и мастеровымъ. Если, на основаніи поденной платы мастеровыхъ и разночинцевъ, мы вычислимъ мѣсячное жалованье, то увидимъ, что при поденномъ вознагражденіи они получали столько же, сколько и при мѣсячномъ.

IV.

Старательскія работы.—Плата за старательское и подъемное золото.—Плата за работу по американскому способу.

Въ шестидесятихъ годахъ старательскія работы были почти всегда обязательны для рабочихъ; такъ какъ вслѣдствіе этого трудно говорить объ урочныхъ работахъ отдѣльно отъ старательскихъ, то намъ и пришлось уже сообщать свѣдѣнія о старательскомъ вознагражденіи на тѣхъ промыслахъ, гдѣ мѣсячное жалованье замѣнилось урочнымъ или поденнымъ вознагражденіемъ. Въ печати уже встрѣчаются въ это время протесты противъ самой системы старательскихъ работъ: вмѣсто того, чтобы установить равномерное и соответственное труду вознагражденіе, золотопромышленники предпочитали оплачивать по низкой нормѣ урочную или хозяйскую работу и по масштабу вдвое-втрое большому праздничный трудъ или добавочный трудъ въ будни. Такимъ образомъ, высокая старательская плата какъ будто сврашивала ничтожность вознагражденія за урочный трудъ и притомъ за-

* По договорамъ съ К^о Бенардаки и Сидорова 1860—61 гг. (южной части Енисейскаго округа) промывальщикъ получалъ въ будни 50—60 коп., въ праздники 1 р.—1 р. 20 к. На приискѣ г-жи Бевадь (1862 г., южно-енисейская система) полагалась поденная плата не только при промывкѣ, но и при добычѣ песковъ, а именно забойщики получали по 50 к., возчики гальки, эфеля и песковъ по 30 к., свальщики по 40 коп., а въ праздники старательскихъ 1 р.—2 р. На промыслѣ Олекминскаго Округа К^о Катмышевцева при добычѣ и промывкѣ песковъ полагалось (1862 г.) слѣдующее поденное вознагражденіе: забойщикамъ, свальщикамъ и промывальщикамъ въ будни по 50 к., въ праздники по 1 р. 50 к., пробщики, разборщики, возчики песковъ и гальки, а также шурфовщики и за вскрышу турфовъ и прочія горныя работы по 35 к. въ будни и по 1 р. 20 к. въ праздники.

ставляла рабочих такъ напрягать свои силы, какъ они не стали бы этого дѣлать при равномерномъ вознагражденіи. Авторы нѣкоторыхъ статей о положеніи присковскихъ рабочихъ *) съ негодованіемъ говорятъ о системѣ старательскихъ работъ или, какъ выражается одинъ изъ нихъ, «хитрообдуманнаго, убійственнаго старанія». Насколько важную роль играли въ золотопромышленности старательскія работы, видно изъ словъ Пищикова, что у многихъ посредствомъ старанія добывается треть, у нѣкоторыхъ — четверть и лишь у немногихъ — пятая часть золота.

Объ обязательности старательскихъ работъ въ праздники мы находимъ, во-первыхъ, указанія въ современной печати. Пищиковъ говоритъ: «Если рабочій, выбившійся изъ силъ, просить отдыха хотя въ праздничный день (жертвуй для этого старательскою платой), ему не дадутъ этого отдыха». Въ одной газетной корреспонденціи сказано, что «законъ исключаетъ изъ обязательной работы табельные и праздничные дни и дозволяетъ въ эти дни только добровольную старательную работу. Но золотопромышленники давно уже превратили эти старательныя работы въ обязательныя **). Авторъ возраженія на эту корреспонденцію, признавая, что будничныя старательскія работы сдѣлались для рабочихъ обязательными, утверждаетъ, что работа въ праздники вполне зависитъ отъ желанія рабочихъ ***). Но это опровергается показаніями самихъ золотопромышленниковъ. Н. Латкинъ какъ будто и не представляетъ себѣ возможности прекращать въ праздники работу на золотыхъ промыслахъ: «По краткости лѣта, — говоритъ онъ, — работы на промыслахъ производятся во всѣ воскресные и табельные дни». Лопатинъ говоритъ совершенно категорично: «Въ воскресные и праздничные дни ведутся однѣ старательскія работы... за особую, условную, повышенную плату, съ тѣмъ, чтобы стараніе это было общее, обязательное... Промывка золота требуетъ общности въ работѣ; нежеланіе нѣсколькихъ человекъ принять участіе въ такой работѣ можетъ остановить все дѣло... поэтому, чтобы не было уклоненія со стороны лѣнливыхъ, признана она обязательною для всѣхъ».

Это подтверждаютъ и договоры золотопромышленниковъ съ рабочими. Авторъ одной статьи о золотыхъ промыслахъ Томской губерніи говоритъ о включеніи въ контракты обязательства работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, какъ объ общераспространенномъ явленіи ****).

*) См., напримѣръ, *Амуръ* 1861 г., № 61, стр. 530.

***) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1865 г., № 137.

****) *Журн. Мануф. и Торгов.* 1866 г., т. VI, К. Ч—ст.: „Замѣч. на письмо изъ Красноярска о золотомъ промыслѣ“.

*****) А. Ш.: „Уголки золотопромышленнаго міра“ (*Дѣло* 1870 г., № 7, стр. 53). Укажемъ нѣкоторые отдѣльные примѣры. Въ договорѣ съ Лавровскою (Мар. окр., 1864 г.) сказано: „Чтобы отработать выданные намъ управляющимъ задатки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заработать деньги на взносъ государственныхъ податей и повинностей, равно какъ и на содержаніе своихъ семействъ, обязаны мы, для пользы управленія и своей собственной, особенно стараться по вскрытіи турфовъ и добычѣ и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ въ табельные и воскресные дни, производя эти старательскія

Въ общихъ контрактахъ южной части Енисейскаго округа мы почти всегда находимъ обязательство рабочихъ трудиться во всѣ праздники, причемъ въ нѣкоторыхъ договорахъ прибавлено: «чтобы послѣ не роптать на малость заработка» (ясное свидѣтельство о недостаточности платы за урочныя работы). Но такъ какъ работать непрерывно было невозможно, то въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаются указанія о дняхъ отдыха, предоставляемыхъ рабочимъ (см. ниже *).

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ контрактовъ 60-хъ годовъ необязательными старательскія работы въ праздники оказались для горнорабочихъ только въ контрактахъ съ Безобразовымъ (1861 г.) и съ К^о Щеголевымъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.), а также въ договорѣ съ Асташевымъ (1862 г.). Въ этомъ послѣднемъ контрактѣ сказано, что рабочіе освобождаются отъ работъ въ праздничные дни, но имъ *дозволялись* старательскія работы, которыя они, однако, должны были производить въ томъ же размѣрѣ на хозяйскихъ машинахъ и снѣвъ предварительно торфъ съ отведеннаго имъ мѣста **). Въ контрактѣ съ Безобразовымъ (1861 г., южн. ч. Енисейск. окр.) сказано: «Въ работѣ находится намъ ежедневно, въ воскресные же, праздничные и табельные дни отъ работъ хотя увольняемся, но необходимыя работы и занятія, какъ-то: хлѣбопекость, конюховъ и прочія исполнять, а равно и въ случаяхъ экстренныхъ» (пожары, устройство и поправка плотинъ и т. п.) они должны были являться во всякое время «безъ малѣйшаго послушанія». Относительно старательскихъ работъ въ этомъ договорѣ было сказано: «Старательскія работы за особое вознагражденіе и производимыя въ свободное время» могутъ быть «дозволены» и «предоставлены» рабочимъ «не иначе, какъ по произволу управленія», но объ обязательности этихъ работъ нѣтъ ни слова. Такъ же и по договору съ К^о Щеголевымъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.) старательская работа въ праздники и будни «дозволялась» рабочимъ, но

работы, гдѣ будутъ указаны, и непремѣнно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ въ будніе дни». Далѣе еще разъ подтверждается, что рабочіе должны «стараться непремѣнно всѣ праздничные дни». По договору съ золотопромышленникомъ Маринскаго и Ачинскаго округовъ Цыбульскимъ (1864 г.) рабочіе обязывались «въ воскресные и табельные дни непремѣнно выходить на такъ называемыя старательскія работы полною командой... Всѣ старательскія работы — вскрышу торфа кубическими саженими съ отвозкою въ отвалъ, добычу и подвозку песковъ на машины таратайками и все прочее» они должны были «исполнять тѣми же уроками, какіе установлены по буднямъ».

*) Обязательность старательскихъ работъ въ праздничные дни устанавливается и въ извѣстныхъ намъ общихъ контрактахъ сѣверной части Енисейскаго округа. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ Озеровымъ (1864 г.) уклоняющагося отъ старательскихъ работъ въ праздники принскому управленію предоставлялось понуждать «строгими мѣрами». Объ обязательности старанія въ праздники упоминается и въ договорахъ на вскрытіе торфа, а также въ особыхъ условіяхъ съ мастеровыми и ремесленниками.

**.) Далѣе въ договорѣ было указано вознагражденіе за старательское золото съ золотника и за вскрышу торфа старательскими работами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ дозволена рабочимъ промывка песковъ.

не сказано, чтобъ она была для нихъ обязательною. Нельзя не замѣтить, что всѣ эти три договора относятся къ самому началу 60-хъ годовъ и въ позднѣйшихъ контрактахъ мы не встрѣчаемъ уже подобныхъ условій относительно необязательности старательскихъ работъ. Возможно, однако, что такія редакціи этихъ контрактовъ были для даннаго времени уже не имѣющимъ дѣйствительнаго значенія переживаніемъ и, быть можетъ, на дѣлѣ старательскія работы были уже и тогда обязательны на присѣкахъ названныхъ компаній, какъ и на другихъ золотыхъ промыслахъ *).

Необязательными старательскія работы въ праздники (а также и въ будни) были лишь на промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинскаго округа. Тамъ не соблюдалось никакихъ другихъ праздниковъ, кромѣ воскресеній: въ эти послѣдніе дни рабочіе не были обязаны исполнять старательскія работы. Въ эти дни киргизы отдыхали, но нѣкоторые, особенно семейные, работали, вскрывая торфъ или промывая золото.

Мы видѣли, что авторъ возраженія на корреспонденцію о положеніи присѣковыхъ рабочихъ въ *С.-Петербургскія Вѣдомости* (1865 г.), пытаясь утверждать, что старательскія работы въ праздники не обязательны для рабочихъ, считалъ, однако, безспорною обязательность старательскихъ работъ въ будни. В. Латкинъ, въ своей брошюрѣ *О золотопромышленности въ Сибири* (1864 г.), также говоритъ объ общей старательской работѣ въ будни, какъ о вполнѣ обычномъ явленіи. Есть указанія и 50-хъ годовъ о томъ, что общая старательская работа въ будни сдѣлалась еще въ то время обязательною. Наконецъ, разсматривая размѣръ дневнаго урока горныхъ работъ въ 60-хъ годахъ, мы привели не мало свидѣтельствъ объ обязательной прибавкѣ къ урочной сажени еще $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ сажени въ видѣ старательской работы. Къ фактамъ, уже приведеннымъ, прибавимъ свидѣтельство Н. Латкина въ его книгѣ объ енисейскихъ промыслахъ (1869 г.): «Старательская перевыработка опредѣляется условіемъ отъ $\frac{1}{4}$ до 1 куб. саж. **») и ежедневный рабочій урокъ задается обыкновенно съ этою перевыработкой, которую, впрочемъ,— по словамъ Латкина,— иногда рабочіе не вырабатываютъ, особенно въ дождливое время», но, какъ мы уже знаемъ, эта недоработка не проходила имъ даромъ. Такимъ образомъ, весьма нерѣдко въ договорахъ опредѣлялось количество ежедневной старательской прибавки къ уроку, но иногда размѣръ старательской работы не былъ точно указанъ въ контрактѣ ***).

*) Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ на вскрытіе торфа прямо обусловлена соглашеніемъ рабочихъ старательская работа въ праздники лишь въ одномъ договорѣ съ К^о Рязановыхъ, Горохова и Момарова (1865 г., сѣв. часть Енис. окр.).

**) Въ концѣ 50-хъ годовъ добавочная старательская работа въ Енисейскомъ округѣ равнялась $\frac{1}{4}$ куб. саж. (*Горный Журнал* 1862 г., № 8, стр. 562), но по договору съ Асташевымъ 1859 г. установлены были полуторные уроки.

***) Такъ, въ договорѣ 1863 г. съ Даниловымъ (южн. ч. Енисейск. окр.) рабочіе обязывались для пользы хозяина „и своей собственной особенно стараться на вскрышѣ торфа и добычѣ и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ *послѣ уроковъ* и въ старательскіе дни производить работы, гдѣ будетъ указано, непременно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ и урочныя, только за особую плату“.

Впрочемъ, по нѣкоторымъ, весьма немногимъ, договорамъ старательская работа въ будни была не обязательна; такъ, мы уже упоминали, что по договору К^о Щеголевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.) какъ праздничная, такъ и будничная старательская работа на торфахъ и пескахъ «дозволялась» рабочимъ, но не сдѣлана была для нихъ обязательною. По договору съ К^о Бенардаки, Щеголева и Кузнецова (1862 г.) также лишь «дозволялась» старательская работа въ будни на торфахъ и пескахъ, между тѣмъ какъ по праздникамъ была установлена ея обязательность. Наконецъ, мы имѣемъ два договора съ рабочими К^о Логинова (1862 г., южн. части Енисейскаго округа), изъ которыхъ въ первомъ сказано: «Тѣмъ изъ насъ, на которыхъ будетъ возложена урочная работа, по окончаніи оной, если это будетъ прежде срока», положеннаго... для всенедельной работы (т.-е. ранѣе 8 час. вечера), *предоставляется быть свободными и заниматься старательскою работою*, а въ воскресные и табельные дни таковая старательская работа *предоставляется* намъ всѣмъ. Впрочемъ, никто изъ насъ старательскихъ работъ ни требовать, ни избирать не долженъ, а предоставляемъ это усмотрѣнію хозяина». Въ другомъ договорѣ съ Логиновымъ того же года будничныя старательскія работы также остаются не обязательными *), —напротивъ того, «въ табельные дни» рабочіе условились «работать безпрекословно, тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ будничные дни». Мы считали необходимымъ отиѣтить эти переживанія прежнихъ отношеній въ нѣсколькихъ контрактахъ, но вовсе не увѣрены въ томъ, чтобы въ дѣйствительности работы въ будни и на этихъ прискахъ не были для всѣхъ обязательными; этому могла содѣйствовать самая неясность выраженій въ контрактѣ: съ одной стороны, рабочимъ *предоставляется* старательская работа, съ другой—никто изъ рабочихъ *требовать* ея не долженъ, и отъ присковаго управленія какъ будто зависить не только установленіе той или другой формы старательской работы, но и самое разрѣшеніе ея. Между тѣмъ, если старательскія работы были необходимы для присковаго управленія, то онѣ были не менѣе необходимы и для рабочихъ, по крайней мѣрѣ, при той системѣ вознагражденія, каковая была введена на всѣхъ прискахъ, и при которой урочныя работы обыкновенно оплачивались такою ничтожною платой, что только старательскія работы, какъ это признавалось и во многихъ договорахъ, давали возможность рабочимъ отработать задатки и кое-что вынести съ присковъ. Впрочемъ, при всемъ томъ, мы считаемъ весьма важнымъ для рабочихъ право, прежде имъ принадлежавшее, соглашаться на старательскія работы или отказываться отъ нихъ, такъ какъ это должно было заставлять присковое управленіе не раздражать ихъ жестокимъ обращеніемъ, не притѣснять тяжелыми уроками, не вызывать неудовольствія дурною пищею. Но еслибъ управленіе вздумало вовсе отказать рабочимъ въ старательской работѣ, не назначая

*) «Тѣмъ изъ насъ, которые пожелаютъ послѣ окончанія работы урочной въ будничное время работать ту же работу по старательской платѣ, въ томъ не отказываемъ намъ, но это зависить будетъ отъ воли хозяина».

имъ иной повышенной платы, то они просто разбѣжались бы съ присковъ, какъ это и бывало въ Западной Сибири при началѣ золотопромышленности. Однимъ словомъ, при томъ строе отношеній между хозяевами и рабочими, при той системѣ вознагражденія, какіе установились на золотыхъ прискахъ въ Сибири въ 60-хъ годахъ, и на тѣхъ немногихъ прискахъ, гдѣ введеніе старательскихъ работъ было какъ бы необязательно для управленія, а исполненіе ихъ—для рабочихъ, по всей вѣроятности, на дѣлѣ онѣ исполнялись всѣми рабочими, были общими старательскими работами и въ будни, и въ праздники. Впрочемъ, обязательнаго старанія въ будни дѣйствительно не было на промыслахъ Киргизской степи, гдѣ вольныя старательскія работы исполнялись артелями въ свободное отъ урочныхъ работъ время и въ воскресные дни.

Пищиковъ, указывая въ своей статьѣ на громадную разницу въ положеніи простаго горнорабочаго на прискахъ и мастерового или разночинца, говорить о праздничныхъ старательскихъ работахъ и распредѣленіи заработанныхъ такимъ образомъ денегъ слѣдующее: «Закономъ для прекращенія хищничества золота воспрещено одиночное стараніе, а введено общее или артельное»; но это не значитъ, что всѣ находящіяся на прискахъ должны быть на этомъ стараніи. «Нѣтъ, идутъ на работу одни и тѣ же бѣдные труженики-чернорабочіе, потому что разночинцамъ идти некогда: они всѣ находятся при своихъ ежедневныхъ занятіяхъ. Стараніе распределяется такъ: съ песковъ, которые должны быть промыты въ этотъ день, по количеству ихъ, торфа снимаются тѣми же старателями, слѣдовательно, люди такъ и разставляются: одни на вскрышу торфовъ, другіе на добычу и отвозку песковъ на машину, при машинѣ вся прислуга, т.-е. промывальщики, мутильщики, машинисты, свальщики, галешники, эфельные и отвальные». Но «плата за старательское золото, добытое въ этотъ день, одними чернорабочими, росписывается на всѣхъ наличныхъ людей, находящихся на прискѣ и по зимовьямъ, по равной части, какъ на работавшихъ, такъ и на не бывшихъ совершенно въ этомъ стараніи». «Разночинцы за этотъ день получили жалованье, которое за то только, чтобы они въ праздники исполняли свои каждодневныя обязанности безотговорочно, дается не 3 р. 15 к., а 10 или 15 р. сер. въ мѣсяцъ сполна, безъ вычета и въ праздники; тогда какъ чернорабочіе въ праздники пользуются только однимъ стараніемъ, не получая своего жалованья 10½ к. въ день, да еще должны подѣлиться равною съ собою частью изъ своего праздничнаго старанія со всѣми не бывшими съ ними на этомъ стараніи». Авторъ другой статьи говорить, что присковаго рабочаго «въ праздничные и торжественные дни, подъ видомъ добровольнаго старанія, заставляютъ работать, а, между тѣмъ, деньги за стараніе выдаютъ тѣмъ, которые и не старались» *). Въ договорѣ съ г-жею Бевадь (1861 г., южн. част. Енисейск. окр.) такъ и сказано: «Раскладва старанія должна быть общая изъ всей

*) *Амуръ* 1861 г., № 37.

суммы на всякаго изъ насъ, кто бы и гдѣ бы ни находился въ работѣ, или назначается намъ постоянная праздничная плата». Но въ такой формѣ правило о распредѣленіи старательскихъ денегъ мы только и встрѣтили въ этомъ договорѣ. Напротивъ, въ договорѣ съ Б^о Хотимскаго и Макарова (1868 г.), при опредѣленіи вознагражденія за старательскую вскрышу торфовъ до 10 мая, сказано: «Общую сумму (заработанную на вскрышѣ торфовъ) управленіе должно раздѣлить по равной части на тѣхъ, кто только находились въ работѣ въ тотъ день, и если кто-либо изъ насъ въ эти же дни особо будетъ управленіемъ отряженъ на другія работы, какъ-то: подвозку разнаго лѣса и другія поторжныя работы, то эти люди должны за каждый старательскій день получать таковую же плату, какая будетъ причитаться на каждого человѣка при вскрышѣ торфа, *но не изъ нашей заработнойной на старательскомъ торфѣ суммы, а собственно особо отъ управленія*». Съ 10 мая по 10 сентября за праздничную работу на торфахъ и пескахъ и была назначена праздничная плата по 1 руб. каждому, *не исключая и разночинцевъ*. Какъ мы видѣли и по только что цитированному договору съ Бевадъ (1861 г.), раскладка на всѣхъ вознагражденія за стараніе могла быть замѣнена назначеніемъ для всѣхъ или части рабочихъ постоянной праздничной платы. Очевидно, эта замѣна и совершилась въ теченіе 60-хъ годовъ. Раздѣленіе на всѣхъ рабочихъ суммы, полученной за стараніе, быть можетъ, было болѣе удобно при стараніи на золотѣ, при замѣнѣ же этого послѣдняго стараніемъ на торфахъ и пескахъ съ повышенной платой признана была болѣе удобною уплата праздничнаго вознагражденія изъ суммъ принсковаго управленія *).

Изъ всего сказаннаго видно, что общія старательскія работы въ будни и праздники сдѣлались обязательными для рабочихъ. Но такъ какъ золотопромышленники находили выгоднымъ для себя какъ можно болѣе напрягать силы рабочихъ, чтобы получить большее количество золота, то *сверхъ урочной и обязательной старательской работы* въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаемъ еще условіе о старательскихъ работахъ по взаимному соглашенію между хозяевами и рабочими о такъ называемыхъ «частно-старательскихъ» работахъ, обыкновенно отдѣльными артелями **). Мы указывали

*) По договору съ Соловьевымъ (1862 г., Олекминск. окр.) вознагражденіе за стараніе на пескахъ должно было раздѣляться лишь между участвовавшими въ горныхъ работахъ.

**) По договору съ Марковымъ (Олекминск. окр., 1862 г.) при вскрышѣ торфа полагалось вывести 75 паръ таратаекъ (въ числѣ которыхъ полагалось 10 паръ старательскихъ), за „старательскую“ же „вскрышу торфовъ, сверхъ опредѣленнаго срока“ (т.-е. сверхъ 75 таратаекъ) назначена была плата по 4 р. за куб. сажень, „какимъ бы количествомъ людей она ни была выработана“. По договору съ Прибрежно-Ленскою К^о (1862 г.) къ урочной сажени на торфахъ обязательно прибавлялось $\frac{1}{4}$ саж. старательскихъ; за „старательскую“ же вскрышу торфа сверхъ опредѣленнаго на двухъ рабочихъ количества ($1\frac{1}{4}$ саж.) полагалась, какъ и въ договорѣ съ Марковымъ, плата по 4 р. за сажень и также „какимъ бы количествомъ людей она ни была вскрыта“.

выше, какъ рабочіе Ленскаго товарищества Баснина и Катышевцева (1 мая 1863 г.) выговорили себѣ право сверхъ добычи урочной куб. сажени торфа или песку и $\frac{1}{4}$ сажени старательской, «составя между собою небольшие артели, промывать пески или вскрывать торфа» вольно-старательскими работами (причемъ артель полагалась не менѣе 10 человѣкъ и плата за золото назначена въ 60 коп. съ золотника), и какъ затѣмъ въ дополнительномъ условіи, составленномъ въ тотъ же день, эти рабочіе Ленскаго товарищества *обязались* каждые 2 человѣка при 1 лошади, кромѣ 1 саж. за мѣсячную плату и $\frac{1}{4}$ саж. за поденную, выработывать еще $\frac{1}{4}$ саж. «частно-старательской» работы или же 10 таратаекъ (считая по 40 таратаекъ въ сажени), причемъ за каждую сажень, выработанную частно-старательскими работами, назначена была плата за сажень золотодержащихъ песковъ по 4 р. или по 10 коп. за таратайку, а за каждую выработанную сажень торфа по 2 р. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ $1\frac{1}{4}$ куб. сажени, то же количество людей должны были выработывать $1\frac{1}{2}$ к. саж., но напряженіе силъ рабочихъ шло и далѣе. Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К^о (1867 г.) сказано: «Если, по выполненіи нами урочной и старательской работы (полурторнаго урока), кто изъявитъ желаніе стараться на золото, то управленіе не должно намъ отказывать, а предоставлять» такое стараніе на указанныхъ мѣстахъ съ платою съ золотника добываемаго золота.

До сихъ поръ мы говорили только о стараніи на торфахъ и пескахъ; это объясняется тѣмъ, что общее стараніе на золото почти совершенно вывелось и обыкновенно только при частномъ или вольномъ стараніи плата рассчитывалась съ золотника этого металла. Ив. Латкинъ, въ статьѣ о побѣгахъ рабочихъ, называетъ «ложною методой» вознагражденіе старательскихъ работъ по количеству добываемаго золота. «Теперь стараніе на золото,—говоритъ онъ, преимущественно имѣя въ виду Енисейскій округъ,—по всеобщему почти убожеству розсыпей, уже не приноситъ такихъ выгодъ рабочему, какія приносило прежде, и на тѣхъ промыслахъ, гдѣ оно еще употребляется, рабочимъ въ праздники и воскресные дни за ихъ трудъ достается весьма немного. При этой методѣ вознагражденія рабочій рискуетъ своимъ трудомъ и, конечно, не видя въ немъ выгоды, не старается работать, тогда какъ, получая двойную посаженную и поденную плату противъ будничной, онъ съ охотою *) идетъ на работу въ праздники и знаетъ, что онъ получаетъ вѣрную, вполне зависящую отъ него самую заработку. Впрочемъ, надо отдать справедливость хозяевамъ промысловъ, что теперь очень рѣдко можно встрѣтить прииски, гдѣ существуетъ подобная ложная система вознагражденія за старательскія работы въ праздничные и воскресные дни, и что если иногда и дается стараніе на золото, то это дѣлается въ видѣ награды и поощренія хорошимъ мастеровымъ или другимъ работни-

*) Не съ охотою, а поневолѣ, потому что вознагражденіе за урочныя работы слишкомъ ничтожно, да и старательскія работы сдѣлались уже обязательными.

камь, которые стараются большею частью въ старыхъ выработкахъ, въ бортахъ разносовъ или на почвѣ». По мнѣнію И. Латкина, было необходимо «уничтоженіе старанія на золото, *столь выгоднаго въ прежнее время рабочимъ*, и повсемѣстная замѣна его увеличенною платой за самую работу». Какъ мы видѣли, это и совершилось въ теченіе 60-хъ годовъ, такъ что Н. В. Латкинъ, писавшій въ концѣ этого десятилѣтія, могъ уже сказать: «Въ нынѣшнее время рѣдко случается, что рабочимъ даютъ стараться на золотѣ, какъ это дѣлали прежде; хотя это и случается, но какъ исключеніе для хорошихъ мастеровыхъ». Но вознагражденіе съ золотника золота вновь появилось въ 60-хъ годахъ и, притомъ, какъ единственный видъ платы, замѣняющей не только вознагражденіе за урочную и старательскую работу, но и пищевое довольствіе рабочихъ, въ артеляхъ старателей-золотничниковъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Наиболѣе обычною платой за старательское золото Пищиковъ считалъ 70 к.—1 р. за золотникъ. По словамъ автора одной записки, присланной въ началѣ 60-хъ годовъ въ министерство финансовъ, за золото, добытое во время добровольнаго старанія въ праздничные дни, рабочіе получали по 1 руб. за золотникъ, «и то товаромъ, который ставится имъ втридорога», такъ что они получаютъ за золотникъ золота не болѣе 75 к.

На промыслахъ Томской губерніи хозяева въ 1860 году платили рабочимъ за старательское золото 80 к.—1 р. 20 к. за золотникъ; въ концѣ этого десятилѣтія плата немного повысилась и равнялась 1 р.—1 р. 50 к. На промыслахъ Кокбектинскаго округа плата за золотникъ старательскаго золота равнялась въ 60-хъ годахъ 80 к.—1 р. 20 коп., причемъ нерѣдко она выдавалась товаромъ. На промыслахъ Енисейскаго округа за золотникъ старательскаго золота въ началѣ 60-хъ годовъ платили 70 коп.—1 руб. и только въ одномъ договорѣ въ концѣ этого десятилѣтія мы нашли плату по 1 р. 50 к. за золотникъ. На промыслахъ Олекминскаго округа плата за старательское золото была ниже, въ виду большого обилія драгоцѣннаго металла на прискахъ этой мѣстности: въ извѣстныхъ намъ договорахъ она равнялась 60—80 к. за золотникъ.

За подъемное золото, т.-е. находимое во время работъ и которое рабочіе обязаны были представлять присковому управленію, подъ страхомъ строгаго наказанія за утайку, и за самородки назначалась плата съ каждаго золотника, обыкновенно тѣмъ менѣе, чѣмъ больше былъ самородокъ. По извѣстнымъ намъ контрактамъ Маринскаго и Енисейскаго округовъ 60-хъ годовъ, эта плата колебалась между 48 коп. и 1 р. 50 коп.; если вѣрить исправникамъ Енисейскаго округа, то въ 1870 году эта плата доходила тамъ и до 2 р., но всего чаще она не превышала 1 р. Въ Олекминскомъ округѣ плата за подъемное золото, такъ же какъ и за старательское, была ниже, чѣмъ въ Енисейскомъ (55—70 к.). Въ 1869 г. главное управленіе Восточной Сибири поставило на видъ золотопромышленникамъ Забайкальской области, что для предотвращенія кражи золота «полезно»

платить за золотникъ подъемнаго золота не менѣе 2 руб. Въ слѣдующемъ году эта мѣра была предложена и золотопромышленникамъ Иркутской и Якутской областей.

Что касается вознагражденія рабочимъ по новому американскому способу, который, впрочемъ, былъ мало распространенъ, то въ нѣкоторыхъ договорахъ сказано, что рабочіе въ этомъ случаѣ должны получать плату не менѣе того, какъ при обыкновенномъ способѣ. На прінскѣ компаніи бар. Корфа и Базилевскаго (южн. част. Енис. окр. въ 1862 г.), при американскомъ способѣ добычи золота, забойщикъ получалъ по 50 коп. въ будни и по 1 р. 30 к. въ праздники за исполненіе всего урока, а простой рабочій или отвальный по 45 к. въ будни и по 1 р. 20 к. въ праздники. На прінскахъ Латкиныхъ (Енис. окр.) сильный и ловкій забойщикъ, по свидѣтельству Н. В. Латкина, могъ заработать до 1 р. 20 к. въ день, но они выработывали и менѣе. Рабочіе, находившіеся на такъ называемой хвостовой канавѣ, куда стекаетъ вода съ самаго нижняго сплотка, зарабатывали менѣе,—не болѣе 50 к. въ будни и 80 к. въ праздники. Н. Латкинъ говоритъ, что за то ихъ работа, сравнительно съ забойщиками, легче и проще, но они должны были постоянно находиться въ сырости и мокротѣ и потому работали въ спитой изъ сырой, невыдѣланной кожи обуви, надѣваемой на ноги сверхъ бродней. Ислѣдователи, менѣе чѣмъ Латкинъ пристрастные къ американскому способу, указываютъ на неблагоприятное вліяніе его на здоровье рабочихъ. По словамъ Таскина, при работѣ по американскому способу рабочій «находится постоянно въ водѣ, особенно при вскрышѣ турфовъ, и не имѣетъ почти никакого во время работы отдыха». Это очень вліяетъ на здоровье рабочаго и утомляетъ его. «Сгребальщику гальки достается всего болѣе, особенно при проворномъ забойщикѣ. Последний набрасываетъ сразу нѣсколько лопать въ ящикъ и можетъ минуты 2—3 отдохнуть, пока вода успѣетъ промыть заброшенную массу песковъ, между тѣмъ какъ сгребальщикъ долженъ постоянно сгребать гальку, чтобы не запруживалась вода. При старомъ способѣ работа легче: тамъ забойщики, наполнивъ таратайку и накаливъ еще для одной, отдыхаютъ до возвращенія ея. Возчики песковъ, гальки и эфеля отдыхаютъ во время самой возки, когда они только сопровождаютъ лошадей» *). Кривошапкинъ также указываетъ на то, что при американскомъ способѣ «рабочіе обрызгиваются водою и почти всегда бродятъ въ грязи и водѣ, да, кромѣ того, при большихъ работахъ накопляются по обѣ стороны горы отваловъ и образуютъ родъ орты, заслоняя притокъ и свѣжаго воздуха, и солнечнаго свѣта». Не мудрено поэтому, что, по свидѣтельству Кривошапкина, съ примѣненіемъ американскаго способа, увеличивались побѣги рабочихъ. Въ виду такихъ условій работы, нельзя не радоваться, что при настоящемъ строѣ золотопромышленности американскій способъ не получилъ распространенія.

*) *Горный Журналъ* 1860 г., т. IV, стр. 19.

У.

Жилища рабочихъ.—Семья рабочихъ на промыслахъ.—Пища.—Въязыныя порціи.

Относительно помѣщеній рабочихъ на промыслахъ въ большинствѣ контрактовъ сохранилось старинное условіе, что рабочіе должны строить ихъ въ свободное отъ работы время, не требуя никакой платы. На дѣлѣ же, — говоритъ Кривошапкинъ, — бываетъ два случая: либо пріискъ уже старый, работающійся нѣсколько лѣтъ, гдѣ есть достаточно помѣщенія и хозяину, и всѣмъ рабочимъ; либо пріискъ совершенно новый, и тогда надобно все строить. «Въ первомъ случаѣ такъ бы и сказать (въ договорѣ), что всякое помѣщеніе уже готово; во второмъ случаѣ — строить «въ свободное время отъ пріисковыхъ работъ» положительно невозможно, и потому Кривошапкинъ требовалъ, чтобы за время, которое рабочіе потратятъ на постройку для себя жилищъ, они получали бы вознагражденіе отъ хозяевъ. По контракту съ Асташевымъ (1863 г.) рабочимъ на постройку жилищъ, если они не будутъ готовы, полагалось дать три льготныхъ дня, по приходѣ ихъ на пріискъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ 60-хъ годовъ только въ трехъ безусловно постановлено, что помѣщеніе должно быть отъ хозяевъ.

На золотыхъ промыслахъ Маріинскаго округа, въ большинствѣ случаевъ, избы были заготовлены въ прежніе годы, и въ нихъ помѣщались артели холостыхъ работниковъ; семейные же рабочіе тотчасъ по приходѣ на пріискъ выстраивали для себя отдѣльныя избушки. Нѣкоторые холостяки жили не въ артеляхъ, а у женатыхъ. На золотыхъ промыслахъ Киргизской степи въ Ковбектинскомъ округѣ въ сторонѣ отъ работъ были разсѣяны войлочныя юрты, въ которыхъ жили киргизскія семьи, такъ что пріискъ представлялъ видъ большого аула. Другихъ помѣщеній для рабочихъ не строилось; только для служащихъ на лѣтнее время сооружались домики изъ дерна и камня; зимою всѣ служащіе выѣзжали въ городъ Усть-Каме-ногорскъ, а киргизы отпочевывали, и пріиски до 1 апрѣля оставались почти совершенно пустыми.

На промыслахъ Енисейскаго округа рабочіе помѣщались въ такъ называемыхъ казармахъ; «прежде, во времена оны, — говоритъ Н. В. Латкинъ, — они сами строили избушки, но нынѣ, слава Богу, это совершенно вывелось, и казармы много сберегли здоровья и жизни рабочихъ. Казармы дѣлаются внутри отъ 4 до 5 арш. вышины; въ нихъ устроивается деревянный полъ, нары и желѣзныя печи. Обыкновенно казармы бываютъ построены на 25, на 40 и на 50 человекъ, хотя нельзя не желать, чтобы въ устройствѣ казармъ произошла перемѣна къ лучшему», такъ какъ на иныхъ промыслахъ рабочіе «помѣщены довольно тѣсно». Авторъ одной газетной корреспонденціи изъ Красноярска упоминаетъ о сырости и тѣсотѣ жилищъ рабочихъ на промыслахъ.

Жандармскій штабъ-офицеръ, наблюдавшій за промыслами Чикайской и Витимской системъ Забайкальской области и Олекминской системы, донесъ

въ 1861 г. въ главное управление Восточной Сибири, что во вѣреннѣхъ ему системахъ промысловъ помѣщенія рабочихъ съ каждымъ годомъ улучшаются, особенно въ Олекминской системѣ, «гдѣ казармы большія, свѣтлыя и сухія; это вводится и на Витимской системѣ». Черезъ три года то же лицо писало: «Большою частью нынѣ на прискахъ обращено вниманіе на помѣщеніе рабочихъ, въ особенности на Нигряхъ у Баснина, гдѣ работы шли всего второй годъ, но помѣщеніе выстроено превосходное; несмотря на то, что лѣто было дождливое, *рабочіе могли обсушиться и спокойно отдыхать*». Послѣднія слова показываютъ, какъ не великъ былъ уровень требованій жандармскаго офицера относительно рабочихъ казармъ, но и эти требованія оказались слишкомъ высоки. На Спасскомъ прискѣ Олекминской системы, арендуемомъ Базилевскимъ, «рабочіе приносили жалобу, что крыши скверно крыты» и что при продолжительныхъ дождяхъ они «не могли обсушиться», вслѣдствіе чего работы шли плохо и было много больныхъ. Жандармскій офицеръ потребовалъ отъ присковаго управления исправленія крышъ. Очень можетъ быть, что помѣщенія рабочихъ нѣсколько улучшились, сравнительно съ прежнимъ, но вообще они не могли быть особенно удовлетворительными; при посѣщеніи Олекминскаго округа 1891 г. я могъ убѣдиться, что всѣ старыя казармы отличались большими недостатками: низкими потолками, тѣсною помѣщенія и проч.

Въ контрактахъ съ рабочими 60-хъ годовъ, какъ и въ предъидущее десятилѣтіе, имъ воспрещалось приводить на промысла своихъ женъ и дѣтей безъ разрѣшенія присковаго управления; иногда разрѣшалось привести жену лишь подъ условіемъ, чтобъ она исполняла всѣ тѣ работы, какія прикажутъ, напимѣръ, мыла полы (что нерѣдко означало обязанности другого рода относительно служащихъ), а женъ, пришедшихъ съ мужьями безъ разрѣшенія, присковое управление могло выслать вонъ или потребовать за содержаніе ихъ ежемѣсячной платы. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ ставилось условіемъ, чтобы женщины были вполне здоровыя. По договору съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.) за содержаніе женъ и дѣтей, приведенныхъ безъ разрѣшенія довѣреннаго, присковое управление могло вычитать по 5 руб. въ мѣсяцъ или же выслать ихъ съ промысла во всякое время. Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Мар. и Ачин. окр. 1864 г.), весь контрактъ котораго принадлежитъ къ числу наиболѣе невыгодныхъ для рабочихъ, размѣръ платы за содержаніе семейства рабочаго не опредѣленъ, а предоставляется усмотрѣнію хозяина. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, немногихъ, договорахъ нѣтъ прямого запрещенія приводить на промысла свои семейства, причемъ рабочіе обязывались или содержать ихъ на свой счетъ, или платить за хозяйскіе припасы по назначеннымъ цѣнамъ. Въ южной части Енисейскаго округа, по договору съ К° Рязановыхъ (1861 г.), женъ, дѣтей и родственниковъ рабочіе не должны были имѣть при себѣ, «развѣ по особому какому уваженію», но «во всякомъ случаѣ» они обязывались сами прокармливать на промыслахъ свои семейства, за «продовольствіе же *однимъ хлѣбомъ*» должны были «платить конторѣ наличными деньгами» или подвер-

гаться вычету изъ заработка. По договору съ Б° Зотовыхъ (1862 г.), если кому будетъ дозволено привести съ собою жену, то она должна была бесплатно исполнять возлагаемыя на нее обязанности «въ домашнему быту», иначе содержаніе ея ставится на счетъ мужа. Требованіе относительно обязательныхъ работъ женщинъ подробнѣе развито въ договорѣ съ Асташевыхъ (1867 г.): если кому «будетъ дозволено брать съ собою законныхъ женъ», то онѣ «должны на прискахъ въ помѣщеніяхъ мыть полы, бѣлье на служащихъ *), не требуя за это платы, кромѣ продовольствія хлѣбомъ; слушницъ управленіе имѣетъ полное право тотчасъ же отправлять съ промысловъ, а тѣ, которыя помѣщены будутъ, по усмотрѣнію управленія, въ какія-либо работы, назначеніе платы имъ зависѣть будетъ отъ управленія». По договору съ Поповыхъ (1869 г.) не упоминается о необходимости разрѣшенія управленія для привода женъ, если же онѣ не будутъ заниматься женскими работами, то за содержаніе ихъ положено вычитать по 3 рубля **). Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ Озеровыхъ (1861 г.) сказано: «если кто изъ насъ поступитъ на прискъ съ женами, то послѣднія въ вознагражденіе за содержаніе ихъ *хлѣбомъ* должны исполнять всѣ женскія работы или тѣ наряды, куда будутъ посылаться».

Въ лѣтнюю операцію женщинъ на прискахъ бывало весьма немного. Въ 1861 г. на промыслахъ Маринскаго округа, Томской губерніи, находилось рабочихъ 91% мужчинъ и 9% женщинъ, на промыслахъ въ Кыргизскихъ округахъ 93% мужчинъ и 7% женщинъ, въ сѣверной части Енисейскаго округа было рабочихъ 95% мужчинъ и 5% женщинъ (именно столько женщинъ допускала при наймѣ на свои промысла К° Малевинскаго по договору съ своимъ довѣреннымъ 1861 г.), а въ южной части Енисейскаго округа мужчинъ около 94%, женщинъ около 6%. По обыкновенно въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о присковскихъ рабочихъ ихъ жены обозначались вмѣстѣ съ дѣтьми, и потому нельзя точно опредѣлить процентнаго отношенія одного пола къ другому. Гораздо большій процентъ составляли женщины на промыслахъ зимою: такъ, въ декабрѣ 1863 г. на промыслахъ Енисейской губерніи было 4,137 мужчинъ и 1,712 женщинъ, т.-е. женщины составляли почти 30% всѣхъ рабочихъ; между тѣмъ, лѣтомъ 1864 г. женщины вмѣстѣ съ дѣтьми *обою пола* составляли тамъ же менѣе 9%.

Общеконтрактные рабочіе получали отъ хозяевъ пищу, о качествахъ которой мы встрѣчаемъ въ печати совершенно противоположные отзывы. «Въ

*) По договору съ Завадскихъ (1869 г.) женщины должны были еще лѣтомъ собирать траву козубу для цыготныхъ рабочихъ, готовить вѣнки, собирать грибы и ягоды, и, все-таки, съ нихъ полагался вычетъ за хлѣбъ не менѣе 3 руб. въ мѣсяцъ.

***) На Гавриловскомъ прискѣ Б° Рязановыхъ, Горохова и друг. (сѣв. ч. Енис. окр.) въ операцію 1864 г. женщины, находившіяся на прискѣ безъ занятій и получающія на свое содержаніе ржаной муки по 2½ пуда въ мѣсяцъ, платили за него по 4 р. 20 к.—5 р. ежемѣсячно.

вознагражденіе потери силъ рабочаго, изнуренныхъ чрезмѣрною работою, — говорить Пшпиковъ, — даютъ ему въ пищу одинъ фунтъ мяса, въ коемъ половина костей, тогда какъ въ то же время и на томъ же пріискѣ какой-нибудь конюхъ, плотникъ или караульный у амбаровъ (такъ называемые на пріискахъ разночинцы) и вообще всѣ люди, трудящіеся на легкихъ работахъ, получаютъ того же мяса 1½ фунта». Цвѣтолюбовъ также неодобрительно отзывается о пищѣ рабочихъ: «Обѣдъ заключается въ одномъ фунтѣ говядины, большею частью солонины, сваренной въ какой-то жиденькой кашницѣ водянистой, да въ хлѣбѣ, котораго, впрочемъ, дается работнику столько, сколько онъ можетъ съѣсть» *). Напротивъ, золотопромышленники даютъ благопріятные отзывы о пропитаніи рабочихъ. В. Латкинъ въ своей брошюрѣ *О золотопромышленности въ Сибири* говоритъ, что на пріискахъ «пища сытная, хлѣба дается безъ учета, мясныя щи да каша, да квасъ; почти всѣ рабочіе, кромѣ однихъ гѣнтяевъ, пьютъ кирпичный чай и съ сахаромъ еще, утромъ, вмѣсто завтрака, послѣ обѣда, вмѣсто паузина». Чай, какъ видно изъ словъ самого Латкина, а также и изъ контрактовъ, рабочіе пили на свой счетъ; что же касается щей, то авторъ напрасно умалчиваетъ, что онѣ были почти всегда безъ капусты, а лишь съ крупю, почему въ контрактахъ сплошь и рядомъ говорится не просто о щажъ, а о «такъ называемыхъ щажъ». Составители записокъ, представленныхъ въ министерство финансовъ въ началѣ 60-хъ годовъ, также несогласны между собою въ оцѣнкѣ пищи пріисковыхъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, мѣщанинъ Федченко, говоритъ: «Пища дается рабочимъ чрезвычайно скудная и въ малой пропорціи», напротивъ, уполномоченные по управленію дѣлами К^о Зотовыхъ, старающіеся вообще представить положеніе рабочихъ въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, утверждаютъ, что пищевой паекъ рабочихъ составляетъ «ежедневная порція мяса среднимъ числомъ для каждаго рабочаго 1¼ ф. (?), коровье масло для каши три раза въ недѣлю, кирпичъ чаю въ мѣсяцъ (?), а хлѣбъ и квасъ — безъ мѣры и вѣсу». Мы увидимъ, что среднее количество мяса было меньше, кирпичнаго чая не полагалось, а иной разъ рабочіе терпѣли стѣсненіе даже и въ квасѣ.

Восхваленію пріисковой пищи золотопромышленниками мы можемъ противупоставить свидѣтельство одного изъ нихъ — Ив. Латкина. Указывая на необходимость многихъ измѣненій въ жизни пріисковыхъ рабочихъ, онъ говоритъ: «Самая пища рабочихъ при этихъ трудныхъ работахъ, хотя и не скудная, потребуетъ необходимаго улучшенія». Въ другомъ мѣстѣ статьи онъ разъясняетъ это подробнѣе. Утверждая, что «содержаніе рабочихъ вездѣ довольно удовлетворительное», Ив. Латкинъ опять повторяетъ, что «желательно было бы еще *хоть нѣсколько* улучшить его въ виду трудности работъ и многихъ неудобствъ въ таежной жизни». При всей скромности желаній нашего автора, изъ его дальнѣйшихъ словъ — и для лицъ, совер-

*) *Амуръ* 1860 г., № 12.

шенно незнакомыхъ съ жизнью пріисковыхъ рабочихъ,—будетъ ясно несомнѣнно въ отношеніи ихъ питанія съ условіями тяжелаго, каторжнаго труда: «Рабочимъ,—говоритъ Латкинъ,—слѣдовало бы давать... мяса нѣсколько болѣе, чѣмъ они получаютъ теперь; надобно отпускать имъ, вмѣсто одного фунта, по крайней мѣрѣ, $1\frac{1}{4}$ ф. въ сутки, выдачу крупъ увеличить, вмѣсто 8, до 12 ф. въ мѣсяцъ. Наконецъ, весной, въ апрѣлѣ и май, полезно было бы выдавать рабочимъ кислую капусту, лукъ и чеснокъ для предупрежденія развитія цынги. Увеличеніе содержанія не будетъ стоить дорого, а послужитъ къ лучшему сохраненію здоровья рабочихъ и уменьшитъ число больныхъ и хилыхъ». Эта программа улучшенія пріисковой пищи болѣе чѣмъ скромна, да иной и не могъ бы предложить золотопромышленникъ, который, для ограниченія непомерной тяжести пріисковаго труда, совѣтовалъ запретить работу лишь позже 9-ти часовъ вечера, тогда какъ даже по закону 1838 г. не дозволялось работать долѣе 8-ми часовъ, и, тѣмъ не менѣе, эти пожеланія, какъ мы увидимъ изъ контрактовъ съ рабочими и показаній современниковъ, почти нигдѣ не были выполнены въ теченіе 60-хъ годовъ.

Въ Западной Сибири (Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ) мяса свѣжаго или соленаго вездѣ назначено по 1 ф. въ день для каждаго рабочаго, крупъ (обыкновенно ячныхъ) $7-7\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ; хлѣбъ выдавался или ржаной мукой въ количествѣ 2 п. 10 ф. въ мѣсяцъ (изъ которой по одному договору долженъ приготовляться и квасъ), или въ видѣ печенаго хлѣба; количество послѣдняго опредѣлено въ одномъ договорѣ ($3\frac{1}{4}$ ф.), но чаще его выдавалось сколько понадобится, такъ же, какъ и соль. 0 выдачѣ масла или сала упоминается рѣдко*). Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Мар. и Ачин. округ. 1864 г.) есть оговорка, что необходимые для приготовленія пищи припасы рабочіе должны получать «со времени прихода на пріиска или, лучше сказать, со времени дѣйствительнаго вступленія въ работу»; здѣсь мы находимъ условіе и относительно постной пищи, а именно желающіе поститься должны были въ постные дни получать, вмѣсто говядины, 1 ф. муки или гороху въ сутки и болѣе этого ничего не требовать. По договору съ Лавровскою (1864 г.) 1 ф. говядины замѣнялся въ такомъ случаѣ даже $\frac{1}{4}$ ф. крупы. Въ поисковыхъ партіяхъ по этому договору полагалось сушеной говядины $\frac{3}{4}$ ф. или столько же крупы, одно взамѣнъ другого, и затѣмъ никакой другой пищи рабочіе обязались не требовать. Въ договорахъ, гдѣ количество выдаваемого хлѣба не было ограничено, мы встрѣчаемъ еще постановленіе относительно вычета или навазанія за его растрату**). По свидѣтельству Г. П.—на (1861 г.), сала

*) Въ договорѣ съ Лавровскою (1864 г.) сказано, что сверхъ ежедневной выдачи $\frac{1}{4}$ ф. крупы по воскресеньямъ и четвергамъ должно давать рабочимъ кашу съ масломъ или саломъ: „не менѣе $\frac{1}{4}$ ф. крупъ и 3 золотниковъ масла или сала на каждаго человека“. 0 выдачѣ топленнаго сала и коровьяго масла упоминается, какъ о явленіи обычномъ, и въ договорѣ К^о Раваковой и Триполитова (1863 г.).

**) Всего чаще рабочіе за такую растрату должны были уплатить „по стоящей

или масла выдавалось на промыслах Маринскаго округа по $\frac{3}{4}$ ф. на каждаго; «хлѣба прежде давали безъ ограниченія, нынѣ же опредѣлено по 4 ф. въ день».

На пріискѣ Мезенцева давали мяса по $1\frac{1}{2}$ ф. на человѣка, но за то не полагалось крупъ. Тѣ изъ холостыхъ рабочихъ, которые жили не въ артеляхъ, а на квартирахъ у женатыхъ, платили за приготовленіе завтрака, обѣда и ужина по 30 коп. въ лѣто и столько же за зиму; сверхъ того, они обязывались въ свободное время помогать хозяину избы въ заготовленіи дровъ. Впрочемъ, по другому свидѣтельству, рабочіе на промыслахъ Томской губерніи не были обязаны готовить для себя кушанье: для этого хозяинъ долженъ былъ имѣть кашевара, хлѣбопека и т. д., которыхъ рабочимъ предоставлялось выбирать изъ своей среды.

Пропитаніе рабочихъ киргизъ на промыслахъ Кокчетинскаго округа обходилось золотопромышленникамъ гораздо дешевле: они получали отъ хозяина только по 4 ф. хлѣба въ день; мяса, крупъ и соли не давали, потому что киргизы приковывали въ пріиску со всѣми своими семьями, имуществомъ и скотомъ и, кромѣ хлѣба, питались своимъ айраномъ (кислымъ молокомъ).

Въ южной части Енисейскаго округа почти вездѣ рабочимъ назначено въ контрактахъ по 1 ф. свѣжей или соленой говядины; только въ договорѣ съ К^о Бенардаки и Н. Латкина полагается $1\frac{1}{2}$ ф., по договорамъ съ Безобразовымъ (1864 г.), Поповымъ (1868 г.) и Черныхъ (1869 г.) опредѣлено по $1\frac{1}{2}$ ф. и, наконецъ, по договору съ Вилямовскимъ (1870 г.) по $1\frac{1}{2}$ мяса (часть рабочихъ по этому послѣднему контракту выговорила себѣ по 1 ф. сахару и 1 кирпичу чаю). Въ оригинальномъ общемъ контрактѣ К^о Бенардаки (1861 г.), по которому рабочіе за исполненіе огромныхъ уроковъ, вмѣсто обычныхъ условій вознагражденія, получали мѣсячное жалованіе въ 25 руб., имъ полагалось по $1\frac{1}{2}$ ф. свѣжей или соленой говядины, но за то, кромѣ печенаго хлѣба или сухарей, они должны были ничего не требовать отъ К^о *), причѣмъ было особо оговорено, что кирпичный чай они обязаны были имѣть на свой счетъ. Крупы ячной для щей («такъ называемыхъ щей») или для щей и ваши въ праздники назначалось обыкновенно по $7\frac{1}{2}$ — 8 ф. въ мѣсяцъ, но иногда бывало и менѣе, и болѣе. О маслѣ или салтѣ упоминается лишь въ немногихъ договорахъ (отъ $\frac{1}{2}$ ф. до $3\frac{3}{4}$ ф. въ мѣсяцъ). Соль обыкновенно выдавалась въ неограниченномъ количествѣ, но иногда назначается ея отъ $\frac{1}{2}$ до 4 ф. въ мѣсяцъ на каждаго; о квасѣ говорится также въ немногихъ договорахъ. Количество хлѣба,

цѣнѣ», но иногда этимъ не ограничивается: такъ, по договору съ Лавровскою (1864 г.) каждый разъ за такую растрату въ расчетный листъ рабочаго должно было записывать по 1 р. 50 к. и сверхъ того ему грозили наказаніемъ, «какъ за умышленное уничтоженіе чужой собственности».

*) По другому, подобному же договору съ Бенардаки (1870 г.) при мѣсячномъ жалованіи въ 30 р. рабочіе должны были получать по $1\frac{1}{2}$ ф. мяса въ день и по 8 ф. крупы и $3\frac{1}{2}$ ф. сала въ мѣсяцъ.

если оно опредѣлялось, выдавалось въ количествѣ 3—4 ф. печенаго хлѣба въ день или въ мѣсяцъ $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ п. муки. Въ договорѣ съ К^о Бенардаки и Н. Латкина (1861 г.), по которому вообще пища была лучше, чѣмъ у другихъ золотопромышленниковъ, съ 1 апрѣля до 20 мая полагалось до $\frac{1}{2}$ ведра капусты на каждаго. За растрату хлѣба полагался штрафъ по 1 р. 50 к.—3 р., или по усмотрѣнiю присковаго управленiя, а по нѣкоторымъ договорамъ вдвое и даже вчетверо болѣе стоимости, и кромѣ того по многимъ договорамъ грозило еще наказанiе, какъ за умышленное уничтоженiе чужой собственности. Въ постные дни фунтъ говядины замѣнялся $\frac{1}{2}$ ф. или 1 ф. крупы, или 1 ф. гороха безъ масла; по одному договору фунтъ мяса замѣнялся $\frac{1}{30}$ ф. постнаго масла. Въ поисковыхъ партiяхъ обыкновенно полагалось по $\frac{3}{4}$ —1 ф. сушеной говядины (которая иногда замѣнялась крупкою) и, кромѣ того, известное количество сухарей, а иногда и крупы *). Относительно распределенiя времени ѣды мы встрѣчаемъ постановленiя лишь въ немногихъ договорахъ въ южной части Енисейскаго округа. Въ договорѣ съ Логиновымъ (1862 г.) сказано: «обѣдъ и ужинъ имѣтъ намъ по одному разу въ день, не требуя завтраковъ и паузиновъ». По двумъ договорамъ 1869 г. рабочiе обязывались работать съ 5 ч. утра до 8 ч. веч., «за исключенiемъ времени, обыкновенно даваемого на чай утромъ и на обѣдъ пополудни съ отдыхомъ». Такъ какъ чая отъ хозяевъ не полагалось, то рабочiе могли пить его лишь на свой счетъ, но упоминанiе о времени для чая указываетъ, что употребленiе его сдѣлалось уже въ концѣ 60-хъ годовъ явленiемъ весьма обычнымъ **).

Въ Олекминскомъ округѣ по договору съ Прибрежно-Витимскою К^о (1867 г.) рабочiе должны были получать ржаного печенаго хлѣба сколько потребуется, говядины по 1 ф. и крупы по $\frac{1}{4}$ ф. ежедневно. Если вѣрить официальнымъ свидѣтельствамъ, продовольствiе было весьма удовлетворительно. «На всѣхъ промыслахъ Олекминской и обнiихъ системъ Забайкальской области, — по словамъ жандармскаго офицера (1861 г.),—продовольствiе весьма хорошее: рабочiе получаютъ въ обѣдъ и ужинъ по $\frac{1}{2}$ ф. мяса, прекрасныя щи и два-три раза въ недѣлю кашу». Въ 1864 г. подрядчики несвоевременно доставили скоть на приски и потому въ августѣ мѣсяцѣ варили солонину.

Пища отрядныхъ рабочихъ была вообще лучше, чѣмъ общеконтрактныхъ: въ большинствѣ контрактовъ имъ полагалось по $1\frac{1}{2}$ ф., рѣже по $1\frac{1}{4}$ ф. мяса. Кромѣ большаго количества мяса, отряднымъ почти постоянно

*; Укажемъ на нѣкоторую разницу между договоромъ Шенетковскаго на операцию 1861—62 г. и „положенiемъ“ на Сергiевскомъ прискѣ его же съ 1 апрѣля 1862 г.: по договору о выдачѣ капусты не упоминалось, по „положенiю“ же она выдавалась, но за то вдвое уменьшалось количество крупы; по договору было назначено сала $3\frac{3}{4}$ ф. въ мѣсяцъ, а по „положенiю“ вдвое болѣе. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, на этомъ прискѣ пища была нѣсколько лучше, чѣмъ по договору.

**.) Въ 1865 г. высшая администрацiя Восточной Сибири предписала, чтобы не допускалось вычета съ рабочихъ за кашеваровъ и артельныхъ старостъ и чтобы не свидѣтельствовали договоровъ, гдѣ говорится о такихъ вычетахъ. До этого подобный вычетъ производился на прискахъ К^о Бенардаки, Сидорова и Латкина.

выдавалось масло или сало, хотя обыкновенно и въ незначительномъ количествѣ *). Впрочемъ, въ сѣверной части Енисейскаго округа, если судить по имѣющимся у насъ 12 договорамъ, содержаніе отрядныхъ рабочихъ было нѣсколько хуже, чѣмъ въ южной части того же округа; во-первыхъ, сравнительно чаще назначалось $1\frac{1}{4}$ ф. мяса, вмѣсто $1\frac{1}{2}$ ф., а затѣмъ остальное содержаніе выдавалось наравнѣ съ общеконтрактными чернорабочими.

Въ особыхъ договорахъ съ ремесленниками и разночинцами почти всегда назначено по $1\frac{1}{2}$ ф. мяса и затѣмъ нѣкоторые выговаривали себѣ улучшенное содержаніе: такъ, по одному договору поварь выговорилъ себѣ 1 кирпичъ чаю и 1 ф. сахару въ мѣсяцъ, а по другому контракту кузнецъ и плотникъ выговорили себѣ содержаніе по положенію служащихъ, а не рабочихъ. Ремесленники и разночинцы, нанявшіеся по общему контракту, обыкновенно получали нѣсколько улучшенное содержаніе, какъ, наприм., конюхамъ давался кирпичный чай.

И. Латвинъ въ своей книгѣ о промыслахъ Енисейскаго округа (1869 г.) сообщаетъ о пищѣ рабочихъ свѣдѣнія, весьма сходныя съ тѣми, какія мы находимъ въ контрактахъ. По его словамъ, печеный хлѣбъ выдавался рабочимъ безъ ограниченія, лѣтомъ они получали квасъ, мяса мастеровые и подрядные турфовщики до $1\frac{1}{2}$ ф., а остальные рабочіе 1— $1\frac{1}{4}$ ф.; крупы ячной и гречневой для каши и щей 8—10 ф., сала или масла 1—2 ф., соли 3 ф. въ мѣсяцъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что дѣйствительная выдача вполне соответствовала тому, что мы встрѣчаемъ и въ контрактахъ, и, слѣдовательно, если изрѣдка на дѣлѣ содержаніе рабочаго было лучше назначеннаго въ договорѣ, то, въ большинствѣ случаевъ, контракты, все-таки, вѣрно рисуютъ пищевое довольствіе на приусахъ.

Сравнительно съ пятидесятью годами въ пищѣ рабочихъ незамѣтно никакого улучшенія; начавшаяся въ то время выдача масла или сала производится еще далеко не всегда и, притомъ, въ чрезвычайно ничтожномъ количествѣ. Мяса общеконтрактнымъ рабочимъ выдается обыкновенно по 1 ф. и лишь весьма рѣдко въ количествѣ $1\frac{1}{4}$. Введеніе въ пищевой паекъ капусты составляетъ также явленіе исключительное; кирпичный чай, выдававшійся мѣстами въ 50-хъ годахъ отъ хозяевъ, теперь приобрѣтается общеконтрактными рабочими и большинствомъ ремесленниковъ и разночинцевъ на свой счетъ (напомнимъ, что Кривошапкинъ объяснялъ выдачу кирпичнаго чая на счетъ хозяевъ въ концѣ 50-хъ годовъ дороговизною хлѣба). Однимъ словомъ, золотопромышленниками не были исполнены въ то время даже весьма скромныя предложенія И. Латвина.

Тотъ же И. Латвинъ указывалъ еще на одно настоятельно необходимое улучшеніе въ содержаніи рабочихъ: «Винная порція, — говоритъ онъ, — въ особенности весною, должна была бы выдаваться имъ, по крайней мѣрѣ, 2 или 3 раза въ недѣлю; конечно, эта порція должна ограничиться одною

*) Масла отъ $\frac{1}{4}$ до 1 ф. или сала отъ $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ.

чаркой», которая «въ сырую погоду приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ стаканъ, подаваемый однажды или два раза въ мѣсяцъ, который, кромѣ опьяненія и расслабленія рабочаго, не ведетъ ни къ чему другому». Въ контрактахъ о выдачѣ винной порціи упоминается крайне рѣдко, и то обыкновенно въ такой формѣ, которая ни къ чему не обязываетъ прискавое управленіе. Такъ, наприм., въ контрактѣ съ Асташевымъ (1861 г., Енисейскаго округа) сказано: «Промысловое управленіе въ награду нашего усердія въ теченіе лѣта обѣщаетъ намъ отпустить нѣсколько винныхъ порцій въ дни праздничныя» *). Въ договорѣ, предложенномъ рабочимъ Катышевцевымъ весной 1862 г. (Олеж. окр.), сказано, что «первый окончившій урокъ получаетъ винную порцію по $\frac{1}{100}$ ведра». Въ дѣйствительности же, по донесенію жандармскаго офицера (1861 г.), на прискахъ Олежминской системы Соловьева винная порція подавалась рабочимъ каждый день, а на прочихъ прискахъ этого округа по «торжественнымъ днямъ». В. Латвигъ въ своей брошюрѣ о золотопромышленности (1864 г.) говоритъ: «На нѣкоторыхъ прискахъ водку давали прежде въ каждое воскресенье и нынѣ многіе даютъ, особенно весной, когда работа труднѣе, подаютъ черезъ день».

Въ октябрѣ 1863 г. главное управленіе Восточной Сибири разослало горнымъ исправникамъ циркуляръ, которымъ, по желанію М. С. Корсакова, предписывало, въ видахъ уменьшенія пьянства при выходѣ рабочихъ съ промысловъ, «войти въ совѣщаніе съ золотопромышленниками: не лучше ли употребленіе вина ввести ежедневными порціями во все время отправления работъ на частныхъ промыслахъ съ постановленіемъ нормальной порціи вина и на чей счетъ, въ томъ предположеніи, что когда умѣренное употребленіе вина войдетъ въ обыкновеніе, то рабочіе не будутъ предаваться пьянству въ жилыхъ мѣстахъ, по выходѣ съ золотыхъ промысловъ, какъ это дѣлается нынѣ». О результатахъ этого предписанія мы имѣемъ свѣдѣнія лишь относительно южной части Енисейскаго округа.

На созванномъ горнымъ исправникомъ совѣщаніи по этому вопросу золотопромышленниковъ и управляющихъ 14 ноября 1863 г. было постановлено: «Ежедневное употребленіе рабочими ограниченныхъ порцій вина на промыслахъ, безъ всякаго сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ полезно, но привести въ исполненіе эту мѣру можно *на счетъ рабочихъ* тогда только, когда выдаваемые задатки, при наймѣ рабочихъ, не будутъ превышать на каждого, съ обмундировочными и доставкой на мѣсто работъ 45 р., а при настоящемъ наймѣ людей съ огромными задатками выдача ежедневной винной порціи будетъ служить надбавкою къ увеличенію долговъ, остающихся неотработанными, въ видимый ущербъ капитала промысловыхъ владѣльцевъ». Постановленіе это было разослано по всемъ промысламъ южной

*) И дѣйствительно, изъ счетовъ Прокопьевскаго приска Асташева видно, что въ операнію 1861 г. на винныя порціи было употреблено 27 ведеръ спирту и въ 1863 г. 80 ведеръ (по 13 р. ведра).

части Енисейскаго округа для утверждения его подписями «съ оговорками или безъ нихъ, смотря по тому, какое будетъ мнѣніе объ этомъ вопросѣ» *).

Горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, сообщивъ въ декабрь 1863 г. главному управленію Восточной Сибири постановленіе мѣстныхъ золотопромышленниковъ о выдачѣ винныхъ порцій, въ своемъ допесеніи говоритъ: «Кромѣ этого бывшія на совѣщаніи лица... присовокупили..., что подача рабочимъ винныхъ порцій бесплатно производится на нѣкоторыхъ промыслахъ и въ настоящее время, но только не постоянно, а смотря по надобности, именно: въ ненастные дни и въ такихъ случаяхъ, когда работа требуетъ или усиленнаго труда, или успѣшнаго исполненія. Въ послѣднихъ случаяхъ винная порція играетъ роль или мѣры поощрительной, или награды. Она служитъ для промысловыхъ управленій средствомъ, заохочивающимъ рабочимъ въ дѣятельности и усердному исполненію требуемыхъ отъ нихъ услугъ, иногда экстренныхъ и важныхъ; поэтому нѣкоторые полагаютъ, что винная порція, со введеніемъ выдачи оной ежедневно, не будетъ уже имѣть того вліятельнаго свойства, какое имѣетъ нынѣ». Но въ томъ-то и дѣло, что выдача винной порціи, по усмотрѣнію присковаго управленія, являлась въ его рукахъ орудіемъ для крайняго напряженія силъ рабочихъ, и введеніе обязательной выдачи вина положило бы этому предѣлъ.

Въ іюнѣ 1865 г. совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири разослалъ новый циркуляръ горнымъ исправникомъ, которымъ имъ предписывалось, «для представленія соображенія въ С.-Петербургъ», сообщить свѣдѣніе, въ какомъ видѣ и размѣрѣ выдаются винныя порціи рабочимъ..., какой порядокъ наблюдается при этомъ, какъ великъ расходъ на порцію каждому рабочему въ теченіе года и на чей счетъ относится этотъ расходъ.

На запросъ горнаго исправника сообщены были свѣдѣнія о выдачѣ вина, изъ которыхъ видно, что на разныхъ промыслахъ въ теченіе времени съ начала апрѣля до конца іюля рабочіе получили отъ 14 до 48 порцій по $\frac{1}{100}$ ведра (а на прискѣ Шепетковскаго и по $\frac{2}{100}$) на счетъ приско-

*) Управляющій присками К^о Мясниковыхъ, выражая свою солидарность съ упомянутымъ постановленіемъ, сдѣлалъ оговорку, что на промыслахъ этой компаніи «принято за обыкновеніе подавать порціи вина рабочимъ во время, трудное для работъ, какъ-то: весною и осенью, въ остальное же время порціи вина даются всѣмъ рабочимъ, окончившимъ заданный урокъ». Шепетковскій заявилъ, что на его прислахъ заведено въ ненастное время давать порціи вина всѣмъ рабочимъ и, кромѣ того, ежедневно тѣмъ изъ нихъ, которые работаютъ въ сырыхъ мѣстахъ. Управляющій промыслами К^о Рязановой, выражая согласіе съ приведеннымъ постановленіемъ, заявилъ, что на промыслахъ этой К^о порціи подавались рабочимъ въ ненастные дни, въ особенности весною и осенью, на компанейскій счетъ. На промыслахъ К^о Зотовыхъ, по заявленію управляющаго, вино подавалось рабочимъ въ большомъ количествѣ «безъ всякаго обязательства и смотря по времени года, а также постоянно оно употребляется и въ больницахъ для тѣхъ, кои страдаютъ скорбутомъ», а потому онъ выразилъ желаніе предоставить подачу винныхъ порцій усмотрѣнію присковскихъ управленій.

ваго управленія. Напротивъ, на Приютинскомъ приискѣ Данилова порціи выдавались постоянно, *по желанію рабочихъ*, въ ненастное время, но на ихъ счетъ, по $\frac{1}{100}$ ведра по 5 к. с. за порцію. Такимъ образомъ, управленіе Данилова избавлялось отъ расхода, который дѣлали нѣкоторые другіе золотопромышленники; впрочемъ, назначенная имъ плата за вино была умѣренная, такъ какъ, по донесенію мѣстнаго горнаго исправника въ 1863 г., ведро полугара обходилось въ 4—7 р.

6 августа 1865 г. горный исправникъ донесъ главному управленію Восточной Сибири, что, по его наблюденіямъ, винныя порціи «подаются цѣлымъ командамъ рабочихъ по годовымъ праздникамъ, и то необязательно, а по усмотрѣнію промысловыхъ управленій; подача же порцій ежедневныхъ нѣкоторымъ рабочимъ производится... за особенно какіе-либо усиленные труды или за услугу въ экстренныхъ надобностяхъ. Ежедневная подача порцій всѣмъ рабочимъ» на счетъ золотопромышленниковъ «до сихъ поръ еще не вводилась», и вопросъ объ этомъ, «несмотря на всѣ убѣжденія въ выгодности этой мѣры, до сихъ поръ подвигается очень медленно, и едва ли можно ожидать, чтобы онъ разрѣшился удовлетворительно». Въ 70-хъ годахъ высшая администрація Восточной Сибири еще болѣе настойчиво рекомендовала приисковымъ управленіямъ увеличить выдачу вина на промыслахъ, а по проекту новаго закона (1894 г.) горнозаводскимъ присутствіямъ предоставляется установить обязательную выдачу вина на золотыхъ промыслахъ по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ, въ 60-хъ годахъ вопросъ объ обязательной выдачѣ рабочимъ ежедневныхъ винныхъ порцій не былъ рѣшенъ, но, судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ приисковыми управленіями южной части Енисейскаго округа, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ стали давать рабочимъ кораздо большее количество вина на счетъ промысловаго управленія, сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Н. В. Латкинъ въ своей книгѣ объ Енисейскомъ округѣ говоритъ, что винная порція у однихъ промышленниковъ подается еженедѣльно, у другихъ 3 раза въ мѣсяць и, кромѣ того, при всякой экстренной работѣ, а хорошимъ мастеровымъ подавали ее по 2 или 3 раза въ недѣлю.

Стоимость пропитанія рабочаго обходилась, по словамъ Лопатина, (1871 г.), въ Енисейскомъ округѣ 7—8 р. въ мѣсяць, а въ началѣ 60-хъ годовъ и нѣсколько менѣе *).

В. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) На Покровскомъ приискѣ Бенкендорфа (южн. ч. Енис. окр.) въ 1862 г. содержаніе рабочаго обходилось по 5 р. 75 к. въ мѣсяць, а на Прокопьевскомъ приискѣ Асташева въ 1861 г. 6 р. 60 к., въ 1863 г.—менѣе 5 р.

Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти.

(По поводу *Эмпирическихъ изслѣдованій* д-ра Лингга *) и *Субъективнаго реализма* проф. Коркунова **).

„In der Negation dauernd zu verharren ist das Vorrecht des Beschränkten, zumal Negiren so leicht, Schaffen so schwer ist. Mit einem Federzug kann der Werth der Gedankenarbeit eines Jahrhunderts geleugnet werden von dem, der nicht im Stande ist sie zu begreifen“.

Jellinek.

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о тѣхъ требованіяхъ, которымъ должно удовлетворять опредѣленіе государства.

Прежде чѣмъ опредѣлить извѣстное явленіе, необходимо выяснитъ себѣ ту точку зрѣнія, съ какой намѣреваетесь изучитъ это явленіе. Эти точки зрѣнія очень разнообразны, — онѣ такъ же разнообразны, какъ разнообразны различныя области человѣческаго знанія, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою задачу и свою методу изслѣдованія. Бракъ можетъ быть предметомъ изученія и физиолога, и антрополога, и юриста, и каждый дастъ свое опредѣленіе и подойдетъ къ объясненію явленія своимъ путемъ. Извлеченное изъ земли, древнее изваяніе можетъ заинтересовать въ одинаковой степени и естествоиспытателя, который пожелаетъ опредѣлитъ его химическій составъ, и эстетика, который посмотритъ на него, какъ на произведеніе искусства, и примѣнитъ къ нему приемы художественной критики, и историка, который взглянетъ на него, какъ на памятникъ прошлаго. И химикъ, и эстетикъ, и историкъ разсмотрятъ одну и ту же вещь съ особой стороны и придутъ къ особымъ выводамъ. И чѣмъ болѣе каждый изъ нихъ останется въ своей области и воспользуется приемами, свойственными его наукѣ, тѣмъ

*) *Dr Emil Lingg*: „Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre“.

***) *Коркуновъ*: „Указъ и законъ“.

надежныѣ и тѣмъ цѣннѣе будутъ добыты имъ выводы. Но ни одинъ изъ нихъ не дастъ всесторонняго опредѣленія и не исчерпаетъ предмета изученія: онъ долженъ будетъ предоставить окончательные выводы той наукѣ, которая объединяетъ всѣ отрасли знанія.

Такою наукой, во всякомъ случаѣ, не является юриспруденція: она, какъ и химія, какъ и эстетика, какъ и исторія, изучаетъ только опредѣленный кругъ явленій, и изучаетъ ихъ лишь съ извѣстной стороны.

Между тѣмъ, представители современной юриспруденціи, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые работаютъ въ области публичнаго права, склонны видѣть въ своей наукѣ какую-то привилегированную науку, которая должна изучать общественныя явленія со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ вывѣской государственнаго права преподносится публикѣ крайне разнообразная пища, составленная изъ самыхъ разнородныхъ ингредиентовъ, трудно переваримыхъ даже для самыхъ крѣпкихъ умовъ. И о чемъ только ни толкуется въ этихъ изслѣдованіяхъ по государственному праву: тутъ и политическія разсужденія, и социологическіе взгляды, и психологическіе анализы, и философскія размышленія; авторы этихъ изслѣдованій смѣлымъ шагомъ введутъ васъ въ дебри давно минувшихъ временъ и щедрою рукой снабдятъ васъ и антропологическими, и этнографическими, и археологическими свѣдѣніями; вы обойдете подъ ихъ руководствомъ весь земной шаръ и не минуете ни безводныхъ африканскихъ пустынь, ни дремучихъ лѣсовъ Америки; но они знакомятъ васъ и съ политикой дня: то вы услышите голосъ оратора, излагающаго свою политическую программу, то зажужжитъ надъ вашимъ ухомъ назойливая болтовня газетнаго политикана... Во всѣхъ сферахъ знанія эти публицисты сознаютъ себя хозяевами, только развѣ въ области строго-юридическихъ вопросовъ они ощущаютъ нѣоторую неловкость.

*Неумные понять задачу государственнаго права, какъ науки юридической, держаться въ предѣлахъ изслѣдованія и пользоваться приемами изслѣдованія, вытекающими изъ этой задачи, является, несомнѣнно, главною причиною неуспѣшности ученыхъ работъ въ этой области. И если за послѣдніе годы появились крупныя труды, представляющіе собою дѣйствительно шагъ впередъ въ нашей наукѣ, то мы этимъ обязаны тому направленію, которое ставитъ себѣ цѣлью—изучать государство съ юридической—и только съ юридической—стороны, предоставляя другимъ наукамъ изучать его съ другихъ сторонъ *).*

Что же понимать подъ юридическою стороною государства?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо уяснить себѣ специфическую природу тѣхъ величинъ, изученіе которыхъ входитъ въ область, отмежеванную юриспруденцію.

*) Ср. критическія статьи Gierke въ *Zeitschrift für das Privat- und Öffentliche Recht* Grünhut'a 1879 г., т. VI, и въ *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich* 1883 г. о Государственномъ правѣ Германской имперіи Лабанда.

Величины, которыми орудуешь юристъ, суть величины отвлеченныя; онѣ никакого реального бытія не имѣютъ: ихъ нельзя ни видѣть, ни осязать, ни взвѣсить. Это — такія же отвлеченныя величины, какъ тѣ, которыми орудуешь математикъ. Какъ нельзя осязать ни точки, ни круга, ни линіи, такъ нельзя осязать ни права собственности, ни всякаго другого юридическаго отношенія. Я могу показать свой домъ, могу любоваться имъ, но моего права собственности на него я осязать не могу. Я могу видѣть чело-вѣка, но субъекта правъ я никогда не увижу. Я могу ходить по землѣ, которая перешла ко мнѣ по договору найма, но самаго договора найма я никогда не ощущаю, сколько бы я ни вертѣлъ въ своихъ рукахъ нота-ріальный актъ.

Юридическія нормы и юридическія отношенія не имѣютъ никакого внѣш-няго бытія и существуютъ исключительно во внутреннемъ сознаніи чело-вѣка.

Всякое юридическое отношеніе имѣетъ, конечно, матеріальный субстратъ, но предметомъ изученія юриста является не этотъ матеріальный субстратъ, а самое юридическое отношеніе. Юристъ изучаетъ семью, напримѣръ, лишь со стороны той правовой связи, которая объединяетъ членовъ семьи. Юристу нѣтъ никакого дѣла до фізіологическаго основанія семьи; онъ не задаетъ себѣ вопроса, въ чемъ нравственная цѣль семьи; онъ не изучаетъ хозяй-ственной жизни семьи: онъ имѣетъ въ виду только правовую форму семьи. И то же самое мы должны сказать и о государствѣ: и здѣсь мы разли-чаемъ матеріальный субстратъ и юридическое отношеніе. *Матеріальнымъ субстратомъ государства являются территорія и люди, юридическимъ же отношеніемъ является та связь, которую государственная органи-зація объединяетъ людей въ одно цѣлое и надѣляетъ какъ органы, такъ и членовъ государства правами и обязанностями. Только эта связь и является предметомъ изученія юриста.* Вопросы о нравствен-номъ основаніи государства, о конечныхъ цѣляхъ государства, объ исто-рическомъ происхожденіи государства, вопросы о фізіологическихъ, психо-логическихъ и экономическихъ связяхъ, объединяющихъ народъ, — все это вопросы, которые могутъ быть предметомъ науки о государствѣ въ ши-рокомъ смыслѣ этого слова и которые изучаются специально особыми отраслями знанія: антропологіей, этнографіей, политической экономіей, пси-хологіей и этикой, но которые въ область, отмежеванную государствен-ному праву, какъ наукѣ юридической, во всякомъ случаѣ, не входятъ.

Если такова задача догмы государственнаго права, то опредѣленіе го-сударства, которое бы соотвѣтствовало этой задачѣ, должно ставить себѣ цѣлью — охарактеризовать государство не со стороны его матеріальнаго субстрата, а лишь со стороны той юридической связи, которая объеди-няетъ людей въ одно организованное цѣлое и надѣляетъ ихъ известными правами и обязанностями.

Такое опредѣленіе удовлетворить юриста-догматика, но оно не можетъ и не должно удовлетворить ни философа, ни социолога, ни историка. Оно не можетъ и не должно удовлетворить и историка права.

Историкъ права изучаетъ правовыя явленія въ ихъ постепенномъ развитіи на протяженіи многихъ вѣковъ. Ему нужно такое опредѣленіе, при помощи котораго онъ бы могъ, встрѣчаясь съ различными общественными союзами въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ, отличить государство отъ другихъ сродныхъ ему явленій. Онъ долженъ дать такое опредѣленіе государства, подъ которое подошли бы и восточная теократія, и современное свѣтское государство, и государство—городъ античнаго міра, и государство—имперія новаго времени, и патримоніальное государство, основанное на началѣ личнаго господства, и правовое государство, основанное на началѣ общественнаго господства. Имѣя въ виду такую цѣль, онъ дастъ опредѣленіе, которое сознательно отвлечется отъ всѣхъ особенностей правоваго строя этихъ различныхъ государствъ,—другими словами, оно отвлечется отъ того, что составляетъ предметъ спеціальнаго изученія догмы права.

Въ самомъ дѣлѣ, задача догмы современнаго государственнаго права— не всестороннее изслѣдованіе государственныхъ типовъ прошедшихъ временъ и чужихъ культуръ; ея задача—изучить юридическій строй современнаго государства европейской культуры. *Догма государственнаго права нашихъ дней нуждается поэтому не въ такомъ опредѣленіи, которое охватило бы государства всѣхъ временъ и народовъ, а въ такомъ, которое могло бы послужить исходною точкой къ объясненію юридическаго строя современнаго правоваго государства.* Такое опредѣленіе, конечно, не удовлетворитъ историка, ибо подъ него не подойдетъ цѣлый рядъ государствъ, подлежащихъ его изученію, но оно не удовлетворитъ его точно такъ же, какъ не удовлетворитъ современнаго юриста опредѣленіе, данное историкомъ,—опредѣленіе, обнимающее широкій кругъ историческихъ явленій, но не дающее точки опоры для объясненія характерныхъ чертъ современнаго юридическаго строя.

И если присмотрѣться ближе къ опредѣленіямъ государства, выставленнымъ современными публицистами, то мы увидимъ, что всѣ они, хотя и заявляютъ притязаніе охватить государство, какъ всемірно-историческое явленіе, на самомъ дѣлѣ формулируютъ понятія, которыя имѣютъ въ виду только современное государство. Тѣ опредѣленія, которыя даютъ Шульце *), Герберъ **), Елинекъ ***), Генель ****), а въ нашей литературѣ—Борку-

*) Der Staat ist die Vereinigung eines sesshaften Volkes zu einem organischen Gemeinwesen (Gesamtpersönlichkeit) unter einer höchsten Gewalt und einer bestimmten Verfassung zur Verwirklichung aller Gemeinzwicke des Volkslebens, vor allem zur Herstellung der Rechtsordnung. *Schultz*: „Preussisches Staatsrecht“ 1872. Т. I, стр. 132).

**) Der Staat als Bewahrer und Offenbarer aller auf die sittliche Vollendung des Gemeinlebens gerichteten Volkskräfte ist die höchste rechtliche Persönlichkeit, welche die Rechtsordnung kennt. *Gerber*: „Grundzuge des deutschen Staatsrechts“. 2 Aufl. 1869 г., стр. 2.

***) Der Staat ist die von einem machtvollen Willen getragene herrschaftliche Organisation eines sesshaften Volkes. *Jellinek*: „Gesetz u. Verordnung“, 1897 г., стр. 190.

****) Der Staat ist der höchste korporative Verband einer Volksgemeinschaft. *Haemel*: „Deutsches Staatsrecht“. Т. I, стр. 109.

новъ *), могутъ объяснить многое въ правовой жизни современнаго государства, но они безсильны служить отправною точкою для конструкціи такихъ государственныхъ типовъ, какъ, напримѣръ, феодальное государство, восточная деспотія, древняя теократія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить хотя бы патримоніальное государство, какъ «общественный союзъ, представляющій собою самостоятельное и признанное принудительное властвование надъ свободными людьми» проф. (Жоржуновъ), или древнюю теократію, какъ «объединеніе осѣдлаго народа въ органическое общезитіе съ опредѣленнымъ устройствомъ для осуществленія всѣхъ общественныхъ дѣлей народной жизни и, прежде всего, для установленія правоваго порядка» (Шулце).

Если же мы посмотримъ на эти опредѣленія, какъ на опредѣленія современнаго правоваго государства, то они выступаютъ передъ нами въ совершенно другомъ освѣщеніи и получаютъ иной смыслъ. Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ слышится одно общее требованіе, которое ставится государству современнымъ правосознаніемъ,—требованіе, по которому государство должно быть господствомъ не людей, а законовъ,—то требованіе, которое, по нашему мнѣнію, прекрасно выражено въ слѣдующихъ патетическихъ словахъ Руссо: «Я желалъ бы жить и умереть свободнымъ, т.-е. до такой степени подчиненнымъ законамъ, чтобы ни я, ни кто другой не могъ сбросить этого почетнаго ига, этого благотворнаго и сладкаго ига, предъ которымъ и самыя благородныя головы склоняются тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе онѣ способны переносить какое бы то ни было другое иго» **).

Отгнѣченное отношеніе приведенныхъ опредѣленій къ политической доктринѣ новаго времени мы не только не ставимъ имъ въ упрекъ, а, напротивъ, видимъ въ этомъ отношеніи ихъ несомнѣнное достоинство.

Юристъ не только долженъ овладѣть правовымъ матеріаломъ и умѣть пользоваться приемами формальной логики: онъ долженъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и знать жизнь, ея требованія и запросы, черпать изъ жизни и творить для жизни. Работа юриста преслѣдуетъ глубоко-практическія цѣли, захватывающія самыя жизненные интересы человѣка и человечества. Юридическіе институты не висятъ между небомъ и землею, а выросли на реальной почвѣ житейскихъ отношеній; они не развились безсознательно и самобытно подобно тому, какъ вырастаетъ лѣсъ и складывается организмъ человѣка, т.-е. по неизмѣннымъ законамъ природы,—юридическіе институты созданы сознательною дѣятельностью людей, хотя и созданы ими ради удовлетворенія потребностей, вложенныхъ въ нихъ природою. Созданные людьми и для людей, они и должны служить интересамъ людей и имѣютъ право на существованіе лишь постольку, поскольку они служатъ этимъ интересамъ.

*) Русское государственное право, т. I, стр. 4.

**) Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes. Discours.

Юристъ, игнорирующий тѣ практическія требованія, удовлетворенія которыя современный человекъ ждетъ отъ государства, напишетъ, пожалуй, ученую книгу, но не создастъ плодотворнаго труда.

Зейдель, выдающійся ученый и тонкій юристъ, написалъ книгу *), которая стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ правосознаніемъ современнаго человѣка. По его ученію, субъектъ государственной власти—личная воля конкретныхъ правителей, объектъ—территорія съ живущими на ней людьми. Эта доктрина, которая видитъ въ гражданахъ только объектъ воли властителя, совершенно бессмысленна объяснить цѣлый рядъ явленій въ правовой жизни современнаго государства и она не могла поэтому оказать вліянія на движеніе нашей науки. Не удивительно, что она встрѣтила еднородный отпоръ въ нѣмецкой литературѣ, не создала школы и, конечно, ея никогда не создастъ **). Другимъ примѣромъ бесплодности работъ по государственному праву писателей, которые ставятъ себя въ прямое противорѣчіе съ политическими принципами нашего времени, могутъ служить книги Гумпловича—этого яраго отрицателя праваго государства. Несмотря на его несомнѣнный литературный талантъ и на оригинальность его ума, ученіе его осталось безъ всякаго отклика и вызвало только отрицательное къ себѣ отношеніе ***). Въ семьѣ современныхъ публицистовъ Гумпловичъ является какимъ-то отверженнымъ, какимъ-то паріей, отъ котораго всѣ открепиваются, и онъ сознаетъ свое одиночество и прямо заявляетъ о немъ въ предисловіи своей книги *Rechtstaat und Socialismus*, говоря, что ничего, кромѣ отрицанія, не ждетъ въ отвѣтъ на свой трудъ ****).

Нельзя, такимъ образомъ, безнаказанно игнорировать практическіе запросы жизни и становиться въ оппозицію къ тѣмъ требованіямъ, которыя современный человекъ предъявляетъ государству. Можно ожидать плодотворныхъ работъ въ области государственнаго права лишь отъ, тѣхъ юри-

*) *Grundsätze einer allgemeinen Staatslehre*, 1873.

***) *Otto Gierke*: „Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien“ въ *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* 1874 г., стр. 172—184.

***) Das gerade für das öffentliche Recht eine derartige Unterminierung des Rechtsidee gefährlicher ist, als die unverhüllte Zeugnung seiner Rechtsnatur, ist freilich gewiss. Allein immerhin ist es bezeichnend, dass zunächst schlechthin keine Ansicht auf Erfolg für eine Richtung besteht, welche das Staatsrecht offen für kein Recht erklärt. Es müsste wunderbar zugehen, wenn in der vielköpfigen deutschen Gelehrtenrepublik nicht auch für dieses einfache und schöne Programm ein Kämpfer erstanden wäre. Doch hat der muthige Schriftsteller (Gumpowicz) der seit einer Reihe von Jahren seine Kräfte im Dienste der in erhabener Nacktheit thronenden Göttin der Gewalt vergendet, die erhoffte Heerfolg bisher nicht gefunden: Gierke: въ *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*. 1883 г., стр. 1, 101.

****) Ich bin es mir leider nur zu sehr bewusst, dass jeder Satz meines Buches an den bisherigen, als fest und unerschütterlich geltenden Grundlagen des Staatsrechts rührt und rüttelt, ich bin es mir bewusst, dass jede These, die ich da ausspreche, mir allerseits nur Gegner schaffen und das mir als Echo meiner Worte von ueberall nur Unwille und Widerspruch entgegenhalten wird. *Rechtstaat und Socialismus*, 1881. Vorwort, стр. 3.

ство, которые станут на почву современного правового государства и съумѣютъ чутво отнестись къ интересамъ современной культуры.

Сводя итогъ предшествующему изложенію, мы можемъ формулировать свои воззрѣнія на тѣ требованія, которымъ должно удовлетворять опредѣленіе государства, выставляемое юристомъ - догматикомъ, слѣдующимъ образомъ:

1) Это опредѣленіе должно быть юридическимъ, т.-е. охватывать многосложныя явленія государства не со всѣхъ сторонъ, съ которыхъ можно изучать государство, а только со стороны юридической. Эта же юридическая сторона—не матеріальный субстратъ государства, а та связь, которая объединяетъ людей въ одно организованное цѣлое.

2) Это опредѣленіе должно имѣть въ виду только тѣ государства, которыя по характеру объединяющихъ людей въ государство юридическихъ связей представляютъ собой однородныя явленія, — другими словами, не государство всѣхъ временъ и народовъ, а государство данной культурной эпохи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главные направленія въ современной литературѣ государственнаго права.

И такъ, наша задача—дать юридическое опредѣленіе современнаго государства европейской культуры.

Что матеріальнымъ субстратомъ современнаго государства являются территорія и люди, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается; современные писатели расходятся только въ объясненіи той юридической связи, которая объединяетъ людей въ государство. И съ этой точки зрѣнія ихъ можно раздѣлить на двѣ группы:

1) Одни объясняютъ эту связь личнымъ господствомъ, подчиненіемъ людей людямъ.

2) Другіе объясняютъ эту связь общественнымъ господствомъ, подчиненіемъ людей господству государства, какъ цѣлаго.

Если всмотрѣться ближе въ то разногласіе, которое разъединяетъ эти два направленія, то окажется, что оно сводится къ разрѣшенію одного кореннаго вопроса, который можно формулировать такъ:

Представляетъ ли государство воле-и дѣеспособное цѣлое, стоящее надъ людьми, или же это цѣлое только фикція, а въ дѣйствительности государство ничто иное, какъ сумма физическихъ лицъ, сдерживаемыхъ въ единство волею властителя?

Отдѣлъ I.

Реалистическое направленіе.

I.

Реализмъ Зейделя и эмпиризмъ Лингга.

То направленіе, которое называетъ себя реалистическимъ, отрицаетъ существованіе государства, какъ цѣлаго.

Представителемъ этого направленія является Зейдель. Для него не существуетъ другого правоваго единства, кромѣ человѣка. Только человѣкъ можетъ дѣйствовать, только человѣкъ можетъ хотѣть, государство не можетъ имѣть воли, не можетъ быть поэтому ни субъектомъ правъ, ни субъектомъ государственной власти. Государство есть совокупность людей, живущихъ на опредѣленной территоріи и подчиненныхъ власти одной господствующей воли. Эта воля—субъектъ власти, территорія и люди—объектъ этой воли. Воля властителя стоитъ надъ государствомъ и подчиненіе этой воли людей и территоріи только и придаетъ имъ государственный характеръ. Территорію и людей называютъ государствомъ тогда, когда они подвластны, точно также какъ и вещь называютъ собственностью только тогда, когда она имѣетъ господина. Господствующею надъ людьми и территоріей волей можетъ быть только человѣческая воля, ибо на землѣ только человѣкъ одаренъ разумною волей. Абстрація-государство не можетъ хотѣть, конкретное государство можетъ быть только подвластно. Оно не можетъ имѣть воли, оно можетъ быть только объектомъ воли. Въ государствѣ должны, слѣдовательно, существовать люди, которымъ была бы присуща власть своею волей господствовать надъ остальными. Верховная властвующая воля, является ли она волею одного, нѣсколькихъ или многихъ, всегда есть воля надъ государствомъ, а никогда не является волею государства. Воля государства—пустая фикція *).

Послѣдователемъ Зейделя является Линггъ. Онъ нѣсколько видоизмѣняетъ доктрину своего учителя тѣмъ, что ставитъ господствующую волю не надъ государствомъ, а въ государство; но эта воля, также какъ у Зейделя, не воля государства, а воля государя. Интересъ, который представляютъ *Эмпирическія изслѣдованія* Лингга, заключается поэтому не въ оригинальности его ученія, а только въ томъ, что онъ подробнѣе обосновываетъ индивидуалистическій взглядъ Зейделя на государство и съ точки зрѣнія этого взгляда даетъ не лишнюю остроумія критику новѣйшихъ ученій о государствѣ.

Линггъ рѣзко подчеркиваетъ тотъ взглядъ Зейделя, по которому государство—ничто иное, какъ сумма индивидовъ, а государственная власть не воля государства, а физическая воля конкретнаго правителя. Государство, по его опредѣленію, это тотъ фактъ, въ силу котораго множество людей осѣдлыхъ подчинены одной господствующей волѣ **). Это множество своимъ подчиненіемъ одной волѣ не возвышается на степень новаго существа, новой реальности. Реальны только индивиды, которые представляются намъ единствомъ лишь съ точки зрѣнія ихъ подчиненія одной властвующей волѣ. Войско, надъ которымъ господствуетъ полководецъ, не есть новое существо, возвышающееся надъ отдѣльными солдатами, а только множество людей, подчиненныхъ господству одной воли, воли полководца. Воля, которая от-

*) *Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre*, 1893 г., стр. 1—9.

***) *Lingg: „Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre“*, 1890 г., стр. 6.

дѣлилась бы отъ физическихъ лицъ и сгустилась бы въ самостоятельное единство,—это такое представленіе, которое на почвѣ опыта сложиться во всякомъ случаѣ не могло *). Государство ничто иное, какъ сумма отдѣльныхъ индивидовъ. Между тѣмъ, этой суммѣ хотять во что бы то ни стало приписать свойство, которымъ не обладаетъ ни одинъ изъ слагаемыхъ. Всѣ согласны въ томъ, что отдѣльный подданный не властвуетъ, какъ же можетъ властвовать сумма подданныхъ? Невозможно суммѣ А, В до X приписывать способность, которую не имѣетъ ни А, ни В, ни вообще X **). Связывая X палочекъ никогда не получишь (X+1) палочекъ ***).

Дальше, кажется, въ реалистическомъ направленіи идти некуда. Чтобы какъ можно реальнѣе изобразить существующія въ государствѣ отношенія между людьми, ихъ сравниваютъ съ палочками и увѣряютъ, что, кромѣ суммы палочекъ, въ государствѣ ничего не существуетъ. Если уже быть послѣдовательнымъ, то слѣдовало бы продолжать это сравненіе въ реалистическомъ духѣ, и, иллюстрируя эмперически отношенія властвованія въ государствѣ, сказать, что государство есть сумма палочекъ, государственная власть палочка, ударяющая по другимъ палочкамъ, а подданные тѣ палочки, по которымъ ударяютъ.

Это направленіе называетъ себя реалистическимъ; мы же вмѣстѣ съ Еллинекомъ назовемъ его нигилистическимъ и думаемъ, что другого названія не заслуживаетъ доктрина, которая сводитъ весь юридическій строй къ суммѣ отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ подчиненіемъ одной личной волѣ правителя и которая раздѣляетъ весь родъ человѣческой на двѣ половины, изъ которыхъ одна только молотъ, а другая только наковальня. Не инымъ, какъ названіемъ нигилизма, слѣдуетъ заклеить направленіе, которое отрицаетъ политическіе принципы и политическіе идеалы современнаго человѣка только потому, что эти принципы и эти идеалы нельзя ни взвѣсить, ни оцупать.

Если признавать реальнымъ только то, что можно взвѣсить и видѣть, то придется не только отрицать государство, какъ цѣлое, и государственную власть, какъ волю этого цѣлага, но придется отрицать и всю область правовыхъ явленій, ибо, какъ мы показали выше, всѣ юридическія величины суть величины отвлеченныя, которыя существуютъ только въ нашемъ сознаниі ****).

*) Тамъ же, стр. 6, 7.

**) Тамъ же, стр. 107.

***) Тамъ же, стр. 82.

****) Къ какимъ полезнымъ выводамъ приводитъ реализмъ Зейделя и К^о, можетъ иллюстрировать любой примѣръ. Собственникъ платитъ государству повинность за свою землю. Съ реалистической точки зрѣнія, это утвержденіе—пустая фикція: собственникъ ничего не платитъ, а платитъ г. Ивановъ, и платитъ онъ не повинность, а 13 р. 15 к., и платитъ онъ ихъ не государству, а чиновнику Петрову: реальны только отдѣльные индивиды — Ивановъ, Петровъ и т. д., реальны только рубли и копейки, собственникъ же, государство, повинность—это абстракція, которыя нельзя ни видѣть, ни осязать, и которыя поэтому, съ точки зрѣнія реализма, въ юриспруденціи бытія реальнаго не имѣютъ.

Государство не представляет собою, конечно, единства въ томъ смыслѣ, въ какомъ единствомъ является данный человекъ, данная лошадь, данная букашка, данное дерево. Государство не есть физическая личность въ большихъ размѣрахъ, не есть организмъ, который можно осязать и взвѣсить. Государство есть единство юридическое, которое, какъ и все юридическое, нельзя ни видѣть, ни осязать. *Государство является единствомъ въ силу той искусственной юридической организаціи, которая дана ему людьми. Эта организація возводитъ государство на степень юридическаго единства въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ государство воле- и дѣеспособнымъ цѣлымъ: она создаетъ органы, естественная воля и естественная дѣятельность которыхъ, выраженная въ юридическихъ формахъ и осуществленная въ юридическихъ границахъ, признается юридическою волей и юридическими дѣйствіями государства, какъ цѣло.* Эта организація устанавливаетъ далѣе извѣстную іерархію между этими органами, которая имѣетъ цѣлью поставить ихъ въ опредѣленное соотношеніе другъ къ другу, согласовать ихъ дѣятельность, предупреждать и улаживать могущіе возникнуть между ними споры и пререканія. И всѣ эти юридическія нормы проникнуты одною тенденціей — возвести дѣятельность отдѣльныхъ органовъ, которые суть ничто иное, какъ физическія лица, на степень безстрастной и безличной дѣятельности государства, какъ цѣлаго. Существуетъ въ этой организаціи и цѣлый рядъ другихъ юридическихъ нормъ, которыя заставляютъ насъ видѣть въ государствѣ воле- и дѣеспособное цѣло, остающееся то же, несмотря на смѣну людей и поколѣній. Порядокъ престолонаслѣдія по закону, институтъ регентства на случай малолѣтства государя, порядокъ замѣщенія должностей, строгое разграниченіе публичныхъ правъ органа отъ сферы его индивидуальныхъ правъ, — всѣ эти нормы и учрежденія имѣютъ цѣлью обезпечить непрерывность и единство государственной дѣятельности, на протяженіи не только всей территоріи, но и всего времени, отмежеваннаго жизни даннаго государства.

Съ точки зрѣнія реалистическаго направленія, всѣ эти учрежденія и нормы не имѣютъ никакого оправданія и никакого смысла. Чтобы оставаться послѣдовательными, писатели этой школы должны утверждать, что со смѣною правителей происходитъ и смѣна государствъ, что, напримѣръ, Франція до преступленія Казеріо была одно государство, а послѣ убійства Карно стала другимъ государствомъ. Такъ и разсуждаетъ Линггъ, который цѣлую страницу своихъ *Эмпирическихъ изслѣдованій* посвящаетъ доказательству того, что Англія 1889 года одно государство, а Англія 1739 г. другое государство *).

Трудно подыскать болѣе рельефный примѣръ тому, къ какимъ нелѣпымъ выводамъ приводитъ доктрина, которая не умѣетъ разглядѣть въ государствѣ цѣлаго и единство государства объявляетъ пустою фикціей.

Государственное единство не есть фикція. Подъ фикціей мы понимаемъ

*) *Empirische Untersuchungen*, стр. 116.

искусственный приемъ юридической техники, который имѣетъ своею задачею—правила, выработанныя въ примѣненіи къ отношеніямъ известнаго рода, примѣнять къ отношеніямъ другого рода. Имѣя въ виду эту цѣль, фикція финансируетъ первыя отношенія однородными со вторыми,—другими словами, фикція, ради упрощенія юридической конструкціи, придумываетъ факты и эти вымышленные факты приравниваетъ къ дѣйствительно существующимъ. Утверждая, что государство есть юридическое единство, мы ни къ какому вымыслу не прибѣгаемъ, а выставляемъ только абстрактное понятіе, которое соотвѣтствуетъ вполне конкретнымъ отношеніямъ. Опредѣляя государство юридическимъ единствомъ, мы этимъ констатируемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что государство есть союзъ, организованный въ искусственное юридическое цѣлое, имѣющее юридическую волю, отличную отъ суммы естественныхъ воль наличныхъ членовъ государства.

Юридическая фикція не можетъ объяснить тѣхъ отношеній, которыя при ея помощи конструируются; не можетъ объяснить ихъ потому, что эти отношенія замѣняетъ другими вымышленными. Опредѣляя же государство юридическимъ единствомъ, столь отличнымъ отъ конкретныхъ, осязательныхъ единствъ, мы именно *объясняемъ* существующія въ государствѣ отношенія,—всѣ тѣ отношенія, которыя заставляютъ насъ видѣть въ подчиненіи гражданъ государственной власти не подчиненіе лица лицу, а подчиненіе члена союзу союзу, въ дѣятельности государственныхъ органовъ—не дѣятельность тѣхъ или другихъ физическихъ лицъ, а дѣятельность государства, въ законѣ—не распоряженіе опять же того или другого лица, а велѣніе государства.

Та юридическая конструкція, которую даетъ государству реалистическое направленіе, вполне примѣнима къ патримоніальному государству, но именно потому совершенно непримѣнима къ современному государству *).

Патримоніальное государство было основано на началѣ неравенства: это былъ союзъ сильныхъ со слабыми; первые господствовали надъ вторыми въ своихъ интересахъ, вторые искали покровительства у первыхъ

*) Юридическая структура государства не есть ничто неизмѣнное, разъ навсегда вылившееся въ известныя формы и застывшее въ этихъ формахъ. Юридическая структура есть дѣло рукъ человеческихъ, есть результатъ дѣятельности людей, которые въ этой своей дѣятельности соотносятся съ фактическими отношеніями и руководятся своими воззрѣніями на цѣль государственнаго общежитія и на тѣ интересы, которымъ это общежитіе должно удовлетворять. И съ измѣненіемъ этихъ отношеній и этихъ воззрѣній измѣняется и юридическая структура государства. Единомышленники Фридриха II, который называлъ себя первымъ слугою государства, дадутъ этому государству юридическую конструкцію, отличную отъ той, которую построитъ поклонникъ политическаго идеала Людовика XIV, сказавшаго, что государство, это—я. Нашъ государственный строй получить различное объясненіе, смотря потому, въ какую эпоху и съ какихъ точекъ зрѣнія мы будемъ его изучать,—въ эпоху ли Петра и съ точки зрѣнія доктрины Правды воли монаршей, или въ эпоху Екатерины и съ точки зрѣнія началъ Великаго Наказа, или въ эпоху Александра и съ точки зрѣнія принциповъ, лежащихъ въ основѣ освободительныхъ реформъ предидошаго царствованія.

опять же въ своихъ интересахъ; не сознание общественныхъ цѣлей объединяло людей въ государство, а только соотвѣтствіе различныхъ интересовъ, совпаденіе интересовъ сильныхъ съ интересами слабыхъ. Конструируя такія отношенія властвованія, можно, вмѣстѣ съ представителями реалистическаго направленія, утверждать, что субъектъ государственной власти — личная воля правителей, а объектъ этой власти — территория вмѣстѣ съ живущими на ней людьми. Утверждать же это по отношенію къ современному государству — значить закрывать глаза на самые безспорные принципы современнаго государственнаго строя. Современное государство основано не на союзѣ сильныхъ со слабыми, а на равенствѣ всѣхъ гражданъ; оно повоится не на совпаденіи личныхъ интересовъ слабыхъ съ личными интересами сильныхъ, а на общественномъ интересѣ; оно является не союзомъ личнаго господства, а союзомъ общественнаго господства.

II.

Субъективный реализмъ г. Коркунова.

Ученіе Зейделя нашло себѣ откликъ и въ нашей литературѣ. Г. Коркуновъ характеризуетъ свое ученіе также реализмомъ; онъ, какъ и Зейдель, утверждаетъ, что имѣть волю можетъ только отдѣльный человекъ, что государство, какъ цѣлое, волю не обладаетъ, что оно поэтому и не можетъ быть субъектомъ государственной власти; этимъ субъектомъ являются у него, какъ и у Зейделя, физическія лица. Но Зейдель, различая государственныя формы, учитъ, что въ одномъ государствѣ субъектомъ верховной власти является одно лицо, въ другомъ — нѣсколько, въ третьемъ — многіе; г. же Коркуновъ этого различія не признаетъ: по его воззрѣнію, субъектомъ власти во всѣхъ государствахъ является все населеніе *). Въ своей послѣдней книгѣ *Указъ и законъ* почтенный профессоръ подробно излагаетъ свое воззрѣніе на государственную власть съ точки зрѣнія «субъективнаго реализма» и въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ эту точку зрѣнія: «Выставляемое мною объясненіе явленій государственнаго властвованія не приводитъ къ наивному объективному реализму, отождествляющему государственную власть съ личною волей отдѣльныхъ конкретныхъ правителей государства и совершенно игнорирующему дѣйствительное психическое основаніе подчиненія гражданъ государственному властвованію. А съ другой стороны, мое объясненіе не приводитъ къ объективному идеализму, къ олицетворенію явленій субъективнаго сознанія. Моя точка зрѣнія можетъ быть охарактеризована какъ точка зрѣнія субъективнаго реализма. Подчиняясь государственному властвованію, мы подчиняемся въ рядѣ конкретныхъ случаевъ тѣмъ людямъ, изъ которыхъ слагается государство, но причина нашего имѣ подчиненія — не личная ихъ воля и не какая-либо надъ людьми властвующая метафизическая воля, а наше собственное субъективное, но вполне реальное сознаніе зависимости отъ государства **).

*) *Русское государственное право*, стр. 15.

**) *Указъ и законъ*, стр. 193.

Всмотримся же ближе въ эту точку зрѣнія «субъективнаго реализма».

«Такъ какъ производящія причины всякаго вообще дѣйствія, — говоритъ г. Коркуновъ, — мы представляемъ себѣ какъ силы, то и причину, производящую воздѣйствіе государства на составляющихъ его людей, мы мыслимъ какъ особую силу, обозначая ее государственною властью» *). «Власть — это только условное выраженіе для обозначенія причины, производящей воздѣйствіе государства» **).

Это положеніе даетъ ключъ къ объясненію разногласія, существующаго между г. Коркуновымъ и тѣми писателями, съ которыми онъ полемизируетъ. Почтенный профессоръ понимаетъ подъ государственною властью причину воздѣйствія государства на людей, критикуемые же имъ писатели, вмѣстѣ со всѣми юристами, какъ теоретиками, такъ и практиками, подъ государственною властью понимаютъ не причину воздѣйствія государства, а самое воздѣйствіе, и, притомъ, не всякое воздѣйствіе, а только юридическое; они понимаютъ подъ государственною властью ту организованную и активную государственную силу, которая издаетъ законы, правитъ и судитъ. Если эти юристы хотятъ, опредѣляя государственную власть, опредѣлить юридическую природу этой законодательствующей, правящей и судящей силы, то г. Коркуновъ, опредѣляя государственную власть, ставитъ себѣ цѣлью объяснить намъ причину «всякаго воздѣйствія государства», онъ ищетъ такую причину, которую, по его словамъ, объяснялось бы «все разнообразіе явленій властвованія безо всякихъ исключеній». При такомъ безусловно различномъ пониманіи государственной власти, между этими двумя сторонами взаимнаго пониманія и соглашенія, конечно, быть не можетъ. А такъ какъ и мы вовсе не беремся объяснить причину «всего разнообразія властвованія безо всякихъ исключеній», а вмѣстѣ съ современными юристами, трактующими о государственной власти, хотимъ лишь выяснитъ себѣ юридическую природу государственной власти, то мы могли бы сказаннымъ ограничить свои замѣчанія на «доктрину субъективнаго реализма». Но мы этого не сдѣлаемъ въ надеждѣ найти въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ почтеннаго профессора точки зрѣнія, могущія пролить свѣтъ и на юридическую природу государственной власти.

«Въ необходимости отвергнуть воззрѣніе на государственную власть, какъ на волю, тѣмъ менѣе можетъ быть сомнѣнія, — говоритъ г. Коркуновъ, — что вообще, а не только въ примѣненіи къ государственному властвованію невозможно отождествлять понятіе власти и воли. Прежде всего, воля не есть еще сама по себѣ власть. Не всякая воля властвуетъ. Воля бываетъ и безсильна, и безвластна. Власть приводитъ къ волѣ извнѣ (?) и придаетъ ей чѣмъ-то другимъ (?), лежащимъ внѣ воли, въ самой волѣ не заключающимся. Воля стремится къ власти, приобретаетъ власть, те-

*) Тамъ же, стр. 177.

***) Тамъ же, стр. 178.

раетъ ее. Поэтому власть не тождественна съ волей, а есть нѣчто внѣшнее для нея, служащее ей объектомъ» *).

«Воля бываетъ и безсильна, и безвластна». Такое выраженіе дѣйствительно употребляется, но это выраженіе не точно, какъ не точно говорить о безсильномъ умѣ. Воля, умъ суть силы, которыя не могутъ быть поэтому безсильными. Эти силы могутъ имѣть различныя степени: можетъ быть твердая воля и слабая воля, острый умъ и тупой умъ. Но какую бы степенью интензивности эти силы ни обладали, онѣ все же остаются силами. Пока у человѣка остались хотя бы слабыя проблески воли, ума, до тѣхъ поръ продолжаютъ говорить объ этихъ его способностяхъ, какъ о силахъ. Сила не приводитъ поэтому къ волѣ, къ уму, къ слуху извнѣ, «не придается ей чѣмъ-то другимъ, лежащимъ внѣ воли», внѣ ума. Воля, какъ умъ, тождественна съ силой, а не есть нѣчто внѣшнее для нея.

«Съ другой стороны, — продолжаетъ г. Боркуновъ, — и властвованіе не предполагаетъ непременно наличности воли. Если взять самый простой примѣръ властвованія одного человѣка надъ другимъ, оно возможно помимо и даже противъ воли властвующаго. Человѣкъ, властвующій надъ другими обаяніемъ святости, гениальнаго ума, художественнаго таланта, чарующей красоты, властвуетъ часто надъ ними, не думая о томъ, иногда даже самъ того не желая. Отъ поклоненія подчиняющагося такому обаянію не отдѣлаться и тогда, когда оно докучаетъ, когда оно непріятно. Аскетъ, совершающій свой подвигъ умерщвленія плоти, не ищетъ, конечно, власти надъ людьми. Онъ стремится, напротивъ, отрѣшиться ото всѣхъ мірскихъ стремленій и помысловъ и, однако, очень часто получаетъ, именно въ силу этого, великую власть надъ вѣрующими. Такимъ образомъ, понятіе власти ни въ какомъ отношеніи не совпадаетъ съ понятіемъ властвующей воли. Бываетъ, что властвуетъ надъ человѣкомъ и воля, но далеко не всякое властвованіе предполагаетъ направленную на то волю властвующаго. Этимъ только и объясняется возможность властвованія надъ людьми воображаемыхъ божествъ, не существующихъ вовсе въ дѣйствительности и не имѣющихъ поэтому самому никакой дѣйствительной воли. А, между тѣмъ, для фанатика ложной религіи власть надъ нимъ его ложнаго бога не дѣлается отъ того нисколько менѣе сильной или безусловной. И даже нѣтъ необходимости, чтобъ это властвующее надъ вѣрующими въ него ложное божество представлялось въ ихъ воображеніи надѣленнымъ атрибутомъ воли. Богъ неоплатониковъ или буддистовъ представляется вовсе чуждымъ желаній, онъ не имѣетъ воли и, однако, все-таки, властвуетъ надъ поклоняющимися ему. Точно такъ же властвуютъ надъ людьми представленія о многомъ такомъ, что вовсе и не можетъ быть причастнымъ какой-либо волѣ. Кому не приходилось встрѣчать мнительныхъ людей, всецѣло находящихся подъ властью одолавающаго ихъ страха болѣзни? Кто не знаетъ маниаковъ, всю жизнь свою и всѣ силы отдающихъ на служе-

*) Тамъ же, стр. 178.

не одной какой-нибудь задачѣ, практической или теоретической, подчиняющей всю ихъ дѣятельность и, слѣдовательно, властвующей надъ ними? И такую власть надъ человѣкомъ получаютъ иногда совершенно отвлеченныя идеи. Все это заставляетъ насъ признать, что властвованіе не предполагаетъ непременно властвующую волю. *Властвованіе предполагаетъ сознание не съ активной стороны, не со стороны властвующаго, а съ пассивной стороны, со стороны подвластнаго.* Все, отъ чего человѣкъ сознаетъ себя зависимымъ, властвующимъ надъ нимъ, все равно, имѣетъ ли и даже можетъ ли оно имѣть волю, направленную на такое властвованіе. Для факта властвованія нѣтъ надобности, чтобы это сознание зависимости было реально, согласно съ дѣйствительностью. Не требуется даже, чтобы существовало то, идея о чемъ властвуетъ надъ людьми. Для властвованія требуется только самое сознание зависимости, а не реальность ея... Если такъ, *власть есть сила, обусловленная не волею властвующаго, а сознаниемъ зависимости подвластнаго.* При такомъ пониманіи власти нѣтъ надобности для объясненія государственнаго властвованія олицетворять государство, надѣлять его во что бы то ни стало волей: если власть есть сила, обусловленная сознаниемъ зависимости подвластнаго, государство можетъ властвовать, не обладая ни волею, ни сознаниемъ, только бы составляющіе его люди признавали себя зависимыми отъ государства. *Государственная власть не чья-либо воля, а сила, вытекающая изъ признанія гражданами ихъ зависимости отъ государства* *)).

Мы находимъ эти разсужденія очень убѣдительными, насколько они имѣютъ цѣлью доказать, что властвованіе не предполагаетъ непременно воли. Въ самомъ дѣлѣ, кто не согласится съ г. Коркуновымъ, что властвуетъ и чарующая красота, и гениальный умъ, и художественный талантъ, и ложные боги, и отвлеченныя идеи, и кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, не согласится, что и чарующая красота, и художественный талантъ, и ложные боги, и отвлеченныя идеи воли не имѣютъ? Если мы что-нибудь имѣемъ возразить противъ выписанныхъ нами страницъ изъ изслѣдованія г. Коркунова, то только то, что на нихъ сгруппировано слишкомъ мало примѣровъ и что эти примѣры недостаточно ярки. Мы можемъ дополнить изложеніе почтеннаго автора цѣлымъ рядомъ другихъ примѣровъ, еще болѣе рельефныхъ и убѣдительныхъ. Мы можемъ сказать, на примѣръ, что карты властвуютъ надъ картежникомъ, что вино властвуетъ надъ пьяницей, что властвуетъ мода, властвуетъ судьба, властвуетъ море, властвуетъ буря, а, вѣдь, несомнѣнно, что ни карты, ни вино, ни мода, ни судьба, ни море, ни буря воли не имѣютъ. Г. Коркуновъ поэтому тысячу разъ правъ, утверждая, что властвованіе не предполагаетъ непременно властвующей воли.

Но бѣда только въ томъ, что, понимая власть въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ г. Коркуновъ, въ смыслѣ и власти государства, и власти ложныхъ боговъ, и власти красоты, и власти отвлеченныхъ идей,

*) Тамъ же, стр. 179—182: *Лекціи по общей теоріи права.* 1894 г., стр. 245—246.

можно доказать и многое другое, съ чѣмъ врядъ ли согласится нашъ почтенный авторъ: можно, напримѣръ, доказать, что властвованіе не только не предполагаетъ сознанія съ активной стороны, со стороны властвующаго, но и не предполагаетъ этого сознанія и съ пассивной стороны, со стороны подвластнаго. Въ самомъ дѣлѣ, ребенокъ не сознаетъ своей зависимости отъ родительской власти, умалишенный не сознаетъ своего подчиненія предержащимъ властямъ, животное не сознаетъ своей зависимости отъ законовъ властвующей надъ нимъ природы, какъ и не сознаетъ этой зависимости и всякій неразвитой человекъ, не привыкшій ни мыслить, ни наблюдать.

Съ такимъ же основаніемъ поэтому, съ каковымъ г. Боркуновъ утверждаетъ, что властвованіе не предполагаетъ воли со стороны властвующаго, съ такимъ же точно основаніемъ мы можемъ утверждать, что властвованіе не предполагаетъ воли и со стороны подвластнаго. А если такъ, то мы должны будемъ примириться съ неожиданнымъ для почтеннаго автора выводомъ, что власть есть сила, которая не обуславливается ни волею властвующаго, ни сознаніемъ зависимости подвластныхъ, что это, другими словами, какая-то стихійная сила, которая безсознательно властвуетъ надъ безсознательнымъ, и что она ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ естественныхъ силъ, которыя дѣйствуютъ въ мірѣ физическихъ явленій.

Ошибка въ умозаключеніяхъ г. Боркунова очевидна: желая опредѣлить причину воздѣйствія государственной власти, онъ исходитъ изъ понятія власти вообще, которое обнимаетъ самыя разнородныя явленія какъ физическаго, такъ и психическаго міра. Почтенный авторъ какъ будто и не подозрѣваетъ, что между государственнымъ властвованіемъ и властвованіемъ отвлеченныхъ идей существуетъ нѣкоторая разница и что нельзя объяснить государственной власти, сравнивая ее съ властью чарующей красоты. Эти явленія столь же разнородны, какъ законы природы и законы человѣческіе, а между тѣмъ, г. Боркуновъ, говоря о доктринѣ, которая построена на сопоставленіи этихъ разнородныхъ явленій, замѣчаетъ, не безъ суровости, что она «грѣшитъ грубымъ смѣшеніемъ существенно различныхъ понятій» *). Не грѣшитъ ли такимъ же «грубымъ смѣшеніемъ существенно различныхъ понятій» и доктрина субъективнаго реализма почтеннаго автора?

Приведенныя нами разсужденія г. Боркунова о государственной власти, какъ о силѣ, которая не предполагаетъ воли со стороны властвующаго, довольно трудно согласовать съ нѣкоторыми другими его размышленіями, посвященными той же государственной власти.

«Сила не каждаго общественнаго союза,—замѣчаетъ совершенно справедливо почтенный профессоръ,—получаетъ определенное внѣшнее выраженіе, а только сила тѣхъ, которые имѣютъ *опредѣленную организацію*. Только сила такихъ союзовъ, проявляющаяся какъ власть ихъ надъ сво-

*) *Лекціи по общей теоріи права*. 1894 г., стр. 51.

ими членами, и можетъ быть объектомъ правт. Наибольше важными союзами такого рода являются государство, церковь и семья» *).

Это совершенно вѣрное положеніе г. Коркуновъ развиваеъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ:

«Власть общественная,—разсуждаеъ онъ,—существуетъ вездѣ, гдѣ существуетъ общество. Такъ говорятъ о власти семьи надъ своими членами, о власти церкви, общинъ и т. п. Но государственная власть представляетъ существенныя особенности сравнительно съ другими видами общественной власти. Отличительная особенность государственной власти заключается въ независимости и *единой ея организации*. Мы можемъ поэтому опредѣлить государственную власть, какъ независимо и *принудительно организованную и объединенную общественную силу*» (подобнымъ образомъ опредѣляетъ государственную власть Waitz: «Politik», стр. 16: «Die Staatsgewalt ist die Einheit der im Staate vorhandenen Kräfte»). Первый признакъ, заключающійся въ этомъ опредѣленіи, это—организация. Этимъ признакомъ государственная власть отличается отъ силы, напримѣръ, международного Союза, общественныхъ группъ. Та сила, какую проявляетъ не имѣющая политическаго единства и политической организации народность есть сила неорганизованная, выражаемая въ *неопредѣленномъ влѣяніи, не имющемъ никакой твердой формы, никакого органа для своего проявленія и въ юсударствѣ, конечно, имѣется такое неорганизованное воздѣйствіе однихъ членовъ на другихъ. Но насколько такое воздѣйствіе не организовано, оно и не составляетъ элемента юсударственной власти*. Только тѣ элементы общественной силы являются элементами государственной власти, которые получили опредѣленную организацию. Иначе эти элементы общественной силы составляютъ только общую фактическую почву, на которой развивается государственная власть, не являются ея составными элементами и могутъ стоять къ ней даже въ отношеніи антагонизма **).

Эти разсужденія, конечно, вполне справедливы и могутъ служить самымъ лучшимъ опроверженіемъ того утвержденія почтеннаго автора, по которому можетъ быть принято наукой лишь такое опредѣленіе государственной власти, которое объяснило бы *все разнообразіе явленій властвованія безо всякихъ исключеній*. Государство властвуетъ не только какъ юридически организованная сила, но и какъ сила фактическая. Подданный связанъ съ государствомъ цѣлою цѣпью фактическихъ отношеній, физиологическихъ, психическихъ, экономическихъ и в. др., которыя тяготеютъ надъ нимъ, властвуютъ надъ нимъ ***). То опредѣленіе, которое даетъ государственной власти г. Коркуновъ, какъ силы, не предполагающей воли со стороны властвующаго, приложимо, пожалуй, къ воздѣйствію государства, какъ фактической силы, но, во всякомъ случаѣ, не примѣнимо къ воздѣйствію государственной власти, какъ организованной юридической

*) Тамъ же, стр. 159.

**) Лекціи по общей теоріи права. 1887 г., стр. 224.

***) Лекціи по общей теоріи права. 1894 г., стр. 246.

силы, а только послѣдняя, какъ это вытекаетъ изъ только что приведенныхъ словъ г. Коркунова, и является государственною властью въ точномъ смыслѣ этого слова.

«Отличительная черта государства,—говоритъ г. Коркуновъ въ другомъ мѣстѣ,—заключается въ принудительномъ характерѣ его власти *). Этотъ принудительный характеръ государственной власти и отличаетъ ее отъ властей всѣхъ другихъ союзовъ. «Дѣйствительная отличительная особенность государства,—по мнѣнію г. Коркунова,—это то, что оно одно осуществляетъ самостоятельно принудительную власть. Всѣ другіе союзы, какъ бы они ни были самостоятельны въ другихъ отношеніяхъ, функцию принужденія осуществляютъ только по уполномочію и подъ контролемъ государства. Такимъ образомъ, государство является какъ бы монополистомъ принужденія» **). Опредѣляя такимъ образомъ государственную власть, г. Коркуновъ слѣдуетъ Іерингу, у котораго и заимствуетъ самое выраженіе «монополистъ принужденія». «Необходимымъ признакомъ государственной власти,—говоритъ Іерингъ,—обусловленнымъ цѣлью государства, является то, что она представляетъ собою высшую, надъ всякою другою властью въ предѣлахъ государства возвышающуюся властью» ***). «Безусловное господство государственной власти находитъ себѣ юридическое выраженіе въ томъ, что она одна обладаетъ исключительною властью принужденія. Право принужденія является абсолютною монополіею государства» ****). Что же такое принужденіе? «Подъ принужденіемъ въ широкомъ смыслѣ,—отвѣчаетъ Іерингъ,—мы понимаемъ осуществленіе извѣстной цѣли посредствомъ преодоленія чужой воли. Понятіе принужденія предполагаетъ субъектъ воли, какъ съ активной, такъ и съ пассивной стороны» *****).

Существенная черта государственной власти, отличающей ее отъ всѣхъ другихъ властей заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что только она принуждаетъ, принужденіе же немислимо безъ принуждающей воли. Власть государства нельзя поэтому мыслить иначе, какъ силой, предполагающей волю.

Г. Коркуновъ не оставляетъ далѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что государственная власть во всѣхъ своихъ реальныхъ проявленіяхъ вся безъ остатка сводится къ актамъ, которые предполагаютъ волю. «Акты властвованія,—говоритъ почтенный профессоръ,—могутъ быть крайне разнообразны, но всѣ они могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ общимъ, какъ бы типическимъ формамъ. Основною формою актовъ властвованія является принужденіе... Но однимъ только непосредственнымъ принужденіемъ дѣйствія власти не могутъ ограничиваться... Государственная власть не только

*) Указъ и законъ, стр. 182.

***) Лекціи по общей теоріи права. 1894 г., стр. 239. Русское государственное право, стр. 4 и 5.

****) Thering: „Zweck im Recht“. Т. I. 1877 г., стр. 310.

*****) Тамъ же, стр. 316.

*****) Тамъ же, стр. 288.

принуждаетъ, но и повелѣваетъ, и даже повелѣваетъ чаще, чѣмъ принуждаетъ. Хотя основная форма актовъ властвованія есть принужденіе, но самая распространенная форма—повелѣніе *)).

Принужденіе немислимо, какъ мы видѣли, безъ принуждающаго субъекта воли, повелѣніе еще менѣе допустимо безъ воли. Государственная же власть въ своихъ реальныхъ проявленіяхъ вся безъ остатка сводится къ принужденію и къ повелѣнію; она, другими словами, немислима безъ воли, которая бы принуждала и повелѣвала.

Г. Коркуновъ, такимъ образомъ, самъ помогъ намъ указать на слабыя стороны его «доктрины субъективнаго реализма», и мы хорошо сдѣлали, что прослѣдили его интересныя разсужденія до конца и подъ его руководствомъ пришли къ выводу, что *государственная власть не является какою-то слѣпою, стихійною силой, лишенною способности выражать волю и дѣйствовать самопроизвольно, а представляетъ собою активную силу, способную хотѣть и дѣйствовать въ виду тѣхъ цѣлей, которыя поставлены государственному обществу.*

Отдѣлъ II.

Идеалистическое направленіе.

Обращаемся теперь къ той группѣ писателей, которые объясняютъ юридическую связь, объединяющую людей въ государство, не личнымъ господствомъ, а общественнымъ господствомъ,—другими словами, не личною волею властителей, а общественною волею государства.

Для писателей этой группы государство не есть сумма лицъ, связанныхъ подчиненіемъ естественной волѣ физическихъ лицъ, это—самостоятельное цѣлое, которое имѣетъ свои цѣли, свою волю, свою дѣятельность.

Писатели этой группы опредѣляютъ, однако, различно природу этого цѣлага.

Одни объясняютъ единство государства тѣмъ, что видятъ въ государствѣ организмъ, другіе утверждаютъ, что государство, какъ цѣлое, представляетъ собою юридическое лицо; они думаютъ, что понятіе юридическаго лица всего точнѣе и вѣрнѣе опредѣляетъ природу государства, какъ воле-и дѣеспособнаго цѣлага.

I.

Органическое ученіе.

Писатели органической школы представляютъ теперь лишь небольшую группу, стоящую особнякомъ, и являются послѣдними представителями отживающаго направленія **).

*) *Русское государственное право*, стр. 256 и 257.

**) Всего послѣдовательнѣе проводитъ идею органической школы молодой писатель Hugo Preuss, ученикъ и поклонникъ Гирке, въ своей книгѣ: *Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften*, 1889.

Органическое ученіе играло когда-то видную роль и могло считаться господствующимъ въ нѣмецкой литературѣ. Это было въ то, въ счастію для нашей науки, отошедшее въ давнее прошлое время, когда таѣ называемое «общее государственное право» *) ставило себѣ цѣлью не изученіе юридической природы государства, а хотѣло быть общимъ ученіемъ о государствѣ, трактовавшимъ о всевозможныхъ вопросахъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія: тутъ можно было встрѣтить и общія разсужденія о происхожденіи, основаніи и цѣли государства, и пестрыя картины различныхъ государственныхъ формъ въ различныхъ времена и у различныхъ народовъ, и описанія сословнаго и экономическаго строя общества на различныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія.

Программу этихъ вопросовъ, столь многосложную и притязательную, органическое ученіе унаслѣдовало отъ школы естественнаго права. Самый же характеръ разрѣшенія этихъ вопросовъ представителями органическаго направленія обусловливался ихъ оппозиціей противъ того ученія рационализма, которое видѣло въ государствѣ договорное отношеніе, искусственное созданіе, всецѣло въ своемъ основаніи и въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи зависѣвшее отъ доброй воли людей. Этому ученію о государствѣ, какъ объ искусственномъ учрежденіи, органическое ученіе противопоставило воззрѣніе на государство, какъ на организмъ, въ своемъ происхожденіи и въ своемъ ростѣ такъ же независимый отъ человѣческаго произвола, какъ и другіе организмы, зарождающіеся и развивающіеся безсознательно и неприменительно по неизмѣннымъ законамъ неумолимой природы.

Но если теоретическій мотивъ органическаго направленія, объясняющійся реакціей противъ односторонняго воззрѣнія на государство естественной школы, и имѣетъ свое оправданіе, то самое опредѣленіе государства организмомъ, во всякомъ случаѣ, нельзя признать удовлетворительнымъ.

Если можно пользоваться понятіемъ организма для объясненія природы государства, то только какъ сравненіемъ, которое, какъ всякое сравненіе, иллюстрируетъ примѣрно извѣстныя стороны явленія, а не охватываетъ всесторонне самую природу явленія. Сравнивая государство съ организмомъ, мы указываемъ лишь на одну изъ сторонъ государства, на ту именно, которая обнимаетъ безсознательно дѣйствующіе факторы. Мы этимъ сравненіемъ упускаемъ изъ виду другую сторону, ту именно, которая всего болѣе интересуетъ юриста: правовая структура государства не растетъ органически, а является сознательнымъ творчествомъ людей, которые приспособляютъ юридическія нормы къ своимъ потребностямъ и создаютъ ихъ согласно своимъ воззрѣніямъ. Юридическую структуру государства нельзя сравнивать съ естественною структурой организма, какъ это дѣлаетъ Лоренцъ Штейнъ, видящій въ государствѣ человѣческій организмъ въ большихъ размѣрахъ. Такое воззрѣніе является крупнымъ заблужденіемъ, ко-

*) Обращеніемъ такого общаго ученія о государствѣ можетъ служить книга Блунчи: „Allgemeines Staatsrecht“.

торое можно объяснить только остатками пережитого направлення, орудовавшего непригодными для правовѣда метаюридическими понятіями. Юристы ищутъ, прежде всего, ясныхъ и точныхъ понятій. И такимъ понятіемъ, во всякомъ случаѣ, не является та мистическая личность, которую описываетъ Штейнъ. И заслуга Гербера *) заключается именно въ томъ, что онъ первый рѣшительно возсталъ противъ этого мистицизма въ юриспруденціи и разъ навсегда вычеркнулъ понятіе организма изъ круга тѣхъ понятій, которыми долженъ орудовать юристъ.

II.

Юридическая школа.

Юридическая школа, наиболѣе видными представителями которой являются Лабандъ и Еллинекъ, замѣняютъ понятіе организма понятіемъ юридическаго лица.

Опредѣляя человѣка или человѣческой союзъ юридическимъ лицомъ, эти писатели указываютъ не на естественное свойство, а на свойство юридическое, на то свойство, въ силу котораго этотъ человѣкъ или союзъ является субъектомъ правъ **).

Рабъ былъ физическимъ лицомъ, но не былъ лицомъ юридическимъ, онъ былъ homo, а не persona. Утвержая это, мы говоримъ, что рабъ не обладалъ юридическимъ свойствомъ—быть субъектомъ правъ. «Юридическое понятіе лица,—говоритъ Лабандъ ***),—означаетъ ничто иное, какъ правоспособность; лицо въ юридическомъ смыслѣ указываетъ на одно только свойство, которымъ все это понятіе и исчерпывается. Это свойство—быть субъектомъ правъ». «Юридическимъ лицомъ,—говоритъ Бернацикъ ****), резюмируя взгляды современныхъ писателей,—является всякій человѣкъ или всякій союзъ, за которымъ правовой порядокъ признаетъ способность быть носителемъ субъективнаго права».

Юридическое лицо не есть поэтому фикція, способъ юридической конструкціи. Если я говорю, что современный человѣкъ является не только физическимъ, но и юридическимъ лицомъ, то я, конечно, ничего не фингирую, а только выражаю общепризнанный принципъ, по которому современное государство не знаетъ безправныхъ людей. Но я также ничего не фингирую, когда я говорю, что наша сельская община—юридическое лицо; я этимъ только констатирую, что наше законодательство признаетъ сельскую общину правоспособнымъ цѣлымъ, обладающимъ правомъ приобрѣтать имущество, выступать отвѣтчикомъ и истцомъ на судѣ и т. д.

*) Gerber: „Grundzüge des deutschen Staatsrechts“, 1869 г., стр. 211—219.

**) Jellinek: „Gesetz u. Verordnung“, стр. 198.

***) Staatsrecht des deutschen Reiches. 2-е изд., т. I, стр. 78.

****) Bernatzik: „Kritische Studien ueber den Begriff der juristischen Person und ueber die juristische Personlichkeit der Behörden insbesondere Archiv für öffentliches Recht“. В. V, стр. 193.

Въ этомъ смыслѣ, конечно, и государство—юридическое лицо, ибо и оно является субъектомъ правъ. Но мы думаемъ, вмѣстѣ съ Генелемъ *), что это понятіе далеко не исчерпываетъ специфическія черты юридической природы государства. Чтобы точнѣ опредѣлить эти черты, нужно сраавнить государство съ другими общественными союзами и показать, по какимъ юридическимъ признакамъ можно отличить государство отъ всякаго другого человѣческаго соединенія. Это и составитъ задачу послѣдующаго изложенія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Опредѣленіе государства и государственной власти.

Отдѣлъ I.

Опредѣленіе государства.

I.

Классификація общественныхъ союзовъ.

I. Союзы, основанные на началѣ неравенства (союзы личнаго господства).

Всѣ человѣческія соединенія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни основаны на началѣ равенства, другія на началѣ неравенства. Первые предполагаютъ лицъ, входящихъ въ союзъ, равными въ смыслѣ ихъ одинаковой способности содѣйствовать цѣлямъ союза, хотя степень этого содѣйствія можетъ быть безконечно разнообразна. Вторыя, напротивъ, предполагаютъ людей неравными въ томъ смыслѣ, что однихъ лицъ, принадлежащихъ къ союзу, считаютъ сильными, другихъ безсильными передъ тою задачей, которая поставлена союзу **).

Въ первой группѣ принадлежать и церковь, и акціонерная компанія, и сельская община, и промышленное товарищество, и монашескій орденъ, и ученое общество. Какія бы различныя цѣли эти союзы ни преслѣдовали, какъ бы разнообразна ихъ организація ни была, всѣ они имѣютъ то общее между собою, что лица, входящія въ ихъ составъ, признаются одинаково способными служить тѣмъ интересамъ, которые объединили ихъ въ союзъ.

Совершенно не то видимъ мы въ союзахъ, основанныхъ на началахъ неравенства. Сюда относится семья, союзы господина и раба, помѣщика и вѣрнопостного, сюда же принадлежитъ и патримоніальное государство.

*) *Haenel*: „Deutsches Staatsrecht“. I B., стр. 182.

**) Интересную классификацію общественныхъ союзовъ, не лишенную оригинальности, даетъ *Haenel*: „Deutsches Staatsrecht“. I B., стр. 75—81. Хотя мы отъ нея и ототупаемъ въ существенныхъ пунктахъ, тѣмъ не менѣе, мы обязаны ей нѣкоторыми новыми точками зрѣнія. То, чему мы въ предложенной нами классификаціи склонны придать наибольшее значеніе, это—раздѣленіе всѣхъ человѣческихъ соединеній по началу равенства. Мы думаемъ, что, различая союзы личнаго господства отъ союзовъ общественнаго господства, мы нашли существенный признакъ, отличающій современное государство отъ государства стараго порядка.

О равенствѣ членовъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Рабъ безсиленъ и безправенъ передъ своимъ господиномъ; члены семьи безпомощны передъ тою цѣлью, носителемъ которой являются *paterfamilias*; сидящіе на землѣ помѣщика вѣрнопостные бѣдны и хилы передъ богатствомъ и силою помѣщика. Это—не союзъ равныхъ; это—союзъ слабыхъ съ сильными; первые ищутъ покровительства у вторыхъ, подчиняются ихъ власти, признаютъ ихъ своими господами.

II. Союзы, основанные на началѣ равенства (союзы общественнаго господства).

Союзы, основанные на началѣ равенства, можно раздѣлить на двѣ группы по различію тѣхъ интересовъ, которые они преслѣдуютъ.

Интересы, опредѣляющіе вообще дѣятельность людей, двоякаго рода: есть интересы, которые по силамъ индивидуальной дѣятельности и есть такіе интересы, которые превышаютъ силы отдѣльнаго человѣка и къ которымъ человѣкъ можетъ стремиться не иначе, какъ въ союзѣ съ себѣ подобными.

Обмѣнивать, продавать, торговать, вести промышленное дѣло, нанимать землю, обрабатывать ее,—все это такого рода дѣятельность, съ которой могутъ совладать мои личныя силы и для веденія которой я не долженъ непременно соединяться въ союзы съ другими. Интересы же общественнаго порядка, интересы религіознаго міра, интересы культурнаго развитія и т. п.,—это такіе интересы, передъ которыми я со своими индивидуальными силами совершенно безпомощенъ и которые я не могу преслѣдовать иначе, какъ въ союзѣ съ другими.

Въ области интересовъ первой группы человѣкъ преслѣдуетъ только свои интересы; мотивомъ его дѣятельности является эгоизмъ. Вуpecъ идетъ на рынокъ продавать свой товаръ; его интересъ не ищетъ другого купца, предлагающаго такой же товаръ, какъ и онъ,—онъ ищетъ не купца, а покупателя; тутъ происходитъ не союзъ общихъ интересовъ, а обмѣнъ противоположныхъ интересовъ. Человѣкъ же, который ищетъ охраны порядка, охраны безопасности, который нуждается въ общественной школѣ, въ церкви, въ путяхъ сообщенія,—такой человѣкъ ищетъ поддѣрпленія своими силами, такой человѣкъ ищетъ союза, который объединилъ бы его силы съ силами другихъ ради общихъ цѣлей. Онъ не ищетъ людей съ противоположными интересами; онъ не идетъ одинъ по дорогѣ, чтобы встрѣтиться съ другими, идущими съ противоположной стороны, онъ ищетъ попутчика, чтобъ идти съ нимъ рука объ руку къ общей цѣли. Тутъ, въ этой области интересовъ, сказываются уже другіе мотивы; одинъ эгоизмъ тутъ недостаточенъ, тутъ требуется и умѣнье желать того, чего желаютъ другіе, и способность подчинять свои интересы интересамъ другихъ. Это—не область индивидуальной свободы, а область общественной связанности; тутъ человѣкъ не только свободно распоряжается, но и безмолвно повинуется, тутъ складывается и идея власти, и идея подчиненія

Различіе между этими двумя группами интересовъ и обуславливаетъ собою раздѣленіе общественныхъ союзовъ, основанныхъ на началѣ равенства, на два вида. Бъ первому относятся союзы, преслѣдующіе индивидуальныя интересы (товарищества), во второму—союзы, преслѣдующіе общественныя интересы (корпорации).

А. Союзы, преслѣдующіе индивидуальныя интересы (товарищество, societas).

Интересы первой группы, сказали мы выше, по силамъ индивидуальной самодѣятельности: они могутъ быть преслѣдуемы и человекомъ, особнякомъ стоящимъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они непременно должны быть преслѣдованы усиліями отдѣльныхъ лицъ. Мы нерѣдко видимъ, что люди, преслѣдуя исключительно свои индивидуальныя интересы, ради болѣе успѣшнаго преслѣдованія ихъ, соединяются съ другими. Индивидуальныя интересы не превращаются, однако, этимъ въ общественныя и нисколько своихъ эгоистическихъ мотивовъ и цѣлей не утрачиваютъ. У меня есть земля, я хочу ее эксплуатировать, чтобы получить съ нея доходъ, но у меня нѣтъ денегъ; я нахожу капиталиста, который вступаетъ со мной въ компанію, преслѣдуя такіе же эгоистическіе интересы, какъ и я: онъ хочетъ выгодно помѣстять свой капиталъ, какъ я хочу получить доходъ съ своей земли. Но ни я, ни онъ ничего не смыслимъ въ хозяйствѣ; мы находимъ агронома, который вступаетъ въ наше товарищество. И агрономъ соединяется съ нами изъ чисто-эгоистическихъ побужденій: онъ желаетъ получить процентъ со своего знанія, какъ я его хочу получить со своей земли, а капиталистъ со своего капитала. Наше товарищество ведетъ общее предпріятіе, преслѣдуетъ общій интересъ товарищей. Но этотъ общій интересъ ничто иное, какъ совокупность личныхъ интересовъ товарищей; если можно говорить тутъ объ общей волѣ, руководящей дѣлами товарищества, то эта общая воля ничто иное, какъ сумма волей отдѣльныхъ товарищей. Каждый, подчиняясь ей, подчиняется своей собственной волѣ, слѣдуетъ внушеніямъ своего личнаго интереса. Всѣ участвуютъ въ выгодахъ общаго предпріятія, въ общемъ интересѣ, но только соотвѣтственно той долѣ, которою участники участвуютъ въ предпріятіи. Общій интересъ можетъ быть выраженъ въ цифрахъ и цифрами же опредѣляется выгода, которую извлечетъ каждый изъ предпріятія *).

В. Союзы, преслѣдующіе общественныя интересы (корпорация, universitas).

Союзы, въ которые люди соединяются ради преслѣдованія общественныхъ интересовъ, характеризуются иными чертами.

Соединяются ли люди въ союзы ради взаимной безопасности, или ради проведенія общественной дороги, или ради борьбы съ эпидеміей,—во всякомъ случаѣ, отдѣльный человекъ съ его эгоистическими мотивами безсиленъ передъ этимъ интересомъ; рычагомъ же дѣятельности этихъ союзовъ

*) *Jhering*: „Zweck im Recht“. Т. I, стр. 216, 217, 224, 225, 238, 239.

являются не внушенія личнаго интереса, а сознание общей пользы. Иные ресы, которые защищают эти союзы, такого свойства, что они всёмо одинаково близки. Они ничего не могут потерять отъ того, что ими будутъ пользоваться не только я, но и другіе,—напротивъ, они будутъ тѣмъ лучше обезпечены, чѣмъ въ заботахъ о нихъ будетъ участвовать большее число лицъ и чѣмъ большее количество людей будетъ ими пользоваться; и они тѣмъ болѣе будутъ удовлетворять своему назначенію, чѣмъ менѣе соображеніе моего личнаго интереса или частнаго интереса другихъ будетъ на нихъ воздѣйствовать. Тѣ блага, которыя составляютъ предметъ этихъ интересовъ, идеальнаго свойства: они дѣлежу не подлежатъ и допускаютъ только общее пользованіе. Во всёхъ этихъ союзахъ общественный интересъ отдѣляется, такимъ образомъ, отъ личнаго интереса членовъ, а общее дѣло, которое преслѣдуютъ эти союзы, получаетъ самостоятельное отъ частныхъ интересовъ значеніе.

1. Произвольные и непроизвольные союзы, преслѣдующіе общественные интересы.

Союзы, преслѣдующіе общественные интересы, очень разнообразны. Ихъ опять же можно раздѣлить на двѣ группы, по различію тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые они преслѣдуютъ.

Есть общественные интересы, преслѣдованіе которыхъ для каждаго челоука является неотразимымъ требованіемъ его культурнаго прошлаго и не зависитъ поэтому отъ его доброй воли: онъ долженъ ихъ преслѣдовать, если не хочетъ отказаться отъ общенія съ себѣ подобными. И есть другіе интересы, которые такимъ неотразимымъ требованіемъ не являются: отъ доброй воли каждаго зависятъ преслѣдовать ихъ или нѣтъ.

Союзы, преслѣдующіе интересы перваго рода, называются непроизвольными союзами: къ нимъ принадлежатъ корпораціи публичнаго права (государство, церковь, община). Союзы, преслѣдующіе интересы втораго рода, называются произвольными союзами; къ нимъ принадлежатъ корпораціи гражданскаго права.

2. Территоріальные и личные союзы.

Между неотразимыми общественными интересами есть опять такіе, которые могутъ быть осуществлены не иначе, какъ союзомъ, занимающимъ определенную территорію, и есть, напротивъ, такіе, которые не предполагаютъ такого необходимаго отношенія къ территоріи.

Люди, которые объединены въ церковь своими религиозными интересами, могутъ преслѣдовать ихъ совершенно независимо отъ той территоріи, на которой они находятся. Церковь для преслѣдованія своихъ интересовъ не нуждается въ опредѣленной территоріи, область ея дѣятельности не ограничивается никакими внѣшними предѣлами. Церковь есть союзъ личный, а не территоріальный; ея необходимымъ матеріальнымъ субстратомъ являются не люди и территорія, а только люди. Сельская же об-

щина не можетъ вести своего общественнаго хозяйства и исполнить возложенныя на нее государственныя обязанности иначе, какъ на опредѣленной территоріи. Въ такой территоріи, само собою разумѣется, нуждается и современное государство, которое только въ своей территоріи находитъ твердую точку опоры для своей многосложной дѣятельности.

II.

Опредѣленіе государства.

Вся земная поверхность, занятая культурнымъ человѣчествомъ, вся безъ остатка распределена между отдѣльными государствами. Они не объединены высшимъ организованнымъ союзомъ общественнаго господства, ибо международный союзъ, если о немъ вообще можетъ идти рѣчь, таковымъ пока не является. Всѣ поэтому территоріальные союзы, которые являются организованными союзами общественнаго господства, подчинены тому или другому государству, которое при данныхъ условіяхъ нашей культуры является поэтому высшимъ территоріальнымъ союзомъ общественнаго господства. А такъ какъ всякій территоріальный союзъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, произвольнымъ союзомъ, то мы можемъ опредѣлить государство высшимъ территоріальнымъ союзомъ общественнаго господства.

И такъ, современное государство является, во-первыхъ, союзомъ общественнаго господства, и этимъ оно отличается отъ союзовъ личнаго господства, которые основаны на началѣ неравенства и представляютъ собою союзъ слабыхъ съ сильными. Современное государство есть союзъ равныхъ: передъ лицомъ современнаго государства нѣтъ сильныхъ, которые были бы призваны властвовать надъ слабыми, нѣтъ слабыхъ, которые были бы призваны подчиняться сильнымъ, нѣтъ вообще власти лица надъ лицомъ. *Опредѣляя современное государство союзомъ общественнаго господства, мы этимъ подчеркиваемъ ту его отличительную черту, которая характеризуетъ его какъ союзъ равныхъ, а, следовательно, и свободныхъ людей, признающихъ надъ собою не личную власть, а только власть общественную.*

Современное государство является, во-вторыхъ, высшимъ территоріальнымъ союзомъ.

Всѣ территоріальные союзы преслѣдуютъ необходимые интересы обществѣ. Если же государство является высшимъ территоріальнымъ союзомъ, то оно и должно преслѣдовать интересъ, который является высшимъ по отношенію ко всѣмъ другимъ интересамъ, преслѣдуемымъ территоріальными союзами.

Этимъ высшимъ интересомъ является интересъ правоваго порядка.

Ни одинъ союзъ, ни одно общество немислимо безъ правоваго порядка, т.-е. безъ принудительныхъ нормъ, которыя разграничивали бы сферу интересовъ и область дѣятельности отдѣльныхъ людей и союзовъ и опредѣляли бы форму ихъ совмѣстной дѣятельности.

Принудительный порядокъ есть необходимое условіе всякаго общества; человѣкъ, который не хочетъ отказаться отъ общежитія съ людьми, нигда отъ этого порядка не уйдетъ и нигдѣ отъ него не скроется.

Если бы люди, проникнутые релігіозными интересами, напримѣръ, тяготясь этимъ внѣшнимъ порядкомъ, пожелали бы уйти отъ него и съ этою цѣлью скрылись бы на необитаемый островъ, то они, если бы только не обратились въ ангеловъ, а остались бы людьми, должны были бы начать съ того, чтобъ установить между собою порядокъ, т.-е. учредить то государство, изъ-подъ власти котораго они бѣжали на свой необитаемый островъ. А если на этотъ островъ переселился бы другой общественный союзъ, то произошло бы одно изъ двухъ: или оба эти союза подѣлили бы между собою островъ, каждый имѣлъ бы свою территорію и представлялъ бы собою особое государство, или же между этими двумя союзами возникла бы борьба, которая повела бы къ тому, что одинъ изъ союзовъ остался бы побѣдителемъ и сдѣлался бы господиномъ острова; тогда образовалось бы одно государство, которое охраняло бы внѣшній принудительный порядокъ на всемъ пространствѣ государства-острова.

Мы сказали выше, что вся поверхность земного шара, занятая культурнымъ человѣчествомъ, распредѣлена безъ остатка между отдѣльными государствами; надъ ними не возвышается другого организованнаго территоріальнаго союза; и вотъ почему высшій, т.-е. необходимый, интересъ общежитія охраняется отдѣльными государствами. Если же бы международный союзъ выросъ на степень организованнаго союза, и онъ, а не государство, сталъ бы высшимъ территоріальнымъ союзомъ, то онъ, а не государство, охранялъ бы внѣшній принудительный порядокъ, отдѣльныя же государства снизошли бы на степень такихъ подчиненныхъ территоріальныхъ союзовъ, какими являются въ настоящее время члены Германской имперіи, швейцарскіе кантоны и сѣверо-американскіе штаты.

Охраненіе принудительнаго порядка, какъ высшаго общественнаго интереса, всегда останется задачей высшаго территоріальнаго союза. А такъ какъ при данныхъ условіяхъ культурной жизни такимъ высшимъ территоріальнымъ союзомъ является государство, то охраненіе принудительнаго порядка и составляетъ специфическую задачу государства.

Само собою разумѣется, что государство преслѣдуетъ и цѣлый рядъ другихъ интересовъ: оно строитъ и пути сообщенія, и школы, и церкви, и больницы, и богадѣльни, и музеи, оно содѣйствуетъ развитію и торговли, и промышленности, и земледѣлія, и наукъ, и искусствъ. Но всѣ эти интересы преслѣдуются не только государствомъ, но и другими общественными союзами; охраненіе же правоваго порядка составляетъ, по мѣткому выраженію Геринга, исключительную монополію государства.

Этотъ общественный интересъ мы называемъ высшимъ въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, онъ представляетъ собою самое необходимое условіе всякаго общежитія, а, во-вторыхъ, въ томъ смыслѣ, что онъ является не-

отразимымъ предположеніемъ для осуществленія всѣхъ другихъ общественныхъ интересовъ.

Дѣятельность государства обнимаетъ всѣ общественные интересы не въ томъ смыслѣ, что оно одно беретъ на себя ихъ осуществленіе, а лишь въ томъ, что оно, и только оно, создаетъ необходимыя условія для ихъ осуществленія.

Мы поэтому можемъ опредѣлить современное государство европейской культуры, какъ высшій территориальный союзъ общественнаго господства, преслѣдующій неотразимый интересъ всякаго общежитія, — интересъ принудительнаго порядка.

Отдѣлъ II.

Опредѣленіе государственной власти.

I.

Организація общественныхъ союзовъ:

I. Организація союзовъ, основанныхъ на началѣ неравенства.

Всѣ общественные союзы, къ какой бы категоріи они ни принадлежали, суть ничто иное, какъ соединенія отдѣльныхъ людей: дѣятельность и воля этихъ союзовъ есть поэтому воля и дѣятельность людей.

Противъ этого простаго положенія никто, конечно, не возражаетъ и никто ничего возразить не можетъ.

Но если это простое утвержденіе и ничего спорнаго въ себѣ не заключаетъ, то за то и ровно ничего не объясняетъ.

Мы, конечно, знаемъ, что дѣятельность и государства, и акціонерной компаніи, и церкви, и семьи, есть дѣятельность людей, но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаемъ, что дѣятельность людей въ этихъ союзахъ отлична отъ дѣятельности людей внѣ союзовъ.

И это-то различіе и подлежитъ объясненію.

Люди, преслѣдуя особнякомъ свои цѣли, дѣйствуютъ совершенно свободно и ничьею волей въ этой дѣятельности не связаны. Они сами ставятъ себѣ эти цѣли, сами выбираютъ тотъ образъ дѣйствія, который, по ихъ крайнему разумѣнію, обѣщаетъ имъ успѣхъ. Ихъ дѣятельность свободна и ничѣмъ не связана, кромѣ какъ общими условіями всякой человеческой дѣятельности.

Дѣятельность же людей, направленная на осуществленіе цѣлей общественнаго союза, является всегда и вездѣ дѣятельностью не свободной, связанной не только общими условіями всякой человеческой дѣятельности, но и особенными правилами, которыя установлены въ союзѣ для урегулированія и упорядоченія согласной совмѣстной дѣятельности людей, направленной на осуществленіе цѣлей общественнаго союза.

Эта организація есть дѣло рукъ человеческихъ. Она не растетъ и не развивается, она создается и видоизмѣняется людьми. *Человѣкъ получилъ*

свою организацію отъ природы: онъ имѣетъ естественную волю; общественные союзы помучили свою организацію не отъ природы, а отъ людей: она не имѣетъ естественной воли, а волю искусственную, какъ результатъ данной имъ людьми организаціи.

Эта искусственная организація выражается въ нормахъ, которыя опредѣляютъ, кто призванъ выражать и осуществлять волю союза и при какихъ условіяхъ, въ какихъ формахъ и въ какихъ предѣлахъ воля и дѣятельность этихъ лицъ, именуемыхъ органами союза, признается волею и дѣятельностью союза.

Эта организація въ различныхъ союзахъ бываетъ различна.

Въ союзахъ личнаго господства, основанныхъ, какъ мы знаемъ, на началѣ неравенства и представляющихъ собою ничто иное, какъ союзъ слабыхъ съ сильными, организація крайне проста и несложна.

Она отражаетъ фактическія отношенія властвованія. Дѣятельность союза направляется тѣми, на чьей сторонѣ фактическая сила, остальные члены являются только подчиненными.

Въ союзахъ личнаго господства, возьмемъ ли римскую семью, или союзъ раба съ господиномъ, или помѣщика съ господиномъ, или же патримониальное государство,—во всѣхъ этихъ союзахъ авторитетъ принадлежитъ сильному; воля союза есть личная воля сильнаго—воля господина, онъ только субъектъ власти, остальные только объекты его личной власти.

Та юридическая конструкція, которую даетъ государству Зейдель, вполне примѣнима къ этого рода союзамъ. Въ нихъ дѣйствительно господствуетъ личная воля властителя и эта воля юридически ничѣмъ не связана; обязанность властителя блюсти интересы союза есть обязанность нравственная; въ самой же организаціи нѣтъ юридическихъ гарантій, которыя обезпечивали бы согласіе дѣятельности властвующей воли съ цѣлями союза.

II. *Организація союзовъ, основанныхъ на началахъ равенства.*

A. *Организація товарищества.*

Не менѣе проста, хотя и покоится на противоположномъ принципѣ, организація товариществъ (союзовъ, основанныхъ на началѣ равенства и преслѣдующихъ индивидуальныя интересы).

Въ этихъ союзахъ нѣтъ сильныхъ и нѣтъ слабыхъ, всѣ признаются равноспособными. Здѣсь власть не можетъ быть предоставлена однимъ въ ущербъ другимъ: здѣсь она должна быть предоставлена всѣмъ. Согласно же дѣятельность всѣхъ обезпечивается тождественностью интересовъ, объединяющихъ членовъ въ союзъ. Члены товарищества преслѣдуютъ въ товариществѣ, какъ мы видѣли, вовсе не общественные интересы, которые могутъ противорѣчить индивидуальнымъ, а интересы именно индивидуальныя. Соединеніе въ товарищество вызвано лишь желаніемъ болѣе успѣшнаго достиженія этихъ индивидуальныхъ интересовъ. Цѣль товарищества совпадаетъ съ цѣлями отдѣльныхъ участниковъ, интересы союза тождественны съ интересами отдѣльныхъ участниковъ. Общій интересъ такъ близокъ

каждому участнику, что совмѣстное преслѣдованіе не можетъ вызвать пререканій, которыя нуждались бы въ разрѣшеніи высшимъ авторитетомъ, какъ истолкователемъ интересовъ союза. Интересы союза суть ничто иное, какъ сумма интересовъ участниковъ, воля союза ничто иное, какъ сумма воли участниковъ, направленныхъ на тождественный интересъ. Каждый сохраняетъ въ товариществѣ свою волю, которая хочетъ его личный интересъ, совпадающій съ личными интересами остальныхъ участниковъ.

Если въ союзахъ личнаго господства господствуетъ воля властителя, которой всѣ другія подчиняются, то въ союзахъ товарищества господствуетъ воля всѣхъ; если въ первыхъ сильны только господствующие, а слабые только подчиняются, то во вторыхъ всѣ властвуютъ и всѣ подчиняются и нѣтъ противоположности между властвующими и подчиненными. И если конструкция, которую даетъ Зейдель государству, вполне применима къ союзамъ личнаго господства, то та конструкция государства, которую построитъ Руссо въ своемъ *Contrat Social*, вполне применима къ союзу товарищества. Въ самомъ дѣлѣ и товарищества основаны на договорѣ всѣхъ участниковъ, и въ нихъ господствуетъ общая воля, и до нихъ отдѣльный участникъ остается такимъ же свободнымъ въ союзѣ, какъ онъ былъ до вступленія въ союзъ, и здѣсь онъ, подчиняясь общей волѣ, подчиняется только своей волѣ.

В. Организациа корпораціи (организациа государства—государственное устройство).

Союзы общественнаго господства, преслѣдующіе общественные интересы, къ которымъ, какъ мы показали, принадлежитъ и современное государство европейской культуры, отличаются отъ союзовъ личнаго господства тѣмъ, что они, какъ и союзы товарищества, основаны на началѣ равенства. Это не союзъ слабыхъ съ сильными, это союзъ равныхъ; здѣсь поэтому нѣтъ мѣста личной власти сильныхъ, здѣсь мѣсто только господству общественному.

Но эти союзы, отличаясь, съ одной стороны, отъ союзовъ личнаго господства, отличаются, съ другой, отъ союзовъ товарищества тѣмъ, что преслѣдуютъ не индивидуальныя интересы, а интересы общественныя.

Мы показали выше, въ чемъ отличіе тѣхъ и другихъ. Мы знаемъ, что общественныя интересы, въ отличіе отъ индивидуальныхъ, могутъ быть осуществлены не иначе, какъ совокупными и согласными усиліями многихъ; они для своего осуществленія требуютъ умѣнья отдѣльныхъ лицъ отказываться отъ своихъ индивидуальныхъ цѣлей ради достиженія общей цѣли, они предполагаютъ умѣнье жертвовать своимъ личнымъ благомъ ради блага общаго. Интересъ общественнаго союза не есть сумма интересовъ членовъ этого союза, какъ въ товариществѣ; здѣсь интересъ союза не совпадаетъ съ частными интересами отдѣльныхъ членовъ союза, а получаетъ свое самостоятельное, независимое отъ индивидуальныхъ интересовъ значеніе.

Для того поэтому, чтобы цѣль союза могла быть достигнута наперекоръ требованіямъ противорѣчащаго ей частнаго интереса, для этого не-

обходимъ независимый отъ личной воли отдѣльныхъ членовъ союза авторитетъ, который бы могъ сломить противодѣйствіе частнаго интереса *)).

Этимъ авторитетомъ не можетъ быть ни воля отдѣльнаго лица или отдѣльныхъ лицъ, какъ въ союзахъ личнаго господства, ни сумма всѣхъ индивидуальныхъ волей, какъ въ союзахъ товарищества,—это вообще не можетъ быть чѣю-либо личной волей, это можетъ быть не естественная, а только воля искусственная, воля юридическая, которая добывается сложною искусственною организаціей.

Эта организація должна создать такой авторитетъ, который хотѣлъ бы только общественный интересъ и который былъ бы облеченъ силою проводить этотъ общественный интересъ наперекоръ требованіямъ частнаго интереса. И эту-то искусственно организованную волевою силою, которая хочетъ и проводить общественный интересъ, мы называемъ властью союза **).

Организація, которая имѣетъ цѣлью создать такой авторитетъ въ государствѣ, называется государственнымъ устройствомъ. Это государственное устройство опредѣляетъ, во-первыхъ, *порядокъ призванія* государственныхъ органовъ, т.-е. тѣхъ лицъ, которыя предназначаются выражать и проводить волю государства. Оно, во-вторыхъ, опредѣляетъ, въ какихъ формахъ должна выражаться воля и дѣятельность этихъ органовъ, чтобъ имѣть юридическую силу воли и дѣятельности государства. Оно, въ-третьихъ, опредѣляетъ *компетенцію* этихъ органовъ, т.-е. тѣ юридическія предѣлы, въ границахъ которыхъ воля и дѣятельность этихъ органовъ признается волею и дѣятельностью государства ***). Эта компетенція устанавливаетъ взаимныя отношенія органовъ, изъ которыхъ одни сопоставляются въ одинъ рядъ, другіе подчиняются другъ другу. Образуется, такимъ образомъ, лѣстница отношеній, которая располагаетъ всѣ государственныя органы въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Этотъ іерархическій порядокъ представляетъ собою въ каждомъ государствѣ, будь то монархія, будь то республика, какъ бы пирамиду съ широкимъ основаніемъ и съ конечною вершиной. Этимъ широкимъ основаніемъ являются тѣ государственныя учрежденія, которыя равномерною сѣтью разстилаются по всей территоріи государства и которыя образуютъ низшія инстанціи; вершину же образуетъ тотъ государственный органъ, который стоитъ во главѣ всѣхъ органовъ и который служитъ внѣшнимъ представителемъ единства государ-

*) *Jhering*: „Zweck im Recht“. Т. I, стр. 291, 292.

***) Организація этой власти есть дѣло рукъ человѣческихъ и, какъ все людскими совидаемое, имѣетъ свои недостатки. Она никогда не достигнетъ своего идеала; и какъ бы она искусно поставлена ни была, она никогда не возведетъ власть союза на степень безстрастнаго и безличнаго авторитета. Носителями этого авторитета все же являются люди, которые какими бы условіями ихъ ни обставлять и какими бы правилами ихъ дѣятельность ни урегулировать, все же останутся людьми, личныя страсти которыхъ всегда будутъ пробиваться и черезъ самую густую броню юридическихъ нормъ и искусственныхъ сдержекъ.

***) *Haenel*: „Studien zum deutschen Staatsrecht“. 1888. В. II, S. 221. *Его же*: „Deutsches Staatsrecht“. В. I, S. 84—89.

ственной власти. Всѣ эти органы объединены юридическими нормами, которыя имѣють цѣлью согласовать ихъ дѣятельность, предупреждать и улаживать могущіе возникнуть между ними споры и пререканія и возводить ихъ отдѣльные акты, связывающіе волю подданныхъ, на степень актовъ единой воли государства.

II.

Опредѣленіе государственной власти.

Подводя итогъ предшествующему изложенію, мы должны сказать, что власть государства не есть личная воля, какъ учить Зейдель и за нимъ Линггъ, что это и не фактическая слѣпая сила, безъ воли и безъ сознанія, какъ утверждаетъ г. Коркуновъ, мы должны сказать, что власть государства, какъ власть всякаго корпоративнаго союза, представляетъ собою искусственно организованную волевою силу, приспособленную къ охраненію того интереса, обезпеченіе котораго составляетъ специфическую задачу союза. Специфическая же задача государства, какъ мы знаемъ, заключается въ охраненіи принудительнаго порядка.

Мы можемъ поэтому опредѣлить государственную власть, какъ искусственно организованную волевою силу, приспособленную къ охраненію принудительнаго порядка въ предѣлахъ даннаго государства.

Государственная власть, въ виду именно того, что она, и только она, призвана охранять правовой порядокъ въ предѣлахъ территоріи государства, по самой природѣ своей должна быть властью въ юридическомъ отношеніи безусловной и неограниченной,—другими словами, должна обладать суверенитетомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, только государству, какъ высшему территориальному союзу, по силамъ обезпеченіе этого интереса. Интересъ же этотъ безусловно господствуетъ надъ всѣми другими интересами, являясь неотразимымъ условіемъ для преслѣдованія всѣхъ другихъ интересовъ. И вотъ почему одна только государственная власть безусловно господствуетъ надъ всѣми другими союзами и вотъ почему мы называемъ государство сувереннымъ союзомъ, а власть государственную — властью суверенною.

Государственная власть суверенна, т.-е. власть высшая, неограниченная только въ указанномъ отношеніи, т.-е. въ томъ, что только она охраняетъ принудительный порядокъ въ предѣлахъ государства. Но государственная власть вовсе не является властью неограниченной въ другихъ отношеніяхъ: ея дѣятельность, какъ всякая человѣческая дѣятельность, ограничена общими условіями физическаго и психическаго міра и въ этомъ отношеніи никакого преимущества надъ властями другихъ союзовъ не имѣетъ. Государственная власть является далѣе властью суверенной и не въ томъ смыслѣ, что она охраняетъ высшій во всѣхъ отношеніяхъ интересъ. Есть интересы, которые въ извѣстныхъ отношеніяхъ шире и выше интереса принудительнаго порядка, защищаемаго государствомъ. Возьмемъ для при-

мѣра хотя бы интересы, охраняемые церковью: они не ограничены никакими внѣшними предѣлами и въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше интересовъ, защищаемыхъ государствомъ. И власть церкви, какъ авторитета нравственнаго, поэтому, несомнѣнно, шире и выше власти государства. Но если власть церкви въ нравственномъ отношеніи и выше власти государства, то въ дѣлѣ охраненія правоваго порядка церковь должна безусловно склоняться передъ велѣніями власти государства,—другими словами, въ юридическомъ отношеніи власть государства господствуетъ надъ всѣми союзами, не исключая и церкви, и подчиняетъ ихъ всѣ своимъ цѣлямъ и своимъ правиламъ *).

Во имя безусловнаго юсподства правоваго порядка, но только во имя его, современное юсударство европейской культуры, которое есть союзъ не личнаго, а общественнаго юсподства, обладаетъ властью высшею, безусловною,—обладаетъ суверенитетомъ.

А. С. Алексѣевъ.

*) Только смѣшеніемъ юридической власти со властью нравственной можно объяснить слѣдующія странныя утвержденія г. Коркунова, которыми онъ хочетъ доказать ограниченность верховной власти: „Въ слѣдующемъ параграфѣ мы покажемъ, что государственная власть основывается на сознаніи людьми ихъ зависимости отъ государства. Но сознаніе это не можетъ быть безусловнымъ, потому что люди сознаютъ себя зависимыми не отъ одного государства, а и отъ всѣхъ другихъ произвольныхъ общеній. И если какое общеніе можетъ притязать на абсолютное надъ всѣми властвованіе, такъ это развѣ только церковь. Для вѣрующаго церковный авторитетъ, конечно, выше всякаго другого, такъ какъ священное писаніе учитъ насъ, что „должно повиноваться больше Богу, нежели челоуѣкамъ“ (Дѣянія, V, 29). Истинная церковь, какъ единая и вѣчная, не зависитъ, въ противоположность государству, отъ условій мѣста и времени. Наконецъ, въ ней дѣйствуетъ надъ всѣми стоящая божественная благодать. Поэтому никакъ нельзя утверждать, чтобы государство отличалось отъ церкви безусловностью и безграничностью власти“ (*Лекціи по общей теоріи права*, 1894 г., стр. 238 и 239).

Школьно-фабричныя нужды Россіи *).

VI.

Свѣдѣнія о грамотности на фабрикахъ и заводахъ Московской губерніи имѣются относительно 99,696 рабочихъ (болѣе 64 тыс. мужчинъ и свыше 35½ тыс. женщинъ). Между ними болѣе или менѣе грамотныхъ, т.-е. умѣющихъ читать и писать, или же только читать, оказалось 26,206 мужчинъ (болѣе 40% общаго числа рабочихъ мужскаго пола) и всего лишь 2,181 грамотная женщина, что составляетъ менѣе 7% общаго числа работниковъ.

Вообще, на каждаго изъ работающихъ обоего пола приходится четыре неграмотныхъ; на одного грамотнаго мужчину приходится три неграмотныхъ; на одну грамотную работницу болѣе 16 неграмотныхъ женщинъ и на одну грамотную работницу 22 грамотныхъ мужчинъ.

Чаще всего грамотность встрѣчается среди мужчинъ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ, а также въ ближайшей младшей группѣ (12—14 лѣтъ), гдѣ грамотные составляютъ почти половину общаго числа рабочихъ данной возрастной группы (болѣе 49%). Затѣмъ слѣдуютъ группа взрослыхъ рабочихъ 18—40 лѣтъ (около 41%) и дѣти въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ (болѣе 36%). Начиная съ 40 лѣтъ преобладаніе грамотныхъ мужчинъ колеблется между 28 процентами (60 лѣтъ и старше) и 32 процентами (отъ 40 до 60 лѣтъ), а наименьшій процентъ грамотныхъ даютъ дѣти, работавшія на фабрикахъ въ возрастѣ моложе 10 лѣтъ. Другими словами, число грамотныхъ между рабочими возрастаетъ быстро до пятнадцатилѣтняго возраста, когда оно достигаетъ своего высшаго предѣла. Затѣмъ, постепенно понижаясь, эта цифра держится почти постояннаго уровня какъ по всей Московской губерніи, такъ и по отдѣльнымъ ея уѣздамъ. Наоборотъ, грамотность работницъ, всюду вообще незначительная, достигаетъ высшаго предѣла въ возрастѣ 12—14 лѣтъ (11%) и почти одинакова (около 9%) какъ между подростками 15—18 лѣтъ, такъ и между малолѣтними дѣвочками 10—12 лѣтъ. Такимъ образомъ, общіе итоги по всей Московской гу-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

берніи чрезвычайно рельефно выдвигают тотъ фактъ, что грамотность значительно распространяется за послѣднія 10—15 лѣтъ и что даже между пожилыми рабочими грамотные составляютъ около одной трети общаго числа лицъ даннаго возраста. Явленіе это обнаруживается не только въ отдѣльныхъ уѣздахъ Московской губерніи, но и во всѣхъ центральныхъ губерніяхъ.

Изъ общаго числа 6,568 мальчиковъ моложе 15 лѣтъ грамотныхъ оказалось 2,897 чел. или болѣе 44%, а изъ 4,774 дѣвочекъ было всего лишь 495 грамотныхъ или слишкомъ 10%. Распространеніе грамотности между уроженцами различныхъ мѣстностей также представляетъ интересныя особенности. Такъ, въ нисходящемъ порядкѣ по преобладанію грамотности между рабочими обоого пола, слѣдуютъ губерніи Владимирская и Московская (болѣе 31%), Тверская и Рязанская (24—27%) и т. д. Эта послѣдовательность замѣчается какъ по числу грамотныхъ мужчинъ, такъ и по числу грамотныхъ женщинъ. Между рабочими того и другаго пола нѣсколько болѣе выступаетъ Московская губернія, среди уроженцевъ которой оказалось около 45% грамотныхъ мужчинъ, при среднемъ 41% для всѣхъ губерній, и около 8% грамотныхъ женщинъ (среднее для губерній 6%). Изъ уроженцевъ Владимирской губерніи грамотныхъ было почти 43% мужчинъ и болѣе 6% женщинъ. Не въ одинаковой степени распространена грамотность и между отдѣльными уѣздами Московской губерніи, причемъ особенно выдѣляется Коломенскій уѣздъ. Наиболѣе распространена грамотность между мужчинами изъ числа уроженцевъ Коломенскаго, Серпуховскаго и Бронницкаго уѣздовъ (болѣе половины общаго числа рабочихъ), а затѣмъ среди уроженцевъ Богородскаго, Московскаго и Подольскаго уѣздовъ (около 40%). Грамотныя работницы преобладаютъ между уроженцами Бронницкаго уѣзда (около 15%), а также въ Коломенскомъ (11%), въ Московскомъ и Богородскомъ уѣздахъ (до 9%). Эти общіе итоги находятъ себѣ объясненіе отчасти въ условіяхъ мѣстной жизни, отчасти въ болѣе или менѣе благоприятной постановкѣ первоначальнаго народнаго образованія въ школахъ различныхъ вѣдомствъ и учрежденій. Припомнимъ также, что и статистическія свѣдѣнія о грамотности среди принятыхъ въ военную службу по жребію въ періодъ 1874—83 гг. въ теченіе 10 лѣтъ выяснили довольно значительное и постоянное увеличеніе грамотности, въ особенности въ Прибалтійскомъ краѣ, въ столичныхъ и *промышленныхъ* губерніяхъ *). Въ теченіе указаннаго десятилѣтія всего по имперіи поступило въ военную службу грамотныхъ (всѣхъ разрядовъ) 22% и совершенно неграмотныхъ 78%. При сравненіи ежегодныхъ данныхъ всего десятилѣтія замѣчается прогрессивное увеличеніе въ числѣ принятыхъ грамотныхъ и уменьшеніе неграмотныхъ, такъ что въ призывѣ 1883 года почти четвертая часть принятыхъ были уже грамотные.

При анализѣ данныхъ о грамотности работающихъ на фабрикахъ и

*) *Свод. по вопросамъ техническо-промыш. образованія въ Россіи.* Спб., 1888 г. Прилож. 2, стр. 86.

заводахъ приходится считаться со множествомъ такихъ факторовъ, которые почти отсутствуютъ въ массѣ всего населенія, какъ, напримѣръ, вліяніе подбора лучшихъ силъ въ извѣстныхъ категоріяхъ фабрично-заводскаго труда, вліяніе совмѣстной жизни въ тѣсныхъ казармахъ и воздѣйствіе примѣра грамотныхъ на неграмотныхъ, передача знанія грамоты отъ родственниковъ и товарищей, большая или меньшая обезпеченность заработка, специализація занятій и т. п. Въ виду этого, немаловажный интересъ представляетъ распространеніе грамотности по отдѣльнымъ видамъ фабричнаго труда. Такъ, напримѣръ, на 1,000 человекъ, занимающихся тою или другою работою, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, больше всего встрѣчается грамотныхъ между работающими на механическихъ ткацкихъ станкахъ: 126 мужчинъ грамотныхъ и 355 грамотныхъ женщинъ на 1,000 грамотныхъ разныхъ категорій труда того и другого пола. Затѣмъ между мужчинами болѣе всего грамотныхъ ткачей на ручныхъ станкахъ, парчевщиковъ, шелковщиковъ и заправщиковъ жакардъ (119 на тысячу всѣхъ рабочихъ). За ними слѣдуетъ при постепенномъ убываніи множество другихъ профессій мужского труда въ предѣлахъ отъ 0,04 (сусальщики) до 50 на 1,000 (красильщики, пунцовщики, слесари и т. д.). Среди женскихъ профессій вообще слѣдующее за самоткачихами мѣсто занимаютъ мотальщицы, размотчицы и проч. (около 100 на 1,000 работницъ разныхъ профессій).

Еще болѣе рѣзко обнаруживается профессиональное значеніе грамотности (по отдѣльнымъ категоріямъ фабричнаго труда) при сравненіи процентныхъ чиселъ грамотныхъ, по различнымъ возрастнымъ группамъ, какъ относительно общихъ итоговъ всѣхъ грамотныхъ рабочихъ, такъ и общаго итога лицъ, занимающихся тѣмъ или другимъ производствомъ и обладающихъ знаніемъ грамоты.

Распредѣляя рабочихъ на четыре возрастныхъ группы (8—14 лѣтъ, 15—18, 19—39, 40 лѣтъ и старше), при условной классификаціи занятій (96 категорій для мужчинъ и 52 категоріи для женскаго труда), мы получаемъ весьма интересныя соотношенія. Подробный разборъ этихъ послѣднихъ (по расчету на 1,000 человекъ) возможенъ лишь въ специальной работѣ. Въ данномъ случаѣ можно ограничиться только общими выводами, сопоставляя отдѣльные итоги какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Цифры при такомъ сравненіи, прежде всего, указываютъ, что чѣмъ болѣе специализируется фабричный трудъ и чѣмъ лучше онъ обезпечивается, тѣмъ рѣзче обнаруживается стремленіе рабочихъ того и другого пола приобрести, такъ или иначе, умѣнье читать и писать.

Преобладаніе грамотныхъ среди той или другой категоріи рабочихъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о большемъ досугѣ или же удобствѣ и возможности пользоваться школьною подготовкой. Съ другой стороны, оно указываетъ на самостоятельное усиленіе духовныхъ запросовъ среди рабочаго населенія Московской губерніи. Къ сожалѣнію, при существующихъ условіяхъ, эти потребности далеко не удовлетворяются въ достаточной степе-

ни. Необходимы дальнѣйшія улучшенія какъ въ общей постановкѣ школьно-фабричнаго дѣла, такъ и въ усиленіи учебно-вспомогательныхъ учреждений и приспособленій *).

VII.

Исслѣдователи народнаго образованія въ Московской губерніи указали уже на то, что потребность къ образованію, какъ и всякія духовныя потребности, возникаетъ и развивается только исподволь при благоприятныхъ къ тому обстоятельствахъ **). Удовлетворяетъ ли современное развитіе школьнаго дѣла на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, въ количественномъ и качественномъ отношеніи, той потребности въ образованіи, какая обнаруживается, судя по указаннымъ выше свѣдѣніямъ о грамотности рабочихъ, среди фабричнаго населенія въ Московской губерніи?

Изъ общаго числа 70 промышленныхъ заведеній, осматрѣнныхъ при санитарно-фабричномъ изслѣдованіи Московской губерніи, имѣющихъ по 500 и болѣе рабочихъ каждое, школы существовали при 20 фабрикахъ и заводахъ, не считая двухъ школъ на фабрикахъ съ числомъ рабочихъ менѣе 500 человекъ ***). Кроме того, три школы не могли быть признаны фабричными въ строгомъ смыслѣ, ибо не находились въ непосредственной связи съ фабриками (двѣ въ Богородскомъ уѣздѣ и одна въ Подольскомъ), а потому они и не принимаются въ расчетъ. Въ двухъ уѣздахъ (Волоколамскомъ и Рузскомъ) фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ по 500 рабочихъ, вовсе не оказалось. Въ остальныхъ 11 уѣздахъ изъ наличнаго числа болѣе 68 тысячъ рабочихъ обоого пола на фабрикахъ, имѣющихъ по 500 и болѣе рабочихъ, при наибольшемъ числѣ около 92 тысячъ человекъ, малолѣтнихъ рабочихъ до 15-ти лѣтняго возраста насчитывалось почти 5 тысячъ (болѣе 7% общаго числа). По отдѣльнымъ уѣздамъ число малолѣтнихъ въ различные годы, когда производились осмотры фабрикъ (вообще до изданія и послѣ изданія узаконеній о работѣ малолѣтнихъ), колебалось въ предѣлахъ отъ 1½% (въ Серпуховскомъ уѣздѣ по результатамъ изслѣдованія 1884 года) до 12 процентовъ (въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ 1882 году).

Такимъ образомъ, изъ наличнаго числа малолѣтнихъ рабочихъ на каждую фабричную школу приходилось 216 дѣтей; одна школа приходилась на три заведенія, имѣющихъ по 500 и болѣе рабочихъ, или почти на 3,000 человекъ всего рабочаго населенія этой категоріи промышленныхъ

*) Подтверженіемъ сказаннаго могутъ служить данныя статистическаго отчета по училищамъ Московской губерніи за 1892 — 93 учебный годъ (*Статистическій Ежегодникъ Московской губ. за 1893 г.* Москва, 1893 г.).

**) *Народное образованіе въ Моск. губ.* Москва, 1884 г., стр. 8.

***) Указанная норма принята нами въ виду того, что первый свѣздъ по вопросамъ профессиональнаго и техническаго образованія въ Россіи, согласно одному изъ положеній доклада А. Г. Небольсина, призналъ устройство школъ обязательнымъ для всѣхъ фабрикъ, имѣющихъ по 500 и болѣе рабочихъ.

заведеній. Другими словами, принявъ за основаніе соображенія перваго русскаго съѣзда по профессиональному и техническому образованію, въ одной только Московской губерніи необходимо было бы вновь открыть 58 фабричныхъ школъ, въ цѣляхъ обезпеченія правильнаго школьнаго обученія малолѣтнихъ, работающихъ на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ. Далѣе, предполагаемый въ проектѣ А. Г. Небольсина особый школьный налогъ, принятый также и съѣздомъ, въ цѣляхъ возбужденія ходатайства въ установленномъ порядкѣ, считая по 1½ рубля съ каждаго рабочаго, для 70 указанныхъ выше фабрикъ составилъ бы ежегодную сумму около 102½ тысячъ рублей (138 тысячъ рублей при наибольшемъ числѣ 92 тысячъ рабочихъ). Въ настоящее же время въ Московской губерніи 25 промышленныхъ фирмъ расходуютъ на содержаніе своихъ фабричныхъ школъ (при фабрикахъ и внѣ ихъ) около 70 тысячъ рублей ежегодно.

Результаты изслѣдованія отдѣльныхъ фабричныхъ школъ, въ особенности въ связи съ тѣми свѣдѣніями, которыя указаны въ другихъ земскихъ изданіяхъ по Московской губерніи, даютъ возможность возстановить полную картину школьно-фабричнаго дѣла въ одномъ изъ самыхъ промышленныхъ районовъ Россіи. Надо принять въ соображеніе также и то, что постановка всего народнаго образованія въ названной губерніи издавна считается образцовою во многихъ отношеніяхъ при сравненіи съ другими земскими губерніями.

По времени основанія всѣ фабричныя школы распределяются такимъ образомъ, что до освобожденія крестьянъ существовала только одна школа (при Раменской фабрикѣ, въ Бронницкомъ уѣздѣ), основанная въ 1859 г. и заново перестроенная въ 1870 г. Въ послѣдующее десятилѣтіе (1861—1870 гг.) вновь устроено было шесть школъ, къ которымъ въ десятилѣтіе 1871—80 годовъ присоединилось еще 16 школъ, и, наконецъ, въ 1881—82 годахъ возникло только двѣ новыхъ фабричныхъ школы.

Стоимость содержанія 17 фабричныхъ школъ составляетъ около 37½ тысячъ рублей или, въ среднемъ, по 2,205 рублей на школу, въ предѣлахъ отъ 500 рублей до 13 тысячъ рублей. Стоимость обученія 2,205 учащихся въ 14 фабричныхъ школахъ, по которымъ имѣются данныя для такого сравненія, простирается до 35½ тысячъ рублей или, въ среднемъ, около 17½ рублей на каждаго учащагося. Число работающихъ на фабрикахъ учениковъ по отношенію къ общему числу учащихся въ фабричныхъ школахъ вообще незначительно: въ 23 школахъ на 2,508 учащихся приходится 364 малолѣтнихъ обоаго пола, принимавшихъ участіе въ фабричной работѣ, или менѣе четверти. Въ среднемъ, на одну фабричную школу (изъ 23) приходится вообще по 109 учащихся и въ 7 школахъ по 52 ученика изъ числа малолѣтнихъ, работавшихъ на фабрикахъ.

Помимо недостатковъ въ педагогическомъ и общеобразовательномъ отношеніи, фабричныя школы Московской губерніи весьма рѣдко удовлетворяютъ санитарнымъ требованіямъ. Такъ, группируя свѣдѣнія объ устройствѣ фабричныхъ школъ въ 1882—83 учебномъ году по отдѣльнымъ уѣз-

дамъ, мы видимъ, что на каждаго учащагося приходилось въ среднемъ выводѣ отъ 1,7 кв. арш. въ Бронницкомъ уѣздѣ до 2,8 кв. арш. въ Богородскомъ и въ Дмитровскомъ уѣздахъ, а по кубическому содержанию классныхъ комнатъ отъ 7 до 12 кубич. арш. на одного ученика. Число классныхъ комнатъ въ общемъ итогѣ для отдѣльныхъ уѣздовъ колеблется въ предѣлахъ отъ 1 до 13, а именно: въ Московскомъ уѣздѣ на 7 комнатъ въ 5 фабричныхъ школахъ приходилось 542 учащихся обоого пола (до 27% дѣвочекъ), въ Богородскомъ уѣздѣ на 13 комнатъ въ 5 фабричныхъ школахъ—1,032 учащихся (до 34% дѣвочекъ), въ Подольскомъ уѣздѣ на 2 комнаты въ двухъ школахъ—88 учащихся (25% дѣвочекъ), въ Коломенскомъ уѣздѣ на 3 класса въ двухъ школахъ—207 учащихся (13% дѣвочекъ), въ Дмитровскомъ уѣздѣ на 7 классовъ въ трехъ школахъ—554 учащихся и т. д.

Менѣе удовлетворительно санитарное состояніе фабричныхъ школъ въ отдѣльности по нѣкоторымъ фабрикамъ и заводамъ, причемъ средняя площадь пола, среднее кубическое содержаніе и средній процентъ свѣтовой поверхности оконъ къ площади обнаруживаютъ чрезвычайно рѣзкія колебанія: такъ, напримѣръ, въ Московскомъ уѣздѣ на 1 ученика приходится 1½ — 4 кв. арш. площади пола, отъ 5 до 10 куб. арш. пространства, а свѣтовая поверхность колеблется отъ 1½ до 16%. Въ фабричныхъ школахъ Богородскаго уѣзда, при свѣтовой поверхности 7—11%, на каждаго учащагося приходится 2,5—4 кв. арш. и 11 — 19 куб. арш.; въ Подольскомъ уѣздѣ—отъ 11 до 15% свѣтовой поверхности, 2,5—2,7 кв. арш. и 11 — 12 куб. арш.; въ Коломенскомъ уѣздѣ—15—30% свѣтовой поверхности, 2 — 2,7 кв. арш. и 10 — 12 куб. арш.; въ Дмитровскомъ уѣздѣ—6—13% свѣтовой поверхности, 1½ — 4 кв. арш. и 6 — 17 куб. арш. и т. д. Вообще при постройкѣ фабричныхъ школъ рѣдко сообразуются съ руководящими правилами, установленными въ московскомъ земствѣ для составленія плановъ соотвѣтственно санитарнымъ требованіямъ, какъ-то: по размѣрамъ классныхъ комнатъ, по освѣщенію, по площади пола (не менѣе 2½ кв. арш. на каждаго ученика), по устройству вентиляціи, отхожихъ мѣстъ и т. п.

Таково внѣшнее состояніе фабричныхъ школъ по результатамъ санитарныхъ изслѣдованій въ различные годы и въ различныхъ уѣздахъ. Не болѣе утѣшительна и внутренняя организація школьнаго дѣла на фабрикахъ, напримѣръ, по условіямъ посѣщенія школъ малолѣтними рабочими, по распредѣленію учебныхъ занятій, по устройству школьныхъ библиотекъ, по организаціи воскресныхъ чтеній и т. п. *). Участіе мѣстныхъ фабрикантовъ въ распространеніи грамотности среди рабочаго населенія выражается вообще въ трехъ главныхъ формахъ: во-первыхъ, по устройству

*) Свѣдѣнія о фабричныхъ школахъ по результатамъ санитарныхъ изслѣдованій указаны при частномъ описаніи отдѣльныхъ промышленныхъ заведеній, а также сгруппированы въ особомъ, не изданномъ еще отдѣлѣ сводки данныхъ по всей Московской губерніи (*Сборн. стат. свѣд. Отд. санитар. стат.*, т. IV, ч. III).

и содержанію школъ при фабрикахъ и заводахъ; во-вторыхъ, въ формѣ попечительства при земскихъ и другихъ школахъ, которымъ фабриканты оказываютъ пособіе тѣмъ или инымъ путемъ; въ-третьихъ, въ качествѣ почетныхъ попечителей, лишь номинально числящихся при школахъ, но не оказывающихъ имъ никакой поддержки, ни нравственной, ни матеріальной *).

VIII.

При изслѣдованіи главнѣйшихъ путей пріобрѣтенія рабочими грамотности въ особенности рѣзко обнаруживается самостоятельное стремленіе мѣстнаго и пришлаго населенія къ элементарному обученію. Такого рода данныя, правда, имѣются лишь по двумъ уѣздамъ (Дмитровскому и Богородскому) относительно 8½ т. грамотныхъ рабочихъ (около 8 т. муж. и 660 жен.). Можно думать, что сравнительная оцѣнка взаимнаго вліянія различныхъ типовъ школъ по отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ сохраняетъ значеніе также и для другихъ неизслѣдованныхъ столь же подробно промышленныхъ мѣстностей. Оказывается, что пріобрѣтеніе знанія грамоты *вне школьнаго обученія*, или, какъ объясняли сами рабочіе, *самоучкою*, т.-е. личными стараніями, при пособіи товарищей-грамотѣевъ и т. п., составляетъ весьма значительный процентъ, именно около 34% среди грамотныхъ мужчинъ и болѣе 21% среди грамотныхъ женщинъ.

По остальнымъ категоріямъ изъ 8½ тыс. мужчинъ болѣе 28% обучалось въ земскихъ школахъ, около 11% въ фабричныхъ школахъ и почти столько же (10%) у лицъ духовнаго званія (дьяконовъ, псаломщиковъ и пр.), а затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ слѣдуютъ обучавшіеся грамотѣ на военной службѣ въ солдатахъ (болѣе 7%), въ городскихъ приходскихъ школахъ (слишкомъ 4%), въ уѣздныхъ училищахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ (около 4%), обучавшіеся дома отъ родителей, родственниковъ и т. п. (менѣе 2%) и, наконецъ, въ школахъ частныхъ лицъ (менѣе 1% общаго числа лицъ, способъ обученія которыхъ извѣстенъ). Между грамотными женщинами обучалось въ земскихъ школахъ около 53%, нѣсколько менѣе въ фабричныхъ школахъ (почти 31%) и затѣмъ *вне школы* (самоучкою) слишкомъ 21% и т. д. Еще болѣе характерно вліяніе различныхъ путей просвѣщенія на распространеніе грамотности между рабочими по отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ. Такъ, напримѣръ, значеніе фабричныхъ школъ наиболѣе замѣтно среди грамотныхъ дѣтей моложе 10 лѣтъ (около 43%). Начиная же съ 10-ти лѣтняго возраста до 60 лѣтъ и выше просвѣтительная роль ихъ ослабѣваетъ съ поразительною послѣдовательностью: въ возрастахъ 10—12 лѣтъ и 12—14 лѣтъ обучавшіеся въ фабричныхъ школахъ составляютъ около трети общаго числа данной возрастной группы (33% и 30%), среди подростковъ ихъ уже только 20%, среди взрослыхъ (18—40 л.) вдвое менѣе (10%), въ пожилыхъ возрастахъ 6%, а старики

*) Санит. иссл. фабр. завод. Богор. уѣзда 1883 г., ч. I, стр. 121.

свыше 60 лѣтъ не достигаютъ и 1½%. Для грамотныхъ работницъ фабричныя школы имѣютъ первенствующее значеніе среди подростковъ (около 38%), а также среди взрослыхъ въ возрастѣ 18—40 лѣтъ (31%). Грамотныя дѣвочки моложе 14 лѣтъ съ школьно-фабричною подготовкой составляютъ болѣе ¼ всѣхъ грамотныхъ данного возраста, пожилыхъ работницъ весьма немного (около 6%), а старше 60 лѣтъ и вовсе не пользовались фабричными школами. Наоборотъ, внѣшкольный способъ обученія (*самоучкой*) какъ среди грамотныхъ мужчинъ, такъ и среди грамотныхъ женщинъ достигаетъ наивысшаго предѣла среди стариковъ (80% грамотныхъ мужчинъ) и въ пожилыхъ возрастахъ отъ 40 до 60 лѣтъ (до 68% среди мужчинъ и 63% среди женщинъ). Начиная съ возрастной группы 18—40 лѣтъ (44% грамотныхъ мужчинъ и болѣе 35% грамотныхъ женщинъ), чѣмъ моложе работницы, тѣмъ слабѣе значеніе внѣшкольнаго обученія. Обучавшіяся у лицъ духовнаго званія преобладаютъ среди стариковъ и пожилыхъ рабочихъ и работницъ. Въ младшихъ возрастныхъ группахъ они или вовсе отсутствуютъ, или же составляютъ ничтожный процентъ. Что касается сельскихъ (земскихъ) школъ, то значеніе ихъ усиливается обратно пропорціонально возрасту, т.-е. чѣмъ моложе рабочіе, тѣмъ большее ихъ число пользовалось обученіемъ въ земскихъ школахъ. Такъ, малолѣтніе и подростки составляютъ болѣе половины общаго числа грамотныхъ мужчинъ данныхъ возрастовъ, среди взрослыхъ около трети, а пожилыхъ рабочихъ, начиная съ 40 лѣтъ, обучавшихся въ земскихъ школахъ, весьма немного (около 10%). По отношенію къ женщинамъ замѣчается то же самое явленіе, но здѣсь среди малолѣтнихъ и подростковъ сравнительно получаютъ нѣкоторый перевѣсъ фабричныя школы.

Указанныя выше обобщенія статистическихъ данныхъ по двумъ уѣздамъ находятъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ условіяхъ пользованія фабричными школами вообще въ Московской губерніи. До изданія закона о работѣ малолѣтнихъ условія эти были чрезвычайно неблагоприятны для работающихъ на фабрикахъ и заводахъ. Впрочемъ, и впослѣдствіи, какъ показало санитарно-фабричное изслѣдованіе Серпуховскаго уѣзда въ началѣ 1884 года, фабричный законъ, по словамъ д-ра Е. М. Дементьева, насколько онъ касается школьнаго дѣла, еще не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ *). Изъ общаго числа фабричныхъ школъ въ Московской губерніи относительно 16 отмѣчено отсутствіе какихъ-либо льготъ для работавшихъ на фабрикахъ. Малолѣтніе или вовсе были лишены возможности учиться, или же, какъ выразился одинъ изъ фабричныхъ директоровъ въ Богородскомъ уѣздѣ, имъ было «некогда посѣщать школу». Въ пяти школахъ малолѣтніе учились въ свободную, «гулеву», смѣну въ различное время дня, посѣщая школу весьма неаккуратно, какъ придется. Скольнибудь систематическое обученіе существовало только въ трехъ фабричныхъ школахъ, а именно: въ Раменской (изъ числа работающихъ обучалось въ

*) *Санит. иссл. фабр. зав. Серпуховскаго уѣзда*, стр. 46.

1882—1883 гт. 117 мальчиковъ и 103 дѣвочки), въ Богородско-Глуховской (185 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ въ 1881—1882 гт.) и въ Подгорной (17 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ). Между тѣмъ, насколько сильна потребность въ школьномъ образованіи, можно видѣть уже изъ того, что на одной изъ фабрикъ Коломенскаго уѣзда въ 1882—1883 учебномъ году съ прекращеніемъ ночной работы и съ установленіемъ денныхъ восьми-часовыхъ сменъ рабочіе изъ прядильнаго отдѣленія до 20-ти лѣтняго возраста немедленно изъявили желаніе посѣщать школу и съ января 1883 года для нихъ были устроены особые вечерніе классы *). Нельзя также не замѣтить, что на этой фабрикѣ 50 учениковъ, въ томъ числѣ 9 дѣвочекъ, исключительно изъ чеработавшихъ на фабрикѣ дѣтей фабричныхъ, вынуждены были тѣсниться въ низенькой, небольшой комнатѣ высотой въ 3½ аршина, такъ что на каждого учащагося при очень слабой вентиляціи приходилось менѣе трети кубической сажени пространства. Притомъ, половина учениковъ вѣшала свое верхнее платье въ классѣ по недостатку мѣста въ сѣняхъ. На ситце-набивной фабрикѣ Медвѣдовыхъ въ Подольскомъ уѣздѣ преподаваніемъ занимался отставной солдатъ, взимавшій съ учениковъ (30 мальчиковъ) по 50 коп. и по 1 руб. съ каждого, въ общей сложности, на сумму около 25 руб. въ мѣсяць, не считая субсидіи отъ фабричной администраціи по 200 руб. въ годъ.

Положеніе школьно-фабричнаго дѣла въ Московской губерніи еще полнѣе характеризуются данными спеціальнаго изслѣдованія народнаго образованія за 1882—1883 учебный годъ, т.-е. въ срединѣ того періода, когда производились санитарные осмотры промышленныхъ заведеній въ отдѣльных уѣздахъ. Число сельскихъ школъ и учащихся вообще возрастаетъ въ Московской губерніи въ геометрической прогрессіи. Возростаніе числа учащихся обоюго пола въ періодъ 16 лѣтъ (1868—1883 гт.) совершалось постоянно и правильно, причемъ процентъ возрастанія учащихся дѣвочекъ неизмѣнно превосходитъ таковой же процентъ учащихся мальчиковъ **). Сравнительно съ 1867 годомъ, въ теченіе 1868—1883 гт. число разнаго рода школъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое (съ 268 до 554 или на 107%), а число учащихся возросло болѣе, чѣмъ втрое (съ 9½ тысячъ учащихся до 33½ тысячъ или на 254%). Среднее же число учениковъ, приходящееся на каждую школу, возросло за то же время съ 35 до 60 человекъ, такъ что народныя училища въ Московской губерніи стали почти вдвое многолюднѣе, нежели существовавшія въ 1867 году.

Сравнивая общіе итоги по отдѣльнымъ уѣздамъ въ періодъ 1882—1892 гт., можно убѣдиться, что число фабричныхъ школъ остается почти безъ измѣненія, но число учащихся въ иные годы возросло и самыя школы становились многолюднѣе, въ нѣкоторые же года обнаруживалось обратное явленіе. Такъ, въ 9-ти уѣздахъ Московской губерніи въ 27 фаб-

*) *Деметьевъ*: „Санит. изсл. фаб. зав. Коломенск. уѣзда“, 1884 г.

**) *Народ. образ. въ Москов. губ. М.*, 1884 г., стр. 10.

ричныхъ школахъ было 2,625 учащихся или свыше 97 на каждое училище въ 1882—1883 гг., а въ послѣднее время (1890—1891 гг.) въ 29 школахъ обучалось 1,334 дѣтей или, въ среднемъ, всего лишь 46 учащихся на школу. Въ предшествующемъ же учебномъ году въ каждой фабричной школѣ обучалось около 117 дѣтей (въ 30 школахъ 3,305 учащихся обоого пола) и т. д. За послѣдній отчетный годъ (1892 — 1893 г.) положеніе школьно-фабричнаго дѣла еще болѣе ухудшилось.

Колебаніе числа фабричныхъ школъ лишь кажущееся, ибо на одной и той же фабрикѣ одна школа считалась то за одну, то за двѣ, за три, смотря по числу отдѣленій ея для мальчиковъ и дѣвочекъ). Въ дѣйствительности, число школъ на фабрикахъ и заводахъ держалось постоянного предѣла, иногда лишь спускаясь ниже его. Такимъ образомъ, въ пятилѣтіе 1886—1890 гг. въ 29—31 фабричныхъ школахъ обучалось 3,443—3,333 дѣтей обоого пола; наибольшее число 3,584 учащихся въ 31 школѣ въ 1888—1889 учебномъ году и наименьшее 3,333 учащихся въ 29 школахъ за послѣдніе два года, когда не только не было открыто новыхъ школъ при фабрикахъ, но закрыты были даже раньше существовавшія. Въ 1892—1893 г. въ 28 фабричныхъ школахъ обучалось 3,198 человекъ обоого пола (2,302 мальчика и 896 дѣвочекъ). На фабрикахъ чаще всего встрѣчаются *смѣшанныя* школы, т.-е. предназначенныя для дѣтей обоого пола, съ однимъ учителемъ и особымъ законоучителемъ, вслѣдствіе чего они пользуются правомъ выдавать оканчивающимъ курсъ льготныя свидѣтельства для отбыванія воинской повинности. На большинствѣ фабрикъ всѣ начальныя школы одноклассныя и только три училища принадлежатъ къ высшему разряду двухклассныхъ. Преобладающимъ возрастомъ въ фабричныхъ школахъ является группа отъ 9 до 12 лѣтъ, въ земскихъ школахъ группа 8—11 лѣтъ. Помимо указанныхъ группъ, въ тѣхъ и другихъ школахъ обнаруживается рѣзкая убыль по отдѣльнымъ возрастамъ, но вообще въ фабричныхъ школахъ чаще встрѣчается большее число дѣтей старшихъ возрастовъ.

При сопоставленіи данныхъ о распредѣленіи учащихся въ фабричныхъ школахъ по отдѣленіямъ въ 1885—87 гг. и въ 1888—93 гг., обнаруживается рѣзкая разница, а именно: значительное уменьшеніе въ послѣдніе два года процента учащихся младшаго отдѣленія и соотвѣтственно большее увеличеніе числа учениковъ старшаго отдѣленія при весьма маломъ уменьшеніи численности средняго отдѣленія, а также уменьшеніи числа оканчивающихъ курсъ со свидѣтельствомъ*). Особенности въ движеніи учащихся того и другого пола вообще въ значительной степени обуславливаются народными воззрѣніями на неодинаковое значеніе начальнаго образованія для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Всегда дѣвочекъ учится менѣе мальчиковъ, хотя съ теченіемъ времени и совершается замѣтная пережѣла въ этомъ отношеніи. Въ Московской губерніи на выдачу дѣвочкамъ свидѣтельствъ

*) Объясненіе этого существенно-важнаго факта указано въ *Стат. Ежегодн. моск. земства* за 1890 г. (стр. 8 и 9), а причины преждевременнаго оставленія школы до окончанія курса приведены въ *Стат. Ежегодн.* за 1889 (стр. 7).

объ окончаніи курса смотрять иногда въ народѣ, какъ на мѣру не только ни къ чему не нужную, но даже прямо вредную для ихъ будущаго *). Дѣло въ томъ, что, подъ вліяніемъ старыхъ, отживающихъ свой вѣкъ понятій, нѣкоторыми изъ населенія высказываются такого рода опасенія, что «дѣвушка, имѣющей училищный аттестатъ, впоследствии трудно будетъ выходить замужъ, такъ какъ женихи будутъ непременно браковать такую». Возростаніе числа обучающихся дѣвочекъ особенно сильно обнаружилось за 1892—93 учебный годъ и вообще прогрессивно усиливается.

Сравнительно съ другими типами школы, въ періодъ 1882—93 гг. наиболѣе многочисленными являются фабричныя школы и, за исключеніемъ 1884—85 учебного года (130 учащихся на одну школу), среднія числа очень мало мѣняются по отдѣльнымъ годамъ. Среднее число учащихся въ различныхъ школахъ въ указанный періодъ колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ: въ городскихъ—84—100 учащихся, въ земскихъ—60—67 чел., въ церковно-приходскихъ—36—54 учащихся, въ частныхъ—48—55 чел. и въ фабричныхъ—115—130 чел. Въ пятилѣтіе 1886—90 гг. въ этихъ послѣднихъ обнаруживается послѣдовательное уменьшеніе со 118 чел. до 115 чел. на каждую школу въ среднемъ. Постоянство средней объясняется въ земско-статистическихъ отчетахъ двумя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что спросъ на школы идетъ параллельно ихъ предложенію; во-вторыхъ, тѣмъ, что школы, благодаря ежегодному наплыву желающихъ обучаться, являются настолько переполненными, что *не допускаютъ уже дальнѣйшаго болѣе или менѣе значительнаго увеличенія числа учащихся* и тѣмъ самымъ дѣлаютъ среднюю величину болѣе или менѣе постоянною. Въ данномъ случаѣ, понятно, наибольшее значеніе имѣетъ послѣднее объясненіе, въ пользу котораго, между прочимъ, говоритъ ежегодно повторяющійся фактъ отказа значительному количеству желающихъ поступить въ школы—*по недостатку помѣщенія*.

IX.

Составъ учительскаго персонала въ фабричныхъ школахъ весьма мало измѣняется по отдѣльнымъ годамъ. Такъ, мужчины и женщины преподавали въ 1884—88 гг. въ 10—13 школахъ (5—7 уѣздовъ), изъ общаго числа 28—36 фабричныхъ училищъ (въ 6—9 уѣздахъ), одни только мужчины въ 12—19 школахъ (6—8 уѣздовъ), одні только женщины въ 4—6 школахъ (по 2—4 уѣздамъ **). Общее число преподавателей въ 29 фабричныхъ школахъ, по свѣдѣніямъ за 1888—89 годъ, равнялось 72, въ томъ числѣ 41 учитель, 28 учительницъ, 2 помощника и 1 помощница. Численность женскаго персонала значительно уступаетъ мужскому (до 60% учителей и около 40% учительницъ), такъ что три пятыхъ всѣхъ учи-

*) *Стат. Ежегодн.* 1888 г., стр. 8.

**) Относительно невыгоднаго вліянія замѣны учительницъ учителями на распространеніе образованія среди женскаго населенія ср. *Стат. Ежегодн.* 1886 г., стр. 9.

тельскихъ вакансій въ фабричныхъ школахъ Московской губерніи занято учителями.

Въ земско-статистическихъ отчетахъ обращаютъ на себя также вниманіе свѣдѣнія о значеніи различныхъ типовъ школъ по числу учащихся, по средствамъ содержанія и т. д. Такъ, въ 1885—86 году изъ 47 тысячъ обучавшихся въ начальныхъ училищахъ (34 тыс. мальчиковъ и около 13 тыс. дѣвочекъ) на долю фабричныхъ школъ приходилось менѣе $4\frac{1}{2}$ тысячъ учениковъ (3 тыс. мальчиковъ и до $1\frac{1}{2}$ тыс. дѣвочекъ). Процентное число учащихся въ различныхъ разрядахъ школъ достигаетъ 67% въ земскихъ училищахъ, слишкомъ 9% въ городскихъ и фабричныхъ и 4—5% во всѣхъ остальныхъ—частныхъ, министерства народнаго просвѣщенія, церковно-приходскихъ и московскаго воспитательнаго дома. По источникамъ содержанія земскія школы занимаютъ также выдающееся положеніе (около 67% всѣхъ школъ), затѣмъ слѣдуютъ церковно-приходскія (до 10%), а фабричныя училища составляютъ лишь нѣсколько болѣе 4% общаго числа народныхъ училищъ въ Московской губерніи по расходамъ на ихъ содержаніе.

По стоимости содержанія школъ (въ процентахъ въ общему числу) наибольшія затраты несетъ земство (около 47%), на долю фабрикантовъ приходится до 15%, на долю сельскихъ обществъ 10%, а на долю остальныхъ $3\frac{1}{2}$ —9%. Общая сумма расходовъ фабрикантовъ на школьное обученіе, по свѣдѣніямъ 1882—83 учебнаго года, опредѣлялась до 72 тысячъ рублей въ 10 уѣздахъ, а именно: по Богородскому уѣзду около $17\frac{1}{2}$ тыс. руб., по Московскому—свыше $13\frac{1}{2}$ тыс. руб., по Дмитровскому—болѣе $12\frac{1}{2}$ тыс. руб., по Серпуховскому—свыше 6 тыс. руб. и по остальнымъ четыремъ уѣздамъ отъ 1,000 руб. до 2,100 руб. въ каждомъ. Средній расходъ на содержаніе одной фабричной школы по 25 начальнымъ училищамъ достигалъ $2\frac{1}{2}$ тыс. руб. на школу и 23 руб. на одного учащагося, т.-е. больше, чѣмъ вдвое стоимости обученія въ 427 земскихъ школахъ (по 627 руб. на школу и $10\frac{1}{2}$ руб. на 1 учащагося), а по четыремъ 2-хъ класснымъ фабричнымъ училищамъ расходъ составлялъ свыше $2\frac{1}{2}$ тыс. руб. и до 41 руб. на учащагося *). При сравненіи расходовъ мѣстныхъ фабрикантовъ на народное образованіе въ уѣздахъ наиболѣе промышленныхъ оказывается, что *размѣръ затратъ на содержаніе фабричныхъ школъ не находится въ прямой связи съ существующими размѣрами фабричнаго производства.* Такъ, изъ сопоставленія (въ тысячахъ рублей) цѣнности фабричныхъ зданій и машинъ съ расходами фабрикантовъ на школы мы получаемъ слѣдующую картину по отдѣльнымъ уѣздамъ (см. начало стр. 101).

Въ теченіе всего періода 1882—91 гг. наиболѣе дорогими по содержанію всегда оказывались фабричныя школы, не всегда, однако, пропорціонально конечнымъ цѣлямъ распространенія образованія среди рабочаго населенія. Въ то время, какъ обученіе въ общественныхъ начальныхъ

*) Народ. образ. Москов. губ., стр. 159—166.

	Цѣнность фаб- ричныхъ машинъ и машинъ.	Расходъ на фаб- ричныя школы.	Размѣръ проф- пользаемаго школьнаго наго- ра (по наиболь- шему числу ра- бочихъ).	Число школъ. Существу- ющихъ.	Предпола- гаемыхъ.
Богородскій . . .	13,729 тыс	17 тыс.	38 тыс.	6	18
Московскій . . .	14,805 >	14 >	25 >	6	17
Дмитровскій . . .	4,680 >	13 >	15 >	3	5
Бронницкій . . .	2,959 >	10 >	8 >	2	2
Коломенскій . . .	4,508 >	7 >	16 >	2	6
Серпуховской . . .	8,416 >	6 >	22 >	2	10

школахъ (земскихъ, городскихъ и церковно-приходскихъ) изъ года въ годъ обнаруживаетъ прогрессивное удешевленіе въ Московской губерніи, стоимость содержанія школъ, содержимыхъ частными лицами и фабрикантами, все болѣе и болѣе возвышается. Впрочемъ, въ послѣднее время и фабричныя школы стали сокращать свои бюджеты. Такъ, по свѣдѣніямъ за 1887—88 учебный годъ, въ среднемъ, по всей Московской губерніи общая сумма содержанія всѣхъ 740 школъ съ 49,630 учащимися равнялась 562 тыс. рублей, что составляетъ на каждаго учащагося въ 1883 г. 13 руб., а въ 1888 г. менѣе 11½ руб. На содержаніе 486 земскихъ школъ съ 32,261 учащимися израсходовано было въ 1888 году до 315½ тыс. руб., на 26 фабричныхъ школъ съ 3,023 учащимися около 64 тыс. руб.; на 1 учащагося приходилось въ 1883 году по 10½ руб. въ земскихъ школахъ и до 24 руб. въ фабричныхъ, а въ 1888 году менѣе 10 руб. въ земскихъ школахъ и свыше 21 руб. въ фабричныхъ училищахъ *).

Содержаніе земской школы въ 1889—90 учебномъ году, въ среднемъ, обходилось 160 руб. въ годъ, жалованье преподавателя—278 руб., законоучителя—58 руб. (безъ приплаты со стороны губернскаго земства), а на фабричную школу, въ среднемъ, расходовалось 966 руб., не считая жалованья преподавателя и найма помѣщенія. Жалованье преподавателя въ фабричныхъ школахъ составляло, въ среднемъ, 451 руб., законоучителя—238 руб. Интересно самое распредѣленіе средняго расхода по отдѣльнымъ статьямъ (въ рубляхъ):

	Фабрич- ной.	Част- ной.	Город- ской.	Церков- но-при- ходской.	Зем- ской.
Страхованіе и ремонтъ	214	167	68	27	32
Отопленіе.	254	114	96	49	50
Сторожъ и поддержаніе чистоты .	216	97	90	48	43
Учебн. пос. и ремонтъ влас. принад.	282	116	40	40	35
Итого . . .	966	494	294	164	160

*) Стат. Ежегодн. моск. земства 1888 г., стр. 15.

Какъ бы то ни было, нельзя отрицать того, что по результатамъ наблюденія за преподаваніемъ въ фабричныхъ школахъ въ періодъ 14 лѣтъ (1880—93 гг.) школьно-фабричное дѣло въ Московской губерніи обнаруживаетъ нѣкоторое улучшеніе, правда, чрезвычайно медленное и далеко не соответствующее требованіямъ закона въ періодъ 1882—84 годовъ. Въ этомъ отношеніи достаточно лишь припомнить хотя бы свѣдѣнія о восьми фабричныхъ школахъ Московскаго уѣзда въ 1879—80 учебномъ году *). Правда, и теперь для многихъ школъ можно было бы приложить отзывъ экзаменатора относительно Михалковскаго училища: «тѣсно, душно и не особенно опрятно». Почти всѣ фабричныя школы въ Московскомъ уѣздѣ по удобству помѣщенія и по успѣхамъ обученія оказались 14 лѣтъ тому назадъ «ниже земскихъ не только перваго разряда, но и большинства втораго». Въ числѣ существенныхъ недостатковъ осмотрѣнныхъ въ то время школъ въ отзывахъ одного изъ экзаменаторовъ (Н. П. Малинина), далеко не въ историческомъ лишь смыслѣ, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: 1) неумѣнье выразительно читать и особенно произносить стихи; 2) отсутствіе практическихъ письменныхъ работъ, какъ-то: писемъ, росписокъ, счетовъ, просьбъ и т. п.; 3) отсутствіе вообще практическихъ свѣдѣній, которыя бы помогали учащемуся отвѣчать, наприм., хотя бы на такіе вопросы: кто ты, кто у тебя Государь, какой ты вѣры, гдѣ и чему учился и т. д. Условія фабричныхъ школъ (разновременный пріемъ учениковъ, поступающихъ въ теченіе всего года и даже въ маѣ, а также ранній выходъ изъ училища до окончанія курса), по словамъ экзаменаторовъ, «весьма много препятствовали правильной организаціи и успѣшному веденію дѣла».

Въ заключеніе статистическаго обзора фабричныхъ школъ въ Московской губерніи, приведемъ нѣкоторыя данныя изъ докладовъ московской губернской земской управы за 1888—93 учебные года. Какъ видно, въ теченіе трехъ лѣтъ (1886—88 гг.) число учащихся въ фабричныхъ школахъ колебалось въ очень скромныхъ предѣлахъ (съ 3,430 до 3,584 учащихся). Временное увеличеніе числа учащихся въ послѣдніе два года указаннаго періода (въ 6,6 процентовъ, сравнительно съ другими разрядами школъ) объясняется «нѣкоторымъ оживленіемъ фабричнаго производсва, повлекшимъ за собою приливъ рабочихъ на фабрики». Соотношеніе между мальчиками и дѣвочками въ фабричныхъ школахъ оставалось почти безъ измѣненія (72,6—73,8% мальчиковъ и 27,4—26,2% дѣвочекъ). Для мальчиковъ, учащихся въ фабричныхъ школахъ, замѣчается увеличеніе въ 12%, а для дѣвочекъ уменьшеніе въ 7%.

Наибольшее число учениковъ, выбывающихъ до срока во *всѣхъ* школахъ, падаетъ на среднее отдѣленіе. Это объясняется тѣмъ, что въ средѣ крестьянскаго населенія крѣпко еще держится стремленіе «возможно скорѣе воспользоваться подрастающими членами семьи, какъ рабочею силой

*) Докл. моск. уездн. земской управы 1880 г., стр. 44, 62, 66, 72.

такъ или иначе оказывающею дому матеріальную помощь». Едва лишь ученикъ обучится мало-мальски читать и писать, родители въ тѣхъ семьяхъ, которыя по своему экономическому положенію нуждаются въ средствахъ для существованія, спѣшатъ взять такого ученика изъ школы. Отдадутъ его или въ ученье, или на заработки, разсчитывая при этомъ или избавиться отъ лишняго рта въ семьѣ, или же получить такимъ путемъ прямо, хотя бы небольшія, денежные средства для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ *). Такое положеніе дѣль слѣдуетъ признать неизбѣжнымъ при настоящихъ экономическихъ условіяхъ крестьянскаго быта и оно можетъ постепенно быть устранено только съ поднятіемъ общаго уровня благосостоянія крестьянскаго населенія.

По отчету о народномъ образованіи въ Московской губерніи за 1889—90 учебный годъ, затраты на обученіе тѣмъ производительнѣе, чѣмъ болѣе населеніе и учащіеся могутъ пользоваться приобрѣтенною грамотностью для усвоенія различныхъ знаній путемъ чтенія **). Единственнымъ средствомъ для поддержанія грамотности среди обучавшагося населенія, а равно для удовлетворенія его потребности въ расширеніи своего знанія и въ образованіи являются школьныя библіотеки, воскресные классы, чтенія съ туманными картинами и безъ нихъ. Эти же учрежденія представляютъ въ настоящее время единственные пути также и для удовлетворенія *духовныхъ запросовъ* вообще для всего населенія, живущаго изо дня въ день среди напряженнаго, плохо оплачиваемаго труда въ разстѣвающей атмосферѣ фабрики и фабричныхъ поселковъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ не столько важно существованіе или отсутствіе фабричныхъ школъ, сколько правильная организація указанныхъ выше учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

По сообщеніямъ преподавателей за 1888—93 учебные года, наиболѣе богаты школьными библіотеками фабричныя школы, среди которыхъ школы съ библіотеками составляютъ 90%, и въ среднемъ выводѣ на каждую библіотеку приходится по 368 книгъ ***). Изъ числа земскихъ библіотеки устроены при 288 школахъ (58% всѣхъ земскихъ школъ) и на каждую библіотеку приходится 159 книгъ; изъ 38 частныхъ школъ имѣются библіотеки (по 252 книги) только въ половинѣ училищъ. Допуская, что книгами изъ библіотекъ пользуются преимущественно ученики двухъ старшихъ отдѣленій, оказывается, что въ 1889—90 учебномъ году изъ числа учащихся этихъ отдѣленій въ фабричныхъ школахъ книгами могли пользоваться 82%, въ частныхъ школахъ 68% и въ земскихъ 66%. Школьныя библіотеки, по общему отзыву, съ одной стороны, способствуютъ поднятію умственнаго уровня окружающаго населенія, а съ другой — составляютъ прочное звено цѣпи, связующей жизнь этого населенія съ жизнью школы.

*) Докладъ моск. губ. упр. по народн. образов. 1890 г., стр. 43.

**) Стат. Ежегодн. москов. земства 1890 г., стр. 21.

***) Похъ школьною библіотекой принято разумѣть такое собраніе книгъ для чтенія, помимо учебниковъ, въ которомъ имѣется не менѣе 30 экземпляровъ (*Народн. образ. Москов. губ.*, стр. 141).

Значеніе это является еще большимъ, если обратить вниманіе на то, что, какъ видно изъ наблюденій преподавателей, книгами изъ школьныхъ библиотекъ пользуются не только учащіеся, но и все вообще грамотное населеніе.

Х.

Воскресныя чтенія стали возникать въ Московской губерніи не раньше 1887—88 учебнаго года, когда они открылись при 6 фабричныхъ школахъ, да и въ послѣдніе четыре года (1890—93 гг.) такія чтенія были только въ 10—11 школахъ. Впрочемъ, и въ другихъ разрядахъ школъ это полезное развлеченіе не пользуется вообще большимъ распространеніемъ. Такъ, по свѣдѣніямъ за 1890—91 учебный годъ, эти чтенія происходили въ 72 земскихъ школахъ (въ томъ числѣ 8 безъ туманныхъ картинъ), въ 11 фабричныхъ (всѣ съ показываніемъ картинъ) и въ 5 частныхъ школахъ. Чаще всего чтенія бывають лишь въ Московскомъ уѣздѣ (60 земскихъ школъ, 6 фабричныхъ и 2 частныхъ). Въ остальныхъ уѣздахъ они составляютъ единичныя явленія въ земскихъ школахъ по 4 уѣздамъ, въ фабричныхъ—по 3 уѣздамъ (три школы въ Богородскомъ уѣздѣ и по одной школѣ въ Бронницкомъ и Коломенскомъ уѣздахъ) и, наконецъ, въ частныхъ школахъ только въ трехъ уѣздахъ. Какъ въ фабричныхъ, такъ и въ земскихъ школахъ выборъ предмета для чтеній является весьма ограниченнымъ. Такъ, напримѣръ, въ распоряженіи московской уѣздной земской управы имѣлось только 849 картинъ, изъ которыхъ 327 иллюстрируютъ священную исторію, житія святыхъ и т. п., 292—главнѣйшіе моменты исторіи русской, 201—произведенія лучшихъ русскихъ писателей и назидательные рассказы и, наконецъ, 29 картинъ, по ихъ содержанію, относятся къ географическимъ. Изъ доклада уѣздной управы видно, что дѣло веденія чтенія въ Московскомъ уѣздѣ поручено заботливости законоучителей, отъ которыхъ зависитъ какъ выборъ предметовъ для чтеній, такъ и назначеніе времени или числа чтеній. Вообще, чтенія духовно-нравственнаго характера ведутся въ Московскомъ уѣздѣ самими законоучителями, чтенія же научнаго или беллетристическаго содержанія—учителями или учительницами, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ законоучителей *).

Въ Московской губерніи вовсе не существуетъ систематической организаціи народныхъ чтеній, къ которымъ мѣстное населеніе относится съ замѣчательнымъ сочувствіемъ. Такъ, въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ это дѣло наиболѣе развито, въ среднемъ изъ 328 чтеній въ 1890—91 году присутствовало 173 чел., въ томъ числѣ болѣе 90 взрослыхъ (49 мужч. и 42 женщины). Желających, конечно, явилось бы несравненно больше, если бы не тѣснота классныхъ помѣщеній, предназначенныхъ не болѣе, какъ на 60—100 человекъ. Не мудрено, что, по словамъ учительницы одной изъ

*) *Статистическій Ежегодникъ* 1891 г., стр. 20.

школъ, все помѣщеніе школы во время чтеній бывало биткомъ набито, такъ что «недоставало воздуху дышать». Особенность фабричныхъ школъ, въ которыхъ происходили чтенія (по 4 школамъ всего лишь 42 чтенія за весь годъ), заключается въ томъ, что онѣ привлекаютъ еще большее число слушателей. Число послѣднихъ, въ среднемъ, доходило до 315 чел. на каждое чтеніе, отчасти, быть можетъ, благодаря болѣе просторнымъ помѣщеніямъ, которыми представляется возможность пользоваться на фабрикахъ при отсутствіи работъ. Сходныя указанія мы встрѣчаемъ и въ отчетѣ за 1892—93 учебный годъ.

Школьное обученіе въ фабричныхъ школахъ, судя по земскимъ даннымъ, изрѣдка лишь дополняется преподаваніемъ учащимся пѣнія, рисованія, ремеслъ, рукодѣлій, садоводства и огородничества. Именно, въ періодъ 1884—91 гг., въ среднемъ выводѣ за семь лѣтъ, пѣніе преподавалось только въ 19 фабричныхъ школахъ (отъ 17 до 21 школы), рисованіе въ 8 школахъ (отъ 7 до 9), ремесла менѣе чѣмъ въ 2 школахъ (отъ 1 до 3 за всѣ 7 лѣтъ), рукодѣліе въ 10 школахъ (8—11 школъ). Садоводство и огородничество для фабричныхъ школъ признаются совсѣмъ лишними занятіями и встрѣчаются только въ одномъ училищѣ. Наибольшую популярностью пользуется преподаваніе пѣнія, а въ послѣдній годъ и оно становится рѣже (только въ 17 школахъ изъ 29 фабричныхъ училищъ) и отчасти рукодѣліе, а рисованіе преподается только въ 7—9 школахъ.

По результатамъ санитарно-промышленныхъ изслѣдованій, учебно-вспомогательныя учрежденія встрѣчались еще рѣже, чѣмъ по учебнымъ отчетамъ за послѣднее время. Такъ, изъ 22 фабричныхъ школъ оказалось всего лишь 9 библиотекъ, а воскресныя чтенія и вечерніе классы для рабочихъ существовали *только на четырехъ фабрикахъ* изъ 1,080 осматрѣнныхъ заведеній, да и то лишь со времени изданія закона 1882 года о работѣ малолѣтнихъ. По заявленію нѣкоторыхъ фабрикантовъ, подобнаго рода новшества встрѣчали, будто бы, противодѣйствіе со стороны инспекціи народныхъ училищъ и мѣстной полицейской администраціи, какъ это отмѣчено для одной крупной фабрики въ Богородскомъ уѣздѣ и для громадной мануфактуры въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Преподаваніе пѣнія, рисованія, рукодѣлія и ремеслъ также представляло случайное явленіе (въ пяти фабричныхъ школахъ), обученіе же гимнастикѣ всюду безусловно отсутствуетъ.

Тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ подробности въ устройствѣ школьно-вспомогательныхъ учрежденій на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ. Дѣйствительно, отсутствіе этихъ учрежденій лучше всего подтверждаетъ мнѣніе, для всей Россіи справедливое, что до сихъ поръ никто не заботится доставить рабочему люду много развлеченія, кромѣ кабацкаго «клуба» и притоновъ разврата. На бумагопрядильной и ситценабивной фабрикѣ Третьяковыхъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, изслѣдованной въ 1884 году д-ромъ Дементьевымъ, кромѣ правильнаго четырехлѣтняго курса ученія по программѣ двукласснаго училища въ хорошо устроенной школѣ, велись всѣми преподавателями еще воскресныя чтенія съ 9 до 11½ часовъ

утра для взрослых, которыхъ являлось обыкновенно около 100 — 120 человекъ. Затѣмъ съ 11½ часовъ священникъ велъ чтенія духовнаго содержанія, примѣнительно къ евангелію дня, причѣмъ на эти чтенія собирались и всѣ учащіеся въ школъ. Въ 1883 — 84 учебномъ году на воскресныя чтенія записалось до 200 человекъ, въ томъ числѣ болѣе 18% въ возрастѣ старше 20 лѣтъ, остальные подростки — внѣшкольнаго возраста. Кромѣ того, изъ числа 24 кончившихъ курсъ въ школъ 15 человекъ по собственной охотѣ продолжали по воскресеньямъ занятія по ариѳметикѣ (дроби) и по исторіи. При фабричной школъ имѣлась небольшая библіотека, которою пользовались всѣ учащіеся и болѣе 130 взрослыхъ рабочихъ. Наконецъ, на деньги, собранныя съ любительскаго спектакля и на пожертвованія одного изъ владѣльцевъ фабрики, К. В. Третьякова, всего на сумму 500 рублей, была основана въ 1881 году читальня, которая и поддерживалась съ тѣхъ поръ членскими взносами въ размѣрѣ 5 рублей въ годъ *).

Понятно, что членами состояло въ 1884 году только около 20 служащихъ на фабрикѣ, а изъ среды рабочихъ не нашлось лицъ, которымъ было бы подъ силу платить столь большую сумму за удовлетвореніе своихъ духовныхъ запросовъ, перебиваясь тѣсно изо дня въ день «съ хлѣба на квась».

Наоборотъ, на бумагопрядильной и ткацкой мануфактурѣ Н. Н. Коштина, въ томъ же уѣздѣ, школьная библіотека оказалась «крайне скудна» и состояла преимущественно изъ нумеровъ журналовъ *Учитель* и *Семейные Вечера*. При школъ, кромѣ законоучителя и учителя общихъ предметовъ, находились учитель рисованія и чистописанія, а также учитель переплетнаго мастерства и руководящая наставница. На бумагопрядильной Реутовской мануфактурѣ въ Московскомъ уѣздѣ (въ 1880 году) для желающихъ (безъ различія возраста и пола) были устроены воскресныя объясненія преимущественно Закона Божія **). Далѣе, къ числу немногихъ исключеній изъ общаго правила принадлежатъ Раменская мануфактура Малютинныхъ, въ Бронницкомъ уѣздѣ, изслѣдованная д-ромъ Дементьевымъ въ 1884 году. Сначала фабричная школа, основанная по предложенію извѣстнаго дѣятеля на пользу рабочихъ, покойнаго проф. Ѳ. М. Дмитріева, помѣщалась въ зданіи фабрики и преподаваніемъ въ ней (по ланкастерскому способу обученія) занимались по часу для каждой смѣны малолѣтнихъ самъ директоръ, его помощники и служащіе при фабрикѣ. Въ 1868 году были приглашены особые учителя, а черезъ два года было построено особое обширное зданіе, къ которому въ 1871 году была пристроена большая зала для чтеній съ двумя ярусами хоръ съ трехъ сторонъ, могущая вмѣщать до 900 слушателей. Эта зала выстроена была спеціально для устройства спектаклей, которые, однако, не были разрѣшены властями. Соотвѣтственно означенной цѣли сдѣлано возвышеніе для сцены — полъ, постепенно возвышающійся, и т. д.

*) *Дементьевъ*: „Санитарное изслѣд. Серпух. уѣзда“, стр. 336.

***) *Эрисманъ*: „Санитарное изслѣдованіе фабричн. заведеній Московск. уѣзда“. Ч. 3-я, стр. 128.

Чтенія, возникшія въ 1871 году и послѣ перерыва возобновившіяся только въ 1883 году, происходятъ по воскресеньямъ, а иногда и по другимъ праздникамъ. Обыкновенно выдается по 700 билетовъ, иногда и до 900, но тогда бываетъ уже тѣсно. Школьная библиотека состоитъ изъ 3 тысячъ томовъ или названій (нѣкоторыя книги въ двойныхъ экземплярахъ); историческія книги и историческіе романы, по заявленію бібліотекаря, берутъ на-расхватъ и наиболѣе любятъ.

Сгруппированныя въ нашемъ обзорѣ данныя непосредственно подтверждаютъ заключеніе перваго профессионально-техническаго съѣзда въ Россіи, что необходимо вмѣнить въ обязанность фабрикантамъ устройство школъ при фабрикахъ и заводахъ, по числу малолѣтнихъ, съ установленіемъ опредѣленнаго налога со всѣхъ предпринимателей, имѣющихъ по 500 и болѣе рабочихъ. Существующая постановка школьно-фабричнаго дѣла въ Россіи, по официальнымъ даннымъ, а также по указаніямъ общихъ и частныхъ статистическихъ изслѣдованій, безусловно не соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ фабричнаго населенія. Дѣйствующія нынѣ фабричныя узаконенія нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи и дополненіи, причѣмъ должны быть опредѣлены порядокъ школьнаго обученія и обязательность дополнительнаго устройства учебно-образовательныхъ учреждений.

Крупныя затраты отдѣльныхъ предпринимателей по устройству и содержанию фабричныхъ школъ далеко не всегда могутъ быть признаны производительными съ общей и профессионально-технической точки зрѣнія. Масса русскихъ фабрикантовъ, имѣющихъ по 500 и болѣе рабочихъ, остается совершенно безучастною къ безсознательному стремленію самихъ рабочихъ приобрести даже простое знаніе грамоты, котораго они жадно добиваются самыми разнообразными путями.

По общему и единоголосному признанію, фабричный законъ 1882 года не оправдалъ возлагавшихся на него въ этомъ отношеніи надеждъ. Начиная съ 1868 года, когда земскія учрежденія стали принимать формальное и болѣе дѣятельное участіе въ заботахъ о народномъ образованіи, школьное дѣло всюду росло и развивалось. Наличныя же средства для распространенія грамотности и общаго образованія среди мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, начиная съ конца 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, обнаруживаютъ весьма слабую наклонность къ дальнѣйшему развитію и къ желательнымъ улучшеніямъ.

Сверхъ того, на ряду съ увеличеніемъ числа фабричныхъ школъ и съ обязательнымъ всеобщимъ обученіемъ необходимо болѣе широкое распространеніе общихъ и популярно-научныхъ бесѣдъ съ волшебнымъ фонаремъ и туманными картинами, устройство школьныхъ библиотекъ, фабричныхъ читаленъ, организація воскресныхъ и вечернихъ классовъ, профессионально-техническихъ школъ и дополнительныхъ курсовъ (Fortbildungschule). Надежными средствами для противодѣйствія пагубному вліянію фабричной культуры могутъ служить народный театръ и систематическое изданіе печатныхъ брошюръ для чтенія, приоровленныхъ къ кругу понятій и инте-

ресовъ разнообразныхъ слоевъ фабричнаго населенія. Современная практика самыми очевидными примѣрами подтвердила безусловную справедливость соображеній, высказанныхъ въ докладѣ департамента мануфактуръ и внутренней торговли министру финансовъ графу Канкрину отъ 3 ноября 1824 года, что «послѣ множества опытовъ, наконецъ, удостовѣрились, что просвѣщеніе есть хотя и не самое быстрое, но за то самое надежное средство къ усовершенствованію промышленности». Въ настоящее же время, спустя *семьдесятъ лѣтъ* послѣ оффиціальнаго признанія такого положенія, невозможно медлить его законодательнымъ проведеніемъ въ жизнь, ибо ядъ фабричной деморализаціи несравненно опаснѣе даже сифилитической заразы. Единственнымъ противоядіемъ въ данномъ случаѣ является возможно скорое удовлетвореніе школьно-фабричныхъ нуждъ Россіи и самое широкое, чуждое какихъ-либо опасеній, развитіе духовно-просвѣтительныхъ учрежденій, на подобіе англійскихъ «глубовъ» для рабочихъ и германскихъ фабрично-заводскихъ «ферейновъ», энергично поддерживаемыхъ самими предпринимателями и государственною властью.

А. Погожевъ.

Что такое новый романъ г. Боборыкина?

(Критическій этюдъ).

I.

Мнѣ хочется начать свою статью о новомъ романѣ г. Боборыкина разсмотрѣніемъ одного эстетическаго недоразумѣнія, весьма распространеннаго у насъ. Недоразумѣніе это началось съ той поры, когда одинъ изъ выдающихся русскихъ критиковъ 60-хъ годовъ подмѣтилъ въ Тургеневѣ способность улавливать въ нашей интеллигенціи новыя теченія и направленія. Спѣшу оговориться: хотя недоразумѣніе, о которомъ я буду говорить, началось съ этого момента, но виновать въ немъ не критикъ, открывшій въ Тургеневѣ вышеупомянутое свойство, а нѣкоторые второстепенные романисты и отчасти второстепенные рецензенты, сдѣлавшіе изъ этой способности Тургенева альфу и омегу достоинства литературно-художественныхъ произведеній. Въ этомъ-то собственно и состояло недоразумѣніе. Мнѣ кажется совершенно очевиднымъ, что самъ Тургеневъ не могъ стремиться *только* къ ампау «ловца моментовъ». Такой крупный художникъ не могъ ограничиться ролью отиѣтчика текущихъ мгновеній, т.-е. сводить всѣ свои литературно-художественныя задачи къ талантливому фельетону. У крупныхъ художниковъ цѣли и задачи всегда значительно шире и глубже: они стремятся создавать «типы», живущіе не мимолетныя мгновенія, а цѣлыя столѣтія; они помогаютъ намъ (глубиной захвата этихъ типовъ) понимать причины и условія, создающія ихъ,—психологическія, историческія, социологическія и т. д. Это не мѣшаетъ имъ съ замѣчательною чуткостью улавливать и типы даннаго мгновенія, какъ было у Тургенева. Но въ силу того, что не одно это составляло ихъ цѣль, мы ясно *понимаемъ* данную эпоху не только съ ея внѣшней стороны, но и въ ея внутреннихъ психическихъ мотивахъ, въ ея отдаленныхъ и ближайшихъ условіяхъ.

Возьмемъ для примѣра гончаровскаго *Обломова*. Авторъ несомнѣнно рисовалъ намъ въ немъ одинъ изъ господствующихъ типовъ эпохи, но если бы *только это* было цѣлью Гончарова, то Добролюбовъ не могъ бы

написать своего знаменитаго втюда: *Что такое Обломовщина*, и слово «Обломовъ» не стало бы нарицательнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вы видите всѣ важнѣйшія условія, создавшія въ русской жизни этотъ типъ людей, которымъ «суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано». Передъ вами и крѣпостное право, съ его обезволивающей обстановкой, и эти старые слуги, Захары, бывшіе няньками своихъ господъ. Вы видите, какъ усердіе этихъ преданныхъ нянекъ уничтожило въ баринѣ всякую самодѣятельность, расслабляло и душу, и тѣло. Вы видите и противоположность этого типа—пѣмца Штольца, котораго, наоборотъ, отецъ заставлялъ съ ранней юности работать и жить самостоятельно...

Однимъ словомъ, художникъ ставилъ себѣ цѣлью захватить явленіе какъ можно глубже, и вы, дѣйствительно, имѣете нѣчто «вѣчное», хотя, въ то же время, рисуящее данный моментъ, эпоху. Обломовъ становится нарицательнымъ именемъ двойнѣ,—и какъ представитель эпохи крѣпостного воспитанія, и какъ болѣе широкій, общечеловѣческій типъ парализованной самодѣятельности, безволія. Это—Гамлетъ, но только русскій Гамлетъ, съ типичными русскими чертами, и, притомъ, чертами извѣстной эпохи.

На шекспировскомъ Гамлетѣ мы видимъ другой обращикъ подобнаго же объединенія въ искусствѣ двухъ стремленій: уловить характерныя черты своего времени *) и придать имъ такую глубину, что онѣ остаются понятными въ теченіе многихъ вѣковъ. Шекспиръ достигаетъ этого иными приемами, чѣмъ Гончаровъ: мы не знаемъ ничего о воспитаніи Гамлета, о тѣхъ временныхъ и мѣстныхъ условіяхъ, которыя могли образовать такой типъ, но за то намъ даны всѣ тончайшіе душевные изгибы такихъ характеровъ, вся ихъ психологія, ихъ двойственная логика, ихъ внутренняя борьба и мучительныя сомнѣнія. И вотъ почему съ Гамлетомъ мы знакомы больше, чѣмъ съ своимъ ближайшимъ другомъ или братомъ, съ которыми прожили вмѣстѣ всю жизнь.

Таковы же были, конечно, и стремленія Тургенева, иначе онъ не былъ бы великимъ художникомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы Тургеневъ ставилъ свою *единственную* цѣлью—только «уловленіе моментовъ», т.-е. скватываніе новыхъ людей, направленій, переломовъ и «переваловъ», то не могло бы случиться, что имена большинства его героевъ и героинь сдѣлались нарицательными, не сходящими и до сихъ поръ съ нашихъ устъ. Развѣ Рудинъ не остается и теперь типомъ могучей умственной и моральной энергіи, попавшей въ среду безпредѣльнаго застоя и неподвижности? Развѣ Шубинъ и теперь не является тонкимъ образцомъ художественной натуры, съ ея безконечною подвижностью, впечатлительностью, измѣчивостью? И таковы почти всѣ выдающіяся лица произведеній Тургенева. Но еслибъ онъ ставилъ себѣ един-

*) Нужно ли говорить о многочисленныхъ комментаріяхъ, доказывающихъ, что Шекспиръ почти въ каждой своей драмѣ имѣлъ въ виду явленія современнаго ему?

ственной цѣлью «ловить моментъ», его произведенія были бы «моментальными», которыя, какъ фельетонъ, съ большимъ интересомъ читаются сегодня и навсегда забываются завтра. Такимъ образомъ, вполне ясно то недоразумѣнiе, о которомъ я началъ говорить: видя въ Тургеневѣ способность ловить моментъ, многіе сдѣлали ее основнымъ закономъ и почти единственною цѣлью художественныхъ произведеній вообще.

Психологически, это вполне понятно, особенно у романистовъ: легко себѣ представить, какъ ихъ должна соблазнять мечта занять вакантное кресло великаго романиста. Но мы видѣли, что тутъ есть недоразумѣнiе, и оно печально тѣмъ, что, быть можетъ, именно ему обязаны нѣкоторые изъ нашихъ романистовъ крайнею фельетонностью, мимолетностью своихъ произведеній.

Въ числѣ жертвъ такого недоразумѣнiя на первомъ мѣстѣ стоитъ, несомнѣнно, П. Д. Боборыкинъ. Онъ обладаетъ безспорнымъ недюжиннымъ талантомъ, но, благодаря своей ошибочной точкѣ зрѣнiя на задачи искусства, благодаря своему стремленію только ловить моментъ, онъ самому себѣ подрѣзываетъ крылья, дѣлаетъ свои произведенія крайне эфемерными, не переживающими книжки журнала, въ которой они печатаются.

Я постараюсь доказать дальше, что причина этой эфемерности лежитъ въ самой задачѣ, которую ставитъ себѣ нашъ опытный и талантливый романистъ.

Разумѣется, я не могу сказать съ тою же увѣренностью, что г. Боборыкинъ могъ бы выполнить и болѣе широкую задачу. Но я не вижу оснований сомнѣваться въ этомъ, разъ будетъ доказано, что поверхностность, напримѣръ, его новаго романа прямо связана съ его взглядами на задачи романиста.

II.

Г. Боборыкинъ желалъ, какъ показываетъ и самое заглавіе новаго романа, изобразить намъ то переходное состоянiе, «переваль», въ какомъ, по его мнѣнiю, обрѣтается теперь русская интеллигенція.

Внимательный анализъ содержанія романа указываетъ на то, въ чемъ именно, по мнѣнiю автора, состоитъ этотъ «переваль». Всѣ его главные «персонажи», въ первыхъ главахъ, охвачены чѣмъ-то вродѣ простраціи, заставляющей ихъ временно отказаться отъ своихъ прежнихъ идеаловъ и стремленій. Но мало-по-малу это состоянiе становится невыносимымъ для нихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ, и всѣ они кончаютъ тѣмъ, что возвращаются къ своимъ былымъ стремленіямъ, хотя и въ иномъ видѣ, соотвѣтствующемъ, по всей вѣроятности, новымъ обстоятельствамъ.

Таковъ Лыжинъ, который передъ нами переживаетъ эту стадію простраціи, а затѣмъ, подъ вліяніемъ различныхъ столкновеній съ жизнью и общаго порыва интеллигенціи, во время голода, ѣдетъ въ деревню устранивать народныя столовыя. Тотъ же процессъ совершился съ Липой Угловой: эта

особа была когда-то изъ «идейныхъ», но потомъ попала на сцену и въ любовницы къ великосвѣтскому офицеру. Какъ въ ней совершилась эта метаморфоза—авторъ не сообщаетъ. За то мы видимъ, какъ произошла метаморфоза обратная: Липа потерпѣла неудачу на сценѣ, а ея великосвѣтскій любовникъ показалъ, что третируетъ ее почти какъ камелію. Она отравляется, но ее спасаютъ отъ смерти, и послѣ-то этого совершается «переваль» къ старымъ симпатіямъ, кончающійся бракомъ съ нѣкіемъ «амбарнымъ Сократомъ», какъ называетъ авторъ второго изъ своихъ героев. Займемся теперь имъ.

Паденіе этого «Сократа» началось также неизвѣстно когда и неизвѣстно какъ. Состояло же оно въ томъ, что ученой карьерѣ герой предпочелъ службу у купца-милліонера Кумачева. При этомъ онъ подкрѣпляетъ себя узко-эгоистическою философіей Ницше, хотя она припутана тутъ больше «для моды», такъ какъ, кромѣ болтовни, пересыпанной парадоксами, ни въ чему его не приводитъ. Живетъ онъ и «поступаетъ» какъ ему Богъ на душу положитъ. Наприм., встрѣча съ красивою пѣвицей Угловой рождаетъ въ немъ сразу страстную любовь, заставляетъ его совершить нѣчто вродѣ «подвига», т.-е. съ револьверомъ въ рукахъ отнять у вліятельнаго шантажиста какіе-то документы, компрометирующіе любимую женщину. Послѣ этого, возмущенный поступкомъ Кумачевой противъ Липы, онъ отказывается служить у Кумачева, женится на Липѣ и тоже устраиваетъ гдѣ-то народныя столовыя.

Наконецъ, въ романѣ есть ученая дама, Авридина, специалистка по археологіи; она измѣняетъ и наукѣ, и своимъ взглядамъ, и общественнымъ идеаламъ тѣмъ, что влюбляется въ предводителя дворянства новѣйшаго образца, съ опредѣленно выраженными дворянскими и народническими тенденціями. Ея дальнѣйшій поворотъ къ старому выражается въ томъ, что, оскорбленная недостаточно страстнымъ матримоніальнымъ предложеніемъ своего предводителя, она рѣшается прекратить съ нимъ всякія сношенія и тоже ѣдетъ устраивать столовыя среди голодающихъ. Здѣсь она почти преднамѣренно заболѣваетъ какимъ-то тифомъ и умираетъ. Наконецъ, есть и еще барыня, нѣкая Ида, влюбившаяся въ Парижѣ въ великосвѣтскаго кутялу, отъ котораго она скоро сбѣжала, заперлась въ деревнѣ и здѣсь занялась устройствомъ школы, а, быть можетъ, и столовыхъ тоже.

Вотъ и всѣ лица, испытавшія какой-нибудь «переваль». Остальные остаются вѣрными самимъ себѣ, наприм., англизированный купецъ-милліонеръ Кумачевъ, его жена, бывшая княжна изъ обѣднѣвшихъ, дядя этой княжны, старый убѣжденный гегеміанецъ, подарившій свою землю крестьянамъ; таковы же его сверстники, профессора университета и, наконецъ, молодой Воденягинъ изъ «идейныхъ» людей предшествующаго десятилѣтія.

И такъ, чтобы подробнѣе изучить «переваль», намъ придется остановиться лишь на лицахъ, упомянутыхъ раньше, т.-е., повидимому, черезъ что-то «перевалившихъ».

III.

Главнымъ представителемъ «перевала» авторъ, конечно, считаетъ своего героя Лыжина. Это доказывается не только количествомъ страницъ, отведенныхъ ему, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Лыжинъ—единственное лицо въ романѣ, о которомъ мы узнали не только въ его настоящемъ, но и въ прошедшемъ. О прежней жизни остальныхъ лицъ мы ничего не знаемъ. Между тѣмъ, нельзя характеризовать какой-нибудь «перевалъ», не сообщая, по меньшей мѣрѣ, двухъ его моментовъ (изъ трехъ существующихъ въ каждомъ перевалѣ, а именно: подъемъ, вершина и спускъ). Каждый общественный перевалъ нуждается для своей характеристики въ томъ, чтобы было опредѣлено, чѣмъ жило общество или представители перевала *до него*. Затѣмъ: чѣмъ они живутъ въ данный моментъ, въ моментъ самаго перевала. Третій моментъ есть уже будущее, которое авторъ имѣетъ право только намѣтить. Но два первыхъ момента, понятное дѣло, должны быть точно обрисованы. И вотъ мы узнаемъ ихъ только у одного Лыжина.

Въ прошедшемъ онъ, по словамъ автора, бросался изъ кружка въ кружокъ, съ болѣе или менѣе «передовыми» направлениями: былъ онъ и у радикаловъ, былъ и у толстовцевъ, но всюду вончалъ разочарованіемъ. Высшимъ пунктомъ перевала является состояніе полной разочарованности въ стремленіяхъ прошлаго, незнаніе, куда себя пристроить, апатія и,—какъ это ни странно,—рѣшеніе продать свое родовое имѣніе.

Трудно понять, почему авторъ придаетъ этой продажѣ какое-то значеніе, характеризующее «перевалъ». Можно подумать, что прежніе идеалы Лыжина (радикальные и толстовскіе) требовали отъ него удержанія за собой земельной собственности, а разочарованіе въ этихъ идеалахъ, наоборотъ, соединено съ отрицаніемъ недвижимой собственности и признаніемъ одной движимой, заключающейся въ наличномъ капиталѣ. Впрочемъ, такихъ несообразностей въ романѣ не мало, какъ увидимъ дальше, и причина ихъ, кажется, въ томъ, что авторъ рисуетъ не типы, а портреты, т.-е. индивидуальныя случайности. Иначе трудно объяснить подобныя *qui pro quo*. Но г. Боборыкину и тутъ хочется подчеркнуть что-то «современное», хотя каждому очевидно, что имѣнія всегда продавались и продаются, и «перевалъ» тутъ ровно не причемъ.

Третьимъ моментомъ въ «тріадѣ», переживаемой Лыжинымъ, слѣдуетъ считать, вѣроятно, принятіе имъ у милліонера Кумачева должности инспектора его фабрикъ. А, быть можетъ, тутъ все еще продолжается вершина «перевала», а «спускъ» начинается съ того момента, когда Лыжинъ разочаровался и въ этой (легальной) дѣятельности на пользу рабочихъ, разойдясь въ убѣжденіяхъ съ патрономъ, и пошелъ въ деревню устраивать столовые для голодающаго народа.

Авторъ, повидимому, хочетъ сказать фигурой Лыжина, что прежнее броженіе русской интеллигенціи (съ характеромъ болѣе или менѣе идеальнымъ и крайнимъ), пройдя черезъ періодъ разочарованія, закончилось стремле-

нїемъ—примѣнить идеалы своего прошлаго на *легалной* почвѣ (фабричная инспекція, народныя столовыя).

Едва ли кто-нибудь станеть отрицать, что такое стремленіе существуетъ въ наше время, но вопросъ въ томъ, настолько ли оно широко, чтобъ отличать наше время отъ всякаго другого, т.-е. не было ли этого стремленія всегда въ извѣстной группѣ людей и преимущественно, разумѣется, въ группѣ людей, уставшихъ отъ прошлыхъ безплодныхъ попытокъ исцаній и метаній изъ стороны въ сторону, какъ у Лыжина?

Явленіе это было бы лишь въ томъ случаѣ типичнымъ для нашего времени, еслибъ изъ частнаго направленія («легалистовъ», «постепеновцевъ» и т. д.) оно сдѣлалось бы явленіемъ болѣе общимъ и широкимъ. Но герой г. Боборыкина такъ ничтоженъ, т.-е. представляетъ собою такую безформенную неопредѣленность стремленій и идей, что едва ли годится для характеристики какихъ бы то ни было «переломовъ» и «переваловъ». Только по его громкимъ фразамъ, да по вставкамъ автора «отъ себя» мы можемъ догадаться о роли «представителя перевала», которую ему назначилъ г. Боборыкинъ. Поведеніе же Лыжина даетъ намъ просто фигуру платоническаго дамскаго адъютанта или наперсника разныхъ, тоскующихъ отъ любви, «интеллигентокъ», каковою ролью герой и удовлетворяется болѣе или менѣе въ теченіе всего романа.

Даже въ выборѣ этого наперстничества Лыжинъ совершенно безличенъ: то ему повѣряетъ свою скорбь дама, прогорѣвшая на любви къ бонвивану, повстрѣчавшемуся ей въ Парижѣ, то онъ отдаетъ свои заботы ученой дамѣ, влюбившейся въ предводителя дворянства «новой формациі», то неудавшейся актрисѣ Липѣ Угловой, бывшей «радикалкѣ», влюбленной въ великосвѣтскаго барона. Мало этого, Лыжинъ чуть-чуть не дѣлается наперсничкомъ купчихи Бумачевой (родомъ изъ аристократокъ), влюбленной въ того же барона и представляющей персону уже совсѣмъ грязную.

Быть можетъ, этимъ разноцвѣтнымъ, разношерстнымъ наперстничествомъ авторъ хотѣлъ обрисовать положеніе интеллигента, оставшагося «не у дѣлъ», которому только и остается, въ извѣстной средѣ, что роль «дамскаго адъютанта» и сочувственника?

Но едва ли и это составляетъ особенность нашего времени. Да, кромѣ того, герой и послѣ перевала остается въ той же роли.

Не менѣе странно считать «переваломъ» переходъ Лыжина отъ благодѣяній народу въ качествѣ частнаго фабричнаго инспектора къ благодѣяніямъ въ качествѣ устроителя столовыхъ для голодающихъ крестьянъ.

Перевалъ могъ бы быть тутъ только въ томъ случаѣ, если бы дѣятельность перваго рода различалась существенно, *по принципу*, отъ дѣятельности втораго рода.

Наконецъ, я не вижу перевала даже въ томъ, что человекъ отъ идей толстовства перешель къ дѣятельности въ народныхъ столовыхъ,—вѣдь, самъ Толстой былъ весьма дѣятельнымъ ихъ устроителемъ.

И такъ, единственный герой романа, — прошедшій, какъ я сказалъ,

всѣ стадіи мнимаго перевала,—въ сущности, не совершаетъ его, а какъ былъ, такъ и остается человѣкомъ, не знающимъ, куда ему броситься отъ скуки. Онъ пристаеетъ всюду, гдѣ видитъ собравшуюся кучку, и также быстро уходитъ. Если бы авторъ показалъ намъ, что эти шатанія зависятъ отъ особой глубины г. Лыжина, не удовлетворяющагося работой, увлекающей другихъ, то къ его «переваламъ» стоило бы отнестись серьезнѣе. Но ни на какую глубину натуры и даже просто ни на какую «натуру» въ романѣ нѣтъ указаній. Лыжинъ представляется безцѣльнымъ «шатуномъ», которому просто веселѣе и пріятнѣе утѣшать своихъ «сомнительныхъ» дамъ, чѣмъ, напримѣръ, заняться хотя бы работой толстовцевъ по издавію народныхъ книжекъ. Если идеалы этихъ послѣднихъ не удовлетворяли Лыжина, то переходъ отъ нихъ къ роли дамскаго адъютанта еще менѣе долженъ бы былъ его удовлетворить. Но этого не видно изъ романа г. Боборыкина.

Еслибы авторъ имѣлъ въ виду просто дать намъ типъ російскаго «шатуна», мы могли бы только сказать ему спасибо. Типъ такихъ людей былъ всегда распространенъ въ Россіи, и разработать его весьма важно.

О немъ еще Некрасовъ писалъ:

Что ему книжка послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ.

Но въ томъ-то и бѣда, что ничего подобнаго не было въ намѣреніяхъ почтеннаго автора. Онъ не заботился о «типѣ», онъ ничего не сообщаетъ намъ о причинахъ, создающихъ этотъ типъ на Руси; онъ, наоборотъ, по-видимому, думаетъ, что Лыжинъ—только знаменіе нашей эпохи, что въ его лицѣ онъ «уловилъ моментъ». И вышло, что авторъ и «момента не уловилъ», и типа не далъ, а далъ набросокъ, портретъ, который ничего намъ не говоритъ, кромѣ того, что авторъ—хорошій портретистъ.

Дѣйствительно, онъ уловилъ не только внѣшнія черты, манеры и костюмъ своего «оригинала», но отчасти показалъ и его характеръ. Но какое намъ дѣло до г. Лыжина и его портрета? Почему и чѣмъ онъ можетъ насъ интересовать *въ томъ видѣ, въ какомъ данъ г. Боборыкинымъ?*

Если исключить пока женскіе персонажи *Перевала*, то въ романѣ не окажется ни одного лица, которое характеризовало бы хотя какой-нибудь «переходъ», а не только «перевалъ». Я уже сказалъ, что, кромѣ «амбарнаго Сократа», остальные лица остаются и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ совершенно вѣрными себѣ. Поэтому рассмотрим нѣсколько подробнѣе, что же удалось автору сказать своимъ «амбарнымъ Сократомъ»?

Ничего новаго, т.-е. характеризующаго нашу эпоху, нѣтъ и въ этомъ героѣ. Авторъ сдѣлалъ его университетскимъ магистромъ, философомъ, поклонникомъ Ницше и, въ то же время, заставилъ служить у купца Кумачева. Никакого «перевала» амбарный Сократъ въ романѣ не переживаетъ, если не считать переваломъ того, что онъ съ философіи Ницше «свалился» въ законный бракъ.

Влюбляются и женятся безъ всякихъ переваловъ. Безъ нихъ же служить у Кумачевыхъ и увлекаются философiей Ницше. Что тутъ характернаго для эпохи? Развѣ то, что употребляется имя Ницше, а не Спенсера или Бокля, или Шопенгауэра, какъ было бы прежде?

Не характернѣ ли купецъ Кумачевъ, устроившiйся лордомъ и мечтающiй добиться высокаго поста въ администраціи? Посмотримъ.

Такіе господа есть теперь, но они были и прежде.

Всѣ помнятъ еще въ пятидесятыхъ годахъ нѣсколькихъ такихъ богачей изъ тогдашнихъ откупщиковъ: иногда ихъ не отличили бы отъ самыхъ кровныхъ русскихъ баръ—ни по манерамъ, изученнымъ на заграничныхъ курортахъ, ни по обстановкѣ, ни даже по образованію, полученному въ русскихъ университетахъ и дополненному иногда въ заграничныхъ. Правда, Кумачевъ отличается «сознательнымъ консерватизмомъ», а тѣ (по крайней мѣрѣ, на словахъ)—либеральничали. Этотъ готовъ благодѣтельствовать рабочимъ, но упрямо отказывается «по принципу» дѣлать какія-либо «пущенія»; къ этому онъ патріотъ и крайній юдофобъ. Черты—болѣе или менѣе новыя, однако, изображеніе ихъ въ романѣ имѣло бы значеніе только тогда, еслибы авторъ показалъ, какъ и почему они явились въ наше время, какъ и почему исчезъ прежній либерализмъ такихъ англазированныхъ буржуа. Но для этого нужно было обрисовать Кумачева поглубже, дать его «нутро», его прошлое, а не одно описаніе его внѣшности и обстановки.

Быть можетъ, наиболѣе характеристичнымъ для нашего времени является въ романѣ молодой и *убѣжденный* предводитель дворянства. Онъ ставитъ высоко «народныя начала» (какія именно—неизвѣстно, но, по нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что квазі-славянофильскія). Въ то же время, онъ высоко ставитъ и роль дворянства въ жизни народа. Но, опять-таки, мы совершенно не знаемъ, въ какой формѣ онъ полагаетъ это значеніе. Мы видимъ въ немъ,—несмотря на его молодость,—личность уравновѣшенную; взгляды его прочны и непоколебимы, а его поступки, повидимому, строго вытекаютъ изъ его взглядовъ. Но дальше этихъ, чисто-внѣшнихъ, чертъ авторъ васъ не ведетъ и здѣсь. Вы прекрасно видите внѣшній обликъ этого героя, видите даже отраженіе въ этомъ обликѣ внутренней силы и стойкости; но откуда пришла эта сила, какъ она развилась въ этомъ субъектѣ изъ дворянской среды,—обойдя, наприимѣръ, Лыжина, вышедшаго изъ той же среды,—почему онъ одинъ вышелъ «цѣльнымъ» изъ общей распатанности,—объ этомъ не задавайте вопросовъ романисту.

Онъ остается вездѣ портретистомъ. Захватить явленіе глубже, чтобъ оно стало вамъ понятно, онъ не желаетъ. Для его цѣлей совершенно достаточно, если портретъ носить нѣкоторыя умственные черты, которыми всѣ привыкли теперь характеризовать нашу эпоху. Черты эти мы давно встрѣчали и въ фельетонахъ газетъ, и въ хроникахъ журналовъ, и въ литературной полемикѣ. Какъ раньше мы видѣли, что на страницахъ ро-

мана мелькаетъ имя Нилше, также долженъ мелькать мимоходомъ «дворянскій принципъ», «народничество», «юдофобство», англазированная буржуазія, «оскудѣніе» etc., etc. Этимъ и ограничивается «улавливаніе момента».

IV.

Но, быть можетъ, болѣе характеристичны женскія лица? Рассмотримъ ихъ ближе.

Первое мѣсто занимаетъ жена Кумачева, княжна по происхожденію, «оскудѣвшая» аристократка, вышедшая за купца. Портретъ этой особы нарисованъ, что называется, во весь ростъ: вы ее видите, начиная отъ завитковъ волосъ до каблука ботинки,—видите во всевозможныхъ туалетахъ и костюмахъ, видите со всѣми «аксессуарами»,—какъ говорятъ художники - портретисты,—т.-е. и въ саняхъ, запряженныхъ вровными рысаками, и за торжественнымъ обѣденнымъ столомъ ея мужа, и въ роскошномъ будуарѣ, рядомъ съ блестящимъ свѣтскимъ офицеромъ. Аксессуары нарисованы даже тщательнѣе самого портрета, «выписаны» до мелочей, до маленькихъ жилковъ и рефлексовъ на рукахъ, вискахъ и носу. И, несмотря на это, вы не видите типа, а находите только хорошій портретъ, въ которомъ схваченъ отчасти и характеръ. Этотъ характеръ, однако, ничего не говоритъ намъ объ особенностяхъ нашей эпохи. Такія барыни были всегда—пустыя, безсердечныя, жадныя.

Въ остальныхъ железскихъ лицахъ есть одна весьма странная и общая черта, которая у нихъ и является вершиной перевала: всѣ онѣ до безумія влюбляются въ мужчинъ съ убѣжденіями и стремленіями, противоположными ихъ собственнымъ взглядамъ. Такова Акридина, полюбившая предводителя; такова идеальная Ида, полюбившая жуира, проваженнаго до костей; такова же и Липа Углова, полюбившая великосвѣтскаго барона, третирующаго ее какъ коготку. Если г. Боборыкинъ подиѣтилъ, дѣйствительно, такую черту въ «идейныхъ» женщинахъ нашей эпохи, то слѣдовало бы хотя немножко ее освѣтить. Но это—не его дѣло. О томъ, какъ и почему увлеклась Углова барономъ, мы ничего не знаемъ, но увлеченіе Акридиной происходитъ на нашихъ глазахъ и, однако, ровно ничего не уясняетъ. «Принципіальный» предводитель дворянства завоевалъ ея сердце сразу, *ex abrupto*, «пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ», самъ того не подозрѣвая, даже болѣе: отвергиваясь отъ своей неожиданной обожательницы, пока та не «расцѣловала» его почти насильно и не вынудила этимъ сдѣлать «предложеніе».

Право, эта Акридина ведетъ себя у г. Боборыкина какъ только что выпущенная институтка, никогда не видѣвшая мужчинъ. Но ей уже за 30 лѣтъ, и отъ этого получается гадливое впечатлѣніе пожилой психопатки, одержимой эротизмомъ. Однако, вовсе не этого желалъ, повидимому, г. Боборыкинъ. Онъ старается сдѣлать ее симпатичною, выдающеюся женщиной,

настоящей «героиней». Значить, надо было объяснить, что же такъ «ошарашило» ее, бѣдную? Вѣдь, встрѣчала же она, въ теченіе своей тридцатилѣтней жизни, мужчинъ, стремящихся къ тому, въ чему стремилась она, и мыслящихъ съ нею одинаково? Почему никто до тѣхъ поръ не производилъ на нее такого «поразительнаго» впечатлѣнія, какъ этотъ «идейный» врагъ и противникъ?

Быть можетъ, авторъ просто хотѣлъ провести довольно распространенную мысль, что въ любви,—особенно женской,—идейный элементъ отходить на задній планъ. Но я не думаю, чтобы г. Боборыкинъ, ставящій себя цѣлью «ловить моментъ», задавался такою *общею* идеей. Я нахожу гораздо болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что и тутъ онъ руководился однимъ изъ приѣмовъ Тургенева—оттѣнять сравнительное значеніе героевъ-мужчинъ при помощи женскаго [выбора. Тургеневъ, напримѣръ, заставляетъ свою Елену въ *Наканунъ* обойти Шубина, Берсенева, Паншина и избрать Инсарова. Елена Акридина находится въ самой интимной дружбѣ съ Лыжинымъ, но для любви выбираетъ «принципіальнаго» предводителя. Я не хочу видѣть въ этомъ дворянскую тенденцію г. Боборыкина; хотя, какъ увидимъ ниже, возможно и такое предположеніе. Я думаю, что онъ просто хотѣлъ сказать: «Лыжиныхъ нельзя любить серьезно, потому что это—люди безъ воли, безъ опредѣленной фizioноміи, а женщины ищутъ цѣльныхъ характеровъ». Вотъ почему, быть можетъ, и Липа Углова полюбила своего барона, представляющаго цѣльность, но меньшей мѣрѣ, Скалозубовскую. Не потому ли и мечтательная Ида избрала своего прокаженнаго паралитика? Вѣдь, онъ тоже, въ своемъ родѣ, представлялъ «цѣльность» (негодяя, разложившагося и физически, и морально). Но если такова была задняя мысль автора (а какая же другая могла руководить имъ въ изображеніи такого противуестественнаго любовнаго подбора?), то не слѣдовало ему ставить ничтожнаго Лыжина въ центрѣ романа. Странно избирать носителемъ «перевала» такое лицо, которое тутъ же признается самимъ авторомъ настолько мизирнымъ, что не заслуживаетъ даже женской любви.

Можно бы тутъ поговорить и о самой теоріи любовнаго женскаго подбора, но едва ли она стоить того.

Это опять модный плодъ модной теоріики парижскихъ бульваровъ, погоня за новымъ словомъ, за «моментомъ».

Въ Липѣ Угловой поражаетъ и еще несообразность. Послѣ неудавшагося самоотравленія, она, повидимому, собирается что-то «дѣлать» въ направленіи прежнихъ идеаловъ, но вдругъ соглашается стать женой «амбарнаго Сократа». Что же у него общаго съ ея новымъ «поворотомъ»? Авторъ не счелъ нужнымъ объяснить намъ, перемѣнилъ ли «Сократъ» свои взгляды, отрицавшіе какую бы то ни было дѣятельность для общества. Его «подвигъ» съ шантажистомъ совершенъ подъ влияніемъ чисто-личнаго чувства къ Липѣ, а послѣ онъ могъ остаться поклонникомъ Ницше, вышучивающимъ все. Что же такое сама Липа, избравшая его такъ же легко, какъ и великосвѣтскаго офицера? Что общаго между этимъ послѣднимъ и

«амбарнымъ Сократомъ»? А, между тѣмъ, она избираетъ сперва одного, потомъ другого. Ужь это черезъ-чуръ не разборчивая особа. Подобнымъ лицомъ можно характеризовать что угодно, но только никакъ не сливки современной русской интеллигенціи, хотя бы и въ эпоху перевала.

Всѣ эти абсурды были бы совершенно необъяснимы, если бы мы не знали обычая г. Боборыкина—рисовать портреты, вмѣсто типовъ, и навязывать или прищипливать къ нимъ свои мысли и намѣренія, иногда совершенно ни къ селу, ни къ городу.

У.

И такъ, прежде всего мы видимъ въ романѣ г. Боборыкина ни больше, ни меньше, какъ рядъ портретовъ. Правда, портреты написаны мастерски: вы видите каждый волосокъ, каждую жилку, видите, какъ отлиываетъ кожа на носу или вискахъ у героя или героини, видите, какъ они кланяются, ходять, сидять, знаете, какія словечки и обороты рѣчи они употребляютъ. И этого мало: за вѣшними чертами намѣчаются отчасти и характеры дѣйствующихъ лицъ, но, къ сожалѣнію, для романа этого мало, и особенно, если этотъ романъ рассчитываетъ обрисовать эпоху, изобразить моментъ.

Поясню примѣромъ: у Крамского есть превосходные портреты бывшаго министра Толстого, писателя Григоровича, есть портретъ дамы въ черномъ бархатномъ корсажѣ, дамы въ блестящемъ экипажѣ и т. п. Всѣ эти портреты относятся приблизительно къ одному времени и превосходно изображаютъ не только вѣшность «оригиналовъ», но и ихъ характеры.

Однако, если собрать даже всѣ портреты Крамского, дадутъ ли они вамъ понятіе, напримѣръ, объ эпохѣ министра Толстого?

Конечно, нѣтъ.

Ну, вотъ такъ же точно бессильны изображать эпоху и «улавливать моментъ» романы г. Боборыкина.

Я уже упомянулъ отчасти о томъ, къ какому приему прибѣгаетъ авторъ, чтобы сдѣлать свою «галерею» выразительницей «момента». Онъ прищипливаетъ къ своимъ портретамъ новѣйшіе ярлычки, отчасти въ видѣ характеристикъ отъ себя, отчасти въ формѣ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ другъ съ другомъ. Но это выходитъ такъ поверхностно, до такой степени напоминаетъ *обозрнія*, составляемыя для сценъ, что становится тяжело за почтеннаго автора. Чувствуешь, что онъ могъ бы дать и болѣе глубокое произведеніе,—чувствуешь это по той силѣ, точности и яркости, съ какой онъ рисуетъ свои портреты, обличающіе въ немъ тонкую наблюдательность,—и видишь, что ошибочная теорія связала автора по рукамъ и ногамъ.

Но я боюсь показаться голословнымъ и потому постараюсь доказать, что вся та сторона романа, которая должна характеризовать эпоху, «моментъ», прищиплена къ роману извиѣ, не составляетъ его плоти и крови,

не имѣть прямого отношенія къ выведеннымъ лицамъ, а висить на нихъ въ качествѣ ярлычковъ, намековъ и «упоминаній», какъ въ настоящихъ сценическихъ «revues».

Авторы подобныхъ «обозрѣній» стараются только о томъ, чтобы какъ-нибудь «упомануть» обо всемъ, что интересовало публику известной эпохи. Былъ, на примѣръ, какой-нибудь скандалъ въ думѣ, разбирался какой-нибудь крупный процессъ, пѣлъ на сценѣ теноръ, чарующій дамъ,—все это должно быть «упомануто», кстати или не кстати, въ разговорахъ, въ куплетахъ, и чѣмъ больше захвачено «текущихъ явленій», тѣмъ «обозрѣніе» лучше.

То же самое мы видимъ въ романѣ г. Боборыкина: все, о чемъ говорила печать, «упоминается» въ немъ, но только именно *упоминается*, мелькомъ, à ргорос. При этомъ самыя важныя особенности и вопросы эпохи чередуются съ такимъ же легкимъ упоминаніемъ о новой дамской модѣ или словечкѣ, вращающемся въ обществѣ, или даже о модномъ способѣ уходить изъ гостей («не прощаясь съ хозяевами, по-французски»,—поясняетъ авторъ *разъ три* въ теченіе романа). Введены даже такія явленія, которыя къ «современной эпохѣ» никакого отношенія не имѣютъ, но о которыхъ много *говорили* «на-дняхъ» въ обществѣ и газетахъ.

Такъ, выведенъ одинъ князь (портретъ, конечно), смерть котораго вызвала общественное вниманіе къ нему и къ его весьма давнему подвигу—отдать земли крестьянамъ. И этому князю отведено даже больше мѣста, чѣмъ остальнымъ явленіямъ, которыя могли бы характеризовать текущій «моментъ», еслибъ авторъ ихъ больше обработалъ. Другой примѣръ: въ обществѣ и печати говорилось много о паденіи газетной прессы. Г. Боборыкинъ считаетъ нужнымъ упомянуть объ этомъ, но какъ? Дѣйствующія лица *говорятъ* о какомъ-то негодяѣ-фельетонистѣ, но ни этого фельетониста, ни другихъ представителей «паденія» прессы г. Боборыкинъ намъ не рисуетъ. Точно также признакомъ эпохи, переживаемой нами, считаютъ въ обществѣ юдофобство; ну, вотъ, и о немъ упоминается, и тоже вскользь, на обѣдѣ у Кумачева. «Дворянскій принципъ», соединенный съ специфическимъ «народничествомъ», былъ также предметомъ общественнаго вниманія, и для него авторъ отвелъ даже особое дѣйствующее лицо; но мы не видимъ, какъ *дѣйствуетъ* это лицо, руководясь этимъ принципомъ. Мы читаемъ о немъ только въ видѣ «спора» этого лица съ влюбленною въ него дамой. Выходить нѣчто, напоминающее маскарады, въ которыхъ являются маски съ ярлыкомъ или надписью, называющей какое-нибудь общеприятное явленіе.

Такая «маска», конечно, старается говорить отъ имени даннаго явленія и съ его точки зрѣнія. Но вотъ и все. Мы уже видѣли, что такимъ же способомъ выведена и философія Ницше: въ эту маску авторъ нарядилъ своего «амбарнаго Соврата». Также мелькомъ—и исключительно только въ разговорахъ,—мы узнаемъ о стачкѣ рабочихъ Кумачева и даже о голодѣ и народныхъ столовыхъ. И вотъ тутъ особенно ясно и наглядно выступаетъ приѣмъ г. Боборыкина, т.-е. приѣмъ такъ называемыхъ «revues»

или «обозрѣній», введенныхъ въ моду парижскими бульварными театрами: онъ, напримѣръ, заставляетъ нѣсколькихъ своихъ героевъ ѣхать въ голодающія губерніи, чтобы тамъ устранивать столовыя. И мы видимъ, какъ они ѣдутъ и какъ прѣзжаютъ, и какъ, прѣхавъ туда, ложатся спать, встаютъ, умываются, пьютъ чай и т. д. Но только ни самый голодъ, ни народныя столовыя не обрисованы авторомъ хотя бы въ одной сценѣ или картинкѣ.

Авторъ превосходно рисуетъ даже портреты почтовыхъ лошадей, на которыхъ ѣдетъ герой, его ямщика, даже дугу и колокольчикъ, но ни голодающаго народа, ни столовыхъ вы не видите. И такъ—*все*, т.-е. вся «современность», прицѣпленная къ роману!

Нужно ли еще доказывать, что мы имѣемъ дѣло не съ серьезнымъ произведеніемъ? Воображаю, что сдѣлалъ бы Золя, напримѣръ, изъ этой поѣздки героя въ голодающія деревни!

Впрочемъ, одна изъ особенностей новаго романа въ томъ, что у г. Боборыкина нигдѣ, ни единымъ словомъ не нарисованъ «мужикъ» *). Авторъ изобрѣлъ даже особый терминъ для народниковъ, которые стремились въ народъ, чтобы ближе изучить его. Онъ называетъ это стремленіе весьма не изящнымъ терминомъ: «пущать себѣ вошь въ ухо». Понятно послѣ этого, почему народъ или мужикъ изгнанъ изъ изящнаго произведенія, благоухающаго модными духами, сверкающаго шелками, бархатомъ, бронзой...

Принимая во вниманіе эту особенность романа и косвенное возвеличеніе (указанное мною ранѣе) нѣкоторыхъ лицъ, выдѣляющихся своею цѣльностью и благородствомъ среди другихъ (старый князь, баронъ, «принципальный» предводитель и т. д.), а также явную брезгливость относительно «разночинцевъ», — я готовъ думать, что въ *общемъ настроеніи* романа, пожалуй, и отразился «духъ» нашего времени, но только не съ той стороны, съ какой бы этого хотѣлось почтенному автору.

Л. О.

*) Если не считать передачи „слуховъ“ о томъ, какъ нелѣпо растратили крестьяне землю, подаренную имъ великодушнымъ княземъ, упомянутымъ выше.

Замѣтки о современномъ Египтѣ.

(Августъ 1894 г.)

Въ послѣдніе три-четыре года странствуетъ по разнымъ большимъ городамъ Европы болонскій іезуитъ-астрономъ Чезаре Тондини, съ цѣлью склонить иновѣрческіе народы къ принятію католическаго календаря, что значительно облегчило бы римскую пропаганду среди схизматиковъ и другихъ иновѣрцевъ. Особымъ вниманіемъ ученаго патера пользуются страны православныя, Россія, Румынія, Греція и разныя христіанскія провинціи Турціи, за исключеніемъ развѣ Босніи, гдѣ то же дѣло ведется петерами австрійскими. Повтому г. Тондини охотно посѣщаетъ Петербургъ, Бухарестъ, Константинополь и проч., причеиъ въ первомъ изъ нихъ (по его словамъ) получилъ удостовѣреніе отъ вице-предсѣдателя Императорскаго русскаго географическаго общества, г. Семенова, что какъ только зайдетъ опять рѣчь о выборѣ перваго меридіана, то русское правительство, конечно, поможетъ осуществленію видовъ болонскаго ученаго. Такъ какъ признаться въ политической цѣли своихъ развѣздовъ г. Тондини неудобно, то онъ увѣряетъ, что порученіе, данное ему болонскою академіей (пе римскою куріей,—о, вѣтъ!), преслѣдуетъ лишь одну идею: установить календарное единство во всемъ христіанскомъ мірѣ на основахъ, введенныхъ папоиъ Григоріемъ XIII. Что этотъ григоріанскій календаръ неточенъ математически и что съ чисто-астрономической точки зрѣнія ему слѣдовало бы предпочесть старо-персидскій, объ этомъ ученый болонецъ умалчиваетъ, хотя образованнымъ людямъ это давно извѣстно по учебнику астрономіи Араго. Чтобы больше отуманить своихъ слушателей (когда таковые попадаютъ), іезуитъ-астрономъ задѣваетъ въ нихъ чувство патриотизма, говорить о незаслуженной и бессмысленной гегемоніи англичанъ и въ замѣнъ ихъ никому ненужнаго Гринвича предлагаетъ провести первый меридіанъ черезъ Іерусалимъ, который де примиряетъ всѣ національности... съ чѣиъ, вѣроятно, не согласятся всѣ мусульмане, браминны, буддисты, конфуціане и пр. У немногихъ свѣтскихъ защитниковъ тондиніевскихъ проектовъ люди, знакомые съ дѣломъ, спрашиваютъ: да какую же точку въ Іерусалимѣ, не

имѣющемъ обсерваторію, вы примете за исходную для будущей анти-гринвичской сѣти меридіановъ? «Точку?—отвѣчаютъ они,—какую точку? Да она уже дана исторіей; еще въ средніе вѣка въ церкви Гроба Господня, посреди ея (не надъ гробомъ) поставленъ столбъ съ надписью: «центръ вселенной»,—чего же вамъ еще нужно?» И бѣдные защитники іерусалимскаго меридіана не замѣчаютъ, какой смѣшной доводъ приводятъ они. Средневѣковые отмѣтки центра земли считали послѣднюю плоскою и опредѣляли положеніе середины этой плоскости по соображеніямъ не геометрическимъ, т.-е. ненаучнымъ.

Однако, охота видѣть средневѣковое средоточіе земли еще не пропала у иныхъ праздныхъ людей, несмотря на то, что всѣ они (какъ недавно очень почтенный г. Бутру) печатно признаются въ разочарованіи, которое имъ причиняетъ посѣщеніе Иосафатовой долины. Недавно одинъ изъ подобныхъ праздногуляющихъ людей,—замѣчу, хорошо образованный и богатый,—спросилъ меня: не поѣду ли я съ нимъ посмотрѣть центръ земли? Я отвѣчалъ шутя, что туннеля туда, въ 6,000 километровъ длиною, еще не продѣлано, а когда онъ и будетъ просверленъ, вѣроятно, на 25—30 километрахъ отъ земной поверхности придется сгорѣть отъ внутрепланетнаго жара.

— Нѣтъ, не то. Я говорю объ историческомъ центрѣ, который, какъ вы знаете, лежитъ близъ Средиземнаго моря, у восточной его оконечности.

— Я не прочь отъ этой прогулки; но, вѣдь, мы, конечно, разѣждемся у Портъ-Саида: вы повернете налѣво, въ Палестину, а я направо, въ Египеть.

— А вы считаете его историческимъ центромъ современной земли?

— Не совсѣмъ. Однако, я думаю, что въ немъ больше полезной исторической жизни, чѣмъ въ бассейнѣ Мертваго моря, а современемъ станеть и еще больше.

— Ну, не стану спорить. Такъ ѣдемъ?

Вотъ причина этихъ замѣтокъ. Прибавлю, что такъ какъ мнѣ привелось уже не разъ быть въ Египтѣ, то въ настоящемъ случаѣ я обращалъ вниманіе исключительно на вещи новыя, т.-е. возникшія не только послѣ прорытія Суэзскаго канала, но послѣ бомбардированія англичанами, во имя хедива, Александріи и утвержденія ихъ, во имя цивилизаціи, въ Каирѣ и Фивахъ.

Портъ-Саидъ, конечно, самый большой этнографическій музей на земномъ шарѣ: въ составѣ его находятся 37,000 особей, принадлежащихъ ко всѣмъ племенамъ Стараго Свѣта, за исключеніемъ развѣ русскихъ камчадаловъ и юкагировъ. Но русскіе евреи и греки есть, и даже не одиночные. Разумѣется, они изъ Одессы, и если хранять ту же взаимную ненависть, какъ въ этомъ городѣ, то не питаютъ надежды пересѣчь другъ друга, какъ было во время онд, при генераль-губернаторѣ Коцебу, когда цѣлый корабль розогъ былъ по телеграфу выписанъ изъ Николаева, и порка на площадяхъ, встрѣчнаго и поперечнаго, продолжалась два дня. Воспоминанія объ этомъ историческомъ событіи сохранились, однако, у нѣ-

которых одесситовъ даже въ Портъ-Саидѣ, хотя розогъ здѣсь нѣтъ, да и Николаева по близости тоже. Само собою разумѣется, что портъ-саидцы—народъ бойкій, можно сказать—отчаянный, въ большинствѣ выжита; но это только обезпечиваетъ за ними будущность въ безопадной борьбѣ за существованіе. Изъ левантинцевъ это самыя типичныя левантипы, почище стамбульскихъ и смирнскихъ. Меня, впрочемъ, здѣсь болѣе занялъ не этотъ этический вопросъ, а другой, чисто-географическій. Съ проведеніемъ Суэзскаго канала, озеро или, точнѣе, болото, тянувшееся нѣкогда до Пелузіума, обратилось въ степь; стало быть, новая цивилизація уменьшила плодородную, обитаемую часть дельты Нила на цѣлыя 300 кв. верстъ, ибо отъ теперешняго канала до Пелузіума тянулась древняя ирригаціонная система еще во времена грековъ и римлянъ. Какъ вернуть культурѣ эту степь, которая въ 1860 году была болотомъ, но нѣкогда составляла плодородную равнину, этого вопроса пока не задаетъ себѣ ни одинъ государственный человѣкъ въ Каирѣ, все равно, будетъ ли онъ турокъ, англичанинъ или арабъ. А, вѣдь, 300 кв. верстъ въ Египтѣ, это—почва для столькихъ же тысячъ осѣдлаго населенія. Лессепсъ, въ первоначальномъ проектѣ канала, и предлагалъ сдѣлать сѣверный входъ въ него у Пелузіума, но международная коммиссія инженеровъ нашла, что море тамъ слишкомъ мелко, и выбрала Портъ-Саидъ, хотя въ немъ тоже явилась надобность строить длинныя плотины и вырывать между ними искусственный портъ. О земледѣліи специалисты-землекопатели не подумали, хотя оно-то и доставляетъ богатство странѣ. И по отношенію къ длинѣ канала инженеры ничего не выиграли. Жаль, что въ награду за труды хедивъ не далъ имъ майоратовъ въ пелузійской степи: какъ бы они теперь съ ними управлялись? Развѣ устроили бы высокій сифонъ надъ морскимъ каналомъ для провода прѣсной воды изъ прѣсноводнаго канала въ степь.

Портъ-Саидъ нынѣшнимъ лѣтомъ представилъ крупную новость: его связала съ Измаиліей желѣзная дорога, тогда какъ до сего времени сообщеніе между ними было только водное, по каналу. Теперь путешественникъ, прибывающій въ Египтъ, наприм., изъ Сиріи, Анатолии, Россіи, можетъ безотлагательно ѣхать изъ Портъ-Саида въ Каиръ по рельсамъ. Къ сожалѣнію, новая дорога—узкоколейная, такъ что въ Измаиліи приходится переходить и переносить все въ другіе вагоны. Сдѣлано это изъ экономіи на постройку, потому что полотно дороги, это—бывшая грязь изъ озера Мензале, которую надо было вычерпывать, укладывать въ видѣ гала и принимать мѣры, чтобы она, омываемая тѣмъ же озеромъ, не расплылась опять. За то теперь есть курьезъ: вы ѣдете по колеямъ, видите у себя съ запада озеро, съ востока проводникъ прѣсной воды и потомъ слегка возвышенный берегъ морскаго капаля, который мѣшаетъ видѣть морскую воду, но не мѣшаетъ наблюдать движеніе верхнихъ частей пароходовъ, словно скользящихъ по песчаному морю степи. Болѣе тѣсная связь Портъ-Саида съ Каиромъ сильно увеличиваетъ важность перваго, отчасти въ ущербъ Александріи, и вѣроятно, что лѣтъ черезъ двадцать большая часть внѣш-

ней торговли Египта будетъ совершаться черезъ города, возникшіе всего въ 1864 году. Точнѣе, существующая 2,300 лѣтъ «всемирная» Александрія останется мѣстною гаванью страны фараоновъ къ сторонѣ Европы, а главное, дѣйствительно мировое, торговое движеніе, въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ, пойдетъ черезъ молодой, тридцатилѣтній Портъ-Саидъ, въ который теперь уже приходятъ ежегодно 4,000 судовъ съ грузомъ въ 12.000,000 тоннъ, тогда какъ въ Александрію всего 2,300 судовъ съ 2.000,000 тоннъ. Правда, въ Портъ-Саидѣ регистрируются грузы болѣею частью провозные, мнующіе Египетъ, но, вѣдь, и Александрія имѣетъ транзитъ.

Измаилія остается почти тѣмъ же степнымъ городкомъ, какимъ я видѣлъ ее впервые въ 1870 году, даже хуже: пресловутый дворецъ хедива, гдѣ справлялось торжество открытія канала въ 1869 г. и гдѣ въ 1882 г. англичане помѣщали больныхъ солдатъ, готовится къ разрушенію. И сѣрожелтая песчаная степь окружаетъ попрежнему городъ, а на сосѣднемъ озерѣ Тимзахѣ нѣтъ и слѣдовъ египетскаго военнаго флота, о которомъ такъ мечтали Измаилъ и Саидъ-паши. *Tempora mutantur, господа, и sic transit gloria mundi!*... Да что Измаилія, для которой серьезной будущности никто не предсказывалъ даже въ 1869 году, а вотъ Суэзь сильно падаетъ, и считать его южнымъ портомъ канала могутъ только люди отсталые, которые просмотрѣли, что на устьѣ канала возникъ Портъ-Ибрагимъ, а въ Суэзь изъ послѣдняго ведетъ желѣзная дорога... какъ разъ по тому мѣсту, гдѣ увязъ съ своею колесницей фараонъ, преслѣдовавшій бѣглыхъ евреевъ. Портъ-Ибрагимъ—небольшое мѣстечко на искусственномъ островѣ и въ немъ сосредоточено все, что нужно для навигаціи и надобностей судовъ, приходящихъ и отходящихъ. Суэзь, повторяю, совсѣмъ въ сторонѣ, за широкою морскою лужей, на сѣверо-западѣ отъ Портъ-Ибрагима, и черезъ лужу, во время отлива обсыхающую, идетъ рельсовый путь, продолжающійся потомъ въ Измаилію и Каиръ. Если бы Портъ-Ибрагимъ былъ побольше и виѣщалъ бы гостиницы, консульства и почтовые конторы, то отъ Суэза остались бы одни воспоминанія, и Суэзскому каналу надо бы дать иное имя.

Какое же?—спросите вы и въ глубинѣ души подумаете, разумѣется: «каналъ Лессепсовъ», какъ были тутъ же, въ прежнія времена, Сезострисовъ и Смаровъ. Увы, я за выборъ этого имени не ручаюсь, во-первыхъ, потому, что г. Лессепсъ опозоренъ исторіей канала Панамскаго, во-вторыхъ, потому, что англичане уже воздвигли, на счетъ суэзской компаніи, на островкѣ Портъ-Ибрагимъ памятникъ лейтенанту Уагорну, который въ 1837 году производилъ будто бы первую рекогносцировку Суэзскаго перешейка для устройства канала. Лессепсъ, очевидно, сланъ англичанами въ архивъ, и его памятнику нѣтъ мѣста на берегахъ прорытаго имъ канала. Вы скажете, что, вѣдь, англичане—не хозяева канала, а есть для этого международная компанія, засѣдающая въ Парижѣ. Нѣтъ, съ нынѣшняго 1894 г. даже въ юридическомъ смыслѣ, а не только на дѣлѣ, англичане—хозяева канала, имъ принадлежитъ огромное число акцій этого международного

предпріятія, причѣмъ самымъ крупнымъ акціонеромъ является британское правительство, купившее за сто милліоновъ франковъ акціи египетскаго хедива. Время недалеко, когда правленіе суэзской компаніи будетъ переведено изъ Парижа въ Лондонъ: ждуть только смерти 85-ти лѣтняго Лессепса, изъ деликатности. Да и то, пожалуй, ждать перестануть: вѣдь, большинство купоновъ по акціямъ платится въ Англии.

Но вернемся въ Измаилію и сядемъ въ вагонъ каирской желѣзной дороги. Первые 25 версты—все та же песчаная степь и, слѣва, т.-е. съ юга, чуть замѣтный издали прѣсноводный каналъ, несущій нильскую воду въ Измаилію, Суэзъ и Портъ-Саидъ. Потомъ вдоль этого канала появляется полоса зелени, орошаемая, впрочемъ, не имъ, а сосѣднимъ рукавомъ, который проходитъ черезъ Тель-Эль-Кебиръ. У этой деревни, прославленной побѣдою лорда Уольслея надъ приверженцами Араби-паши, продавшими своего вождя,—зелень уже разстилается на широкое пространство, а еще версты черезъ пять къ западу поѣздъ вступаетъ въ настоящую нильскую дельту, изрѣзанную оросительными каналами и сплошь зеленую. Желѣзная дорога тутъ оставляетъ въ сторонѣ большой прѣсноводный каналъ суэзскій и идетъ прямо на западъ, къ Загазигу, важному средоточію рельсовыхъ путей во всемъ восточномъ Египтѣ, откуда можно проѣхать и прямо въ Александрію, не заѣзжая въ Каиръ. Загазигъ и вся окрестная воздѣланная страна есть сполна произведеніе XIX столѣтія, потому что до того времени она была заброшена съ самаго установленія владычества турокъ въ Египтѣ. Предвидя культурное ея возвышеніе, какъ скоро рѣшено было дѣло о прорытіи Суэзскаго канала, компанія этого канала купила было у хедива Саида значительный, годный къ землевоздѣлыванію, участокъ, именно Тель-Эль-Кебиръ, за 74,000 египетскихъ золотыхъ лиръ; но Наполеонъ III, опасаясь гражданскихъ столкновеній по этому землевладѣнію, приказалъ Лессепсу продать землю туземцамъ и вообще частнымъ лицамъ, что и было сдѣлано за 400,000 зол. лиръ (10 милліоновъ франковъ), т.-е. вполне безобидно для европейскихъ цивилизаторовъ Африки.

Въ Загазигѣ европейскій путешественникъ имѣетъ удовольствіе порядочно позавтракать въ буфетѣ желѣзно-дорожной станціи, на что дается двадцать минутъ; но въ городѣ ему дѣлать нечего, несмотря на 95,000 населеніе послѣдняго. На слѣдующихъ переѣздахъ до Каира начинаютъ встрѣчаться кое-какіе остатки древностей, даже единственный въ своемъ родѣ второй экземпляръ Соломонова храма, построенный однимъ богатымъ евреемъ изъ Александріи вопреки закону и давно развалившійся. Но и самымъ записнымъ археологамъ можно посоветовать не высаживаться, ради подобныхъ древностей, изъ вагона, потому что все, стоящее вниманія, уже собрано египетскимъ правительствомъ подъ Каиромъ, въ Жлизехѣ, то-есть можетъ быть осмотрѣно впоследствии, въ нѣсколько посѣщеній изъ города, съ полнымъ удобствомъ. Археологу же, желающему рыться на мѣстахъ и, стало быть, располагающему хорошими деньгами и разрѣшеніемъ египетскаго правительства, лучше побережъ свою энергію до Верхняго Египта,

особенно до Карнака и Гурны, т.-е. до бывшихъ стовратныхъ Оивъ. Раскопки теперь дѣлаются почти повсемѣстно, и «новости» о томъ, что «было» за 4—5 тысячъ лѣтъ тому назадъ, печатаются довольно усердно не только въ Каирѣ, но въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ *). Мариетты, Бругши, Масперо и другіе преемники Шампольоновъ, Юнговъ, Лепсіусовъ и пр. перерыли всю египетскую почву и доставили столько занимательнаго и, главное, точнаго о жизни древнихъ египтянъ, что, какъ извѣстно, появились довольно многочисленныя археологическія романы, — разумѣется, ради популяризаціи древняго египетскаго быта. Нѣкоторые изъ нихъ я читалъ и нашелъ ихъ занимательными; еще занимательнѣе они были бы, еслибъ сопровождали ихъ иллюстраціи, по имѣющимся оригиналамъ предметовъ. Но вотъ что меня (да и не меня одного) смущаетъ въ области египетской археологіи и исторіи: высшіе по нимъ авторитеты, Мариеттъ, Бругши и Вилькинсонъ, расходятся по хронологіи первыхъ временъ исторической жизни въ нильской долинѣ на цѣлыя тысячи лѣтъ. Именно первый относитъ основателя мемфисскаго царства, Менеса, къ 5004 году до Р. Х., второй — къ 4400 г., а третій всего къ 2320 г. Воля ваша, но противорѣчія слишкомъ рѣзки (на 2684 года!), чтобы ко всей этой хронологической махинаціи можно было имѣть большое довѣріе. Я, впрочемъ, и не думаю заниматься прошлымъ Египта, а лишь его современностью.

Хедива нѣтъ въ Каирѣ, онъ все еще путешествуетъ по Европѣ, и, притомъ, почти инкогнито, не смѣя показываться ни при одномъ дворѣ, кромѣ стамбульскаго, не знакомясь лично не только съ монархами, но даже съ президентами республикъ. Про англійскаго перваго министра, лорда Розбери, говорятъ, что онъ «удостоилъ» его высочество секретнаго приѣма въ Парижѣ, куда тотъ пріѣзжалъ тоже тайкомъ; но вѣрно ли это извѣстіе — не ручаюсь. Свиданіе будто бы было очень кратковременно. Бѣдный Аббасъ-Хилми, бѣдный хедивъ!... Я видалъ его еще отрокомъ въ извѣстномъ пансіонѣ Тудикума, подъ Женовой, куда ходилъ съ однимъ русскимъ педагогомъ, инспекторомъ классовъ. Г. Тудикумъ самъ водилъ насъ по заведенію и, ради ознакомленія съ образомъ жизни учениковъ, показывалъ въ подробности маленькую комнатку именно теперешняго хедива, который занимался, помнится, переписываніемъ чего-то. Зная англійскія жилища богатыхъ учениковъ въ Итонѣ и Оксфордѣ, я тогда же замѣтилъ про себя: ну, тутъ швейцарская демократическая простота, которая будущему государю нейдетъ. Развѣ на случай, когда судьба измѣнитъ... И вотъ она измѣнила. Отъ ранняго дѣтства у Аббаса-Хилми должны сохраняться воспоминанія о роскошной жизни дѣдушки Измаила, который и теперь все еще очень богатый рантьеръ, а его, Аббаса, хотя и государя той же страны, чужеземцы держатъ на жаловань въ какихъ-нибудь 100,000 лиръ

*) Между многочисленными, собственно египетскими, предметами попадаются и древне-христіянскіе, какъ недавно найденная часть Евангелія апостола Петра, относящаяся именно къ страданіямъ Иисуса, при которыхъ Петръ былъ свидѣтелемъ. Ручкою дасть кое-что новое по дѣлу.

(600,000 р.), да еще съ обязательною росписью расходовъ на семью и прислугу. Султанъ, говорятъ, отдастъ за него свою дочь: большой почетъ для вассала, особенно когда этотъ султанъ Абдуль-Гамидъ—одинъ изъ лучшихъ современныхъ монарховъ; но много ли въ этомъ существенной выгоды номинальному владѣльцу Египта, наслѣднику Магометъ-Али, Саида и Измаила? Тѣ жили въ свое удовольствіе, работали для своей славы, а умъ объ историческомъ имени нечего и думать, несмотря на хорошее образованіе и широкіе идеалы, воспитанные наукою въ его умѣ. Я думаю такъ: бывшій ученикъ Тудикума, отрокъ съ большими, свергающими и вдумчивыми глазами, теперь, едва ставъ мужчиной, уже задаетъ себѣ вопросъ: «Какъ-то я кончу и гдѣ? На Цейлонѣ ли, вмѣстѣ съ Араби-пашею, или въ Лондонѣ, на пенсію, какъ Дулебъ-Сингъ лахорскій? или же просто помогутъ ножницы, какъ султану Мураду? Пирамиды или мечети надъ моею могилой не воздвигнетъ никто, и въ исторіи я буду *послѣдній* изъ египетскихъ государей»... Бѣдный Аббасы!

Боюсь я, что это замѣчаніе о хедивѣ навлечетъ на меня упрекъ въ сантиментальности; однако, мнѣ кажется, что я правъ, жалѣя молодого государя, который изъ своей династіи наилучше подготовленъ, чтобы сдѣлать счастье своего народа, и который заявилъ себя патріотомъ. Чтобы понять точно его положеніе, посмотримъ, что сдѣлано англичанами по отношенію къ Египту и его правителямъ съ самаго начала развитія ихъ видовъ на дельту Нила. Первое проявленіе наклонности захватить ее въ свои руки относится къ самому началу XIX, даже къ концу XVIII столѣтія, именно во времени бонапартовской экспедиціи туда. Извѣстно, что эта экспедиція была предпринята не только для приобрѣтенія всемірной славы генералу Бонапарту,—славы, которая, по его мнѣнію, давалась лишь завоевателямъ Востока,—но и для того, чтобы отрѣзать англичанамъ кратчайшій путь въ ихъ, тогда уже основавшуюся, остъ-индскую имперію. Какъ человѣкъ очень дальновидный, Бонапартъ прозрѣвалъ поздѣйшую необходимость для англичанъ захватить перешеекъ между Краснымъ и Средиземнымъ морями, и тѣ, понявъ дѣло, такъ быстро пожелали рѣшить его, что уже въ 1799 году была проектирована англо-египетская армія, солдаты которой сражались противъ французовъ, командуемыхъ Клеберомъ, и оставили своимъ противникамъ нѣсколько плѣнныхъ, на мундирахъ которыхъ были пуговицы съ надписью *Army of Egypt*. Дѣло завоеванія не состоялось потому, что турки явились сами въ вассальное ихъ владѣніе и стали хозяйничать по-своему, не нуждаясь въ британцахъ, которые, вѣроятно, съ досады, испортили одну изъ лучшихъ мѣстностей Египта, въ окрестностяхъ Александріи, гдѣ отъ разрыва ими плотинъ возстановилось Маретотійское озеро на мѣстѣ цвѣтушей, богато-населенной равнины. Далѣе не было и повода заниматься Египтомъ, откуда французы ушли и гдѣ съ 1806 года водворился энергическій и умный правитель, Магометъ-Али. А послѣ замиренія Европы въ 1815 году у англичанъ если и были виды на Египетъ, то они состояли, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы выжить

оттуда французовъ, которые, въ видѣ совѣтниковъ, чиновниковъ, купцовъ, офицеровъ и ученыхъ, наводнили страну и были очень по душѣ египетскому валию, которому образовали прекрасную армию. Приски англичанъ, главнымъ образомъ, совершались въ Стамбулѣ и имѣли цѣлью рассорить Магомета-Али съ султаномъ, что и удалось, хотя къ невыгодѣ константинопольскихъ турокъ. Послѣ побѣдъ египетской арміи Ибрагима-паши надъ войсками султана при Незибѣ и Коніи англичане забили общеевропейскую тревогу и успѣли созвать конференцію въ Лондонѣ, которая должна была увѣковѣчить зависимость Египта отъ слабой Турціи и положить предѣлы влиянію въ Каирѣ и Александріи французовъ. Дѣло чуть было не дошло до общеевропейской войны, такъ какъ Франція отказалась принять участіе въ конференціи, направленной къ разрушенію ея дѣла на берегахъ Нила, и только внезапное сумасшествіе и потомъ смерть Магомета-Али, сопровождаемыя вступленіемъ во власть франкофоба Аббаса-паши, положили предѣлы смутамъ. Но Аббасъ царствовалъ не долго, всего шесть лѣтъ, отъ 1848 до 1854 г., и какъ разъ въ это время Англія нуждалась во Франціи, чтобы начать войну съ Россіей; стало быть, англичанамъ было не до Египта, а наследовавшій Аббасу Саидъ, сынъ Магомета-Али, снова повернулъ египетскую политику въ сторону французовъ. Имъ была дана Лессепсу и знаменитая концессія на Суэзскій каналъ, которая испортила столько крови у Пальмерстона и другихъ англичанъ. Саидъ, понимая, что этотъ каналъ не только доставитъ Египту экономическія выгоды, но и составитъ славу его царствованія, горячо взялся за поддержку предпріятія французовъ и доставлялъ имъ, между прочимъ, почти даровыя рабочія руки феллаховъ. Это подало поводъ къ псевдо-гуманному крѣчкотворству Пальмерстона, который официально заступился за «несчастныхъ рабовъ», но императрица Евгенія, жаловавшая Лессепса и поддерживавшая его, успѣла съ помощью мужа парализовать выходку англичанъ, очевидно, расчитывавшихъ не только повредить соперникамъ-французамъ, но и снизить популярностъ въ египетскихъ народныхъ массахъ... на всякій случай. Открытіе въ ноябрѣ 1869 года Суэзскаго канала для движенія судовъ, совершенное подъ предсѣдательствомъ императрицы французовъ, нѣсколько охладило британскія страсти, но крайней мѣрѣ, на время, и только по коммерческой догадливости англичане стали быстро скупать суэзскія акціи, рано или поздно расчитывая стать хозяевами канала.

А, между тѣмъ, эти страсти заходили слишкомъ далеко. Лордъ Пальмерстонъ, въ бытность Саида въ Лондонѣ, сказалъ ему: «Вашъ Египетъ—засоренная труба, влоака: я пришлю трубочистовъ, которые ее очистятъ съ обоихъ концовъ». Осворбленный вице-король повторилъ эти слова по возвращеніи въ Египетъ, прибавивъ: «въ ожиданіи трубочистовъ мы устроимъ заслонки», т.-е. крѣпости на рукавахъ Нила, что и было сдѣлано. И благоразумно, такъ какъ уже въ 1859 году англичане затѣвали высадку войскъ на египетскую почву. Пользуясь войною французовъ съ австрійцами, отправили они изъ Мальты большой флотъ съ десантомъ въ Еги-

петь и уже стояли у его береговъ; неожиданное заключеніе виллафранкскаго мира, развязавшее руки французамъ, охладило воинственный пылъ британскихъ властей, и флотъ повернулъ назадъ, но только поэтому. Вице-король Саидъ самъ ѣздилъ смотрѣть на англійскихъ сухопутныхъ солдатъ, размѣщенныхъ на корабляхъ, и по уходѣ этой грозы, разумѣется, тѣмъ болѣе привязался къ французамъ. Онъ имъ давалъ потомъ, въ 1860-хъ годахъ, войска изъ негровъ и феллаховъ, привычныхъ къ жарѣ, для содержанія гарнизоновъ на жаркомъ побережьѣ Мексики.

Въ 1863 году Саидъ-паша умеръ и ему наследовалъ внукъ Магомета-Али и сынъ Ибрагима, Измаиль, извѣстный кутила. Новый вице-король имѣлъ европейскіе вкусы, любилъ оперу и танцовщицъ и, прежде всего, хотѣлъ показать, что онъ у себя дома не зависить ни отъ кого. Нарядъ феллаховъ на работы по Суэзскому каналу былъ отмѣненъ, къ большому удовольствію англичанъ, но расчетъ послѣднихъ разорить предпріятіе, чтобы потомъ взяться за него самимъ, не удался. Измаиль остался покровителемъ канала, компанія котораго (т.-е. Лессепсъ) имѣла «практическое благоразуміе» дать ему 176,602 *даровыя* акціи. Онъ даже съ великодушіемъ отказался отъ доходовъ съ этихъ акцій до 1894 года, чтобы облегчить компанію отъ расходовъ за все время приведенія ея канала въ окончательный видъ. Только широкая жизнь, которую онъ велъ, вынудила его продать эти акціи, и именно англичанамъ: въ ноябрѣ 1875 года онъ получилъ взаменъ ихъ отъ англійскаго министра финансовъ чекъ во сто милліоновъ франковъ на Ротшильда. Это была чрезвычайно ловкая мѣра англичанъ, обезпечившая имъ въ близкомъ будущемъ захватъ Суэзскаго перешейка, тѣмъ болѣе, что и безъ того ихъ «интересы» на этомъ перешейкѣ, благодаря судоходству по каналу въ Индію, Китай, Японію, Австралію и Африку, стояли на первомъ планѣ, т.-е. впереди всѣхъ національныхъ интересовъ другихъ державъ. Измаиль, впрочемъ, и повредилъ немного Англій, доведя своимъ беспорядочнымъ поведеніемъ и безпрестанными займами европейскія державы до того, что надъ нимъ учредили *международную опеку*. Опекунами явились не одни англичане, наиболѣе крупные кредиторы, но и итальянцы, австрійцы, нѣмцы, а, главное, французы, открытые соперники Англій. Вотъ сущность международнаго соглашенія относительно египетскихъ финансовъ, состоявшагося въ 1879 году:

1) Учрежденъ общій *верховный контроль*, составленный изъ представителей Англій и Франціи, причемъ французскій уполномоченный вѣдалъ доходы, а британскій—расходы.

2) Учреждена международная *комmissія долговъ*, обязанная собирать всѣ доходы, назначенные по бюджету на уплату процентовъ и погашеніе, минуя всякую зависимость отъ египетскихъ властей. Въ эту комиссію было назначено сначала лишь три члена: французъ, австріецъ и итальянецъ, но потомъ добавлены англичанинъ, нѣмецъ и русскій.

3) Учрежденъ административный *советъ египетскихъ желѣзныхъ до-*

портъ и Александрійскаго порта, составленный изъ англичанина, француза и египтянина.

4) Учрежденъ *советъ управленія удѣльными имѣніями хедива*, составленный изъ египтянина, француза и англичанина. Эта прямая опека надъ хедивомъ называется советомъ Дайра-Саніехъ.

5) Наконецъ, послѣ отдачи частныхъ или удѣльныхъ имѣній семейства хедива подъ залогъ за 8¹/₂ милліоновъ египетскихъ лиръ,—заемъ, извѣстный подъ именемъ удѣльнаго,—въ 1878 г. учреждена *административная коммиссія надъ этими удѣлами* изъ француза, англичанина и египтянина.

Судебныя дѣла, начинаемыя каждымъ изъ этихъ пяти международныхъ учреждений, поручено вѣдать смѣшаннымъ, т.-е. международнымъ же, трибуналамъ, т.-е. учреждениямъ, господствующимъ надъ чисто-мѣстными, по своей независимости отъ египетскаго правительства.

Хедивъ Исмаиль думалъ бороться съ этими нововведеніями, но тщетно. Въ 1879 году, благодаря имъ, онъ отказался отъ власти и выѣхалъ изъ Египта. Въ странѣ господствующею силой остался верховный англо-французскій контроль, а подъ нимъ, почти номинально, новый хедивъ, Тевфикъ, сынъ Исмаила. Наступило время такъ называемаго *кондоминіума*, совмѣстнаго господства англичанъ и французовъ, продолжавшееся, впрочемъ, недолго, именно до захвата Египта англичанами въ 1882 году. Когда-нибудь эта запутанная—притомъ, намѣренно—страница египетской исторіи найдетъ себѣ правдиваго лѣтописца, мы же здѣсь замѣтимъ только, что во все время кондоминіума постоянно шла глухая борьба между представителями Англии и Франціи и послѣдніе проигрывали свое дѣло, были смѣняемы парижскимъ правительствомъ и даже не ладили между собою, то-есть верховный контролеръ со стороны Франціи не соглашался съ дипломатическимъ ея представителемъ, главнымъ образомъ, потому, что дипломатъ стоялъ за общіе политическіе интересы, а финансистъ за выгоды французскихъ кредиторовъ египетскаго правительства. У англичанъ этого разлада не было, и они шли къ своей цѣли вѣрнѣе, тѣмъ болѣе, что парижское министерство Фрейсине, повидимому, боялось не угодить Англии, чтобы та не нагадила французамъ въ Тунисъ, Тонкинъ, Мадагаскаръ и другихъ мѣстахъ наступательныхъ дѣйствій Франціи.

Хаосъ, произведенный кондоминіумомъ, разумѣется, не нравился больше всего египетскимъ государственнымъ людямъ, которые видѣли во вмѣшательствѣ иностранцевъ не только униженіе націи, но и истощеніе ея жизненныхъ средствъ въ пользу безсовѣстныхъ кредиторовъ Исмаила и вообще прежняго правительства. Разсчитывать на заступничество сюзерена Египта, турецкаго султана, было нечего; собственно египетскій государь, Тевфикъ, былъ лишень всякой энергіи и боялся своихъ европейскихъ опекуновъ. Поэтому естественно созрѣла въ умахъ многихъ египтянъ мысль о вооруженной реакціи злу, т.-е. о побужденіи хедива принять мѣры противъ иностранной эксплуатаціи. Этого только и ждали англичане. Они немедлен-

но отправили из Мальты в Александрію заранѣе приготовленный сильный флотъ и бомбардировали этотъ городъ, подъ предлогомъ усмирения «бунтовщиковъ *)» противъ хедива», во главѣ которыхъ сталъ бывшій тогда египетскимъ военнымъ министромъ Араби-паша. Затѣмъ, такъ какъ дорога изъ Александріи въ Каиръ была трудно доступна, то англійскіе флотъ и войска, оставивъ въ первомъ городѣ гарнизонъ, перешли въ Портъ-Саидъ и здѣсь уже сдѣлали большую высадку. Тщетно хозяинъ Суэзскаго канала, Лессенсъ, протестовалъ противъ появленія на его берегахъ военной силы, ссылаясь на всемірно-признанный нейтралитетъ: англійскій генералъ Уольслей пригрозилъ посадить протестанта подъ арестъ и двинулся къ Загазигу, по дорогѣ въ Каиръ. Произошла пресловутая битва при Тель-Эль-Кебирѣ, которую, по общему говору, англичане выиграла не храбростью, а деньгами. Араби-паша былъ взятъ въ плѣнъ, и британскія войска заняли каирскую цитадель... все во имя «независимости» хедива, согласно неоднократнымъ заявленіямъ въ Лондонѣ и въ Египтѣ, какъ видно изъ слѣдующаго.

22 іюля 1882 года адмиралъ Сеймуръ писалъ хедиву, что «великобританское правительство ни въ какомъ случаѣ не думаетъ о завоеваніи Египта. Его единственная цѣль—обезопасить ваше высочество и египетскій народъ отъ повстанцевъ», а 19 августа того же года генералъ Уольслей въ особой деклараціи заявилъ, что «правительство ея британскаго величества прислало въ Египетъ войска съ единственною цѣлью возстановить авторитетъ хедива». Наконецъ, 25 іюля 1885 года англійскій уполномоченный подписалъ заключенный въ Константинополѣ «протоколъ безкорыстія» (protocoll du désintéressement), который гласитъ: «Правительства, представленныя нижеподписавшимися уполномоченными, во всемъ, что касается ихъ совокупнаго дѣйствія по устройству дѣлъ Египта, не ищутъ никакихъ территориальныхъ пріобрѣтеній, никакой исключительной привилегіи, ни выгоды торговой для своихъ подданныхъ, которыхъ бы не могли получить всѣ другія націи». О числѣ министерскихъ заявленій въ британскомъ парламентѣ, увѣрявшихъ, что занятіе Египта есть дѣло временное, нечего и говорить: ихъ такъ много, что имъ давно потерянь счетъ.

Доведа этотъ обзоръ событій 1799—1882 гг. до занятія англичанами Каира, посмотримъ теперь, какъ началось и пошло дѣло упроченія британской власти въ долинѣ Нила. Первоначальное изученіе и веденіе этого дѣла было ввѣрено искусному дипломату и администратору, лорду Дѣфферину, дотогѣ стоявшему въ сторонѣ отъ египетскихъ дразгъ, но хорошо знавшему ихъ. Онъ чрезвычайно вѣжливъ съ хедивомъ и его министрами: всѣ послѣдніе возстановлены и упрочены въ своихъ должностяхъ, кромѣ военнаго, конечно, потому, что онъ былъ бунтовщикъ противъ хедива, да и неудобно же было «вспомогательныя хедиву» англійскія войска подчинять

*) Зачинщикомъ „бунта“, точнѣе, уличной драки въ Александріи былъ одинъ англо-мальтїецъ, британскій подданный.

туру, кошту или арабу. Затѣмъ слѣдуетъ уничтоженіе кондоминіума, не далѣе, какъ черезъ четыре мѣсяца послѣ битвы подѣ Тель-Эль-Кебиромъ, и 26 января 1883 г. французскій уполномоченный, Бредифъ, оставляетъ Египетъ. «Единство» въ направленіи дѣятельности египетскаго правительства устанавливается, къ немалой выгодѣ англичанъ, которые остаются одни въ составѣ международной опеки надѣ страной и немедленно же назначаютъ «финансоваго совѣтника» въ хедивово министерство финансовъ. Овладевъ, такимъ образомъ, двумя главными правительственными силами, солдатами и казною, англичане оставляютъ до времени неприкосновенными прочія, найденныя ими въ странѣ, учрежденія, національныя и международныя. Солдаты, притомъ, сила опасная, не то, что деньги: ихъ отсылаютъ на югъ нильской долины подвизаться противу мусульманскихъ фанатиковъ, дервишей, замѣчательныхъ тѣмъ, что доселѣ они наступательныхъ дѣйствій противъ европейцевъ не производили, а сами подвергались не разъ нападеніямъ европейцевъ или прямо, какъ итальянцевъ въ Кассалѣ, или чрезъ египтянъ, посылаемыхъ англичанами въ Нубію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ египетскія національныя войска гибнутъ отъ лишеній и дѣйствительной борьбы съ нубійцами, которые еще молчаливо сносили власть хедива-мусульманина, но и слышать не хотятъ о господствѣ гауровъ-инглизовъ. Когда, съ теченіемъ времени, старо-египетская армія исчезнетъ мало-по-малу, тогда ее постепенно замѣнятъ и уже замѣняютъ новою, въ которой офицеры—англичане и которой главнокомандующій, сердаръ — генералъ Киченеръ—кровный Джонъ Буль. Вотъ этого-то сердаря хедивъ Аббасъ прошлую зимой вздумалъ было попрекнуть за неуспѣхи обученія египетскихъ солдатъ и поплатился публичнымъ униженіемъ, такъ какъ, по требованію англійскаго министра въ Каирѣ, лорда Бромера, долженъ былъ отдать приказъ по арміи съ выраженіемъ благодарности англійскимъ командирамъ.

Но солдаты и деньги еще не все въ современныхъ государствахъ, надѣ чѣмъ пріятно практиковать власть: въ иныхъ странахъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, правителямъ больше заботъ о просвѣщеніи и судахъ, обыкновенно у большинства націй имѣющихъ второстепенное значеніе; въ другихъ, какъ во Франціи, на первомъ мѣстѣ полиція. Въ Египтѣ это первое мѣсто принадлежитъ вѣдомству общественныхъ работъ, сказать точнѣе—администраціи оросительныхъ каналовъ, арыкъ-аксавалямъ, если можно такъ выразиться, по-туркестански. Безъ правильнаго, хорошо рассчитаннаго и экономно исполняемаго распредѣленія нильскихъ водъ Египетъ обратится въ пустыню; поэтому искони фараоны и хедивы одинаково придавали большое значеніе этому распредѣленію и чиновникамъ, имъ завѣдующимъ. Англичане это хорошо поняли и сообразили, что истиннымъ властелиномъ низняго Нила будетъ лишь тотъ, въ чьихъ рукахъ вода, безъ которой нѣтъ ни солдатъ, ни денегъ. И такъ, министерство публичныхъ работъ было третьимъ, на которое налегла десница британская. Англійскіе инженеры смѣнили французскихъ уже въ 1883 году, т.-е. черезъ годъ послѣ уничтоженія кондоминіума. Присоединивъ сюда полицію городовъ Каира и Але-

ксандріи, также поступившую подъ команду англичанъ тотчасъ по занятіи городовъ, мы видимъ, что все существенное изъ власти египетскаго правительства стало достояніемъ Англии вотъ уже одиннадцать, даже двѣнадцать лѣтъ.

Во всякой странѣ, претендующей на званіе цивилизованной, юстиція стоитъ на стражѣ законности. Цивилизація Египта—самая древняя: ей болѣе 5000 лѣтъ. И если она теперь основана на Коранѣ, то все же потомки подданныхъ древнихъ фараоновъ знаютъ, что она есть и, притомъ, дѣйствуетъ по опредѣленнымъ началамъ. Англичанамъ, повидимому, эти начала не нравились.

Поэтому рѣшено было замѣнить туземную юстицію привозною извнѣ, точнѣе—замѣнить египетскіе суды англо-мусульманскими, по образцу остъиндскихъ. Бывшій генераль-прокуроръ Индіи былъ уполномоченъ вести это дѣло; оно оказывалось нелегкимъ. Особенно трудно перестроить на англійскій ладъ смѣшанные суды, въ которыхъ есть члены-европейцы: они, вѣдь, имѣютъ за себя международные договоры и даромъ сдаваться не намѣрены. Тогда вызываютъ изъ Индіи легиста Скотта, который когда-то былъ судьей въ Александріи, именно въ смѣшанномъ судѣ, и его назначаютъ инспекторомъ туземныхъ судовъ Египта. Онъ дѣлаетъ объѣздъ страны и представляетъ докладъ о печальномъ состояніи въ ней юстиціи и необходимости въ ней реформъ. Но египетскій министръ юстиціи возстаетъ противъ этого доклада, и хедивъ вынужденъ назначить особую комиссію для разбора несогласія. Комиссія, международная по составу, рѣшаетъ противъ Скотта; но англійскія власти не обращаютъ на это вниманія, и г. Скоттъ получаетъ постоянное мѣсто инспектора египетскихъ судовъ и совѣтника министра юстиціи, несмотря даже на то, что дѣло доходило до французскаго парламента, куда французы, живущіе въ Египтѣ, подавали жалобу, требуя поддержки прежнихъ судебныхъ порядковъ въ Египтѣ, гарантированныхъ трактатами и не допускающихъ, чтобы какая-нибудь нація получила въ судахъ преобладающее значеніе.

Наконецъ, министерство народнаго просвѣщенія въ Египтѣ не осталось безъ англійскаго вліянія, хотя египетская образованность есть мусульманская, а не христіанская. Правда, до догматовъ и обрядовъ религіи англичане не касаются, но они англазируютъ школы, измѣняютъ программы обученія и вводятъ въ училища англійскіе обычаи, которые мало подходятъ къ египетскимъ вкусамъ и обычаямъ. Такъ, египетскіе кадеты въ военномъ училищѣ практикуются въ боксѣ, т.-е. въ борьбѣ и булачномъ бою, играютъ въ большой мячъ, причиняющій ушибы и увѣчья, и проч. Въ медицинской школѣ, имѣвшей издавна хорошихъ преподавателей европейской врачебной науки, назначены директоромъ и профессорами англійскіе врачи, совершенно отсталые, такъ что недовольные ими ученики одно время разбѣжались. Ради преуспѣянія земледѣлія, которое въ Египтѣ есть основной промыселъ націи, устроено земледѣльческое училище съ фермой, но преподаватели мало знаютъ природу страны и вкусы народа: ферма занялась, прежде всего, приготовленіемъ свѣжаго коровьяго масла, которое

сохранять въ Египтѣ очень трудно и котораго покупателями являются лишь немногіе европейцы, а не туземцы, потому что оно очень дорого. Вообще возвышеніе цѣнъ на всѣ первыя потребности жизни сопровождало вторженіе англичанъ въ Египетъ и сдѣлало жизнь для бѣдняковъ очень горькою, тогда какъ пришельцы-правители получаютъ изъ египетской казны очень высокіе оклады, дающіе имъ возможность жить роскошно, не замѣчая бѣдствій народа. Лѣтомъ настоящаго 1894 года просвѣщеніе египетскаго народа подверглось той же реформѣ, какъ и правосудіе: въ министру народнаго образованія назначень «совѣтникъ» изъ англичанъ, и это сдѣлано въ отсутствіе хедива, какъ бы для того, чтобы показать, что и безъ него могутъ рѣшаться самыя крупныя дѣла. Да что египетскій хедивъ, хотя бы и съ европейскимъ образованіемъ, даже европейскіе ученые, знаменитые своими трудами по египтологіи, удаляются изъ страны, если они не англичане, и созданіе Мариетта и Масперо, булакскій (т.-е. нынѣ жизекскій) музей, теперь управляется какииъ-то Морганомъ.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, что можно сказать о современномъ Египтѣ и о дѣятельности въ немъ реформаторовъ-англичанъ. Чтò изъ нея выйдетъ впоследствии, я не берусь сказать, но теперь ясно для всякаго, что огромное большинство мѣстнаго населенія ею недоволено. Особенно враждебны классы образованные, точнѣе—привилегированные, которые стѣснены въ своихъ широкихъ замашкахъ, въ наклонности жить на счетъ простонародныхъ массъ. Но и простомудны жалуются на господство пришельцевъ. Сверхъ сопровождающаго ихъ возвышенія цѣнъ на все, многимъ бѣднякамъ-туземцамъ пришлось бросить занятія, которыя доставляли имъ средства къ жизни. Вотъ, наприимѣръ, многочисленное сословіе лодочниковъ по Нилу, между Каиромъ и Ассуаномъ, — чтò имъ дѣлать теперь, когда для перевозки путешественниковъ и товаровъ англичанинъ Томасъ Кукъ завелъ цѣлую флотилію пароходовъ, на которыхъ плаваніе удобнѣе, скорѣе и дешевле, чѣмъ на прежнихъ парусныхъ и весельныхъ дахабяхъ? Они недостаточно сильны въ странѣ, чтобы, подобно венеціанскимъ гондольерамъ, стѣснить враждебное пароходство, а эмигрировать имъ некуда: кругомъ Ливійская степь, да и они—природные египтяне, никогда, никуда не переселявшіеся. Ихъ судьба возбуждаетъ сочувствіе соотечественниковъ, а англичане если не прямо смѣются надъ ними, то относятся къ нимъ съ чисто-британскимъ равнодушіемъ и высокомеріемъ. Мы, европейцы, попадающіе въ Египетъ на короткое время, для прогулки, съ запасомъ денегъ, мы рады, что г. Кукъ имѣетъ на Нилѣ 6 большихъ пароходовъ съ роскошными каютами для туристовъ, 4 парохода почтовыхъ и 11 буксирныхъ для египетскихъ баржей; рады имъ и европейцы—содержатели гостиницъ въ Луксорѣ, Ассуанѣ и пр.,—все пріятели и товарищи Кука,—но для туземца Нильской долины эти пароходы далеко не всегда радостны. «Какъ такъ?—спросите вы,—да вотъ на Волгѣ есть 600 пароходовъ, а не 21, и то ими никто не таготится изъ прибрежныхъ жителей, даже радуются ихъ числу». Да, правда; но Волга и Нилъ не походятъ другъ на

друга: первая судоходна на 3,000 верстъ, а второй лишь на 800, до первого порога, у Ассуана; къ Волгѣ тяготеютъ прибрежья въ нѣсколько сотъ верстъ шириною, справа и слѣва, а долина Нила имѣетъ всего 6—8 верстъ ширины, и кругомъ ея голыя степи. Кромѣ того, на Волгѣ есть множество пароходовладѣльцевъ, а на Нилѣ одинъ Томасъ Букъ, т.-е. монополистъ. Что даетъ онъ за продаваемые ему или его прикащику, агенту, земледѣльческіе продукты, то крестьянинъ и бери, и на большее не надѣйся. Кромѣ того, феллаху всякій пароходъ внушаетъ боязнь: ну, какъ съ него высадится сборщикъ податей, тогда какъ прежде они появлялись рѣдко, да и то не были такъ неумолимы, какъ агенты цивилизованныхъ повелителей Египта, англичанъ. Товары европейскіе, доставляемые пароходами, стали немного дешевле прежняго, но лишь немного, настолько, чтобы сдѣлать невозможною доставку ихъ на верблюдахъ и бичевныхъ лодкахъ, не болѣе. Каирскіе «драгоманъ», правильнѣе — караванъ-баши, которые нѣкогда развозили путешественниковъ и торговцевъ съ товарами по долину Нила, сильно озлоблены на г. Бука, но мысль самимъ составить компанію и выступить конкурентами англичанину у нихъ не прививается, — они привычны дѣлать все въ одиночку, каждый самъ за себя. Да и неужество ихъ въ пароходномъ дѣлѣ кое-что значить, хотя въ капиталахъ у драгомановъ недостатка нѣтъ и они могли бы завести паровыя суда.

Любопытно мнѣ было узнать, какую отрасль промышленности поощряютъ въ Египтѣ англичане, эти люди съ капиталами, которые ищутъ помѣщенія, чтобы не лежать праздными или приносить въ самой Англии $1\frac{1}{2}$ —2 процента въ годъ. По общему отзыву, да и по статистическимъ отчетамъ, эта любимая англичанами промышленность — хлопководство. Въ пять лѣтъ, съ 1888 по 1892 годъ, производительность хлопковыхъ полей возросла съ 7.250,000 пудовъ до 12.410,000 пудовъ, и почти весь хлопокъ ушелъ въ Англию, на фабрики Ланкашира, откуда если и являлся опять въ Египетъ, то въ видѣ тканей, изготовленіе которыхъ было хорошо оплачено египтянами. Ланкаширскіе фабриканты, конечно, довольны, но что думаютъ жители Нильской долины? А то же, что у насъ въ послѣдніе два-три года туркестанцы, снабжающіе хлопкомъ московскій мануфактурный округъ и не имѣющіе потомъ чѣго ѣсть. Цѣны на хлѣбъ въ Египтѣ сильно растутъ, и возвышенію ихъ помогаютъ еще вывозъ изъ страны за границу пшеницы, риса, чечевицы, масляничныхъ сѣмянъ и сахару, да возрастаніе населенія, тогда какъ орошенная, т.-е. воздѣланная, площадь земли остается почти неизмѣнною, да и не можетъ возрасти сколько-нибудь значительно. Послѣднее обстоятельство тревожитъ англичанъ, и они заботятся, гдѣ бы найти почву, годную для орошенія, и воду, способную оросить. Обратили вниманіе на извѣстный оазисъ Фаюмъ и пришли къ заключенію, что въ него выпускается изъ Нила больше воды, чѣмъ слѣдуетъ, что эта лишняя вода даромъ испаряется съ поверхности озера Баруна и что лучше уменьшить послѣднее, да оросить съэкономленною водой почву гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ Нижняго Египта. Но гдѣ? — вотъ во-

прось, на который отвѣтить не легко. Триста квадратныхъ верстѣ на востокѣ отъ Суэзскаго канала, къ сторонѣ Пелузіума, неоросимы безъ огромныхъ издержекъ, можно сказать—неоросимы совсѣмъ. Чтoby осушить и потомъ правильно оросить Марсеотійское озеро, на югѣ отъ Александріи, надобны тоже издержки и время побольше, чѣмъ ихъ было нужно голландцамъ на осушеніе и орошеніе почвы Гарлемскаго озера. О скопленіяхъ нильской воды въ смѣси съ морскою, въ видѣ озеръ Бурдосъ и Мензале, нечего почти и говорить: они надолго, если не навсегда, останутся тѣмъ, чтѣ есть, т.-е. болотами, гдѣ скопляется мутная вода изъ оросительныхъ каналовъ дельты и просто грязь, дающая вредныя испаренія. Одно утѣшеніе, что полоса этой грязи мало-по-малу ушिरается къ сѣверу, густѣетъ, обращается въ солончакъ, потомъ въ твердую почву, но сколько на это надобно времени?

Кромѣ хлопководства, модною промышленностью въ Египтѣ является теперь выварка сахара, которая быстро растетъ. Это любимый промыселъ капиталистовъ, пашей и самого хедива, имѣющаго сахарныя плантаціи въ Верхнемъ Египтѣ. Извѣстно, что въ Новомъ Свѣтѣ разведеніе этихъ плантаціи и возростаніе рабства черезъ покушку негровъ были два явленія параллельныя, — въ Египтѣ то же. Даже феллахи и конты, уроженцы страны, не довольно годны для воздѣлыванія на жаркихъ и влажныхъ плантаціяхъ сахарнаго тростника; и вотъ, вмѣстѣ съ разведеніемъ его, потребовались негры, и, притомъ, негры-рабы, купленные за деньги у арабскихъ торговцевъ этимъ товаромъ. Но неготорговля у цивилизованныхъ народовъ запрещена; англичанами она преслѣдуется особенно строго,—по крайней мѣрѣ, на словахъ,—какъ же быть съ нею въ Египтѣ? Англичане, повидимому, не мало думали объ этомъ дѣлѣ, имъ было не по природѣ убивать крупную капиталистическую промышленность, но они воспользовались доставляемымъ ею случаемъ прижать оппозиціонныхъ пашей, владѣльцевъ заводовъ, а вмѣстѣ и рабовъ-негровъ. На-дняхъ затѣянъ процессъ трехъ пашей, обвиняемыхъ въ неготорговлѣ; регентъ Нубаръ долженъ былъ дать согласіе на этотъ скандалъ, несмотря на его политическую подкладку и на то, что приходится судить предсѣдателя законодательнаго собранія. Но хедивъ,— конечно, по ходатайствамъ,—прислалъ депешу съ приказаніемъ остановить дѣло до его возвращенія. Посмотримъ, что будетъ? А сахару уже вывозится за границу на 700,000 египетскихъ лиръ, т.-е. на 4.000,000 рублей или болѣе, да и на мѣстахъ потребляется не мало.

Я только что хотѣлъ перейти къ замѣткамъ о нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ новаго, англизируемаго Египта, напримѣръ, къ запрещеннымъ промысламъ, вроде продажи патроновъ, какъ въ комнату вошелъ мой бывшій спутникъ до Портъ-Саида, уѣзжавшій смотрѣть центръ земли. Это была неожиданность, потому что мы условились для обратнаго пути съѣхаться въ Александрію недѣлей позднѣе, чѣмъ онъ тамъ появился. Изъ Каира я уѣхалъ потому, что тамъ было слишкомъ жарко, и я уже утомялся отъ прогулокъ по его окрестностямъ, — въ Александрію все же

прохладѣе, и я думалъ тамъ отдохнуть и заняться египтознаніемъ. Вдругъ палестинецъ!

— Ну, что, довольны вы центромъ земли?

— Помилуйте, что вы? Это просто срамъ! Грязь и обманъ самый наглый; интриги, которыхъ смыслъ начинаешь чувствовать съ самаго дня пріѣзда. Да, сектаторскія распри вездѣ гадки, въ Іерусалимѣ онѣ отвратительны!

— Но, вѣдь, вы же слышали обо всемъ этомъ ранѣе, какъ же было не воздержаться отъ прогулки?

— Да любопытство вело, чисто-женское любопытство, — ну, и наказанъ... Представьте, хожу по окрестностямъ, въ Іосафатовой долинѣ; проводникъ-левантинецъ приводитъ къ могилѣ Богородицы; я молюсь, и вдругъ онъ мнѣ съ улыбкой говоритъ: «А, вѣдь, это не настоящая: та покоится въ Эфесѣ». Меня такъ и обварило это признаніе.

— Но оно есть у Бедекера и вы должны были заранѣе его знать.

— Въ несчастію, у меня нѣтъ нѣмецкаго гида, а только французскій... Отвратительно!... А знаете, что меня утѣшило въ Іерусалимѣ? Ваши русскія казармы.

— Казармы? Я не слыхалъ ни о чемъ подобномъ; должно быть, вы такъ называете дома для пріема богомольцевъ, больницу, а казармы какъ могли быть построены русскими въ Турціи?

— Толкуйте, толкуйте! А вотъ лѣтъ черезъ двадцать вы тамъ учредите корпусный штабъ, и тогда въ Іерусалимѣ водворится порядокъ, не будетъ соблазновъ, да и запѣвъ на часахъ въ храмѣ Гроба Господня. И на Суэзскомъ каналѣ установится политическое равновѣсіе, вѣсто гегемоніи англичанъ.

— Поворно благодарю! Да сохранить насъ небо отъ несчастія завоевывать Сирію и Палестину. Пусть ужъ тамъ остаются турки. Или приходите вы, французы, какъ въ 1860 г. по поводу маронитовъ, или какъ въ 1099—для доставленія карьеры крестоносцамъ, или въ 1799—ради прославленія Бонапарта... А теперь идемте на пароходъ,—пора.

P.S. Наша статья относится, по времени писанія, къ концу августа и началу сентября. Съ тѣхъ поръ событія шли своимъ чередомъ: судъ надъ работорговцами кончился; хедивъ вернулся изъ Европы, не заѣзжая въ Константинополь; вернулся изъ Лондона и его строгій дядька, лордъ Кромеръ; пріѣхалъ новый (который уже?) французскій дипломатическій агентъ и проч. Газеты во всей Европѣ многократно мечтали вслухъ о будущности Египта, приглашая правительства, наприм., устроить изъ этой земли «нейтральное государство», вродѣ Бельгіи и Швейцаріи, причемъ, разумѣется, предполагалось, что англичане сейчасъ же очистятъ ее, а турки откажутся даже отъ номинальной власти надъ нею. На всѣ эти мечты Англія официально молчала, и только одинъ изъ ея государственныхъ людей, военный министръ Кэмбелль-Баннерманъ, высказался довольно опредѣлительно, но

за то лишь передъ репортеромъ одной австрійской газеты. Приведемъ его слова, какъ они напечатаны и авторомъ не опровергнуты, изъ чего можно заключить, что они записаны вѣрно:

«Занятіе нами Египта должно быть разсматриваемо лишь какъ временное. Лорды Салисбюри и Розбери, т.-е. главы двухъ нашихъ правительственныхъ партій, не разъ уже дѣлали заявленія въ этомъ смыслѣ. Мы оказали большія услуги Египту, какъ цѣлый свѣтъ можетъ въ этомъ убѣдиться; но мы не можемъ думать объ оставленіи страны ранѣ доказательства, что она можетъ самоуправляться и защищать сама себя. Невозможно назначить времени оставленія Египта на самого себя. Что бы ни говорили объ этомъ предметѣ, я убѣжденъ, что онъ не поведетъ къ столкновенію Англій съ Франціей, потому что тутъ дѣло идетъ объ интересахъ не одной державы, а всего цивилизованнаго міра».

Разсчетъ на невозможность единодушнаго согласія «всего цивилизованнаго міра» тутъ высказанъ довольно ясно. И ужь, конечно, не Англія облегчитъ достиженіе этого единодушія. Она, напротивъ, выпускаетъ пробныя политическіе шары совѣмъ въ другомъ направленіи, наприм., заявляетъ въ газетахъ о возможности обмѣна Бипра на Критъ, который больше по дорогѣ изъ Мальты къ Египту, чѣмъ островъ богини Венеры. На что бы ей Критъ, еслибъ онъ не былъ станціей на пути въ Александрію и Портъ-Сандъ? Вѣдь, критскіе греки, да и мусульмане могутъ доставить не мало хлопотъ: это не индусы, не австраійцы, не краснокожіе... Но «Египетъ—царскій кусокъ», какъ сказалъ сэръ Чарльзъ Дилькъ, и англичане его не выпускаютъ изъ зубовъ, а затѣмъ и стратегическія станціи на пути къ нему необходимы.

М. Венюковъ.

Октябрь 1894 г.

Лечение кровяною сывороткой.

(СЕРОТЕРАПИЯ *).

Въ прошломъ мѣсяцѣ газеты разнесли по Россіи извѣстія о новомъ способѣ леченія дифтерита введеніемъ въ организмъ больного небольшого количества кровяной сыворотки, добытой изъ крови животнаго, которое предварительно путемъ прививанія заразнаго начала (токсина) этой болѣзни было доведено до совершенной невосприимчивости къ дифтеритной заразы. Полагая, что нашимъ читателямъ интересно будетъ узнать, какъ возникъ этотъ способъ борьбы съ ужаснымъ недугомъ, въ чемъ онъ заключается, въ какомъ положеніи стоитъ это дѣло въ настоящее время и чего можно ожидать отъ него въ будущемъ, мы передаемъ здѣсь свѣдѣнія, заимствованныя нами изъ статьи д-ра Жюля Герикюра (Jules Héricourt), напечатанной въ журналѣ *Revue des Revues*. Предварительно же считаемъ уместнымъ привести выдержки изъ статьи профессора В. Д. Шервинскаго, помѣщенной въ *Русскія Вѣдомостяи* (14 октября 1894 г., № 284).

«Дифтеритъ,— говоритъ авторъ,— вызывается особою бациллой, поселяющеюся чаще всего на слизистой оболочкѣ зѣва, гдѣ она, развиваясь, обуславливаетъ появленіе извѣстныхъ пленокъ. Одновременно съ этимъ развиваются въ организмѣ общія явленія, зависящія отъ поступленія въ кровь ядовитаго начала, которое вырабатывается бациллами на мѣстѣ. Какъ ни тяжела болѣзнь, какъ ни часты роковые исходы, тѣмъ не менѣе, дифтеритъ не безусловно смертеленъ. Организмъ можетъ бороться, явленія общаго отравленія мало-по-малу исчезаютъ, да и самыя бациллы пропадаютъ изъ зѣва, больной выздоравливаетъ. Стало быть, при этой борьбѣ создаются въ организмѣ такія условія, при которыхъ дальнѣйшее существованіе бациллъ дѣлается невозможнымъ, почва для нихъ становится совсѣмъ неподходящею. Мало того, эти вновь создавшіяся условія, благоприятныя для организма и губительныя для дифтеритныхъ бактерій, держатся въ организмѣ животнаго болѣе или менѣе долгое время, предохраняя

*) Новый способъ леченія создахъ и пустихъ въ оборотъ и новое слово Sérothérapie—леченіе кровяною сывороткой.

его отъ новаго зараженія, дѣлая его невоспримчивымъ (иммуннымъ) къ дифтеритной заразѣ. Вотъ естественный путь излеченія».

Посмотримъ же, какимъ путемъ дошла врачебная наука до открытія способа создавать искусственно такія же благоприятныя для организма условія, которыя даютъ ему возможность не только успѣшно бороться съ недугомъ, но и становиться совершенно невоспримчивымъ къ заразѣ.

Въ 1888 году физиологи Шарль Рише и Жюль Герикуръ производили изслѣдованія надъ одною заразительною (инфекціонною) болѣзью, безусловно смертельною для кроликовъ и менѣе губительною для собакъ. Собакамъ было сдѣлано прививаніе этой болѣзни и затѣмъ оказалось, что отъ введенія въ организмъ кроликовъ малаго количества крови такихъ собакъ кролики получили способность столь же успѣшно бороться съ заразою, какою обладали собаки, доставившія кровь для прививокъ. Въ сообщеніи объ этомъ, тогда же сдѣланномъ изслѣдователями въ парижской академіи наукъ, эти ученые высказались за возможность обобщенія новаго способа сообщать животнымъ невоспримчивость къ заразительнымъ болѣзнямъ и заявили о своемъ намѣреніи приступить къ такимъ же опытамъ относительно туберкулеза.

Въ то же время, французскими учеными было констатировано, что столь драгоценнымъ въ данномъ случаѣ свойствомъ обладаетъ только жидкая часть крови, кровяная сыворотка (*serum*), а не кровяные шарики и не сгущающійся фибринъ, и дальнѣйшіе опыты производились, съ одной стороны, при введеніи прямо въ кровь небольшихъ дозъ крови вакцинированныхъ животныхъ, съ другой стороны—при впрыскиваніи подъ кожу кровяной сыворотки.

Опыты прививанія туберкулеза продолжались тѣми же учеными нѣсколько лѣтъ и привели къ тому результату, что въ 1890—91 году ими были представлены факультету собаки, коимъ сдѣланы были противутуберкулезныя прививанія, и доказано было, что кровь этихъ животныхъ въ свою очередь сообщаетъ другимъ собакамъ невоспримчивость къ туберкулезу человека. Кромѣ того, было констатировано, что кровь или кровяная сыворотка дѣйствуетъ не только какъ предохранительное средство противъ заболѣванія, подобно обыкновенному прививанію оспы, но является и терапевтическимъ средствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда организмъ уже страдаетъ инфекціонною болѣзью. Опыты леченія этимъ способомъ людей, уже въ значительной степени пораженныхъ туберкулезомъ и получившихъ прививки отъ первыхъ собакъ, вакцинированныхъ Рише и Герикуромъ, привели къ заключенію о возможности успѣшной борьбы съ такъ называемою чахоткой даже въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе больного при иныхъ способахъ леченія можетъ быть признано безнадежнымъ. Было наблюдаемо уже нѣсколько случаевъ выздоровленія такихъ больныхъ, и первый изъ таковыхъ подробно переданъ д-ромъ Герикуромъ въ *Archives générales de médecine* (апрѣль 1892 г.).

Въ то время, какъ названные нами врачи были заняты своими изыс-

каніями и опытами леченія туберкулеза, новый способ леченія заразныхъ болѣзней кровяною сывороткой получилъ дальнѣйшее развитіе въ Германіи и въ Италіи, будучи примѣненъ къ различнымъ болѣзнямъ, не представлявшимъ тѣхъ затрудненій, съ которыми встрѣтились ученые въ своихъ работахъ надъ прививаніемъ туберкулеза. Гг. Берингъ (Behring) и Китазато примѣнили его къ леченію дифтерита и столбняка. Принципъ оставался тотъ же: сообщить различными способами животнымъ невоспримчивость къ зараженію дифтеритомъ или столбнякомъ, затѣмъ кровяною сывороткой отъ такихъ животныхъ пользоваться какъ предохранительнымъ средствомъ или какъ лѣкарствомъ противъ обнаружившейся уже болѣзни. Въ обоихъ случаяхъ результаты оказались блестящими и берлинскіе бактериологи приобрѣли полное право заявить, что ими найдено средство противъ дифтерита и столбняка. Въ теченіе двухъ лѣтъ многіи нѣмецкіе врачи (Ehrlich, Rossel, Wassermann, Wernicke, Katz и друг.) пользовались имъ для леченія дифтерита у дѣтей и единогласно заявили, что никакое иное леченіе не приводитъ къ такимъ благоприятнымъ послѣдствіямъ. Къ такому же заключенію пришелъ д-ръ Ру (Roux), работающій въ институтѣ Пастера и примѣняющій методъ д-ра Беринга, нѣсколько измѣненный относительно способовъ прививки заразнаго начала животнымъ и самого выбора животныхъ, отъ которыхъ получается кровяная сыворотка.

Д-ръ Ру приготовляетъ антидифтеритную кровяную сыворотку изъ крови лошадей. Дифтеритныя бациллы разводятся (культивируются) предварительно въ бульонѣ. Затѣмъ бульонъ тщательно процеживается сквозь фильтръ, не пропускающій бациллъ. Полученная такимъ образомъ жидкость не содержитъ бациллъ, но въ ней заключается то ядовитое начало (токсинъ), которое вырабатывается бациллами и вызываетъ тяжелыя общія явленія у человѣка вслѣдъ за мѣстнымъ пораженіемъ. Эту жидкостью сперва въ малыхъ, затѣмъ въ постепенно увеличиваемыхъ дозахъ дѣлаютъ прививанія лошади. Вслѣдствіе этого животное дѣлается мало-по-малу невоспримчивымъ къ заразѣ. «Въ его организмѣ, — говоритъ профессоръ Шервинскій, — вырабатываются начала, парализующія дѣйствіе яда (антитоксинъ)». Такимъ образомъ, сдѣланныя невоспримчивыми лошади подвергаются періодическимъ кровопусканіямъ, и опытомъ дознано, что онѣ долго сохраняютъ способность оставаться невоспримчивыми къ заразѣ. Когда же съ теченіемъ времени таковая способность ихъ ослабѣваетъ, то весьма легко возстановить ее и усилить новыми прививаніями. Каждая лошадь можетъ давать ежемѣсячно до трехъ литровъ крови, изъ которыхъ получается около двухъ литровъ кровяной сыворотки, годной для леченія дифтерита.

Въ большинствѣ случаевъ, — при своевременномъ, незапоздавшемъ леченіи болѣзни, — бывало достаточнымъ впрыскиваніе подъ кожу въ одинъ разъ десяти кубическихъ сантиметровъ антидифтеритной кровяной сыворотки. Черезъ двѣнадцать, самое большее — черезъ двадцать четыре часа замѣчалось общее улучшеніе состоянія больного, ложныя образованія от

падали, — словомъ, наступалъ періодъ выздоровленія. Въ случаяхъ болѣе поздняго обращенія къ такому леченію, впрыскиваніе того же количества жидкости приходилось повторять еще разъ. Д-ръ Ру говоритъ, впрочемъ, о такомъ случаѣ, когда было сдѣлано впрыскиваніе 200 куб. сантиметровъ антидифтеритной сыворотки безъ вреда для больного.

При дифтеритѣ, какъ и при другихъ болѣзняхъ, при которыхъ испытано было леченіе кровяною сывороткой, доза впрыскиваемой жидкости должна быть тѣмъ большею, чѣмъ сильнѣе успѣла развиваться болѣзнь. Вместе съ тѣмъ, по мѣрѣ развитія болѣзни, — ея, какъ говорится, запущенности, — уменьшаются шансы на выздоровленіе. Всего лучше, разумѣется, было бы обращаться къ такому рода леченію при первыхъ же признакахъ заболѣванія, то-есть соединять леченіе съ предупрежденіемъ болѣзни, такъ какъ кровяная сыворотка въ качествѣ предупреждающаго заимоганіе средства дѣйствуетъ вѣрнѣе, чѣмъ при леченіи ея уже развившейся болѣзни. Все это было, несомнѣнно, установлено опытами д-ра Ру, и безусловно научный характеръ его изслѣдованій убѣдилъ врачей въ огромной силѣ найденнаго противъ дифтерита средства, вызвалъ вполне законный энтузіазмъ общества и сразу ввелъ въ практику употребленіе антидифтеритной кровяной сыворотки.

«Не будемъ увлекаться, — осторожно замѣчаетъ въ своей статьѣ профессоръ Шервинскій. — Въ настоящее время мы не можемъ еще сказать, что уже найдено вѣрное средство, и воскликнуть: нѣтъ болѣе дифтерита! Но мы можемъ съ положительностью утверждать, что основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій положено вполне научно». Изъ этой статьи, также какъ изъ статьи д-ра Гериккура въ *Revue des Revues*, видно, что, при одновременномъ леченіи въ двухъ госпиталяхъ Парижа нѣсколькихъ сотъ дѣтей, больныхъ дифтеритомъ, получены слѣдующіе результаты: въ *Hôpital Trousseau* дѣти пользовались обычнымъ, доселѣ употребительнымъ леченіемъ, безъ впрыскиваній, и изъ 520 дѣтей умерло 316, т.-е. 60%. Въ *Hôpital des enfants malades* за тотъ же періодъ времени было 448 больныхъ, пользовавшихся таковымъ леченіемъ, соединеннымъ съ впрыскиваніемъ подъ кожу противодифтеритной кровяной сыворотки, и изъ нихъ умерло 109, т.-е. 24,5%. «Эти цифры, — заключаетъ профессоръ Шервинскій, — безпристрастно говорятъ въ пользу терапевтическаго примѣненія кровяной сыворотки иммуннаго къ дифтериту животнаго». Еще болѣе убѣдительны цифры по отношенію къ больнымъ, страдавшимъ чистымъ дифтеритомъ зѣва: въ 1891—92 гг. при обычномъ леченіи у д-ровъ Martin и Chaillou умерло изъ 96 больныхъ 38 человекъ (41%), въ 1894 г. тѣ же врачи, при леченіи впрыскиваніями сыворотки, потеряли изъ 120 больныхъ только 9 чел., т.-е. 7,5%, да и то еще изъ нихъ 7 умерло въ первыя сутки по доставленіи въ госпиталь, изъ чего слѣдуетъ, что они доставлены были уже въ безнадежномъ состояніи. По даннымъ д-ровъ Ру, Беринга и многихъ германскихъ врачей, средняя смертность дифтеритныхъ больныхъ, при свое-

временномъ примѣненіи леченія кровяною сывороткой, колеблется между 7—10 человѣками изъ 100 заболѣвшихъ.

Кромѣ опытовъ леченія дифтерита, тотъ же способъ былъ примѣняемъ Klempereg, Foa и Scabia къ леченію крупознаго воспаления легкыхъ; Tizzoni, Centanni и Schwarz — къ леченію бѣшенства; Gamaleja, Hetscher и Klempereg—къ леченію холеры; Bruschetti—къ леченію инфлюэнцы. Помимо этого, многими германскими и итальянскими врачами испытана дѣйствительность того же средства при тифозныхъ заболѣваніяхъ.

При опытахъ леченія этимъ способомъ холеры было сдѣлано, между прочимъ, неожиданное открытіе, заключающееся въ томъ, что во время эпидеміи кровь лицъ, не подвергавшихся, повидимому, заболѣванію, обладаетъ такимъ же свойствомъ, какъ и кровь лицъ, благополучно перенесшихъ эту болѣзнь,—свойствомъ передавать путемъ впрыскиванія невосприимчивость къ заразѣ. Это служитъ доказательствомъ, что число лицъ, подвергающихся дѣйствию эпидеміи, много больше того, которое регистрируется оффициальною статистикой, и что безчисленны случаи, когда организмъ въ себѣ самомъ находитъ силы успѣшно бороться съ заразой. То же самое было наблюдаемо относительно тифозныхъ заболѣваній и крупознаго воспаления легкыхъ. Кровь выздоравливающихъ болѣе или менѣе долгое время сохраняетъ тѣ же особенности, какія имѣетъ кровь животныхъ, сдѣлавшихся невосприимчивыми къ извѣстной болѣзни вслѣдствіе прививаній, сообщившихъ цѣлебное свойство добытой изъ нихъ кровяной сывороткѣ.

Старая терапія оказалась въ невозможности воспользоваться новыми указаніями современной медицины. Пастёръ и его ученики доказали, что заразительныя болѣзни обуславливаются вліяніемъ на организмы болѣзнетворныхъ микробовъ. Но этимъ гениальнымъ открытіемъ могла воспользоваться только хирургія въ своей борьбѣ съ доступными ей микробами. Медицина же, поставленная въ необходимость преслѣдовать и уничтожать микробовъ внутри больного организма, не имѣла въ своемъ распоряженіи достаточно вѣрныхъ средствъ для успѣшной борьбы съ микробами при такихъ условіяхъ. Всѣ средства, признанныя способными убивать микробовъ, дѣйствовали болѣе или менѣе разрушительно и на самый организмъ. До сихъ поръ то обстоятельство, что были открыты и дознаны причины многихъ заразныхъ болѣзней, ничуть не умалило смертности отъ этихъ болѣзней.

Теперь, когда несомнѣнно доказано,—относительно дифтерита, по крайней мѣрѣ,—цѣлебное свойство специально для того изготовленной кровяной сыворотки, къ тому же, *безвредной* какъ для больного, такъ и для здороваго организма человѣка, медицина имѣетъ въ рукахъ могущественное средство для успѣшной борьбы съ болѣзнетворными микробами, и мы вправѣ надѣяться, что наука, идя тѣмъ же путемъ, въ недалекомъ будущемъ дастъ намъ средства для противодѣйствія и другимъ заразнымъ болѣзнямъ.

Для людей, склонныхъ оцѣнивать значеніе научнаго открытія или доктрины тѣми практическими примѣненіями, которыя они имѣютъ въ жизни,

употребление кровяной сыворотки устранить последнее и самое серьезное возражение противников пастёровской теории, по которой микробы признаются причиной всех заразных болезней. На самом деле, не совсем обосновательно многие относились скептически къ будущности такого учения, которое въ практическомъ примѣненіи могло предложить противъ заражительныхъ болезней только рядъ предохранительныхъ прививаній. Нельзя же серьезно предположить, что кто-либо согласится сдѣлать себѣ десять или пятнадцать предохранительныхъ прививаній противъ цѣлаго ряда болезней, которыми и безъ того весьма возможно никогда не занемочь, какъ: туберкулезъ, дифтеритъ, тифъ, холера, крупозное воспаление, бѣшенство и мн. др. Помимо этого, необходимо отмѣтить, что вакцинація, вводящая въ организмъ непосредственно микробовъ, правда, ослабленныхъ, но, все-таки, живыхъ, есть дѣло совсемъ небезопасное. Довозательствомъ служить прививаніе скоту сибирской язвы, дающее постоянно нѣкоторый процентъ неблагополучныхъ послѣдствій. Всегда возможны случайности, обусловливаемые излишнею силой вакцины или чрезмѣрною восприимчивостью организма. Идти же на подобный рискъ, имѣя дѣло съ человѣческимъ организмомъ, разумѣется, немислимо.

Ничего подобнаго не можетъ произойти при употребленіи противузаразной кровяной сыворотки, такъ какъ въ ней нѣтъ никакихъ микробовъ, ни живыхъ, ни мертвыхъ. Это—жидкость, повторяемъ, повидимому, безвредная, но одаренная могучею способностью возбуждать силы организма, въ который она введена, на противодействие и борьбу его противъ невидимаго внутренняго врага.

Обыкновенная, предохранительная вакцинація производится надъ субъектомъ здоровымъ. А кому же, на самомъ дѣлѣ, придетъ желаніе, въ предупрежденіе весьма далекой опасности, подвергаться въ цвѣтѣ силъ и здоровья непріятной и, какъ мы уже сказали, не всегда безопасной операціи? Что же касается кровяной сыворотки, то она является не только безопаснымъ средствомъ для предохранительныхъ прививаній, но и средствомъ лечебнымъ, а потому и обращаться къ этому средству необходимо лишь тогда, когда болѣзнь уже обнаружилась. Въ такихъ случаяхъ надлежитъ, конечно, воспользоваться тѣмъ же средствомъ всемъ близкимъ къ больному, членамъ его семьи, какъ средствомъ, предохраняющимъ отъ заболѣванія; такъ, напримеръ, если у одного ребенка оказался дифтеритъ, то слѣдуетъ неотложно сдѣлать соотвѣтствующія впрыскиванія всемъ дѣтямъ, находящимся въ домѣ. Но къ такой успокоительной мѣрѣ охотно обратятся всѣ, и самые упорные скептики, и самые беззаботные люди.

Опыты профессоровъ Фурнье и Пинара, примѣняющихъ тотъ же способъ къ леченію сифилиса, даютъ надежду, что въ недалекомъ будущемъ и эта ужасная болѣзнь поддастся, наконецъ, леченію кровяною сывороткой, уже добытою, по указаніямъ Рише и Герикеура, отъ специально для того вакцинированныхъ собакъ.

Теперешнее леченіе бѣшенства, хотя и успѣшное, настолько сложно и

такъ трудно приготовленіе употребляемаго при этомъ средства, что производиться оно можетъ только въ опредѣленномъ мѣстѣ, гдѣ имѣются всѣ необходимыя для того приспособленія. Укушенныхъ бѣшеными животными приходится перевозить нерѣдко на очень далекія разстоянія, что сопряжено съ большими расходами и съ потерей весьма драгоценнаго въ такихъ случаяхъ времени. Если когда-нибудь будетъ найдена возможность лечить и бѣшенство впрыскиваніемъ пригодной для того кровяной сыворотки, эти важныя неудобства будутъ совершенно устранены, такъ какъ надлежащимъ образомъ изготовленная кровяная сыворотка сохраняется очень долго и можетъ быть пересылаема безъ малѣйшаго затрудненія. Она можетъ быть доставляема въ видѣ жидкости, при условіи, чтобы влита она была въ стерилизованную посуду, съ добавленіемъ небольшого количества распущенной камфоры. Но, кромѣ того, она можетъ быть превращена въ порошокъ выпариваніемъ въ безвоздушномъ пространствѣ, можетъ быть отправлена въ такомъ видѣ хоть на край свѣта и, распущенная затѣмъ въ водѣ, оказываетъ совершенно такое же дѣйствіе, какъ въ свѣжемъ, жидкомъ видѣ. Такимъ образомъ, во время послѣдней экспедиціи въ Дагомею, былъ отправленъ французскимъ войскамъ порошокъ кровяной сыворотки, излечивающей столбнякъ, являющійся, какъ извѣстно, весьма нерѣдкимъ осложненіемъ огнестрѣльныхъ ранъ и обусловливавшій еще недавно почти неизбѣжно роковой конецъ.

При новомъ методѣ леченія заразныхъ болѣзней кровяною сывороткой, весь рискъ, всѣ опасности вакцинаціи достаются на долю животныхъ, которымъ дѣлаются прививки. Животнымъ предстоитъ выдержать непосредственно борьбу съ микробами и съ ядами (токсинами), выдѣляемыми микробами. И лишь когда борьба закончена, когда микробы и яды исчезли изъ организма животнаго, вышедшаго изъ этой борьбы побѣдителемъ и сдѣлавшагося недоступнымъ или неуязвимымъ для новаго нападенія микробовъ, изъ организма этого животнаго извлекаютъ безопасную и безвредную жидкость, обладающую таинственною силой сообщать невоспримчивость тѣмъ, кому угрожаетъ опасность заболѣванія, и излечивать тѣхъ, кто уже заболѣлъ.

Въ виду всего сказаннаго, мы вправѣ ждаты въ недалекомъ будущемъ очень многого отъ новаго способа борьбы съ заразными болѣзнями. Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что, — хотя бы только для борьбы съ дифтеритомъ, — въ очень скоромъ времени будутъ устроены во всѣхъ большихъ центрахъ институты, гдѣ микробы, покорные волѣ чело-вѣка, будутъ изготовлять средства, при помощи которыхъ медицина сдѣлаетъ ихъ безсильными и нестрашными.

Русское общество откликнулось сочувственно на призывъ нашихъ врачей помочь матеріальными средствами скорѣйшему возникновенію такихъ институтовъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ и въ другихъ университетскихъ городахъ, и теперь уже собрано нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на эту въ высшей степени важное, необходимое дѣло, скорая и правильная постановка котораго спасетъ множество дѣтей, почти безпомощно гибнущихъ въ настоящее время отъ дифтерита.

О расѣ въ антропологіи *).

Тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ незабвенный 1879 годъ, когда Брока и Катрфажъ—свѣтила французской антропологіи, Гами, Мартинье, Шантръ, я и еще нѣкоторые другіе такъ радушно были приняты въ Москвѣ, я напечаталъ въ *Revue d'Anthropologie* статью, носившую почти одинаковое заглавіе съ настоящей.

Я разсматривалъ въ ней опредѣленія расы, даваемыя зоологами и ботаниками, зоотехниками и садоводами, историками и лингвистами, и старался подчеркнуть различія, существующія между этими опредѣленіями. Натуралисты, съ общей точки зрѣнія, смотрѣли на расы, какъ на устойчивыя разновидности, какъ на подраздѣленія одного вида. Техники, съ точки зрѣнія практической, соглашались признавать за расу только такой рядъ особей, общее происхожденіе которыхъ вполне доказано,—которые могутъ быть возведены въ рядъ поколѣній къ извѣстному родоначальнику и составляютъ, такимъ образомъ, одно семейство, болѣе или менѣе обширное. Что же касается историковъ и лингвистовъ, то они смѣшивали понятія расы и народа, характеризуя то и другое особенностями языка.

Разсмотрѣвъ затѣмъ вопросъ по существу, я находилъ, что: 1) нигдѣ на земномъ шарѣ нельзя найти населенія совершенно чистаго отъ всякой примѣси и представляющаго только одинъ типъ; 2) что единственнымъ доступнымъ намъ антропологическимъ матеріаломъ, съ помощью котораго мы можемъ составить себѣ понятіе о типѣ и его непрерывности во времени, служатъ существующія національности; 3) что если первое понятіе о типѣ и можетъ быть, съ помощью нѣкотораго труда, установлено, то второе понятіе о непрерывности типа во времени является простою догадкой, которую доказать невозможно; 4) что, слѣдовательно, понятіе о расѣ въ обоихъ отношеніяхъ и особенно въ послѣднемъ есть понятіе субъективное—созданіе нашего собственнаго ума. Единственное, что является реальнымъ и обыкновеннымъ, это—существующія національности и ихъ историческіе элементы. Я замѣчалъ далѣе, что въ первыя времена жизни че-

*) Статья извѣстнаго антрополога *М. Томинара*, присланная авторомъ на московскій международный конгрессъ антропологіи и доисторической археологіи.

ловѣчества дѣло было иначе. Народы жили обособленною жизнью; вліяніе окружающей среды было гораздо сильнѣе; количество рожденій и смертей гораздо больше, а слѣдовательно и процессъ приспособленія къ средѣ гораздо быстрѣе. При этихъ условіяхъ могли создаваться расовыя различія. Представьте себѣ только группу людей, окруженныхъ морями и пустынями, живущихъ подъ экваторомъ и не настолько еще развитыхъ, чтобъ умѣть защититься отъ жгучаго солнца. Теперь же всѣ условія жизни совершенно измѣнились: уровень умственныхъ способностей поднялся, явилась возможность переселяться съ мѣста на мѣсто и приспособляться ко всѣмъ измѣненіямъ среды. Люди сдѣлались космополитами и смѣшиваются одни съ другими повсюду. Теперь существуютъ, такимъ образомъ, только смѣшанные народы, среди которыхъ вновь возникающіе типы немедленно расплываются въ общей массѣ и постоянно сливаются другъ съ другомъ. Если взять, однако, для наблюденія обширныя подраздѣленія челоуѣчества, то можно найти и середину между указанными крайностями. Въ этихъ обширныхъ группахъ обнаружатся типы, обладающіе до нѣкоторой степени и устойчивостью, и постоянствомъ во времени. Эти типы тоже непрерывно разрушаются и возникаютъ въ новыхъ сочетаніяхъ; но ихъ постоянныя измѣненія походятъ на образование почвенныхъ слоевъ, поочередно смѣняющихъ другъ друга, но состоящихъ изъ однихъ и тѣхъ же составныхъ элементовъ. При изученіи верхняго слоя, единственно доступнаго нашимъ наблюденіямъ, мы должны замѣнить, слѣдовательно, принципъ постоянства типа принципомъ постоянства отдѣльныхъ составляющихъ его признаковъ. И такъ, постоянство типа въ прошломъ, какъ сліяніе и объединеніе въ будущемъ—замѣна первоначальной неизмѣняемости измѣнчивостью и подвижностью—таковъ былъ заключительный выводъ моей статьи.

Послѣ 1879 года я все болѣе убѣждался въ справедливости этого вывода. Онъ мнѣ помогъ разобраться въ массѣ трудностей и неясностей, на которыя приходится наталкиваться въ антропологической практикѣ. По частямъ я развивалъ его въ различныхъ статьяхъ, въ своихъ *Elements de l'anthropologie générale* и въ *Homme dans la nature*. Но, несмотря на все это, я не увѣренъ, что меня хорошо поняли, и на этотъ разъ я хочу представить свое ученіе въ цѣломъ его видѣ.

Есть два пути для изученія челоуѣческихъ расъ. Можно начинать съ момента ихъ возникновенія и идти постепенно путемъ анализа до современной эпохи. Или же можно начать съ настоящаго и попытаться проникнуть въ глубину древности. Результаты получаются при этомъ неоднородные. При первомъ способѣ устанавливаются общіе типы—европейца, азіата, африканца, или же бѣлаго, желтаго, чернаго и т. д.—и подраздѣляются на короткоголовыхъ и длинноголовыхъ, гладко и курчаво-волосыхъ, бѣлокурныхъ и черноволосыхъ и т. д. Для натуралиста эти общіе типы обоихъ порядковъ являются представителями начальныхъ расъ, которыя путемъ дефференцірованія и смѣшенія породили всѣ типы третьяго и четвертаго порядковъ, повсемѣстно нами наблюдаемые теперь въ такомъ

изобиліи. Въ этомъ смыслѣ эпитетъ раса вполне законенъ до тѣхъ поръ, пока онъ употребляется для отвлеченнаго обозначенія общихъ типовъ.

При другомъ способѣ предметомъ изученія дѣлается только то, что находится непосредственно передъ глазами; въ этомъ матеріалѣ стараются выдѣлить изъ нестройной массы существующіе теперь типы и затѣмъ пробуютъ связать ихъ съ исторически извѣстными или подогнать ихъ къ общимъ, только что упомянутымъ типамъ.

Но тутъ-то почва и начинаетъ колебаться. Наши типы третьяго и четвертаго порядка суть продукты личныхъ умозаключеній и ихъ фактическая связь съ первоначальной расой не можетъ быть установлена. Мы встрѣчаемъ величайшія затрудненія при самомъ опредѣленіи этихъ типовъ, для котораго приходится прибѣгать къ соединенію двухъ способовъ: къ внѣшнему наблюденію и измѣренію, результаты котораго должны быть выражены посредствомъ рядовъ и среднихъ цифръ. Эта операція требуетъ большого такта, вѣрнаго взгляда, осторожности и огромнаго навыка.

Но еще труднѣе оказывается связать полученные типы съ типами прошлаго, такъ какъ приходится выводить эти послѣдніе изъ довольно неопредѣленныхъ описаній, въ которыхъ указаны два или три общихъ признака, или основывать ихъ на болѣе или менѣе сомнительныхъ барельефахъ и рисункахъ, или на черепахъ, число которыхъ слишкомъ незначительно для сколько-нибудь удовлетворительнаго вывода.

Въ двухъ отношеніяхъ обнаруживается при этомъ особенно часто путаница понятій. Съ одной стороны, смѣшиваютъ понятія *народа* и *расы*, съ другой—понятія *признака* и *типа*.

Цивилизованные народы, орды варваровъ и даже дикія племена, по-видимому, совершенно обособленные,—все это суть только агломераты, составившіеся изъ элементовъ самаго различнаго происхожденія, а каждый изъ этихъ элементовъ, въ свою очередь, былъ уже готовымъ народомъ не менѣе сложнаго состава. Ни одинъ народъ, ни одна человѣческая группа, намъ извѣстная, нигдѣ и никогда не были представителями безпримѣснаго типа; такимъ образомъ, этотъ первый элементъ понятія расы въ своемъ чистомъ видѣ остается намъ неизвѣстенъ.

Составные элементы, изъ которыхъ образовались народы, вовсе не были расами, а такими же народами. Выдѣляя ихъ, мы, слѣдовательно, не разрешаемъ затрудненія, а только отодвигаемъ его.

По увѣренію нашихъ историковъ, французскій народъ образовался изъ трехъ элементовъ: иберовъ, кельтовъ и галловъ. Что же представляли изъ себя эти группы? Были ли онѣ расами? Для большаго удобства мы даемъ имъ это названіе, но въ дѣйствительности это были народы, расселившіеся на болѣе или менѣе широкомъ пространствѣ; изъ ихъ многочисленныхъ названій только нѣкоторыя дошли до насъ. Мы представляемъ себѣ иберовъ маленькими, черноволосыми и длинноголовыми, но этого недостаточно, чтобы отличить ихъ отъ берберовъ, сицилійцевъ, южныхъ грековъ и другихъ жителей Средиземнаго моря, которыхъ характеризуютъ тѣми же са-

мыми признаками. Вездѣ, гдѣ мы ихъ встрѣчаемъ, они оказываются перемѣшанными съ короткоголовыми и съ бѣловолосыми. Трудности, съ которыми мы встрѣчаемся теперь, нисколько не уменьшились бы и въ томъ случаѣ, если бы мы перенеслись въ ту эпоху.

Мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго и о кельтахъ. Для насъ это западные короткоголовые; но мы не можемъ различить между ними короткоголовыхъ Испаніи, Шварцвальда или Богеміи, и знаемъ, притомъ, отлично, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ они были перемѣшаны съ другими типами. Что же касается галловъ, то намъ извѣстно, что въ Галліи они составляли только одинъ слой населенія, густота котораго намъ неизвѣстна. Съ своимъ безпокойнымъ характеромъ они расселились по всей странѣ и мы не можемъ даже различить ихъ отъ германцевъ, скандинавовъ или отъ кимбровъ. Какъ же можно при такой недостаточности данныхъ, принимая, притомъ, въ расчетъ, что смѣшеніе національностей происходило не въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь, а ихъ подвижность и перемѣщеніе были даже гораздо больше теперешнихъ,—какъ можно при этихъ условіяхъ пытаться устанавливать между племенами иные связи, чѣмъ тѣ, которыя даетъ намъ исторія (т.-е. рассказъ о событіяхъ, происходившихъ у нѣкоторой, очень немногочисленной части этихъ народностей)?

Страны, наиболѣе намъ извѣстныя, представляютъ слѣдующее зрѣлище: въ основѣ населенія лежитъ древній этнографическій осадокъ: это—остатки всего, что когда-либо жило въ странѣ со временъ наиболѣе отдаленныхъ.

Исторія игнорируетъ эту безыменную массу, но она-то чаще всего и передаетъ свой типъ или свои различные типы въ силу своей большей численности и болѣе значительной приспособленности къ условіямъ мѣстнаго существованія. Затѣмъ являются завоеватели, смѣняющіе другъ друга и одинаково намъ неизвѣстные; позднѣйшіе изъ нихъ оставляютъ слѣды въ народныхъ легендахъ; еще болѣе поздніе, наконецъ, попадаютъ въ исторію. Эти-то послѣдніе пришельцы и даютъ обыкновенно странѣ ея имя, языкъ и цивилизацію и составляютъ предметъ изученія. Вліяніе ихъ наиболѣе сильно, но численность ихъ часто наименѣе значительна. Наконецъ, остается еще цѣлый періодъ послѣ Р. X., масса второстепенныхъ передвиженій разнаго рода, извѣстныхъ или неизвѣстныхъ, продолжительныхъ или быстро смѣняющихся.

Черезъ эти постепенныя наслоенія, оставленныя самими разнообразными типами, часто вовсе намъ неизвѣстными, хотять добраться до родословной нынѣшнихъ господствующихъ типовъ. Неужели это возможно? Наше заблужденіе просто невѣроятно и можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что мы постоянно смѣшиваемъ преемство антропологическое съ преемствомъ народовъ.

Въ Азіи, въ Америкѣ, въ Африкѣ условія приблизительно тѣ же. Тамъ, гдѣ иныхъ справокъ навести невозможно, одни черепа указываютъ на совершившіяся неизвѣстныя намъ смѣшенія, на замѣну однихъ типовъ другими и на то, что суммируемые нами ряды однородныхъ наблюденій скорѣе

свидѣтельствуютъ объ остаткахъ отъ самыхъ разнообразныхъ эпохъ, чѣмъ указываютъ на существованіе какихъ-нибудь реальныхъ типовъ. Эскимосы, жители Огненной Земли, вымершіе тасманцы представляются только обломками всеобщаго переворота, заброшенными въ глухіе уголки земного шара и благодаря этому сохранившими свой преобладающій типъ въ нѣсколько болѣе чистомъ видѣ.

Второе, что мы постоянно смѣшиваемъ, это—типы съ признаками. Типъ есть совокупность признаковъ,—извѣстная суммъ чертъ, повторяющихся въ одинаковомъ сочетаніи и свидѣтельствующихъ о кровномъ родствѣ членовъ данной группы (болѣе широкой, чѣмъ семейная). Признаки суть составные элементы типовъ. Они существуютъ у людей независимо отъ сочетанія ихъ въ типы. Всегда были люди высокаго или малаго роста, длинноголовые или короткоголовые, со свѣтлыми волосами, глазами и цвѣтомъ лица и съ болѣе темною окраской. Эти признаки чаще всего повторяются въ странахъ, гдѣ прежде ихъ было много, и рѣже тамъ, гдѣ ихъ было незначительное количество. Поэтому въ основу нашего разсужденія должны быть положены не они, а ихъ опредѣленные сочетанія. За этими сочетаніями и нужно слѣдить, а не за признаками, разсматриваемыми въ отдѣльности. Извѣстны случаи фамилныхъ сходствъ, передававшихся до 6-го или 8-го поколѣнія, а также случаи повторенія у нѣсколькихъ членовъ какой-нибудь династїи одинаковой формы лба, носа или подбородка. Но въ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ только о признакахъ, взятыхъ въ отдѣльности. Въ расовомъ типѣ признаки могутъ разъединяться точно также, какъ въ типѣ семейномъ. И тамъ, и здѣсь признаки, соединенные случайностью браковъ, разъединяются подобнымъ же образомъ. Извѣстно, что у растений и у животныхъ многочисленныя скрещиванія дѣлаютъ признаки беспорядочными; готовые сложиться типы тотчасъ же разлагаются. То же самое можно сказать и о людяхъ, на плодовитость которыхъ скрещиваніе внутри одной и той же группы не оказываетъ вліянія. Наслѣдственная передача то сосредоточиваетъ, то разсѣиваетъ признаки, смотря по характеру браковъ. Въ наше время она скорѣе разрушаетъ типы, чѣмъ поддерживаетъ ихъ. Признаки, преобладавшіе прежде въ какой-нибудь странѣ, продолжаютъ въ ней господствовать; но въ каждомъ поколѣніи они комбинируются различно. Эти сочетанія могутъ и совпадать; нѣкоторыя изъ нихъ образуются довольно легко; то, что случай произвелъ 50, 500, 5000 лѣтъ тому назадъ, можетъ и повториться; но отсюда далеко еще до вывода, что типъ существуетъ непрерывно, а именно такая непрерывность типа и характеризуетъ расу.

Часто ссылаются на спорадическое появленіе въ наши дни типа, похожаго на неандертальскій. Въ сущности, это простое совпаденіе, и, притомъ, довольно рѣдкое: сочетаніе двухъ признаковъ, усиливающихъ другъ друга: покатый лобъ и выдающіяся надбровныя дуги. Присоединяется ли къ этому еще признакъ длинноголовости и плоскоголовости, на это обыкновенно не указывается. Случается также встрѣчать микросемическія ор-

биты, соединенныя или не соединенныя съ длинноголовостью или извѣстною кривизной черепа, и въ этомъ видятъ воскресшій типъ пещеры мертваго человѣка. Можно ли быть увѣренными, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простымъ совпаденіемъ? Изъ всѣхъ ископаемыхъ типовъ типъ германскихъ могильниковъ (Reijengtöber) представляется мнѣ наиболѣе точно установленнымъ. Гдѣ можно найти его теперь? Точно также трудно было бы отыскать знаменитый кро-маньонскій типъ, характеризуемый длинноголовостью, микросемическими орбитами, прекрасно развитымъ лбомъ и короткимъ лицомъ. Каждый изъ этихъ признаковъ встрѣчается, но не въ такомъ сочетаніи. Не надо забывать, что нѣкоторые признаки естественно влекутъ за собой другіе и что такіа сочетанія связанныхъ взаимно чертъ точно также не слѣдуетъ смѣшивать съ типами.

Последнее соображеніе, на которое я хотѣлъ бы обратить вниманіе, основывается на внутреннемъ размноженіи человѣческаго рода и на опредѣленіи расы, какое даютъ садоводы и зоотехники.

Любопытное обстоятельство: слово раса почти не употребляется натуралистами, когда они говорятъ о животныхъ и растеніяхъ. Они предпочитаютъ слово разновидность, которое оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о постоянствѣ, — условіи *sine qua non* для существованія расы.

Какъ только они замѣтятъ, что признаки данной разновидности постоянны, возникли не случайно и не подъ влияніемъ среды, они тотчасъ дѣлаютъ изъ разновидности видъ. Напротивъ, тѣ же натуралисты усиленно пользуются словомъ раса, когда дѣло касается домашнихъ животныхъ или растеній, лошадей, собакъ, голубей и всевозможныхъ продутовъ нашего садоводства, всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ размноженіе совершается внутри даннаго вида и не предоставлено самому себѣ. Отсюда, кажется, слѣдуетъ, что однимъ изъ условій для образованія расы является цѣлесообразный подборъ скрещиваній; отсутствіе же такого подбора ведетъ къ исчезновенію расы.

Зоотехники понимаютъ расу такимъ образомъ: раса, говорятъ они, примѣръ, раса собакъ, — это непрерывная цѣпь особей, которыя произошли отъ одного извѣстнаго корня и за размноженіемъ которыхъ внимательно слѣдили или даже вели ихъ генеологію. Какъ скоро прекращается надзоръ и размноженіе предоставляется самому себѣ, раса уничтожается. Если между собаками общіе типы сохраняются, то только потому, что обстоятельства или люди безсознательно этому содѣйствовали. Среди уличныхъ или одичалыхъ собакъ только случай управляетъ сочетаніями признаковъ. Среди нихъ незамѣтно поэтому ни постояннаго типа, ни расы. Садоводы выражаются еще рѣшительнѣе. Типы, говорятъ они, которые мы создаемъ, оплодотворяя искусственно особи и ставя ихъ въ извѣстную среду, вырождаются и исчезаютъ, какъ только мы перестаемъ ими заниматься. Ихъ продолжительность пропорціональна числу поколѣній, въ теченіе которыхъ мы о нихъ заботились.

Человѣкъ, каковымъ мы его видимъ, находится въ совершенно одинако-

вомъ положеніи съ домашними животными и растеніями. Его размноженіе, какъ уличныхъ собакъ, предоставлено самому себѣ; браки происходятъ во всевозможныхъ направленіяхъ и всегда производительны. Наслѣдственныя склонности, накопляющіяся въ мужскихъ и женскихъ поколѣніяхъ, чаще исключаютъ другъ друга, чѣмъ находятся въ согласіи. Постоянныя смѣшенія національныхъ элементовъ ведутъ къ распаденію типовъ, а никакъ не къ концентраціи и закрѣпленію ихъ. Слѣдовательно, расъ не существуетъ. Возможно, что прежде дѣло было иначе: на нѣкоторыхъ островахъ сохраняется еще и теперь сравнительная изолированность. Но въ общемъ можно принять, что въ настоящее время новые типы не образуются, а старые распадаются.

Что же касается общихъ типовъ, изъ которыхъ одни преобладаютъ въ Азіи или Америкѣ, а другіе въ остальныхъ частяхъ свѣта, то мы ихъ готовы принять въ томъ же смыслѣ, какъ у собакъ; разсѣянные, на половину распустившіеся въ массѣ, эти типы остаются свидѣтелями давно исчезнувшаго порядка вещей. По поводу этихъ именно человѣческихъ типовъ (также какъ и собачьихъ) натуралисты подраздѣляются на полигенистовъ и моногенистовъ; одни хотятъ считать ихъ первобытными *видами*, другіе—первобытными расами.

Подведемъ теперь итоги. Существуютъ двѣ точки зрѣнія на человѣческія расы. Одна изъ нихъ обращаетъ вниманіе только на общіе типы, свойственные обширнымъ подраздѣленіямъ человѣчества; эти типы считаются,—правильно, нѣтъ ли,—представителями болѣе или менѣе первобытныхъ исчезнувшихъ расъ. Другая точка зрѣнія рассматриваетъ расы какъ составные элементы народовъ, отыскиваетъ расовые типы, увеличиваетъ ихъ количество и всѣ найденные типы считаетъ неизмѣнно сохранившимися отъ глубокой древности, несмотря на всѣ перевороты и смѣшенія историческихъ и доисторическихъ временъ. Въ первомъ случаѣ расы суть только болѣе или менѣе первобытныя или недавнія подраздѣленія человѣческой породы. Во второмъ смыслѣ расы суть чистыя созданія нашей абстракціи. Первый элементъ понятія расы—типъ—зависитъ въ этомъ случаѣ отъ личной проницательности наблюдателя, а второй—преемство типа—есть только гипотеза, удобная для изслѣдователя, но не могущая быть доказанной. Въ обоихъ случаяхъ, въ особенности во второмъ, раса есть субъективное представленіе; единственное, что объективно и реально, это то, что мы видимъ своими глазами: племена и народы.

При такихъ условіяхъ можно задать вопросъ: не лучше ли быть болѣе осторожнымъ въ употребленіи слова раса, сохранить его для общихъ типовъ, присутствіе которыхъ анализъ открываетъ въ главныхъ отрасляхъ человѣчества, и не употреблять этого термина для обозначенія типовъ третьяго и четвертаго порядка, созданныхъ нами и считаемыхъ за составные элементы народовъ?

Такимъ образомъ можно было бы освободиться отъ недоразумѣній, которыя постоянно возникаютъ, когда въ поискахъ за происхожденіемъ на-

родовъ изслѣдователи смѣшиваютъ область этнографіи съ областью антропологіи. Не было бы болѣе столкновеній между историками и литераторами, съ одной стороны, употребляющими слово раса въ самомъ произвольномъ смыслѣ, и натуралистами и антропологами—съ другой, суживающими этотъ смыслъ до понятій о преемствѣ во времени даннаго физическаго типа. Этнографамъ осталось бы тогда заниматься только тѣмъ, что составляетъ прямую задачу ихъ изслѣдованій,—по прямому смыслу ихъ названія: народы, способы ихъ историческаго происхожденія, языки, на которыхъ они говорятъ, ихъ фізіологическія и социальныя черты, ихъ нравы и обычаи, ихъ вѣрованія, ихъ цивилизація и различный ходъ ея развитія.

Однимъ изъ самыхъ хорошихъ послѣдствій такого размежеванія областей было бы выдѣленіе изъ антропологіи разъ навсегда этого вопроса о національностяхъ, который ея вовсе не касается. Чтобъ уяснить себѣ, насколько, напримѣръ, въ Европѣ вопросъ о національности чуждъ вопросу о расѣ или даже вопросу о составныхъ элементахъ народовъ, надо только припомнить (принимая здѣсь слово раса въ условномъ смыслѣ), что всего три или четыре расы лежатъ въ основѣ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ народностей, на которыя теперь дѣлится Европа. Эти расы характеризуются слѣдующими признаками: бѣлокурые, короткоголовые, смуглые. Съ нѣкоторыми дополнительными признаками онѣ встрѣчаются вездѣ. Мѣняются только ихъ отношенія: на сѣверѣ больше бѣлокурыхъ, въ центрѣ отъ Урала до Португаліи преобладаютъ короткоголовые; на югѣ вокругъ Средиземнаго моря—смуглые. Даже и въ томъ случаѣ, если бы два народа имѣли одинаковую пропорцію бѣлокурыхъ, короткоголовыхъ, смуглыхъ, одинаковыя соотношенія роста большого и маленькаго, носовъ прямыхъ, съ горбомъ или вздернутыхъ, лицъ короткихъ или длинныхъ, то отсюда, конечно, не слѣдовало бы, что они принадлежатъ, или должны принадлежать, къ одной и той же національности.

Національность не имѣетъ отношенія ни къ антропологіи, ни къ расѣ. Она связана только съ исторіей и является только ея продуктомъ.

Витализмъ и наука *).

Бросая обратный взглядъ на истекшій годъ, мы не можемъ не остановить вниманія на двухъ событіяхъ, на двухъ дняхъ, которые наше общество отмѣтило и еще собирается отмѣтить особымъ торжественнымъ засѣданіемъ. Сто лѣтъ тому назадъ, 8 мая, безвременно погибъ Лавуазье; 8 сентября не стало Гельмгольца. Между этими двумя днями помѣщается цѣлое столѣтіе, подобнаго которому человѣчество, конечно, никогда еще не переживало. Эти два имени невольно вызываютъ на сравненіе, — оно, впрочемъ, стало почти общимъ мѣстомъ. Чѣмъ одинъ въ XVIII в. былъ для ученія о веществѣ, тѣмъ другой былъ въ XIX в. для ученія о силѣ. Одинъ, въ концѣ своей насильственно прерванной жизни, съ особенною любовью останавливается на примѣненіи своихъ идей къ разъясненію явленій жизни, — другой началъ съ изученія этихъ явленій для того, чтобы перейти въ болѣе широкую, болѣе удовлетворявшую его точный умъ область физики. Благодаря тому, что эти и имъ подобные умы обращали вниманіе на явленія жизни, примѣняли къ нимъ методы физическихъ наукъ, быть можетъ, ни одна отрасль естествознанія не сдѣлала за этотъ промежутокъ времени такихъ относительно громадныхъ успѣховъ, какъ физиологія. Съ той минуты, какъ дыханіе, — эта, казалось, сущность жизни, — было сведено гениемъ Лавуазье на химико-физическій процессъ, витализму былъ нанесенъ рововой ударъ, а въ 1869 году Гельмгольцъ могъ сказать, что наука о жизни въ послѣднія сорокъ лѣтъ сдѣлала болѣе успѣховъ, чѣмъ въ предшествовавшіа два тысячелѣтія.

Я буду имѣть въ виду, конечно, только извѣстную мнѣ область физиологіи растений. Какъ связаная, систематическая доктрина, физиологія растений вся развилась за этотъ столѣтній періодъ. Въ 1791 году появилась первымъ изданіемъ, а въ 1809 г. вторымъ первая физиологія растений, принадлежавшая перу Сенебье. Хотя она появилась, такимъ образомъ, уже въ XIX ст., Сенебье подчеркиваетъ ту мысль, что онъ желаетъ подвести

*) Рѣчь, читанная въ годичномъ засѣданіи общества любителей естествознанія и пр. 15 октября 1894 г.

итоги науки восемнадцатаго вѣка и высказать надежды, которыя отъ возлагаются на девятнадцатый. Во всей этой книгѣ чувствуется тотъ подъемъ научнаго духа, который былъ послѣдствіемъ великихъ открытій Лавуазье.

Оправдалъ ли XIX вѣкъ возложенныя на него фізіологомъ надежды? Оказалось ли плодотворнымъ то распространеніе методовъ физическихъ наукъ на жизненныя явленія, отъ котораго такъ много ожидалъ ученый, стоявшій на порогѣ вѣка? До самаго недавняго времени на этотъ вопросъ могъ быть одинъ отвѣтъ, но за послѣдніе годы въ нашей русской научной литературѣ начинаетъ пробиваться струйка, не широкая, но очень бурливая, прямо протестующая противъ какихъ-то юношескихъ увлеченій, проповѣдующая возвратъ къ забытому витализму и пытающаяся доказать, что это, очевидно, попятное движеніе—«признакъ оздоровленія и окрѣпленія научнаго мышленія», «здоровый протестъ противъ крайностей матеріализма шестидесятихъ годовъ» *). Починъ въ этомъ направленіи принадлежитъ бывшему дерптскому, теперь базельскому профессору Бунге; загѣмъ искру перекинуло на дальній востокъ, въ Томскъ, гдѣ проф. Коржинской, въ рѣчи — *Что такое жизнь*, выступилъ съ тѣми же воззрѣніями въ область ботаники, и, наконецъ, особенно громко этотъ неовитализмъ заявилъ о своемъ появленіи въ рѣчи проф. Бородина: *Протоплазма и витализмъ*, произнесенной на прошлогоднемъ 25-ти лѣтнемъ юбилеѣ петербургскаго общества естествоиспытателей.

Въ этой рѣчи, вызвавшей въ присутствующихъ, насколько мнѣ пришлось слышать, самыя противоположныя впечатлѣнія, проф. Бородинъ объявилъ, «что мы присутствуемъ при зрѣлищѣ столь же любопытномъ, сколь неожиданномъ для многихъ: витализмъ начинаетъ возрождаться, хотя въ иной, обновленной формѣ». «Не какіе-нибудь диллетанты, а серьезные ученые, наперекоръ господствующему теченію, заговариваютъ снова о жизненной силѣ». «Старушка, жизненная сила, которую мы съ такимъ триумфомъ хоронили, надъ которой всячески глумились, только притворилась мертвою и теперь рѣшается предъявить какія-то права на жизнь, собираясь воспрянуть въ обновленномъ видѣ». Этихъ выдержекъ достаточно, чтобы выяснитъ общее направленіе рѣчи; для дальнѣйшей характеристики стоитъ прибавить, что ораторъ оканчиваетъ ее радостнымъ возгласомъ: «Нашъ же догорающій XIX вѣкъ осѣкся,—осѣкся на вопросѣ о происхожденіи жизни».

Прежде всего, рождается вопросъ: чему же радоваться, еслибъ и дѣйствительно наука XIX вѣка осѣклась въ какомъ-нибудь направленіи? А затѣмъ является вопросъ, точно ли наука XIX вѣка можетъ нести отвѣтственность за то, что нашъ защитникъ витализма, въ другомъ мѣстѣ, на своеобразномъ языкѣ своемъ, называетъ «козыремъ въ рукахъ виталистовъ»?

Спрашивается, наконецъ, что же такое случилось, какою рядъ новыхъ открытій вынуждаетъ науку отречься отъ ея вѣкового прошлаго и принести покаяніе? Ничего подобнаго, конечно, не случилось; только три

*) И. П. Бородинъ: „Протоплазма и витализмъ“. *Миръ Божій*, май 1894 г.

смѣлыхъ человѣка—профессора Бунге, Коржинскій и Бородинъ—рѣшили возвѣстить *ubi et ubi*, что витализмъ воскресъ.

Не буду касаться аргументовъ проф. Бунге; они были въ свое время оценены компетентными судьями. Буду держаться, какъ уже сказалъ, исключительно на извѣстной мнѣ почвѣ физиологій растений. Это мнѣ кажется и вообще болѣе удобнымъ, по самому содержанию нашей науки. Здѣсь мы не имѣемъ дѣла съ тѣмъ усложненіемъ задачи, которое выступаетъ чуть не на первый планъ съ появленіемъ нервной системы и еще болѣе съ появленіемъ процессовъ психическихъ. Нашъ защитникъ витализма, очевидно, самъ сознаетъ, какъ невыгодно для него строго-научное обсужденіе вопроса на точно ограниченной почвѣ нашей науки, и потому дѣлаетъ ничѣмъ не оправдаваемые скачки въ область высшихъ психическихъ явленій. Такъ, для большаго убѣжденія своихъ слушателей, онъ два раза увѣряетъ ихъ, что противники витализма готовы объяснить механически даже гоній Ньютона, и уже на основаніи этого самовольно навязаннаго имъ легкомыслія позволяетъ себѣ даже слѣдующее остроуміе. Напоминая французское изреченіе «*Nul n'est grand homme pour son valet de chambre*», онъ поясняетъ, что противники витализма, въ своемъ отношеніи къ природѣ, могутъ уподобиться этому лакею. Что-жь, любезность за любезность: если профессоръ Бородинъ заботливо предупреждаетъ, что представителямъ того направленія, которому наука о жизни обязана всѣмъ своимъ содержаніемъ, грозитъ опасность сдѣлаться ея «лакеями», то виталистамъ, ничего для нея не сдѣлавшимъ, конечно, еще болѣе грозитъ опасность сдѣлаться ея «джентльменами»... въ смыслѣ, который придавалъ этому слову Франклинъ *).

И такъ, ограничимся при обсужденіи вопроса исключительно областью физиологій растений и не послѣдуемъ за нашимъ защитникомъ витализма на скользкую почву совершенно чуждыхъ наукъ соображеній **).

Вопросъ о витализмѣ, на почвѣ физиологій растений, сводится на вопросъ о методѣ, котораго долженъ держаться физиологъ при изслѣдованіи

*) Франклинъ, какъ извѣстно, любилъ рассказывать слѣдующій анекдотъ. Его слуга негръ нѣсколько разъ приставалъ къ нему съ вопросомъ: „Что такое джентльменъ?“ Франклинъ, наконецъ, далъ ему такое опредѣленіе: „Это такое существо, которое ѣсть, пить, спать и ничего не дѣлаетъ“. Черезъ нѣсколько дней слуга говоритъ ему: „Хозяинъ, я знаю теперь, что такое джентльменъ: человѣкъ работаетъ, лошадь работаетъ, волъ работаетъ, оля свинья только ѣсть, пить, спать и ничего не дѣлаетъ,—она, вѣрно, и есть джентльменъ“.

**) Если нельзя не пожалѣть, что авторъ *Протоплазмы и витализма* не предпочитаетъ оставаться на почвѣ физиологій и безъ нужды усложняетъ дѣло скачками въ область сложнѣйшихъ психическихъ явленій, то еще болѣе можно пожалѣть о томъ, что онъ заводитъ рѣчь о „материализмѣ шестидесятыхъ годовъ“, привѣтствуетъ въ воскресеніи витализма одно изъ проявленій реакціи противъ „юношескаго задора шестидесятыхъ годовъ“, причемъ для большаго вразумленія поясняетъ: „да и не въ одной наукѣ замѣтна эта пережѣна“, и въ обсужденіи специально научнаго вопроса находитъ даже поводъ совершенно несправедливо глумиться надъ „симпатіями нашего либеральнаго лагеря“. Наука никогда ничего не выигрывала отъ приурочиванія ея вѣковыхъ задачъ къ политическимъ настроеніямъ минуты.

жизненныхъ явленій. Долженъ ли онъ видѣть въ растительныхъ организмахъ и совершающихся въ нихъ процессахъ крайне сложныя, въ количественномъ смыслѣ, комплексы, которые ему удастся, тѣмъ не менѣе, разложить на болѣе простыя явленія, извѣстныя и въ сферѣ неживыхъ тѣлъ? Или онъ долженъ видѣть въ жизненныхъ явленіяхъ нѣчто совершенно отличное: первичныя элементарныя явленія, не разложимыя на простѣйшіе факторы, не подчиняющіяся законамъ общимъ съ неживою природою? Въ первомъ случаѣ къ физиологическимъ явленіямъ остается только примѣнить методы физическихъ наукъ. Во второмъ случаѣ примѣнять эти методы бесплодно,—это и есть основная точка зрѣнія всякаго витализма.

Посмотримъ, чѣмъ же оправдывается точка зрѣнія ученыхъ, примѣняющихъ къ физиологическимъ задачамъ методъ физическихъ наукъ. Она вѣрна и a priori, т.-е. съ общей, логической точки зрѣнія, оправдывается и a posteriori—всею исторіей науки. Всякое объясненіе основано на сравненіи, и, притомъ, на сравненіи болѣе сложнаго съ болѣе простымъ. Болѣе сложныя физиологическія явленія мы, очевидно, можемъ сравнивать только съ болѣе простыми явленіями физическими, или ни съ чѣмъ ихъ не сравнивать, оставаятъ безъ объясненія, ограничиваться ихъ описаніемъ, словеснымъ ихъ изображеніемъ,—это и предлагаютъ одни виталисты. Но, можетъ быть, сравнивать можно сложное не съ простымъ, а съ еще болѣе сложнымъ, напримѣръ, физиологическое явленіе съ психическимъ? Этотъ путь также предлагается неовиталистами. Зачѣмъ будемъ мы искать физическихъ объясненій для фактовъ растительной жизни,—говоритъ С. И. Коржинскій,—когда стѣдуетъ допустить, что растеніе—протоплазма—*хочетъ, помнитъ*,—все объясненія въ этомъ заранѣе даны. Неовиталисты, кажется, серьезно думаютъ, что выработали новую точку зрѣнія, забывая, что уже древніе олицетворяли почти любое растеніе, а еще долго послѣ того природа *болалась* пустоты. Но ни миеологія, ни гилозоизмъ ни на шагъ не подвинули науки.

И такъ, современный физиологъ оправдываетъ примѣненіе къ жизненнымъ явленіямъ методовъ физическихъ, прежде всего, тѣмъ, что другого пути для ихъ *объясненія* не существуетъ.

Но онъ далѣе доказываетъ, что физиологія всею своею исторіей оправдала эту точку зрѣнія. Все, что приобрѣтено физиологіей до сихъ поръ, приобрѣтено только благодаря приложенію къ жизненнымъ явленіямъ физическихъ и химическихъ методовъ изслѣдованія, благодаря распространенію на нихъ физическихъ и химическихъ законовъ. Я только что упомянулъ о физиологій Сенебье; она представляетъ намъ любопытный памятникъ не только того, чѣмъ была физиологія сто лѣтъ тому назадъ, но чѣмъ она желала быть, чего она ожидала отъ успѣховъ химіи и физики. Сенебье ждалъ всего только отъ физики и химіи; на послѣдней страницѣ своего пятитомнаго сочиненія онъ говоритъ, что и написалъ-то его только для того, чтобъ обратить вниманіе физиковъ и химиковъ на эту новую область изслѣдованія. О жизненной силѣ, о витализмѣ не упоминаетъ онъ ни од-

нимъ словомъ *). Здѣсь кстати замѣтимъ защитнику витализма, который, въ качествѣ *ultima ratio*, охотно бросаетъ въ глаза своимъ противникамъ упрекъ въ материализмъ, что этого Сенебье, такъ страстно искавшаго физическаго объясненія жизненныхъ явленій, уже никакъ нельзя заподозрить въ «материализмъ шестидесятихъ годовъ» или даже въ материализмъ восемнадцатаго вѣка, продолжающемъ беспокоить профессора Бородинна: онъ былъ скромный женеvскій пасторъ и подписывалъ свои произведенія *Jean Senebier, ministre du St. Évangile*. Въ концѣ своего трактата Сенебье приводитъ нѣсколько страницъ *desideranda*, т.-е. того, чего онъ ожидалъ отъ науки въ XIX столѣтїи. Читая эти *desideranda*, можно лучше всего судить, оправдало ли физико-химическое направленіе возлагаемыя на него въ началѣ вѣка надежды, и можно смѣло сказать, что не только оправдало, но превзошло всѣ ожиданія.

Посмотримъ, въ чемъ же заключаются эти итоги вѣка. Мы, конечно, не можемъ вдаваться въ частности, а рассмотримъ эти результаты съ точки зрѣнія тѣхъ трехъ самыхъ общихъ категорій, въ рамкахъ которыхъ всего удобнѣе укладывается вся совокупность фактовъ растительной жизни. Всѣ явленія растительной жизни можно разсматривать съ тройкой точки зрѣнія: это или явленія превращенія вещества, или явленія превращенія энергїи, или явленія превращенія, измѣненія формы.

По отношенію къ первой категорїи явленій, по отношенію къ химизму растений, вспомнимъ только, что еще въ 1800 году берлинская академія задавала на конкурсъ тему: химическіе элементы растенія созидаются ли растеніемъ, или поступаютъ извнѣ?—и нѣкто Шрадеръ въ своемъ отвѣтѣ доказывалъ, что они созидаются жизненною силой. Съ той поры жизненной силѣ на этой почвѣ приходилось выносить поражение за пораженіемъ, пока не оказалось, что вещество растенія то же и его превращенія совершаются по тѣмъ же законамъ, какъ и всѣхъ организмовъ.

Еще новѣе успѣхи фізіологїи во второй области. Тѣмъ не менѣе, въ интересномъ очеркѣ Пфэффера *Studien zur Energetik der Pflansen*, представляющемъ обзоръ растительной жизни съ динамической точки зрѣнія, тщетно стали бы мы искать явленій, которыя вынуждали бы допустить проявленіе какой-нибудь формы энергїи, невѣдомой физикамъ. А, между тѣмъ, еще въ 1854 г. и даже позднѣе—въ 1869 г.—Гельмгольтцъ, говоря о соотношенїи растительнаго процесса съ лучистою энергїей солнца, дѣлалъ такую оговорку: «Во всякомъ случаѣ, я долженъ замѣтить, что до настоящаго времени мы не имѣемъ опытовъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что образующіяся при этомъ химическія силы соответствуютъ живой силѣ поглощенныхъ солнечныхъ лучей, а пока мы не обладаемъ такими опытами, это соотношеніе не можетъ быть признано несомнѣнною

*) Правда, онъ считаетъ невозможнымъ объясненіе происхожденія растительныхъ формъ, но должно помнить, что годъ выхода въ свѣтъ его фізіологїи былъ и годомъ появленія *Philosophie Zoologique* Ламарка.

истиной». Теперь мы уже обладаемъ такими опытами: мы знаемъ, гдѣ и какъ происходитъ поглощеніе этой солнечной энергіи; мы знаемъ, что этому поглощенію соотвѣтствуетъ химическая работа; мы можемъ даже приблизительно учесть этотъ приходъ и расходъ солнечной энергіи.

Впрочемъ, и сами виталисты, по отношенію къ этимъ двумъ сторонамъ растительной жизни, считаютъ, повидимому, свои позиціи окончательно потерянными, но здѣсь-то и обнаруживается вся несостоятельность современныхъ виталистовъ въ сравненіи съ крайностями, за то послѣдовательными крайностями старыхъ виталистовъ.

Старые виталисты не соглашались на дѣлежъ съ физиками и физиками, а просто изгоняли ихъ изъ науки о жизни.

Проф. Бородинъ въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи категорически заявляетъ: «неовитализмъ безусловно признаетъ господство физики и химіи въ живыхъ тѣлахъ, подчиненіе послѣднихъ силамъ мертвой природы». Казалось бы, на томъ дѣло и кончается: неовитализмъ отказывается быть витализмомъ; вѣдь, весь споръ въ томъ только и заключается, что старый витализмъ, единственный истинный витализмъ отстаивалъ независимость, неповорность жизненной силы и цѣлымъ вѣкомъ изслѣдованій доведенъ былъ до признанія бесплодности своихъ притязаній. Не будемъ, однако, торопиться придавать значеніе этому будто бы чистосердечному отреченію неовиталистовъ,— это только диалектическій приемъ, чтобъ отвлечь вниманіе. Перевертываемъ двѣ страницы и встрѣчаемся съ заявленіемъ діаметрально-противуположнымъ. Обращаясь къ развиваемому нами теперь аргументу, что вѣрность физическаго воззрѣнія на жизненные явленія доказывается столѣтними успѣхами физиологіи, проф. Бородинъ говоритъ: механики утверждали, *«что чѣмъ болѣе развивалась физиологія, тѣмъ болѣе удавалось сводить къ физикѣ и химіи такія явленія, которыя приписывались прежде вмѣшательству таинственной жизненной силы. Мнѣ кажется вполне возможнымъ, вмѣстѣ съ Бунте, защищать то положеніе, что исторія учитъ насъ прямо противоположному»*. И затѣмъ предъявляются два примѣра, гдѣ будто бы физическія объясненія оказались несостоятельными. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ примѣровъ, остановимся на этомъ очевидномъ логическомъ противорѣчій, такъ какъ въ немъ особенно характеристично обнаруживается тактика неовитализма.

Тактика эта заключается въ томъ, чтобы спасти свое будущее отреченіе отъ всего своего прошлаго. Онъ говоритъ: не станемъ считать вашихъ прошлыхъ побѣдъ и нашихъ пораженій; скинемъ все это со счетовъ и начнемъ считаться съ сегодняшняго дня; поговоримъ о нашихъ будущихъ побѣдахъ и вашихъ будущихъ пораженіяхъ. Какъ же иначе объяснить себѣ это рѣзущее слухъ противорѣчіе: торжественно заявляется, что жизненная сила, за эти 100 лѣтъ, отказалась отъ $\frac{2}{3}$ той области, на которую предъявляла прежде права, и вслѣдъ затѣмъ заявляется, что исторія учитъ обратному, учить безсилію будто бы физики и химіи сократить область жизненной силы? Подъ исторіей неовиталисты разумѣютъ, очевидно, не то, что

всѣ люди, не все прошлое науки, а тѣ задачи, которыя стоятъ теперь на очереди и еще не разрѣшены ею, какъ это и вытекаетъ изъ примѣровъ проф. Бородина. Онъ утверждаетъ, что наука будто бы отказалась отъ объясненія движенія питательныхъ веществъ въ растеніи на основаніи законовъ диффузіи, и при этомъ ссылается на изслѣдованія надъ прохожденіемъ веществъ черезъ протоплазматическій слой клеточки. Но, во-первыхъ, ни съ какимъ прямымъ противорѣчіемъ съ законами диффузіи и осмоса мы здѣсь не встрѣчаемся, а только съ усложненіемъ явленія, вполне понятнымъ при сложности условій. А, главное, примѣръ выбранъ крайне неудачный. Путаница идей въ этомъ вопросѣ вызвана тѣмъ, что главный изслѣдователь въ этой области предложилъ сначала ничѣмъ не доказанную теорію полной непроницаемости плазмы, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, показалъ совершенно обратное; такъ что въ заслугахъ этого ученаго числятся два открытія: доказательства проницаемости и непроницаемости протоплазмы. Другой примѣръ касается отсутствія удовлетворительной теоріи движенія воды въ растеніи. Но профессору Бородину извѣстно, какимъ продолжительнымъ тормазомъ на пути здоровой теоріи этого явленія была теорія Савса, авторитетъ котораго онъ, однако, продолжалъ отстаивать, — теорія, представлявшая физическій абсурдъ *). Спрашивается, справедливо ли дѣлать физическое направленіе физиологіи отвѣтственнымъ въ недочетахъ науки, главнымъ образомъ, объясняемыхъ опрометчивымъ сужденіемъ одного ученаго и отсутствіемъ знанія физики у другого? Здѣсь уместнѣе было бы вспомнить банальную, но порою очень вѣрную поговорку: «законы святы, да исполнители супостаты». Законы физики не повинны въ томъ, что тѣ, кто ихъ не знаетъ, примѣняетъ ихъ кривь и вкось. Чѣмъ видѣтъ въ несовершенствахъ науки доказательство несостоятельности общаго ея направленія, не лучше ли обратить свою критику на тѣхъ второстепенныхъ научныхъ дѣятелей, которыхъ мы слишкомъ легко производимъ въ авторитеты? Причину отсталости нѣкоторыхъ сторонъ физиологіи растеній должно искать именно здѣсь. Черезъ нѣсколько строкъ ниже разбираемаго нами мѣста проф. Бородинъ соглашается съ тѣмъ, что движеніе крови объясняется механически. Чѣмъ же объяснимъ мы эту аномалію, что для простѣйшаго случая движенія воды въ растеніи не предложено еще вполне удовлетворительной теоріи? Не лежитъ ли причина просто въ томъ фактѣ, что въ физиологіи животныхъ, отъ Гарвея до Лудвига, этими вопросами занимался длинный рядъ геніальныхъ, высоталантливыхъ и свѣдущихъ

*) Другимъ выдающимся по своимъ размѣрамъ трудомъ въ этой области является объемистое изслѣдованіе Штрасбургера, писателя крайне плоховитаго, но до той поры никогда не занимавшагося физиологіей и едва ли обладающаго познаніями по механикѣ и физикѣ, необходимыми для разрѣшенія предпринятой задачи. При всемъ томъ, я полагаю, ни одинъ ботаникъ не согласится съ профессоромъ Бородинымъ, что мы не подвинулись въ физическомъ объясненіи многихъ сторонъ этого явленія, чтобъ оно представлялось теперь болѣе загадочнымъ, чѣмъ было когда-нибудь ранее, а въ этомъ и долженъ былъ заключаться его аргументъ.

въ физикѣ людей, рядомъ съ которыми физиологія растений не могла бы выставить равнозначущихъ нечая *)?

И, наконецъ, допустивъ, что не физиологи, а физиологія наткнулась на дѣйствительныя противорѣчія съ физическими законами, слѣдуетъ ли искать объясненія этому противорѣчію или ликовать тому, что физическіе законы оказались неприменимыми? Два примѣра изъ той же области движенія воды въ растеніи наглядно покажутъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ такимъ кажущимся противорѣчіямъ. Возьмемъ отръзокъ вѣтви живой пихты, соединимъ одинъ его конецъ съ каучуковою трубкой и будемъ подъ давленіемъ прогонять черезъ эту вѣтвь воду. Пока давленіе будетъ слабо, истечение съ другого конца вѣтви будетъ обильно; усилимъ давленіе, — истечение станетъ ослабѣвать. Скажемъ ли мы, что жизнь издѣвается надъ законами гидродинамики: одно и то же пористое тѣло легче пропускаетъ воду при слабомъ, чѣмъ при сильномъ давленіи? Но обратимся къ микроскопу, и мы узнаемъ, что по тѣмъ капиллярнымъ трубкамъ, по которымъ движется вода, мѣстами расположены клапаны, которые закрываются, когда давленіе достигаетъ извѣстнаго предѣла. Другой примѣръ. Всякій знаетъ, что движеніе воздуха—вѣтеръ—усиливаетъ испареніе воды съ поверхности влажнаго тѣла. Беремъ листь камелонки; определяемъ, сколько онъ испаряетъ въ 5—10 минутъ; выставляемъ его на вѣтеръ, оказывается, что онъ начинаетъ испарять слабѣе. Что-жъ, опять жизненная сила подшутила надъ силами физическими? Обращаемся снова къ микроскопу и узнаемъ, что испареніе происходитъ черезъ отверстія, снабженныя регуляторами, которые закрываются подъ вліяніемъ того же испаренія. И здѣсь, и тамъ одно физическое явленіе интерферируетъ съ другимъ. Вотъ въ этомъ-то безконечно сложномъ сплетеніи физическихъ явленій должны мы искать причину своихъ недоразумѣній, а не спѣшить привѣтствовать появленіе на сцену какой-то невѣдомой жизненной силы. «Ne craignez jamais les faits contraires, — сказалъ однажды на своей лекціи Клодъ Бернаръ, — car chaque fait contraire est le germe d'une découverte». Явленіемъ пертурбацій Урана астрономы воспользовались для открытія Нептуна. Виталисты не преминули бы воспользоваться ими для того, чтобъ усомниться въ законахъ Ньютона.

И такъ, отдѣльными, хотя бы и болѣе удачными, примѣрами виталистамъ не удастся подорвать подавляющаго свидѣтельства исторіи, ко-

*) На эту тѣневую сторону физиологіи растений я уже нѣтъ случая указывать (см. мою рѣчь *Общественныя задачи ученыхъ обществъ* въ сборникѣ лекцій и рѣчей) и съ ней необходимо, прежде всего, считаться. Главную роль во всѣхъ недочетахъ экспериментальной физиологіи должно приписать тому факту, что за нее очень часто берутся морфологи-микроскописты безъ всякой физиологической подготовки. Именно такимъ самозваннымъ физиологамъ должно приписать цѣлый рядъ обращающихся въ наукѣ попятій, между прочимъ, и то объясненіе физиологическихъ явленій „свойствами протоплазмы“, надъ которымъ такъ потѣшается профессоръ Бородинъ. Конечно, не физиологи-физики придумали такое объясненіе, а именно скрытые ил безсовѣтательные виталисты.

торое они сами подтверждаютъ вынужденнымъ отреченіемъ отъ $\frac{2}{3}$ своихъ прежнихъ притязаній. Неовитализмъ—это только *витализмъ*, не *помнящій родства*; онъ надѣется спасти свое будущее только отреченіемъ отъ своего прошлаго. Онъ надѣется, что наука проститъ ему его постыдное прошлое, но не скрываетъ при этомъ, что завтра же она встрѣтитъ его на своей дорогѣ. Про Бурбоновъ, послѣ реставраціи, говорили, что «они ничего не забыли и ничему не научились»,—виталисты хотѣли бы, чтобы ихъ противники все забыли и ничему не научились изъ уроковъ исторіи.

Переходимъ къ рассмотрѣнію третьей категоріи явленій растительной жизни, той, которая заключаетъ явленія измѣненія, превращенія формы. Растеніе не только воспринимаетъ вещества и пользуется доступными ему источниками энергіи, но изъ этихъ веществъ, на счетъ этой энергіи, создаетъ формы, способныя въ свою очередь къ возможно совершенной эксплуатациіи этого вещества, этой энергіи. Такимъ образомъ, форма является не только результатомъ, но и условіемъ для дальнѣйшаго осуществленія такихъ же результатовъ. Это съ незапамятныхъ временъ обозначали терминомъ *цѣлесообразности* въ строеніи организмовъ.

Въ этомъ формообразовательномъ процессѣ мы можемъ рассмотрѣть отдѣльно его основной механизмъ и достигаемые имъ результаты. Въ основѣ формообразовательнаго процесса лежитъ, конечно, процессъ роста. Имѣемъ ли какое-нибудь представленіе о механизмѣ роста? Ни одинъ ботаникъ, конечно, не станетъ утверждать, что не имѣемъ, хотя подробности этого процесса, въ его усложненіяхъ, могутъ представить еще много неразрѣшеннаго. Но замѣтимъ, что первая схема этого процесса дана всего 25 лѣтъ тому назадъ въ такъ называемыхъ искусственныхъ клѣточкахъ Траубе. Я умышленно на это указываю, такъ какъ одно упоминаніе о нихъ приводитъ виталистовъ въ негодованіе, а, между тѣмъ, я могу засвидѣтельствовать, что таково именно было воззрѣніе на нихъ Гельмгольца, отводившаго имъ мѣсто въ послѣднихъ читанныхъ имъ курсахъ физиологіи.

Еще недавно намъ ничего не было извѣстно о механической причинности растительныхъ формъ, и вотъ за послѣднія десятилѣтія неслышно, незамѣтно создается совершенно новая отрасль науки: рядомъ съ экспериментальною физиологіей возникаетъ экспериментальная морфологія. Мы положительно научились непосредственно дѣпить растительныя формы: мы можемъ измѣнять формы стеблей, листьевъ, цвѣтовъ; мы можемъ даже измѣнять форму клѣточекъ въ глубинѣ тканей, и все это при помощи простыхъ физическихъ дѣятелей—свѣта, тепла, влажности, земного притяженія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ выяснитъ себѣ даже ближайшій механизмъ воздѣйствія этихъ условій на формообразовательный процессъ. Этотъ громадный успѣхъ примѣненія физическихъ методовъ изученія, грозящій отвоевать у жизненной силы и послѣднюю треть ея владѣній, гдѣ она, казалось, могла долго уцѣлѣть отъ натиска физики и химіи,—этотъ громадный шагъ впередъ науки о жизни нашъ защитникъ витализма обходитъ молчаніемъ.

Но за то вновь, и, повидному, съ расчетомъ на успѣхъ, прибѣгаетъ онъ къ старому аргументу о невозможности дать удовлетворительное объясненіе для цѣлесообразности получающихся формъ. Онъ говоритъ, что мы должны признать въ организмахъ существованіе «особаго зиждательнаго начала, сознательно или безсознательно, но разумно пользующагося веществомъ и силами мертвой природы, направляя ихъ дѣйствія къ извѣстной цѣли—построенію и сохраненію организма». Но, вѣдь, каждому натуралисту извѣстно, что современная наука устранила и этотъ аргументъ витализма: на мѣсто неуволнимаго «сознательнаго или безсознательнаго зиждательнаго начала» она поставила вполне реальное понятіе объ историческомъ эволюціонномъ процессѣ.

Знаеть это, конечно, и нашъ защитникъ витализма. Но что же онъ дѣлаетъ? «Разсмотрѣніе отвѣта механиковъ,—говоритъ онъ,—завело бы насъ слишкомъ далеко, повлекло бы за собой критику дарвинизма, такъ какъ именно принципы послѣдняго выдвигаются какъ нѣчто исключющее всякую необходимость въ особомъ зиждательномъ началѣ въ живыхъ тѣлахъ. Покинемъ лучше эту область»... Такимъ образомъ, смѣло дѣлается возраженіе, поясняется дагѣ, что это возраженіе уже устранено наукой, и затѣмъ мимо.

Мнѣ кажется одно изъ двухъ: или не предъявлять вовсе возраженія, зная, что оно уже опровергнуто, или дать себѣ трудъ опровергнуть это опроверженіе, а пока оно не опровергнуто, я позволю себѣ его повторить законическими словами ученаго, котораго въ этихъ стѣнахъ мы привыкли считать авторитетомъ. Въ своей знаменитой инспрукской рѣчи Гельмгольтцъ выражается такъ: «Дарвинъ внесъ въ науку существенно новую творческую идею. Онъ показалъ, что цѣлесообразное строеніе организмовъ можетъ являться результатомъ дѣйствія естественныхъ законовъ» *).

Очевидно, сознавая, что повтореніе уже устраненныхъ возраженій—плохой способъ защиты витализма, его защитникъ спѣшитъ покинуть эту область и перейти къ своему главному аргументу, къ раскрытію того пораженія науки XIX вѣка, которое заставляеть его въ концѣ своей рѣчи

*) Еще труднѣе понять, на какую категорію слушателей рассчитывалъ профессоръ Бородинъ, произнося такую, по его мнѣнію, ядовито-неотразимую фразу: „Кто же усомнится въ томъ, что дѣйствительная механическая причина послѣдовательныхъ измѣненій, сопровождающихъ развитіе цыпленка изъ яйца, должна заключаться въ реальномъ яйцѣ, а не въ мнѣической до-Адамовой исторіи курицы?“ Въ этомъ усомнится всякій, кто слыхалъ что-либо о неразрывной связи между филогенетическимъ и онтогенетическимъ процессомъ; но усомнится, конечно, и простой здравомыслящій человекъ, который знаетъ, что если свойства цыпленка зависятъ отъ свойствъ яйца, то свойства яйца зависятъ отъ свойствъ снесшей его курицы. И тотъ, и другой знаютъ, что полное пониманіе исторіи цыпленка немислима безъ знанія исторіи его предковъ, какъ немислимо полное пониманіе исторіи XIX вѣка безъ знанія исторіи предшествовавшихъ ему вѣковъ. Лапласъ и Кюль-Бернаръ, конечно, имѣли въ виду не „мнѣическую исторію“, когда говорили объ „état antérieur“, какъ причинѣ современныхъ явленій.

радостно восклицать, что она «осѣклась». «*Посмотримъ*,—говорить онъ,— не доставилъ ли самый ходъ естествознанія въ текущемъ столѣтїи какого-либо оружія виталистамъ. Да, такое оружіе, такой козырь въ рукахъ ихъ несомненно имѣется».

Въ чемъ же заключается этотъ «козырь»? Новѣйшїй защитникъ витализма видитъ его въ неудачныхъ попыткахъ открыть явленіе самозарожденія. Въ этой неудачѣ онъ видитъ торжество витализма и пораженіе науки XIX вѣка *). Но есть ли какой-нибудь поводъ видѣть въ этихъ попыткахъ что-либо типическое для науки XIX вѣка, имѣющее какое-нибудь отношеніе къ тому распространенію на физиологію метода физическихъ наукъ, противъ котораго собственно и ополчается *витализмъ*?

Эта неудачная попытка и по основной идеѣ, и по исполненію является только отголоскомъ сѣдой старины. Человѣкъ, съ самой глубокой древности, трудно уже сказать, логически или наперекоръ логикѣ, заключалъ что на низшихъ ступеняхъ живыхъ существъ «нить индукціи должна прорываться», что если всё высшія существа появляются отъ родителей, то простѣйшія должны появляться самопроизвольно, — это вѣчный вопросъ о *generatio spontanea*. Съ вѣками мѣнялся только масштаб простоты. Древніе допускали самозарожденіе гадовъ и рыбъ, средніе вѣка подозрѣвали въ этомъ мышей, затѣмъ подозрѣнія переходили на мухъ, на инфузорій, на дрожжи и, наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ—только на бактерій. Оказалось, что и эти послѣднія происходятъ отъ предковъ. Спрашивается, есть ли какой-нибудь поводъ видѣть въ этой послѣдней неудачѣ пораженіе науки XIX вѣка, и, прежде всего, пораженіе того направленія, которое къ изученію жизни приступаетъ, вооружившись данными физическихъ наукъ? Можно ли видѣть въ ученыхъ, искавшихъ самозарожденія, типическихъ представителей этого направленія? Второстепенный зоологъ Пуше, еще менѣе извѣстный Бастианъ и совсѣмъ неизвѣстный, только нѣсколько мѣсяцевъ заставившїй о себѣ говорить, Ванъ-Гейзинга—вотъ тѣ представители науки XIX вѣка, которые виновны въ томъ, что она «осѣклась». Но дѣло не въ именахъ,—можетъ быть, идеи, которыми руководились эти искатели самозарожденія, вытекали «изъ самаго хода естествознанія въ текущемъ столѣтїи»?

Я полагаю, очевидно, прямо противоположное. Бастианъ, получавшїй въ XIX вѣкѣ бактерій изъ рѣпнаго настоя съ гнилымъ сыромъ, былъ въ этомъ случаѣ такимъ же эмпирикомъ, какъ и Ванъ-Гельмонтъ, получавшїй въ XVI вѣкѣ мышей изъ муки и стараго тряпья. По крайней мѣрѣ, мнѣ неизвѣстны

*) По этому-то поводу профессоръ Бородинъ находитъ умѣстнымъ глумиться надъ „всѣмъ нашимъ либеральнымъ лагеремъ съ Писаревымъ во главѣ“. По мнѣнію профессора Бородина, либералы должны будто бы, во что бы то ни стало, отстаивать самозарожденіе, а такъ какъ въ дѣйствительности эти „либералы“ были не настолько невѣжественными и недобросовѣстными, чтобы закрывать глаза передъ очевидностью, то профессоръ Бородинъ срываетъ свой гнѣвъ на нихъ, восклицая: „Вотъ уже истинно „своя сѣдняхъ не познаша!“

тѣ химическіе и физическіе законы, которые заставили бы оказать предпочтеніе зловонной смѣси ученаго XIX вѣка передъ неопрытною смѣсью ученаго XVI вѣка. Поиски за произвольнымъ зарожденіемъ въ XIX вѣкѣ логически ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ же поисковъ въ XVI в.: тѣ и другіе были равно далеки отъ основной идеи, характеризующей науку новыхъ временъ. «Мыслить вѣчность» можно было такъ же успѣшно подъ синнимъ небомъ Эллады, какъ и подъ сѣренькимъ небомъ Берлина, но дать научное объясненіе самому ничтожному факту можно только тогда, когда для того приспѣетъ время: наука—дѣтя времени *). Съ этою идеей не примирились ни древность, ни средніе вѣка, смѣло бравшіеся за разрѣшеніе задачъ, которыя и теперь не подъ силу наукъ. Одною изъ такихъ задачъ и былъ пресловутый вопросъ о *generatio spontanea*. Современная наука не знаетъ этихъ скачковъ; она подвигается медленно и систематически. Она знаетъ, что синтезу долженъ предшествовать анализъ явленій. Какой химикъ сталъ бы теперь дѣлать попытки синтеза бѣлковъ, исходя изъ элементовъ, когда еще не знаетъ ближайшаго состава этихъ бѣлковъ? Задача современной физиологіи исключительно аналитическая; физиологія разлагаетъ сложные жизненные явленія на ихъ простыя начала. О синтетической біологіи, о воспроизведеніи живыхъ тѣлъ, конечно, ни одинъ серьезный физиологъ и не мечталъ еще.

И такъ, видѣть въ двухъ-трехъ смѣльчакахъ, заблудившихся среди девятнадцатаго вѣка съ идеями и приѣмами шестнадцатаго,—видѣть въ нихъ представителей современной науки, а въ ихъ неудачѣ «осѣчку» XIX вѣка, едва ли справедливо. И во всякомъ случаѣ эти неудачи не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ физико-химическимъ направленіемъ науки, противъ котораго собственно возстаютъ витализмъ **).

Очевидно, убѣдившись, что ему не удалось доказать такъ громко вѣщеннаго имъ «воскресенія старушки—жизненной силы» и опровергнуть вѣковые успѣхи научнаго воззрѣнія на жизненные явленія, нашъ защитникъ витализма спѣшитъ оговориться, что онъ «далекъ отъ мысли считать» «доказаннымъ существованіе въ живыхъ тѣлахъ особаго жизненнаго начала», но желалъ бы только довести сторонниковъ физико-химическаго воззрѣнія на жизнь до признанія, что ихъ воззрѣнія, какъ и воззрѣнія виталистовъ,—только догматы вѣрованія двухъ научныхъ лагерей. Признаюсь,

*) Профессоръ Бородинъ, повидимому, съ этимъ не согласенъ. Для узавленія кичливой науки XIX вѣка, онъ объясняетъ въ одномъ мѣствѣ своей рѣчи, что современная атомическая теорія—„даръ“ философіи древнихъ, и по этому поводу дѣлаетъ внушеніе современнымъ естествоиспытателямъ за ихъ будто бы неблагожданное отношеніе къ философіи. Но кому же неизвѣстно, что атомы современной химіи не имѣютъ ничего общаго съ атомами Левкипа и Демокрита? Это неоднократно и очень обстоятельно было разъяснено, напримѣръ, Науманомъ и Фехнеромъ.

**) Я полагаю, взявшия повторять, что неудачныя попытки найти самозарожденіе ни мало не касаются современнаго эволюціоннаго ученія въ біологіи; утверждать противное—значило бы утверждать, что историкъ не можетъ изучать исторіи XVIII вѣка, пока не разрѣшитъ вопроса о происхожденіи челоуѣка.

ни въ той, ни въ другой точкѣ зрѣнія я не усматриваю элементовъ вѣры. Защитники методовъ точныхъ наукъ руководствуются не вѣрою, а дѣлаютъ только строго-индуктивное заключеніе: солнце встаетъ каждый день, конечно, оно встанетъ и завтра; этотъ методъ оказывался успѣшнымъ въ теченіе цѣлаго вѣка,—конечно, онъ окажется такимъ же и впредь. Въ воззрѣніяхъ виталистовъ, отрекающихся отъ всего своего прошлаго, я также не вижу почвы для вѣры; это только смутная, злорадная надежда: а, можетъ быть, солнце завтра и не встанетъ, а, можетъ быть, наука, до сихъ поръ вносившая всюду за собою свѣтъ, очутится завтра въ темномъ тупикѣ? Я говорю—злорадная, потому что какъ иначе назвать это заключительное восклицаніе *ученаго*, что наука XIX вѣка «осѣдлалась»?

Главная причина неустойчивости, внутренняго противорѣчія современнаго витализма заключается въ его неискренности. Какъ всякое ученіе, пережившее свой вѣкъ, оно не рѣшается высказываться до конца, предпочитая прикрываться вынужденными уступками духу времени. Вполнѣ сознавая реакціонный смыслъ своего ученія, являющагося такимъ же тормозомъ науки въ будущемъ, какимъ оно было въ прошломъ, современные виталисты, тѣмъ не менѣе, желали бы, чтобъ ихъ продолжали считать сторонниками прогресса. Съ этою цѣлью наши новѣйшіе защитники витализма придумали даже свою теорію прогресса науки, совершающагося будто бы путемъ періодической смѣны, какаго-то прилива и отлива то научныхъ, то виталистическихъ идей *). Но, какъ извѣстно, въ результатъ прилива и отлива не получается поступательнаго движенія; еще менѣе получается оно въ результатъ одного отлива. Движеніе же истинной науки неизмѣнно поступательное, а не топтаніе на одномъ мѣстѣ. Наука, конечно, встрѣчаетъ на своемъ пути тернія, сопротивленія со стороны своихъ враговъ, явныхъ и тайныхъ, но никогда еще истинные сторонники ея не проповѣдывали пользы періодически повторяющагося попятнаго движенія. Когда, напримеръ, гелиоцентрическое ученіе брало верхъ надъ ученіемъ геоцентрическимъ, были, конечно, и убѣжденные защитники послѣдняго,—настолько убѣжденные, что готовы были отправлять своихъ противниковъ на костры. Но въ рядахъ сторонниковъ гелиоцентрическаго ученія едва ли выступали такіе *безпристрастные* цѣнители его, которые проповѣдывали бы, что для его «оздоровленія», для его «исцѣленія отъ юношескихъ увлеченій» полезно было бы дѣлать отъ времени до времени нѣсколько шаговъ назадъ, въ сторону воззрѣнія геоцентрическаго. Эту теорію прогресса, путемъ періодически возвращающагося регресса, придумали наши защитники витализма. По періодической системѣ, развиваемой профессоромъ Бородинымъ, выходитъ, что возрождающійся витализмъ представляетъ какъ бы возвращеніе къ идеямъ натурфилософовъ, періоду же, заключающемуся между этими двумя эпохами, соотвѣтствуютъ тѣ именно десятилѣтія, о которыхъ

*) *Протоплазма и витализмъ*, стр. 28. *Что такое жизнь*, стр. 47.

Гельмгольтцъ, какъ мы видѣли, говорилъ, что въ нихъ наука о жизни сдѣлала болѣе успѣховъ, чѣмъ въ предшествующія два тысячелѣтія.

Подведемъ итоги. Столѣтніе успѣхи физиологій растений превзошли самыя смѣлыя ожиданія первыхъ ея пионеровъ, которые, подъ влияніемъ общаго воодушевленія, вызваннаго открытіями Лавуазье, мечтали томъ, какіе результаты дастъ приложеніе этой молодой науки и физики къ задачамъ физиологій. Много сдѣлано; неизмѣримо болѣе остается сдѣлать. Но все, что сдѣлано, сдѣлано благодаря примѣненію методовъ этихъ наукъ.

Каково же должно быть наше отношеніе къ лежащей передъ нами области еще неизслѣдованнаго? Скажемъ ли мы просто: она намъ не известна, но можетъ быть изслѣдована при помощи тѣхъ единственныхъ, намъ известныхъ методовъ, которые на вѣковомъ опытѣ успѣли себя оправдать? Или будемъ мы постоянно обезсиловать себя мыслью, что дошли до предѣла, за которымъ начинается таинственная область таинственной жизненной силы? Выборъ, конечно, не безразличенъ. Отъ него зависитъ вся будущность науки. Положимъ, что, руководясь первымъ убѣжденіемъ, физиологъ самоувѣренно возьмется за непосильную задачу, — какой же отъ этого будетъ вредъ? Наказаніе за излишнюю смѣлость не замедлитъ послѣдовать. Но его работа, хотя и отрицательная, будетъ все же приобрѣтеніемъ науки. Гипотеза же витализма никогда не была и по существу не можетъ быть *рабочей гипотезой*. Приступая къ объясненію какого-либо явленія, нельзя отправляться отъ того положенія, что оно необъяснимо. Виталистъ, какъ *виталистъ*, обреченъ на бесплодіе. Принимаясь за работу, онъ долженъ забыть свою доктрину. Въ этомъ чистосердечно сознался, это доказалъ всюю своею интересною книгой первый застрѣльщикъ новаго витализма — Бунге. Торжество витализма заключается только въ неудачахъ науки, торжество противоположнаго воззрѣнія — въ ея успѣхахъ. Приведу въ подтвержденіе только слѣдующее соображеніе. И Робертъ Майеръ, и Гельмгольтцъ сообщаютъ намъ, что именно, размышляя о жизненныхъ явленіяхъ, они пришли къ своимъ гениальнымъ обобщеніямъ. *Если бы они были виталистами, міръ не обладалъ бы закономъ сохраненія энергии* *). Спрашивается, могутъ ли люди науки относиться безучастно къ вѣсти о «воскресеніи» такого практически-вреднаго, по существу противуположнаго научнаго ученія?

Убѣдивъ себя заранѣе, что имѣешь передъ собой неразрѣшимую тайну, желая найти оправданіе для этого убѣжденія, лишаешь себя того единственнаго стимула, который такъ прекрасно изображенъ въ другой рѣчи, произнесенной въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ говорилъ профессоръ Бородинъ и на слѣдующій же день. Вотъ заключительныя слова этой рѣчи:

*) По счастью, и не для одной только физиологій они были самыми убѣжденными, самыми горячими противниками витализма. Р. Майеръ рассказываетъ, какъ въ его время виталисты объясняли происхожденіе животной теплоты наслѣдственностью, тою самою *силой наслѣдственности*, на которую возлагаютъ столько надеждъ и современные виталисты.

«Здѣсь мы стоимъ, очевидно, на рубежѣ знанія, за которымъ открывается область невѣдомаго и дальнѣйшее движеніе въ ней, быть можетъ, открыть новыя, увы, еще большія трудности.

«Едва ли, впрочемъ, умѣстень здѣсь возгласъ сожалѣнія.

«Кому удавалось въ жизни, послѣ трудовъ, усилій и сомнѣній, угадать, найти хоть крупицу общей истины, въ наукѣ или въ искусствѣ, тотъ помнить, какія свѣтлыя минуты переживалъ онъ. Не тогда ли онъ жилъ лучшею частью своего существа?

«Въ необъятной вселенной безмѣрно долгое время будутъ возникать для насъ, одинъ за другимъ, новые и нерѣшенные вопросы; такимъ образомъ, передъ человѣкомъ лежитъ уходящій въ безконечность путь научнаго труда, умственной жизни, съ ея тревогами и наслажденіями».

Это говоритъ академикъ Бредихинъ *). Какою бодростью духа, только подстрекаемаго къ борьбѣ возрастающими трудностями, звучатъ эти слова, какою смѣлою увѣренностью, что наука справится завтра со своими болѣе сложными задачами, *потому что ея прошлое смужитъ порукой за ея будущее!* И какъ отличается это ясное, спокойное настроеніе уже молодого астронома отъ растерянности молодого защитника витализма, мечущагося изъ стороны въ сторону, то завѣряющаго, что онъ не противится современному направленію науки, то пытающагося увѣрить, что оно не оправдало возложенныхъ на него надеждъ, ревниво охраняющаго свое право видѣть кругомъ себя одну только неразрѣшимую тайну и, ради этого, готоваго оспаривать дѣйствительные успѣхи науки, радоваться ея кажущимся неудачамъ!

Профессоръ Бородинъ заканчиваетъ свою рѣчь патетическимъ воззваніемъ не смущать юные умы въ нашихъ аудиторіяхъ. Нѣтъ, мы не будемъ ихъ смущать; мы не будемъ ихъ обезсиловать какимъ-то разслабленно-пессимистическимъ, мистически-декадентскимъ разочарованіемъ въ наукѣ, для чего она не подаетъ ни малѣйшаго повода. Мы будемъ говорить имъ завтра то же, что говорили вчера. Мы скажемъ имъ: вотъ что мы знаемъ, вотъ чего мы не знаемъ, а вотъ тотъ единственный вѣрный путь, съ котораго открываются все новые горизонты знанія,— это вѣковой путь, въ началѣ и концѣ котораго намъ свѣтятъ гениі Лавуазье и Гельмгольца.

Н. Тимирязевъ.

*) *О физическомъ пережатіи въ небесныхъ тѣлахъ.* Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Императорской академіи наукъ 29 декабря 1893 г.

Очерки провинціальной жизни.

Недавно вышель въ свѣтъ очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности полтавскаго земства (съ 1866 по 1892 гг.), изданный полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства и составленный С. Н. Велецкимъ. Читая эту книгу, испытываешь смѣшанныя чувства. Энергичная, умѣлая и неустанная дѣятельность полтавскаго земства на пользу всѣхъ классовъ населенія вызываетъ чувство глубокой признательности. Въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ полтавское земство въ области народнаго образованія, въ дѣлѣ медицинской организаціи, въ устройствѣ путей сообщенія, въ страховомъ дѣлѣ сумѣло сдѣлать то, чего не дали мѣстному населенію, можно сказать, цѣлыя столѣтія. Но какъ ни велика энергія работы полтавскаго земства въ перечисленныхъ областяхъ, еще больше усилій затрачено земствомъ на борьбу съ экономическими недугами, на заботы объ обезпеченіи народнаго продовольствія и о развитіи матеріальнаго благосостоянія населенія. Ни въ одной отрасли своей дѣятельности полтавское земство не возбуждало и не обсуждало столько вопросовъ, не принимало такого значительнаго количества мѣропріятій, какъ въ области экономической. Земство понимало, что экономическое состояніе населенія является тѣмъ центральнымъ пунктомъ, которымъ, по преимуществу, обусловливается преуспѣяніе всѣхъ прочихъ сторонъ общественной жизни. И вотъ, именно, здѣсь-то, въ области экономической, проявился такой рѣзкій диссонансъ между усиліями земства и ихъ результатами, который производитъ, поистинѣ, удручающее впечатлѣніе. Цѣлая система мѣръ была выработана земствомъ для улучшенія экономическаго положенія населенія. При этомъ, въ основу всѣхъ своихъ мѣропріятій земство положило точное изученіе условій мѣстной народной жизни, со всѣми ея особенностями, нуждами и интересами. Отправляясь отъ точнаго знанія быта и нуждъ населенія, земская мысль работала: надъ улучшеніемъ организаціи продовольственнаго дѣла; надъ устройствомъ мелкаго сельскаго кредита; надъ учрежденіемъ банка, облегчающаго малоземельнымъ крестьянамъ приобрѣтеніе земли; надъ устраненіемъ цѣлой кучи посредниковъ въ торговлѣ хлѣбомъ; надъ упорядоченіемъ провоза хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ; надъ

усовершенствованіемъ ремесленной и кустарной промышленности путемъ устройства профессиональныхъ школъ; надъ упорядоченіемъ массоваго движенія рабочихъ на заработки въ южныя и юго-восточныя губерніи; надъ поднятіемъ интензивности земледѣльческаго труда путемъ устройства опытныхъ полей, складовъ земледѣльческихъ орудій и машинъ; надъ устраненіемъ законодательныхъ мѣръ, препятствующихъ развитію табакководства; надъ мѣрами къ развитію лѣсонасажденій, имѣющихъ огромное значеніе, въ экономическомъ и климатическомъ отношеніяхъ, въ такой безлѣсной губерніи, какъ Полтавская; надъ мѣрами къ развитію мѣстнаго скотоводства, коневодства, овцеводства, и еще надъ многими другими задачами, имѣющими, впрочемъ, уже не столь важное значеніе.

Такъ многообразна была экономическая дѣятельность полтавскаго земства. И вотъ эта многообразная, устойчивая и, надо сказать, умѣлая работа земства, все-таки, не достигла того, чтобъ улучшить экономическое положеніе мѣстнаго сельскаго населенія. Въ чемъ заключаются причины этого грустнаго факта, объ этомъ мы скажемъ ниже; теперь же отмѣтимъ области дѣятельности полтавскаго земства, въ которыхъ оно достигло значительныхъ результатовъ.

Когда были введены земскія учрежденія и полтавское земство приступило къ выполненію возложенныхъ на него задачъ, оно нашло ничтожное количество народныхъ школъ, жалкія лечебныя заведенія, невозможные пути сообщенія, полное отсутствіе страхованія отъ огня. Во всѣхъ этихъ областяхъ, въ сравнительно незначительное время и при скромныхъ средствахъ, земствомъ совершены крупныя завоеванія. Организованная начальная школа создана никѣмъ другимъ, какъ только земствомъ. До него сельской школы, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не существовало; правительственныхъ училищъ было очень мало, а церковно-приходскія школы, не организованныя, то возникавшія, то исчезавшія давали крайне ничтожные результаты. Поэтому вполне понятенъ отзывъ члена губернскаго училищнаго совѣта, заявившаго въ 1867 году, что большая часть этихъ школъ «существовала лишь по имени». Число школъ, сколько-нибудь удовлетворяющихъ своему назначенію, считалось не болѣе 89 съ 4,895 учащимися. Въ настоящее же время въ Полтавской губерніи болѣе 1,000 школъ съ 100,000 учащихся. Наряду съ народными школами полтавское земство обратило также вниманіе на увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній и на болѣе равномерное распредѣленіе ихъ на пространствѣ всей губерніи, въ видахъ приближенія источниковъ просвѣщенія къ мѣсту пребыванія семействъ, пуждающихся въ школахъ. Въ Полтавской губерніи имѣется теперь 16 среднихъ учебныхъ заведеній, созданныхъ и содержимыхъ въ значительной мѣрѣ на земскія средства. По сравненію съ прошлымъ, приведенныя цифры свидѣтельствуютъ о громадномъ прогрессѣ дѣла народнаго образованія. Но если оставить сравненіе прошлаго съ настоящимъ, а говорить только о наличной нуждѣ населенія въ образованіи, то картина рѣшительно измѣняется. Существующія школы далеко не вмѣщаютъ въ себя всѣхъ жела-

ющих учиться. Чтобы всё дѣти школьнаго возраста получили возможность учиться, для этого въ Полтавской губерніи необходимо 3,558 школъ, для чего потребовался бы расходъ въ 1.178,260 рублей. А эта сумма составляетъ 61% расходоу на всё уѣздныя земскія потребности. Давать такую сумму, при существующемъ экономическомъ положеніи населенія, земство рѣшительно не въ состояніи.

Такимъ образомъ, преуспѣянію просвѣщенія народа въ подлежащей мѣрѣ, введенію всеобщаго обученія, къ которому стремится полтавское земство, препятствуетъ народная бѣдность. При настоящихъ скудныхъ финансахъ большинства земствъ, всеобщее обученіе можетъ быть введено лишь съ помощью государственнаго бюджета.

Какъ въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ и въ медицинскомъ дѣлѣ дореформенное время передало земству лечебныя заведенія въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Больницы были признаны негодными не только для больныхъ, но даже для обыкновеннаго жилья. Ихъ пришлось или радикально перестроить, или даже разобрать и срыть до основанія и затѣмъ вновь возвести. А о домѣ для душевно-больныхъ старшій врачъ, завѣдывавшій имъ еще со времени «приказа», далъ въ 1869 г. слѣдующій отзывъ: «о немъ лучше не говорить,—такъ постыдно содержаніе этихъ несчастныхъ въ гигиеническомъ отношеніи». Въ настоящее уже время, по отзывамъ врачей, «земство обладаетъ прекрасными больничными помѣщеніями, которыя могутъ служить предметомъ гордости для земства и въ которыхъ возможно примѣненіе способовъ врачеванія, составлявшихъ еще недавно привилегію только больницъ въ столичныхъ центрахъ и въ университетскихъ городахъ». Особенное вниманіе обратило земство на устройство уѣздной медицины. Чтобы составить представленіе о достигнутомъ здѣсь прогрессѣ, достаточно указать на цифры населенія, пользовавшагося медицинскою помощью въ дореформенное и пореформенное время, когда дѣйствовало земство. Въ послѣдній годъ до введенія земскихъ учрежденій медицинскою помощью воспользовалось 12,285 больныхъ. Въ 1890 году пользовались медицинскою помощью: амбулаторно 742,338 больныхъ, на дому—193,428 больныхъ. Такимъ образомъ, по сравненію съ дореформеннымъ временемъ, число лицъ, пользующихся общественно-организованою врачебною помощью, увеличилось въ 80 разъ. При этомъ,—какъ замѣчаетъ составитель очерка,—не надо упускать изъ вида еще и то обстоятельство, что до введенія земскихъ учрежденій врачебною помощью пользовались лица почти исключительно привилегированныхъ классовъ, а изъ низшаго, какъ сельскаго, такъ и городскаго, населенія въ больницы, да и вообще къ врачамъ попадали лишь тѣ, которые препровождались по распоряженію начальства, какъ, напримѣръ, солдаты, арестанты, лица, больныя различными бозъзнями; деревня же, собственно говоря, не знала медицинской помощи. Большою заслугой земства слѣдуетъ признать то, что оно не только создало и организовало медицинскую помощь, доступную для народа, но и сумѣло возбудить и укрѣпить въ населеніи уваженіе къ врачебной

науку и доверіе къ врачебному искусству. Заслуга эта тѣмъ болѣе замѣчательна, что столь глубокой и коренной переворотъ въ народномъ сознаниіи и народныхъ привычкахъ достигнуть сравнительно въ очень короткій промежутокъ времени, равняющійся всего лишь четверти вѣка. Если знахарство не оставлено вполне еще и въ настоящее время, то, съ одной стороны, земскія средства весьма ограничены, а съ другой—нельзя же въ 25 лѣтъ искоренить то, что развивалось и укоренялось въ народѣ цѣлыми столѣтіями.

Въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій передано также завѣдываніе земскимъ взаимнымъ отъ огня страхованіемъ, а также и другими видами страхованія. Въ 1867 г. земство приступило къ введенію въ губерніи страхованія отъ огня, не имѣя ни копѣйки основного или запаснаго капитала. Черезъ 25 лѣтъ, взимая страховыя преміи ниже взимаемыхъ даже обществами взаимнаго страхованія, земство накопило 2.198,297 рублей запаснаго капитала и выдало съ начала организациіи страхового дѣла болѣе 4 милл. рублей страхового вознагражденія. Въ то же время, для ослабленія бѣдствій, причиняемыхъ населенію пожарами, полтавское земство предпринимало и другія, кромѣ страхованія, мѣры. Такъ, напримѣръ, не говоря уже объ изданіи разныхъ обязательныхъ предохранительныхъ постановленій, земство оказывало селеніямъ и городамъ денежныя вспомошествованія для устройства и улучшенія пожарной части, а съ 1882 г., когда накопился уже значительный страховой запасный капиталъ, болѣе чѣмъ достаточный для обезпеченія риска, приступило къ систематическому снабженію селеній пожарными трубами, для чего ежегодно отчисляется по 25,000 р. изъ процентовъ по страховому капиталу. Далѣе, съ 1891 года утверждены правила взаимнаго земскаго страхованія скота отъ падежей, что имѣеть огромную важность въ виду часто появляющихся у насъ опустошительныхъ эпизоотійхъ.

Такова плодотворная дѣятельность полтавскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія, въ дѣлѣ врачебной помощи, въ страховомъ дѣлѣ. Самый взыскательный человекъ, ознакомившись съ нею, не можетъ не признать, что здѣсь земство достигло значительныхъ результатовъ. Но, какъ мы уже сказали, еще болѣе усилій потребовала отъ земства экономическая область явленій. Земская мысль работала въ этой сферѣ такъ же неустанно, такъ же настойчиво и умѣло, и, несмотря на это, не подъ силу оказалось земству поднять экономическое состояніе населенія. Одно только несомнѣнно: безъ хозяйственныхъ мѣропріятій земства матеріальное положеніе населенія было бы еще хуже.

Исслѣдованія экономическаго положенія Полтавской губерніи, относящіяся еще къ тому времени, когда не наступили «голодные года», заставили признать земство, что, «несмотря на многочисленныя его мѣропріятія, въ этой области, Полтавская губернія сдѣлала мало успѣховъ, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности даже значительно пошла назадъ. Въ земледѣліи, за самыми немногими исключеніями, господствуетъ и теперь, какъ

прежде, безсистемное хозяйство, совершенно истощающее землю, и практикуются первобытные способы обработки полей. Сельско-хозяйственная промышленность, говоря вообще, не только не поднялась в течение этого времени, но во многих случаях даже упала. Скотоводство и коневодство также падают и давно уже потеряли свое прежнее значение. Табаководство, в некоторых уездах в прежнее время очень распространенное и дававшее значительные доходы, теперь находится в высшей степени упадка и во многих местах даже совершенно прекратилось. Городские и сельские ремесленные промыслы, а также кустарная промышленность, скорее обнаруживают попятное движение, чем прогресс; исследование кустарных промыслов показало, что экономическое положение местных кустарей стоит даже ниже, чем у земледельческой части населения. Исследованием констатировано также, что почти во всех отраслях кустарного промысла замечается упадок техники и уменьшение заработков сравнительно с недавним прошлым. А, между тем, взамен упавших или исчезнувших отраслей местной промышленности на смену им новых почти не появилось.

Вследствие такого положения местного сельского хозяйства в земледельческих хозяйствах, из года в год увеличиваясь, получают постоянно недочеты, сильно отражающиеся не только на отдельных хозяйствах, но и на общем положении дѣла. Недочеты эти приходится пополнять какими бы то ни было способами, приходится пополнять их тем больше, что рядом с возрастанием потребностей народа и государства шло и продолжает идти умножение самого населения, а следовательно, и возвышение продовольственных нужд края, не говоря уже о других. И вот, для пополнения этого недочета, земледельцы взялись за единственное доступное для них, при настоящем положении дѣла, средство: стали немощно расширять площадь посевов и разводить почти исключительно одни зерновые хлеба. Но такой ход сельского промысла не мог дать других результатов, кроме самых печальных. Однообразие культуры способствовало сильному размножению вредных животных и насекомых, борьба с которыми непосильна покамест ни для местного, ни для центрального общественного управления, а неправильное и чрезмерное расширение площади посевов привело к истощению и засорению почвы. Более правильные и подходящие, по местным условиям, трехпольная и переложная системы, за самыми рѣдкими исключениями, уступили место безсистемной, хищнической эксплуатации каждого свободного клочка земли; в крестьянском хозяйстве трехполье и периодическое толочение земли скотом сохранились лишь там, где существуют еще обязательные общины сѣны полей, а во всех остальных местах идет самое непредусмотрительное, непрерывное перепахивание земли, пускаемой под посевы в течение длинного ряда лѣтъ, без всякаго роздыха. Оставшіяся от прежнего времени незначительныя лѣсныя пространства немилосердно вырубаются и расчищаются под пашню, что ведет к вздоржавію лѣс-

ныхъ матеріаловъ и вредно вліяетъ на климатъ страны. Наконецъ, уменьшеніе площади сѣнокосовъ и пастбищъ убиваетъ мѣстное скотоводство, расширеніе котораго оказывается особенно настоятельнымъ теперь, когда истощенная почва необходимо требуетъ удобренія.

Въ чемъ же заключается *главная* причина такого печальнаго экономическаго положенія населенія Полтавской губерніи? Отвѣтъ земства на этотъ вопросъ вполне опредѣленный. Главная причина,—говоритъ оно,—заключается въ малоземельѣ крестьянъ. По малоземелью сельскаго населенія Полтавская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣсть даже въ ряду сосѣднихъ съ нею черноземныхъ губерній, въ которыхъ крестьянское населеніе получило наименьшіе надѣлы. Между тѣмъ, губернія эта исключительно земледѣльческая; фабрично-заводская и кустарная промышленности находятся въ ней лишь въ зачаточномъ состояніи, а потому величина земельной собственности является для громаднаго большинства населенія главною основой его матеріальнаго благосостоянія. Размѣры же этой собственности таковы, что, принявъ за норму урожая *максимумъ* его, выведенный въ среднемъ для всей губерніи за десятилѣтіе, и сопоставивъ ее съ *минимальною* нормой годового потребленія хлѣба на одну душу, изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: «изъ 311,004 крестьянскихъ хозяйствъ губерніи *болѣе двухъ третей* (68,2 проц.) *являются настолько малоземельными, что собираемого ими со своихъ земельных участковъ урожая недостаточно даже для собственнаго продовольствія*, и только остальные 31,8 проц. хозяйствъ могутъ, при благоприятныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, имѣть его въ незначительномъ избыткѣ». Между тѣмъ, изъ того же самаго источника населеніе должно покрывать и лежащія на немъ государственныя, земскія, мірскія платежи и удовлетворять всѣ прочія, за вычетомъ пищи, потребности жизни. Неудивительно, поэтому, что изъ 32,000 переселенцевъ, прошедшихъ въ этомъ году черезъ Томскъ, 14 тысячъ вышли изъ Полтавской губерніи.

Полтавское земство уже въ самомъ началѣ своего поприща сознало, что малоземелье является коренною причиною неурстройства сельскаго населенія, а самымъ надежнымъ средствомъ противъ этого недуга считало расширеніе площади крестьянскаго землепользованія. Въ 1866—1868 гг. въ земскихъ собраніяхъ Полтавской губ. уже обсуждался проектъ кредитнаго учрежденія для удовлетворенія «основныхъ нуждъ мѣстнаго сельскаго хозяйства». Въ 1878 году земство представило проектъ земскаго земельного банка для облегченія крестьянамъ приобрѣтенія земли. Проектъ, по существу, былъ одобренъ правительствомъ, но хода ему дано не было въ виду возникшихъ предположеній объ учрежденіи самимъ правительствомъ крестьянскаго поземельнаго банка. Банкъ этотъ, какъ извѣстно, былъ дѣйствительно учрежденъ. Но когда онъ сталъ дѣйствовать, то оказалось, что помощь банка во многихъ случаяхъ для крестьянъ недостижима, и недостижима, главнымъ образомъ, для того обширнаго разряда крестьянъ, который болѣе всего нуждается въ землѣ. Тогда полтавское земство

снова увидѣло необходимость придти на помощь малоземельному крестьянству. Въ 1881 году приступлено было къ образованію для этой цѣли капитала имени Императора Александра II, посредствомъ ежегоднаго отчисленія по 10 тысячъ рублей. Скудныя средства земства не позволили ему отчислить большую сумму, хотя оно и сознавало незначительность этой суммы сравнительно съ нуждой. Къ 1 января 1892 года упомянутый капиталъ составлялъ 78¹/₂ тысячъ рублей. Въ связи съ операціями этого капитала должны были, по проекту земства, дѣйствовать «особыя попечительства для выдачи безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ ссудъ на покупку земли». Но, кромѣ этой основной задачи, на попечительства возлагалось преслѣдованіе и другихъ важныхъ цѣлей. По справедливому мнѣнію земства, «крестьяне послѣ эмансипаціи стали въ общемъ государственномъ строѣ въ столь изолированное и безпомощное состояніе, въ какомъ, въ сущности, прежде никогда не находились. Если крѣпостное право и казенное управленіе и держали въ опекѣ личную и имущественную свободу земледѣльческихъ сословій, то они же, въ нужныхъ случаяхъ, оказывали имъ защиту и помощь». Съ уничтоженіемъ крѣпостного гнета слѣдовало также позаботиться объ учрежденіяхъ для оказанія защиты и помощи крестьянскому населенію. Но этого не было сдѣлано, и земледѣльческое сословіе оказалось предоставленнымъ всецѣло самому себѣ и, вслѣдствіе этого, очутилось въ беззащитномъ положеніи для огражденія дарованныхъ ему благъ противъ стороннихъ посягновеній. Въ силу такого положенія дѣль въ деревнѣ, неблагоприятно отражающагося на всемъ строѣ и состояніи мѣстной жизни, полтавское земство пришло къ убѣжденію о необходимости придти серьезно на помощь сельскому населенію въ его нуждахъ посредствомъ учрежденія въ селахъ попечительствъ, на которыхъ возлагалось оказывать содѣйствіе сельскимъ обществамъ и обывателямъ:

- а) по долгосрочной арендѣ и приобрѣтенію въ собственность земель;
- б) по отысканію заработковъ и переселенію въ другія мѣстности;
- в) по накопленію сбереженій и организаціи кредита;
- г) по улучшенію прочихъ условій матеріальнаго ихъ быта;
- д) по улучшенію условій нравственнаго ихъ быта;
- е) во всѣхъ случаяхъ непредвидѣнныхъ бѣдствій и вообще при обнаруживающейся надобности оказать содѣйствіе.

Большое вниманіе было обращено земствомъ также на организацію мелкаго сельскаго кредита. Оно выработало проектъ устройства цѣлой сѣти волостныхъ и сельскихъ кассъ съ центральной кассой при губернской земской управѣ. Но «всѣ эти проекты,—говоря словами составителя очерка,—остались не осуществленными, по независящимъ отъ земскаго управленія обстоятельствамъ».

Скудость средствъ, а также недостаточность земской компетенціи сдѣлали для земства невозможнымъ устраненіе коренной причины печальнаго экономическаго положенія населенія Полтавской губерніи. Неустраненіе коренной причины парализовало, разумѣется, въ значительной степени всѣ

усилія, всё многообразныя мѣропріятія земства къ поднятію матеріальнаго благосостоянія населенія. Одной изъ важныхъ заботъ земства было повышение производительности почвы, усовершенствованіе земледѣльской культуры, но огромное большинство крестьянъ не имѣетъ средствъ для улучшения своего сельскаго хозяйства, имъ «нечѣмъ взяться», и вотъ, въ результатъ своей неустанной работы на пользу населенія, земство должно было признать, что «Полтавская губернія сдѣлала мало успѣховъ въ своей экономической дѣятельности, что въ земледѣліи, за самыми немногими исключеніями, господствуетъ и теперь, какъ прежде, безсистемное хозяйство, совершенно истощающее земство, и практикуются первобытные способы обработки полей, что сельско-хозяйственная промышленность, говоря вообще, не только не поднялась, но во многихъ случаяхъ даже упала». — Печальный диссонансъ между большими усиліями и результатомъ.

Почти всё земства расходуютъ въ послѣднее время сравнительно значительныя средства на улучшение сельскаго хозяйства крестьянскаго населенія. Но такъ какъ ни одно дѣло, къ какой бы области народной жизни оно ни относилось, не можетъ итти правильно и приносить желаемые результаты до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ находиться въ рукахъ компетентныхъ людей, людей специально посвятившихъ себя его изученію, то, для воспособленія мѣстному земледѣлію, земства приступили къ организаціи института агрономическихъ инспекторовъ, состоящаго изъ лицъ, получившихъ специальное сельско-хозяйственное образованіе. На обязанности агрономическихъ инспекторовъ лежитъ работа о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ всѣми способами, какіе будутъ признаны болѣе удобными и возможными. Агрономы обязаны, какъ при разъѣздахъ по своимъ участкамъ, такъ и во всякое другое время, подавать совѣты обращающимся къ нимъ за разрѣшеніемъ того или иного вопроса по сельскому хозяйству. Агрономы завѣдуютъ складами земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, туковъ и т. п. На обязанности агронома въ этомъ дѣлѣ лежитъ, во-первыхъ, наблюденіе за складомъ и руководство дѣятельностью склада въ томъ направленіи, чтобы всё предметы, находящіеся въ немъ, были выбраны соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, т.-е. чтобы и машины, и орудія, и сѣмена и т. д. находились въ складѣ лишь такія, которыя наиболѣе примѣнимы при наличности извѣстныхъ климатическихъ, почвенныхъ и иныхъ условій данной мѣстности; во-вторыхъ, агрономъ долженъ стараться объ изысканіи всевозможныхъ способовъ, посредствомъ которыхъ какъ улучшенныя сѣмена, такъ и земледѣльческія орудія могли бы наискорѣйшимъ образомъ распространиться среди мѣстнаго населенія; въ-третьихъ, изыскивать средства къ возможно болѣе легкому и удобному для потребителей способу пріобрѣтенія всѣхъ вышеперечисленныхъ предметовъ. Далѣе, агрономамъ поручается выработка проектовъ по устройству опытныхъ полей, а также и выборъ мѣста для послѣднихъ. На обязанности агрономовъ лежитъ опредѣленіе вредныхъ насѣкомыхъ, опредѣленіе болѣзныхъ растений и изысканіе способовъ борьбы съ ними.

Намѣченный кругъ дѣлъ, входящихъ въ вѣденіе земскихъ агрономовъ, съ достаточной очевидностью показываетъ, что успѣшность ихъ дѣятельности обусловливается, главнымъ образомъ, степенью имущественной состоятельности крестьянъ. Какъ врачъ встрѣчаетъ препятствія своей дѣятельности въ матеріальной невозможности кліента выполнить данныя ему указанія, такъ и совѣты земскаго агронома окажутся бесплодны для всей той части крестьянскаго населенія, которая не имѣетъ средствъ на улучшеніе земледѣльческаго промысла. Было бы весьма важно точное исчисленіе земской статистикой цифры населенія, лишеннаго возможности двигаться впередъ въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства. Но уже и теперь извѣстно, что большая или меньшая сила дѣйствія мѣропріятій, направленныхъ на поднятіе сельско-хозяйственнаго промысла у крестьянъ, опредѣляется по преимуществу размѣрами ихъ землевладѣнія. Предъ нами лежатъ два хозяйственныхъ доклада вятской губернской земской управы земскому собранію и брошюра, составленная г. Новиковымъ и сообщающая переписку крестьянъ съ земскими агрономами Вятской губерніи. Читая эти доклады и брошюру, видишь, какихъ значительныхъ результатовъ достигаетъ агрономическая дѣятельность земства въ такихъ сравнительно многоземельныхъ губерніяхъ, какъ Вятская.

Помощь земледѣльческому хозяйству въ Вятской губерніи поставлена весьма широко. Въ 1893 году губернское и уѣздныя земства названной губерніи израсходовали на это дѣло 157 тысячъ рублей. Земледѣльческія школы для народа, институтъ агрономическихъ инспекторовъ, опытные и доказательныя поля, школьныя хозяйства, склады земледѣльческихъ орудій, выставки—вотъ тѣ средства, которыми вятское земство проводитъ сельско-хозяйственныя знанія въ массу населенія. И доклады губернской земской управы свидѣтельствуютъ о прогрессивномъ движеніи крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Такое важное дѣло, какъ *травостѣпаніе*, начало развиваться уже во всѣхъ уѣздахъ. Въ Слободскомъ уѣздѣ травостѣпаніе введено въ 17 волостяхъ и 52 селеніяхъ; въ Яранскомъ—въ 78 селеніяхъ на 138 участкахъ; въ Вятскомъ—въ 6 волостяхъ и 18 селеніяхъ; въ Глазовскомъ—въ 14 волостяхъ на 23 мѣстахъ; въ Елабужскомъ—въ 8 селеніяхъ; въ Малмыжскомъ—на 100 участкахъ; въ Уржумскомъ—на 85 участкахъ; въ Котельническомъ—въ 71 селеніяхъ на 88 участкахъ; въ Нолинскомъ—въ 51 селеніяхъ на 71 участкахъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ *улучшеніи муковъ*, путемъ уничтоженія кочегъ и боронованія. Далѣе, крестьяне начинаютъ употреблять *фосфоритное удобреніе*. Въ Вятскомъ уѣздѣ фосфоритное удобреніе примѣнено въ 5 мѣстахъ. Въ Слободскомъ уѣздѣ фосфоритной мукой удобрены 40 участковъ. Роздано ея 205 пуд. 9 ф. Въ Глазовскомъ уѣздѣ роздано до 160 под. фосфоритовъ. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ роздано 115 пуд. фосфоритной муки. Кромѣ того, роздано 85 пуд. пареной костяной муки; въ Елабужскомъ уѣздѣ фосфоритное удобреніе примѣнено въ 5 мѣстахъ. Въ Уржумскомъ уѣздѣ въ 12 мѣстахъ роздано фос-

форитовъ 255 пуд. Кромѣ того, раздавалась костяная мука: въ д. Верхній-Чамъ отпущено 78 пудовъ и въ Кичминскую волость 140 пуд. Въ Яранскомъ уѣздѣ фосфоритныхъ участковъ 17, муки разсѣяно 206 пуд. 20 ф. Въ Котельническомъ уѣздѣ фосфоритные участки находятся въ 32 селеніяхъ (13 волостяхъ). Въ Орловскомъ уѣздѣ удобреніе фосфоритами производилось, кромѣ опытнаго поля, въ 6 мѣстахъ. Въ Ноллинскомъ уѣздѣ фосфоритами занято 24 участка, на которыхъ высѣяно 557 пуд. фосфоритной муки.

По словамъ доклада, крестьянское населеніе относится къ опытнымъ полямъ весьма внимательно; многіе стали производить обработку земли по примѣру опытнаго поля, заводить улучшенныя орудія; постепенно развивается сознание, что качество посѣвныхъ сѣмянъ имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ урожайности хлѣбовъ,—поэтому предъявляются требованія на улучшенныя сѣмена ячменя, овса, льна и озимовой ржи, а также начинаютъ приобрѣтаться вѣялки-сортировки для полученія на посѣвъ очищенныхъ и болѣе тяжеловѣсныхъ сѣмянъ мѣстнаго урожая. Кромѣ того, крестьяне, благодаря опытному полю, ознакомились съ техникой посѣва кормовыхъ травъ, убѣдились въ полезности и экономической выгоды производства посѣва травъ въ поляхъ, на земляхъ заброшенныхъ, пустошныхъ, не приносящихъ никакого дохода ни пастбищемъ, ни сѣнокосеніемъ. Поэтому въ отчетномъ (1894 г.) была предъявлена масса требованій на травяныя сѣмена.

Большое вниманіе обращаетъ вятское земство на ознакомленіе населенія съ улучшенными орудіями и старается, по возможности, облегчить крестьянамъ ихъ приобрѣтеніе. Земство не только удовлетворяетъ предъявляемому спросу, но и само создаетъ спросъ, знакомя крестьянъ съ новыми для нихъ орудіями, путемъ демонстрацій, выставокъ и т. д. Вместе съ тѣмъ, оно продаетъ крестьянамъ орудія въ разсрочку. Усилія уѣздныхъ и губернскихъ земствъ нашли себѣ живой откликъ у населенія, которое мало-по-малу привыкаетъ къ мысли, что у него имѣется немаловажная опора въ лицѣ земства, къ содѣйствію котораго оно начинаетъ прибѣгать все чаще и чаще. Какъ бы въ подтвержденіе этой мысли докладъ приводитъ данныя о непрестанно растущихъ операціяхъ земства по продажѣ земледѣльческихъ орудій.

О томъ же прогрессѣ крестьянскаго сельскаго хозяйства въ Вятской губерніи, о томъ, что народъ созналъ непригодность хозяйственнаго строя, какъ его завѣщали прадеды,—свидѣтельствуетъ и упомянутая переписка крестьянъ съ земскими агрономами. Съ самыми разнообразными запросами обращаются здѣсь крестьяне къ агрономическому инспектору. Спрашиваютъ о подходящихъ къ данной почвѣ земледѣльческихъ орудіяхъ, о лучшихъ способахъ удобрения земли, паханія и обѣсѣненія, о силосованіи корма, о травосѣяніи, о посѣвѣ клевера и тимофеевки; просятъ указать книги: объ огородничествѣ, о скотоводствѣ (*Какъ водится надъ скотомъ, въ особенности какой водой поить лучше — теплой или холодной,*

такъ какъ у насъ въ деревняхъ предстоитъ объ этомъ вопросъ), книги о леченіи болѣзней скота простыми домашними средствами, книги о пчеловодствѣ и проч. Ернурскій волостной писарь, прося выслать для библіотеки волостного правленія книги по земледѣлію, сообщаетъ, что волостной сходъ постановилъ приобрести для правленія на 30 р. книгъ по сельскому хозяйству. Къ агрономамъ обращаются съ просьбой о присылкѣ книгъ и не относящихся къ земледѣлію. Такъ, спрашиваютъ: нѣтъ ли книжки насчетъ бѣленія новинъ крестьянскихъ холстовъ, просятъ выписать книжку объ улучшеніи промысла катанія валеныхъ сапогъ изъ шерсти, о приготовленіи столярныхъ красокъ и какъ красить ими на разные цвѣта, а также и подъ разные дерева: подъ дубъ, кленъ, ильмъ, ясень и проч. Далѣе идутъ просьбы о книгахъ нехозяйственного содержанія. Просятъ дать книжки «о сбереженіи здоровья людей», «о лѣченіи болѣзней простыми домашними средствами; напримѣръ, въ лѣтнее время, въ рабочую жаркую пору, часто у людей болитъ брюхо, дѣлается поносъ и болитъ голова,— какъ избѣжать этихъ болѣзней и какъ ихъ пользоваться»; спрашиваютъ книжки: «о сбереженіи себя отъ грома и молніи въ домѣ, на чистомъ полѣ, въ лѣсу, на лугахъ, близъ рѣкъ»; «какъ отваживаться надъ утопшимъ, угорѣвшимъ, убитымъ громомъ или молніей, о признакахъ умершаго или обмершаго»; «о сбереженіи себя беременной женщины и когда родить, какъ ей въ первые дни вести себя». Въ массѣ писемъ встрѣчаются просьбы пріѣхать для совѣта и указаній, осмотра и т. п., «съ нетерпѣніемъ ожидаютъ пріѣзда, просятъ какъ можно скорѣе посѣтить, предлагаютъ заѣзжать прямо въ свой домъ». Содержаніе писемъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ брошюры, ярко свидѣтельствуютъ, что у агрономическаго зрителя самыя живыя, близкія отношенія къ населенію; вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе изъ крестьянъ являются его помощниками, завѣдуютъ опытными полями, продаютъ сѣмена травъ и хлѣбовъ, доставляютъ свѣдѣнія, являются посредниками между нимъ и населеніемъ, исполняютъ различныя его порученія. Земскій агрономъ имѣетъ дѣло съ населеніемъ не только по вопросамъ сельскаго хозяйства въ узкомъ смыслѣ, но также даетъ совѣты и указанія по лѣсоводству, огородничеству, пчеловодству, техническимъ производствамъ и вустарному дѣлу. Агрономическій зритель въ глазахъ населенія олицетворенное знаніе всего, что касается техники сельскаго хозяйства; всѣ ждутъ его пріѣзда, такъ какъ онъ человѣкъ нужный. Письма крестьянъ къ земскимъ агрономамъ и, вообще, отношеніе къ нимъ сельскаго населенія краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что мысль народная пробудилась, что народъ созналъ непригодность хозяйственнаго строя, господствовавшаго при крѣпостномъ правѣ, что онъ жаждетъ знаній и свѣта.

Съ цѣлью установленія еще болѣе тѣсной связи между земскими агрономами и населеніемъ, съѣздъ вятскихъ агрономовъ принялъ предложеніе крестьянина Клековкина объ учрежденіи при волостныхъ правленіяхъ особыхъ сельско-хозяйственныхъ совѣтовъ въ составѣ уѣзднаго агронома и выда-

ющихся хозяйвъ-практиковъ: священниковъ, крестьянъ и учителей. Пользуясь данными мѣстнаго опыта и указаніями агронома, совѣты эти представляютъ собою соединеніе науки и жизни и являются однимъ изъ важныхъ путей для проведенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ массу населенія.

Заботы земства о народныхъ интересахъ были бы тѣмъ успешнѣе, чѣмъ болѣе гармонировали бы съ ними и другія области нашей общественной жизни. Къ сожалѣнію, полезныя мѣропріятія земства въ значительной степени парализуются существованіемъ учреждений и системъ, вредныхъ для крестьянскаго хозяйства. Въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ дѣйствующая податная система, о настоятельной необходимости реформы которой говорится уже давно.

Кто не понимаетъ, что реформа дѣйствующей податной системы въ томъ направленіи, чтобы налоги покоились на принципѣ соотвѣтствія платежей съ доходностью хозяйства, есть дѣло не легкое. Но это дѣло возможное и вызывается настоятельнѣйшими нуждами народной жизни.

Но вотъ дѣло не трудное, а между тѣмъ тоже невыполненное. Въ Самарской губерніи,—говоритъ мѣстная газета,—замѣчается какой-то странный застой межевыхъ дѣлъ; на всю Самарскую губернію при самарской губернской чертежной состоитъ только трое землеѣровъ, но и у тѣхъ часто лѣтомъ нѣтъ работы. Вслѣдствіе этого, по распоряженію управляющаго межевою частью, нерѣдко землеѣры самарской губернской чертежной откомандировываются для производства работъ въ другія губерніи. Между тѣмъ въ Самарской губерніи есть масса межевого дѣла по устройству земельныхъ надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; на надѣлы которыхъ, до сего времени, нѣтъ утвержденныхъ правительствомъ плановъ. Въ Самарской губерніи получили надѣлы болѣе 800 крестьянскихъ обществъ, между тѣмъ окончательно утверждены планы только для 150 сельскихъ обществъ; всѣ остальные дѣла лежатъ въ губернскомъ присутствіи безъ движенія. Вслѣдствіе этого, тѣ сельскія общества, которыя еще не имѣютъ утвержденныхъ на свои надѣльныя земли плановъ, лишены возможности охранять границы своихъ владѣній отъ захватовъ. Было много случаевъ, гдѣ сельскія общества, замѣтивъ въ своихъ владѣніяхъ кѣмъ-либо сдѣланный захватъ надѣльной земли, ходатайствовали предъ губернскимъ правленіемъ о возобновеніи въ натурѣ границъ ихъ владѣній, но имъ въ этомъ отказывали собственно потому, что на ихъ надѣлъ нѣтъ утвержденного плана, который могъ бы служить руководствомъ при возобновеніи границъ крестьянскихъ владѣній.хлопоты крестьянъ по возобновенію границъ сопряжены иногда съ немалымъ расходомъ, не принося имъ никакой пользы. Лица, сдѣлавшія захватъ ихъ земли, по немѣнѣнію въ натурѣ ясныхъ межевыхъ признаковъ, зная, что въ городъ поѣхалъ повѣренный отъ общества ходатайствовать о возобновеніи границъ и возвратился ни съ чѣмъ, начинаютъ распространять свои владѣнія въ крестьянскія земли еще болѣе, а крестьяне лишены возможности охранять ихъ. Были случаи, что крестьянскія общества обращались въ земскимъ

начальникамъ съ просьбою о восстановленіи нарушеннаго у нихъ владѣнія, но и земскіе начальники, по немѣннѣю плановъ, имъ въ этомъ отказывали. Еслибъ этотъ весьма существенный вопросъ,—заключаетъ *Самарская Газета*,—получилъ подлежащее движеніе, то послѣдствія его несомнѣнно, принесли бы не малую пользу для крестьянскаго землевладѣнія.

Какъ экономическія мѣропріятія земства парализуются слишкомъ малыми размѣрами крестьянскихъ надѣловъ, дѣйствующей податною системою, отсутствіемъ организаціи сельскаго кредита, такъ и заботы земства объ улучшеніи санитарныхъ условій населенія встрѣчаютъ себѣ противодействие въ небрежномъ обращеніи къ этому дѣлу со стороны землевладѣльцевъ. «Читая послѣдніе отчеты земскихъ санитарныхъ врачей нашего юга,—пишетъ *Крымскій Вѣстникъ*,—ужасаешься тѣхъ открытій, которыя дѣлаютъ они при изслѣдованіи жителя-бытья экономическихъ рабочихъ, и приходишь къ заключенію, что безчеловѣчное отношеніе къ тому несчастному люду, потомъ и кровью зарабатывающему небольшие гроши, нужно парализовать». Далѣе газета перечисляетъ, въ чемъ заключается это безчеловѣчное отношеніе къ рабочимъ: больные въ экономіяхъ, обыкновенно, остаются безъ ухода, присмотра и леченія,—лежать, гдѣ и какъ приходится; нѣкоторыя экономіи, чтобъ избавиться отъ больного, увозятъ его и «гдѣ-либо оставляютъ его на дорогѣ, не довозя до врачебнаго пункта», а другія просто изгоняютъ безъ дальнихъ околичностей; ни одна экономія не имѣетъ специально приспособленныхъ для больныхъ помѣщеній, между тѣмъ заболѣваемость рабочихъ, главнымъ образомъ, заразными болѣзнями значительна. «Въ прошломъ году,—пишетъ далѣе газета,—мы указывали на возмутительное отношеніе нѣкоторыхъ экономій къ рабочимъ, приводили протоколы, рисовавшіе нечеловѣческое отношеніе землевладѣльцевъ къ труженикамъ чужой нивы, показывающіе, что сельскохозяйственные рабочіе въ глазахъ землевладѣльца — не живыя существа, а лишь «рабочія руки». Такъ, ни голосъ собственной совѣсти, ни даже протоколы, ни голосъ печати — ничто не дѣйствуетъ и «труженики чужой нивы», прихода которыхъ, въ возможно большемъ числѣ, такъ трепетно ждутъ южные хозяева, предоставляются собственнымъ своимъ силамъ или, лучше сказать, безсилію, потому что осмотры пришлыхъ рабочихъ показываютъ, что, несмотря на молодой возрастъ, они отличаются ослабленною способностью противодѣйствія всякаго рода заразнымъ заболѣваніямъ. Земскія учрежденія принимаютъ различныя мѣры къ тому, чтобы рабочіе дошли до мѣста назначенія по возможности въ здоровомъ видѣ: на сборныхъ пунктахъ устраиваются дешевыя столовыя, врачебныя пункты, производятся осмотры и проч. Ну, а когда рабочій дошелъ до хозяина, тамъ все предоставляется уже на благоусмотрѣніе нанIMATEЛИ. Въ своихъ заботахъ о рабочихъ правительство признало нужнымъ создать институтъ фабричныхъ инспекторовъ, но сельскіе рабочіе нуждаются въ защитѣ ничуть не менѣе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Учрежденіе для сельской промышленности органовъ, соотвѣтствующихъ фабричнымъ

инспекторамъ, было бы лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ началъ, которые положены правительствомъ въ новѣйшее фабричное законодательство.

Насколько необходимы контролирующие органы для защиты рабочихъ отъ правонарушеній, это видно уже изъ того, что даже въ фабрично-заводской промышленности, при существованіи тамъ фабричныхъ инспекторовъ, продолжаетъ еще совершаться самое наглое попіраніе правъ рабочихъ. Вотъ, напримѣръ, какое дѣло разбиралось недавно у одного изъ московскихъ мировыхъ судей. Въ фабричному инспектору явился служащій на кожевенномъ заводѣ Тіля, мѣшанинъ Кузнецовъ, и заявилъ, что хозяинъ его высѣкъ и что на заводѣ тѣлесныя наказанія составляютъ самую обычную вещь, причемъ еще очень недавно также былъ высѣченъ рабочій Ивановъ. Инспекторъ поручилъ своему помощнику сдѣлать дознаніе на мѣстѣ. Заявленіе Кузнецова вполне подтвердилось. Тіля привлекли къ отвѣтственности. Спрошенныя рабочіе сначала отвѣчали уклончиво: слышали, молъ, но сами ничего не видали. Однако, послѣ тщательнаго допроса признались сами производившіе, по приказанію хозяина, экзекуцію, добавляя въ оправданіе, что «драли только слегка». Судья приговорилъ Тіля къ мѣсячному аресту.

Существованіе въ сельской промышленности органовъ, соответствующихъ фабричнымъ инспекторамъ, можетъ быть, и предупредило бы такое страшное дѣло, какое совершилось 14 августа въ имѣніи графа Рибопьера. Для уразумѣнія этого дѣла *Южный Край* рассказываетъ слѣдующее. Въ названномъ имѣніи для охраны лѣсовъ были наняты черкесы-мосульмане, вооружившіе противъ себя населеніе. Раздраженіе противъ лѣсниковъ и общее недовольство нѣкоторыми порядками, введенными въ имѣніи графа, замѣчались уже давно и накапливались въ народѣ годами. Лѣсники-черкесы слишкомъ усердствовали въ исполненіи взятыхъ на себя обязанностей и за малѣйшую порубку жестоко преслѣдовали окрестныхъ мужиковъ. Ихъ нагайка, какъ говорятъ, была хорошо извѣстна мѣстному населенію. Она не разъ гуляла по крестьянскимъ спинамъ, а потому неудивительно, что оказалось достаточнымъ малѣйшаго повода для воспламененія искры народной мести, разлившейся пожаромъ. Эта искра и была брошена. Дѣло произошло такъ. 14 августа къ Святогорской обители собрались тысячи народа на празднованіе 50-лѣтія этой обители и по случаю предстоящей въ этотъ день успенской ярмарки. Настроеніе народа въ виду чтимой всѣмъ населеніемъ обители было самое благоговѣйное. За порядкомъ были приставлены смотрѣть тѣ же черкесы, которые, шныряя среди толпы на лошадяхъ, не жалѣли нагаекъ для «возстановленія порядка». Это сильно возмущало религиозное чувство крестьянъ, и вотъ вдругъ среди глухо рокотавшей толпы раздался крикъ крестьянина, котораго черкесъ полыснулъ нагайкой. Въ народѣ послышались голоса: «Нашихъ бить! Братцы, не выдавайте!» Многіе бросились на зачинщика безпорядка, свирѣпаго черкеса, къ которому въ ту минуту присоединился другой вооруженный черкесъ. Видя, что толпа увеличивается и напираетъ на нихъ, черкесы ударили лошадей и, прокладывая

себѣ путь кинжалами и нагайками, давя и раниа народъ, устремились къ зданію конторы. Соскочивъ тамъ съ лошадей, они бросились въ домъ, гдѣ нашли еще трехъ товарищей черкесовъ, заперлись и приготовились къ защитѣ. Между тѣмъ, разъяренная толпа въ одинъ мигъ разнесла рѣшетку, отдѣляющую дугъ отъ двора конторы и, вооруженная кольями, устремилась къ дому. Не прошло и минуты, какъ двери и окна конторы были выломаны и сотни людей, съ кольями въ рукахъ, напали на черкесовъ, изъ которыхъ трое тотчасъ же были убиты на мѣстѣ, двое же остальныхъ, сознавая невозможность защиты въ виду тысячной толпы возбужденнаго народа, выскочили въ заднія окна дома и пустились бѣжать. Народъ бросился за ними въ погоню. Черкесы были догнаты и убиты. На мѣстѣ ярмарки валялось пять труповъ и стонало до тридцати человѣкъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ крестьянинъ с. Баннаго, которому пойманный черкесъ отсѣкъ руку, скончался на другой же день.

Уѣздная полиція, находясь на мѣстѣ происшествія въ небольшомъ сравнительно числѣ, не могла сдержать народъ. Большинство урядниковъ и сотскихъ находилось въ то время въ монастырѣ, поддерживая порядокъ во время крестнаго хода. Мѣстный исправникъ, телеграфируя въ Харьковъ о случившемся, просилъ выслать на мѣсто происшествія войско; 15 числа туда уже явились изъ Харькова два полицейскихъ пристава, нѣсколько человѣкъ околоточныхъ надзирателей и городовыхъ. Была также полиція изъ Зміева и Изюма, жандармы, судебный слѣдователь, мѣстный товарищ прокурора, земскіе начальники и другія должностныя лица. Утромъ 16 числа прибылъ въ Святыя Горы управляющій Харьковскою губерніей А. К. Бельгардъ, который, обсудивъ дѣло на мѣстѣ происшествія, счелъ возможнымъ остановить дальнѣйшее движеніе вызваннаго изъ Чугуева козачьяго оренбургскаго полка.

Другое дѣло—дѣло опять съ черкесами—разбиралось въ харьковскомъ уѣздномъ сѣздѣ. Крестьянинъ Игнатъ Гуренко подалъ земскому начальнику 1 участка харьковскаго уѣзда прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что онъ съ семьею расположился послѣ «страднаго» дня на ночлегъ на межѣ своей земли, смежной съ полемъ землевладѣльца Гордѣнка. Ночью, когда Гуренко съ семьею уже спали, явился прикащикъ землевладѣльца Гордѣнка, дворянинъ Чернушенко, съ вооруженнымъ черкесомъ и объѣздчиками. Съ гикомъ и руганью Чернушенко набросился на спавшую семью Гуренка; по приказанію его объѣздчики начали стрѣлять изъ ружей, а затѣмъ, когда страшно перепуганная семья повскакивала, то объѣздчики, не обращая вниманіе на мольбы и плачь ея, понукаемые Чернушенко, перерѣзали кинжалами налыгачи, которыми были привязаны къ возу двѣ пары воловъ Гуренка, и увели воловъ въ экономію Гордѣнка, гдѣ только на другой день Гуренку удалось ихъ «выкупить». Объяснивъ все это въ прошеніи, Гуренко просилъ земскаго начальника привлечь Чернушенка къ уголовной отвѣтственности.

При разборѣ дѣла Чернушенко объяснилъ, что онъ однажды, объѣзжая

ночью поля своего господина, замѣтилъ на землѣ его привязанныхъ къ возу 2 пары воловъ и спящаго у воза хозяина воловъ Гуренко, почему онъ и велѣлъ объѣзчикамъ загнать воловъ въ экономію. Свидѣтели (спавшіе невдалекѣ отъ мѣста происшествія и бывшіе очевидцами его) показали, что возъ съ привязанными волами Гуренка стоялъ не на землѣ Гордѣенка, а на межѣ земли Гуренка. Въ остальномъ свидѣтели подтвердили заявленія потерпѣвшаго. Земскій начальникъ призналъ Чернушенко виновнымъ въ самоуправствѣ и приговорилъ его къ аресту на пять сутокъ, обязавъ его уплатить Гуренку 3 руб. убытковъ.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости указываютъ на распространяющуюся въ крупныхъ помѣстьяхъ Харьковской губерніи практику нанимать на должности десятскихъ, приказчиковъ и объѣзчиковъ исключительно сыновъ Кавказа. И вотъ,—замѣчаетъ газета,—черкесы-десятники, кромѣ арапника, имѣютъ еще кинжалъ, съ которымъ они никогда не расстаются.

Существованіе въ сельской промышленности органовъ, соотвѣтствующихъ фабричнымъ инспекторамъ, сдѣлало бы также невозможнымъ такіа жестокія беззаконія, какія позволяетъ себѣ администрація имѣнія графини Стенбокъ-Ферморъ и обнаруженныя только судомъ казанской палаты. Вблизи г. Екатеринбургъ есть сосновая роща, принадлежащая гр. Стенбокъ-Ферморъ. Роща эта служитъ для екатеринбуржцевъ мѣстомъ лѣтнихъ прогулокъ. Сюда пріѣхалъ на лодкѣ для прогулки мѣщанинъ Рѣдниковъ съ товарищами. Выйдя изъ лодки на берегъ, Рѣдниковъ сталъ рубить колъ, чтобы привязать къ нему лодку. Въ это время набѣжалъ на него сзади лѣсникъ той дачи Мезенинъ и принялся его бить нещадно палкою. На крикъ Рѣдникова прибѣжали его товарищи и хотѣли за него заступиться, но Мезенинъ прогналъ ихъ направленными въ ихъ сторону выстрѣлами изъ револьвера. Кое-какъ Рѣдниковъ уползъ отъ лѣсника и бросился въ воду, откуда былъ принятъ своими товарищами въ лодку и отвезенъ домой. Въ результатѣ прогулки у Рѣдникова оказался переломъ ребра и правой руки. По приговору казанской судебной палаты Мезенинъ былъ признанъ виновнымъ въ причиненіи Рѣдникову тяжкаго увѣчья и осужденъ на полтора года въ исправительное арестанское отдѣленіе. Въ показаніяхъ свидѣтелей на судѣ пронесли картины возмутительныхъ порядковъ въ имѣніи гр. Стенбокъ-Ферморъ,—порядковъ, напоминающихъ давно прошедшія дореформенныя времена. Здѣсь говорили о «свороченныхъ смотрителемъ лѣсовъ скулахъ, объ изломанныхъ рукахъ, о проломанныхъ головахъ («мозги вылетѣли»), объ убійствѣ выстрѣломъ въ спину убѣгающаго порубщика, о помѣшательствѣ потерпѣвшаго побой, о сѣченіи задержанныхъ въ лѣсу на заводской конюшнѣ, о смерти черезъ нѣкоторое время послѣ сѣченія».

Наряду съ такимъ безчеловѣчнымъ охраненіемъ имущественныхъ интересовъ отовсюду слышатся жалобы на неплатежъ крупнымъ землевладѣнцемъ земскихъ сборовъ. Во многихъ губерніяхъ недоимки за крупными землевладѣльцами превышаютъ крестьянскія недоимки. А уменьшать земскіе финансы значитъ уменьшать число школъ, число сельскихъ бібліотекъ,

совращать медицинскую помощь народу. До каких, по-истинѣ, невѣроятныхъ размѣровъ доходить пренебреженіе къ обязанности платить земскій налогъ, свидѣтельствуемъ слѣдующій фактъ. Въ Киевской губерніи, по словамъ мѣстныхъ газетъ, предстоитъ замѣчательное явленіе: продажа, по распоряженію сената, одного изъ крупнѣйшихъ землевладѣній Радомисльскаго уѣзда, Мартыновичско-Варовичскаго имѣнія, за упорный неплатежъ земельныхъ палоговъ. Имѣніе это принадлежитъ гг. Стецкимъ и заключается въ себѣ 26 тысячъ десятинъ земли, въ томъ числѣ лѣса строевого 6,052 дес. и дровяного 11,075 дес. Во владѣніяхъ Мартыновичско-Варовичскаго имѣнія расположено 4 села и 17 деревень. Десять лѣтъ тому назадъ владѣльцы продали одного лѣса слишкомъ на миллионъ рублей, но о налогахъ не вспомнили, хотя ихъ, сравнительно съ размѣрами владѣнія, и приходилось-то не очень много, такъ какъ недоимка съ 1872 года по настоящее время, т.-е. за 22 года, достигла лишь 50 тысячъ рублей. Этотъ примѣръ наглядно характеризуетъ наличныя гарантіи полученія налоговъ съ землевладѣнія; можно было тянуть недоимки болѣе 20 лѣтъ, и для принятія взыскательной мѣры понадобилось даже вмѣшательство сената! Сколько бы такихъ дѣлъ возникло, если бы провиціальныя полицейскіе органы серьезно взялись за взысканіе земскихъ недоимокъ?

Не въ черкесахъ съ кинжалами и арапниками нуждается сельская жизнь, а въ организациі такихъ учрежденій, которыя въ самомъ дѣлѣ пеклись бы объ интересахъ сельскаго населенія, учрежденій вродѣ проектированныхъ полтавскимъ земствомъ «попечительствъ». Въ какія положенія попадаютъ крестьяне благодаря отсутствію подобныхъ учрежденій, показываетъ слѣдующая исторія одной деревни.

Крестьяне Кирилловскаго уѣзда (Новгородской губ.), дер. Дерягина, — сообщаетъ корреспондентъ *Недѣли*, — владѣли многіе десятки лѣтъ участкомъ земли въ 47 десят. сѣнныхъ покосовъ. 50-лѣтніе не запомнятъ когда была приобрѣтена эта земля. Вдругъ распространился слухъ, что земля эта по наслѣдству досталась нѣкому г. Либрову, который не прочь и продать ее. Слухи эти скоро перешли для крестьянъ въ горькую дѣйствительность; г. Либровъ землю эту продалъ одному зажиточному крестьянину за 700 р. и деньги получилъ полностью. Въ рукахъ крестьянъ не было никакого документа; они даже не знали и не знаютъ, есть ли онъ гдѣ-нибудь. Такимъ образомъ за ними было одно право — земская давность. Вотъ на этомъ-то основаніи и взялся выхлопотать эту землю одинъ мѣстный ходатай на слѣдующихъ условіяхъ: всѣ безъ исключенія денежные расходы на счетъ крестьянъ, а ему въ вознагражденіе 7 десятинъ любой земли изъ этого участка.

«— Разно съ души собирали, — говорили корреспонденту крестьяне, — много разъ собирали, и дѣло тянулось шесть годовъ; собирали бы мы и теперь, да Богъ, видно, сжалился надъ нами, и эту землю продали съ торговъ за наши долги. Деньги выручили, долги за насъ заплатили, и намъ

еще осталось 30 руб. Обида насъ такая взяла, что отъ этихъ денегъ мы всѣмъ міромъ отказались. Послѣ ихъ засчитали въ подушную.

«— Какіе же долги за вами были?—спросилъ я.

«— А долги были вотъ какіе: мы уговорились, что ему за хлопоты 7 дес. земли. Онъ побоялся или почему другому думалъ, что мы его обманемъ, слова своего не сдержимъ, Федоръ - отъ Степановичъ (имя ходатая), взялъ съ насъ тогда вексель, что какъ будто бы мы ему должны. На какую сумму вексель, изъ насъ доподлинно никто этого не знаетъ, потому народъ мы все темный. Только землю эту онъ отсудилъ, и она стала наша. Когда земля стала наша, ее продали за долгъ по этому векселю. Скажи онъ намъ это, мы и по векселю ему заплатили бы бы и 7 десят. земли съ радостью отдали бы. Больше платили, а ужъ это - то заплатили бы! Пока судились, семь десятинъ мы ему косили и убирали, прежде ему скосимъ и уберемъ всей деревней, а потомъ ужъ и за свою работу примемся. А ужъ какъ мы на него надѣялись, какъ на Бога надѣялись».

На бѣднаго Макара и шишки валятся. Не успѣли крестьяне сколько-нибудь забыть о потерѣ 47 десят. земли, какъ на нихъ обрушилась новая, подобная же бѣда: у нихъ опять отняли 32 дес. земли. Дѣло это еще не окончено, а потому и возможно его исправить; состоятъ оно въ слѣдующемъ:

Крестьяне эти—бывшіе помѣщичьи. Переселены они сюда были въ два срока: часть до «генеральнаго» межеванія, слишкомъ сто лѣтъ назадъ, а часть послѣ этого межеванія. Отведенная земля первымъ поселенцамъ была выдѣлена «генеральной» межей, а вторымъ былъ сдѣланъ прирѣзокъ земли въ 32 дес. межей позднѣйшаго времени и, такъ сказать, частнымъ домашнимъ образомъ. Слѣды послѣдней межи сохранились, хотя далеко не такъ отчетливо, какъ первой, возобновленной въ прошломъ 1895 году. Вышли на волю эти крестьяне отъ г-жи Покровской, которая продала всѣ оставшіяся земли, сколько окажется за надѣленіемъ бывшихъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, извѣстной фирмѣ Громовъ и К°. Послѣдняя, желая привести свои земли въ извѣстность, возобновила просьби «генеральнаго» межеванія и, такимъ образомъ, эти 32 десятины крестьянской земли остались внѣ ихъ владѣній, т.-е. принадлежащими фирмѣ.

Что земля эта принадлежала крестьянамъ, — говоритъ авторъ сообщенія, — видно изъ того, что еще и въ настоящее время сохранились здѣсь распаханныя поля среди лѣса, а согласно планамъ и описямъ здѣсь нѣкогда было «сельцо Васильевское». Жители этого сельца мало - по - малу переселились въ д. Дерягину, находящуюся въ полуверстѣ, съ которой владѣли надѣльною землею сообща, по одному документу. Послѣдній житель этого сельца переселился въ д. Дерягину лѣтъ 50—60 тому назадъ.

Если допустить, что крестьяне владѣли этою землею только со времени освобожденія, т.-е. 33 года, то и тогда на основаніи давности она принадлежитъ имъ, а не Громову, позднѣйшему покупщику, купившему только то, чѣмъ не владѣли крестьяне, или остатокъ отъ надѣла крестьянъ. Одинъ изъ крестьянъ этой деревни (Гаврило Кириловъ) за «порубку» лѣса на

этомъ участкѣ (42 дѣрева) приговоренъ земскіимъ начальникомъ въ мѣсячному аресту и денежному взыскаіію въ 69 р. 86 к., а вырубленный дѣръ пошелъ въ пользу Громова и К°.

Разоренные и совершенно обезсиленные предыдущими хлопотами, крестьяне, — по словамъ корреспондента, — не рискнуть болѣе, да и не въ состояніи, повести это дѣло судебнымъ порядкомъ, и остается лишь одна надежда — положиться на добрую волю владыка.

А вотъ и другое дѣло, разбиравшееся въ казанской судебной палатѣ и рисующее юридическую безпомощность нашей деревни. Среди крестьянъ деревни Сингели, Лаишевскаго уѣзда, сталъ ходить слухъ, что ихъ староста растратилъ мірскія деньги. Между тѣмъ, староста пользовался особымъ расположеніемъ мѣстнаго земскаго начальника Юшкова, и потому крестьяне не рѣшались потребовать отъ него даже отчета, тѣмъ болѣе, что для схода надо было заручиться согласіемъ земскаго начальника, а староста и думать не хотѣлъ о созывѣ схода. Тогда старики собрались сами, выбрали ходоконъ къ земскому начальнику и составили просьбу объ удаленіи старосты. Просьбу писалъ сельскій писарь Осиповъ, а переписывалъ на-бѣло частный повѣренный города Лаишева, къ которому ходоконъ ѣздили специально съ этою цѣлью. Земскій начальникъ нашелъ просьбу составленною «неладно» и прибылъ въ Сингели самъ. Староста, между тѣмъ, пристрашалъ крестьянъ, и они передъ начальствомъ отказались отъ всего; выходило такъ, что и писарь, и ходоконъ дѣйствовали самовольно, почему они и были обвинены въ подлогѣ. На судебномъ слѣдствіи обнаружился настоящій смыслъ исторіи, причеиъ отказъ крестьянъ отъ просьбы объяснился исключительно страхомъ предъ начальствомъ. Палата оправдала подсудимыхъ.

Въ виду общности подобныхъ явленій, въ печати и въ средѣ правительства давно уже говорятъ о необходимости учрежденія спеціальной адвокатуры для крестьянъ. Но, повидимому, починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, сдѣлаеть земство. Газеты сообщаютъ, что предстоящему очередному земскому собранію Черниговской губерніи предстоитъ рѣшить весьма важный въ бытовомъ отношеніи вопросъ объ учрежденіи штата земскихъ адвокатовъ для устройства судебной защиты крестьянскаго населенія въ дѣлахъ о поземельной собственности. Дѣйствія подпольной адвокатуры съ ея мошенническими средствами понудили черниговскую губернскую управу приготовить для земскаго собранія докладъ о положеніи этого дѣла въ губерніи. Въ докладѣ указывается, что среди всѣхъ заботъ земства о благосостояніи населенія упущена одна — защита крестьянъ въ процессуальныхъ дѣлахъ, такъ какъ масса земли переходитъ въ руки ловкачей-богачевъ села, имѣющихъ всегда средства пригласить адвоката, тогда какъ бѣдняку-крестьянину приходится пробавляться невѣжественными совѣтами шинковаго ходатая, терять, вследствие этого, сроки и проигрывать дѣла. Мы не сомнѣваемся, что за добрымъ началомъ черниговскаго земства послѣдуютъ и другія земскія собранія.

Если большая часть провинціальной печати служить вѣрой и правдой народнымъ интересамъ, считаетъ своей главною задачею указывать, по мѣрѣ возможности, на нужды народа, то печать въ Сибири, соотвѣтственно составу населенія этой громадной части имперіи, непрестанно обращаетъ вниманіе также на печальную судьбу инородцевъ. Если сибирскому крестьянину нуженъ «свѣтъ»,—говорятъ мѣстныя газеты,—то его сосѣду-инородцу необходимо еще болѣе важное—жизнь. По нашей винѣ здѣсь вымираютъ цѣлыя племена. Что дѣлалось и дѣлается для поднятія и развитія культуры инородцевъ? «Нуль, полный нуль!»—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ *Сибирскій Листокъ*.— Не можетъ ли инородецъ съ полнымъ правомъ сказать: «Да, я дикъ и глупъ... Я почти не въ состояніи отличить правду отъ лжи, добро отъ зла и т. д... Я веду жизнь въ грязи и на холодѣ; ѣмъ вмѣстѣ съ собаками, иногда не зная, чѣмъ наполнить свой пустой желудокъ..., а мнѣ предлагаютъ креститься и ничего болѣе. Меня всячески эксплуатируютъ и опщипываютъ со всѣхъ сторонъ русскіе и зырянскіе кулаки; я околѣваю отъ стужи и голода или живьемъ сгниваю отъ сифилиса... Та же участь ожидаетъ и моихъ дѣтей... А мнѣ въ утѣшеніе говорить, что я вымираю... Пусть такъ, но дѣлали ли вы что-нибудь, чтобы поставить меня въ иныя условія, чѣмъ тѣ, о какихъ сказано выше? Не заботились ли вы о совершенно обратномъ? Сдѣлайте же хоть что-нибудь въ моихъ интересахъ и тогда говорите о вырожденіи».

По поводу извѣстія о рѣшеніи въ Петербургѣ послать чуть ли не цѣлую экспедицію къ бассейну рѣки Оби *Сибирскій Вѣстникъ* пишетъ: «Наконецъ-то, когда изъ многочисленнаго племени остяковъ осталось 12—15 тысячъ чахлахъ и болѣзненныхъ, рѣшили послать экспедицію для основательнаго изученія причинъ вырожденія этого, когда-то бывшаго могучимъ, инородческаго племени Западной Сибири». Не предрѣшая вопроса, насколько плодотворна будетъ для остяковъ работа комиссіи, газета указываетъ на уже давно существующія въ литературѣ работы о причинахъ вырожденія остяковъ. Нельзя также не подчеркнуть того обстоятельства,—продолжаетъ газета,—что комиссія, стоящая по своему численному составу цѣлой экспедиціи, уже тѣмъ грѣшитъ въ принципѣ, что на ея научныя надобности будутъ потрачены 10—15 т. р., которыя съ громаднымъ успѣхомъ можно было бы обратить на остяцкія нужды: одежду, пищу, устройство рациональныхъ юртъ, наемъ врача для леченія отъ цынги, рахита, сифилиса, золотухи и т. п., на устройство аптеки, на изгнаніе спиртоношей, мѣняющихъ чарки полугара на дорогіе мѣха у голодныхъ и спаваемыхъ кочевниковъ,—словомъ, на 10—15 т. р. можно бы сразу же воскресить не одну тысячу этихъ дѣтей въ умственномъ и физическомъ ихъ развитіи. И въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ авторъ статьи,—«я впервой видѣлъ остяковъ въ 90 г. и, затѣмъ, въ 94 г., но, странно, что, вмѣсто культурныхъ успѣховъ среди нихъ, пришлось убѣдиться чрезъ пять лѣтъ положительно въ обратномъ. Раньше остякъ мѣнялъ мѣха и рыбу на все, бралъ и деньги, между тѣмъ теперъ разные кулаки-мѣнялы и убійцы племени такъ выдресиро-

вали несчастныхъ, что денегъ остоякъ уже почти не беретъ, а просить водки, хлѣба и стараго тряпья, такъ какъ почти всѣ они наги и вѣчно голодны. Исторія обскихъ остояковъ весьма аналогична съ вырожденіемъ обитателей Анадырскаго округа, гдѣ разные мѣнялы пріучили тамошнихъ инородцевъ къ употребленію ядовитаго гриба—мухомора (мускаринъ-алкалоидъ), находя его болѣе портативнымъ въ своихъ гнусныхъ поискахъ за котиковыми шкурками, нежели сивуха—для остояковъ. Кажется, поэтому, что и по р. Оби слѣдовало бы начать на пользу остояковъ съ того, что назначить особаго остояцкаго комиссара, какъ ген.-губ. Духовской назначилъ въ Анадырь ученаго окружнаго начальника съ помощникомъ изъ врачей; далѣе, снабдить этого комиссара специальными средствами для нуждъ остояковъ и не менѣе энергическимъ помощникомъ для изгнанія спиртоотравителей остояковъ; нужны, конечно, и врачъ, и фельдшеръ, и аптечка, и пріемный покой, и т. д. Причины вырожденія остояковъ хорошо извѣстны въ литературѣ и въ частности постоянно трактуются на страницахъ сибирской прессы, и надо думать, что проектируемая коммиссія едва ли откроетъ что-либо новое. Посылать при такомъ положеніи дѣла «коммиссію»,—замѣчаетъ по этому поводу *Екатеринбургская Недѣля*,—значить только непроезжисто тратить деньги и затягивать рѣшеніе азбучныхъ вопросовъ на долгіе годы.

Среди массы тяжелыхъ впечатлѣній отъ жизни съ отрадой остававаемся на явленіяхъ, пронизнутыхъ стремленіемъ къ свѣту, къ добру и правдѣ. Въ перечнѣ такихъ явленій мы прежде всего отмѣтимъ почтенную дѣятельность земскаго начальника Новгородскаго уѣзда И. Ф. Кошко.

Земскіе начальники поставлены въ наиболѣе непосредственныя отношенія къ народу, власть ихъ обширна, права и обязанности формулированы весьма неопредѣленно. Отсюда открывается достаточно обширная область для произвола, что, къ сожалѣнію, и подтверждается непрестанными сообщеніями печати. При такомъ положеніи дѣла, печать служить въ извѣстной степени контролирующимъ органомъ надъ дѣйствіями земскихъ начальниковъ. Но та же печать, сообщая о незаконныхъ и неблаговидныхъ поступкахъ земскихъ начальниковъ, считаетъ своей обязанностью отмѣчать и такую ихъ дѣятельность, которая отличается энергической заботой о благѣ населенія. Такую именно дѣятельность проявляетъ г. Кошко. Въ участкѣ этого земскаго начальника,—какъ сообщаетъ корреспондентъ *Новаго Времени*,—расположено 6 деревень, занимающихся изготовленіемъ всякаго рода деревянной посуды, которую Петербургъ получаетъ почти исключительно изъ этихъ деревень. Утопая въ моховыхъ болотахъ, среди которыхъ эти деревни пріютились на нѣсколькихъ возвышающихся островкахъ, онѣ не могутъ и помышлять о томъ, чтобы прокормиться хлѣбопашествомъ. Главнымъ источникомъ средствъ къ жизни является у нихъ названный промыселъ, но и онъ доставляетъ крестьянамъ весьма скудный заработокъ, потому что весь барышъ поглощается кулакомъ, который ведетъ съ крестьяниномъ мѣновой торгъ. Кулакъ беретъ по низкой цѣнѣ издѣлія,

оплачивая их всякаго рода товаромъ, отпускаемымъ крестьянину по неизменно-высокой цѣнѣ, да притомъ плохого качества. Земскому начальнику Кошко пришла мысль замѣнить кулака общественной лавкой, которая производила бы тѣ же мѣшковые операціи, но по божескимъ цѣнамъ и отпуская товаръ лучшаго качества. Опытъ съ селомъ Большимъ Замошьемъ и дер. Долгово увѣнчался полнымъ успѣхомъ и имѣлъ послѣдствіемъ то, что кулакъ, потерпѣвъ пораженіе, уступилъ позицію. Такую полную удачу въ борьбѣ съ кулакомъ корреспондентъ газеты объясняетъ тѣмъ, что затѣявшій это дѣло отнесся къ нему съ горячимъ участіемъ, далъ сначала необходимый оборотный капиталъ, выхлопоталъ затѣмъ безпроцентную ссуду изъ министерства земледѣлія (ссуда эта уже быстро погашается прибылями кустарей), выхлопоталъ заказы кустарямъ отъ казенныхъ ружейныхъ заводовъ и много поработалъ для устройства сбыта безъ коммисіонеровъ. Въ приведенномъ случаѣ мы видимъ, что энергіей одного чело-вѣка населеніе цѣлыхъ шести деревень освобождено отъ когтей кулака.

Люди, любящіе народъ, сознающіе свою обязанность работать въ его интересахъ, помогать ему въ его нуждахъ, направляютъ свои усилія, главнымъ образомъ, на улучшеніе экономическаго положенія населенія и на распространеніе просвѣщенія. Въ числѣ частныхъ учреждений, дѣйствующихъ съ большою энергіей въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, особенно выдаются комитеты грамотности въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и славянское общество въ Одессѣ. О дѣятельности комитетовъ петербургскаго, нижегородскаго и одесскаго мы имѣли уже случай говорить: Теперь, пользуясь обстоятельной статьей г. Ш—ва, напечатанной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, мы отмѣтимъ значеніе московскаго комитета грамотности въ области народнаго просвѣщенія.

Знакомясь съ дѣятельностью московскаго комитета,—говоритъ авторъ статьи,—нельзя не замѣтить въ ней одной очень характерной черты. Заключается она въ томъ, что въ длинномъ рядѣ нуждъ, какими такъ обильна наша народная школа, комитетъ всегда умѣло находилъ тѣ изъ нихъ, для которыхъ въ данный моментъ его помощь была всего болѣе необходима. Такъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности онъ преимущественное вниманіе сосредоточивалъ на распространеніи школъ, затѣмъ—на разработкѣ методикъ первоначальнаго обученія, далѣе, когда и количество и качество школъ достигли нѣкотораго развитія, комитетъ направилъ свою дѣятельность на распространеніе школьныхъ библіотекъ, народныхъ читалень, воскресныхъ школъ для взрослыхъ, сельскихъ книжныхъ складовъ. Въ 1891—1892 гг., когда успѣхамъ народно-воспитательнаго дѣла угрожала опасность со стороны голода, охватившаго многія губерніи, комитетъ изыскалъ средства, чтобы продовольствовать цѣлыя тысячи учащихся дѣтей.

Въ настоящее время комитетъ состоитъ изъ 418 членовъ, въ лицѣ которыхъ онъ располагаетъ самыми разнообразными силами. Представители бѣлаго и чернаго духовенства, профессора высшихъ учебныхъ заведеній,

учителя и учительницы, литераторы, журналисты, земскіе дѣтели, врачи, адвокаты, книготорговцы, статистики, — словомъ, чуть ли не всѣ интеллигентныя профессіи имѣютъ въ комитетѣ своихъ представителей. Благодаря такому разнородному составу комитета, онъ широко ставитъ свои задачи и имѣетъ возможность всесторонне освѣщать ихъ. Занятія комитета происходятъ какъ въ общихъ засѣданіяхъ, причѣмъ членовъ собирается до ста и больше человекъ, такъ и въ засѣданіяхъ отдѣльныхъ комиссій. Почти на каждомъ засѣданіи комитета кто-нибудь изъ членовъ дѣлаетъ докладъ по вопросамъ, относящимся къ задачамъ комитета. Кромѣ обсужденія вопросовъ, возбуждаемыхъ рефератами, на общихъ своихъ засѣданіяхъ комитетъ разсматриваетъ результаты дѣятельности комиссій и дѣлаетъ относительно ихъ то или другое постановленіе.

Всѣхъ комиссій въ комитетѣ въ настоящее время шесть: 1) редакціонная, 2) библиотечная, 3) воскресныхъ и вечернихъ школъ, 4) по устройству книжныхъ складовъ, 5) по вопросу о всеобщемъ обученіи, 6) по вопросу о положеніи народныхъ учителей и учительницъ.

Въ засѣданіи комитета 21 марта 1890 г. было прочтано заявленіе нѣсколькихъ членовъ о необходимости расширить дѣятельность комитета распространеніемъ между сельскимъ населеніемъ книгъ для чтенія, чтобы тѣмъ поддерживать грамотность въ народѣ и по возможности содѣйствовать уничтоженію рецидивизма безграмотности. Для этого было предложено комитету: 1) снабжать по возможности книгами тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ; 2) указывать хорошія книги тѣмъ, кто имѣетъ возможность ихъ приобрести. Чтобы выполнить это, предложено комитету заняться составленіемъ каталога книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія, принять на себя посредничество между сельскими школами и вообще сельскими читателями и книжными торговцами, а также по возможности снабжать бесплатно книгами народныя школы, сельскія бібліотеки и отдѣльныхъ лицъ. Обсудивъ это заявленіе, комитетъ грамотности рѣшилъ учредить особую комиссію для составленія каталога книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія, а также поручить этой комиссіи бесплатную рассылку книгъ въ бібліотеки и другимъ учрежденіямъ и лицамъ. Эта комиссія носитъ названіе *библиотечной комиссіи*.

На первыхъ порахъ дѣятельность новой комиссіи была посвящена составленію каталога книгъ для народныхъ бібліотекъ, причѣмъ, ради скорѣйшаго удовлетворенія обращенныхъ къ комитету просьбъ о высылкѣ книгъ, комиссія постановила первоначально составить временный краткій каталогъ. Каталогъ былъ одобренъ комитетомъ, а потомъ и попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Библиотечною комиссіей разсматривались также ходатайства о бесплатной высылкѣ книгъ для внѣ-класснаго чтенія, полученныя отъ инспекторовъ народныхъ училищъ, земскихъ учителей, церковно-приходскихъ школъ грамотности, а также и другихъ лицъ.

Помимо каталога, комиссіей выработана *Программа для собиранія свѣдѣній о томъ, что читаетъ народъ*. Комиссія составляя эту программу,

имѣли въ виду собирать свѣдѣнія о читаемости книгъ какъ тѣхъ, которыя она разсылаетъ, такъ и тѣхъ, которыя могутъ уже оказаться въ школьныхъ и сельскихъ библіотекахъ. Программа эта разсылается вмѣстѣ съ книгами въ школы и сельскія библіотеки.

Для лучшаго ознакомленія съ книгами для народнаго чтенія, коммиссія предложила комитету основать библіотеку книгъ преимущественно народныхъ изданій. Принявъ предложеніе коммиссіи, комитетъ грамотности обратился ко многимъ издателямъ преимущественно народныхъ книгъ съ просьбою доставить свои изданія и каталоги. Въ отвѣтъ на такое обращеніе многіе издатели доставили комитету свои изданія безвозмездно, благодаря чему образовалась достаточно обширная библіотека народныхъ изданій.

Такимъ образомъ, дѣятельность библіотечной коммиссіи сосредоточивается, главнымъ образомъ, на разсмотрѣніи народной литературы, на бесплатной разсылкѣ библиотекъ и на собираніи свѣдѣній о томъ, какія книги спрашиваются предпочтительно. Въ прошломъ году библіотечной коммиссіей были разсмотрѣны всѣ книги для народнаго чтенія, вышедшія въ 1892 г. Всего разсмотрѣно 769 книгъ. Отзывы объ этихъ книгахъ, составленные въ специальныхъ группахъ коммиссіи, напечатаны въ особомъ изданіи комитета грамотности *Ежегодникъ*, — «опытъ обзора книгъ для народнаго чтенія». Количество просьбъ о высылкѣ книгъ для чтенія возросло въ огромной степени и превысило требованія за всѣ предъидущіе годы. За немногими исключеніями, всѣ эти просьбы были удовлетворены. Просьбы эти поступали главнымъ образомъ отъ сельскихъ и воскресныхъ школъ, изъ городскихъ и сельскихъ народныхъ читаленъ, а также отъ различныхъ обществъ и отъ частныхъ лицъ. Дѣятельность комитета по устройству школьныхъ библиотекъ развивалась въ такой послѣдовательности: въ 1890 году имъ было послано 19 библиотекъ, въ 1891 г.—32, въ 1892 г.—41 и въ 1893 г.—157 библиотекъ. На составленіе этихъ библиотекъ пошло 17 съ половиною тыс. книгъ, стоимостью около четырехъ съ половиною тысячъ рублей. Въ прошломъ году библіотеки были разсланы въ 38 губерній Европейской и Азіатской Россіи. Разсылаемыя комитетомъ библіотеки состоятъ обыкновенно изъ девяти отдѣловъ: религіозно-нравственнаго, литературнаго, историческаго, географическаго, естественно-историческаго, сельско-хозяйственнаго, юридическаго, медицинскаго и техническаго. Число книжекъ средней библіотеки 80—84. Но иногда отправлялись библіотеки и въ количествѣ 200 книгъ.

Коммиссія по воскреснымъ школамъ имѣетъ своею задачей способствовать возможно широкому распространенію школъ этого типа и содѣйствовать наиболѣе правильному развитію ихъ внутренней жизни. Она разрабатываетъ вопросы изъ методики обученія взрослыхъ, снабжаетъ воскресныя школы библіотеками, даетъ различныя указанія и совѣты, собираетъ свѣдѣнія о воскресныхъ школахъ и т. п. Въ теченіе минувшаго года ею отправлены библіотеки въ 11 воскресныхъ школъ, стоимостью въ 25 руб.

каждая; письменные совѣты и указанія по вопросамъ воскресно-школьнаго дѣла даны были въ количествѣ около двухсотъ.

Коммиссія по устройству книжныхъ складовъ принимаетъ на себя посредство между лицами и учреждениями, устраивающими книжные склады, и издателями и торговцами книгъ, сообщаетъ свѣдѣнія по книжной торговлѣ, даетъ указанія относительно подбора книгъ для продажи и т. п.

Коммиссія по всеобщему обученію составила циркуляръ, съ которымъ осенью этого года она обратилась къ земствамъ, прося ихъ высказаться относительно своей мѣстности по вопросу о введеніи всеобщаго обученія. Свѣдѣнія, которыя получаютъ въ отвѣтъ на циркуляръ, послужатъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ занятій коммиссіи.

Коммиссія по вопросу о положеніи учителей и учительницъ образовалась недавно и къ своей дѣятельности приступила съ начала текущаго учебнаго года. Первою задачей она поставила себѣ детальное изученіе современнаго положенія народныхъ учителей.

Что касается матеріальной стороны дѣла, отъ которой въ значительной мѣрѣ зависитъ успѣшность дѣйствій комитета, то въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (съ 1891 по 1893 годъ включительно) комитетъ израсходовалъ на свою дѣятельность около 20 т. р. Эта сумма сложилась главнымъ образомъ изъ членскихъ взносовъ (годовой взносъ 3 р.) и частныхъ пожертвованій. Послѣднія составляютъ важную статью его доходовъ, и потому практическая дѣятельность комитета находится въ зависимости отъ того, насколько обильны бываютъ эти пожертвованія. Размѣры пожертвованій крайне различны: отъ одного до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Жертвуются также книги.

Приведенныя данныя представляютъ собою, разумѣется, только намеки на размѣры дѣятельности комитета. Тѣмъ не менѣе, изъ нихъ съ достаточной ясностью видно, какъ широка и разнообразна работа московскаго комитета грамотности.

На встрѣчу просвѣтительной дѣятельности различныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ выступаетъ инициатива самого народа. Въ рѣдкой изъ нашихъ хроникъ мы не отмѣчаемъ открытія самими крестьянами школы или сельской бібліотеки. И въ настоящемъ очеркѣ мы также можемъ сообщить о возникновеніи двухъ новыхъ народныхъ бібліотекъ. Одна изъ нихъ открыта въ с. Канадейяхъ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Открытіе ея послѣдовало по приговору сельскаго общества. Въ этомъ приговорѣ, — какъ сообщаетъ г. Горчаковъ въ *Русскую Жизнь* — учрежденіе народной бібліотеки мотивировали слѣдующими соображеніями (приводится буквально текстъ приговора): «Желаніе нашего канадейскаго общества открыть читальню вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашемъ селѣ, благодаря давнему существованію мужского училища (съ 1845 г.) и женскаго (съ 1873 г.), стало очень много грамотниковъ, которые, по выходѣ изъ школы, не находятъ себѣ книгъ для чтенія, а потому нѣкоторые изъ нихъ почти разучиваются читать». Помимо этого обстоятельства, въ при-

говорѣ указано еще и то побужденіе къ открытію библіотеки, что чтеніе книгъ, по сознанію крестьянъ, не только удержитъ ихъ въ свободное время отъ разнаго рода дурныхъ развлеченій, но можетъ привить массу добрыхъ наклонностей, привычекъ и вообще осмысленно занять свободное время крестьянина и дать ему здоровое и пріятное развлеченіе. Таковъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ сказаннаго въ приговорѣ. О настоящемъ положеніи библіотеки авторъ сообщенія заимствуетъ нѣкоторыя данныя изъ отчета инспектора народныхъ училищъ по Сызранскому уѣзду, г. Охотина. На выписку книгъ для библіотеки крестьяне с. Канадей пожертвовали сначала 10 р., а потомъ было еще собрано по подпискѣ 15 руб. Кроме того, когда стало извѣстнымъ объ открытіи библіотеки, то нѣкоторыя учрежденія и лица сдѣлали пожертвованія книгами. Пожертвованія сдѣланы: «нижегородскимъ обществомъ распространенія начального образованія», учителями сызранскихъ городскихъ училищъ, г-жею Солайской изъ Риги и дру. лицами. Довольно значительное пожертвованіе на поддержаніе канадской читальни сдѣлано изъ Бяхты «кружкомъ кяхтинокъ», который прислалъ 70 руб. при письмѣ на имя учителя Е. Д. Байчева. «Просимъ васъ, — говорится въ письмѣ, — передать семьдесятъ рублей крестьянскому обществу с. Канадей для ихъ библіотеки. Передайте крестьянамъ наше сердечное пожеланіе процвѣтанію ихъ библіотеки, которая есть школа взрослыхъ. Пусть ваша деревня, наряду съ немногими другими, будетъ свѣточемъ, за которымъ послѣдуютъ другія села Русской земли, и пусть тьма невѣжества скорѣе отойдетъ въ область прошлаго. Будемъ вѣрить, крестьянину будетъ житься на Руси, когда въ каждой деревнѣ будетъ школа и библіотека. Кружокъ кяхтинокъ». Въ настоящее время въ канадской библіотекѣ, по каталогамъ, значится 1,123 названія разныхъ книгъ и брошюръ, которыя раздѣлены на VIII отдѣловъ. Библіотека помѣщается въ училищѣ. Книги читаются съ большою охотой, и дѣло библіотеки растетъ.

Другая библіотека открыта въ с. Можга, Елабужскаго уѣзда. На устрройство ея крестьяне дали 200 рублей. Въ этомъ же селѣ открыта чайная по подпискѣ среди сельчанъ. Цѣль ея открытія, — по словамъ *Волжскаго Вѣстника*, — по возможности отвлечь мужика отъ кабака. Порція чаю здѣсь стоитъ три копейки, причемъ полагается $\frac{1}{2}$ зол. чаю и два куса сахару. Чайная просуществовала уже годъ и теперь имѣетъ вполнѣ приличный инвентарь: кубъ, самовары, чайную посуду; наняла помѣщеніе, которое стоитъ 6 рублей въ мѣсяцъ, и, кроме того, сдѣла почти все собранное по подпискѣ 40 рублей.

Въ обществахъ и печати, на ряду съ заботами о просвѣщеніи народа, все чаще и настойчивѣе дѣлаются указанія на необходимость расширенія также и высшаго образованія, на необходимость увеличенія числа высшихъ учебныхъ заведеній. Земства, города и печать указываютъ на переживаемый нашимъ земледѣльемъ тяжкій кризисъ, а между тѣмъ, гдѣ образованные специалисты, которые могли бы вывести его на новые пути? Ихъ

нѣтъ. Поэтому въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ царить рутинна, продолжаютъ практиковаться давно устарѣвшіе приемы. То же самое въ обрабатывающей промышленности; и здѣсь огромное большинство предпринимателей и распорядителей—люди не только безъ техническаго, но даже безъ всякаго образованія. Обрабатывающая промышленность держится только благодаря высокому тарифу, гарантирующему ей хорошіе барыши даже при совершенно рутинныхъ процессахъ производствъ. Но такъ долго продолжаться не можетъ. Переживаемое нашимъ отечествомъ тяжелое экономическое положеніе настоятельно указываетъ необходимость перейти къ болѣе усовершенствованнымъ способамъ эксплуатаціи природы. А для этого нужно увеличить число образованныхъ техниковъ. Существующія техническія учебныя заведенія переполнены. Они отказываютъ въ приемъ массѣ молодыхъ людей, ищущихъ техническаго образованія. Въ институтъ инженеровъ путей сообщенія въ нынѣшнемъ году было подано 699 прошеній на 65 свободныхъ мѣстъ, причѣмъ еще 25 мѣстъ было отдано лицамъ, выдержавшимъ вступительный экзаменъ еще въ прошломъ году, но не принятымъ тогда по недостатку свободныхъ мѣстъ. Въ институтъ гражданскихъ инженеровъ поступило 295 прошеній о приемѣ; выдержало испытаніе 146; изъ этого числа принято 60 человѣкъ. Въ технологическій институтъ въ С.-Петербургѣ подано прошеній 602, выдержало испытанія—406, принято въ число студентовъ 146 человѣкъ. Въ технологическій институтъ въ Харьковѣ подано прошеній 201, причѣмъ изъ 171 выдержавшихъ испытанія принято только 145 человѣкъ. Въ Императорское московское техническое училище подано прошеній 269, выдержало испытанія 120 человѣкъ, изъ которыхъ принято 108. Въ горный институтъ подано прошеній 386, принято 50 человѣкъ.

Несоответствіе числа техническихъ учебныхъ заведеній жизненному спросу на нихъ побуждаетъ наше общество ходатайствовать предъ правительствомъ объ открытіи новыхъ заведеній. Въ послѣднее время такіа ходатайства возбуждены сельскими хозяевами юга и городской думою Тифлиса. По сообщенію *Южнаго Края*, южно-русскіе хозяева ходатайствуютъ передъ министерствомъ земледѣлія объ открытіи въ Харьковѣ, какъ центрѣ Южной Россіи, *высшаго сельско-хозяйственнаго института*. Они просятъ о томъ, чтобъ институтъ былъ открытъ съ будущаго 1895—96 учебнаго года и разсчитанъ не менѣе какъ на 1,000 молодыхъ людей. По ихъ мнѣнію, если институтъ будетъ небольшой, то онъ не достигнетъ цѣли. Южная Россія столь обширна и требуетъ такъ много людей съ высшимъ сельскимъ образованіемъ, что нельзя, по мнѣнію нашихъ хозяевъ, ограничивать доступъ въ институтъ небольшимъ процентомъ. Въ виду того, что сельскими хозяевами на югѣ являются разнообразныя народности, каковы: русскіе, нѣмцы, поляки, евреи, армяне,—не слѣдуетъ дѣлать никакихъ ограниченій въ приемѣ по народностямъ; всѣ хотятъ учиться и всѣмъ надобно поддерживать и развить свое хозяйство. Въ виду того, что въ московскій земледѣльческій институтъ принимаются студенты лишь въ

интернатъ съ платой по 400 рублей съ каждаго, южно-руссіе хозяева просятъ, чтобы въ харьковскомъ институтѣ, какъ провинціальномъ, такого стѣсненія не было. Въ заключеніе хозяева просятъ о помѣщеніи южнаго института непременно въ Харьковѣ, такъ какъ этотъ пунктъ наиболѣе удобный для всего Юга.

Тифлисская городская дума ходатайствуетъ предъ правительствомъ объ *открытіи въ Тифлисъ высшей технической школы*. Изъ разныхъ частей Россіи, гдѣ было бы необходимо и своевременно основать специальное высшее учебное заведеніе,—говорятъ по поводу этого ходатайства *Русскія Вѣдомости*,—особенно бросается въ глаза Кавказъ. «На Кавказѣ кроются неисчерпаемыя природныя богатства, которыя постоянно вновь открываются изслѣдователями, случайно попадающими въ этотъ край. Его почва и климатъ даютъ возможность получать произведенія, которыя считались до сихъ поръ завидною монополіей далекихъ странъ. Достаточно указать на хлопокъ и чай, привести на мысль рѣдкіе продукты садоводства и огородничества, вспомнить о необычайномъ разнообразіи и высокомъ достоинствѣ винограда и вины, чтобы представить себѣ, что можетъ дать эта благодатная страна при разумной эксплуатаціи ея естественныхъ даровъ. Между тѣмъ, до сихъ поръ, въ сожалѣнію, тамъ, быть можетъ, еще больше, тѣмъ у насъ, господствуетъ рутинна. Возьмемъ ли мы земледѣліе, садоводство, винодѣліе,—вездѣ увидимъ, что превосходное качество произведеній портится неумѣлой обработкой; вездѣ масса добра гибнетъ отъ неумѣныя пустить его въ дѣло; вездѣ къ достиженію извѣстнаго результата прилагается несравненно больше труда, чѣмъ слѣдовало бы при правильной постановкѣ производства. Главная причина отсталости техники—недостатокъ образованныхъ людей и отсутствіе интеллигентнаго центра, изъ котораго могли бы исходить и распространяться новыя идеи. Устройство въ Тифлисъ политехническаго института съ сельско-хозяйственнымъ и горнымъ отдѣленіями, какъ о томъ проситъ тамошняя дума, дастъ краю такой центръ. Существованіе специального высшаго заведенія, сосредоточивая въ одномъ мѣстѣ многихъ представителей науки, непременно поведетъ къ болѣе широкому изученію края, натолкнетъ мысль на возможность эксплуатаціи открываемыхъ природныхъ богатствъ и поможетъ осуществленію на дѣлѣ такихъ мыслей. Но этого мало. Если всмотрѣться въ особенности Кавказскаго края, то нельзя не придти къ заключенію, что успѣхъ новыхъ промышленныхъ предпріятій зависитъ отъ подготовки для нихъ техникумовъ именно на мѣстѣ. Прежде всего, природа и жизнь Кавказа представляютъ слишкомъ много особенностей, которыя непременно должны быть приняты въ расчетъ при преподаваніи; а это неосуществимо въ центральномъ заведеніи, имѣющемъ въ виду интересы цѣлой огромной страны; между тѣмъ, это неизбежно явится при помѣщеніи высшей школы въ Тифлисъ. Затѣмъ, самое веденіе промышленныхъ дѣлъ общааетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, больше удачи въ рукахъ мѣстнаго человѣка. Національный характеръ, языкъ, нравы, міросозерцаніе кавказскаго рабочаго населенія на-

столько своеобразны, что человѣку, не выросшему въ этомъ краѣ, очень мудрено приспособиться къ нимъ, а безъ этого легко надѣлать ошибокъ и испортить даже хорошо задуманное дѣло; напротивъ, туземцу весь этотъ дорого стоящій опытъ дается самъ собою. Нельзя также не принять во вниманіе и интересовъ самой учащейся молодежи. На Кавказѣ, не менѣе чѣмъ въ остальной Россіи, существуетъ среди юношества неудержимое стремленіе къ высшей школѣ; цѣлыми массами ищущіе науки молодые люди направляются нынѣ въ столицы. Но стоить подумать, во что обходится эти порывы. Не говоря уже о матеріальныхъ жертвованіяхъ, которыя неизбежно увеличиваются отдаленностью отъ столицъ, мы приглашаемъ припомнить, какую борьбу съ климатомъ приходится преодолевать молодежи, сколько молодыхъ жизней надламывается и безвременно гибнетъ въ этой непосильной борьбѣ.

Если сообразить все сказанное, — заключаетъ газета, — то нельзя не пожелать полного успѣха ходатайству тифлисской городской думы. Отдаленность отъ столицъ, крайнее своеобразіе края, обиліе природныхъ даровъ и совершенно недостаточная ихъ эксплуатація, — все это даетъ Тифлису особенное основаніе надѣяться на осуществленіе его давнишней мысли имѣть высшее спеціальное заведеніе. Нигдѣ, быть можетъ, устройство новой высшей школы не обѣщаетъ такъ много благихъ результатовъ, какъ именно въ центрѣ Кавказа.

Интересное и заслуживающее вниманія женское учебное заведеніе учреждается, по словамъ мѣстныхъ газетъ, въ Одессѣ. Въ немъ вводятся многія особенности, согласно тѣмъ указаніямъ, которыя даютъ педагогическая теорія и практика. Лѣтнія вакаціи увеличены и будутъ продолжаться съ 10 мая по 20 сентября. Годичные экзамены упразднены, оставлены лишь вступительные и окончательные. Въ распредѣленіи учебнаго матеріала сдѣланы значительныя измѣненія. Такъ, учебный курсъ раздѣленъ на два самостоятельные отдѣла: курсъ элементарный и курсъ систематическій. Элементарный курсъ обнимаетъ собою 6 лѣтъ, систематическій 3 года, весь же курсъ ученія продолжается 9 лѣтъ. Шесть лѣтъ элементарнаго курса посвящаются спеціальному изученію языковъ иностранныхъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго; остальные предметы общаго образованія преподаются элементарнымъ способомъ и при этомъ каждый урокъ географіи, ариметики, исторіи и т. д. преподается и на иностранныхъ языкахъ, съ цѣлью практическаго ихъ изученія. Научное же преподаваніе математикъ, физики, естественной исторіи и т. д. переносится въ три класса систематическаго курса, на которомъ будутъ введены и новые предметы, какъ-то: исторія всеобщей литературы, исторія педагогики, итальянскій языкъ и его литература, популярная астрономія. Ученицы остаются въ заведеніи до 5 час. для приготовленія уроковъ на слѣдующій день подъ руководствомъ воспитательницы, такъ что могутъ уходить домой безъ книгъ и тетрадей и, слѣдовательно, не нуждаются ни въ репетиторахъ, ни въ иностранныхъ-гувернанткахъ. Въ этихъ дѣляхъ въ серединѣ учебнаго дня дѣ-

лается перерывъ на 2¹/₂ часа, опредѣляемый на объѣдъ, прогулки и отдыхъ послѣ котораго дѣти снова принимаются за занятія. Цѣль этого учебнаго заведенія исключительно общеобразовательная.

Школы, университеты и печать—эти три важнѣйшіе пути просвѣщенія—представляютъ собою явленія *новой Россіи*. До освобожденія крестьянъ народныхъ школъ почти не существовало, университеты давали ничтожное количество дѣятелей, такъ какъ число студентовъ было ограничено весьма незначительною цифрой, печать существовала только въ столицахъ и отведенный ей кругъ дѣятельности былъ чрезмѣрно тѣсный. Въ *новой Россіи* школа, наука и печать сдѣлали уже значительныя завоеванія. Въ области народной школы ставится уже вопросъ о всеобщемъ обученіи; наука, за исключеніемъ юридико-политическаго отдѣла, пользуется полною свободой; столичная печать достигла значительныхъ правъ гражданства. Развилась количественно и качественно и провинціальная пресса, но положеніе ея продолжаетъ быть очень труднымъ; пребывая еще въ большихъ тискахъ, завися отъ различныхъ усмотрѣній, она не можетъ развернуть своей дѣятельности съ тою пользою для страны, какую способна принести по имѣющимся у нея силамъ. На объѣдѣ, данномъ министру путей сообщенія въ Ростовѣ, во время его послѣдняго путешествія по Россіи, министръ предложилъ здравицу за представителей мѣстной печати, какъ слугъ общества, принимающихъ посильное и, несомнѣнно, полезное участіе въ разработкѣ и освѣщеніи назрѣвшихъ вопросовъ городской, а также краевой жизни. Русская печать вообще и провинціальная, областная въ особенности,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу мѣстная газета,—не привыкла къ подобному чествованію ея скромныхъ заслугъ людьми власти. Она имѣетъ у насъ гораздо больше враговъ, нежели друзей, больше строгихъ критиковъ и поносителей, чѣмъ справедливыхъ, безпристрастныхъ судей. Въ провинціи, за весьма рѣдкими исключеніями, не принято считаться съ тяжелыми условіями существованія мѣстнаго органа печати, и совсѣмъ не въ обычаѣ оказывать ему поддержку въ достиженіи тѣхъ цѣлей, которымъ онъ призванъ служить.

Извѣстный беллетристъ г. Н. Гаринъ началъ печатать свои очерки *Карандашомъ съ натуры (По Западной Сибири)*. Между прочимъ, здѣсь находимъ недурную сцену, рисующую положеніе сибирской печати. Дѣло происходитъ въ Тобольскѣ.

«Пріѣхали на пароходъ,—до отхода еще полчаса. Пьютъ пиво, разговариваютъ о городѣ, рассматриваютъ покупки и угадываютъ цѣны. На пристани празднаго народа масса. Стоять и смотреть. Молодой человекъ въ легкомъ костюмѣ, довольно грязномъ, очевидно, больше думающій о матеріяхъ вышнихъ, чѣмъ о томъ, что у него подъ ногами, споткнувшись на кѣмъ-то положенную палку, чуть было не растянулся на полу, но оправился и сѣлъ возлѣ меня.

«— Далекое-съ?

«— Въ Томскѣ.

«— Изъ Петербурга?

«— Да.

«— А я,—позвольте представиться,—здѣшній репортеръ. Можеть, слышали о нашей газетѣ? Не слышали, конечно, — 215 экземпляровъ расходуется: 180 платныхъ, 35 даровыхъ. При началѣ изданія такъ и рассчитывали, городскими только ошиблись,—считали 80, а набралось 90.

«— Что же вы не продаете отдѣльными нумерами? Вотъ бы и мы купили.

«— Не разрѣшаютъ.

«— Какъ же? Вѣдь, это мѣра наказанія.

«— Ну, и редакторъ то же говорить... Конечно, если бы черезъ министра—можно бы добиться... А вы никакого матеріала не дадите намъ?

«— Еъ сожалѣнію, не имѣю. Да, вѣдь, у васъ много же матеріалу должно быть и здѣсь.

«— Да его-то много, да не любитъ нашъ цензоръ, — вычеркиваетъ. Пишите, говорите, о чемъ хотите, — ну, о другихъ губерніяхъ; что вамъ непремѣнно далась здѣшняя? Забудьте о ней... Ну, о чемъ же писать? Кто его знаетъ, какъ у другихъ? Свою знаешь.

«— А можно бы было написать, если бы позволили?

«Молодой человекъ только рукой махнулъ».

Недавно въ Томскѣ скончался редакторъ-издатель *Сибирскаго Вѣстника* Б. П. Картамышевъ. По словамъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*, въ Петербургѣ получена телеграмма, въ которой другъ покойнаго провинціального литератора пишетъ:

«Картамышевъ палъ жертвой своей газетной дѣятельности. Неустанно и мужественно обличая злоупотребленія, Картамышевъ нажилъ себѣ въ Сибири много враговъ и былъ часто привлекаемъ къ суду по обвиненію въ диффамациі (*не съ клеветъ, а въ диффамациі*). Онъ былъ приговоренъ къ восьмимѣсячному тюремному заключенію. Картамышева посадили въ Томскѣ въ тюрьму. Рѣзкая перемена образа жизни, отсутствіе привычной подвижной дѣятельности, а, главное, нравственныя страданія человека въ конецъ разстроили здоровье заключеннаго. Вошелъ онъ въ тюрьму здоровымъ и вѣрнымъ, а вышелъ изъ нея умирающимъ. Въ іюнѣ онъ вышелъ изъ тюрьмы, а въ августѣ умеръ. Въ числѣ вѣнковъ на могилѣ былъ скромный вѣнокъ съ надписью: «Защитнику арестантовъ».

Въ заключеніе нашего очерка приведемъ весьма характерную и интересную корреспонденцію *Оренбургскаго Края* о впечатлѣніи, произведенномъ новымъ судомъ въ городѣ Уральскѣ. «Вотъ уже около десяти мѣсяцевъ,—пишетъ корреспондентъ,—какъ въ Уральскѣ дѣйствуетъ «новый» (для насъ) судъ, т. е. судъ самостоятельный, а не припиленный къ административному учрежденію,—судъ, находящійся въ вѣдѣніи министерства юстиціи, а не министерства внутреннихъ дѣлъ. Хотя, благодаря счастливому подбору чиновъ областного правленія и особенно благодаря энергіи председателя г. С. и трудолюбію гг. Н. и Б., судебное отдѣленіе областного правленія за послѣднее время своего существованія ничего много,

кроме признательности къ себѣ, не возбуждало, однако, разниці между продуктивностью работы судебнаго отдѣленія и областного суда теперь наглядно ощущается. Населеніе уже начинаетъ отвыкать отъ тѣхъ незабвенныхъ порядковъ, при которыхъ дѣло долеживалось до выпѣтанія чернилъ и до истлѣванія бумаги, при которыхъ переносъ дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ отъ уѣзднаго судьи въ областное правленіе вполне успокоивалъ проигравшаго дѣло отвѣтчика, ибо онъ на многія и многія лѣта былъ гарантированъ, что исполнительный листъ на взысканіе съ него не появится въ рукахъ истца... Публика замѣтно интересуется судомъ и часто посѣщаетъ залу его засѣданій. Впрочемъ, этому отчасти способствуетъ и пикантность дѣлъ. Съ легкой руки Саратовцова, у насъ наступила очередь фигурировать въ некрасивой роли обвиняемыхъ чинамъ администраціи. То подлогъ, то растрата, то еще что-либо подобное или все вмѣстѣ взятое... Нѣтъ-нѣтъ, да и объявится какой-либо поселковый, станичный атаманъ, а то и частный приставъ, а публикѣ-то и любопытно взглянуть, какъ сидитъ на скамьѣ обвиняемыхъ еще вчерашнее высокоблагородіе, покривавшее съ важностью на смиреннаго обывателя».

Новый судъ дошелъ, наконецъ, до Уральска. Пора, давно пора перевалить ему черезъ Уралъ и отодвинуть въ преданія прошлаго дѣйствующіе нынѣ въ Сибири судебные порядки.

М. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатанъ французскій текстъ и русскій переводъ циркулярной депеши, которую министр иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь Гирсъ, разослалъ по случаю восшествія на престолъ императора Николая II, къ русскимъ посламъ и посланникамъ при иностранныхъ государствахъ. Статсъ-секретарь Гирсъ говоритъ слѣдующее: «Нашъ Августѣйшій Государь, унаслѣдовавъ верховную власть, возложенную на Него неисповѣдимыми путями Божественнаго Провидѣнія, одушевленъ твердою рѣшимостью всецѣло пріять на Себя и высокую задачу, которую предначерталъ Себѣ незабвенный возлюбленный Родитель Его Императоръ Александръ III.

«Его Величество посвятить всѣ свои заботы развитію внутренняго благосостоянія Россіи и ни въ чемъ не уклонится отъ вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содѣйствовавшей всеобщему успокоенію.

«Россія пребудетъ неизмѣнно вѣрною своимъ преданіямъ. Она направитъ свои старанія къ поддержанію дружественныхъ отношеній со всѣми державами и будетъ, по-прежнему, усматривать въ уваженіи права и законнаго порядка наилучшій залогъ безопасности государствъ.

«Въ началѣ славнаго царствованія, сдѣлавшагося нынѣ достояніемъ исторіи, преднамѣченныя цѣли сводились къ осуществленію идеала Россіи, мощной и преуспѣвающей для ея собственнаго блага, а не въ ущербъ другимъ. Нынѣ, на зарѣ новаго царствованія, мы съ неизмѣнною искренностью объявляемъ, что будемъ слѣдовать тѣмъ же началамъ, призывая благословеніе Всевышняго на плодотворное и непреложное ихъ примѣненіе въ теченіе долгихъ лѣтъ.

«Благоволите поставить въ извѣстность правительство, при которомъ вы аккредитованы, о вышеизложенныхъ намѣреніяхъ Его Величества Государя Императора, прочитавъ настоящую депешу г. министру иностранныхъ дѣлъ».

Вполнѣ миролюбивый тонъ этой депеши произвелъ въ Европѣ чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе. Увѣренность въ томъ, что европейской

цивилизациі не грозитъ дикій разгромъ отъ войны между европейскими народами, усилилась съ восшествіемъ на престолъ нашего молодого Государя. Онъ обѣщаетъ посвятить свою жизнь мирному преемствію Россіи, устройству счастья всѣхъ вѣроподданныхъ. Въ концѣ XIX столѣтія, въ государствѣ, населеніе котораго давно перешло уже за сто милліоновъ, это такая благотворная, трудная и сложная задача, что выполнение ея требуетъ и ничѣмъ не нарушаемаго глубокаго мира, и все большаго и большаго развитія того единенія Верховной власти съ обществомъ, о которомъ сказано въ манифестѣ Императора Николая II о восшествіи на престолъ.

Европейскіе народы до сихъ поръ считаютъ насъ полуварварами, готовыми при первомъ удобномъ случаѣ накинуться на западныхъ сосѣдей. Миролюбивая политика Александра II, при которомъ Россія не участвовала въ европейскихъ войнахъ въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго срока, такая же миролюбивая политика въ теченіе всего тринадцатилѣтняго прошлаго царствованія, поколебала закоренѣлый предразсудокъ. На Западѣ начинаютъ признавать, что русскій народъ принадлежитъ къ числу миролюбивѣйшихъ народовъ въ мірѣ, если только не самый миролюбивый.

Слова циркулярной депеши нашего министра иностранныхъ дѣлъ, характеризующія будущую международную политику Россіи, доставляютъ успокоеніе Европѣ въ то время, когда внутренняя жизнь нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ идетъ во многихъ отношеніяхъ тревожно. Это еще болѣе возвышаетъ историческую цѣну миролюбиваго заявленія, которое русское правительство свободно и торжественно предъявляетъ цивилизованному міру. Англія, интересы которой сталкиваются съ интересами нашего отечества и на дальнемъ Востокѣ, и въ Средней Азіи, и въ предѣлахъ Турецкой имперіи, можетъ теперь надѣяться на полюбовное соглашеніе по спорнымъ вопросамъ. Это особенно важно въ виду китайско-японской войны, въ которой китайцы терпятъ пораженіе за пораженіемъ. Мы уже указывали на то, что побѣды японцевъ являются результатомъ подъема этого народа въ духѣ европейскаго просвѣщенія и учреждений. Что именно этимъ духомъ проникнуто японское правительство, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій приказъ японскаго военнаго министра отъ 22 сентября: «Такъ какъ военныя операціи,—говорится въ приказѣ *),—должны происходить только между сухопутными и морскими силами, а отдѣльныя лица должны быть чужды всякихъ распрей, то гуманныя соображенія требуютъ, чтобы помощь и поддержка оказывались также и непріятельскимъ солдатамъ, сдѣлавшимся неспособными, вслѣдствіе ранъ, къ дальнѣйшему участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. Руководствуясь этими гуманными соображеніями, цивилизованные народы вступили между собою въ мирное время въ соглашеніе, по которому обязались оказывать помощь слабымъ и больнымъ, не обращая при этомъ вниманія на то, другъ ли это или непріятель. Гуманное соглашеніе это называется «Женевскою

*) Приводимъ этотъ приказъ по переводу *Вирсевича въ Вѣдомостяхъ* (№ 808).

Конвенціей» или «Обществом Краснаго Креста». Японія присоединилась къ этому обществу въ юнѣ 1882 г., и японскіе солдаты получили указаніе дружески обращаться и оказывать помощь тѣмъ изъ своихъ противниковъ, которые сдѣлались неспособными къ дальнѣйшему участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ какъ Китай не принадлежитъ къ этому союзу, то очень возможно, что его солдаты обращаются немилосердно съ больными и ранеными японцами. Японцы поэтому должны имѣть это въ виду и быть насторожѣ. Какъ бы, однако, жестоки и мстительны ни были китайскіе солдаты, съ ними необходимо обращаться согласно общимъ требованіямъ правды. Съ непріятельскими ранеными и плѣнными необходимо обращаться мягко и заботливо. Такъ слѣдуетъ относиться не только къ раненымъ и больнымъ, но и ко всѣмъ китайцамъ, не оказывающимъ сопротивления нашему оружію. Уваженіе должно быть соблюдаемо даже по отношенію къ тѣлу мертваго непріятели. Мы восхищаемся образомъ дѣйствій западныхъ державъ, оказывающихъ плѣнному генералу подобающія ему почести. Японскіе солдаты должны всегда помнить доброту своего повелителя и обнаруживать столько же храбрости, сколько и состраданія. Вы имѣете теперь возможность показать на дѣлѣ, какую цѣну придаете вы этимъ основнымъ положеніямъ».

По извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, Китай уже проситъ посредничества Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и европейскихъ державъ. Правительство богдыхана готово отказаться отъ правъ на Корею и заплатить военную контрибуцію. Но теперь японцы едва ли ограничатся этими требованіями.

Каковъ бы ни былъ окончательный исходъ войны, мы присутствуемъ при чрезвычайно поучительномъ зрѣлищѣ: громадная имперія, населеніе которой превышаетъ четыреста милліоновъ, почти сокрушается подъ ударами энергичнаго сорокамилліоннаго народа, усвоившаго себѣ основы европейской цивилизаціи. Грозная на видъ Небесная имперія, — это пресловутое царство самобытнаго застоя, — разсыпается, какъ плохо цементированная стѣна. Ослабленіе нашего сосѣда въ Бульджѣ и на Амурѣ можетъ принести значительную пользу нашимъ національнымъ интересамъ, устраняя опасность вооруженныхъ столкновеній съ Китаемъ. Полезно это ослабленіе и для Франціи, которая предпринимаетъ военную экспедицію на Мадагаскаръ и можетъ теперь рассчитывать на спокойствіе въ Тонкинѣ.

Мы упомянули выше о томъ, что положеніе многихъ изъ европейскихъ государствъ тревожно. Основными причинами такого состоянія являются милитаризмъ и неудовлетворительная экономическая политика, а въ Австро-Венгріи къ этому присоединяется упорная борьба національностей. Она тормозитъ реформу избирательной системы въ парламентъ, неудовлетворительность которой признается всѣми партіями. Нѣмцы, мадьяры и поляки не желаютъ лишиться тѣхъ огромныхъ преимуществъ, которыя даетъ имъ нынѣ дѣйствующій способъ избранія въ депутаты рейхсрата и ландтаговъ. Представительство, пропорціональное числу населенія, уничтожило бы господство

нѣмцевъ въ Цислейтаніи и мадьяръ въ Транслейтаніи. Особенно тяжела для другихъ народностей, для славянъ и румынъ, венгерская гегемонія. Притѣсненія, которымъ подвергаются трансильванскіе румыны, вызываютъ все большее и большее негодованіе въ королевствѣ Румынскомъ. Несмотря на постоянное тяготѣніе короля Карла Гогенцоллерна къ Пруссіи и Австро-Венгріи, раздраженіе румынскаго общественнаго мнѣнія противъ дѣйствительно несправедливаго образа дѣйствій мадьярскаго правительства можетъ повести къ серьезному дипломатическому разладу между Австро-Венгріей и Румыніей. Національное самолюбіе румынъ возмущается тѣми высокопѣрыми выговорами, которые отъ времени до времени получаетъ румынское правительство отъ правительства австро-венгерскаго. А поводы для такихъ выговоровъ не превращаются. Такъ, въ концѣ сентября населеніе Букарешта устроило торжественную встрѣчу трансильванскимъ и буковинскимъ студентамъ, которые пріѣзжали на сельско-хозяйственный конгрессъ въ Констанцѣ. Несмотря на принятія администраціей предосторожности, демонстрація эта приняла огромные размѣры и повела къ столкновенію съ полиціей, войсками и жандармами, причемъ на той и на другой сторонѣ оказались раненые.

Естественно, что чешская печать симпатизируетъ трансильванскимъ румынамъ. Эта печать постоянно указываетъ на необходимость предоставленія достаточнаго самоуправленія каждой національности и на то непосильное бремя, которое взваливаетъ австро-венгерскій милитаризмъ на плечи плательщиковъ податей. Австрійскій военный бюджетъ въ 1893 году равнялся 390 милліонамъ франковъ (14,4% общей суммы государственныхъ расходовъ; военный бюджетъ Россіи почти втрое болѣе). По смѣтѣ на будущій годъ предстоитъ новое увеличеніе военныхъ издержекъ, и довольно значительное, такъ что военные расходы, достигнувъ уже 16%, всего бюджета, абсолютно также увеличиваются. Въ имперскихъ делегаціяхъ военный министръ утѣшалъ депутатовъ тѣмъ, что военные расходы Австро-Венгріи менѣе расходовъ другихъ великихъ державъ, за исключеніемъ Италіи. Но это плохое утѣшеніе: Франція и Германія гораздо, въ общемъ, культурнѣе и богаче Габсбургской монархіи, но отъ милитаризма тяжело страдаютъ и эти государства. Указывалъ австро-венгерскій министръ и на то, что многіе военные расходы являются чрезвычайными. Старочешская *Politik* остроумно возражаетъ по этому поводу, что у плательщиковъ податей нѣтъ, къ сожалѣнію, чрезвычайнаго кармана, и потому рекомендуемое министромъ различеніе утрачиваетъ всякое пріятное значеніе.

Министръ финансовъ въ коалиціонномъ кабинетѣ Виндишгреца, Пленеръ, вождь нѣмецкихъ либераловъ-централистовъ, внесъ въ палату депутатовъ подробно мотивированный бюджетъ на 1895 годъ. Расходы Цислейтаніи вычисляются въ немъ въ 636.527,870 флориновъ, доходы въ 638.985,577. Предвидится, слѣдовательно, остатокъ въ 2.457,707 фл. *).

*) Въ Транслейтаніи государственные расходы, по смѣтному предположенію на будущій годъ, опредѣлены въ 467.792,748 фл. Всего, стало быть, 1.118.881,388 фл.

Финансовое положеніе государства находится, такимъ образомъ, въ удовлетворительномъ состояніи. Но картина мѣняется, если мы примемъ во вниманіе преобладаніе косвенныхъ налоговъ, существованіе государственныхъ лотерей и другіе недостатки дѣйствующей системы финансоваго управленія. Выходитъ такъ, что тѣ группы населенія, которыя или вовсе не участвуютъ въ народномъ представительствѣ, или участвуютъ лишь въ весьма слабой степени, платятъ гораздо больше остальныхъ группъ, теперь владѣющихъ политическою властью. Такимъ образомъ, съ интересами славянскихъ народностей Австро-Венгрии совпадаютъ и требованія справедливой финансовой политики.

Что касается расходовъ, то и въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить неправильностей и несправедливостей, вызываемыхъ преобладающею ролью нѣмецко-централистической партіи. Такъ, на нѣмецкій университетъ въ Прагѣ тратится 428,403 фл., на чешскій (въ немъ гораздо больше студентовъ) только 371,546 фл. И въ общемъ итогѣ въ Богеміи, Моравіи и Силезіи правительство даетъ на нужды славянскихъ учебныхъ заведеній (высшихъ и среднихъ) 1.927,742 фл., а на нѣмецкія—1.953,192 фл., тогда какъ нѣмецкое населеніе въ этихъ трехъ областяхъ составляетъ 30%, чешское—70%. Не мудрено, что среди чешскаго народа преобладаетъ недовольство нынѣшнимъ правительствомъ; понятно также стремленіе достигнуть всеобщей подачи голосовъ со стороны рабочихъ классовъ. Все чаще и чаще происходятъ по этому поводу демонстраціи. Такія демонстраціи происходили недавно въ Вѣнѣ, причемъ между рабочими и полиціей произошла стычка, не обошедшаяся безъ тяжело раненныхъ.

Нѣмецкіе либералы-централисты, крѣпко держась за выгоды своего привилегированнаго положенія, и слышать не хотятъ объ осуществленіи одного изъ главныхъ принциповъ либерализма, т.-е. о равномъ для всѣхъ избирательномъ правѣ. Быть можетъ, въ этомъ упрямствѣ ихъ подкрѣпитъ жестокий разгромъ, которому подвергнулись объ бельгійскія либеральныя партіи, какъ только въ этой странѣ были произведены выборы по всеобщей подачѣ голосовъ. Такая консервативная газета, какъ пражская *Politik*, справедливо объясняетъ полное пораженіе бельгійскихъ либераловъ тѣмъ, что они все время держались узко-эгоистической программы, ничего не дѣлали для улучшенія положенія рабочихъ въ промышленныхъ провинціяхъ государства, гдѣ и побѣдили кандидаты рабочей партіи. Въ земледѣльческой части Бельгіи восторжествовали, какъ и слѣдовало ожидать, клерикалы, такъ какъ здѣсь, среди полуневѣжественнаго населенія, католическое духовенство пользуется громаднымъ вліяніемъ.

Еслибъ австро-нѣмецкіе либералы-централисты теперь согласились на введеніе всеобщей подачи голосовъ, то и эту партію ждалъ бы неминуемый разгромъ. Рабочіе классы раздражены безучастіемъ къ ихъ положенію, сельскіе округа пойдутъ въ большинствѣ случаевъ за своими консервативными вождями—католическимъ духовенствомъ и крупными землевладѣльцами, а славянское населеніе постарается послать въ парламентъ

своихъ представителей, т.-е. сторонниковъ областного и національнаго самоуправленія, федералистовъ. Уступая поневогѣ требованіямъ времени, но всячески тормозя избирательную реформу, австро-нѣмецкіе либералы придумываютъ различныя комбинаціи, способныя удовлетворить до нѣкоторой степени желанію рабочаго класса и не уничтожить вмѣстѣ съ тѣмъ господствующаго положенія этой партіи, — задача неисполнимая, такая, по крайней мѣрѣ, которую нельзя будетъ исполнять продолжительное время.

Въ Великобританіи ирландскій гомъ-руль отступаетъ покуда на второй планъ. Палата лордовъ оказываетъ такое упорное сопротивленіе всѣмъ демократически-либеральнымъ биллямъ, принимаемымъ нижнею палатою, что правительству приходится вступить съ нею въ серьезную борьбу. Палата лордовъ, гдѣ засѣдаютъ почти исключительно наследственные перы, представляетъ въ настоящее время анахронизмъ, съ этимъ соглашаются и многіе изъ англійскихъ консерваторовъ. Въ народѣ существуютъ стремленія къ совершенной отиѣнѣ верхней палаты, по крайней мѣрѣ, какъ наследственной. Тѣмъ не менѣе, трудно ожидать, чтобы борьба противъ лордовъ скоро дала рѣшительные результаты. Правительство, по сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, имѣетъ въ виду добиться значительнаго сокращенія права верхней палаты налагать *вето* на законопроекты, принятые палатою общинъ. Въ финансовыхъ вопросахъ, съ 1678 года, по требованію нижней палаты, этого права лорды уже не имѣютъ. Предполагается, что вторичное принятіе парламентомъ билля, отвергнутаго палатою лордовъ, не должно подлежать обсужденію этой палаты. Лордъ Салисбюри въ отвѣтъ на рѣчь лорда Розберри заявляетъ, что верхняя палата никогда не согласится на подобныя измѣненія въ парламентскихъ отношеніяхъ и что большинство англійскаго народа, къ которому хочетъ апеллировать либеральный кабинетъ, не желаетъ ни уничтоженія палаты лордовъ, ни ослабленія ея значенія. Последнее утвержденіе вождя торійской партіи плохо согласуется со всѣмъ тѣмъ, что достоверно извѣстно объ успѣхахъ демократическаго теченія въ Великобританіи.

Нѣмецкія консервативныя газеты весьма несочувственно относятся къ заявленіямъ главы британскаго правительства. Недовольна ими и *National-Zeitung*: въ Германіи теперь приходится также защищать разные анахронизмы и примѣръ англійскаго правительства, выступающаго на борьбу съ такими анахронизмами, весьма неудобенъ для защитниковъ старо-прусскихъ порядковъ.

Имперскій канцлеръ, графъ Каприви, и прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ, уволены императоромъ въ отставку. Эти государственные люди были противниками по существенно-важнымъ вопросамъ и ихъ одновременное удаленіе объясняется личными причинами. Графъ Каприви отказался публично осудить газетную статью, нападавшую на крайнія реакціонныя стремленія графа Эйленбурга. Берлинскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* передаетъ и другое объясненіе отставки имперскаго

канцлера: въ одной бесѣдѣ «онъ употребилъ некоее и двусмысленное выраженіе *der Kaiser steht hinter mir*, что по-нѣмецки означаетъ императоръ раздѣляется мои воззрѣнія, поддерживаетъ меня, и—императоръ стоитъ за мною. Вильгельмъ II, которому Эйзенбургъ послѣднѣе передалъ эти слова, пришелъ въ негодованіе. Въ Берлинѣ утверждаютъ, что, только изъ желанія сдѣлать непріятное Каприви, Эйзенбурга уже назначили было наместникомъ въ Эльзасъ, но этому помѣшала великій герцогъ баденскій. Тактичный и просвѣщенный дядя императора заявилъ, что это назначеніе будетъ принято за вызовъ, который произведетъ удручающее впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Къ счастью, его послушали» *).

Уволены и нѣкоторые другіе министры въ формѣ, которая, говоритъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, показалась бы безцеремонною даже въ эпоху Бисмарка. «Особенную сенсацію произвелъ способъ удаленія министра юстиціи. Шеллингъ председательствовалъ на совѣщаніи какой-то комиссіи, когда его вызвали изъ залы засѣданія подъ тѣмъ предлогомъ, что его желаютъ видѣть директоръ личнаго кабинета императора по экстремному дѣлу. По словамъ директора, такъ какъ императоръ знаетъ, что министръ хочетъ уйти на покой сейчасъ послѣ празднованія своего пятидесятилѣтняго служебнаго юбилея, т.-е. въ концѣ декабря, то не лучше ли подать въ отставку сейчасъ? Теперь все равно происходятъ крупныя перемѣны въ высшихъ должностяхъ, такъ встаетъ смѣнить и министра юстиціи. Шеллингъ, который никогда не выражалъ желанія уйти послѣ юбилея, пишетъ просьбу объ отставкѣ и посылаетъ сказать въ комиссію, чтобы совѣщались безъ него».

Имперскимъ канцлеромъ назначенъ наместникъ Эльзаса и Лотарингіи князь Гоенлоэ, прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ—Бѣллеръ, помощникъ статсъ-секретаря въ Страсбургѣ.

Правительственныя газеты доказываютъ, что паденіемъ графа Каприви не затронутъ ни одинъ принципъ государственной власти. Органы либеральной партіи высказываются иначе: они отмѣчаютъ, что года въ четыре въ Пруссіи смѣнилось четырнадцать министровъ, что неустойчивость ихъ положенія объясняется порывистою волей императора Вильгельма II, и что все это вызываетъ ненормальныя явленія въ политической жизни страны. Графъ Каприви не желалъ вносить въ парламентъ законопроектъ, направленный противъ *партій переворота*, потому что законопроектъ этотъ заключалъ въ себѣ серьезныя стѣсненія общественной свободы, не могъ получить большинство въ рейхстагѣ и повелъ бы въ крайне неблагопріятнымъ для германскаго правительства истолкованіямъ за границею. Англійская печать отзывалась о новѣйшей внутренней политикѣ Вильгельма II въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что ихъ не рѣшается привести *National-Zeitung*, выступавшая противъ графа Каприви. Главный органъ національ-либераловъ въ своемъ усердіи доходитъ до того, что, забывая основные

*) *Русскія Вѣдомости*, № 307.

принципы своей партіи, измѣняя завѣтамъ всѣхъ своихъ лучшихъ вождей, — какъ Ласкеръ, напримѣръ, — допускаетъ возможность управленія государствомъ вопреки парламентскому большинству. *Freisinnige Zeitung* замѣчаетъ по этому поводу, что это — старая абсолютистическая рѣчь, какую не разъ держалъ въ былыя времена князь Бисмаркъ. *Freisinnige Zeitung*, обсуждая затѣмъ новыя назначенія, говоритъ, что князь Гогенлоу — спокойный и миролюбивый человекъ, не связывавшій себя ни съ какими опредѣленными теченіями во внутренней политикѣ, а Кёллеръ, бывшій въ 1881—1887 гг. депутатомъ рейхстага, отличался грубыми и рѣзкими выходками въ реакціонномъ духѣ. Тѣ факты изъ парламентской жизни нынѣшняго прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, которые напоминаетъ *Freisinnige Zeitung*, всего менѣе поддержать довѣріе къ нравственному авторитету новаго министра.

Много толковъ въ германской печати возбудила недавно появившаяся брошюра Константина Рёслера, долго служившаго при Бисмаркѣ и теперь предлагающаго не болѣе и не менѣе, какъ государственный переворотъ: Рёслеръ совѣтуетъ отиѣнить на три года конституцію Германской имперіи и вручить на этотъ срокъ диктатуру союзному совѣту *). Даже консерваторы съ негодованіемъ отвергаютъ это предложеніе. Реакціонныя вѣянія не встрѣчаютъ сочувствія и у многихъ представителей власти. На обѣдѣ, напримѣръ, въ честь знаменитаго историка Курціуса прусскій министръ народнаго образованія сказалъ, что есть принципы, признанные одинаково всѣми просвѣщенными людьми, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Одинъ изъ такихъ основныхъ принциповъ, прибавилъ министръ, заключается въ признаніи свободы научнаго изслѣдованія, въ признаніи того, что наукѣ нельзя приказывать, что ею нельзя командовать.

Общіе выборы въ Норвегін, о которыхъ мы уже нѣсколько разъ говорили, являются до сихъ поръ побѣдою либеральныхъ кандидатовъ. Сторонники соглашенія съ шведскимъ правительствомъ и защитники полной автономіи Норвегін и ея самостоятельнаго дипломатическаго представительства при иностранныхъ государствахъ напрягали всѣ усилія въ оканчивающейся теперь избирательной борьбѣ.

Покуда произошли выборы первой степени, т.-е. тѣхъ лицъ, которыя, на выборахъ второй степени, пошлютъ депутатовъ въ парламентъ. Но въ общемъ и главномъ дѣло рѣшается уже въ первомъ случаѣ. Радикалы отняли у консерваторовъ нѣсколько большихъ городовъ, бывшихъ оплотами уступчивой по отношенію къ Швеціи политики, въ томъ числѣ, — что особенно важно, — и Христіанію. По всей вѣроятности, радикалы получаютъ большинство въ будущемъ стортингѣ.

*) *Freisinnige Zeitung* (7 октября) напечатала по поводу этой брошюры обстоятельную и злую статью (*Am Ende der Weisheit*).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Своевременность мѣропріятій, способныхъ сдѣлать общедоступнымъ начальное образованіе. — Проектъ новаго продовольственнаго устава. — Оцѣнка дѣятельности земствъ по народному продовольствію. — Финансы крупнѣйшихъ русскихъ городовъ. — Первый годъ дѣятельности пермскаго кустарно-промышленнаго банка. — Извлеченія изъ отчетовъ секретаря и казначея для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — 25-ти лѣтіе типо-литографіи товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о. — А. Г. Рубинштейнъ †.

Въ началѣ новаго царствованія, прежде всего, припоминаются и успѣхи, которые сдѣланы Россіей въ дѣлѣ народнаго образованія, и возрастающее сознаніе русскими людьми первостепенной важности этого дѣла для нашей родины и низкаго его уровня по сравненію съ тѣмъ, что давно уже достигнуто нашими западными сосѣдями.

Кое-что сдѣлано, но очень мало по сравненію съ тѣмъ, что нужно сдѣлать. Бердянской уѣздъ является однимъ изъ оазисовъ, которые заслуживаютъ полнаго вниманія и могутъ быть указаны, какъ примѣръ для многихъ и многихъ мѣстностей. Въ 1893 году въ Бердянскомъ уѣздѣ было 212 школъ, среди нихъ 119 земскихъ. Расходъ на нихъ составлялъ 225,000 рублей, т. е. $\frac{1}{3}$ всего губернскаго бюджета на народное образованіе. Изъ этой суммы земство тратитъ 110,546 рублей, т. е. $\frac{1}{3}$ всего земскаго бюджета (352,108 р.). Общее число учащихся достигаетъ 14,441 (10,310 мальчишекъ и 3,869 дѣвочекъ), что составляетъ 1 учащійся на 13 душъ наличнаго мужскаго населенія и 1 учащаяся на 38 женщинъ; такимъ образомъ, изъ всѣхъ мальчишекъ школьнаго возраста учится 60% и изъ всѣхъ дѣвочекъ 20%. Трудъ учителей оплачивается въ Бердянскомъ уѣздѣ лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Жалованье начинается съ 300 руб. въ годъ и, постепенно увеличиваясь, доходитъ до 900 рублей. Всѣхъ преподавателей 171, изъ коихъ 120 учителей и 51 учительница. Не мало случаевъ совмѣстнаго служенія въ одной и той же школѣ мужа и жены, какъ учителя и учительница. Земство находитъ, что успѣхи учениковъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ трудятся вмѣстѣ мужъ и жена, никакъ не ниже тѣхъ, гдѣ занимаются учитель и учительница, чужіе другъ другу. Столь выгодное положеніе учителей объясняетъ, почему на каждую открывшуюся вакансію

является много соискателей. Бромѣ постоянныхъ, осѣдлыхъ учителей, на службѣ земства находятся и разѣзжіе: они замѣняютъ больныхъ или вышедшихъ въ отпускъ. На пріобрѣтеніе учебныхъ пособій земство израсходовало 8,424 рубля. Неослабная заботливость о развитіи бібліотекъ привела къ тому, что 114 школъ имѣютъ бібліотеки для учащихся.

На ряду съ этими отрадными данными изъ дѣятельности земствъ не лишнее привести и нѣкоторые факты изъ области частной инициативы, направленной къ развитію школьнаго дѣла. *Саратовскій Дневникъ* сообщаетъ, что въ Саратовской губерніи замѣчается пробужденіе среди частныхъ лицъ наклонности устраивать народныя школы. Въ Петровскомъ уѣздѣ основаны 3 народныхъ школы и 1 ремесленная; всѣ онѣ переполнены учащимися, и населеніе относится къ нимъ съ самымъ сердечнымъ участіемъ. По словамъ *Русской Жизни*, такое же отрадное явленіе наблюдается и въ Витебской губерніи. Кругокъ образованныхъ людей пріобрѣлъ имѣніе Ложосну, гдѣ и открываетъ сельско-хозяйственное училище вмѣстѣ съ опытною фермой. Фондомъ на содержаніе училища и фермы послужатъ 9,000 р., пожертвованные помѣщиками и чиновниками, и 14,000 рублей, собранные въ концѣ 70-хъ годовъ съ крестьянъ на нужды образованія и хранящіеся теперь въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Школа будетъ получать также небольшую субсидію отъ министерства земледѣлія. Доказательство стремленія къ грамотности даетъ и сѣверо-восточный край. Въ началѣ осени сарапульская земская управа, по словамъ *Казанскаго Телеграфа*, извѣстила всѣ волостныя правленія уѣзда, что петербургскій комитетъ грамотности постановилъ бесплатно снабдить книгами 100 вновь открывающихся земскихъ бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ. При этомъ управа пригласила волостныя правленія и сходы заявить земскому собранію о томъ, какія волости и села желаютъ имѣть у себя бібліотеки и какое мгутъ принять участіе въ расходахъ на ихъ содержаніе. Въ отвѣтъ на циркуляръ управы послѣдовали девять приговоровъ отъ волостныхъ сходовъ съ изъясненіемъ желанія имѣть бібліотеки, такъ какъ, поясняютъ приговоры, «училищныя бібліотеки не въ состояніи вполне удовлетворить потребность въ чтеніи». Потребность въ бібліотекахъ до такой степени сознана населеніемъ этого края, что оно охотно принимаетъ участіе въ содержаніи бібліотекъ: одно сельское общество даетъ 20 рублей на первоначальное обзаведеніе, другое—40 р. Крестьяне Воткинскаго завода совершенно отказались отъ матеріальной помощи земства и назначили на устройство бібліотеки свой капиталъ въ 2,000 рублей. А рабочіе Ижевскаго завода сдѣлали въ концѣ нынѣшняго лѣта постановленіе отчислять въ теченіе 5 лѣтъ съ каждаго заработнаго рубля по 1 копѣйкѣ для образованія школьнаго фонда. Доходы съ этого фонда должны служить для усиленія средствъ народнаго образованія на заводѣ. Такія же извѣстія идутъ и изъ гораздо болѣе отдаленныхъ уголковъ нашего отечества. Нѣкто Андрей Лапинъ, переселенецъ, поселившись въ селѣ Мамзевкѣ, Ташкентскаго округа, началъ съ первыхъ же дней заботиться о духовной пищѣ

для своих односельчанъ. Обративъ свою, наскоро сколоченную избу въ молитвенный домъ и школу, онъ сталъ обучать дѣтей грамотѣ и церковному пѣнію. Въ немного мѣсяцевъ авторитетъ Лапина упрочился настолько, что не только всѣ мѣстные крестьяне подчинились его вліянію, но и сосѣдніе киргизы стали обращаться къ нему за совѣтомъ. Сопшемся также на фактъ, относящійся уже къ области крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія. Г. Гордѣенко, помѣщикъ Харьковскаго уѣзда, подалъ недавно въ харьковскій уѣздный съѣздъ заявленіе о томъ, чтобы всѣ денежные штрафы, назначаемые земскими начальниками и волостными судьями за порубки въ лѣсахъ и садахъ г. Гордѣенка, порчу деревьевъ, потравы были направляемы непосредственно въ харьковскую уѣздную земскую управу въ счетъ школьнаго капитала на усиленіе средствъ для начального народнаго образованія. Хотя нельзя вполне присоединиться ко мнѣнію г. Гордѣенка, что «посягательства крестьянъ на чужую собственность происходятъ вслѣдствіе ихъ невѣжества и непониманія своихъ правъ и обязанностей», такъ какъ многіе проступки должны быть приписаны бѣдности сельскаго населенія, однако, заявленіе харьковскаго помѣщика заслуживаетъ сочувствія, какъ рѣдкій и исключительный примѣръ, что землевладѣлецъ отказывается отъ денежныхъ штрафовъ, которые возмѣщаютъ ему убытки, и жертвуетъ эти сборы на культурное дѣло первѣйшей важности.

Къ этимъ фактамъ можно было бы прибавить и много другихъ, передаваемыхъ текущею печатью. Другая группа фактовъ: стремленіе въ школу, мольбы о принятіи, глубокое сожалѣніе родителей по поводу невозможности помѣстить дѣтей въ училище—не менѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что сознаніе важности народнаго образованія растетъ безостановочно. *Терскія Вѣдомости*, говоря о послѣднемъ осеннемъ пріемѣ въ начальныя школы Владикавказа, замѣчаютъ, что учителя въ дни, назначенные для пріема, попадаютъ въ осадное положеніе. Не только принять комплектъ учениковъ, но на каждой скамьѣ для двоихъ сидятъ трое; тѣмъ не менѣе, школа полна просителей. Родители умоляютъ принять; дѣти всхлипываютъ. Приводя дѣтей въ школу и зная, что дѣтей мало, матери изыскиваютъ различные способы воздѣйствія на учителя. Однѣ побуждаютъ дѣтей со слезами на глазахъ просить учителя, другія заявляютъ, что были уже въ трехъ училищахъ, получили отказъ и возлагаютъ на эту школу послѣднюю надежду. Приведемъ со словъ *Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* свѣдѣнія о Новозыбковѣ, Черниговской губерніи. Этотъ городъ, при 18 тысячахъ жителей, не имѣлъ до послѣдняго времени ни одного народнаго училища (въ немъ есть реальное училище и женская гимназія). И когда осенью нынѣшняго года народное училище было открыто г-жей Макаровой всего на 20 учащихся, то осаждалось каждое утро сотнями родителей. *Кіевлянинъ* отмѣчаетъ недостатокъ училищъ въ селеніяхъ и даже самомъ Кіевѣ. Въ недавно открытую школу села Деміевки, Кіевского уѣзда, за недостаткомъ мѣста, не было принято слишкомъ 30 дѣтей школьнаго возраста. А въ Кіевѣ осенью нынѣшняго года около 600

дѣтей не были приняты въ ученики городскихъ училищъ. Есть полное основаніе думать, что, за самыми рѣдкими исключениями, отказъ дѣтямъ объясняется дѣйствительнымъ переполненіемъ школъ. Напомнимъ, наприм., со словъ *Кислямина*, что въ Миргородскомъ уѣздѣ на 1 школу приходилось въ 1883 году 71 учащійся, а въ 1893 г.—98.

Всѣ факты этого рода настойчиво напоминаютъ о необходимости и своевременности обязательнаго посѣщенія начальной школы. О полезности этого было писано такъ много, писавшіе и говорившіе подкрѣпляли свои выводы такою массою данныхъ изъ жизни Западной Европы и Америки, что все это стало общимъ мѣстомъ и даже не хочется повторять его. Мы убѣждены, что каждый ратующій за введеніе въ Россіи обязательнаго посѣщенія народной школы можетъ освободить себя отъ труда доказывать, насколько это полезно и въ какой мѣрѣ государство имѣетъ право требовать отъ родителей, чтобъ они посылали дѣтей въ школу. Аргументація можетъ быть сведена къ такимъ краткимъ положеніямъ: «при современномъ уровнѣ культуры неграмотный совершенно безпомощенъ; и если государство требуетъ, чтобы родители кормили, поили и одѣвали своихъ дѣтей, то оно вправѣ требовать, чтобъ они посылали дѣтей въ школу въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ».

При обсужденіи вопроса о введеніи въ Россіи обязательнаго начального образованія слѣдуетъ дѣлать выкладки только о расходахъ, которые будутъ вызваны всеобщей школьною повинностью. Конечно, наше отечество поставлено въ этомъ отношеніи менѣе благоприятно, чѣмъ Западная Европа: населеніе разбросано у насъ на огромной территоріи и по окраинамъ Европейской Россіи, а тѣмъ болѣе въ Азіатской Россіи очень рѣдко. Однако, это обстоятельство, быть можетъ, нѣсколько усложняя дѣло, не создастъ чрезвычайныхъ трудностей. Вспомнимъ о Швеціи и Норвегіи съ ихъ населеніемъ, болѣе рѣдкимъ, нежели въ Россіи, вспомнимъ, что это не помѣшало нашимъ сѣвернымъ сосѣдямъ достигнуть поголовной грамотности. Но Россія вообще, и даже Азіатская, имѣетъ одну бытовую особенность, вслѣдствіе которой рѣдкость населенію связана съ меньшими неудобствами, чѣмъ въ скандинавскихъ государствахъ: тамъ люди охотнѣе селятся хуторами и небольшими поселками, у насъ же, вслѣдствіе господства общиннаго землевладѣнія, преобладающимъ типомъ поселеній служатъ большія и среднія деревни. А каждому понятно, что, наприм., при населенности въ 600 человекъ на квадратную милю легче ввести обязательное обученіе, если они живутъ въ трехъ деревняхъ, нежели въ томъ случаѣ, когда они разбиты на 10—12 поселковъ. О рѣдкости населенія, какъ условіи, дѣлающемъ всеобщую грамотность невозможною, охотно говорятъ всѣ тѣ, кто заинтересованъ въ невѣжествѣ народа. Какія же средства необходимы для того, чтобъ осуществить обязательное обученіе народа?

Недавно *Петербургскія Вѣдомости* сдѣлали такую примѣрную выкладку. Принимая населеніе Европейской Россіи въ 100.000,000 душъ, мы получимъ не менѣе 15.000,000 дѣтей школьнаго возраста. Такъ какъ на-

селеніе довольно разбросано, то 1 сельская школа должна приходиться я примѣрно, на 250 душъ, причѣмъ въ ней будетъ 45 учащихся. По этому расчету въ Россіи должно быть около 400,000 народныхъ школъ, дабы начальное образованіе было общедоступно. Если же отчислить извѣстную часть населенія на среднія учебныя заведенія и принять во вниманіе густоту городского населенія, то, быть можетъ, было бы достаточно и 300,000 школъ. При среднемъ расходѣ на школу въ 500 рублей (теперь средній годовой расходъ достигаетъ 532 рублей), на годовое содержаніе всѣхъ школъ потребуется 150 милліоновъ. Названная газета опредѣляетъ въ 2¼ милліона рублей расходы на первоначальное образованіе школъ и подготовленіе педагогическаго персонала. Приводя эти цифры, нельзя претендовать на большую точность; однако, онѣ даютъ приблизительное понятіе о размѣрахъ затратъ, которыя будутъ необходимы для осуществленія этой мысли. Въ приведеннымъ соображеніямъ мы можемъ приобщить точныя данныя по Бѣжецкому уѣзду, Тверской губерніи. Въ этомъ уѣздѣ, при населеніи около 230,000, дѣти обоюго пола школьнаго возраста (отъ 8 до 14 лѣтъ) составляютъ почти 30,000, и изъ нихъ въ начальныхъ школахъ всѣхъ вѣдомствъ учится 7,473 или 25%. По мнѣнію бѣжецкой земской управы, для того, чтобы приблизиться ко всеобщему обученію, предоставить возможность пользоваться правильно организованною школою всѣмъ мальчикамъ и только желающимъ изъ дѣвочекъ, нужно открыть въ уѣздѣ отъ 105 до 125 училищъ, предполагая, что останутся всѣ нынѣ существующія школы. Если мы примѣнимъ къ Бѣжецкому уѣзду вышеприведенныя цифры,— о необходимости 500 рублей въ годъ на школу, — то получимъ для уѣзда 50,000, а для губерніи изъ 10 уѣздовъ — 500,000 рублей, кромѣ затратъ, которыя уже производятся на содержаніе школъ.

Цифра въ 100 милліоновъ рублей ежегодно представляется столь крупною, что сомнѣваешься въ возможности осуществить эту мысль за короткое время, въ теченіе немногихъ лѣтъ. Но никто не будетъ оспаривать важное значеніе этой мѣры, еслибъ удалось на первое время осуществить ее въ 10—8—5 губерніяхъ. А общедоступность школы въ этихъ тѣсныхъ границахъ требуетъ уже очень скромныхъ средствъ—3—4—5 милліоновъ рублей въ годъ. Даже поверхностный анализъ нашихъ государственныхъ расходовъ убѣждаетъ, что дѣлаются большія затраты ради цѣлей, имѣющихъ для народа гораздо меньшее значеніе, нежели общедоступность школы. Возьмемъ, напримѣръ, строящуюся сибирскую желѣзную дорогу, которая будетъ стоять больше 300 милліоновъ рублей. Она можетъ доставить нѣкоторыя выгоды и ближайшему къ ней населенію въ предѣлахъ Азіатской Россіи, и всему государству. Но если бы проценты съ этого капитала (12 милліоновъ рублей въ годъ) были затрачены на народное образованіе, то (при 600,000 на 1 губернію) можно было бы достигнуть общедоступности народной школы въ 20 губерніяхъ, т.-е. дать, по крайней мѣрѣ, 20 милліонамъ русскихъ людей основныя условія для истинно-человѣческаго осуществленія. Мы можемъ сдѣлать то же замѣчаніе, по

сравненію пользы, которую принесетъ проектированная на Мурманъ желѣзная дорога, и выгодъ населенія, которыя могли бы быть получены отъ затраты этихъ капиталовъ на начальную школу. Инициаторы и строители этихъ желѣзныхъ дорогъ, конечно, будутъ оспаривать наше положеніе ссылкой на то, что усиленное сооруженіе рельсовыхъ путей ускорило экономическое обще-культурное развитіе Соединенныхъ Штатовъ. Да, это такъ; но не забудемъ, что въ самомъ началѣ желѣзнодорожной эры, 60 лѣтъ тому назадъ, 85—90% населенія великаго американскаго государства были грамотны, и уже въ ту пору, при основаніи cadaго мѣстечка и даже поселка, народная школа была однимъ изъ первыхъ зданій. Мы глубоко убѣждены, что будь въ то время Соединенные Штаты такъ мало грамотны, какъ теперь Россія, они извлекли бы изъ желѣзныхъ дорогъ гораздо меньше выгодъ. Къ приведеннымъ примѣрамъ крупныхъ государственныхъ расходовъ можно прибавить очень много мелкихъ, производительность которыхъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительна. Возьмемъ расходъ на всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ, исчисленный въ 3 милліона рублей. Фабриканты, заводчики, сельскіе хозяева отправятъ на эту выставку (такъ всегда бываетъ) товаровъ высокаго достоинства и низкой цѣны, вообще, не производимые въ Россіи, но изготовляемые спеціально для выставокъ. Многія учебныя, благотворительныя, общеобразовательныя заведенія выставятъ отчеты, планы, карты, діаграммы, которые не нужно среднему посѣтителю выставки, которыми интересуются немногіе люди и гораздо полнѣе удовлетворяютъ свою любознательность въ тиши кабинетовъ и библіотекъ, нежели среди шума, грохота и сутолоки, которые являются неотъемлемыми свойствами выставокъ. Наконецъ, при выставкѣ будетъ устроено нѣсколько ученыхъ и практическихъ сѣздовъ, которые гораздо болѣе умѣстны въ столицахъ или университетскихъ городахъ, сосредоточивающихъ много научныхъ силъ, нежели въ среднемъ губернскомъ городѣ. Всероссійская выставка принесетъ очень и очень умѣрленную пользу, и милліоны, назначенные на ея устройство, были бы затрачены гораздо болѣе производительно, если бы на нихъ сдѣлать что-нибудь для развитія народнаго образованія.

Нужно приступить къ дѣлу. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ газеты распространили слухъ, что министерство народнаго просвѣщенія намѣрено, въ видѣ опыта, ввести обязательное обученіе въ 4 губерніяхъ. Къ сожалѣнію, эти слухи оказались ошибочными. Если—на что мы надѣемся—министерство приступить къ дѣлу, то желательно положить ему начало именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ народное образованіе достигло высшаго уровня; таковы губерніи Московская, Тверская, Черниговская, Полтавская, Таврическая, Херсонская и нѣкоторыя другія. Эти губерніи имѣютъ наиболѣе условій, благоприятствующихъ тому, чтобы народная школа была сдѣлана общедоступною: 1) Значительное число школъ и учащихся потребуетъ со стороны министерства меньшихъ расходовъ, нежели то было бы нужно въ губерніяхъ, гдѣ грамотность еще мало развита. 2) Въ губер-

ніяхъ съ наилучше поставленнымъ дѣломъ народнаго образованія школы приобрѣла большую популярность, и грамотность стала для населенія жизненною потребностью, болѣе настоятельною, нежели въ мѣстностяхъ, гдѣ еще нѣтъ всеобщей привычки къ школь. 3) Наконецъ, въ мѣстностяхъ первой группы, благодаря большей близости школы къ народу, можно разсчитывать на наиболѣе энергическое содѣйствіе мѣстнаго населенія, крестьянъ, землевладѣльцевъ, помѣщиковъ и разныхъ другихъ лицъ. Это содѣйствіе можетъ выразиться какъ въ пожертвованіяхъ деньгами и вещами (а нужно будетъ не мало средствъ, чтобы, параллельно съ возрастающею доступностью школы, основывались бібліотеки и народныя читальни!), такъ и въ личномъ трудѣ (напримѣръ, попечительство надъ школами и другими образовательными заведеніями). Какъ бы ни былъ малъ районъ, въ которомъ министерство народнаго просвѣщенія начнетъ осуществленіе идеи общедоступной школы, опытъ будетъ имѣть важное общественное значеніе, гораздо большее, нежели многія мѣропріятія съ громкимъ названіемъ, подъ которымъ скрывается крайне бѣдное содержаніе.

Недавно закончились труды комиссіи по пересмотру устава народнаго продовольствія. Проектъ новаго устава уже разосланъ на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ. Основанія существующей системы мы не подверглись въ проектѣ крупнымъ измѣненіямъ, но сдѣланы коренныя перемѣны въ завѣдываніи продовольственнымъ дѣломъ. На мѣсто земства, которое играетъ главную роль въ этой области, становится правительство. Служеніе дѣятельности земства въ этой отрасли объясняется тѣмъ, что продовольственные операціи неурожайныхъ годовъ 1891—1892 обнаружили существенныя недостатки. Въ объяснительной запискѣ, которая приложена къ проекту новаго устава, сообщаются, между прочимъ, такіе факты. Въ 1891 году въ Саратовской губерніи было куплено болѣе 1 милліона пуд. хлѣба, главнымъ образомъ, для Самарской губерніи, а хлѣбъ для Саратовской губерніи былъ приобрѣтенъ въ другихъ мѣстахъ. Для Самарской губерніи земство купило около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ хлѣба въ другихъ губерніяхъ, и изъ Самарской было вывезено въ другія губерніи 700,000 пудовъ.

Орловское земство покупаетъ хлѣбъ для своей губерніи, и изъ той же Орловской губерніи было вывезено болѣе $1\frac{1}{4}$ милліона пудовъ. Эти и другіе подобные имъ факты заставляютъ комиссію признать, что земскіе дѣятели часто искали далеко за предѣлами своей губерніи то, что было у нихъ подъ руками, что земства не имѣли обдуманнаго плана дѣйствій по продовольствованію населенія и даже не знали количества хлѣбныхъ запасовъ въ своей губерніи. По новому проекту, завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ сосредоточивается въ рукахъ правительства и получаетъ такую организацію. Центральнымъ учрежденіемъ будетъ совѣтъ народнаго продовольствія въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Его председателемъ будетъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а членами—многіе чины министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, земледѣлія и управляю-

щій продовольственнымъ отдѣломъ. Мѣстными органами по народному продовольствію будутъ: губернское присутствіе по дѣламъ народного продовольствія, уѣздное присутствіе, участковыя продовольственныя попечительства и земскіе начальники. Въ составъ губернскаго присутствія входятъ: губернаторъ (предсѣдателемъ), губернской предводитель дворянства, вице-губернаторъ и представители отдѣльныхъ административныхъ вѣдомствъ, а также членовъ губернской земской управы. Членами уѣзднаго присутствія, находящагося подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, состоятъ предсѣдатель и члены уѣздной земской управы, исправникъ, податной инспекторъ, земскіе начальники и два члена, по выбору уѣзднаго земскаго собранія, изъ числа гласныхъ или владѣльцевъ, которые имѣютъ право непосредственнаго голоса въ земскихъ собраніяхъ. Во главѣ продовольственнаго участковаго попечительства стоитъ волостной старшина, а если волость разбита на нѣсколько попечительствъ, то попечитель назначается уѣзднымъ попечительствомъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ или крестьянъ. Въ случаѣ большого неурожая уѣздное присутствіе имѣетъ право увеличивать число продовольственныхъ попечительствъ и назначать попечителя, кромѣ землевладѣльцевъ и крестьянъ, также священниковъ и другихъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія. Въ продовольственный уставъ, согласно съ новымъ проектомъ, вводятся слѣдующія измѣненія. Во-первыхъ, устанавливается выдача безвозвратныхъ пособій для тѣхъ изъ пострадавшихъ отъ неурожая, которые находятся въ особенно стѣсненномъ положеніи. Во-вторыхъ, продовольственная помощь распространяется и на лицъ, не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ, а также на всѣхъ, которые ведутъ хозяйство исключительно на арендуемыхъ земляхъ, если ихъ хозяйство не превышаетъ средняго размѣра хозяйствъ въ данной мѣстности. Вводится также новый видъ продовольственной помощи, — продажи на счетъ продовольственныхъ капиталовъ хлѣба по удешевленной цѣнѣ.

Мы находимъ въ проектѣ очень цѣлесообразнымъ организаваніе мелкихъ мѣстныхъ органовъ, въ лицѣ участковыхъ продовольственныхъ попечительствъ, по завѣдыванію продовольственнымъ дѣломъ. Это результатъ опыта, произведеннаго въ неурожайные годы. Борьба съ голодомъ была въ значительной степени облегчена именно потому, что многіе хорошіе русскіе люди двинулись въ губерніи, постигнутыя неурожаемъ, и принимали участіе въ раздачѣ продовольственныхъ пособій, содержаніи народныхъ столовыхъ и проч. Опытъ показалъ, что эти люди принесли большую пользу. Ихъ участіе выразилось въ образованіи низшихъ мѣстныхъ органовъ продовольственнаго дѣла; это участіе должно быть оформлено теперь закономъ, создающимъ продовольственныя попечительства. Но мы не можемъ согласиться съ однимъ пунктомъ проекта. Предусматривая необходимость образованія, въ случаѣ значительнаго неурожая, многихъ волостныхъ продовольственныхъ попечительствъ, проектъ требуетъ, чтобы во главѣ ихъ были поставляемы попечители изъ лицъ, «живущихъ въ данной мѣстности». Такое ограниченіе не цѣлесообразно. Послѣдній неурожай показалъ,

что многіе, прибывшіе на мѣста голода, благодаря искреннему желанію помочь дѣлу и навыку въ бесѣдѣ съ крестьянами, вообще же знакомству съ ихъ бытомъ, успѣвали изучить степень нужды селеній и отдѣльныхъ дворовъ и содѣйствовать правильному распредѣленію пособій. То же будетъ и впредь. А потому, во главѣ участковыхъ продовольственныхъ попечительствъ, могутъ быть полезны лица не только изъ мѣстныхъ жителей, но и изъ пришлыхъ.

Но въ проектѣ есть пункты, и притомъ наиболѣе существенные, съ которыми отнюдь нельзя согласиться. Таковымъ является служеніе компетенціи земства по завѣдыванію продовольственнымъ дѣломъ. Подчиненная роль земствъ мотивируется тѣмъ, что его дѣятельность въ послѣдніе неурожайные годы была неудачна.

Въ дѣятельности земства, направленной на борьбу съ послѣднимъ голодомъ, есть, конечно, слабыя стороны. Онѣ объясняются преимущественно незнакомствомъ съ количествомъ хлѣбныхъ запасовъ, которые были въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній. Это вѣрно. Но вина этого падаетъ отнюдь не на земство, а на условія, въ которыя была поставлена земская статистика. Отъ половины 70-хъ годовъ, когда началось организованіе земской статистики, она съ каждымъ вновь отрываемымъ земскимъ статистическимъ бюро дѣлала столь большіе успѣхи, что постепенно обняла бы весь бытъ населенія и захватила бы въ свое вѣдѣніе всѣ стороны народной жизни, среди нихъ, и всѣ ряды фактовъ, изученіе которыхъ необходимо для правильной постановки продовольственнаго дѣла. Превосходное, замѣчательное изслѣдованіе по Московской губерніи (*Продовольственное дѣло* 1891 г.), выполненное подъ наблюденіемъ Н. А. Каблукова, показываетъ, чего можно было ждать отъ земской статистики и въ этой области. Но уже съ начала 80-хъ годовъ стали относиться неблагоприятно къ земской статистикѣ: стали требовать суженія программъ, стали требовать полнаго игнорированія многихъ фактовъ общественной жизни. Развитие земской статистики пошло гораздо болѣе медленно, и она не успѣла распространить свои изслѣдованія на многія явленія, которыя нужно знать для нормальнаго устройства продовольственнаго дѣла.

Иное дѣло—упреки земству за то, что былъ вывозимъ хлѣбъ изъ губерній, для которыхъ земство закупало хлѣбъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Факты, которые намъ извѣстны объ этомъ, вовсе не оправдываютъ подобнаго упрека. На первый взглядъ кажется, что такая закупка хлѣба удорожила его, такъ какъ вызвала излишніе расходы на перевозку,—если изъ Саратовской губерніи былъ вывезенъ 1 милліонъ пудовъ въ Самарскую губернію, а для Саратовской было куплено 3 милліона за ея предѣлами, то покупка перваго милліона для нуждъ Саратовской же губерніи уменьшила бы расходы на перевозку, которые являются лишнимъ бременемъ для народнаго хозяйства. Но такъ выходитъ только при поверхностномъ взглядѣ. Упрекъ былъ бы заслуженъ въ томъ случаѣ, если бы 1) во всѣхъ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, нужда населенія обпаружилась *одно-*

временно и земства всѣхъ этихъ губерній одновременно приступили къ покупкѣ хлѣба; 2) если бы во всѣхъ губерніяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, сельскіе хозяева, имѣвшіе на продажу хлѣба, *одновременно* хотѣли продать его и, притомъ по *одной* цѣнѣ. Только при такихъ условіяхъ земства, пренебрегая ближайшими запасами и покупая на болѣе отдаленныхъ рынкахъ, заслуживали бы упрека, который имъ дѣлаютъ. Въ дѣйствительности происходило такъ. Неурожай постигнулъ губерніи (будемъ пользоваться условнымъ примѣромъ) А, Б и В, въ которыхъ были для продажи запасы хлѣба *x* (въ А), *y* (въ Б) и *z* (въ В). Въ губерніи А голодь обнаружился всего ранѣе и земства этой губерніи стали покупать хлѣбъ ранѣе другихъ земствъ. Но такъ какъ владѣльцы запасовъ хлѣба *x* дорожились, то зерно было куплено въ губерніи Б. Земства губерніи Б начали покупать позднѣе, и такъ какъ въ своей губерніи уже не было запасовъ, то купили хлѣбъ *z* изъ губерніи В, а земства этой послѣдней—изъ губерніи А. Если мы припомнимъ, что покупки производились земствами 18 губерній, въ разное время, по разнымъ цѣнамъ, если примемъ въ расчетъ, что цѣны колебались, что отдѣльные владѣльцы запасовъ хлѣба имѣли неодинаковую потребность въ сбытѣ, то скажемъ, что факты, приведенные въ объяснительной запискѣ къ проекту продовольственнаго устава, совершенно нормальны и вовсе не доказываютъ нерадѣніе земствъ или ихъ неопытность въ отысканіи рынковъ для покупки хлѣба. Если проектъ новаго продовольственнаго устава станетъ закономъ и все дѣло перейдетъ къ администраціи, то подобные факты будутъ возможны и, сами по себѣ, вовсе не будутъ доказывать непригодность новыхъ органовъ по продовольственному дѣлу.

Нѣтъ данныхъ для того, чтобъ изъять народное продовольствіе изъ вѣдѣнія земства. Присматриваясь къ составу новыхъ органовъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, мы видимъ людей, имѣющихъ много служебныхъ обязанностей и потому уже не могущихъ посвятить новому дѣлу достаточно времени. Отстраненіе земства будетъ сопряжено уже съ тою невыгодой, что, сѣуживая поле самоуправленія, будетъ уменьшать подготовку мѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ заботъ о губернскихъ и уѣздныхъ пользахъ и нуждахъ. А важность въ такой подготовкѣ возрастаетъ изъ года въ годъ: народъ предъявляетъ все новые и новые запросы къ органамъ управленія, и становится необходимымъ все большее число людей, готовыхъ отвѣтить на возникающія потребности. Поэтому мы предпочитаемъ такое завѣдываніе народнымъ продовольствіемъ, чтобы центральнымъ учрежденіемъ служилъ не хозяйственный департаментъ, какъ въ настоящее время, а проектируемый продовольственный отдѣлъ, а на мѣстахъ это дѣло подлежало бы вѣдѣнію губернскаго и уѣзднаго земства.

Намъ доставлена любопытная брошюра *Финансы крупнѣйшихъ русскихъ городовъ 1894 г.*, составленная г. Бычковымъ подъ редакціей статистическаго отдѣленія московской городской управы. Предметомъ изслѣдованія послужили 5 городовъ: Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса и Рига

съ населеніемъ около 3 милліоновъ. По даннымъ однодневныхъ переписей, население Петербурга возросло за послѣдніе 21 годъ (1869 — 90) на 287,000 душъ, т.-е. на 42%. Въ Москвѣ за 11 лѣтъ (1871—82) приростъ населенія выразился цифрою 151,500 (25%). Въ Одессѣ за 19 лѣтъ (1873—92) число жителей увеличилось на 42,4%. Пять названныхъ городовъ занимаютъ также первое мѣсто по развитію городского бюджета: за 1890 годъ ихъ обыкновенные доходы превышали 24½ милліона рублей, а чрезвычайные превышали 6.840,000 руб. Въ итогѣ доходы этихъ 5 городовъ составляли за 1890 годъ 53% доходовъ 684 городовъ Европейской Россіи и Сибири, кромѣ привислянскихъ. Если совокупить обыкновенные и чрезвычайные доходы этихъ 5 городовъ за 1890 годъ, то окажется, что Москва (до 12½ милліоновъ) занимала первое мѣсто; второе мѣсто принадлежало Петербургу (болѣе 8 милліоновъ). Варшава съ доходами до 4½% милліоновъ занимала третье мѣсто. Доходы Одессы и Риги были почти равны: 3.287,000 и 3.191,000. Сопоставляя же только обыкновенные доходы, мы должны расположить города въ иномъ порядкѣ: Петербургъ (7.910,220) и Москва (7.300,802) мало разнятся другъ отъ друга. Весьма близко стоятъ другъ къ другу Варшава (3.395,392) и Одесса (3.287,606). Рига стоитъ уже значительно позади—2.729,113 рублей.

Доходы падаютъ на жителя наиболѣе крупною цифрою въ Ригѣ, почти достигаютъ 14 р., въ Одессѣ—9 р. 78 к., въ Петербургѣ и Москвѣ они почти равны—8 р. 56 к. и 8 р. 65 к., наконецъ, въ Варшавѣ городскіе доходы составляютъ на душу только 7 р. 44 к. По сравненію же съ городами Западной Европы наши городскіе доходы незначительны: доходы Берлина составляютъ 20 рублей на душу населенія, Вѣны—24 р. 48 к., Парижа—46 р. 48 к. Но за послѣднее 10-лѣтіе (1881—90) обнаруживается относительно большій ростъ доходовъ нишихъ городовъ, нежели на Западѣ: въ Петербургѣ доходы увеличились на 52%, Москвѣ—59%, Одессѣ даже 68%, тогда какъ въ Вѣнѣ на 29,2%, Парижѣ—9,3%. Категоріи доходовъ въ 5 изслѣдуемыхъ городахъ занимаютъ не одинаковое мѣсто: налоги даютъ Петербургу и Варшавѣ 73,9% и 73,3%, Москвѣ—69,7%, Одессѣ—57% и Ригѣ только 36,7%. Доходы отъ недвижной собственности и предприятий даютъ Ригѣ (18,9% и 20,5%) больше, нежели другимъ городамъ. Сравнивая прямые и косвенные налоги по ихъ размѣрамъ въ нашихъ большихъ городахъ, мы видимъ, что первые имѣютъ гораздо большее значеніе: въ Петербургѣ и Москвѣ прямые налоги составляютъ 66,9% и 63,8% общей суммы доходовъ, а косвенные—7% и 5,8%. Въ Варшавѣ, Одессѣ и Ригѣ первые приносятъ 51%, 36% и 25%, а вторые—16,3%, 21% и 11,3%.

Расходы названныхъ городовъ составили за 1890 годъ сумму въ 27.135,475 рублей. Сопоставляя во франкахъ цифры расхода на душу населенія, г. Бычковъ даетъ намъ 125 франковъ для Петербурга, 62 для Вѣны, 43 для Берлина, 38 для Риги, 24 для Одессы, по 22 для Петербурга и Москвы и 19 для Варшавы. Въ трехъ городахъ наиболѣе крупные

расходы падаютъ на содержаніе полиціи и пожарныхъ командъ: 20,7% въ Петербургѣ, 20,1 въ Москвѣ и 23,6% въ Варшавѣ; въ Одессѣ же и Ригѣ эта статья расходовъ поглощаетъ только 11,2 и 8,9%. Вторую важную статью расходовъ образуютъ затраты на больницы и общественное призрѣніе: 26,1% въ Петербургѣ, 19,6 въ Одессѣ, 18,6 въ Москвѣ и 16,9% въ Ригѣ; въ Варшавѣ этотъ расходъ очень малъ—только 3,6%. Третій крупный расходъ совершается на городское благоустройство: 17,1—17,5% въ Ригѣ, Петербургѣ и Москвѣ и 14—14,1% въ Варшавѣ и Одессѣ. Въ эту группу расходовъ относятся издержки на очистку, поливку и освѣщеніе улицъ, мостовыя, набережная, рѣки и каналы, сады, бульвары. Именно, городскіе пути сообщенія поглощаютъ примѣрно половину расходовъ этой группы, а въ Ригѣ—три четверти. Расходы на народное образованіе занимаютъ очень скромное мѣсто. Они составляютъ 8,6% общей суммы расходовъ въ Ригѣ, 7,9% въ Петербургѣ, 7,1% въ Одессѣ, 6,6% въ Москвѣ и только 3% въ Варшавѣ. Въ расчетѣ на душу населенія народное образованіе стѣитъ 1 руб. 32 коп. въ Ригѣ, 69 коп. въ Одессѣ, 68 коп. въ Петербургѣ, 58 коп. въ Москвѣ и 22 коп. въ Варшавѣ. Эти цифры абсолютно весьма незначительны. Но они представляются очень крупными, если сравнить ихъ съ расходами 20 лѣтъ тому назадъ: въ 1871 году расходы по народному образованію падали на душу населенія въ размѣрѣ 39 коп. въ Ригѣ, 59 коп. въ Одессѣ, 10 коп. въ Варшавѣ, 8 коп. въ Москвѣ и 4 коп. въ Петербургѣ. Сопоставляя 5 изслѣдуемыхъ городовъ относительно затратъ на народное образованіе, мы видимъ, что они распадаются на 2 группы: къ первой относятся Петербургъ, Москва и Варшава, ко второй—Одесса и Рига. Въ городахъ первой группы дѣятельность городского общественнаго управленія сосредоточена почти исключительно на начальномъ обученіи, содѣйствіе же среднему образованію выражается только выдачей пособій среднимъ учебнымъ заведеніямъ и содержаніемъ въ нихъ городскихъ стипендіатовъ. Въ Одессѣ, кромѣ начальныхъ школъ, на счетъ города содержится нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній. Въ дѣятельности же рижскаго городского управленія по народному образованію среднія школы занимаютъ даже болѣе видное мѣсто, чѣмъ начальныя училища. Изъ общаго расхода по народному образованію на начальныя школы Петербургъ тратитъ 60 коп. на 1 жителя, Москва—52 коп., Одесса—47 коп., Рига—37 коп. и Варшава—16 коп. Расходъ же по среднимъ и высшимъ школамъ составляетъ въ Петербургѣ 3 коп. на жителя, въ Москвѣ—4 коп., въ Варшавѣ—6 коп., въ Одессѣ—15 коп. и въ Ригѣ—76 коп. Небольшая доля средствъ, затрачиваемыхъ на народное образованіе, расходуется на бібліотеки, читальни, музеи. Но это дѣло находится еще въ зародышѣ: за 1890 годъ въ двухъ петербургскихъ городскихъ читальняхъ было 10,555 томовъ, а въ двухъ московскихъ—6,987. Закончимъ обзоръ названныхъ матеріаловъ сообщеніемъ данныхъ по леченію и призрѣнію. Первое стояло, по расчету на душу населенія, 26 коп. въ Варшавѣ, 1 руб. 63 коп. въ Москвѣ, 1 руб. 92 коп. въ Одессѣ, 2 руб. 26 коп. въ Петербургѣ и 2 руб.

61 коп. въ Ригѣ. На призрѣніе же было израсходовано только 11 коп. въ Варшавѣ, 22 коп. въ Москвѣ, 37 коп. въ Петербургѣ, 66 коп. въ Одессѣ и 1 руб. 7 коп. въ Ригѣ. Довольно успѣшно развивъ медицинское и санитарное дѣло, наши большіе города не ограничиваются содержаніемъ больницъ. По санитарной части, въ тѣсномъ смыслѣ, нужно отмѣтить комиссіи изъ санитарныхъ врачей въ Петербургѣ (10) и Москвѣ (18) и фельдшеровъ-дезинфекторовъ. Главную цѣлью комиссій служить борьба съ различными болѣзнями. Къ числу городскихъ санитарныхъ учреждений могутъ быть отнесены: бактеріологическія станціи и дезинфекціонныя камеры въ Москвѣ и Одессѣ, аналитическія лабораторіи въ Варшавѣ и Одессѣ.

Часто говорятъ о малыхъ расходахъ нашихъ городовъ и ссылаются на крупныя долги западно-европейскихъ городовъ, какъ на условіе, которое позволило имъ далеко двинуть благоустройство. И въ самомъ дѣлѣ, долги нашихъ городовъ не велики: 14 руб. на жителя въ Петербургѣ, 16 руб.—въ Москвѣ, 21 руб.—въ Одессѣ и 23 руб.—въ Варшавѣ. Долги же Вѣны составляютъ 64 руб. на жителя, Берлина—77 руб., а Парижа—315 рублей. Конечно, увеличеніе долга облегчитъ во многомъ заботы о городскомъ благоустройствѣ. Но слѣдуетъ напоминать объ осторожности при заключеніи займовъ. Въ литературѣ накопилось много данныхъ, которыя доказываютъ, что небогатое населеніе западно-европейскихъ городовъ несетъ очень тяжелое бремя, причиняемое городскими налогами. Огромная масса населенія нашихъ городовъ гораздо менѣе обезпечена, чѣмъ даже бѣдные горожане на Западѣ. И ростъ долговъ, дѣлая необходимымъ увеличеніе существующихъ налоговъ или введеніе новыхъ, легко можетъ обременить именно слабѣйшія платежныя силы. Быстрое возростаніе долговъ только въ томъ случаѣ не было бы связано съ указанною опасностью, если бы предварительно была измѣнена система налоговъ, если бы была введена подоходная подать на началахъ прогрессивности. Пока этого нѣтъ, наиболѣе разумное городское управленіе, заключая заемъ, должно не только радоваться ожидаемому приросту въ городскомъ благоустройствѣ, но и выяснять степень, въ какой новая податная тягость обременитъ различныя группы городского населенія.

Уставъ пермскаго кустарно-промышленнаго банка, утвержденный послѣ многолѣтнихъ хлопотъ пермскаго земства и петербургскаго отдѣленія по кустарной промышленности, создастъ для пермскихъ кустарей такія выгодныя условія кредита, какихъ не имѣютъ мелкіе производители другихъ губерній. Банкъ открылъ свои дѣйствія въ самомъ началѣ нынѣшняго года съ капиталомъ въ 114,000 рублей. Имѣя цѣлью содѣйствовать кустарной промышленности выдачею кустарямъ ссудъ на сроки отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ, банкъ открываетъ кредитъ тѣмъ кустарямъ и артелямъ, которые не имѣютъ наемныхъ рабочихъ. Кто же нанимаетъ рабочихъ, тотъ получаетъ ссуды только въ особо уважительныхъ случаяхъ, причемъ ссуда разрѣшается не правленіемъ банка, а совѣтомъ. Дабы дѣятельность банка могла

достигнуть широкихъ размѣровъ, онъ пользуется разными лицами и учреждениями, которые являются его агентами при раздачѣ ссуды. Такими агентами служатъ прежде всего кустарно-промышленные склады, учреждаемые уѣздными земствами Пермской губерніи, и, во-вторыхъ, такими будутъ многія частныя лица, живущія въ районахъ кустарныхъ промысловъ и сочувствующія распространенію послѣднихъ. Агенты являются посредниками между банкомъ и кустарями. Они разъясняютъ кустарямъ правила по выдачѣ банкомъ ссуды, содѣйствуютъ кустарямъ въ полученіи ссудъ изъ банка, доставляютъ банку свѣдѣнія о кредитоспособности отдѣльныхъ кустарей, товариществъ и артелей, которые испрашиваютъ ссуды, наблюдаютъ за сохранностью выданныхъ банкомъ ссудъ и доставляютъ правленію банка свѣдѣнія о нуждахъ кустарей даннаго района. Отчетъ о дѣятельности банка за первую половину текущаго года содержитъ такія свѣдѣнія. Въ правленіе банка внесены 132 ходатайства о ссудахъ. Заявленія поступили изъ 40 селеній, 12 уѣздовъ, отъ 128 отдѣльныхъ кустарей и 4 артелей на сумму около 29,000 р. и отъ 7 уѣздныхъ земствъ на 53,000 р. Изъ этого числа 10 отдѣльныхъ кустарей и 1 артель вскорѣ отказались отъ испрашиваемой ссуды. 10 отдѣльныхъ кустарей, просившихъ въ ссуду 8,800 р., получили отказъ отъ администраціи банка. Дѣло о выдачѣ ссуды 38 лицамъ и одной артели находится еще на разсмотрѣніи банка, а 2 артели и 70 отдѣльныхъ кустарей получили займы 6,770 руб. Изъ числа ссудъ, разрѣшенныхъ отдѣльнымъ кустарямъ, 28 имѣли размѣръ отъ 25 до 50 р., 18—отъ 50 до 100 р. 4 кустаря получили ссуду менѣе 25 р., а 2—болѣе 400 р. Одна артель получила въ ссуду 500 р., а другая—400 р. Получили ссуду слѣдующія артели: мраморное товарищество гранильщиковъ, состоящее изъ 31 члена, и камборское экипажное—изъ 4 членовъ. Наибольшее количество ссудъ испрашивалось отдѣльными кустарями слѣдующихъ ремеслъ: столярнаго (30 случаевъ), кузнечнаго (20), слесарнаго (14).

Открытіе кустарно-промышленнаго банка является отраднымъ фактомъ и дѣлаетъ пермскому земству большую честь. И въ этомъ случаѣ оно является однимъ изъ тѣхъ земствъ, которыя относятся въ потребителямъ народа особенно чутко. Конечно, за первые 6 мѣсяцевъ банкъ уже потому не могъ сдѣлать больше оборотовъ, что не все населеніе обширной Пермской губерніи могло узнать объ его открытіи. Но дѣло такъ важно и нужно, что его развитіе не заставитъ себя ждать. Однако, какъ ни выгодно кустарю пользоваться кредитомъ изъ 8% годовыхъ, это еще не служитъ залогомъ успѣшнаго развитія кустарныхъ промысловъ. Сельскіе производители очень страдаютъ отъ неорганизованности сбыта. Дальнѣйшее мѣрой пермскаго земства, примыкающей къ расширенію народнаго кредита, должно быть содѣйствіе кустарямъ въ сбытѣ ихъ издѣлій.

Помѣщаемъ извлеченія изъ отчетовъ секретаря и казначея общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

1. Съ 1 мая по 21 октября комитетъ литературнаго фонда имѣлъ 11 засѣданій, въ коихъ рассмотрѣно было 229 дѣлъ. Въ этихъ засѣданіяхъ назначены были:

1) Срочныя ссуды: одному писателю и одной писательницѣ по 200 р., одному пис. 150 р., одному пис. 120 р., одному пис. и одной писательницѣ по 100 р.

2) Безсрочныя ссуды: одному пис. 600 р., одному пис. 500 р., одному пис. 300 р., одному пис. 200 р., одному пис. 150 р. и еще пяти писат. по 100 р.

3) Продолжительныя пособія: по 25 р. въ мѣсяцъ на полгода вдовѣ одного пок. ученаго, по 15 р. въ мѣс. на 2 года сестрѣ одного пок. пис. (ей же единовр. пос. въ 100 и 50 р.), на 1 годъ вдовѣ одного пис. (ей же единовр. пос. въ 42 р. 98 к. и 15 р.) и сестрѣ одного пок. пис. (ей же единовр. пос. въ 75 и 50 р.) и еще вдовѣ одного пис. на 1 годъ по 10 руб. въ мѣс.

4) Единовременныя пособія: одно въ 300 (руб. одному пис., два въ 200 р. одному пис. и вдовѣ одного пис.; одно въ 150 р. одному пис., восемь въ 100 р. тремъ пис., одной писательницѣ, сестрамъ двухъ пок. пис. и вдовамъ двухъ пис.; три въ 75 р. одному пис. и двумъ писательницамъ; одно въ 50 р. одной писательницѣ; двадцать одно въ 50 р. десяти пис., пяти писательницамъ, вдовамъ двухъ пис. и одного ученаго, и сестрамъ двухъ пок. пис.; одно въ 42 р. 98 к. вдовѣ одного пок. пис.; одно въ 40 р. вдовѣ одного пок. пис.; четыре въ 30 р. двумъ пис. (одному пис. два раза по 30 р.) и вдовѣ одного пок. пис.; десять въ 25 р. четыремъ пис., тремъ писательницамъ, женѣ одного пис. и вдовамъ двухъ пок. пис.; три въ 15 р. двумъ пис. и вдовѣ пок. писателя.

5) Плата за обученіе: одна въ 150 р. за сына пок. пис.; три въ 100 руб. за двухъ дочерей одного пок. пис. и за дочь одного пис.; три въ 50 р. за дочерей двухъ пис. и за дочь одного пок. пис.; одна въ 32 р. 50 к. за внучку одного пок. пис.; пять въ 30 р. за сына одного пис. и за четырехъ сыновей двухъ пок. пис., и еще одна въ 30 р. (причемъ половина спец. кождертв.) за сына одного пок. пис. Кроме того, назначены два пособія по 300 р. въ годъ до окончанія курса въ учеб. завед. дочерямъ двухъ пок. пис.; и, наконецъ, дочь одного пис. помѣщена на безплатную вакансію въ гимн. Гедда и назначены 4 стипендіи литературнаго фонда по 115 р. каждая четыремъ студентамъ С.-Петербург. университета.

6) Выдано два пособія по 100 р. на погребеніе одного пис. и вдовѣ одного пок. пис., и одно въ 50 р. на погребеніе матери одного пок. пис.

7) Кроме того, отказано было въ 45-ти случаяхъ: 24 раза—въ пособіяхъ, 16—въ ссудахъ и 5-тъ разъ въ прочихъ просьбахъ, и одна просьба оставлена безъ послѣдствій.

8) По разнымъ дѣламъ было совершено три ходатайства, кроме восьми случаевъ сношеній съ редакціями поврежденныхъ изданій по вопросу объ ушлатѣ гонорара восьми писателямъ.

9) Далѣе, М. Н. Стоюнина открыла въ своей гимназіи 3-ю бесплатную вакансію имени П. А. Вышнеградскаго для пансіонерокъ литерат. фонда, и такую же вакансію имени Н. А. Вышнеградскаго учредила М. М. Бобріщева-Пушкина на высшихъ женскихъ курсахъ новыхъ языковъ. Кромѣ того, новгородское земство взяло на себя расходы по содержанію въ больницѣ одного писателя и, наконецъ, типографія Скороходова отпечатаала безвозмездно отчетъ литературнаго фонда за 1893 г., а типографія Стасюлевича печатаала бланки.

II. Къ 1 января 1894 г. капиталовъ общихъ было:

Неприкосновеннаго.	20,785 р. — к.	
Именныхъ.	249,561 » 54 »	
Ссуднаго въ долгахъ	2,151 » 60 »	3,000 р.
Въ остаткѣ.	848 » 40 »	
Переходныхъ суммъ.	-- » — »	5,138 » 89 к.

Итого 278,485 р. 43 к.

А за вычетомъ перерасхода расходнаго капит. 1,047 р. 74 к.

Дѣйствительныя средства общества были. 277,437 » 69 »

Съ 1 января по 21 октября поступило въ капиталы:

Неприкосновенный.	100 р. — к.
Именные.	9,150 » 05 »
Расходный.	14,392 » 19 ³ / ₄ »
Ссудный.	1,525 » — »
На счетъ перех. суммъ	2,732 » 44 »

Итого 27,899 р. 68³/₄ к.

За то же время выдано изъ капиталовъ:

Именныхъ.	774 р. — к.
Расходнаго.	20,481 » 48 »
Ссуднаго.	2,105 » — »
Со счета переход. суммъ.	5,208 » 43 »

Итого. 28,549 р. 91 к.

За сямъ остается къ 21 окт. неприкосн. капит. 20,885 р. — к.

» » » » » именныхъ » 257,937 » 59 »

» » » » » ссуднаго » 268 » 40 »

» » » » » переходн. суммъ. 2,662 » 90 »

Итого 281,753 р. 89 к.

А за вычетомъ перерасхода расходнаго капит. 7,137 р. 02¹/₄ к.

» » » » » остается. 274,616 » 87³/₄ »

А вмѣстѣ съ состоящими въ долгахъ по срочн. ссуд. 2,731 р. 60 к.

Всѣ средства общества составлять. 277,347 » 46³/₄ »

И такъ, если вести счетъ по капитал. неприкоснов., именнымъ, расходному и ссудному, то перерасходъ расходнаго капитала на 21 октября будетъ въ 7,137 р. 02¹/₄ к., а всѣ средства общества за вычетомъ не принадлежащихъ ему переходныхъ суммъ составлять 274,685 р. 56³/₄ к.

Но въ дѣйствительности средства общества нѣсколько иныя, а именно:

Въ процентныхъ бумагахъ	279,325 р. — к.
На текущихъ счетахъ и въ кассѣ	6,193 » 94 »
Въ долгахъ по ссудамъ	2,731 » 60 »
	<hr/>
	288,250 р. 54 к.
А за вычетомъ переходныхъ суммъ	2,662 р. 90 к.
	<hr/>
	285,587 р. 64 к.

Т.-е. на 11,000 р. болѣе, чѣмъ по счету капиталовъ общества.

Такое разнорѣчіе происходитъ отъ того, что въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ сего года вышло въ тиражъ, конвертировано и продано принадлежавшихъ обществу 5% и 5½% бумагъ на сумму около 157,000 р., вмѣсто которыхъ приобрѣтено покупкою 4½% бумагъ почти на 51,000 р. и получено по конверсіи 4% на 116,000 руб., а всего 4% и 4½% бумагъ на 167,000 руб.

Отсюда можетъ казаться, что средства общества возросли, на самомъ же дѣлѣ, въ виду пониженія доходности процент. бумагъ, средства эти уменьшились, — изъ-за одной конверсіи восточн. займовъ общество потеряло болѣе 700 р. дохода въ годъ; быть можетъ, эта потеря и будетъ возмѣщена обществу. Комитетъ не безъ надежды на успѣхъ приступилъ къ соотвѣтственному ходатайству; но пониженіе доходовъ отъ усиленныхъ тиражей 5% и 5½% бумагъ во всякомъ случаѣ невознаградимо.

Нынѣшнюю осень исполнилось двадцать пять лѣтъ существованія типографіи товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Изъ скромнаго предпріятія, какимъ оно было вначалѣ, типографія эта, благодаря энергіи И. Н. Кушнера и его сотрудника и сотоварища А. В. Васильева, превратилась въ одно изъ лучшихъ и значительнѣйшихъ предпріятій этого рода въ Россіи. Привѣтствовать руководителей типографіи явились представители изданій, печатающихся въ типографіи товарищества И. Н. Кушнеревъ и К° (*Русская Мысль*, *Вопросы Философіи и Психологіи*, *Артистъ*, *Новости Дня* и друг.), нѣкоторые книгопродавцы-издатели и другія лица. Чтобъ ознаменовать исполнившуюся первую четверть вѣка существованія типографіи, по инициативѣ книгопродавца-издателя г. Прянишникова, предложено основать для рабочихъ типографіи вспомогательный фондъ, въ который и поступило уже болѣе пяти тысячъ рублей. Не можемъ не выразить живѣйшаго сочувствія этой мысли и не пожелать товариществу И. Н. Кушнеревъ и К° въ новое двадцатипятилѣтіе все болѣе и болѣе расширять свою дѣятельность, давать русскому обществу и русскому народу десятки и сотни тысячъ хорошихъ книгъ.

Когда мы сдавали уже это обозрѣніе въ печать, намъ было доставлено слѣдующее интересное сообщеніе: «Предсѣдатель московской губернской управы Д. И. Шиповъ обратился чрезъ президента Императорскаго

московскаго общества сельскаго хозяйства къ состоящему при обществѣ комитету грамотности съ предложеніемъ принять участіе въ занятіяхъ организованнаго управой совѣщанія изъ предводителей дворянства, предсѣдателей уѣздныхъ управъ и инспекторовъ народныхъ училищъ по вопросу о желательныхъ улучшеніяхъ въ постановкѣ народнаго образованія въ губерніи. Предварительными работами состоящей при управѣ комиссіи по тому же вопросу выдвинуть на первый планъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Совѣтъ комитета просилъ принять участіе въ работахъ совѣщанія членовъ комитета проф. А. И. Чупрова, кн. Д. И. Шаховскаго, Д. И. Тихомирова, С. Г. Смирнова и И. Н. Сахарова.

Русское искусство осиротѣло: неожиданно скончался одинъ изъ величайшихъ музыкантовъ нашего вѣка, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Какъ піанистъ, какъ композиторъ, какъ директоръ петербургской консерваторіи, Рубинштейнъ принесъ неоцѣнимыя услуги музыкальному искусству. Высокія качества Антона Григорьевича, какъ человѣка, какъ истиннаго благотворителя, извѣстны немногимъ; но они придаютъ его образу еще болѣе обаятельный характеръ...

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, угол Леонтьевского пер. и Большой Никитской ул., д. № 2 — 24) принимает объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдующей за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь

1894 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Бритика и публицистика.—Философія и психологія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники и изданія для дѣтей.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», сентябрь.—«Вѣстникъ Европы», октябрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», октябрь.—«Русское Обзорѣніе», октябрь III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1894 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Дѣтскія тѣни“. Д. Мамина-Сибиряка.—„Помощь переселенцамъ“. О. В. Всеволодской.

Дѣтскія тѣни. Рассказы Д. Мамина-Сибиряка. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 80 к. Наши беллетристы не разъ затрогивали въ своихъ произведеніяхъ „дѣтскій вопросъ“, тѣсно связанный съ такъ называемымъ „женскимъ вопросомъ“ и, по меньшей мѣрѣ, на столько же важный. Какими бы осложненіями ни запутывались отношенія между мужемъ и женой, всегда такая запутанность создается самими супругами, по ихъ собственной винѣ, или по винѣ одного изъ нихъ, по неосмотрительности или по ошибкѣ, и распутать возникшія осложненія всегда имѣютъ возможность сами же супруги, при извѣстной порядочности и справедливости обоихъ. Иногда для этого достаточно честности и доброты душевной одного изъ нихъ. Но почти всегда большимъ или меньшимъ препятствіемъ къ тому, даже при наличности всѣхъ благопріятныхъ условій, оказывается вопросъ о дѣтяхъ. Какъ бы ни была тяжела и крѣпка цѣпь, связывающая отца съ матерью, она можетъ быть ослаблена, разогнута или разорвана, причемъ она можетъ задѣть чувствительнѣе ту или другую сторону, но уже неизбѣжно задѣваетъ дѣтей настолько больно, что ради дѣтей у многихъ и очень многихъ не хватаетъ духу освободиться отъ гнета такихъ цѣпей. Но, въ большинствѣ случаевъ, дѣтямъ не легче и отъ того, что родители не рѣшаются порвать тяготящихъ ихъ связей. Такъ или иначе все, что есть недобраго или ненормальнаго во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ, отражается на дѣтяхъ очень горькими послѣдствіями, какъ для самихъ дѣтей, такъ и для ихъ родителей. Въ девяти рассказахъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ г. Мамина, авторъ въ различныхъ положеніяхъ представляетъ намъ печальную судьбу дѣтей, поставленныхъ судьбою въ неблагопріятныя условія для правльнаго ихъ физическаго и нравственнаго развитія, и несчастія роди-

телей, расплачивающихся за свои прошлые грѣхи. Однимъ изъ наиболее характерныхъ въ этомъ отношеніи мы считаемъ рассказъ: *Онь*. „Онь“—Петръ Степановичъ вотъ что говоритъ сестрѣ милосердія, сидя въ клиникѣ, гдѣ умираетъ его единственное дитя, Таня: „Это я виновать... да! Понимаете, я!... Развѣ такіе люди могутъ имѣть здоровыхъ дѣтей? Вѣдь, съ ранней юности я жилъ одними нервами. Это была отчаянная скачка за успѣхомъ, за популярностью, за славой. И я добился... Да, добился тогда, когда этотъ успѣхъ уже былъ тяжелъ. Онъ меня даже не радовалъ, потому что и радость была тяжелая. Я могъ только работать для новаго успѣха. Это опасный путь, когда свое личное счастье мѣняется на карьеру“... На вопросъ о матери Тани онъ отвѣчаетъ: „Она за границей. Мы разошлись давно... сдѣлали самое благоразумное, чтобы не отравлять жизнь другъ другу. Я ни въ чемъ не обвиняю жену, потому что причины болѣзни Тани во мнѣ... Если бы вы знали, какъ я безумно тратилъ свои силы! Сколько насъ такихъ талантовъ, изжившихъ свои нервы, сердце, душу—все! Мы все отдаемъ ея величеству публикѣ за чечевичную похлебку популярности, а для себя, для своего личного счастья не оставляемъ ничего. Мы живемъ за счетъ своихъ дѣтей, о которыхъ меньше всего думаемъ, когда даемъ имъ жизнь“... Въ другомъ рассказѣ, озаглавленномъ: *Коробкинъ*, авторъ ставитъ такіе вопросы: „Откуда эти бѣдныя дѣти, жалкія тѣломъ и душой, на которыхъ съ перваго дня рожденія ложится печать какого-то проклятія?... Отчего истинныя дѣти любви, при самой неблагоприятной обстановкѣ, цвѣтутъ, какъ здоровое растеніе?... Да,—заключаетъ авторъ,—природа безжалостна и разоблачаетъ всякую ложь какъ физическую, такъ и душевную“... И, какъ явствуетъ изъ рассказа, возмездіе за житейскую ложь постигаетъ тѣхъ, кто свое личное счастье, взаимную молодую любовь принесъ въ жертву погонѣ за „сытою, обезпеченною жизнью“, за карьерой, за „чиновничьимъ счастьемъ“, оказавшимся „пропитаннымъ скукой и какимъ-то больничнымъ запахомъ“, причемъ „вся жизнь развертывалась, какъ безконечная лента, изъ маленькихъ глупостей, тщеславія, эгоизма и какой-то удручающей лжи“... Жизнь плетется своимъ обычнымъ чередомъ, мѣщански спокойная, удовлетворяетъ всѣ низко эгоистическія требованія безпечальнаго довольства, но лишь до тѣхъ поръ, пока не налетѣло невѣдомо какъ и откуда большое несчастье, пока не захватило человѣка такое огромное горе, какъ потеря единственнаго ребенка. Передъ человѣкомъ встаетъ обычный и страшный вопросъ, вѣрно подслушанный у жизни г. Маминнымъ: „За что?“ Начинается страшная провѣрка самого себя, своего прошлаго, разборъ того, какъ прожита жизнь, и изъ суммы прошлаго получается ужасающій рядъ обвиненій противъ самого себя, не смягчаемыхъ ни однимъ проблескомъ сознанія, что иначе поступать и жить нельзя было. Нѣтъ, была возможность и должно было жизнь свою устроить иначе, былъ случай взять счастье и дать счастье любимой и любящей женщинѣ, и все это потеряно, брошено, „затоптано ногами“, изъ-за тщеславія и эгоизма. Пришло несчастье, обрушилось горе, и человѣкъ оказывается передъ ними одинокимъ, какимъ, въ сущности, онъ и былъ всю жизнь, не замѣчая этого въ своей сытости, въ чиновничьемъ довольствѣ, чисто-физическомъ, безъ проблеска нравственнаго свѣта. Жертва того же себялюбиваго стремленія къ личнымъ удобствамъ и спокойствію, герой рассказа: *Пана*, важный петербургскій чиновникъ Самойловъ, убоявшійся въ молодости женитьбы на любимой дѣвушкѣ потому, что семья помѣшаетъ ему сдѣлать карьеру,

болжно наказанъ тѣмъ, что видитъ тихое счастье доброй семьи, отъ котораго онъ когда-то добровольно отказался и обрекъ себя доживать бобылемъ свой унылый вѣкъ, безъ ласки, безъ привѣта, не извѣдавши сладости обращеннаго къ нему дѣтскаго призыва: „Папа“...

Въ высокой степени мила и интересна „дѣтская тѣнь“ г. Скороходова, — такъ и озаглавленъ рассказъ: *Господинъ Скороходовъ*. Типа Скороходовъ родился здоровымъ, почти крѣпышомъ, и такимъ оставался до трехъ лѣтъ, а потомъ вдругъ началъ хирѣть. „Причинъ болѣзни было много: сырыя квартиры, плохое питаніе, нездоровый воздухъ, — однимъ словомъ, все то, что столица даетъ бѣдному люду. Маленькое дѣтское тѣльце подавало въ отставку, а живая оставалась одна голова“. Съ пяти лѣтъ лишившійся ногъ, мальчикъ жилъ только головою, читалъ, мечталъ и думалъ, сдѣлался однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ дѣтей-старичковъ, которые поражаютъ своимъ необычайнымъ болѣзненнымъ развитіемъ. Надо прочесть этотъ рассказъ, чтобы почувствовать всю его тонкую прелесть, всю его психологическую правдивость, и понять тоску по деревнѣ петербургскаго ребенка, не имѣющаго понятія о лѣсѣ, поляхъ и лугахъ, страстно жаждущаго увидать ихъ, узнавши объ ихъ существованіи отъ деревенскаго мастерового, изнывающаго въ душномъ городѣ. Въ pendantъ къ этому рассказу мы назовемъ другой, *Сусанна Антоновна*, семилѣтня героиня котораго тоже развита со всѣмъ не по годамъ, но развилась въ иной сферѣ, болѣе гибельной нравственно, чѣмъ петербургскіе подвалы вредны физически. Сусанна Антоновна родилась и растетъ въ трупѣ провинціальныхъ актеровъ. Въ семь лѣтъ она доподлинно знаетъ всю и про всѣхъ закулисную подноготную. Въ крошечной головкѣ, въ маленькомъ сердечкѣ дѣвочки живого мѣста не осталось, нѣтъ ни одного закоулочка не загаженнаго. И всѣ, начиная съ папаши, жалкаго комика, и кончая публикой парохода, гдѣ происходитъ дѣйствіе, видятъ въ Сусаннѣ Антоновнѣ настоящае „чудо“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это — „маленькое чудовище“, какъ называетъ ее премьерша труппы, потѣшающаяся отъ скуки диковинною развращенностью ребенка. За человѣка страшно становится, когда авторъ показываетъ такіа „дѣтскія тѣни“, какъ Сусанна Антоновна и маленькій акробатъ, съ которымъ это „чудовище“ разыгрываетъ въ семь лѣтъ свой первый романъ... Въ рассказѣ *Живая совесть* передъ чадолюбивыми и заботливыми родителями горькимъ укоромъ является заморенный ребенокъ кормилицы, бросившей родное дитя для того, чтобы за деньги, сарафаны и бусы отдать свое тѣло на выкормку дочери зажиточныхъ людей. Всѣ рассказы г. Мамина проникнуты глубокимъ, задушевнымъ сочувствіемъ къ дѣтямъ. Не претендуя разрѣшить слишкомъ мудреный и сложный „дѣтскій вопросъ“, авторъ въ тѣхъ его частностяхъ, которыхъ онъ касается, даетъ ему правильное освѣщеніе, иллюстрируемое вполне жизненными картинами, чуждыми какихъ-либо преувеличеній и натяжекъ. Собранныя въ одну книжку эти рассказы производятъ, правда, тяжелое впечатлѣніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и благотворное, такъ какъ ими раскрываются и группируются многіе факты современной жизни, устраненіе которыхъ послужило бы ко благу какъ отдѣльныхъ семействъ, такъ и всего общества. Говорить о живости повѣствованій и объ интересѣ, возбуждаемомъ каждымъ изъ нихъ, считаемъ лишнимъ: симпатичный талантъ г. Мамина — Сибиряка достаточно извѣстенъ русскимъ читателямъ.

Помощь переселенцамъ. Повѣсти и рассказы О. В. Всеволодской. Тобольскъ, 1894 г. Цѣна 1 рубль. (Сборъ съ изданія назна-

чается въ пользу бѣдныхъ дѣтей переселенцевъ). Трудно себѣ представить болѣе несчастное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находятся наши переселенцы во время далекаго пути на новыя мѣста, и въ особенности малолѣтнія дѣти переселенцевъ. Въ первомъ разсказѣ, замѣняющемъ предисловіе, г-жа Всеволодская даетъ маленькую картинку: *Встрѣча съ переселенцами*, которая со всею силой передаетъ читателю глубокое впечатлѣніе, испытанное авторомъ при видѣ жалкихъ дѣтей, гибнущихъ отъ голода и холода. Желаніе г-жи Всеволодской помочь несчастнымъ ребятамъ изданіемъ книжки въ ихъ пользу настолько заслуживаетъ сочувствія, что одна цѣль такого изданія даетъ уже достаточное основаніе обратить на эту книжку вниманіе публики, сказать добрымъ людямъ: „Дайте рубль отъ избытковъ вашихъ, купите книжку, вы этимъ накормите нѣсколькихъ голодныхъ малютокъ, а самую книжку можете и не читать“. И мы убѣждены, что на такой призывъ откликнутся добрыя души, помогутъ великой нуждѣ. Но мы увѣрены также, что всякій, купившій сборникъ г-жи Всеволодской и пожелавшій ознакомиться съ его содержаніемъ, не броситъ книжки, не дочитавши до конца этого ряда небольшихъ повѣстей, написанныхъ просто, безъ претензій, задумчиво и живо, какъ умѣютъ писать умныя и милыя женщины, не мудрствующія лукаво. Обыкновенно, начинающіе писатели предлагаютъ старѣйшимъ собратьямъ по литературѣ вопросъ: „Скажите, есть ли у меня талантъ?“ На этотъ вопросъ въ большинствѣ случаевъ очень трудно дать вполне опредѣленный отвѣтъ. Мы не знаемъ, начинающая ли писательница г-жа Всеволодская, произведеній ея не можемъ припомнить, но еслибъ она обратилась къ намъ съ вышеприведеннымъ вопросомъ, мы ничуть не затруднились бы сказать: „Да, у васъ несомнѣнно есть талантъ, и самая простота вашихъ разсказовъ служитъ тому первымъ доказательствомъ“. Эта простота ничуть не мѣшаетъ автору съ большою тонкостью и ясностью показать очень сложную и мудреную работу человѣческой души въ молоденькой барынкѣ, только что вышедшей замужъ (повѣсть *Не доросла*), въ старикѣ-монахѣ (*Искушенье*), въ сердечной старой дѣвицѣ (*Кукла*), въ пустодушномъ молодомъ человѣкѣ (*Неопытный другъ*)... Это лучшіе разсказы г-жи Всеволодской. По двумъ повѣстямъ изъ народной жизни, *Прася* и *Изъ сельской хроники*, видно, что г-жа Всеволодская хорошо знакома съ деревней, съ крестьянскимъ бытомъ, умѣетъ найти въ немъ настоящіе драматическіе сюжеты и передать ихъ правдиво, безъ сантиментальности и безъ ненужныхъ ни на что жалобныхъ причитаній, къ которымъ весьма склонны русскіе сочинители повѣстей изъ крестьянскаго быта. Книжка издана очень тщательно и красиво.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Николай Васильевичъ Гоголь и его переписка съ друзьями“. П. А. Матѣева. — „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. Гр. А. Джаншидзе. — „Ростовщичество-кулачество“. Г. П. Сазонова.

Николай Васильевичъ Гоголь и его переписка съ друзьями. Историко-литературный очеркъ П. А. Матѣева. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Русское общество справедливо можно упрекнуть въ томъ, что оно мало знаетъ своихъ писателей, мало изучаетъ ихъ. Обширную критическую или біографическую литературой не могутъ похвалиться даже наши лучшіе писатели. Тѣмъ болѣе поэтому интересно появленіе

всякаго труда, посвященнаго изученію ихъ личности или произведеній. Гоголь также ждетъ еще своей очереди; основаніе серьезному изученію его личности и произведеній положено трудами Н. С. Тихонравова и библиографическими матеріалами, надъ которыми продолжаетъ еще работать г. Шенрокъ.

Послѣдніе годы автора—*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*, равно какъ и оцѣнка этого произведенія—наиболѣе трудные вопросы при изученіи Гоголя. Исслѣдованіе ихъ взялъ на себя г. Матвѣевъ. Авторъ полагаетъ, что до сихъ поръ литература о Гоголѣ отличалась путаницей и полемическимъ характеромъ, и обѣщаетъ дать безпристрастную характеристику личности великаго писателя, а также исторію и оцѣнку его *Переписки*. Нужно отдать справедливость автору, онъ обнаруживаетъ довольно широкое знакомство съ разнообразнымъ матеріаломъ біографическимъ и историческимъ, что собственно и составляетъ цѣнную сторону книжки, но его собственные соображенія и умозаключенія, въ особенности въ оцѣнкѣ *Переписки*, оставляютъ желать многого, въ томъ числѣ и общаго безпристрастія.

Внутренняя жизнь Гоголя естественнымъ путемъ привела его къ высокому состоянію духа, выразившемуся въ *Перепискѣ*; это произведеніе великаго духа настолько опередило свое время, что его не поняли и отнесли къ нему отрицательно. Вотъ въ короткихъ словахъ главныя положенія книги. Что въ ходѣ развитія міросозерцанія Гоголя не было внезапнаго перелома, это—уже не новость, а вотъ мнѣніе автора о высококомъ значеніи *Переписки* идетъ въ разрѣзъ съ установившимся въ литературѣ мнѣніемъ.

Доказательства автора не особенно замысловаты. Прежде всего, люди сороковыхъ (досталось и шестидесятымъ) годовъ съ ихъ предвзятыми взглядами не могли понять достоинствъ *Переписки*, авторъ которой стоялъ внѣ всякихъ партій. Вообще, сороковые годы,—жалуется г. Матвѣевъ,—являются довольно смутнымъ временемъ въ исторіи нашего сознанія. Литература тогда получила оттѣнокъ социально-политической пропаганды, въ ушахъ и сердцахъ молодежи „упразднялись вѣрованія и убѣжденія, вынесенныя изъ семейнаго быта“ (г. Матвѣевъ, къ сожалѣнію, не говоритъ, каковы были эти вѣрованія и убѣжденія). Новыя доктрины подрывали основы общественнаго строя—религію, семью, собственность, патриотизмъ. Западники, вродѣ Герцена и Бѣлинскаго, желали „замѣнить христіанство, съ его ученіемъ о достоинствѣ и доблести воздержанія, религіею человѣческаго тѣла съ культомъ удовлетворенія плотскихъ вожделѣній“?!

Вотъ какіе, читатель, это были страшные годы! Немудрено, что Гоголя при его жизни только и могли, какъ слѣдуетъ, понять монахи изъ Оптиной пустыни (стр. 10) и что книга, которая звала на путь нравственнаго и духовнаго усовершенствованія, „значительно опередила свое время“; полная глубокой религіозности, она нужна была обществу, указывая ему надежную пристань отъ обуревавшихъ его „сомнѣній и лжеумствованій“.

Мы увидимъ далѣе, опередила ли книга свое время, а пока лишь замѣтимъ, что путь, указанный Гоголемъ, былъ не новъ и что до Гоголя была извѣстна важность духовнаго и нравственнаго совершенствованія природы человѣка. Между прочимъ, и самъ авторъ, рассказывая о впечатлѣніи, произведенномъ *Перепиской* на современниковъ, признаетъ, что не только западники, но и славянофилы (да еще такіе, какъ Аксаковы и К. Кирѣевскій) отнесли отрицательно къ книгѣ

Гоголя; но онъ обходитъ этотъ вопросъ, объясняя мимоходомъ такое отношеніе отчасти недоразумѣніемъ, отчасти увлеченіемъ господствовавшимъ духомъ времени. Что касается выясненія исторіи происхожденія *Переписки*, то это наиболѣе удачная часть книги; авторъ разслѣдуетъ здѣсь вопросъ довольно обстоятельно и добросовѣстно, хотя психологическій анализъ у него не вездѣ отличается ясностью и совершенно, повидимому, игнорируется связь между физическою болѣзью Гоголя и его душевнымъ настроеніемъ.

Далѣе, г. Матвѣевъ переходитъ къ аналогіи самой книги Гоголя; но здѣсь онъ почему-то забываетъ, на какую высоту поставилъ *Переписку* Гоголя въ началѣ, и ограничивается лишь защитой слабыхъ мѣстъ книги, которыхъ оказывается довольно много. Но и это удается ему не вездѣ. Не удастся, прежде всего, доказать, что нравственные идеалы, выраженные въ *Перепискѣ*, были необыкновенно высоки, что въ блескѣ ихъ меркнуло все проходящее, всѣ тѣ идеи, которыми жили хотя бы люди сороковыхъ годовъ. Вопреки выраженному раньше мнѣнію автора, что Гоголь „весьма мало придавалъ значенія внѣшнимъ формамъ политической жизни“, *Переписка* обнаруживаетъ, напротивъ, чрезвычайно неравнодушное отношеніе автора ея къ бюрократизму, его глубокую вѣру въ значеніе секретарей, его убѣжденіе въ растлѣніи Европы, гдѣ уже начинаютъ править „швей, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остались въ сторонѣ“. Объясняя письмо—*Женщина съ свѣтъ*, самъ г. Матвѣевъ соглашается признать въ ней „нѣкоторую односторонность“, хотя пользуется случаемъ уколоть шестидесятниковъ, замѣчая: „Пропагандисты новѣйшей морали шестидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, весьма просто разрѣшали вопросъ, занимавшій Гоголя: по ихъ мнѣнію, жена должна была бросить мужа, поступить на какіе-нибудь курсы, заняться акушерствомъ, театромъ или переплетнымъ мастерствомъ, или какою-нибудь модною наукой, съ поѣздкой за границу въ Цюрихъ или другое мѣсто, изъ наиболѣе пригодныхъ для усвоенія прогрессивныхъ идей“. Такими остроумными словесами авторъ хочетъ подкрѣпить защиту *Переписки*. Еще слабѣе защита извѣстнаго письма: *Русскій помѣщикъ*,—и г. Матвѣевъ дѣлаетъ здѣсь еще болѣе уступокъ, соглашаясь, что „можно, конечно, оспаривать и отвергать удобосполнимость совѣтовъ, можно говорить объ ихъ неудачной формѣ“ и даже „усумниться въ практической компетентности Гоголя“ и, все-таки, можно удивляться вызванному имъ (письмомъ) негодованію“. Для вящей убѣдительности предполагается, что и новѣйшее ученіе Л. Толстого о необходимости ручного труда едва ли не ведетъ свое начало отъ этого письма.

Въ довершеніе всего г. Матвѣевъ умилился взглядомъ Гоголя на русское дворянство (въ письмѣ: *Занимающему важное мѣсто*). „Открытая въ недавнее время,—говоритъ онъ (стр. 106),—нашему дворянству дѣятельность на трудномъ поприщѣ мѣстнаго управленія вполне соотвѣтствуетъ взглядамъ Гоголя на призваніе дворянства нести общественную и земскую службу на мѣстахъ, посвятивъ себя служенію общественной правды и порядка“ (неужели скромный намекъ на земскихъ начальниковъ?). Въ концѣ-концовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ *Перепискѣ* Гоголя вовсе нѣтъ тѣхъ позорныхъ страницъ, о которыхъ такъ жестоко и зло отзывалась критика. Мы думаемъ, что авторъ напрасно потратилъ столько пыла для такихъ скромныхъ результатовъ. Что *Переписка* Гоголя не имѣетъ въ себѣ ничего „позорнаго“, какъ не имѣетъ его вообще всякая искренняя, хотя бы

и очень неудачная, попытка найти путь къ правдѣ, съ этимъ мы, пожалуй, еще можемъ согласиться. Но что она „опередила свое время“ и что въ ней заключены какіе-то перлы высокихъ истинъ, съ этимъ, кажется, и самъ г. Матвѣевъ, въ концѣ-концовъ, какъ будто стѣсняется согласиться. Разносить же критиковъ 40-хъ и 60-хъ годовъ въ отместку за Гоголя совсѣмъ ужъ было лишнее. Бѣлинскому-то, вѣдь, можно извинить нѣкоторую страстность въ отношеніи къ Гоголю, своему современнику, а вотъ г. Матвѣеву ужъ нельзя извинить осужденіе Бѣлинскаго, яко бы пытавшагося „замѣнить христіанство культомъ удовлетворенія плотскихъ вожделѣній“.

А, между тѣмъ, книжка не лишена достоинствъ; она содержитъ въ себѣ не мало интереснаго матеріала и могла бы ближе ознакомить общество съ личностью великаго писателя, если бы г. Матвѣевъ былъ скромнѣе во взятой на себя задачѣ.

А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Гр. Джаншѣева. Изданіе съ благотворительною цѣлью. М., 1894 г. Русское общество отличается слабымъ развитіемъ преемственности идей, задачъ и стремленій. Старые дѣятели сходятъ мало-по-малу со сцены, иногда оставаясь даже неизвѣстными новому нарастающему поколѣнію. Нерѣдко забываются заслуги лучшихъ людей, проходятъ какъ будто безслѣдно цѣлыя эпохи начинающейся новой жизни.

Одинъ изъ ветерановъ, имѣвшихъ нѣкогда выдающееся значеніе въ эпоху освобожденія крестьянъ, А. М. Унковскій, теперь почти позабытъ, а, между тѣмъ, личность эта даетъ такъ много свѣтлага, чарующаго, такъ много поучительнаго для нашего времени, что нельзя не порадоваться появленію историко-біографическаго очерка, написаннаго г. Джаншѣевымъ и посвященнаго памяти Унковскаго. Всѣ факты его жизни рисуютъ намъ въ высшей степени правдивую, скромную и, въ то же время, отзвучивую натуру знаменитаго дѣятеля, имя котораго одно время пользовалось извѣстностью не только у насъ, но и за границей. До самаго конца жизни не покидала этого человѣка вѣра въ идеалы, въ животворящую силу свободы и просвѣщенія, въ воспитательное значеніе свободныхъ учреждений и въ нравственныя и культурныя силы русскаго народа. Выросшій въ средѣ крѣпостного богатства, получивъ воспитаніе въ лицѣ и тогдашнемъ университетѣ, Ал. Мих. не остался приверженцемъ стараго порядка а съумѣлъ развить въ себѣ гуманные идеалы и проводилъ ихъ неуклонно въ жизнь съ самаго начала, какъ только ему пришлось столкнуться съ дѣйствительностью, въ качествѣ владѣльца крѣпостныхъ душъ. Въ царствованіе Александра II повѣяло новымъ духомъ. Около этого времени Унковскій былъ выбранъ предводителемъ тверскаго дворянства. Роль его въ эпоху освобожденія крестьянъ была громадна. Унковскій былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ работниковъ на этой почвѣ. Онъ участвуетъ въ комиссіи по освобожденію крестьянъ, совмѣстно съ А. А. Головачевымъ, разрабатываетъ проектъ надѣленія крестьянъ землею, обсуждаетъ систему самоуправленія и выступаетъ поборникомъ гласнаго суда. Долго работать, впрочемъ, не пришлось: за прошеніе, поданное государю въ 1859 г. 154 дворянами съ подписью Унковскаго, онъ былъ удаленъ отъ должности предводителя дворянства, а затѣмъ былъ сосланъ въ Вятку. По возвращеніи изъ ссылки въ Москву, онъ занялся веденіемъ крестьянскихъ дѣлъ, но черезъ нѣкоторое время и это было запрещено министромъ Валуевымъ. Тогда онъ выступилъ на журнальномъ поприщѣ, а затѣмъ присоединился къ

петербургской адвокатурѣ, гдѣ выдвинулся значительно благодаря талантливому и добросовѣстному веденію гражданскихъ дѣлъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе интересной книги г. Джаншјева; къ ней приложены докладная записка, поданная государю Унковскимъ въ 1857 году, два портрета его и нѣкоторыя изъ журнальныхъ статей.

Ростовничество-кулачество. Наблюденія и изслѣдованія. Г. П. Сазонова. Спб., 1894 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Книга г. Сазонова посвящена изслѣдованію одного изъ крайне тяжелыхъ явленій нашей народо-хозяйственной жизни. Трудъ г. Сазонова—не сухой спеціальныи трактатъ, уснащенный подавляющимъ количествомъ цифръ, выкладокъ и проч. Это—рядъ очерковъ, вышедшихъ изъ-подъ пера непосредственнаго вдумчиваго наблюдателя, рядъ картинъ, прямо выхваченныхъ изъ жизни, мѣстами полныхъ глубокаго драматизма. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, это не мимолетныя впечатлѣнія случайнаго наблюдателя, а продуманное и добросовѣстное разслѣдованіе вопроса, который изучается въ его непосредственной жизненной, реальной обстановкѣ.

Заглавія отдѣловъ книги: *Кулакъ въ артели, Рабство свободнаго труда, Пореформенное крѣпостничество*,—показываютъ, какихъ сторонъ вопроса касается авторъ. *Кулакъ въ артели*—это, прежде всего, рядъ живыхъ, схваченныхъ прямо съ натуры сценъ и картинъ, выраженныхъ зачастую въ беллетристической формѣ: передъ читателемъ проходятъ въ яркихъ образахъ и крючники съ ихъ нечеловѣчески-тяжелымъ трудомъ, и тысячи рабочихъ на нижегородской ярмаркѣ, и рыболовная артель, и артель землекоповъ,—и вездѣ въ центрѣ картины, на ея мрачномъ фонѣ, рѣзко обрисовывается кулакъ съ его типическими чертами. Просто не вѣрится, когда читаешь о той страшной эксплуатаціи, въ какой сплошь и рядомъ находятся у кулаковъ артели; но непосредственные живые факты, приводимые авторомъ, подтверждаютъ эту ужасную истину. Почти всѣ рабочія артели находятся въ зависимости отъ кулаковъ, частью потому, что артель лишена возможности, помимо рядчика, получить работу, частью потому, что, задолжавшись у него раньше, обязана быть у него въ работѣ. Приведемъ примѣръ такой эксплуатаціи: подрядчикъ получаетъ отъ 7—10 р. за разгрузку тысячи пудовъ, а платитъ артели 3—3½ р., а иногда, какъ, наприм., наблюдалъ авторъ въ Рыбинскѣ, артели платитъ отъ 1½—2½ р., т.-е. $\frac{2}{3}$ идетъ кулаку, а $\frac{1}{3}$ —артели. И это даже не преувеличенный расчетъ. Представивъ рядъ картинъ чудовищной эксплуатаціи артелей, авторъ въ заключеніе останавливается надъ вопросомъ о кулачествѣ. По его мнѣнію, кулачество—продуктъ новой „пореформенной жизни; оно растетъ, а съ нимъ растетъ и бѣдность народная“. Задаваясь вопросомъ, почему артель всегда попадаетъ въ руки кулаку, авторъ отвѣчаетъ: „Передъ нами два представителя противоположныхъ началъ. Кулакъ—хитрый, пронырливый—влазитъ въ довѣріе къ крупному капиталисту, умѣетъ иногда поставить себя такъ, что послѣдній неловко чувствуетъ себя безъ него. Алчность, хищническіе инстинкты въ немъ непомерно развиты. Онъ—владѣлецъ сотенъ душъ, „по закону“ закабалившихся къ нему подъ напоромъ голода. Съ другой стороны, сильная духомъ, могучая солидарностью товарищей, но голодная, незащитная, забитая артель. Ей не довѣряетъ капиталистъ, косо смотритъ на нее начальникъ. Фонъ этой лаконической картинки: бездѣятельность, преступная апатія интеллигенціи, недовѣріе къ народу, невниманіе къ нуждамъ рабочаго, благопріятная для кулаковъ эконо-

мическая политика правительства. Нетрудно понять, на чьей сторонѣ при подобныхъ условіяхъ останется побѣда“ (стр. 79).

Съ другой стороны, кромѣ народной бѣдности, тутъ дѣйствуетъ особая тенденція нашего капитализма—насажденіе, созданіе крупнымъ капиталомъ отъ себя посредниковъ-рядчиковъ—кулаковъ. Авторъ—сторонникъ той мысли, что капитализмъ у насъ невозможенъ. „Но,—замѣчаетъ онъ,—у насъ возможно нѣчто худшее: у насъ вполне возможно надвигающійся со всѣхъ сторонъ экономически-кулацкій строй, разоряющій экономически и развращающій нравственно народъ“. Заканчивая вопросомъ о выходѣ изъ этого положенія, г. Сазоновъ думаетъ, что, въ виду сильнаго развитія кулачества, правительство является единственною силой, которая могла бы разрѣшить этотъ вопросъ. Но и здѣсь автора ждетъ сомнѣніе: исторія, по его мнѣнію, учитъ насъ, что правительство часто опаздываетъ, что оно не сознаетъ всего ужаса положенія.

Если первый очеркъ даетъ намъ мрачную картину эксплуатаціи артельного труда, то два остальные (*Рабство свободнаго труда* и *Порочно-форменное крѣпостничество*) еще болѣе рѣзкими чертами изображаютъ намъ невѣроятное развитіе кулацкаго хищничества въ крестьянской земледѣльческой средѣ. Картины вопіющей бѣдности народной и стонъ этой бѣдноты, подъ пятой кулака, поистинѣ захватывающей силы. Авторъ производилъ изслѣдованіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской губерніи, гдѣ онъ знакомился съ дѣятельностью Гребеневского ссудо-сберегательнаго товарищества и на мѣстѣ изучилъ всевозможные способы кулацкаго закрѣпощенія. Способы эти многочисленны и болѣею частью очень беззастѣнчивы. Проценты ссудъ прямо баснословны: за 10—15 руб. ростъ 40—50 руб. Грабительская циничная система рассчитана такъ, чтобы сдѣлать должника неоплатнымъ, и для этого кулакъ не останавливается ни передъ чѣмъ; въ большомъ употребленіи, напримѣръ, предъявленіе кулакомъ старыхъ векселей, уже уплаченныхъ (подобныя дѣйствія у автора подтверждены документально). Бываютъ даже случаи, когда кулакъ беретъ вексель, а денегъ не даетъ, и потомъ взыскиваетъ по векселю. Еще одинъ способъ—посредничество кулаковъ въ покупкѣ земли для крестьянъ, гдѣ, напримѣръ, возможенъ такой фактъ, что ростовщикъ на 8,000 руб. получилъ за 12 лѣтъ процентовъ 24,000 руб. Понятно, что задолженность населенія растетъ страшно. Сдѣлавъ довольно точный расчетъ по изслѣдуемому уѣзду, авторъ пришелъ къ выводу, что „сборы ростовщиковъ превышаютъ государственные 30,5%, или ростовщики обложили народъ окладомъ въ 3 раза большимъ, чѣмъ государство“.

Но одинъ изъ самыхъ страшныхъ способовъ кулацкаго хищничества, это—захватываніе земли крестьянъ и закрѣпощеніе ихъ этимъ путемъ. По этому вопросу въ книгѣ приводится нѣсколько интереснѣйшихъ примѣровъ. Наконецъ, авторъ прекрасно очертилъ, какъ общій типъ кулака, этого „завоевателя, этого баскака XIX в.“, такъ и нѣсколько экземпляровъ, лично ему извѣстныхъ. Эта страшная гангрена на народномъ организмѣ, несущая за собой не только разореніе крестьянина, но и нравственное его паденіе. Авторъ заканчиваетъ указаніемъ на громадность опасности этого факта. „Разрушается не только экономическое положеніе,—въ корнѣ подтачивается семья, уничтожается нравственность народная, падаетъ религіозное чувство, поругается основа общества—собственность, теряется уваженіе и авторитетъ власти, вносятся въ народъ злоба и раздраженіе. Страшенъ народъ, въ

которомъ вытравлены всѣ высшія чувства и замѣнены какимъ-то тупымъ озвѣрѣніемъ“.

Таково содержаніе этихъ живыхъ, часто полныхъ захватывающаго интереса очерковъ, въ которыхъ, при этомъ, вездѣ говорить еще благородное негодующее чувство автора.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Основная задача теоріи познанія“. Э. фонъ-Гартмана. — „Опытъ общей психологіи“. Ш. Ринге.

Основная задача теоріи познанія. (Das Grundproblem der Erkenntnisstheorie). Э. фонъ-Гартманъ. Весьма популярный у насъ нѣмецкій философъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ выступилъ съ новою работою, очень остроумной въ своей критической части.

Читателямъ извѣстно, конечно, что каждая цѣльная система философіи должна включать и, такъ называемую, „теорію познанія“, т.-е. изложеніе и доказательство тѣхъ основныхъ началъ, руководить которыми авторъ считаетъ достовѣрной или наиболѣе достовѣрной не только свою философскую систему, но и самые приемы своего изслѣдованія, свои критеріи достовѣрности. При этомъ, конечно, каждая теорія познанія содержитъ въ себѣ нѣкотораго рода критику иныхъ критеріевъ достовѣрности, т.-е. другихъ теорій познанія.

Съ этой критики и начинается Гартманъ. Онъ находитъ три основныхъ точки зрѣнія въ существующихъ до сихъ поръ теоріяхъ этого рода: 1) *наивный реализмъ*, который полагаетъ, что мы воспринимаемъ отъ міра не одно лишь дѣйствіе предметовъ на насъ, но самые эти предметы, при этомъ, все то, что мы воспринимаемъ у вещей, дѣйствительно у нихъ есть такъ, какъ мы воспринимаемъ. Поэтому и причинная связь между явленіями, по теоріямъ наивные реализмы, присуща самимъ объектамъ и также воспринимается нами отъ нихъ и т. дал.

2) *Трансцендентальный идеализмъ*, раздѣляющійся на двѣ вѣтви: а) идеализмъ послѣдовательный и б) идеализмъ непослѣдовательный. Первый изъ нихъ, опираясь на тотъ фактъ, что мы ничего не можемъ знать о вещахъ въ томъ состояніи ихъ, какое онѣ имѣютъ не въ нашемъ познаніи, а *сами въ себѣ*, отрицаетъ самую возможность существованія вещей *въ самихъ въ себѣ*. Второй, непослѣдовательный, признаетъ *вещи въ себѣ* неоспоримо существующими, но утверждаетъ, что этотъ міръ, такъ называемый *трансцендентный*, не можетъ подлежать нашимъ понятіямъ о пространствѣ и времени, и не доступенъ логическимъ формамъ нашей мысли.

3) *Трансцендентальный реализмъ* представляетъ дуалистическую теорію познанія. Въ теоріи познанія мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ и объектомъ, идеальнымъ и реальнымъ. Трансцендентальный реализмъ раздѣляетъ *чистый* опытъ отъ его *умственныхъ примѣсей*, т.-е. отъ того, что работа нашей мысли и формы нашей умственной дѣятельности присоединяются къ нему. Но въ силу-то этого раздѣленія, такой реализмъ видитъ въ подобномъ *чистомъ* опытѣ указанія на свойства *вещей въ себѣ*. Иными словами, онъ признаетъ какъ бы два міра: одинъ міръ *вещей въ себѣ*, т.-е. трансцендентный и дѣйствительно существующій реальный, другой—нашъ, т.-е. міръ, какъ онъ является намъ, окрашенный нашею субъективностью, а потому идеальный. Онъ

соотвѣтствуетъ, конечно, міру трансцендентному (міру *въ себѣ* или реально-существующему), потому что содержаніе и перемѣны этого нашего, феноменальнаго міра опредѣляются физическими вліяніями на насъ (на сознательный субъектъ) *міра въ себѣ*. Такимъ образомъ, хотя мы воспринимаемъ только продукты дѣятельности нашей души, а не ту трансцендентную причину, которая вызвала ихъ, исходя отъ міра въ себѣ, но мы, въ силу логической необходимости, составляющей глубокой инстинктъ истины, обязаны мыслить трансцендентную причину возникающаго въ насъ представленія о феноменальномъ мірѣ; мы должны понимать, далѣе, эту причину, какъ вещь въ себѣ, къ которой мы и относимъ тотъ предметъ, который вызвалъ наше представленіе.

Гартманъ стоитъ на сторонѣ этого послѣдняго взгляда, находя, что только онъ согласуется съ современною, естественно-научною концепціей міра. Онъ даже можетъ войти въ научное міросозерпаніе, какъ система гипотезъ. Будучи въ научномъ смыслѣ только гипотезой, онъ основываетъ свое право на томъ, что представляетъ собою постулатъ наукъ естественныхъ, а въ то же время и чувственнаго, индуктивнаго сознанія вообще. Но онъ же является, по воззрѣнію Гартмана, постулатомъ моральнаго и религіознаго сознанія.

Такихъ правъ не имѣютъ точки зрѣнія, изложенныя въ началѣ: такъ наивный реализмъ противорѣчитъ выводамъ физиологіи, которая учитъ насъ, что мы воспринимаемъ вовсе не самыя вещи и даже не дѣйствія ихъ на насъ, а только колебанія частицъ нашего мозга, которыя и вызываютъ реакцію психическую, въ формѣ ощущеній: но ощущенія настолько же не объекты внѣшніе, какъ и тѣ колебанія молекулъ, которымъ они соотвѣтствуютъ. Отсюда уже ясно, что, не воспринимая объектовъ, мы не можемъ воспринимать *вещей въ себѣ* или ихъ причинности, (исключая пространства и времени, т.-е. положенія и движенія). Тотъ міръ, который мнѣ извѣстенъ непосредственно, есть міръ субъективно-феноменальный, построенный при помощи моихъ ощущеній и умственныхъ функцій, какъ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ. Опытнымъ путемъ нельзя опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли моя психическая реакція (ощущенія и мысль) *вещи въ себѣ*. Опытнымъ путемъ нельзя даже рѣшить, существуетъ ли другой міръ—реальный, трансцендентный (міръ въ себѣ). Мы уже видѣли, что это рѣшеніе дается только логическимъ инстинктомъ, а его Гартманъ производить отъ генетическаго процесса самой мысли, которая постепенно приближалась къ реальному трансцендентному міру.

Что касается трансцендентальнаго идеализма въ его двухъ видахъ, то они не выдерживаютъ критики: послѣдовательный идеализмъ говоритъ, что если мы пытаемся мыслить что-нибудь, превосходящее сферу нашего сознанія, а, слѣдовательно, не входящее въ его содержимое, то это стремленіе безуспѣшно, пока продолжается условіе, поставленное объекту—быть необходимо внѣ сознанія, чтобы быть понятнымъ мыслью. Въ тотъ моментъ, когда это стремленіе кажется удающимся, мысль входитъ въ сферу сознанія, и я уже мыслю не *вещь въ себѣ*, а мою собственную мысль. Отсюда-то и слѣдуетъ выводъ послѣдовательнаго трансцендентальнаго идеализма, что, такъ какъ *вещей въ себѣ* мы не можемъ мыслить, то ихъ и быть не можетъ.

И доказательство это было бы неоспоримо, если бы можно было доказать, что наше сознаніе и *вещь въ себѣ* разнородны. Но такое утвержденіе заключаетъ въ себѣ *petitio principii*. Конечно, непосредствен-

ный опытъ ничего не говоритъ намъ объ однородности нашего сознанія съ *вещью въ себѣ*, но это даетъ намъ только право *сомнѣваться* (скептицизмъ), а не *отрицать* такую однородность, что уже будетъ *отрицательнымъ догматизмомъ*. Такой догматизмъ требовалъ бы предвѣдѣтельнаго знанія *вещи въ себѣ*, отъ которой эта точка зрѣнія открещивается. Ошибка этого идеализма состоитъ, прежде всего, въ томъ, что, считая простою игрою воображенія всякое стремленіе выйти за предѣлы опыта, онъ, тѣмъ самымъ полагаетъ, что существуетъ какой-либо опытъ безъ мысли и кака-либо мысль безъ опыта. А это—нелѣпость. Вообще ложное примѣненіе закона „исключеннаго третьяго“ вездѣ играетъ съ идеализмомъ неприятныя шутки: такъ, время и пространство онъ считаетъ или только свойствомъ вещи въ себѣ, или только логическою формою мысли. Но вполнѣ возможно третье положеніе, что они одновременно и свойства *вещи въ себѣ*, и формы мысли.

Къ чему же приходитъ послѣдовательный трансцендентальный идеализмъ, отрицая, *вещи въ себѣ*? Вѣдь, отсюда слѣдуетъ, что наше представленіе о мірѣ ничѣмъ не вызвано, т.-е. равносильно сновидѣнію. Это вывороченный на изнанку наивный реализмъ: тотъ свои воспріятія считаетъ самыми вещами; этого ничего не хочетъ признавать, кромѣ самихъ воспріятій, считая вещи не существующими.

Непослѣдовательный идеализмъ хотя и признаетъ *вещи въ себѣ*, но, считая, что онѣ не могутъ стать ни въ какое отношеніе къ мысли, дѣлаетъ ихъ *ничѣмъ*. Чтобы придти къ исповѣдуемому Гартманомъ трансцендентальному реализму, непослѣдовательный идеализмъ прошелъ четыре стадіи: 1) допущеніе существованія *вещей въ себѣ*, 2) признаваніе трансцендентной причинности 3 и 4) приписываніе пространства и времени *вещи въ себѣ*.

Очень интересную критику даетъ Гартманъ тремъ формамъ непослѣдовательнаго идеализма—*солитизму* (признающему вещами въ себѣ только „я“), *анти-матеріальному спиритуализму* и *монадологіи*.

Но изложеніе этой критики заняло бы у насъ много мѣста. Главный упрекъ, дѣлаемый Гартманомъ этимъ точкамъ зрѣнія, состоитъ въ томъ, что, стремясь избѣжать трансцендентной причинности (т.-е. воздѣйствія на нашу мысль вещи въ себѣ), онѣ допускаютъ, такъ называемыя, случайныя причины и предустановленную гармонію, не выдерживающія критики.

Намъ кажется, что авторъ напрасно считаетъ трансцендентальный реализмъ только научною гипотезою. Развѣ физика, говоря, что ощущенію свѣта соответствуютъ колебанія эфирныхъ атомовъ, не утверждаетъ тѣмъ самымъ, что, кромѣ нашего субъективнаго ощущенія свѣта, есть что-то объективно существующее и совершенно непохожее на наше ощущеніе? Гипотеза физики состоитъ только въ томъ, что это—колебанія частицъ ээира. И каждый философски образованный физикъ знаетъ, что это гипотеза, какъ и вообще атомистическая теорія не только въ физикѣ, но и въ химіи. Но отсюда ясно, что гипотезою является только *та форма, въ какую физика или химія облачаютъ вещь въ себѣ*, для удобства изслѣдованія. Но существованіе *чего-то*, не похожаго на наши ощущенія, а, стало бытъ, и міра *въ себѣ*, не похожаго на нашъ *феноменальный міръ*,—наука признаетъ не въ качествѣ гипотезы, а въ качествѣ аксіомы или постулата, не требующаго доказательствъ, хотя въ то же время и вполнѣ доказаннаго съ научной точки зрѣнія тѣмъ, что всѣ явленія, какъ они нами чувствуются (свѣтъ, звукъ, нервная сила) при научномъ изслѣдованіи

вездѣ оказываются не тѣмъ, чѣмъ они *намъ субъективно* являются. Такимъ образомъ, существованіе „вещи въ себѣ“, бывшее для философовъ гипотезой (а для иныхъ аксіомой) въ наукѣ является доказанной истиной, независимо отъ формы, въ какую наука облачаетъ эту вещь въ себѣ.

Опытъ общей психологіи. Популярное пособие при изученіи психологіи. Шарля Рише. Пер. Н. Федоровой. Спб., 1895 г. Ц. 80 к. Эта небольшая книга (216 стр.) вводитъ читателя въ кругъ тѣхъ общихъ и основныхъ положеній, которыя составляютъ основаніе при серьезномъ изученіи психологіи. Рише, строгій сторонникъ экспериментальнаго метода и совершенно не выдѣляетъ чисто-психическаго начала. Непосредственная зависимость интеллектуальныхъ явленій отъ физиологическаго состоянія нервной системы—таково основное положеніе книги. Поэтому физиологическій отдѣлъ книги, какъ, наприм., главы о нервной системѣ и особенно о рефлексивныхъ движеніяхъ, разработаны хорошо. Явленія же собственно психической жизни, какъ-то: память, идея, воля, разработаны слабѣе; главы, касающіяся этихъ вопросовъ, очень коротки и заключаютъ себѣ лишь элементарныя положенія. Въ общемъ книга, написанная очень популярно и ясно, дѣйствительно можетъ служить полезнымъ пособиемъ при изученіи психологіи, являясь весьма доступной для большой массы читателей, какъ по содержанію, такъ и по цѣнѣ. Можно пожелать только лучшаго перевода, чѣмъ этотъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь“. М. И. Туганъ-Барановскаго. — „Протекціонизмъ или теорія происхожденія богатства отъ непроеводительнаго труда“. Проф. В. Соммера. — „Статистическій очеркъ С.-Петербурга“. В. И. Покровскаго.

Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь. М. И. Туганъ-Барановскаго. Съ приложеніемъ 12 диаграммъ. Спб., 1894 г. Цѣна 2 руб. „Настоящая книга посвящена описанію и изслѣдованію характерной болѣзни капиталистическаго строя—промышленныхъ кризисовъ“. Такъ опредѣляетъ авторъ предметъ своей книги въ предисловіи къ ней, но изъ дальнѣйшихъ мѣстъ послѣдняго, а также и изъ введенія, мы узнаемъ, что задача автора шире. Его работа должна содѣйствовать разрѣшенію вопроса: „въ чемъ заключаются специфическіе законы развитія капиталистическаго хозяйства, свойственные именно этой социальной формѣ, въ отличіе отъ всякой другой?“ Сообразно этому послѣднему указанію, книга автора общаетъ больше, чѣмъ говоритъ ея заглавіе, но знакомство съ книгой не оправдываетъ такого ожиданія и оставляетъ впечатлѣніе, что книга даетъ очень обстоятельное и хорошо выполненное описаніе промышленныхъ кризисовъ, происходившихъ въ Англіи въ теченіе настоящаго столѣтія, пытается выяснитъ причины ихъ и указать вліяніе на благосостояніе населенія,—все это въ первой части, заключающейся несомнѣнно крупными достоинствами. Вторая часть заключаетъ въ себѣ теорію рынковъ и теорію кризисовъ, причѣмъ авторъ довольно точно и полно излагаетъ теоріи другихъ писателей и пытается построить собственные. При этомъ, однако, вторая часть не стоитъ ни въ какой связи съ первой и представляется

какъ бы совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ, — настолько самостоятельнымъ, что нѣкоторыя положенія второй части стоятъ въ противорѣчій къ тѣмъ, что развиваются въ первой части. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой части авторъ неоднократно стремится утвердить заключеніе, что положеніе рабочихъ классовъ, начиная съ установленія свободной торговли въ Англіи, улучшается, а изъ второй части мы узнаемъ, что „чередованіе эпохъ промышленнаго оживленія и застоя въ капиталистическомъ хозяйствѣ зависитъ отъ непрерывности накопленія капитала и невозможности такого же непрерывнаго расширенія производства“. И такъ, капиталъ непрерывно накапливается, население также, какъ это признаетъ авторъ, непрерывно растетъ, производство же не можетъ расширяться непрерывно, — слѣдовательно, происходитъ застой въ капиталистическомъ хозяйствѣ; но *рабочій* при капиталистическомъ производствѣ не имѣетъ капитала, а слѣдовательно и непрерывнаго или какого бы то ни было накопленія; все его существованіе обусловливается лишь приложеніемъ его труда; но возможность приложенія этого труда, при увеличеніи населенія, сопровождаемаго не расширеніемъ производства, а, наоборотъ, сокращеніемъ его, должна также сократиться, слѣдовательно, и положеніе рабочаго ухудшаться, а, между тѣмъ, по автору, положеніе рабочаго продолжаетъ улучшаться!

Происходитъ такое противорѣчіе оттого, что у автора историческая часть не составляетъ какого-либо основанія для выводовъ или провѣрки теоретическихъ положеній, даже не служитъ иллюстраціей къ нимъ. Она просто составляетъ отдѣльное цѣлое, какъ бы писанное другимъ авторомъ. При этомъ, разъ существуетъ положеніе, что капитализмъ объединяетъ рабочихъ, развиваетъ въ нихъ сознание солидарности, единство своихъ интересовъ и т. д., то отсюда какъ бы вытекаетъ, что съ развитіемъ капитализма положеніе рабочаго должно улучшаться; но, конечно, это требуетъ доказательства, и вотъ, сообразно, съ этимъ и однородныя явленія, но относящіяся къ различнымъ моментамъ развитія капитализма, получаютъ различное значеніе въ глазахъ автора. Такъ, въ десятилѣтіе 1820—30 гг. денежная заработная плата лучше оплачиваемыхъ рабочихъ повысилась на 5—10%, а заработная плата чернорабочихъ понизилась. Что касается предметовъ потребленія рабочихъ классовъ, то цѣна хлѣба „мало измѣнилась“ (понизилась); цѣна же мяса и квартирная плата возросли. Отсюда выводъ, что стоимость потребленія рабочаго скорѣе повысилась, чѣмъ понизилась, — положеніе рабочаго ухудшилось (стр. 56). Но вотъ капитализмъ развился значительно; заработная плата въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда повысилась, въ другихъ понизилась, т.-е. наблюдается то же, что и для 20—30 гг.; цѣна мяса повысилась, цѣна пшеницы понизилась, квартирная плата, расходъ на которую составляетъ около $\frac{1}{6}$ всѣхъ расходовъ рабочаго, „безъ сомнѣнія, возросла“, даже до 30%, — отсюда уже обратный выводъ, что реальная заработная плата возросла, т.-е. положеніе рабочаго улучшилось въ 60—70 гг. (стр. 210); въ слѣдующее десятилѣтіе, когда оказывается повышеніе цѣнъ на такіе предметы потребленія рабочаго, на которые тратится отъ 59 до 64% всего бюджета рабочаго, положеніе рабочаго, по автору, все-таки, улучшилось (стр. 320—324); при этомъ „статистика пауперизма, *повидимому*, доказываетъ, что число *безработныхъ* въ Англіи не увеличивается, а уменьшается“, а, между тѣмъ, авторъ же приводитъ прямыя свидѣтельства того, что „число рабочихъ, не нахо-

дядицхъ себѣ никакого заработка *въ своей родной странѣ*, увеличилось" (стр. 232); кромѣ того, онъ же приводитъ данныя, указывающія на относительное уменьшеніе рабочихъ при расширеніи производства; наконецъ, указанію на то, что увеличилось число лицъ, не находящихся заработка *въ родной странѣ*, должно бы заставить обратить вниманіе на эмиграцію. Между тѣмъ, г. Туганъ-Барановскій, говоря неоднократно объ эмиграціи *капиталовъ*, вовсе не касается эмиграціи *населенія*, тогда какъ послѣдняя является неоспоримымъ показателемъ положенія рабочаго класса внутри страны. Обратившись къ ней, авторъ увидалъ бы, что за тѣ годы, когда, по его увѣреніямъ, положеніе рабочаго класса въ Англіи улучшилось, притокъ эмигрантовъ изъ Англіи и Шотландіи (оставимъ Ирландію въ сторонѣ) въ одну только Америку, по даннымъ *Statistical Abstract of the U. S.* 1892 г., возросъ съ 266,7 тыс. (въ десятилѣтіе 1840—50 гг.) до 806,8 тыс. (въ десятилѣтіе 1881—90 гг.). Соответственное же увеличеніе является и по даннымъ о всей эмиграціи изъ Англіи, куда бы она ни происходила. Но и независимо отъ эмиграціи авторъ, характеризуя измѣненія въ заработной платѣ, сопоставляетъ два конечные года десятилѣтія, игнорируя колебанія ея въ предѣлахъ десятилѣтія, тогда какъ самъ же неоднократно и совершенно справедливо утверждаетъ, что на положеніи рабочаго отзывается тяжелымъ образомъ именно необезпеченность и колебанія его заработка. Такимъ образомъ, необходимо было еще обратить вниманіе и на это, тѣмъ болѣе, что для періода 60—70 гг., когда, по автору, положеніе рабочихъ улучшилось, приводится имъ же нѣсколько лѣтъ то оживленія промышленности, то зстоя, приведшаго къ пониженію заработной платы (стр. 251 и 253). И еслибы авторъ обратился хотя бы къ даннымъ Неймана-Спалларта (*Uebersichten der Weltwirthschaft*), то нашелъ бы, что въ послѣдующемъ десятилѣтіи съ 1871 по 1878 г., наприм., заработная плата въ каменноугольной промышленности колебалась такъ: въ 1871 г. — $4\frac{3}{4}$ шил., въ 1873 г. — $7\frac{1}{4}$ шил. и даже $8\frac{1}{2}$ шил. въ день, а въ 1878 г. упала до $2\frac{3}{4}$ шил.; подобныя же колебанія ея наблюдались и въ другихъ отрасляхъ промышленности въ Англіи. Наконецъ, если уже въ заглавіи книги обѣщается выясненіе вліянія кризисовъ на народную жизнь, то нельзя было оставить безъ вниманія и тѣхъ небывалыхъ по величинѣ участниковъ стачекъ рабочихъ, которыя происходили въ разсматриваемое авторомъ время. Оставляя же все это въ сторонѣ, авторъ не имѣетъ никакого основанія утверждать, что положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи улучшилось, и это его заключеніе, столь твердо выраженное, является не только не доказаннымъ, но подлежитъ оспариванію на основаніи даже только тѣхъ данныхъ, которыя приводитъ онъ и которыя далеко недостаточны для правильнаго заключенія по такому вопросу. Вотъ эта-то недостаточность ихъ, при положительности утвержденія автора, и даетъ основаніе заключить, что по этому вопросу историческая часть у автора и заключающіяся въ ней статистическія данныя служили не основаніемъ изслѣдованія, выводовъ и заключеній, а только такъ или иначе трактовались въ зависимости отъ отношенія ихъ къ выводу, уже напередъ установленному по какимъ-либо другимъ основаніямъ. Что же касается до остальныхъ сторонъ исторической части разсматриваемой книги, т.-е. до изслѣдованія и изображенія условій наступленія каждаго кризиса, его хода и прекращенія, то здѣсь работа автора представляетъ весьма обстоятельный трудъ, дающій рельефную картину условій, вызывающихъ наступленіе и прекращеніе кризисовъ.

Въ этомъ отношеніи работа автора даетъ дѣйствительно нѣчто весьма цѣнное, выполняющее одинъ изъ пробѣловъ въ экономической наукѣ. Не можемъ при этомъ не отмѣтить особо главы 1 и 2, изображающихъ первоначальный моментъ въ развитіи крупнаго фабричнаго производства и порождаемыя имъ перемѣны въ строѣ народной жизни. Давныя этихъ главъ особенно поучительны для тѣхъ, кто интересуется вопросами экономического развитія въ Россіи, если только, конечно, выясняя ихъ, стоять на строго-исторической точкѣ зрѣнія и не считать ходъ развитія одной страны шаблономъ для развитія другихъ и не оставлять безъ вниманія разницы въ историческомъ моментѣ при наступленіи той или иной стадіи развитія.

Что касается второй части книги, теоретической, то о ней можно сказать, что „въ ней много хорошаго и новаго, но что хорошо, то не ново, а что ново, то нехорошо“. Она заключаетъ въ себѣ двѣ главы—теорію рынковъ и теорію кризисовъ. Въ каждой изъ этихъ главъ изображены теоріи другихъ авторовъ, съ достаточной полнотой и точностью, и съ этой стороны вторая часть представляетъ извѣстный интересъ для тѣхъ, кто незнакомъ съ излагаемыми теоріями по подлинникамъ. Но затѣмъ, когда г. Туганъ-Барановскій предлагаетъ свои поясненія и подкрѣпленія тѣхъ или иныхъ теорій, то отъ этого ничего не выигрываютъ ни тѣ авторы, которыхъ онъ подкрѣпляетъ, ни читатель. Такъ, въ теоріи рынковъ, желая дать бесспорность положеніямъ Сеа-Рикардо, Туганъ-Барановскій строитъ рядъ схемъ, представляющихъ собою чисто-математическія, отвлеченныя формулы, и прибавляетъ, что эти схемы построены по образцу схемъ К. Маркса, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями. Между тѣмъ, К. Марксъ при построеніи своихъ схемъ никогда не забываетъ, что прибыль можетъ быть получена лишь при томъ условіи, чтобы сверхстоимость была реализована, и по поводу обстоятельства, объясняемыхъ его схемами, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Тѣ эпохи, когда капиталистическое производство напрягаетъ всѣ свои силы“, оказываются постоянно эпохами перепроизводства, избыточнаго производства, потому что *силы производства не могутъ быть прилаганы безъ того, чтобы не только производилось при этомъ больше стоимости, но чтобы она могла быть реализована; но продажа товара, реализація товарнаго капитала, а, слѣдовательно, также сверхстоимости, ограничена не только предѣлами потребительныхъ нуждъ общества вообще, но потребительными нуждами такого общества, большая часть котораго бѣдна и которая должна постоянно оставаться бѣдною*“ (*Капиталъ*, т. II, стр. 232, примѣч.). Съ другой стороны, Рикардо, для подкрѣпленія котораго понадобились автору его схемы, говорить такъ: „Никто не производитъ иначе, какъ только въ намѣреніи потребить или продать“ (стр. 181). Между тѣмъ, схемы нашего автора построены затѣмъ, чтобы убѣдить читателя, что производство предметовъ потребленія можетъ уменьшаться, а производство орудій, при помощи которыхъ производятся предметы потребленія, будетъ расти, орудія эти будутъ продаваться, прибыль реализоваться, хотя спросъ на тѣ предметы потребленія, для производства которыхъ нужны эти орудія, будетъ уменьшаться; для чего же будутъ покупаться эти орудія, когда нѣтъ основаній для расширенія производства предметовъ потребленія,—слѣдовательно, и для покупки орудій для производства ихъ? А тутъ будетъ происходить взаимный обмѣнъ: владѣлецъ каменноугольныхъ копей будетъ производить уголь и получать за него машины, а производитель послѣднихъ будетъ получать за нихъ уголь и т. д.,—

этимъ путемъ прибыль и будетъ реализоваться; да, наконецъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что „граница производству полагается только размѣромъ производительныхъ силъ“, стало быть, если есть производительныя силы (т.-е. уголь, машины и т. д.), оно и будетъ расширяться... Къ этому, полагаясь, прибавлять нечего, остается только удивляться, какимъ образомъ въ такомъ серьезномъ и обстоятельномъ трудѣ могутъ развиваться и серьезно доказываться такія положенія, которыя якобы принадлежатъ Рикардо, но онъ не сумѣлъ доказать ихъ, потому что стремился сдѣлать это при помощи однихъ словесныхъ рассужденій, а тутъ надо прибѣгнуть къ помощи математики (стр. 408).

Въ послѣдней главѣ, трактующей теорію кризисовъ, автору также не удалось доказать и выяснитъ причины періодичности кризисовъ: она, по мнѣнію автора, заключается въ періодичности затраты основнаго капитала, и здѣсь—единственное мѣсто во всей второй части, гдѣ авторъ пользуется своею историческою частью—авторъ приводитъ на одной страничкѣ ссылки на нѣкоторые факты изъ первой части. Но эти факты только и указываютъ на періодичность кризисовъ и нисколько не доказываютъ ни того, что причина кризиса заключается въ періодичности затраты основнаго капитала, а главное—не разъясняютъ, отъ чего зависитъ эта періодичность затраты основнаго капитала, является ли она слѣдствіемъ или причиной кризиса, или же то и другое есть слѣдствіе одной и той же причины. Все это остается не выясненнымъ, и, въ общемъ, вторую часть, несмотря на большой подготовительный аппаратъ къ ней въ видѣ исторической части и на приданіе ей тяжеловѣснаго вида математическими схемами, приходится признать совершенно неразработанной, и читатель послѣ книги автора остается при томъ же знакомствѣ съ причинами кризисовъ, что и до нея, если только не сдѣлаетъ самостоятельныхъ выводовъ изъ исторической части, богатой хорошо сгруппированнымъ матеріаломъ. За выводами же автора идти нельзя, и книга автора напоминаетъ того предпринимателя въ авторскихъ схемахъ, который, какъ мы видѣли, производитъ большія затраты на постоянный капиталъ, снабжаетъ фабрику крупными орудіями и машинами,—словомъ, все обставлено хорошо, не достаетъ только одного: производства предметовъ, годныхъ для потребленія.

Протекціонизмъ или теорія происхожденія богатства отъ непроизводительнаго труда. Проф. В. Сомнера. Пер. Я. Новикова. Спб., 1894 г. Промышленный протекціонизмъ ничто иное какъ остатокъ идей, господствовавшихъ въ Европѣ въ XVII вѣкѣ и достигшихъ наиболѣе полнаго развитія во Франціи временъ Кольбера. Возникнувъ сначала какъ средство полученія доходовъ для государства, ввозныя пошлины превратились въ средство поощренія національной промышленности. Но Кольберъ видѣлъ въ нихъ только временное мѣропріятіе. Прошло сто лѣтъ и Тюрго уже указалъ, что воображаемая независимость государства отъ иностранной промышленности легко можетъ быть разрушена однимъ неурожаемъ. Съ тѣхъ поръ и до нашего времени ведется борьба между послѣдователями ученія о свободной торговлѣ и защитниками протекціонизма. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ немногія государства не прибѣгли къ помощи охранительныхъ тарифовъ.

У насъ покровительственная система дѣйствуетъ болѣе 150 лѣтъ съ небольшими перерывами, дохода въ 1877 году до чрезмѣрной высоты и принося странѣ очень мало удобствъ и гораздо большаго ущерба. Кризисы послѣднихъ лѣтъ снова выдвинули на очередь экономическіе вопросы и, между прочимъ, остановили вниманіе общества

на недостаткахъ покровительственной системы. Поэтому для русскихъ читателей не бесполезно будетъ познакомиться съ основными положеніями протекціонизма и критикой ихъ, по книгѣ проф. Сомнера, изложенной довольно обстоятельно и популярно (она предназначена, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, для народа; умѣло сдѣланный переводъ и цѣна въ 1 рубль дѣлаютъ изданіе довольно доступнымъ и у насъ). Съ большимъ увлеченіемъ авторъ старается разбить значеніе протекціонизма, какъ теоріи, обнаруживаетъ несостоятельность его на практикѣ. Безпощадно разоблачая тайну составленія американскихъ тарифовъ, проф. Сомнеръ приходитъ къ выводу, что вся система протекціонизма есть ничто иное, какъ результатъ ходатайства заинтересованныхъ лицъ, которыя достигаютъ накопленія богатствъ путемъ эксплуатаціи чужого труда. Неудобства этой системы велики. Такъ какъ въ ней главную роль играетъ искусство законодателя въ тарификаціи среди вѣчныхъ опытовъ и колебаній торговаго рынка, то становится невозможнымъ построеніе системы политической экономіи и пользованіе выводами этой науки. Примѣненіе покровительственныхъ тарифовъ на практикѣ приноситъ громадный вредъ. Авторъ думаетъ, что при посредствѣ его не только не достигается увеличеніе народныхъ богатствъ, но происходитъ прогрессивное обѣдненіе страны, понижается заработная плата, отнимается возможность усовершенствованій въ народной промышленности, уничтожается свободная торговля, какъ могущественный факторъ распространенія цивилизаціи, и страна приводится къ цѣлому ряду колебаній, то къ чрезмѣрному повышенію цѣнъ на продукты или къ ухудшенію товара, то къ пониженію,—тогда наступаетъ раззореніе фабрикантовъ. Въ своемъ увлеченіи авторъ доходитъ до отождествленія, протекціонизма съ социализмомъ. Разумѣется, нѣкоторые выводы этой книги должны быть значительно смягчены.

Всѣ соображенія относятся, главнымъ образомъ, къ Америкѣ, но авторъ склоненъ распространять ихъ и на другія государства. Но здѣсь вопросъ чрезвычайно труденъ для разрѣшенія: несомнѣнно строй страны до нѣкоторой степени обуславливаетъ существованіе той или другой системы. Для Россіи могутъ быть поучительными нѣкоторыя замѣчанія автора. Такъ Сомнеръ думаетъ, что чисто-земледѣльческой строй страны нисколько не говоритъ объ ея бѣдности въ сравненіи съ фабричными государствами. Усиливать фабричную производительность еще не значитъ обогатить страну. Между тѣмъ, наши протекціонисты полагаютъ, будто экономическіе кризисы служатъ подкрѣпленіемъ взгляда на необходимость скорѣйшаго перехода отъ земледѣльческаго строя къ обрабатывающей промышленности. Несомнѣнно, однако, что покровительственное развитіе ея за счетъ земледѣлія и съ неизбѣжнымъ нарушеніемъ интересовъ послѣдняго ведетъ къ кризисамъ въ обѣихъ областяхъ труда. Протекціонизмъ требуетъ отъ земледѣльческаго населенія, какъ отъ потребителей, весьма крупныхъ матеріальныхъ жертвъ, и съ другой стороны онъ тормазитъ успѣхи техническаго производства, что, въ свою очередь отражается невыгодно на земледѣліи. Что касается щедрыхъ обѣщаній протекціонистовъ относительно блестящаго будущаго, которое будто бы ожидаетъ нашу промышленность, то можно указать на массу примѣровъ съ совершенно обратными результатами.

Статистическій очеркъ С.-Петербурга. В. И. Покровскаго. Спб., 1894 г. Новый завѣдывающій статистическимъ бюро Петербурга (В. И. Покровскій) сразу попытался встать на практическую почву, а именно—

дать въ руки каждаго возможный справки по различнымъ сторонамъ жизни столицы. Сначала онъ издалъ обстоятельный *Каталогъ отдѣла петербургской городской статистики на всероссийской имперической выставкѣ 1893 года*, — то, что французы называютъ „catalogue raisonné“; теперь передъ нами еще болѣе полная попытка въ томъ же родѣ. Это новое изданіе тоже не представляетъ собой связнаго очерка Петербурга, а носитъ по своему изложенію отрывочно-справочный характеръ; но за то оно заключаетъ въ себѣ довольно разнообразныя свѣдѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ за длинный рядъ лѣтъ. Въ этомъ очеркѣ сообщаются данныя о территории Петербурга, о ходѣ его заселенія, даны подробныя свѣдѣнія о современномъ населеніи столицы, о его занятіяхъ и естественномъ движеніи, о жилищахъ, о торговлѣ, промышленности и размѣрахъ потребленія, объ учебныхъ заведеніяхъ, церкви и благотворительности, объ уличномъ движеніи, городскомъ хозяйствѣ и пр., — словомъ, этотъ сжатый очеркъ Петербурга даетъ много чрезвычайно полезныхъ указаній, большинство которыхъ почерпнуто изъ такихъ точныхъ источниковъ, какъ однодневная перепись Петербурга или правильно организованная регистрація естественнаго движенія населенія; но было бы интересно знать, насколько заслуживаютъ довѣрія источники, послужившіе для описанія торгово-промышленныхъ заведеній, для отдѣльныхъ группъ которыхъ даны такія детали, какъ размѣры оборотовъ, прибылей, средній заработокъ рабочаго и пр.

Не станемъ здѣсь передавать содержаніе разсматриваемаго очерка, приведемъ лишь изъ него два-три наиболѣе характерныхъ указанія — о движеніи населенія и изъ жизни мѣстныхъ домовладѣльцевъ, главныхъ плательщикахъ городскихъ налоговъ.

Изъ подробныхъ цифровыхъ данныхъ за десятилѣтіе выясняется тотъ интересный фактъ, что смертность въ Петербургѣ за 8 послѣднихъ лѣтъ значительно уменьшилась, такъ что съ 1885 года число рожденій стало превышать число смертныхъ случаевъ, тогда какъ до тѣхъ поръ наблюдалось обратное явленіе. Изъ ряда остроумныхъ сопоставленій коэффициентовъ смертности по различнымъ районамъ Петербурга съ размѣрами квартирной платы на 1 жителя, В. И. Покровский приходитъ къ довольно утѣшительному выводу объ уменьшеніи смертности не только въ наиболѣе зажиточныхъ, но и въ бѣдныхъ мѣстностяхъ города. Тѣмъ не менѣе, авторъ и для настоящаго времени констатируетъ „вызывающій на многія размышленія“ фактъ, что смертность въ бѣднѣйшихъ мѣстностяхъ Петербурга слишкомъ вдвое выше, чѣмъ въ болѣе богатыхъ частяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Адмиралтейской части или въ 1-мъ Спасскомъ участкѣ, гдѣ квартирная плата на одного жителя 111—180 руб., умираютъ въ теченіе года не болѣе 13—15 человекъ изъ 1,000 жителей, тогда какъ въ частяхъ Петербургской или Выборгской стороны, Нарвской или Александроневской частей, гдѣ средняя годовая квартирная плата на жителя не превышаетъ 35 руб., ежегодно умираютъ отъ 25 до 38 человекъ на 1,000 жителей.

Говоря о свѣдѣніяхъ по смертности населенія, нельзя не отмѣтить одного крупнаго недосмотра, допущеннаго въ очеркѣ, на стр. 11, гдѣ изъ повозрастной таблички оказывается, будто смертность дѣтей до 1 года въ Петербургѣ чуть не вдвое меньше, чѣмъ въ Москвѣ. Но это недоразумѣніе; оно произошло вслѣдствіе неправильной группировки возрастовъ въ петербургскихъ переписяхъ 1881 и 1890 гг., на что намъ

уже приходилось указывать *) и благодаря чему тамъ первый возрастъ (отъ 0 до 1 г.) заключаетъ въ себѣ всѣхъ дѣтей, достигшихъ 23 мѣсяцевъ жизни, т.-е. почти вдвое больше, чѣмъ слѣдовало бы. Понятно, что эта неправильность должна значительно понизить коэффициентъ смертности грудныхъ дѣтей Петербурга.

Интересно еще отмѣтить изъ очерка колоссальную задолженность петербургской недвижимой собственности: домовладѣльцы не менѣе $\frac{2}{3}$ своего чистаго дохода уплачиваютъ по своимъ ипотечнымъ долгамъ въ банки и частнымъ лицамъ. Поучительна также табличка о стоимости натуральныхъ повинностей для домовладѣльцевъ Петербурга: вся сумма ихъ достигаетъ до 4 милліоновъ руб. въ годъ, причемъ больше половины падаетъ на удаленіе снѣга, мусора и нечистотъ; затѣмъ слѣдуютъ ремонтъ, очистка и поливка мостовыхъ, содержаніе сторожевыхъ дворниковъ (больше $\frac{1}{2}$ милл. руб.) и ремонтъ тротуаровъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Русское государственное право“. И. О. Куплеваскаго.—„Судъ присяжныхъ и эксперта въ Россіи“. С. Гачал.—„Происхожденіе семьи, частной собственности и государства“. Фр. Эмелса.—„La Science du point d'honneur, par A. Croabbon.“

Русское государственное право. И. О. Куплеваскаго, орд.-проф. Импер. Харьковск. университета. Т. I. Изданіе книжнаго магазина А. Дредера. Харьковъ, 1894 г. Еще очень не далеко то время, когда студенты русскихъ университетовъ были поставлены въ затруднительное положеніе почти полнымъ отсутствіемъ на русскомъ языкѣ какихъ-либо руководствъ по предметамъ высшаго образованія. Даже литографированныя лекціи, которыми и нынѣ довольствуется въ большинствѣ случаевъ наше студенчество, получили права гражданства въ университетахъ не ранѣе 60-хъ годовъ, да и только послѣ оживленной журнальной и газетной полемики. Хотя и теперь еще существуютъ противники всякихъ печатныхъ и литографированныхъ руководствъ для студентовъ, но, тѣмъ не менѣе, сознаніе въ недостаточности однихъ устныхъ профессорскихъ курсовъ и въ необходимости систематическихъ руководствъ для домашнихъ занятій получаетъ все большее и большее распространеніе. За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ указанный нами пробѣлъ до известной степени пополненъ изданіемъ курсовъ, читавшихъ профессорами въ стѣнахъ различныхъ университетовъ, и особенно по-счастливилось въ этомъ отношеніи русскому государственному праву; сверхъ прежде имѣвшихся руководствъ проф. Андреевскаго, Градовскаго и Романовича-Славатинскаго, въ 1890—1894 гг. вышли въ свѣтъ курсы профессоровъ Сокольскаго, Коркунова, Алексѣева и, наконецъ, Куплеваскаго.

Вышедшій въ свѣтъ 1-й томъ *Русскаго государственнаго права* г. Куплеваскаго содержитъ въ себѣ, кромѣ предварительныхъ понятій ученія о законѣ, о верховной власти и о населеніи. Какъ въ распредѣленіи матеріала, такъ и въ его обработкѣ книга г. Куплеваскаго ничѣмъ почти не отличается отъ прежде существовавшихъ руководствъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть признана удовлетворительной. Существенный ея недостатокъ заключается въ томъ, что курсу *Русскаго государственнаго права* не предпослано никакого общаго ученія о го-

*) См. „Библиографическій отдѣлъ“ *Русской Мысли* 1892 г., кн. VII.

сударствѣ; хотя авторъ и намѣренъ исправить впоследствии этотъ недостатокъ изданіемъ особаго тома съ такимъ ученіемъ, но при этомъ онъ упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что новый его трудъ не будетъ ничѣмъ связанъ съ *Русскимъ юсударственнымъ правомъ* и будетъ представлять вполне самостоятельное сочиненіе, изученіе котораго будетъ необязательно для студентовъ. Отсутствіе, хотя бы краткаго, очерка исторіи политическихъ ученій или исторіи развитія государственныхъ формъ дѣлаетъ невозможнымъ для читателя книги г. Куплеваскаго какую-либо оцѣнку положительнаго русскаго государственнаго права, именно въ наиболѣе существенныхъ и важныхъ чертахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, относительно второстепенныхъ частныхъ, авторъ допускаетъ отступленія отъ общаго правила и даетъ указанія на практику западно-европейской жизни: такъ, на примѣръ, онъ поступаетъ по вопросу о задержаніи лицъ подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія (стр. 274—276), о положеніи печати (стр. 285—288), о контролѣ государства надъ дѣятельностью духовныхъ властей (стр. 302—303), о законодательствѣ, о собраніяхъ и союзахъ (стр. 314—315) и т. д. Точно также относительно частныхъ г. Куплеваскій дозволяетъ себѣ высказать свое мнѣніе или какія-нибудь данныя для критической оцѣнки института; впрочемъ, первое случается очень рѣдко, въ большинствѣ же случаевъ онъ приводитъ мнѣнія различныхъ ученыхъ и соглашается съ какимъ-нибудь изъ нихъ; иногда же случается, что авторъ, приведя два противоположныя мнѣнія, не рѣшается согласиться ни съ однимъ изъ нихъ: такъ, на примѣръ, поступаетъ онъ съ вопросомъ о предварительной цензурѣ. Благодаря такому отсутствію критики дѣйствующихъ иститутовъ и недостатку данныхъ для ихъ сравнительно-историческаго изученія, изложеніе г. Куплеваскаго страдаетъ излишнею догматичностью и сухостью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ дѣлаетъ отступленія въ область исторіи, но такія историческія экскурсіи автора часто неудачны, а иногда и совсѣмъ излишни, какъ излишенъ его историческій очеркъ территоріальныхъ измѣненій Русскаго государства, не представляющій почти никакихъ новыхъ данныхъ сравнительно съ данными учебника г. Иловайскаго, извѣстнаго всѣмъ студентамъ по гимназіи. Собственныя мнѣнія автора, такъ рѣдко высказываемыя, въ большинствѣ случаевъ очень умѣренны, хотя и не всегда основательны: трактую о „положеніи частныхъ лицъ относительно распоряженій, нарушающихъ законъ“, онъ не соглашается ни на абсолютное повиновеніе, ни на активное сопротивленіе; послѣднее онъ допускаетъ лишь при такомъ распоряженіи, нарушающемъ законъ, которое представляетъ произвольное дѣйствіе; если же закононарушеніе произошло отъ добровольнаго заблужденія должностнаго лица, то сопротивленіе г. Куплеваскимъ воспрещается. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ способовъ, какими частное лицо можетъ отличить добровольное заблужденіе отъ произвольнаго дѣйствія, а безъ этого все сочиненное остается пустою фразой. Фразы, впрочемъ, особенно краснорѣчивыя и въ то же время безобидныя г. Куплеваскій вообще любить; такъ мы находимъ у него, на примѣръ: „Мысль человѣка есть одна изъ основныхъ частей его существа. Въ своихъ мысляхъ онъ вполне свободенъ; за нихъ онъ не отвѣчаетъ и не можетъ быть отвѣственнымъ“. За этими краснорѣчивыми словами слѣдуетъ болѣе прозаическое добавленіе. „Нельзя того же сказать о внѣшнемъ проявленіи мысли“. Дѣйствительно, странно было бы отвѣчать за мысль, никому не высказанную и потому никому неизвѣстную. Въ нѣкоторыхъ

случаях мнѣнія автора прямо ошибочны: напримѣръ, мнѣніе о совѣстности монархизма съ началами безсословности, самоуправления, самостоятельности суда и т. д.; иногда онъ окрашиваетъ вещи въ слишкомъ розовый свѣтъ; таковъ его взглядъ на положеніе тѣхъ же самыхъ началъ, которыя, по его мнѣнію, до сихъ поръ живы и полны значенія, несмотря на то, что за послѣднее время потерпѣли значительныя ограниченія; впрочемъ, и значительную долю этихъ ограниченій авторъ ухитряется отнести къ необходимому развитію законодательства, къ необходимому согласованію дѣятельности отдѣльныхъ органовъ.

Переходя къ болѣе частнымъ замѣчаніямъ, мы считаемъ нужнымъ указать на недостатки указаній на литературу предмета; только по еврейскому вопросу авторомъ не только указана литература, но и даже изложено содержаніе нѣсколькихъ книгъ; въ большинствѣ же случаевъ онъ ограничивается указаніемъ на одну или нѣсколько книгъ, указывая иногда неважныя и пропуская болѣе важныя сочиненія: такъ въ списокъ книгъ по вопросу о положеніи цензуры пропущена цѣнная по фактическому матеріалу книга г. Скабичевскаго и указаны болѣе мелкія работы. Встрѣчаются у г. Куплевасскаго и пропуски: перечисляя мѣры взысканія, налагаемыя на безцензурныя периодическія изданія, онъ пропускаетъ представленное временными правилами 1882 г. министру внутреннихъ дѣлъ право обращать безцензурныя изданія въ подцензурныя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ запутывается въ своихъ опредѣленіяхъ: такъ, на стр. 61 онъ говоритъ: „Основные законы суть тѣ, которые опредѣляютъ сущность данной формы государственнаго устройства, а также основныя правила отношеній высшихъ государственныхъ учреждений и тѣ гражданскія и политическія права подданныхъ, которыя должны оставаться неизмѣнными при изданіи новыхъ законовъ и административныхъ распоряженій“; на страницѣ же 64 мы находимъ: „если обыкновенный законъ будетъ противорѣчить основному закону, положимъ ст. 45 основныхъ законовъ, гласящей, что свобода вѣры присвоится не только христіанамъ, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ, то этотъ обыкновенный законъ будетъ имѣть юридическую силу и, какъ болѣе поздній, будетъ имѣть преимущество передъ основнымъ закономъ“. Одно изъ двухъ: или опредѣленіе г. Куплевасскаго не вѣрно, или наши *основныя законы*—не основныя, что надо было бы оговорить. Въ заключеніе укажемъ на 2-й страннцы для профессора университета ошибки: на смѣшеніе славянофильства и панславизма (стр. 27—28) и на объединеніе всѣхъ раскольниковъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, въ секты, соединенныя съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и посягательствомъ на жизнь свою или другихъ“ (стр. 301).

Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи. Сергѣя Гогеля. Ковно, 1894 г. Теперь, когда нападки на судъ присяжныхъ со стороны представителей обскурантизма стали чѣмъ-то распространеннымъ и даже моднымъ, нельзя не привѣтствовать появленія книги, принадлежащей перу одного изъ представителей короннаго суда. Авторъ задался дѣлю на основаніи научныхъ данныхъ, отчетовъ о русскихъ процессахъ и по своимъ личнымъ наблюденіямъ надъ дѣятельностью суда присяжныхъ въ Россіи выяснить роль экспертизы въ современномъ процессѣ, ея значеніе вообще и рассмотреть, насколько присущи суду присяжныхъ недостатки, на которые такъ часто указываютъ его враги. Въ итогъ онъ приходитъ къ заключенію, что судъ присяжныхъ незамѣнимъ, какъ это признаетъ и новѣйшая школа уголовного права.

Что касается экспертизы, то, по мнѣнію автора, она не удовлетворяетъ даже и тѣмъ скромнымъ требованіямъ, которые предъявляются ей современными законодательствами. Приводя цѣлый рядъ примѣровъ изъ нашей судебной практики г. Гогель показываетъ, что такъ называемыя научныя наблюденія экспертовъ даютъ въ большинствѣ случаевъ только субъективныя мнѣнія наблюдающихъ, но не факты, способствующіе разрѣшенію вопроса. Очень часто дѣйствительность расходится съ высказаннымъ экспертами мнѣніемъ и даже противорѣчитъ ему. Поэтому авторъ отвергаетъ возможность передачи въ руки медиковъ, какъ этого добивается итальянская школа, рѣшенія вопроса о преступности. Экспертизу онъ цѣнитъ лишь какъ частный случай доказательства, способствующаго въ связи съ другими фактами обнаружить наличность и значеніе преступленія. Исходя изъ этого положенія, авторъ возстаетъ противъ той роли, которую играетъ de facto экспертиза въ современномъ судѣ. Оставаясь все время въ судѣ, эксперты выслушиваютъ все судебное слѣдствіе и даютъ свое заключеніе по окончаніи его, такъ что это заключеніе представляетъ собой какъ бы высшее, самое послѣднее изъ судебныхъ доказательствъ, а такъ какъ при этомъ экспертъ говоритъ не съ точки зрѣнія какой-либо изъ сторонъ, а отъ имени непреложной, истинной науки, то, повидимому, каждое слово его является самымъ безпристрастнымъ во всемъ процессѣ. Благодаря этому, экспертиза не удерживается на почвѣ только научныхъ данныхъ, а распространяетъ свои заключенія и на всѣ данныя судебного слѣдствія, а это въ свою очередь какъ бы предрѣшаетъ участь преступника и устраняетъ возможность другой, болѣе широкой оцѣнки. Преступленіе опредѣляется авторомъ какъ нарушеніе обычнаго нормальнаго строя жизни; оцѣнить какъ степень этого нарушенія, такъ и опредѣлить самый строй не можетъ ни медикъ, ни судья, а только присяжные. Житейская мудрость, опытъ въ лицѣ присяжныхъ путемъ строгой критики, путемъ совместнаго обсужденія многихъ умовъ строить прочный фундаментъ для рѣшенія дѣла. На наказаніе присяжные смотрятъ съ точки зрѣнія жизненной. Оно является не нравственной или религіозной карой, а просто средствомъ устраненія вреднаго для общества чловѣка. Поэтому притязанія итальянской антропологической школы, по мнѣнію автора, должны быть отвергнуты.

Отдавая должное коронному суду и его представителямъ, авторъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ немъ идеалъ правосудія. За судомъ присяжныхъ онъ находитъ гораздо больше преимуществъ. Однимъ изъ нихъ является мотивировка приговора у короннаго суда: она по большей части основана на логическихъ построеніяхъ, часто страдающихъ отсутствіемъ внутренней правды, хотя по внѣшности удовлетворительныхъ. Затѣмъ постоянная смѣняемость присяжныхъ заставляетъ ихъ слѣдить съ большимъ вниманіемъ за дѣлами, такъ что нѣкоторая механичность рѣшеній, небрежность, недосмотры, присущіе членамъ короннаго суда, могутъ быть легче всего устранены въ судѣ присяжныхъ.

На ряду съ достоинствами въ книгѣ указаны и недостатки современнаго суда. Главными изъ нихъ являются та постановка защиты въ состязательномъ процессѣ, гдѣ часто въ ущербъ ясности дѣла стараются блеснуть краснорѣчіемъ, отсутствіе возможности у предсѣдателя давать собственную оцѣнку выяснившихся на судѣ фактическихъ данныхъ передъ присяжными и, наконецъ, тотъ порядокъ, благодаря которому присяжныхъ держать, по необъяснимымъ причинамъ, въ совершенномъ невѣдѣніи того, что зачастую необходимо для правильнаго

рѣшенія дѣла. Такъ, въ обвинительную комнату не дозволяется вносить ничего: ни ученыхъ сочиненій, разрѣшающихъ вопросы экспертизы, ни юридическихъ сочиненій, ни законодательныхъ кодексовъ, тогда какъ во время самаго процесса налагаются всевозможныя теоріи, развиваются противоположныя взгляды. Такимъ образомъ, присяжные принуждены выносить рѣшеніе по инстинкту. Устраненію этихъ недостатковъ могли бы помочь законодательство и практика западныхъ судовъ.

Книга написана чрезвычайно живо и читается съ интересомъ.

Происхождение семьи, частной собственности и государства. Фридриха Энгельса. (Пер. съ 4-го нѣм. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 1 руб. Сочиненіе талантливаго нѣмецкаго писателя не представляетъ собой цѣльнаго ученаго трактата. Книга разбита на отдѣльныя части, въ которыхъ рѣчь идетъ о происхожденіи семьи вообще, о родѣ прокесовъ, о родовомъ и государственномъ устройствѣ у афинянъ и римлянъ, о родѣ и образованіи государства у германцевъ и т. д.

Правда, это кажущееся разнообразіе предметовъ изслѣдованія и отрывочность изложенія значительно устраняется, благодаря умѣнью автора внести объединяющую идею и удачно освѣтить частности. Тѣмъ не менѣе, читатель не найдетъ въ этой небольшой книжкѣ полного и всесторонняго разрѣшенія вопросовъ о происхожденіи семьи, частной собственности и государства, какъ могъ бы ожидать того, судя по заглавію. Наиболѣе полную и разностороннюю обработку получаетъ теорія образованія семьи. Здѣсь Энгельсъ, какъ и самъ онъ заявляетъ въ предисловіи, излагаетъ, главнымъ образомъ, теорію Моргана, мѣстами, впрочемъ, измѣняя ее. Основныя положенія ея слѣдующія. Три главныя стадіи челоуѣческаго развитія въ общихъ чертахъ соотвѣтствуютъ три главныя формы брака: для дикаго состоянія—групповой бракъ, для варварства—парный, для цивилизаціи—моногамія, „дополненная прелюбодѣяніемъ и проституціей“. Изъ первоначальнаго свободнаго общенія половъ развились: 1) семья, основанная на кровномъ родствѣ; это первая ступень семьи, гдѣ группы супруговъ раздѣлены по поколѣніямъ, гдѣ отъ брака между собою устранялись только предки и потомки, отцы и дѣти; 2) „пуналуальная“ семья, исключаящая изъ полового сожителства братьевъ и сестеръ; форма эта, въ большинствѣ случаевъ, является источникомъ учрежденія рода; 3) парная семья является на границѣ дикаго состоянія и варварства; подъ влияніемъ новыхъ соціально-экономическихъ условий она переходитъ въ 4) моногамную семью; послѣдняя отличается отъ парной семьи болѣею прочностью связи. Между послѣдними двумя формами стоитъ еще патріархальная семья, смѣнившая собой „материнское право“. При этомъ авторъ старается показать, что моногамная семья не была плодомъ индивидуальной любви, а первою формою семьи, основанной не на естественныхъ, а на общественныхъ отношеніяхъ; она выступаетъ „не какъ примиреніе мужа и жены, а какъ порабощеніе одного пола другимъ. Она—кѣлочная форма цивилизованнаго общества, на которомъ мы уже можемъ изучить природу вполне развившихся въ послѣднемъ противоположностей и противорѣчій“. Вообще авторъ не щадитъ красокъ для изображенія современной буржуазной семьи.

Значительно менѣе разработаны вопросы о происхожденіи частной собственности и государства. Не подвергая этихъ вопросовъ подробному изслѣдованію, авторъ въ мѣткихъ очеркахъ старается, главнымъ образомъ, показать тѣ экономическіе и общественные устои, на которыхъ покоилось родовое устройство, показать, какъ на развалинахъ

этой естественной и стройной организаціи, подъ вліяніемъ неизбежныхъ условій, создавалось государство съ его классовымъ раздѣленіемъ и съ новымъ экономическимъ строемъ, какъ челоѣчество изъ варварства вступало въ стадію цивилизаціи. Послѣдній отдѣлъ книги (*Варварство и цивилизація*) посвященъ именно разсмотрѣнію постепеннаго образованія элементовъ, изъ которыхъ сложился современный капиталистическій строй. Государство—заключаетъ онъ на одной изъ послѣднихъ страницъ, — не есть навязанная обществу извнѣ власть; оно не есть также, какъ увѣряетъ Гегель, „дѣйствительность нравственной идеи, изображеніе и дѣйствительность разума“. Оно есть продуктъ общества на извѣстной ступени развитія, признаніе того, что это общество запуталось въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ съ самимъ собой, что въ немъ возникли непримиримыя противоположности, на разрѣшеніе которыхъ у него не хватаетъ силъ. И чтобы эти противоположности, т.-е. классы съ противорѣчащими экономическими интересами, не погубили себя и все общество въ безплодной борьбѣ, необходима власть, которая, пользуясь господствомъ надъ обществомъ, смягчила бы борьбу и держала ее въ предѣлахъ порядка“.

Строгий критикъ современнаго соціальнаго строя, Энгельсъ не упускаетъ случаевъ развѣнчать цивилизацію, показать ея темныя стороны. Порою въ этомъ направленіи авторъ доходитъ до увлеченія, въ ущербъ научности выводовъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ старается доказать, что современная цивилизація низвела женщину на болѣе низкую ступень, что у дикарей женщина занимаетъ болѣе высокое положеніе. Не думаемъ, чтобъ автору удалось убѣдить въ этомъ читателей.

Эта интересная и блестяще написанная книга требуетъ еще одной оговорки. Для читателя, болѣе или менѣе знакомаго съ исторіей первобытной культуры, она несомнѣнно представитъ серьезный интересъ, неподготовленный же читатель вынесетъ изъ этой книги мало. Остается еще пожалѣть, что интересная книга такъ дурно переведена. Языкъ необыкновенно тяжеловѣсенъ, обороты часто очень неуклюжи. Возьмемъ хоть первую фразу предисловія, гласящую такъ: „рѣшающимъ моментомъ въ исторіи является производство и воспроизведеніе непосредственной жизни“.

La Science du point d'honneur. Commentaire raisonné sur l'offence — le duel, ses usages et sa législation en Europe etc. Par A. Croabbon, avocat. I partie. Paris, 1894. Передъ нами объемистая книга въ 37 печат. листовъ большаго формата, очень тщательно и основательно составленный сборникъ всѣхъ правилъ, относящихся къ дуэли, — правилъ, установленныхъ обычаемъ и утвержденныхъ вполне авторитетными, по общему признанію, лицами. Нами получена только первая часть почтеннаго труда адвоката А. Кроаббона, относящаяся исключительно къ Франціи. Но уже и эту первую часть можно, по справедливости, назвать „Уставомъ о дуэляхъ“ и признать необходимымъ руководствомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ дуэли, гдѣ поединки допускаются общественнымъ мнѣніемъ и, къ сожалѣнію, считаются въ извѣстныхъ случаяхъ необходимыми. Принципіально или, такъ сказать, теоретически мы всегда были и остаемся противниками дуэли, какъ средства возстановленія чести, и, вообще, честь личную или корпоративную (честь мундира, напримѣръ), считаемъ, рѣшительно, неузавимую извнѣ, неотъемлемымъ ничѣмъ и ни при какихъ обстоятельствахъ достоиніемъ челоѣка, неразрывнымъ съ его добрымъ именемъ, съ тѣмъ уваженіемъ, которымъ лицо пользуется въ обществѣ за свою честность и справедливость.

Допустить, что безукоризненно честнаго чловѣка можетъ „обезчестить“ первый встрѣчный шалопай неистовыми словами или дикими поступками, было бы абсурдомъ. Между тѣмъ, этотъ абсурдъ настолько крѣпко укоренился во многихъ странахъ и въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, что люди, глубоко убѣжденные въ нелѣпости варварскаго обычая, могутъ быть поставлены въ необходимость драться на дуэли. На самомъ дѣлѣ, слѣдовало бы признавать дѣломъ предосудительнымъ оскорблять чловѣка, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—дѣломъ прямо позорящимъ, безчестящимъ оскорбителя. Въ практической жизни выходить совсѣмъ наоборотъ, и хотя подобное извращеніе совершенно очевидно, тѣмъ не менѣе съ нимъ приходится считаться не только отдѣльнымъ лицамъ, но и судамъ, и законодательству страны. Въ Россіи дуэли были строжайше запрещены, подъ страхомъ тяжелыхъ уголовныхъ каръ. И все-таки Россія заплатила двумя великими жертвами за нелѣпый предрасудокъ, извращающій понятія о чести. Зауряднымъ жертвамъ счета нѣтъ. Если съ теченіемъ времени число дуэлей у насъ уменьшилось, то сдѣлалось это не отъ страха отвѣтственности, а подвляніемъ развивающихся и распространяющихся въ обществѣ здравыхъ понятій справедливости и гуманности. Такъ называемое бретерство и похвальба дуэлями давно отжили у насъ свой вѣкъ, и для еще большаго уменьшенія числа дуэлей, а быть можетъ и совершеннаго ихъ прекращенія, законодательству слѣдовало бы только воспользоваться настроеніемъ общественнаго мнѣнія, благопріятнымъ полному уничтоженію этого пережитка варварскихъ временъ обязательнаго самосуда. Но пока такой обычай существуетъ, онъ долженъ быть, елико возможно, точнѣе регулированъ, во избѣжаніе многихъ прискорбныхъ недоразумѣній и напрасныхъ жертвъ. Такую-то, именно, регламентацію и имѣлъ въ виду г. Кроаббонъ, взявшій за свой весьма почтенный трудъ. Обычай кончать дуэлю различнаго рода столкновенія не вывелся и у насъ, къ урегулированію его была сдѣлана законодательная попытка относительно военныхъ. Не входя въ обсужденіе цѣлесообразности такой попытки, мы ограничимся лишь указаніемъ всѣмъ лицамъ, заинтересованнымъ высокой важности вопросомъ о дуэляхъ, на книгу г. Кроаббона, широко воспользовавшагося очень извѣстными въ чужихъ краяхъ сочиненіями Шатовильера, Тавернье, Дю Верже де Сень-Тома и др. Г. Кроаббонъ совершенно правильно придаетъ очень большое значеніе выбору секундантовъ и еще большее посредничеству (*arbitrage*) и суду чести (*jury d'honneur*), причѣмъ авторъ категорически говоритъ: „Свободный выборъ (посредниковъ или судей), сдѣланный противниками, составляетъ самую сущность такой юрисдикціи и условіе *sine qua non* ея значенія“ (гл. XIX). Относительно этого основнаго положенія мы не нашли никакихъ исключеній въ лежащей передъ нами книгѣ. Весьма подробно разобраны понятія объ оскорбленіяхъ, за которыми можетъ слѣдовать вызовъ на дуэль, кого должно признавать оскорбителемъ и кого оскорбленнымъ,—въ какихъ случаяхъ, при наличности оскорбленія, дуэль должна почитаться недопустимою,—въ какихъ случаяхъ вызванный на дуэль вправѣ не принять вызова,—за кѣмъ и когда признается право сдѣлать вызовъ на дуэль,—когда допустимо замѣстительство на поединкѣ одного лица другимъ или многихъ лицъ однимъ лицомъ. Всѣ авторитеты высказываются противъ коллективныхъ вызововъ. „Одно удовлетвореніе за одно оскорбленіе“—такова аксіома, на которой основательно настаиваетъ авторъ и затѣмъ подробно, съ иллюстраціей примѣрами, опредѣляетъ, кто имѣетъ право и

на комъ лежитъ обязанность принимать на себя всю отвѣтственность за послѣдствія вызова. На свидѣтелей - секундантовъ возлагаются очень серьезныя обязанности. Секунданты прямо признаются „первою инстанціей“ суда чести. Весьма важно требованіе отъ секундантовъ составленія двухъ протоколовъ: предшествующаго поединку и заключительнаго, по окончаніи дуэли. Къ книгѣ приложены обстоятельно сформулированныя образцы такихъ протоколовъ. Кромѣ того не малое мѣсто занимаютъ въ книгѣ собранныя авторомъ различныя случайности, происходившія при дуэляхъ, — числомъ 115. Эта часть книги можетъ быть въ высшей степени поучительна для лицъ, на которыхъ падетъ тяжелая обязанность служить секундантами.

Отъ всей души желая совершеннаго прекращенія дуэлей, надѣясь, что не далеко уже время, когда поединки выйдутъ изъ употребленія, — до тѣхъ поръ, пока такія желанія и надежды не осуществляются, мы считаемъ полезнымъ указать на книгу г. Кроаббона, какъ на самый полный „кодексъ“, устанавливающий правила, руководствуясь которыми, лица, поставленныя въ прискорбную необходимость, такъ или иначе принимать участіе въ поединкахъ, получать возможность предупредить не мало несчастныхъ случайностей, — по меньшей же мѣрѣ, внести строгій порядокъ и, добавимъ, значительную дозу порядочности въ столкновенія, возникающія нерѣдко изъ-за недоразумѣній или недержанности. Въ виду того, что съ недавняго времени подверглись у насъ нѣкоторымъ измѣненіямъ постановленія о дуэляхъ офицеровъ, книга г. Кроаббона получаетъ большое значеніе въ Россіи.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Предѣлы лѣсовъ на югѣ Россіи“. Г. И. Танфильева. — „Труды почвенной комиссіи при I отд. Импер. вольн. экономическаго общества“. — „Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними“. К. Л. Брамсона. — „Материалы для выясненія условій сельскаго хозяйства въ Пермской губ.“.

Предѣлы лѣсовъ на югѣ Россіи. Г. И. Танфильева. Спб., 1894 г. Авторъ принимаетъ участіе въ особой экспедиціи лѣсного департамента, находящейся подъ руководствомъ проф. Докучаева. Вышедшая въ свѣтъ первая часть отчета выясняетъ зависимость между распредѣленіемъ почвъ и распредѣленіемъ растений въ степной полосѣ и отмѣчаетъ тѣ условія, которыми можетъ вызываться измѣненіе растительнаго покрова. Первая глава даетъ обзоръ важнѣйшей литературы по вопросу о причинахъ безлѣсія степей. Авторъ признаетъ вытѣсненіе степей лѣсомъ и считаетъ самооблѣсеніе степи неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того измѣненія, которому постепенно подвергается составъ лѣсной почвы. Вторая глава, посвященная степной флорѣ, развиваетъ уже прежде высказанныя Г. И. Танфильевымъ взгляды объ особомъ вліяніи извести на черноземную флору и подробно рассматриваетъ условія жизни растений при различныхъ топографическихъ условіяхъ. Третья, самая важная, глава обстоятельно обрисовываетъ отношеніе лѣса къ степи; настаивая на естественномъ самооблѣсеніи степи, авторъ не игнорируетъ и тѣхъ невзгодъ, которымъ подвергаются искусственныя лѣсонасажденія, не сопровождающіяся измѣненіями въ состояніи почвы. Предметъ послѣдней главы — сосновые лѣса на черноземѣ. Къ книгѣ Г. И. Танфильева приложена карта черноземной полосы (60 верстъ въ дюймѣ) съ нанесеніемъ хвойнаго, лиственнаго,

пойменнаго лѣса и искусственныхъ насажденій. Изложеніе книги изящное и живое; этимъ обезпечивается распространеніе интересной работы Г. И. Танфильева далеко за предѣлами тѣснаго круга специалистовъ.

Труды почвенной комиссіи при I отд. Имп. вольн. экономическаго общества. Выпускъ III. Спб., 1894 г. Почвовѣдніе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ право на самостоятельное положеніе въ наукѣ и въ преподаваніи; въ текущемъ году открылись особыя кафедры почвовѣднія въ Новой Александріи и въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Съ 1888 г. при вольномъ экономическомъ обществѣ работаетъ особая почвенная комиссія, опубликовавшая уже третій выпускъ своихъ трудовъ. Здѣсь помѣщены журналы 7 засѣданій (5 принадлежали зимѣ 1891—92 года) и четыре доклада: А. А. Бычихина—о вліяніи вѣтровъ на почву, Д. Ивановскаго—о дѣятельности микроорганизмовъ, А. С. Георгіевскаго—о почвахъ Заполя (съ картою) и проф. П. М. Сибирцева—о трехверстной почвенной картѣ Княгининскаго уѣзда. Особого вниманія заслуживаетъ послѣдняя работа; жаль только, что къ настоящему изданію не приложена (вѣроятно, по недостатку средствъ) самая карта, отпечатанная уѣзднымъ земствомъ и явившаяся первою въ Россіи печатною почвенною картою дѣлаго уѣзда въ столь крупномъ масштабѣ. Въ основу этой карты положены не только подробныя объективныя изслѣдованія, но и массовый опросъ мѣстныхъ жителей со стороны статистическаго персонала, работавшаго подъ руководствомъ Н. О. Анненскаго. Весьма желательно, чтобы до наступленія X съѣзда натуралистовъ (ожидающагося въ Кіевѣ) были подготовлены разнообразныя матеріалы, относящіяся къ важному вопросу о согласованіи приѣмовъ изслѣдованія почвъ; подготовка матеріаловъ могла бы облегчиться съ помощью уже организованныхъ учреждений, подобныхъ с.-петербургской почвенной комиссіи.

Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. Составилъ К. Л. Брамсонъ. Изд. 2-е. Часть I. Екатеринбургъ, 1894 г. Цѣна 1 руб. 80 коп. Въ краткомъ введеніи указаны общее раздѣленіе насѣкомыхъ и главные приемы опредѣленія насѣкомыхъ при помощи описаній. Первый отдѣлъ книги отведенъ описанію и аналитическому опредѣленію многихъ общихъ враговъ культурной растительности. Во второмъ отдѣлѣ, объемъ котораго значительно больше, разсматриваются въ алфавитномъ порядкѣ культурныхъ растений различныя насѣкомыя, вредныя для полей, луговъ и огородовъ. Хотя авторъ (преподаватель Екатеринбургскаго гимназіи) назначаетъ свое руководство не только для сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, а, кромѣ того, для народныхъ учителей и для сельскихъ хозяевъ, но слѣдуетъ замѣтить, что пониманіе книги и практическое примѣненіе ея нуждаются въ общемъ естественно-историческомъ образованіи. Въ списокъ книгъ, которыми пользовался авторъ, насъ удивляетъ отсутствіе опредѣлителя Шлахтендала. Внутри дихотомическихъ опредѣленій разсыпаны иногда довольно подробныя перечисленія мѣръ борьбы съ отдѣльными насѣкомыми. Въ числѣ пяти приложенныхъ къ книгѣ таблицъ имѣются четыре изящныя хромолитографіи.

Матеріалы для выясненія условій сельскаго хозяйства въ Пермской губерніи. Очеркъ за лѣто 1892 г. Пермь, 1893 г. Постановка земской статистики въ Пермской губерніи довольно сильно отличалась отъ постановки ея въ другихъ мѣстностяхъ; въ этомъ были несомнѣнные недостатки, но, съ другой стороны, всѣ интересующіеся русскою народною жизнью съ признательностью будутъ вспоминать

заслуги Е. И. Красноперова, инициатора пермской статистики: онъ много и оригинально потрудился для уясненія оригинальныхъ особенностей мѣстной жизни. Продолженіемъ работъ г. Красноперова должна, по видимому, служить брошюра, составленная П. Астафьевымъ на основаніи 389 корреспонденцій изъ 10 уѣздовъ губерній. Красноуфимскій уѣздъ имѣетъ свою самостоятельную текущую статистику (прекрасно устроенную И. Л. Скалозубовымъ); Шадринскій уѣздъ почему-то прислалъ только 3 корреспонденціи, не включенныя въ счетъ. Авторъ текста (г. Астафьевъ) держится неправильнаго взгляда на составъ корреспондентовъ: корреспондировать о сельскомъ хозяйствѣ могутъ съ пользою для дѣла всѣ сельскіе жители, сознательно относящіеся къ окружающей ихъ дѣйствительности.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Канатное и веревочное производства“. К. К. Вебера.

Канатное и веревочное производства. Практическое руководство къ производству шнуровъ, бичевы, веревокъ, канатовъ, канатныхъ и шнуровыхъ ремней и прочихъ издѣлій канатнаго производства. Составилъ инженеръ-технологъ К. К. Веберъ, съ 58 рисунками въ текстѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 75 коп. Въ книгѣ г. Вебера послѣдовательно описываются: матеріалы для канатнаго производства и сельско-хозяйственная обработка пеньки, снаряды, употребляемые въ производствѣхъ, техника канатнаго дѣла и главнѣйшія разновидности этого товара.

Авторъ удѣляетъ слишкомъ мало мѣста описанію тѣхъ волокнистыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ вырабатываются веревки и канаты. Даже о пенькѣ говорится очень кратко. При описаніи подготовительныхъ операций, какимъ подвергаются стебли конопли съ цѣлю выдѣлать изъ нихъ волокно, совсѣмъ не выяснено значеніе процессовъ мочки, мятья и трепанья. Въ изложеніи автора эти весьма важные процессы получаютъ недостаточно опредѣленное и ясное толкованіе, благодаря чему у читателя составляется не совсѣмъ вѣрное о нихъ представленіе. Такъ, относительно мочки сказано, что „дѣйствіе мочки на стебель сводится къ тому, чтобы путемъ вліянія на стебель тепла и воды растворить клейкое вещество, соединяющее древесину съ лубяной тканью“.

Читатель, прочитавъ эти строки, вправѣ заключить, что клейкое вещество растворимо въ водѣ, чего, однако, заключать совсѣмъ не слѣдуетъ, потому что это не вѣрно. Нѣсколько строкъ спустя говорится, правда, о какомъ-то гноеніи конопли, но роль и значеніе его остаются не разъясненными. Цѣль мятья опредѣляется авторомъ не правильно. Оно производится вовсе не затѣмъ „дабы послѣ мятья получить возможно чистый отъ древесины матеріалъ“, а только лишь для того, чтобы надломить древесину, заставить ее отдѣлиться отъ волокнистой части. Очищеніе же волокна отъ частицъ древесины производится дальнѣйшими операциями трепанія и чесанія. Вообще при составленіи своихъ руководствъ г. Веберъ обращаетъ очень мало вниманія на уясненіе сущности отдѣльныхъ операций производства, безъ чего разумѣется невозможно сознательное отношеніе къ дѣлу. Руководство, хотя бы и практическое, прежде всего должно дать возмож-

ность уразумѣть суть дѣла, а безъ опыта и практики только по книгамъ все равно вполнѣ изучить производство нельзя.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота“. Изд. *Е. Киричинскаго*. — „Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей“. Изд. *Вл. А. Попова*.

Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота. Издалъ *Е. Киричинскій*. — Вокабулярій къ нимъ. Его же. Варшава, 1891 г. Первая книжка заключаетъ въ себѣ латинскій текстъ слѣдующихъ біографій: Мильтіада, Оемистокла, Аристиды, Павсанія, Кимона, Алкивіада, Фрасибула, Агесилая, Эпаминонда, Пелопида, Ганнибала и Катона съ приложеніемъ географической карты, изображающей Грецію и Малую Азію; остальные біографіи, по мнѣнію автора, непригодны для класснаго чтенія. Вокабулярій содержитъ слова и выраженія изъ означенныхъ біографій, расположенныя по главамъ, съ русскимъ переводомъ ихъ (подобно тому, какъ это сдѣлано въ нѣмецкихъ пособіяхъ къ Непоту Гольцвейссига и Шеффера); въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ даются краткія разясненія констукцій со ссылками на грамматики Ходобая, Зейфферта и Никифорова. Вокабулярій составленъ умѣло и правильно; мы отмѣтили, впрочемъ, нѣсколько мелкихъ ошибокъ, наприм.: на 57 стр. глаголь *gogo*, по-латыни всегда переходный, переведенъ среднимъ „дѣйствовать“; на 58 стр. *aliquem caritatis accuso* невѣрно передано чрезъ „осудить кого на смерть“; неловко придется также перевести фразу въ біографіи Мильтіада гл. 8 *ad imperii cupiditatem trahi* при помощи вокабулярія, гдѣ для *trahi* указано значеніе „увлекаться“, а для *cupiditas imperii* — „влеченіе къ власти“; на стр. 60 *quoque* названо нарѣчіемъ и проч.

Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей. („Цыгане“ Пушкина, „Мазай и зайцы“ Некрасова, „Дѣдушка“ Никитина). Изд. *Вл. А. Попова*. Цѣна каждой картинки 45 к. Пересылка за 1 ф. по разстоянію. Мы рекомендуемъ эту полезную игру-пособіе. Въ трехъ красивыхъ коробочкахъ заключается по картинкѣ и ея складной копіи, портретъ писателя и его коротенькая біографія и самое стихотвореніе, иллюстраціей къ которому картинка является. Портреты и картинки исполнены отчетливо и изящно. Біографіи написаны живо и толково. Выборъ стихотвореній, какъ читатели видятъ изъ ихъ заглавій, сдѣланъ удачно. Одно только мы можемъ замѣтить: не совсѣмъ удобно вынимать текстъ и картинки. Быть можетъ, слѣдовало бы подклеить какую-нибудь ленточку.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Публицистика для народа.

Мысли русскаго народа о томъ, какое ему нужно ученіе и просвѣщеніе. 2-е изданіе. Москва, 1893 г. Цѣна 10 коп. Четыре путеводителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Изданіе Прянишникова (новое изданіе *И. Сытина*, 1894 г.). Цѣна 20 коп. На этотъ разъ намъ придется бесѣ-

довать съ читателемъ о такихъ явленіяхъ въ области народной литературы, о какихъ до сего времени мы не бесѣдовали ни разу. Мы говоримъ о *публицистикѣ* для народа. По совѣсти сказать, до самыхъ послѣднихъ дней мы думали, что этотъ отдѣлъ общей литературы, по нынѣшнимъ временамъ, какъ будто бы и совершенно чуждъ литературѣ народной, гдѣ всякіе издатели и авторы считаютъ своимъ долгомъ, прежде всего, сѣять „разумное, доброе, вѣчное“, не обращая особеннаго вниманія (и даже не обращая никакого вниманія) на всякія злобы дня... Мы думали, какъ и другіе— „дайте разумное, доброе, вѣчное“, а остальное все само собой приложится и всякія злобы дня безъ насъ разрѣшатся тѣми, кто на то и поставлены. Правда, думая такъ, мы все же чувствовали, что какъ будто бы такъ нельзя, что злобы дня интересны не только для насъ и для тѣхъ, кто долженъ ихъ разрѣшать, а и для народа, котораго онѣ сплошь и рядомъ больше всего и касаются; кромѣ того, было намъ давно извѣстно, что народъ чрезвычайно чутко, даже напряженно прислушивается къ разнымъ злобамъ дня,—хотя нѣкоторые и считаютъ его „ко всему равнодушнымъ и хладнокровнымъ“, — прислушивается, говоримъ мы, но не слышитъ, потому что не на всякомъ же разстояніи все слышно. Но такія наши сомнѣнія и думы жизнь разрѣшала до сего времени иначе: народная литература обогащалась, и то, какъ знаютъ наши читатели, съ не малымъ трудомъ, лишь элементами „разумнаго, добраго, вѣчнаго“, разбавленными въ должной пропорціи элементами неразумнаго и недобраго. Мы думали, что право народной литературы на злобу дня даже въ теоріи не признано. И вдругъ, представьте нашу радость, мы встрѣчаемъ цѣлыхъ двѣ книжки несомнѣнно публицистическаго характера. Что это за книжки, читатель сейчасъ увидитъ. Поразило насъ и то, что книжки эти выходятъ не первымъ изданіемъ,—значитъ, ихъ раскупаютъ, читаютъ. Значитъ, рѣшили мы, публицистика въ народной литературѣ допускается! Какъ это хорошо! И мы съ жадностью принялись за чтеніе этихъ книжекъ.

Но чѣмъ дальше мы читали, тѣмъ больше приходили въ смущеніе. Въ концѣ-концовъ мы хотѣли даже бросить самое чтеніе и не писать о книжкахъ этихъ ни слова, но тотчасъ же раздумали: вѣдь, эти книжки сами по себѣ очень характерны,—онѣ представляютъ ничто иное, какъ отраженіе въ области народной литературы нѣкакого общественнаго теченія. Крайне интересно послушать, какимъ языкомъ представители этого теченія разговариваютъ съ народомъ и до чего они договариваются. Что касается до полемики съ такого рода книжками,—это мы считаемъ, разумѣется, излишнимъ. Мы будемъ только описывать, но не обсуждать, оставаясь лишь на почвѣ строгой объективности.

Первая брошюрка носитъ такое громоздкое заглавіе: „Мысли простаго русскаго народа о томъ, какое ему нужно ученіе и просвѣщеніе, изложенныя по поводу освященія и открытія церковно-приходской школы Московской губерніи, при Тихвинской церкви въ городѣ Богородскѣ 18 января 1887 г.“ (Изд. 2-е. Москва, 1893 г.). Представителями народа являются въ этой книжкѣ „подрядчикъ церковно-каменныхъ построекъ крестьянинъ Владимірской губерніи и уѣзда Тихонъ Потаповъ Потаповъ“ и его „собратьи и единомышленники“ Михаилъ Федоровичъ Грачевъ. Въ брошюру вошли письмо перваго и рѣчь, сказанная при открытіи школы, вторымъ. Первый пишетъ письмо съ тою цѣлью, „чтобы всѣ знали истинныя мысли *настоящаго* русскаго народа, какое ему нужно обученіе и просвѣщеніе“. Второй объясняетъ

цѣль своей рѣчи такъ: „Да услышатъ все сіе благоволительнымъ слухомъ почтенные (я) лица, власть имѣющіе (я) по учебному дѣлу въ министерскихъ и земскихъ школахъ“ (стр. 38). И тотъ, и другой доказываютъ, что земскую школу сколь возможно скорѣе нужно упразднить, а церковно-приходскія насадить. „Народъ нашъ желалъ бы всѣ заведенныя для крестьянскихъ дѣтей сельскія разныя школы, гдѣ, какъ справедливо сказалъ Филаретъ Московскій, слишкомъ затмѣваютъ умы людей изъ рабочаго класса, обратить въ церковно-приходскія школы, и скорѣе готовъ онъ (народъ) довѣрить своихъ дѣтей простымъ изъ разумныхъ и набожныхъ крестьянъ церковно-грамотнымъ учителямъ, нежели учителямъ и учительницамъ, которыхъ присылаютъ изъ учительскихъ семинарій и которые не вѣдаютъ ни народа, къ которому ихъ присылаютъ, ни церкви, которою только и можетъ жить народъ“ (стр. 12). „О, дорого стоять народу эти учителя, эти школы, эта педагогія!—воскликаетъ подрядчикъ церковно-каменныхъ построекъ.—Много крестьянскихъ дѣтей выросло пропащими для вѣры и церкви людьми подъ вліяніемъ этихъ школъ и того просвѣщенія, которымъ снабжаютъ тамъ“ (стр. 12). Далѣе „народъ“ въ лицѣ воплотившаго его „подрядчика церковно-каменныхъ построекъ“ разсуждаетъ подробно о вредѣ земскихъ школъ, о земцахъ и пр., причемъ на каждомъ шагу подкрѣпляетъ свои разсужденія цитатами изъ *Голоса Москвы, Руси, Моск. Вѣдомостей*. „Не мѣшайте народу учиться грамотѣ по тому способу, какъ учились встарину... Научите ребенка церковно-славянскій азбуку и пусть онъ сейчасъ начинаетъ понемногу читать Часовникъ, а затѣмъ Псалтирь. *Выучится и самъ*, и легко, читать и гражданскую печать. Да поучить его писать хорошенько и считать. *Вотъ и будетъ для нашего народа*“. „Навѣрно, онъ будетъ цѣлѣе съ церковно-славянскою грамотою, чѣмъ съ нынѣшними начальными земскими школами“ (стр. 13). Далѣе слѣдуетъ, что земская школа *отбиваетъ охоту отъ церкви* (стр. 14) (ссылка на *Голосъ Москвы* 1885 г., № 56); что земцы „не за свое дѣло взялись, ибо довольная часть дѣятелей земства состоятъ изъ людей чужеземныхъ и инотѣрныхъ (sic),—такъ могутъ ли они вести дѣло народнаго образованія въ характерѣ русскаго народа, а тѣмъ болѣе въ духѣ православія? Лучшій примѣръ тому, продолжаетъ „народъ“, показалъ... баронъ Корфъ (избави насъ Господи отъ подобныхъ дѣятелей!), который съ такимъ возмутительно-дерзкимъ пренебреженіемъ отнесся къ православію (sic), что явно и тайно „хлопоталъ“, какъ упоминается о томъ въ передовой статьѣ № 218 *Моск. Вѣдомостей* за 1884 годъ, „чтобъ изгнать церкви изъ народной школы и валустить за то въ ея учебники таракановъ и блохъ“ (стр. 15). Тутъ же въ примѣчаніи прибавляется, что въ 1862 году министерство народнаго просвѣщенія изъ вѣрнаго союзника церкви внезапно обратилось въ *завистливую и недоброжелательную соперника*“ (стр. 15). М. О. Грачевъ выступаетъ уже настоящимъ витіей и начинаетъ горячо предупреждать народъ и „кого слѣдуетъ“ противъ „знаменитыхъ педагоговъ“ Корфа и Ушинскаго съ „ихъ пустословными и плясопѣсенными учебниками“, отъ которыхъ „быстро стали пропадать въ народѣ знаніе и разумѣніе церковно-богослужебнаго чтенія и охота къ нему. Далѣе слѣдуютъ поучительныя строки, которыя говорить сами за себя: Грачевъ рисуетъ народу вредъ отъ свѣтской школы, что называется, „во вся“: „У насъ на глазахъ съ каждымъ годомъ усиливается въ православныхъ христіанахъ равнодушіе къ церкви Божіей“; „сельская молодежь съ самыхъ юныхъ лѣтъ отторгалась отъ бо-

жественнаго и церковнаго. Въмѣсто храма Божія, новые педагоги устраи-вали прогулки въ лѣсъ и поля въ воскресные дни. Ученики знакоми-лись съ „міровѣдѣніемъ“, а не познакомились съ тѣмъ, что есть единое на потребу. А познакомившись съ „міровѣдѣніемъ“, ученики сельскихъ школъ *возмнили о себѣ ни оътъ что*. Они стали думать, что они умнѣе не только своихъ родителей и старшихъ односельчанъ, но и самого священника. Если же такъ, думалось имъ, то зачѣмъ же хо-дить въ церковь?“ И стали ходить, вмѣсто, церкви въ трактиры, ка-баки и того худшія заведенія“. „Непочтительность къ родителямъ усилилась до ужасающихъ размѣровъ“... „Пороки въ сельской молодежи умножились. Уже на школьной скамьѣ сельскій мальчишка, видя по-ощрительный примѣръ въ учителѣ или учительницѣ, приучался дѣлать папироски и курить. Но и это еще не все. Съ глубокимъ прискорбіемъ мы должны указать на то обстоятельство, что если въ первомъ изъ многихъ адскихъ покушеній на драгоцѣнную жизнь Царя Освободителя рука крестьянина спасла эту жизнь для блага Россіи, то въ позднѣй-шихъ покушеніяхъ, наряду съ людьми болѣе или менѣе интеллигент-ными, принимаютъ участіе уже лица и крестьянскаго сословія. *Вожакъ извѣстнаго направленія достигли своей цѣли: „тараканъ“, какъ они выражаются о школь, былъ ими пойманъ*“. „Говорить ли уже о страш-номъ событіи 1 марта 1881 г.?... Но довольно“ (и т. д., стр. 26). Та-кими словами г. Грачевъ обрисовалъ въ своей рѣчи, обращенной къ народу, весь вредъ земской школы. Такого рода свою публицистику онъ напечаталъ еще отдѣльною брошюрой и раскидалъ по святой Ру-си. Покончивъ такимъ способомъ съ политической стороной земской школы и ея учебниковъ, г. Грачевъ начинаетъ показывать весь ея вредъ въ религіозномъ отношеніи: „Особенно тяжкое раздумье чув-ствуешь, — сокрушенно говоритъ онъ, — когда отъ чтенія учебниковъ, по-добныхъ *Родному Слову*, перейдешь къ чтенію и сравненію съ ними священныхъ учебниковъ: Псалтири, Часослова и др. Какое здѣсь по-ученіе и назиданіе! Учащійся по Псалтири въ самомъ началѣ читаетъ „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ“, а въ *Родномъ Словѣ* Ушинскаго *заставляютъ* дитя читать: „пошелъ козелъ на базаръ, купилъ козелъ курочку“ и т. д. Въ Псалтири сказано: „Коль сладка гортани моему словеса Твоя“, а по *Р. Сл. заставляютъ* дитя вести комедіантскій разговоръ: „Ужь какъ сладки гусинья лапки“ (и т. д.). Въ Псалтири сказано: „Въиде Богъ въ воскликновеніи“, а по *Р. Сл.* ученикъ и ученица читаютъ нелѣзную небылицу: „по поднебесью мед-вѣдь летить, длиннымъ хвостикомъ помахиваетъ“ (стр. 28—32) и т. д. Такими сопоставленіями наполнено нѣсколько страницъ. Въ результатъ выводъ: „По учебнику Ушинскаго ничему другому не выучишься, какъ только пустомельству“ (стр. 33), и горестное восклицаніе „этого об-щепія въ немъ (учебникъ Ушинскаго) ко тѣмъ, этого *согласія съ Вели-аромъ* не замѣтили ни общая наша цензура, ни ученый комитетъ ми-нистерства народнаго просвѣщенія“.

Таковъ одинъ сортъ публицистики, допущенной до народа. Ком-ментаріи къ нему излишни. Посмотримъ теперь другой сортъ ея. Об-разцомъ можетъ служить книжка извѣстнаго галицкаго дѣятеля о. Нау-мовича: *Четыре путевоодителю доброй жизни* *). Составлена эта книжка въ видѣ бесѣды дѣда со внукомъ: дѣдъ читаетъ поучительныя настав-ленія внуку и въ этихъ наставленіяхъ излагаетъ свои взгляды рели-

*) Изд. Пряннишкова (новое изд. Сытина).

гюзно-правственныя, экономическія и др. Распространеніе этой книжки признаю кѣмъ слѣдуетъ желательнымъ и она разсылается по школамъ. Публицистика въ этой книжкѣ носитъ „національный“ характеръ; добрая треть ея посвящена ни больше, ни меньше, какъ травлѣ евреевъ и поляковъ. Дѣло ведется довольно примитивно: выводятся дѣйствительно возмутительныя типы тѣхъ и другихъ, затѣмъ разъясняется, что „всѣ они таковы“. Жидъ является и обманщикомъ, и воромъ, и отравителемъ, всѣмъ, чѣмъ угодно. Весь еврейскій народъ выставленъ чѣмъ-то въ родѣ язвы. Такъ, напримѣръ, на стр. 114 читаемъ: „императоръ Іосифъ объѣхалъ всю Галичину и ужаснулся, увидѣвъ бѣдность тамошняго народа. Сталъ онъ спрашивать своихъ министровъ да чиновниковъ, что за причины такой ужасной бѣдности, и тутъ одинъ изъ нихъ, самый вѣрный слуга его (sic), сказалъ такія слова: „В. В. Галичина будетъ богатѣйшая страна во всемъ вашемъ царствѣ,—надо дать только народу грамотность и книжки“, а этихъ послѣднихъ нѣтъ не потому, что австрійское правительство боится ихъ дать, а потому, что... „по корчмамъ сидятъ евреи, которые портятъ, дурачатъ народъ, спаиваютъ его и отвращаютъ отъ грамотности“. „Вѣдь, еврей живетъ безграмотностью да темнотою народа“ (стр. 14). Такимъ образомъ, корень зла дѣлой страны—евреи. Авторъ не замѣчаетъ, что нѣсколькими страницами дальше онъ трактуетъ о союзѣ евреевъ съ панами-помѣщиками, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ книжки идетъ рѣчь о томъ, сколько благъ Іосифъ, имп. австрійскій, излилъ и изливаетъ на этихъ пановъ. Корень зла, все-таки, еврей, который на стр. 132 слѣдующимъ образомъ формулируетъ свою политику относительно мужика: „Мужикъ? Ну, что такое мужикъ? *Мужикъ все равно что скотъ!* Бы его не выучите, потому что его самъ Богъ сотворилъ, чтобъ онъ работалъ на пана... Оборони насъ Богъ отъ богатаго народа. Мужикъ потуда только и хорошъ, куда онъ бѣденъ“ (стр. 132). Въ концѣ-концовъ, вся грязь, которую можно собрать тамъ и сямъ, ходя по свѣту, дѣйствительно собрана здѣсь, олицетворена въ видѣ Менделя и Якеля, и преподнесена русскому мужику въ общемъ видѣ, съ замѣчаніемъ: „всѣ они таковы“. Публицистика сведена къ травлѣ и чловѣконенавистничеству...

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Терапевтическо-хирургическій карманный словарь“. А. Коха.

Терапевтическо-хирургическій карманный словарь и собраніе рецептовъ для ветеринарныхъ врачей и студентовъ ветеринаріи. Составилъ при содѣйствіи извѣстныхъ специалистовъ А. Кохъ. Редакція русскаго изданія Я. М. Шмулевича. Изд. Деврїена. Спб., 1893 г. Цѣна 2 руб. 75 к. Словарь предназначенъ и для ветеринарнаго врача въ качествѣ карманнаго руководства, и для студента ветеринаріи, какъ репетаторіумъ. Въ предисловіи къ русскому изданію неизвѣстный авторъ увѣряетъ, что въ книгѣ „болѣзненныя явленія изложены точно, лечение разработано и облегчено огромнымъ (?) выборомъ рецептовъ“, „алфавитный указатель очень подробно“, а „типографская работа хороша“. Обо всемъ этомъ обыкновенно предоставляется судить читателю. За всѣмъ тѣмъ книга имѣетъ свои достоинства: между прочимъ, толковое и краткое изложеніе предмета; редакція перевода мѣстами оставляетъ желать лучшаго („наблюденную“, вм.

наблюдаемую, „кровотеченіе“, вм. кровообращеніе, „ведерастія“ вм. содомія, „усиленная“ вм. повышенная температура и т. п. Цѣна изданія сравнительно очень высока.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

„Русское Богатство“, сентябрь. — „Вѣстникъ Европы“, октябрь. — „Ольверный Вѣстникъ“, октябрь. — „Русское Обозрѣніе“, октябрь.

Очерки г. Мамина: *Черты изъ жизни Пепко*—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень оригинальное и любопытное произведеніе. Оригинальность ихъ не въ талантѣ автора—талантъ безспорномъ—и не въ описываемой г. Маминимъ средѣ, довольно ординарной, а въ самомъ тонѣ произведенія. Въ немъ чувствуется юморъ совершенно особаго рода. Онъ не развеселяетъ читателя, не производитъ на него впечатлѣнія чего-то трогательнаго, не возбуждаетъ въ немъ добрыхъ чувствъ. Ему по временамъ при чтеніи очерковъ г. Мамина становится грустно; но это не та свѣтлая грусть, за которой всегда идутъ добрыя, оживляющія душу, дающія силу жить чувства и настроенія. Это грусть мертвеннаго холода, равнодушнаго презрѣнія, почти отвращенія. Чувствуется, что ни одна изъ личностей разсказа не заинтересована въ другой обыкновеннымъ человѣческимъ интересомъ, ни одна изъ нихъ не заинтересована чѣмъ бы то ни было въ жизни, въ мірѣ идей и фактовъ, не заинтересовала даже въ себѣ самой. Чувствуется, что не заинтересованъ ими и самъ авторъ, что для него все они какія-то смутныя тѣни, безъ характеровъ, безъ убѣжденій, безъ воли,—однимъ словомъ, безъ личности. Онъ самъ смотритъ на нихъ равнодушно, безъ злости, безъ ненависти и безъ любви. Едва ли онъ удостоиваетъ ихъ даже своего презрѣнія. Для него и ихъ личности, и ихъ жизнь просто какой-то театръ маріонетокъ, который показываетъ читателю. Эти маріонетки—просто мелкая и ничтожная дрянь, или, скорѣе, онѣ просто обыкновенные люди; но онѣ дрянь потому, что по существу мелкіе эгоисты и безплодные одиночки... Да, именно одиночки,—это настоящее слово для характеристики героевъ очерковъ г. Мамина. Ихъ жизнь, какъ одиночекъ, какая-то безплодная, выжженная солнцемъ и никогда не орошаемая дождемъ человѣческой мысли и человѣческихъ чувствъ аравійская пустыня, по которой утомленный путникъ-читатель бредетъ безъ конца и цѣли, не встрѣчая и не надѣясь встрѣтить ни одного цвѣтущаго оазиса,—бредетъ до тѣхъ поръ, пока не приходитъ въ безотрадное и безпросвѣтное отчаяніе. Почти несомнѣнно, что у автора, несмотря на всю его объективность, былъ извѣстный умыселъ при показываніи его театра маріонетокъ; почти несомнѣнно, что онъ хотѣлъ показать читателю, каковы могутъ быть и даже должны быть интеллигенты, послѣ долгаго блужданія въ мірѣ призраковъ и возвышенныхъ фантазій, припертые къ стѣнѣ, гдѣ нѣтъ просвѣта и откуда нѣтъ нигуда поворота. Почти несомнѣнно, что онъ хотѣлъ сказать интеллигенту: смотрите, такова вся жизнь, такова вся ваша жизнь! И читателя охватываетъ холодный ужасъ, точно кошмаръ какой на него навалился и давить, давить такъ, что вздохнуть трудно. Неужели Пепко, Поповъ — это я? — съ ужасомъ думаетъ онъ, и нужно нѣкоторое усиліе воли и разума, чтобъ очувствоваться, чтобы понять, что, несмотря на реальность рисунка г. Мамина, несмотря на его холодную объективность, тутъ что-то не такъ или, по край-

ней мѣръ, не совѣтъ такъ, что тутъ много субъективнаго, авторскаго, что жизнь интеллигента, можетъ быть, и даже навѣрное, ужасная, все же не такъ ужасна и не такъ бесплодна... Повторяемъ, что герои „очерковъ“ по существу одиночки. Ужасное это положеніе — быть одиночкой среди общества, и еще ужаснѣе положеніе общества, состоящаго изъ одиночекъ. Собственно говоря, такое общество уже вымирающее; оно перестало существовать, какъ общество. Для одиночекъ не существуетъ никакихъ человѣческихъ чувствъ: ни дружбы, ни любви, не существуетъ даже обычныхъ людскихъ отношеній, не существуетъ жизни. Пепко и Поповъ—начинающіе писатели, но для нихъ нѣтъ ничего, что составляетъ душу и смыслъ писательства: нѣтъ идей, убѣжденій, интересовъ жизни, а есть только форма, есть то, наприм., какъ нужно описывать русскій пейзажъ и т. п. Они товарищи и совершенно равнодушны другъ къ другу, къ душевному міру какъ своему, такъ и другихъ. Любить они, какъ говоритъ Пепко, не умѣютъ, а только жилы другъ изъ друга тянутъ, да и какая такая любовь по нашему сѣренькому времени? — со злобой даже спрашиваетъ Поповъ при видѣ страдающей дѣвушки. Они чувствуютъ, что та жизнь, которой они живутъ,— не жизнь, что жизнь и счастье въ томъ, чтобы жить тысячью жизней, чтобы страдать и радоваться тысячью сердецъ, что гдѣ-нибудь должна же быть такая настоящая жизнь. Но они чувствуютъ это только въ мечтахъ, а какъ на людей выйдутъ, такъ имъ и сдѣлается и страшно, и неинтересно, и холодно. Что-то шевелится въ обществѣ при началѣ сербской войны, что-то оживаетъ въ немъ,— да, въ немъ, но не въ одиночкахъ. Для стараго газетчика Фрея это только вопросъ о судьбѣ репортеровъ, которымъ теперь хоть ложись и умирай, потому что публикѣ не нужно болѣе происшествій, пожаровъ, ученыхъ обществъ и пр.; для идущаго въ волонтеры Пепко это какъ будто открываетъ возможность покаяннаго за всѣ пакости подвига, но въ сущности-то для него это только удобство: Любочка (брошенная имъ дѣвушка) не будетъ у воротъ дачи сидѣть и жена шить не будетъ. Когда Поповъ собирается умирать отъ чахотки, предъ его умственнымъ взоромъ проходитъ непрожитая имъ жизнь и онъ видитъ предъ собой глаза дѣвушки (замѣтьте, дѣвушки, которую онъ почти не знаетъ и видѣлъ только нѣсколько разъ,— замѣчательно тонкая черта для одиночки!) и возможныхъ дѣтей,—и только, ничего больше! А ему всего двадцать два-три года... Это, вѣдь, что-то слюняво-старческое, что-то противное, что-то свойственное только старымъ дѣвамъ и еще больше старымъ холостякамъ... Одиночки, безнадежные, жалкіе одиночки! И само собою разумѣется, было бы вопіющею неправдой утверждать, что въ семидесятыхъ годахъ интеллигентное общество, въ принципѣ, конечно, состояло изъ такихъ одиночекъ, что они типичны для того времени. И мысль, и чувство протестуютъ противъ подобнаго утверждения.

А, все-таки, положеніе одиночки—ужасное положеніе, и намъ съ вами, читатель, слѣдуетъ подумать: нѣтъ ли въ насъ самихъ и еще болѣе въ окружающихъ насъ условіяхъ жизни элементовъ, которые при своемъ развитіи могутъ поставить насъ въ такое ужасное положеніе? Вѣдь, почти несомнѣнно, что интересъ къ личности въ насъ слабѣетъ; вѣдь, почти несомнѣнно, что мы припираемся все болѣе и болѣе къ стѣнѣ, гдѣ нѣтъ просвѣта и откуда нѣтъ поворота... И, можетъ быть, ошибка г. Мамина только въ томъ, что настроеніе настоящаго онъ переноситъ въ прошлое...

Въ сентябрьской книгѣ *Русскаго Богатства* г-жа Шабельская до вела свой большой романъ *Друзья* до конца третьей части. Материалъ для сужденія о произведеніи совершенно достаточный и, тѣмъ не менѣе, намъ придется повторить только тѣ слова, которыя мы сказали, прочитавъ начало романа г-жи Шабельской. Авторъ хотѣлъ изобразить нашу великую реформаціонную эпоху и ея новыхъ людей, но... въ романѣ не вышло ни реформаціонной эпохи, ни новыхъ людей. *Друзья* слишкомъ тусклое зеркало для яркой, ослѣпительно-блестящей эпохи. Впрочемъ, какъ бы ни было тускло зеркало, блескъ такъ ярокъ, что и въ такомъ зеркалѣ кое-что отражается, а г-жа Шабельская настолько умная и добросовѣстная беллетристка, что отраженіе у ней не могло оказаться искаженіемъ, вродѣ тѣхъ искаженій, на которыя обыкновенно такъ щедры разные несмысленши, берущіеся говорить или даже изображать реформаціонную эпоху... И дѣйствительно, кое-какія черточки того времени хотя и блѣдно, но все же отразились въ тускломъ зеркалѣ романа г-жи Шабельской. И эти черточки настолько любопытны, въ особенности для нашего времени, что мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ... Герои „очерковъ“ г. Мамина, это—болѣе или менѣе, люди нашего времени, одиночки, утратившіе интересъ къ человѣческой личности. Одной изъ отличительныхъ чертъ людей шестидесятихъ годовъ былъ, наоборотъ, живой, всеобъемлющій, даже всепожирающій интересъ къ личности. Можетъ быть, ни одна эпоха въ общечеловѣческой исторіи, кромѣ эпохи Возрожденія, не отличалась такимъ интересомъ къ личности, такую вѣрой въ нее, въ ея силы, въ ея интеллектъ, какъ въ опредѣляющій судьбу народа, его исторію, факторъ... И эта черта, хотя, повторяемъ, и довольно блѣдно, отразилась и въ произведеніи г-жи Шабельской. Чрезвычайно интересна въ этомъ отношеніи личность нѣкоего Железнева. Нельзя сказать, чтобъ и эта личность удалась автору; но все же она одна изъ самыхъ удачныхъ въ его романѣ. Железневъ—это настоящій сынъ крѣпостной Россіи; его отецъ имѣлъ, по его словамъ, трехъ законныхъ жентъ и триста незаконныхъ, такъ какъ всѣ крѣпостныя дѣвушки были въ его распоряженіи; онъ былъ свидѣтелемъ такихъ ужасовъ, что у него и теперь еще при воспоминаніи о нихъ волосы дыбомъ становятся; ни одинъ человѣкъ, имѣющій образъ и подобіе Божіе, не переступалъ порога его дома. Самъ Железневъ—злой развратникъ. И что дѣлаетъ его злымъ, такъ именно то, что онъ уменъ, талантливъ, образованъ, что онъ знаетъ все то, что проповѣдывали, за что боролись новые люди, что онъ знаетъ справедливость всего того, что было правдиво, жизненно и прогрессивно въ ихъ требованіяхъ, что онъ противъ своей воли раздѣляетъ ихъ вѣру въ личность, въ интеллектъ, какъ опредѣляющій жизненные отношенія и исторію народа факторъ, что, наконецъ, онъ, также какъ и они, преисполненъ интереса къ человѣку. И при всемъ томъ идти съ новыми людьми рука въ руку онъ не можетъ,—онъ долженъ идти противъ нихъ. Къ этому его принуждаютъ и развратность его натуры, и наслѣдіе прошлаго: дикія и необузданныя страсти, деспотизмъ личности, выросшей на гнилой, но сильной соками почвѣ крѣпостного права и, наконецъ, личные интересы. И Железневъ мрачно и свирѣпо глотаетъ спиртъ гольемъ въ ожиданіи, пока настанетъ его пора. А его пора настанетъ; она должна настать. Онъ самъ говоритъ Воронцову (представителю новыхъ людей въ романѣ): васъ надо любить или убить. А пока его тянетъ къ Воронцовымъ: тянетъ говорить съ ними, изучать ихъ во всѣхъ извилинахъ ихъ мышленія, ихъ духовнаго

міра, ихъ стремленій. Тянетъ помимо личнаго, эгоистическаго интереса (Железневъ подозрѣваетъ, даже увѣренъ, что Воронцовъ укрываетъ убѣжавшую отъ него, Железнева, жену), тянетъ въ силу глубокаго интереса къ личности, къ ея духовному міру, къ ея духовной силѣ... Понятно, какой врагъ реформаціоннаго движенія таится въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ этой эпохи, которая не могла же, несмотря на всѣ усилія, порвать съ наслѣдіемъ прошлаго, такъ какъ въ исторіи узы прошлаго съ настоящимъ неразрывны. И этотъ врагъ тѣмъ опаснѣе, что онъ знаетъ все то, что несла съ собой эпоха реформы; гдѣ-то въ глубинѣ, въ скрытыхъ уголкахъ своей души, онъ сознаетъ всю справедливость умственныхъ построеній новыхъ людей, и тѣмъ болѣе злится, тѣмъ болѣе ненавидитъ. Типъ такихъ умныхъ враговъ реформаціонной эпохи чуть ли не впервые затронутъ въ нашей литературѣ г-жей Шабельской. Онъ очень важный и любопытный типъ и заслуживалъ бы вниманія беллетристовъ, обладающихъ большимъ талантомъ и большою силой, чѣмъ г-жа Шабельская... Въ новомъ члѣвѣкъ романа г-жи Шабельской, въ Воронцовѣ, опять-таки очень блѣдно, но все же отразилась другая наиболѣе характерная черта описываемой эпохи. Воронцовъ напоминаетъ что-то знакомое, но давно забытое. Это, ужь мы и не знаемъ которое, изданіе Лопухова и Кирсанова. То обстоятельство, что это новое изданіе типа не поражаетъ насъ какой-нибудь нереальностью, неправдивостью, т.-е. антихудожественностью, доказываетъ, что авторъ *Что дѣлать*, несмотря на отсутствіе у него подлиннаго таланта художника, попалъ въ живое мѣсто, что онъ создалъ не только вѣрный жизни образъ, но и пріимчивый типъ. И если этотъ типъ представляется намъ чѣмъ-то чуждымъ, нѣсколько даже страннымъ, если онъ не встрѣчается нигдѣ въ нашей художественной литературѣ (его нѣтъ ни у Тургенева, ни у Толстого, ни у Салтыкова, не говоря уже, конечно, о художникахъ, принадлежащихъ, по направленію своего творчества, къ позднѣйшей эпохѣ), то это доказываетъ только то, что характерныя черты этого типа принадлежали исключительно реформаціонной эпохѣ, что потомъ онъ исчезъ и былъ забытъ,—навсегда или на время, до новаго возрожденія, это ужь другой вопросъ. Но исчезъ онъ несомнѣнно. Что же это за типъ и каковы его характерныя черты? Позвольте напомнить вамъ объ одномъ довольно плохомъ романѣ, а именно о романѣ г. Мордовцева *Профессоръ Ратмировъ*. Это романъ біографическій. Такъ вотъ тамъ вскользь упоминается о нѣкоемъ живущемъ въ Саратовѣ Николаѣ Гавриловичѣ и съ нѣкоторою насмѣшкой говорится о немъ, что онъ „хочетъ своей головой вычистить весь навозъ изъ Россійской имперіи“. Шутливо это сказано, а попало вѣрно. Одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ реформаціонной эпохи и типа ея новыхъ людей была именно глубокая вѣра,—впрочемъ, не такъ: не вѣра, а убѣжденіе,—во всемогущество ума, интеллекта, идеи. Убѣжденіе до того глубокое, что забывалось о наслѣдіи прошлаго, о страстяхъ, даже объ интересахъ людей,—до того глубокое, что существовала полная увѣренность въ близкомъ водвореніи царства Божія на землѣ; думалось, что какъ только люди поймутъ, т.-е. какъ только имъ растолкуютъ, что такое и гдѣ правда, такъ сейчасъ же, безъ замедленія, эта правда и осуществится на землѣ. Вотъ носителями-то такой характерной черты настроенія реформаціонной эпохи и были новые тогдашніе люди, какъ бы они тамъ ни назывались: Лопуховыми, Кирсановыми или Воронцовыми. И эта черта была дѣйствительно характер-

ной, потому что она была общей и захватывала даже будущих враговъ новыхъ людей, Железневыхъ. Она забыта, эта черта, но она сыграла свою роль въ нашей недавней исторіи и помнить о ней слѣдуетъ, хотя бы для того только, чтобы вѣрно судить объ эпохѣ.

Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій нашего времени представляетъ тотъ глубокий интересъ къ реформаціонной эпохѣ, который сказывается въ постоянномъ обращеніи къ ней въ разсужденіяхъ и оцѣнкахъ самыхъ разнообразныхъ личностей. Положимъ, что въ большинствѣ случаевъ эти разсужденія и оцѣнки не отличаются особой основательностью и толковостью и очень часто они похожи скорѣе на наивзвѣдническіе набѣги въ исторію недавняго прошлаго, чѣмъ на здравую критическо-историческую оцѣнку этого прошлаго и его дѣателей. Но все же фактъ остается фактомъ. Часто обращаются къ нему мысленно, стало быть интересуются; даже больше того: стало быть, сознають, что въ этомъ прошломъ корни настоящаго, какъ въ добромъ, такъ и въ худомъ. И несомнѣнно, что и корни худого въ нашей жизни въ той же реформаціонной эпохѣ. Если мы подверглись, наприм., страданіямъ голода, то основныя причины этого тяжелаго явленія нашей жизни въ той же реформаціонной эпохѣ. „Если это время, — справедливо замѣчаетъ г. Голубевъ въ своей превосходной и замѣчательно содержательной статьѣ: *Податные очерки*, — навсегда въ русской исторіи останется свѣтлымъ воспоминаемъ по дарованнымъ населенію гражданскимъ правамъ, по уничтоженію крѣпостной зависимости, преобразованію суда, введенію крестьянскаго и земскаго самоуправленія, всеобщей воинской повинности, то въ исторіи податного дѣла оно оставитъ по себѣ тяжелую память. Податная политика 60-хъ годовъ не только не шла наравнѣ съ общимъ характеромъ реформъ, но приняла обратный ходъ даже по отношенію къ тому направленію, которое было дано податному дѣлу въ царствованіе императора Николая. *Податные очерки* г. Голубева посвящены уясненію трагическаго положенія крестьянства Самарской губерніи, но они имѣють совершенно общій характеръ и Самарская губернія выбрана авторомъ именно благодаря многоземелью и другимъ удобнымъ для крестьянства условіямъ. Эти благоприятныя условія не могли, однако, спасти крестьянства отъ разоренія, причиной котораго было общее направленіе нашей экономической политики, выразившееся въ покровительствѣ мобилизации земли, оборотному капиталу предъ основнымъ, въ обильномъ государственномъ кредитѣ желѣзно-дорожнымъ компаніямъ, фабричной промышленности, торговлѣ и крупному землевладѣнію, къ увеличенію крестьянскихъ платежей, въ неравномѣрномъ ихъ распредѣленіи и въ строгости взыскація и въ недостаткѣ кредита для крестьянской промышленности. При нашихъ условіяхъ самымъ лучшимъ указателемъ разстройства крестьянскаго хозяйства можетъ служить недоимочность населенія. Въ Самарской губерніи ростъ недоимокъ происходилъ съ невѣроятной быстротой. Къ началу 1872 г. всей недоимки было только 6,7% годового оклада; на другой годъ послѣ неурожая она увеличивается почти въ 10 разъ; но эта огромная недоимка была самой минимальной за все послѣдующее время; несмотря на разные благоприятные и неблагоприятные годы, она все растетъ и въ 1893 г. составляетъ уже 443% годового оклада. И это только недоимка по казеннымъ сборамъ; кромѣ продовольственной недоимки правительству и земству, населеніе накопило недоимку по земскимъ страховымъ платежамъ. Такая непрерывность роста недоимки уже одна служитъ опроверженіемъ того взгляда, по которому главная

причина разстройства хозяйства состоитъ въ неурожаяхъ. Г. Фортуна-товъ (*Урожайи ржи въ Европейской Россіи*) пришелъ къ заключенію, что послѣ уничтоженія крѣпостного права урожаи повысились; въ Самарской губерніи урожай послѣдняго десятилѣтія выше урожая 40-хъ годовъ въ полтора раза. Въ извѣстной части общества и печати распро-странено убѣжденіе, что невзгоды мужика зависятъ отъ усиленія пьян-ства; но изъ отчетовъ акцизнаго вѣдомства видно, что потребление вина уменьшилось болѣе, чѣмъ въ 6 разъ. „И такое явленіе, — при-бавляетъ авторъ, — не можетъ быть признано утѣшительнымъ, такъ какъ наряду съ этимъ дефицитомъ въ потребленіи спирта мы видимъ уве-личивающіеся дефициты казны отъ недоборовъ податей и быстро расту-щее разстройство крестьянскаго хозяйства“. Существенная и основ-ная причина явленія не въ неурожаяхъ, не въ некультурности, не въ пьянствѣ, даже не въ малоземельи, а въ томъ, что экономическая по-литика реформаціоннаго времени не послѣдовала благимъ примѣрамъ попечительной и предусмотрительной политики гр. Киселева по отно-шенію къ государственнымъ крестьянамъ. Кадастровыя работы были оставлены, государственная помощь переселенію была прекращена, по-кровительство крестьянскимъ промысламъ было оставлено или, вѣрнѣе сказать, замѣнено покровительствомъ промышленности не крестьянской. Словомъ, въ общей финансовой политикѣ и въ податномъ дѣлѣ мы возвратились опять къ фискальной системѣ, къ заботѣ о повышеніи податей и налоговъ. Главныя государственныя подати въ какіе-нибудь десять лѣтъ были увеличены почти вдвое, земскіе сборы въ послѣднія 20 лѣтъ возросли втрое; въ такой же, если не въ большей, степени возросли и мірскіе платежи; да, кромѣ того, прибавились выкупныя платежи. „Если мы прослѣдимъ изъ года въ годъ исторію накопленія недоимокъ, — говоритъ г. Голубевъ, — въ связи съ урожаями, то уви-димъ, что недоимочность становилась фатальнымъ явленіемъ, все менѣе и менѣе зависящимъ отъ урожая, а подъ конецъ даже и совсѣмъ не-зависимымъ отъ него; мы увидимъ, что крестьянинъ сначала долженъ только казнѣ и земству, старался изъ этихъ долговъ выпутаться сво-ими силами, но затѣмъ прибѣгаетъ къ частной задолженности, къ ро-стовщику, который, разъ ставши необходимымъ посредникомъ между казною и плательщикомъ, затянулъ такъ сильно петлю на крестьян-скомъ хозяйствѣ, что лишилъ его всякой самостоятельности, а казну даже и тѣхъ сборовъ, которые она получала прежде при низкихъ по-датахъ“. Платежеспособность населенія только до 1882 г. совпадаетъ со степенью урожая, а позже замѣчается обратное явленіе: при высшемъ урожаѣ недоимокъ больше, при низшемъ меньше. То же странное, на-первый взглядъ, отношеніе недоимочности къ много или малоземелью: наиболѣе обезпеченные землей помѣщичьи крестьяне имѣютъ недои-мокъ на душу менѣе многоземельныхъ государственныхъ. При суще-ствующей податной системѣ мы приходимъ къ политико-экономическому абсурду; крестьянское землевладѣніе есть не право, а повинность; убытки отъ земледѣлія тѣмъ больше, чѣмъ больше земельный надѣлъ. На основаніи довольно сложныхъ вычисленій, привести которыя здѣсь мы не имѣемъ возможности, г. Голубевъ опредѣляетъ ростъ частной задолженности самарскихъ крестьянъ слѣдующими, весьма уменьшен-ными противъ дѣйствительности, цифрами: въ 1873 г. задолженность 10 милл., въ 1882 г. — 21,6, въ 1888 г. — 29,6, а въ 1891 г. — 32,8. Принимая самый низшій изъ вычисленныхъ г. Красноперовымъ про-центъ, выходитъ, что крестьянство выплачивало въ 1891 г. одними

процентами 5,5 милл. Наша печать своевременно доказывала, что „чумазыи есть продолженіе новаго времени, малоземелья и непосильныхъ платежей, но податная и земельная политика того времени оставалась глуха къ этимъ предупрежденіямъ; все усиліе было обращено въ поддержку и развитіе крупной промышленности и результатомъ было то, что народное богатство неудержимою волной полилось къ ростовщику-посреднику. Къ нему начало переходить все, что прежде шло въ видѣ податей въ казну и что оставалось у населенія; и не только оборотные капиталы въ его рукахъ, но и основной капиталъ, земля. Банки служили и служатъ исключительно ростовщическому кредиту; возникновеніе ихъ относится къ 60-мъ и къ началу 70-хъ годовъ; этотъ 15-ти лѣтній періодъ можетъ быть названъ банковской вакханаліей. Въ теченіе этого періода учетъ векселей въ однихъ городскихъ банкахъ возросъ болѣе чѣмъ въ 15 разъ, выдача ссудъ—въ 18 разъ, а валовая прибыль—въ 7 разъ. Такое увеличеніе кредита не шло на развитіе хлѣбной торговли, такъ какъ она за этотъ періодъ не увеличилась даже и вдвое; оно не шло и въ пользу промышленности. Крестьянскія деньги сосредоточивались въ банкахъ и въ рукахъ лицъ, пользующихся банками не для торговли и промышленности. Это—промышленники новаго типа, это чистые извлекатели изъ народа богатствъ, это ростовщикъ, это, говоря словами Щедрина, чумазыи, извѣстный въ народѣ подъ именемъ кровопійцы. „Новый промышленникъ не заинтересованъ ни въ чемъ, что касается развитія и упорядоченія промышленности и торговли. Повышеніе и пониженіе пошлинъ, расширеніе торговыхъ льготъ, развитіе путей сообщенія, потеря рынковъ, *не юворя уже о перемѣнахъ въ гражданскомъ устройствѣ и общественномъ самоуправленіи*—все это не касается существа его профессіи. Повышеніе налоговъ, усиленіе контроля—все это касается лишь его побочныхъ занятій, составляющихъ форму, а не основу его дѣятельности“. Изданный законъ о ростовщичествѣ могъ лишь временно смутить его, но не поколебать. „Что писанный законъ, — восклицаетъ авторъ, — когда вся дѣйствительная жизнь съ высокими податями, съ малоземельемъ, съ отсутствіемъ государственнаго промысловаго кредита для крестьянъ и, наконецъ, съ полнѣйшимъ разстройствомъ крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйствъ—все это на его сторонѣ?“ Самарское крестьянство попало въ безысходный заколдованный кругъ. Оно не въ состояніи даже выплатить процентовъ на свой долгъ. Частная задолженность сдѣлала то, что теперь всѣ выгоды хозяйства, происходятъ ли онѣ отъ экономическихъ условій, искусственныхъ улучшеній и отъ общаго прогресса страны или, наконецъ, отъ природныхъ условій,—всѣ задолго впередъ отданы ростовщику-посреднику. Вслѣдствіе этого самый типъ крестьянскаго хозяйства *измѣнился по существу*, превратившись изъ самостоятельнаго въ зависимое. Оно не можетъ теперь выполнять лежащихъ на немъ повинностей, потому что не принадлежитъ уже самому себѣ, а находится въ распоряженіи займодавца. Этотъ послѣдній, не неся никакихъ обязанностей, является господиномъ экономическаго положенія въ странѣ. Онъ регулируетъ по своему произволу поступленіе податей. Ни урожай, ни голодъ не замѣтенъ на государственномъ бюджетѣ; казна одинаково и въ благопріятные и въ неблагопріятные годы получаетъ одни лишь недоборы. „Ростовщика-посредника можно бы было назвать податнымъ откупщикомъ, если бы только за свое посредничество онъ несъ хоть какія-либо обязательства предъ казною“. „При подобномъ посредничествѣ,—заключаетъ г. Голубевъ,—положеніе

казны и плательщика, очевидно, безвыходное; здѣсь врядъ ли могутъ помочь какія-либо общія реформы даже въ податномъ дѣлѣ, здѣсь можетъ итти рѣчь либо о выкупѣ крестьянъ изъ частной задолженности, либо о вмѣшательствѣ государства въ частныя сдѣлки и о пересмотрѣ ихъ законности“.

Мы уже замѣтили выше, что статья г. Голубева о положеніи самарскаго крестьянства имѣетъ совершенно общій характеръ. Это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что авторъ въ другой своей статьѣ: *Подать и недоимка (Вѣстникъ Европы)* имѣлъ возможность, пользуясь тѣмъ же цифровымъ матеріаломъ, употребляя тѣ же вкладки и почти тѣ же выраженія, примѣнить свои выводы къ крестьянству всего нашего отечества. Разница только та, что самарскому крестьянству, при его громадной частной задолженности, не помогутъ, по мнѣнію автора, никакія общія реформы, даже реформа податная, а требуется болѣе радикальная мѣра—ликвидация его частныхъ долговъ при помощи государства, при посредствѣ государственнаго вмѣшательства въ той или другой формѣ; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ задолженность крестьянства не дошла до такихъ ужасающихъ размѣровъ, гдѣ крестьянское хозяйство хоть до нѣкоторой степени сохранило свой прежній типъ хозяйства независимаго, гдѣ оно не находится еще всецѣло подъ экономическимъ господствомъ ростовщика-посредника, этого неофициальнаго откупщика податей,—тамъ необходимы мѣры предупредительныя, которыя предохранили бы крестьянство Имперіи отъ угрожающей и ему судьбы, уже постигшей самарское крестьянство. Необходимо помнить, что при одинаковости условій одинаковыя причины рано или поздно приведутъ къ одинаковымъ, однообразнымъ для всей Россіи слѣдствіямъ. Изъ этого естественно вытекаетъ выводъ, что необходима вся совокупность мѣръ, на которыя съ такимъ героическимъ терпѣніемъ и столь неустанно въ теченіе многихъ лѣтъ указываетъ вся наша серьезная печать. И, прежде всего, необходима податная реформа, перенесеніе податной тяжести съ предполагаемаго и часто мнимаго источника доходовъ на естественный объектъ податей, т.-е. на самыя доходы.

Въ настоящемъ нашемъ обзорѣніи намъ пришлось, къ сожалѣнію, только мимоходомъ коснуться нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ дорогой для всякаго благомыслящаго русскаго патріота реформаціонной эпохи. Не можемъ не привести относящихся къ этому же предмету словъ г. Спасовича изъ его надгробнаго слова о безвременно умершемъ Е. И. Утинѣ. „Всѣ люди—дѣти своего вѣка,—говорилъ г. Спасовичъ,—въ нихъ есть слѣды рѣзда той эпохи, того момента, когда они появились на поприщѣ дѣятельности общественной. Великія эпохи имѣютъ свой особенный блескъ; онѣ налагаютъ на своихъ сподвижниковъ свою печать и сообщаютъ имъ свой извѣстный свѣтъ. Покойный Утинъ былъ однимъ изъ типическихъ представителей этого поколѣнія, со всѣми его достоинствами и недостатками, съ его вѣрой въ идеалы и порывистымъ стремленіямъ къ ихъ осуществленію. Можетъ быть, мы и не доживемъ до лучшаго, до новой весны, но подъ пеленою снѣга всегда прозябаютъ незримые для глаза всходы посѣянныхъ сѣмянъ“.

Да, люди реформаціонной эпохи вымираютъ, но гуманныя идеи живутъ вѣчно!

Изъ всего состава разбираемой книги *Вѣстника Европы* мы находимъ необходимымъ отмѣтить только мнѣніе внутренняго обзорщика о необходимости въ настоящее время судебной реформы. Оста-

навливаясь на томъ пунктѣ рѣчи-программы г. министра юстиціи, гдѣ говорится о „объединеніи мѣстной юстиціи“ (не должна ли мѣстная юстиція представлять собою первую низшую судебную единицу, обнимающую и собственно судъ по дѣламъ менѣе значительнымъ, и участіе въ судѣ по дѣламъ болѣе важнымъ, и слѣдственную часть и охранительное производство, и нотаріальное дѣло, и всѣ вообще функціи такъ называемаго судебного управленія?), хроникеръ замѣчаетъ, что такой низшей судебной единицей всего лучше могли бы быть реформированные волостные суды. „Мы не видимъ причины,—говоритъ онъ,—почему въ предсѣдатели и члены волостныхъ судовъ не могли бы быть избираемы лица всѣхъ сословій; почему волостному суду (съ значительно ограниченою карательною властью и съ сокращенною компетенціей) не могли бы быть подчинены всѣ безъ различія жители волости“. „Мы не выдаемъ,—прибавляетъ хроникеръ,—нашу мысль за возможно-лучшее разрѣшеніе вопроса; напротивъ того, мы очень хорошо видимъ недостатки намѣченнаго нами судебного строя, но онъ имѣетъ за себя то важное соображеніе, что не представляетъ ничего у насъ еще неиспытаннаго, не требуетъ созданія должностей и учрежденій, у насъ еще существующихъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достигаетъ главной цѣли—объединенія всѣхъ институтовъ мѣстной юстиціи *на почетъ чисто судебной*. Земскій начальникъ остался бы при такомъ порядкѣ исключительно администраторомъ; уѣздные съѣзды и губернскія присутствія обратились бы въ чисто-административныя присутственныя мѣста; для конфликтовъ съ судебнымъ вѣдомствомъ не было бы больше никакихъ поводовъ. Порядокъ судопроизводства для всѣхъ органовъ мѣстной юстиціи вообще и для волостныхъ судовъ въ особенности могъ бы быть значительно упрощенъ, *безъ отступленія, конечно, отъ составительнаго процесса*.

Съ другой и болѣе радикальной точки зрѣнія разсматриваетъ тотъ же вопросъ г. Петровъ (*Земскіе начальники и судебная реформа. Сѣверный Вѣстникъ*). Статья г. Петрова вызвана письмомъ въ редакцію одного земскаго начальника, который, соглашаясь со словами нѣкоего Елишева: „что лучшимъ хранителемъ нашихъ политическихъ завѣтовъ и преданій является крестьянство, но оно не имѣетъ вліянія въ повседневной политической жизни“, и, указывая на извѣстную старую формулу: православіе, сомодержавіе и народность, вновь провозглашенную генер. Кирѣевымъ, приглашаетъ редакцію поговорить о земскихъ начальникахъ хоть „какъ-нибудь“. Г. Петровъ съ своей стороны находитъ, что теперь возможно говорить о земскихъ начальникахъ даже не „какъ-нибудь“, а „прямо, честно и откровенно“. Такое свое мнѣніе авторъ основываетъ на высочайшей резолюціи на докладъ министра юстиціи: *сдѣлать такъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи*. „Эту резолюцію покойнаго государя г. Петровъ довольно основательно называетъ исторической не только по содержанію, но и по формѣ. Она категорически заявляетъ, что земскіе начальники не помогли воцаренію дѣйствительнаго правосудія. Тѣмъ не менѣе, авторъ находитъ задачу комиссіи судебной реформы, т.-е. *дѣйствительное воцареніе правосудія*, трудно осуществимой при поставленной ей программѣ. Положимъ, разсуждаетъ онъ, что судебныя функціи будутъ взяты у земскихъ начальниковъ и переданы новымъ органамъ ближайшаго къ населенію суда. Но, вѣдь, власть патріархальная или просто дискреціонная плохо уживается съ самостоятельнымъ судомъ: наприм., въ столицахъ привлеченный къ суду чинами полиціи какой-нибудь

дворникъ оправдывается судомъ и *отриданнѣй* высылается изъ столицы. Этотъ примѣръ показываетъ, что „всякая дискреціонная власть тавить въ своей всеобъемлющей компетенціи громадная судебныя функціи“. Далѣе авторъ задаетъ генер. Кирѣеву вопросъ: дѣйствительно ли патріархальная власть согласуется съ его формулой? „Пусть онъ докажетъ намъ, — говоритъ г. Петровъ, — что по духу православія сто милліоновъ свободнаго народа можетъ быть взято подъ опеку нѣсколькихъ тысячъ привилегированныхъ лицъ, облеченныхъ для осуществленія своихъ опекунскихъ правъ патріархальною властью?“ При облеченіи извѣстныхъ должностей мѣстной, но чисто-патріархальною властью въ результатъ получается юридически вполне организованная олигархія. Всякая же олигархія и вообще патріархальная опека немногихъ привилегированныхъ лицъ надъ массами народа является и нарушеніемъ основныхъ прерогативъ самодержавной власти, и прямымъ отрицаніемъ принципа народности. Обращаясь далѣе къ вышеприведеннымъ словамъ г. Елишева, г. Петровъ замѣчаетъ: „согласитесь, что все это до крайности странно. Представьте себѣ страну, въ которой отъ всякаго вліянія на ходъ общественно-государственной жизни устраненъ тотъ именно классъ, который является лучшимъ хранителемъ политическихъ завѣтовъ и традицій этой страны? Если крестьянство является лучшимъ хранителемъ нашихъ политическихъ завѣтовъ и традицій, то, значить, дворянство является худшимъ хранителемъ этихъ завѣтовъ и традицій. Но, спрашивается, ради чего лучше хранители могутъ быть отданы подъ опеку худшимъ?“... Выводы изъ статьи г. Петрова столь очевидны, что мы считаемъ излишнимъ формулировать ихъ.

Рекомендуемъ вниманію читателя другую статью разбираемой книги *Съвернаго Вѣстника* по текущимъ вопросамъ, — статью г. Кузнецова: *Выкупъ дворянскихъ земель въ казну*. Поводомъ къ статьѣ послужила извѣстная брошюра г. Лиліенфельда: *Какъ предупредить дворянское землевладѣніе отъ неминуемой гибели?* Наша печать, — говоритъ г. Кузнецовъ, — свое вниманіе сосредоточила только на томъ, что г. Лиліенфельдъ мужика ругаетъ и въ казну руку запускаетъ. По нашему же мнѣнію слѣдуетъ отнестись къ дѣлу съ большею серьезностью. Человѣкъ такой патентованной трезвости, какъ г. Лиліенфельдъ, не можетъ проповѣдывать зловредныя идеи. Положенія же его сводятся къ слѣдующему: 1) вся политика удержанія дворянъ на землѣ привела къ неминуемому и безповоротному раззоренію дворянъ и 2) дворянскія земли должны перейти въ собственность государства. „Согласитесь, — прибавляетъ авторъ, — что въ данное время такія положенія могутъ лишь выиграть отъ того, что они высказываются людьми патентованной трезвости“. Въ настоящее время, по мнѣнію автора, началась и ведется съ большимъ успѣхомъ провѣрка объема правъ частной собственности на землю. Прежде всего, поставленъ вопросъ о правахъ частнаго собственника на нѣдра земли (горная регалія) и на лѣса. И эти вопросы ставятся не только многими компетентными лицами, а и правительственными сферами. Г. Лиліенфельдъ также, какъ и многіе другіе, предлагаетъ огосударствленіе лѣсовъ. Правда, онъ имѣетъ въ виду выгоды землевладѣльцевъ на счетъ казны. Но, вѣдь, дѣло не въ томъ, а въ самомъ принципѣ огосударствленія. Лѣса, конечно, должны перейти въ собственность государства, разсуждаетъ г. Кузнецовъ, — такъ какъ они по своему значенію не могутъ оставаться въ частной собственности. Но взять одни лѣса государство не можетъ даже безвозмездно. Расходы на надзоръ такъ велики, что они повели бы

государство къ явному банкротству. И здѣсь г. Лиліенфельдъ указываетъ вѣрный путь, предлагая взять въ казну дворянскія имѣнія. Само собой разумѣется, что это и невозможно, и нежелательно путемъ конкуренціи государства съ частными лицами. Государственное вмѣшательство въ область экономики вызывается именно необходимостью ослабленія конкуренціи. А въ данномъ случаѣ дѣло идетъ даже не объ ослабленіи, а объ окончательномъ устраненіи вредной мобилизаціи землевладѣнія. Государство должно вспомнить о своемъ, стоящемъ внѣ всякой конкуренціи, правѣ на приобрѣтеніе земель. Оно должно для упрощенія ликвидаціи оставить всѣ земли, заложенныя въ банкахъ, за собою, не спрашивая согласія каждаго отдѣльнаго должника. Каждому участку производится особая оцѣнка. За вычетомъ долга остатокъ уплачивается владѣльцу процентными бумагами. То же и по отношенію къ землямъ, заложеннымъ въ частныхъ банкахъ. Не заложенныя земли приобрѣтаются государствомъ по особой оцѣнкѣ и также независимо отъ согласія собственниковъ (съ этимъ послѣднимъ пунктомъ проекта г. Кузнецова наврядъ ли можно согласиться, да наврядъ ли онъ и особенно важенъ въ виду неизбежнаго паденія цѣнъ на землю въ случаѣ осуществленія другихъ частей проекта). Мы не исключили бы, — прибавляетъ авторъ, — и участки, заложенные въ крестьянскомъ банкѣ, потому что въ скоромъ времени всѣ признаютъ необходимымъ объявить государство верховнымъ собственникомъ всѣхъ крестьянскихъ земель. Только въ такомъ случаѣ окажется возможнымъ упорядочить пользованіе землей на общинныхъ началахъ. Выкупная операція при этомъ, конечно, должна потерпѣть существенныя измѣненія. Выкупные платежи государственныхъ крестьянъ должны быть приостановлены. „Все будетъ зависѣть отъ способовъ завѣдыванія новыми казенными землями, — заключаетъ свою статью авторъ. — Завѣдываніе ими должно быть передано земству, въ точномъ смыслѣ этого слова, которому противорѣчить земство получивное и по преимуществу дворянское“.

Историческая параллель г. Лѣскова: *Вдохновенныя бродяги, удалецкія сказки*, по обыкновенію, превосходно написана и очень интересна. Но она въ нѣкоторомъ родѣ непередаваема и мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ заключеніе статьи г. Лѣскова: „Ашиновъ достигъ самаго полнаго преобладанія надъ всѣми исполнителями „Положеній закона гражданскаго“. Онъ началъ свою карьеру съ того, о чемъ Мошкинъ (XVII в.) не смѣлъ бы и думать, а Баранчиковъ (XVIII в.) дошелъ только въ концѣ своихъ подвиговъ и то въ слабой степени. Ашиновъ прямо, сразу пошелъ на разореніе „Положеній закона гражданскаго“, потому что онъ былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, кто столь ненавидитъ законность, что не погнушается итти противъ нея за одно съ кѣмъ пошло. Унизительный инцидентъ Ашинова никакими клещами не можетъ быть отодранъ отъ исторической фигуры Каткова. Если соответственные элементы будутъ въ наличности и въ XX вѣкѣ, то возможно, что явленіе повторится и тотъ вѣкъ выставитъ своего подражателя Мошкину, Баранчикову и Ашинову; но вдохновенный таковскимъ духомъ молодецъ въ двадцатомъ вѣкѣ долженъ имѣть большій успѣхъ. Печать же должна показать, насколько *сказочники* стоятъ ниже людей, исполняющихъ „положенія гражданскаго порядка“, такъ какъ только святой трудъ этихъ людей даетъ средства на всѣ дѣйствительныя нужды страны, а также и на удовлетвореніе многихъ ненужностей“.

Статья проф. Овсяннико-Куликовскаго не только очень хороша и

оригинальна сама по себѣ, она, кромѣ того, еще любопытна и въ другомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что основныя философскія положенія почтеннаго автора наврядъ ли могутъ быть согласованы съ тѣмъ знаменитымъ „знаменемъ“, которое „выкинула“ редакція *Съвременнаго Вѣстника*. Помѣщеніе такой статьи доказываетъ, что журналъ прекрасно могъ бы обойтись безъ такого „выкидыванія“ также, какъ вышеупомянутыя статьи гг. Петрова и Кузнецова доказываютъ, что почтенная редакція могла обойтись безъ какого-то „новаго либерализма“, столь горячо и благодарно привѣтствуемаго г. Тихомировымъ на страницахъ *Русскаго Обзорнія*, и ограничиться „старымъ“ либерализмомъ...

Основная задача статьи состоитъ въ указаніи субъективнаго элемента въ творчествѣ Тургенева. Въ созданіи образа Базарова Тургеневъ, по мнѣнію автора, стремится удовлетворить „настоятельной и интимной потребности своего ума и своей души“. Нужно припомнить, — говоритъ профессоръ, — нѣкоторыя черты базаровской натуры: его „самоломанность“ и то, что „ему смердитъ его собственное ничтожество“, мысль о вѣчности, грозный призракъ смерти, возмущающій гордость Базарова, и вообще пессимистическій взглядъ на вещи и на людей... Тѣ же мотивы встрѣчаются и въ *Призракахъ*, и въ *Довольно*... Пессимизмъ Тургенева „головного происхожденія“ и вытекаетъ изъ свойствъ тургеневского ума. „Обыкновенно при анализѣ произведеній художественнаго творчества слишкомъ мало удѣляютъ мѣста изученію самого ума, создавшаго произведение, — замѣчаетъ г. Овсяннико-Куликовскій. — А, между тѣмъ, художественное творчество есть дѣятельность чистоумственная (одна изъ формъ *аперцепціи*)“. Тургеневскій умъ есть умъ по преимуществу созерцательный, ренановскій, философски-консервативный. Созерцательные умы бываютъ разные и могутъ быть различаемы потому, какъ они реагируютъ на идею развитія, эволюціи. Есть умы внутренне къ ней предрасположенные и есть умы, не задѣваемые ею за живое, равнодушно къ ней относящіеся. Къ этому послѣднему разряду принадлежалъ и умъ Тургенева. Умы, которымъ не средня или чужда идея развитія, предрасположены къ философскому пессимизму, а тѣ, для которыхъ она служитъ привычной и удобною формою мышленія, склонны къ философскому оптимизму. Для Тургенева идея развитія не составляла необходимой пружины мышленія. Въ этомъ отношеніи его большой умъ такъ же консервативенъ, какъ и блестящій и глубокій умъ Ренана. Совсѣмъ не случайно совпаденіе благополучно-незлобиваго, грустно-ироническаго пессимизма Ренана съ таковымъ же у Тургенева. Разбирая далѣе знаменитое мѣсто изъ *Довольно*, гдѣ Тургеневъ говоритъ, что „Венера Милосская, пожалуй, несомнѣннѣе принципъ 89 года“, профессоръ замѣчаетъ: „Мыслитель прогрессивно-научнаго типа не подписался бы подъ этими строками. Въ нихъ все, даже самая правда, отмѣчена несомнѣнной консервативностью пріемовъ мысли, архаичностью ея формъ. Понятія: *искусство, красота, природа* у Тургенева могутъ быть разсматриваемы какъ прямое наслѣдіе старой миеологии. Они отливались въ умъ Тургенева въ форму какихъ-то *объективныхъ началъ*, — эти отвлеченія и фикціи не выходятъ у него за предѣлы той категоріи мысли, которою впечатлѣнія отливаются въ форму *субстанціи*. А для современной мысли это не субстанція, а *процессы*...“ Если созерцающій умъ станетъ на *единственную законную* точку зрѣнія и будетъ понимать *природу, психію, красоту, право* какъ *процессы*, а не какъ *субстанціи* и будетъ мыслить ихъ въ *развитіи*, а не какъ нѣчто неподвижное, то его умонастроеніе, его интеллектъ—

альныя чувства будутъ иными, чѣмъ у Тургенева. Вселенная будетъ являться ему процессомъ дѣйствія силъ, созидающихъ все новыя формы. И сама личность съ ея самосознаніемъ есть только одна изъ этихъ формъ, это—*новый порядокъ явленій*... „И какъ можно,—замѣчаетъ авторъ,—говорить о ничтожествѣ, о безсиліи личности, когда она является носителемъ начала, котораго до нея въ природѣ не было,—начала *отлеченія*...“ Отправною точкой консервативной мысли,—продолжаетъ г. Овсяннико-Куликовскій, служить упорное сознаніе своего „я“, какъ субстанціи, и оно, это „я“, тяготеетъ надъ мыслью всею гнетомъ своей бренности, всею ужасами смерти. Это настроеніе духа, диаметрально противоположное тому, для котораго личность не субстанція, а одинъ изъ сложнѣйшихъ процессовъ и комбинацій, причемъ и является возможность устраненія страха смерти, именно смерти индивидуальной, личной... И этотъ послѣдній мотивъ до чрезвычайности важенъ, такъ какъ онъ составляетъ характерный элементъ, придающій своеобразную окраску цѣлому міросозерцанію.

Русское Обзоріе среди ежемѣсячныхъ журналовъ играетъ ту же роль, какую играетъ *Гражданинъ* среди ежедневныхъ органовъ печати,— роль баса-буффа въ оперѣ. Басъ-буффъ кривляется, передразниваетъ другихъ пѣвцовъ, выдѣлываетъ невообразимыя трели и возбуждаетъ въ публикѣ неудержимый, гомерическій хохотъ. Какого жита нѣтъ на лопатѣ *Русскаго Обзорія*? Тутъ и г. Зиминъ съ своимъ большимъ романомъ *Кружнымъ путемъ*, гдѣ святость семейнаго союза утверждается посредствомъ ничѣмъ неприкрытаго распутства, причемъ при наиболѣе патетическихъ сценахъ читатель помираетъ со смѣху; тутъ и любопытнѣйшій изъ шестидесятниковъ г. Суворовъ (*Записки о прошломъ*), самымъ объективнѣйшимъ образомъ, безъ злобы и ненависти ругательски ругающій „семинаристовъ“ 60-хъ годовъ за то, что они не пожалѣли „высшаго сословія“ имперіи, пострадавшаго, какъ извѣстно, отъ „дворянской обиды“; тутъ и комическая фигура кн. Вяземскаго, русскаго Васко де-Гама, совершающаго въ почтовой повозкѣ свое *Путешествіе верхомъ вокругъ Азии*, приводящаго въ восторгъ сотрудниковъ *Финро*, скромно знакомаго русскаго читателя съ восторженными статьями этого бульварнаго органа о немъ, русскомъ Васко, и находящаго, что жизнь путешественника тѣмъ и хороша, что въ ней никакого смысла нѣтъ... Вообще много, много такого жита на лопатѣ *Русскаго Обзорія*. Г. Spectator этого журнала (*Современные вопросы. Россія на распутьи*) рекомендуетъ Россіи удалиться пока на Востокъ и для сего отгородиться отъ гнѣющаго Запада китайскою стѣной. А когда Россія заберетъ и Константинополь, и Іерусалимъ, и Абиссинію, и вообще все, что не Европа, тогда Западъ уже совсѣмъ сгниетъ и тогда можно будетъ загородку маленько пріоткрыть и посмотреть, что тамъ, въ Европѣ-то этой, дѣлается. Если она немного очувствуется и покается, тогда мы можемъ смилостивиться и протянуть братскія объятія, т.-е. и Европу себѣ забрать... Очаровательная утопія!...

Искренно насъ порадовалъ г. Ст. (*Письма и бесѣды о вопросахъ дня. Болгарскій вопросъ*). Это, если читатель помнитъ, тотъ самый „свѣтскій человѣкъ“, писавшій о „несвѣтскихъ вопросахъ“, который заявилъ о себѣ, какъ объ „авторитетѣ въ военныхъ дѣлахъ“ и изобрѣлъ особую философію для дамъ. Такъ теперь его прекрасная корреспондентка (большое ей спасибо!) дала „свѣтскому человѣку“, по его словамъ, „деликатный репримандъ“ и посовѣтовала ему заняться

„лучше вопросами дня, въ которыхъ *свѣтскій* человекъ болѣе компетентенъ“. Въ добрый часъ! Почему компетентнаго человека не послушать? И „свѣтскій человекъ“ на сей разъ, повторяемъ, насъ порадовалъ. Онъ призналъ, что настоящихъ руссофиловъ въ Болгаріи быть не можетъ, ибо положеніе болгарь: „Болгарія—для болгарь“ имѣть вполне законное право на существованіе. Одно только немного странно въ разсужденіяхъ „свѣтскаго человека“: почему это „католическую династію въ Болгаріи ни правительство русское, ни совѣтъ русская никогда признавать не будутъ?“ Вѣдь, католическую австрійскую династію, царствующую, однако, тоже надъ славянами и надъ православными, и русское правительство, и русская совѣтъ признають. Да и не черезъ-чуръ ли ужъ смѣлъ г. „свѣтскій человекъ“, когда онъ ручается за будущее и говоритъ за русское правительство и за русскую совѣтъ! Положимъ, свѣтскимъ людямъ многое извиняется.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 но-
ября 1894 г.**

Лагранжъ, Фердинандъ. Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей. Пер. д-ра мед. Е. М. Дементьева. Изд. второе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Результаты однодневной переписи г. Одессы 1 декабря 1893 г. Ч. I. Населеніе. Ч. II. Квартиры. Ч. III. Дворовыя мѣста и подворно-хозяйственная перепись. Обработано статистическимъ бюро при одесской городской управѣ подъ редакціей А. С. Бориневича. Изд. Одесскаго городского общественаго управленія къ столѣтію города. Одесса, 1894 г.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Полут. II вып. 16. Пер. со 2 измѣнаго изд. подъ редакціей д-ра зоологіи С. М. Перяславцевой. Одесса, 1894 г. Ц. 25 коп.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1893 г. По сообщеніямъ корреспондентовъ. Годъ восьмой. Полтава, 1894 г. Ц. 1 р. Съ пересылкой. 1 р. 20 к.

Сотири, С. Новыя основанія для организаціи земельнаго хозяйства города Керчи. Докладъ городского агронома. Изд. керчь-еникальскаго городской управы. Керчь, 1894 г.

Новый букварь, составленный учителями * * * *. Изд. магазина „Сотрудникъ школъ“ А. К. Загѣской. Москва, 1894 г. Ц. 6 к.

Зонтагъ, О. Болѣзнь желудка и кишекъ, ихъ причины и лѣченіе. Пер. съ измѣнаго. „Врачъ въ домѣ“. Популярная медицинская бібліотека Н. Лейненберга. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Вергеръ, Поль. Спутникъ мажоркровоныхъ. „Врачъ въ домѣ“. Популярная медицинская бібліотека Н. Лейненберга. Одесса, 1895 г. Ц. 80 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Золото.

Романъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чайченко, В. Робинзонъ. Оповіданія про те, якъ одинъ чоловікъ по чужимъ краяхъ мандрувавъ и якъ винъ на острови середъ моря живъ. Вдруге выдано у Черниговѣ, 1894 г. Ця книжка коштуе 10 копійокъ.

Отчетъ полтавской губернской земской управы за 1893 г. Выпускъ I. Полтава, 1894 г.

Чайченко, В. Батько та дочка. Оповіданія про те, якъ чоловікови підъ землею въ шахти пригода трюмлася. У Черниговѣ, 1894 г. Ця книжка коштуе 5 копійокъ.

Анненскій, Иннокентій. Вакханки. Трагедія Эврипида. Стихотворный переводъ съ соблюденіемъ метровъ подлинника. Спб., 1894 г.

Степовичъ, А. I. Къ столѣтію рожденія Яна Коллара, гѣвца проповѣдника „Славянской взаимности“. Кіевъ, 1894 г.

Степановичъ, А. I. Отчетъ о дѣятельности Кіевского славянскаго благотворительнаго общества за 1893 г. Составленъ секретаремъ общества. Кіевъ, 1894 г.

Плачь Бѣлорусской земли. Витебскъ, 1894 г.

Сутуловъ, Э. Объ обработкѣ почвы. Бесѣды по вопросамъ земледѣлія. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

Ростовцевъ, П. Мята, анисъ и тминъ. Промышленныя растенія. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.

Ростовцевъ, П. Полевые растенія. Росичка и чечевица. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 7 к.

Петровъ, Н. В. Породы рогатаго

- снота, пригодныя для разведенія въ Россіи. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомировъ. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.
- Линдеманъ, К. Е.** О насекомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и нукѣ въ амбарахъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.
- Линдеманъ, К. Е.** О насекомыхъ, вредящихъ огороднымъ растениямъ, и о мѣрахъ ихъ истребленія. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомировъ. Москва, 1894 г. Ц. 35 коп.
- Бажаевъ, В. Г.** О хлѣбныхъ сѣменахъ и о посѣвѣ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 6 к.
- Бажаевъ, В. Г.** Луга и ихъ улучшеніе. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.
- Аверкіева, Екатерина.** Клубника и кислая земляника. Практическіе совѣты по огородничеству. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Аверкіева, Екатерина.** Малина. Практическіе совѣты по огородничеству. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Аверкіева, Екатерина.** Яблоня и груша. Практическіе совѣты по огородничеству. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Евсѣевъ, И. Е.** Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ. Учебное пособіе для начальныхъ школъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 8 коп.
- Алехторовъ, А. Е.** Выборное начало у киргизовъ. Оренбургъ, 1894 г.
- Майковъ, Л.** Историко-литературные очерки. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Ризовъ, Д.** Разлагающа се възраждающа се Вѣлгарія. Издава Н. Ризовъ. Софія, 1894 г. Ц. 1 левъ.
- Киркегоръ, Серенъ.** Наслажденіе и долгъ. Перъ съ датскаго П. Г. Ганзена. „Моя библиотека“. Изд. М. М. Лодерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Роменсъ, Д.** Нагодѣтельность (Критическое влгоженіе теоріи Вейсмана). Пер. В. А. Холодковского, подъ редакціею Н. А. Холодковского. Изд. М. М. Лодерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Грековъ.** Среди доискиихъ обывателей. Роговъ на Дону, 1894 г. Ц. 50 к.
- Земскій сборникъ** Черниговской губерніи. 1894 г. №№ 5 и 6. Май—іюнь. Изд. черниговской губернской земской управы. Черниговъ, 1894 г.
- Дело.** Сентембар. Београд, 1894 г.
- Русскіе символы.** Вып. 2. Стихотворенія Дарова, Вронна, Мартова, Миросовскаго и др. Изд. В. А. Маслова. Москва, 1894 г.
- Сенкевичъ, Г.** Мальчикъ Геркулесъ. Рассказъ. Изд. книжнаго склада П. К. Прилиничкова. Москва, 1894 г.
- Гамовъ, И.** Очерки далекой Сибири. Изд. книжнаго магазина Я. Г. Саркина. Гомель, 1894 г. Ц. 35 коп.
- Андерсенъ.** Она нкуда не годилась. Сказка. Изд. книжнаго склада П. К. Прилиничкова. Москва, 1894 г.
- Дмитріевъ, К. Д.** Позосы, настѣнка и квашенные корма для скота. Изд. книжнаго склада П. К. Прилиничкова. Москва, 1894 г.
- Шопенгауэръ, А.** О возрастахъ челолика. „Международная библиотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.
- Фуллеръ, А.** Психологія мужчинъ и женщинъ и ея физиологическія основанія. „Международная библиотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 25 коп.
- Винъ, Альфредъ.** Механизмъ мнеленія. Перъ съ англійскаго. „Международная библиотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.
- Шенбергъ, Густавъ.** Новая политическая экономія. Пер. І. Юровскаго. „Международная библиотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.
- Лабандъ.** Государственный строй германской имперіи. „Международная библиотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.
- Штрайслеръ, Ф.** Прискожденіе семьи. „Международная библиотека“. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Дружининъ, Н. П.** Какіе способы даятъ законъ для борьбы съ пьянствомъ? Изданіе книжнаго склада А. М. Калмыковой. Спб., 1894 г. Ц. 10 коп.
- А., Я.** Крестьянское хозяйство и книга. Изд. книжнаго склада А. М. Калмыковой. Спб., 1894 г.
- Праздники и рѣшнца у различныхъ народовъ.** Изд. книжнаго склада А. М. Калмыковой. Спб., 1894 г.
- Въ Турецкой неволѣ.** Изд. книжнаго склада А. М. Калмыковой. Спб., 1894 г.
- Живые мертвецы** (Изъ жизни прокаженныхъ). Изд. книжнаго склада А. М. Калмыковой. Спб., 1894 г.
- А., Я.** Тяжкіе грѣхъ темныхъ людей. П. Труженникъ-просвѣтитель. Изд. третье книжнаго склада А. М. Калмыковой. Спб., 1894 г.
- Сибирскій, Всеволодъ.** Не 'отъ скуки. Стихотворенія. Томскъ, 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Руководство къ лѣченію зубныхъ болѣзней,** составленное L. Holländer'омъ. Пер.

- х-ра Л. А. Говсѣева, подъ редакціей профессора В. Ф. Грубе. Т. II, ч. 2, вып. II. Изд. д-та Я. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1894 г.
- Журналы засѣданій очереднаго елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія въ сентябрѣ 1894 г. (сессія XXX). Елисаветградъ, 1894 г.
- Compte-rendu de l'année 1893—1894, Société des medecins-veterinaires de Moscou. Moscou, 1895.
- Стасовъ, В. В. Собраніе сочиненій. 1847—1886. Три тома. Рисунки къ сочиненіямъ В. В. Стасова. Спб., 1894 г.
- Къ двадцатипятилѣтію торговаго дома В. Бессель и К^о. Краткій очеркъ музыкально-издательской дѣятельности фирмы В. Бессель и К^о. Каталогъ издавій музыкальной торговли Василія Бессель и К^о. Спб., 1894 г.
- Карквета. Стихотворенія. Москва, 1894 г.
- Отчетъ о состояніи коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1890 г. по 1 окт. 1894 г. Кіевъ, 1894 г.
- Фридманъ, Г. I. Уходъ за грудными дѣтьми. Свѣдѣнія для матерей. Симферополь, 1894 г. Ц. 45 коп.
- Дунинь-Боковскій, В. М. Нѣкоторая вредная насѣкомыя въ Екатеринославской губерніи въ 1894 г. Скрытые враги хлѣбныхъ посѣвовъ. Отчетъ губернскаго агронома. Екатеринославъ, 1894 г.
- Колесовъ, А. А. Оцѣнка имѣній. Краткое руководство. Изд. второе, исправленное и дополненное. Харьковъ, 1894 г. Ц. 50 к., съ пересылкой 60 коп.
- Боровичъ, Л. А. Инженеръ-технологъ. Практическое руководство къ построению динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ. Изд. 2-е К. Л. Риккера. Съ 164 рисунками. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Трояновскій, К. Ф. Здравоохраненіе личное и общественное. Краткое руководство для учебныя заведеній и для всеобщаго употребленія. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 1 руб. 40 коп.
- Тішаух, Р. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 французскаго изд. подъ ред. и съ примѣчаніями д-ра А. С. Таубера. Русское изд. 2-е К. Л. Риккера. Вып. I. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 руб.
- Топазовъ, А. Гражданинъ и личность. Мысли въ стихахъ. Москва, 1894 г. Ц. 50 к.
- Топазовъ, А. Борьба ученыхъ съ корсетомъ. Сценическая фантазія изъ современной жизни. Въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Москва, 1894 г. Ц. 50 к.
- Топазовъ, А. Вопросы жизни. Сценическая аллегорія изъ міра чувствъ и идей. Въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Москва, 1894 г. Ц. 50 к.
- Мижужева, О. М. Приключенія трехъ котятъ. Рассказъ для маленькиа дѣтей. Рисунки барона М. П. Клодта и др. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 30 коп.
- Мередитъ, Ц. Эгонствъ. Романъ. Пер. съ англійскаго Э. А. Венгеровой. „Моя бібліотека“. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вьёрнсонъ. Повѣсти и рассказы. Т. I. Пер. съ норвежскаго О. М. Петерсовъ. „Моя бібліотека“. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Мижуевъ, П. Г. Ричардъ Кобденъ (Нашему юностиу. Рассказы о хорошихъ людяхъ). Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 20 коп.
- Валуева, А. П. Авраамъ Линкольнъ. Рассказъ. Изд. 3-е. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 20 коп.
- Мало, Гекторъ. Богатая партія. Повѣсть. „Моя бібліотека“. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 20 коп.
- Вальзакъ, Онорѣ. Рассказы. Т. I. Пер. Ел. Вл. Штейнъ. „Моя бібліотека“. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 40 коп.
- Сувестръ, Э. Философъ на чердакѣ. Рассказъ, удостоенный преміи Французской академіи наукъ. Пер. О. Н. Хмѣлевой. Изд. М. М. Ледерле. „Бібліотека вашего юностиа“. Спб., 1894 г. Ц. 60 коп.
- Станюковичъ, К. М. Жертвы. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 1 руб.
- Донгфелло. Стихотворенія. Подъ редакціей Д. Л. Михайловскаго. „Моя бібліотека“. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 40 коп.
- Пеллико, Сильвіо. Мои темницы (Le mie prigioni). Пер. съ итальянскаго Вл. Штейнъ. „Моя бібліотека“. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 60 коп.
- Двѣловъ. Переселенцы и новыя мѣста (Путевыя замѣтки). Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 1 руб.
- Валуева, А. П. (Мунтъ). Двѣ матери. Екатерина Гѣте и Катарина Байронъ. Рассказъ. Изд. М. М. Ледерле и К^о. „Бібліотека нашего юностиа“. Спб., 1894 г. Ц. 60 коп.
- Гофманъ, Ф. Т. В. Рассказы. Т. II. Пер. З. Н. Жураской. „Моя бібліотека“. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 40 коп.
- Бѣклей, Арабелла. Вѣсны съ дѣтьми о природѣ. Пер. съ 25 англійскаго изд. Д. А. Корончевскаго. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Гутцлеръ, Сара. Дѣти. Рассказы не

- для дѣтей. Пер. Л. П. Шелгуновой. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- Стаховичъ, Н. П.** Повѣсти и рассказы. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Валеръ, Жаунъ.** Иллюзіи доктора Фаустина. Романъ. Пер. съ испанскаго Н. Оедоровой. „Моя библіотека“. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г. Ц. 40 коп.
- Реклю, Элизе.** Земля. Описаніе жизни земного шара. Пер. безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія А. В. Мезьеръ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. А. Рубакина. Вып. I. Земля какъ планета. Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 картами. Спб. 1894 г. Ц. 90 коп.
- Захаровъ, М.** Стихотворенія. Изд. И. П. А. . . . а. Москва, 1894 г. Ц. 60 к., съ пересылкой 70 коп.
- Бертенсонъ, Георгій, д-ръ.** Новое мировоззрѣніе. Спб. 1894 г.
- Стефановскій, Д. Н.,** товарищъ прокур. ярославскаго окружнаго суда. О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ. Очеркъ теоріи относительности доказательствъ. Ярославль, 1894 г. Ц. 1 руб.
- Извлечение изъ отчета по харьковскому земледѣльческому училищу за 1893 г.** Харьковъ, 1894 г.
- Мужидная глѣз.** Казань, 1894 г.
- Кальнингъ, И.** Комментарій къ четвертому изданію російской фармакопеи. Съ предисловіемъ профессора В. А. Тихомирова. Т. 2, выпускъ шестнадцатый. Москва, 1894 г.
- Костинъ, А.** Сборникъ ариметическихъ задачъ для городскихъ и сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, съ приложеніемъ геометрическихъ задачъ, встрѣчающихся въ практической жизни простолюдина-земледѣльца. Самара, 1894 г. Ц. 85 коп., съ пересылкою 45 к.
- Флавицкій, Ф. М.** Общая или неорганическая химія. Лекціи профессора Императорскаго Казанскаго университета. Съ 96 рисунками въ текстѣ. Казань, 1894 г. Ц. 3 р. 50 коп.
- Песталоцци, Генрихъ.** Избранныя педагогическія сочиненія. Т. I. Лянгардъ и Гертруда. Ч. 1 и 2. Т. II, части 3 и 4-я. Переводъ съ нѣмецкаго В. Смирнова. Съ портретомъ Песталоцци и очеркомъ его жизни и дѣятельности. Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Москва, 1894 г. Ц. каждаго тома 2 р. 50 коп.
- Зелинскій, В.** Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть первая. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб.
- Писаревъ, С. П.** Книжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. Историко-археологическое изслѣдованіе въ связи съ исторіей Смоленска. Смоленскъ, 1894 г. Ц. 2 руб.
- Отчетъ александровской уѣздной земской управы уѣздному земскому собранію XXIX очередной сессіи (1894 г.).** За 1893 г. Александровскъ, 1894 г.
- Керенскій, Владиміръ.** Старокатолицизмъ, его исторія и внутреннее развитіе преимущественно въ вѣроисповѣдномъ отношеніи (Историко-критическое изслѣдованіе основныхъ началъ старокатолицизма въ ихъ отношеніи къ православію). Казань, 1894 г.
- Голубевъ, П. А.** Историко-статистическія таблицы по Саратовской губерніи за періодъ 1862—92 г. Составлено по отчетамъ, ежегодникамъ и специальнымъ изданіямъ департаментовъ разныхъ министерствъ. 1894 г.
- Положеніе народнаго образованія въ Саратовской губерніи за время существованія въ ней земскихъ учреждений.** Вып. I. Вольскій уѣздъ. Саратовъ, 1894 г.
- Сельско-хозяйственный обзоръ по С.-Петербургской губерніи, 1894 годъ.** Періодъ I. Зима и весна. Изд. с.-петербургскаго губернскаго земства. Спб., 1894 г.
- Ильенко, А. К., поручикъ.** Смоленскъ. Дорогое ожерелье царства русскаго. Краткій историческій очеркъ. Спб., 1894 г.
- Труды перваго областного съѣзда сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи.** Изданы подъ редакціей С. А. Харизоменова. Саратовъ, 1894 г.
- Оедорова, М. К.** „Подруга“ Календарь для учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ (младшаго возраста). 1894—95. Годъ первый. Изд. О. Л. Вѣнера. Спб., 1894 г. Ц. 85 коп.
- Мондъ, Л.** Пѣсь торжествующей любви. Опера въ 3 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ. Текстъ. Музыка В. Гартевельда. Москва, 1894 г. Ц. 30 к.
- Андерсенъ.** Собраніе сочиненій. Въ 4 томахъ. Пер. съ датскаго подлинника А. и П. Гавсенъ. Т. III, вып. X. Спб., 1894 г.
- Клоссовскій, А.** Метеорологическое обозрѣніе. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1893 г. Вып. VI. Одесса, 1894 г.
- Финляндія въ XIX столѣтіи, изображенная въ словахъ и картинахъ финляндскихъ писателей и художниками.** Изд. товарищества М. О. Вольфъ. Спб., 1894 г. Ц. 14 руб.
- Сидоровъ, Василій.** Америка. Путевныя замѣтки и впечатлѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Юрьевъ, Михаилъ.** Мои вѣсьма. (4 декабря 1693 г.—15 мая 1894 г.).

- Изд. книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель. Москва, 1895 г. Ц. 50 к.
- Максименко, Н.** Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Сазоновъ, Г. П.** Ростовщичество-кулачество. Наблюденія и изслѣдованія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Грушевскій, М.** Барское староство. Историческіе очерки (XV — XVIII). Кіевъ, 1894 г. Ц. 2 р. 25 коп.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 90 и 94. Съ 44 выпуска издается товариществомъ А. Гранатъ и К°. Москва, 1894 г. Ц. отдѣльнаго выпуска на лучшей бумагѣ 40 к.
- Статистическія данныя въ дополненіе ходатайства уполномоченныхъ старобѣльскихъ Харьковской губерніи уѣзднаго земства и городской думы о сооруже-ніи старобѣльско-бѣловодской желѣзной дороги.** Спб., 1894 г.
- Русское литературное общество.** Очеркъ дѣятельности общества за 1886—94 гг. Спб., 1894 г.
- Сладкия картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей:** „Цыгане“, А. С. Пушкина. „Мавзай и зайцы“, Н. А. Некрасова. „Дѣдушка“, И. С. Никитина. Изданіе В. А. Попова. Цѣна каждой картинки 45 коп. Пересылка за 1 ф. по разстоянію.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: „Дѣтскія тѣни“. <i>Д. Мажина-Сибиряка.</i> — „Помощь переселенцамъ“. <i>О. В. Всеволодской</i>	525
Критика и публицистика: „Николай Васильевичъ Гоголь и его переписка съ друзьями“. <i>П. А. Маттева.</i> — „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. <i>Гр. А. Джаншиева.</i> — „Ростовщичество-кулачество“. <i>Г. П. Сазонова</i>	528
Философія и психологія: „Основная задача теоріи познанія“. <i>Э. фонъ-Гартмана.</i> — „Опытъ общей психологіи“. <i>Ш. Рунге</i>	534
Политическая экономія и статистика: „Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь“. <i>М. И. Тулячъ-Барановскаго.</i> — „Протекціонизмъ или теорія происхожденія богатства отъ непродовольственнаго труда“. <i>Проф. В. Соммера.</i> — „Статистическій очеркъ С.-Петербурга“. <i>В. И. Покровскаго</i>	537
Юридическія книги: „Русское государственное право“. <i>И. О. Куплеваскаго.</i> — „Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи“. <i>С. Гюелла.</i> — „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства“. <i>Фр. Эмелса.</i> — „La Science du point d'honneur“, <i>par A. Croabbon</i>	544
Сельское хозяйство: „Предѣлы лѣсовъ на югѣ Россіи“. <i>Г. И. Танфильева.</i> — „Труды почвенной комиссіи при I отд. Импер. вольн. эконом. общества“. — „Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними“. <i>К. Л. Брамсона.</i> — „Матеріалы для выясненія условій сельскаго хозяйства въ Пермской губ.“.	551
Техническія книги: „Канатное и веревочное производство“. <i>К. К. Везера.</i>	553
Учебники и книги для дѣтей: „Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота“. <i>Изд. Е. Киричинскаго.</i> — „Сладныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей“. <i>Изд. Вл. А. Попова</i>	554
Изданія для народа: Публицистика для народа	—
Справочныя книги: „Терапевтическо-хирургическій карманный словарь“. <i>А. Кога.</i>	558

II. Периодическія изданія.

„Русское Богатство“, сентябрь. — „Вѣстникъ Европы“, октябрь. — „Сѣверный Вѣстникъ“, октябрь. — „Русское Обозрѣніе“, октябрь 559

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1894 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,
коммисіонера общества любителей русской словесности
(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 2 — 24).

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
- Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Бурже, Поль. Космополисъ. Романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Доде, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Юнбша, Клеменсъ. Сизифъ. Картина деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.
- Эртель, А. И. Гарденинъ, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 1 р.
- Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ „Русская Мысль“ за пересылку не платятъ.
- Михайловскій, Н. К. Щедрикъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.
- Короленко, Владиміръ. Очерки и рассказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Очерки и рассказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.
- Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н.

- Толстого: „Для чего люди одурманяваются?“ Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ колеѣ годы. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на „Русскую Мысль“ за пересылку не платятъ.
- Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для учебнаго старшаго возраста библиотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна I-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.
- Мачтетъ, Григорій. Служба. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на „Русскую Мысль“ за пересылку не платятъ.
- Гольцевъ, В. А. Вопросы дѣи и жизни. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.
- Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Чеховъ, Мих. Закрытъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.
- Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.
- Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
- Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.
- Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
- Рассказъ про смутное время на Руск. Цѣна 1½ коп.
- Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомятаго. Цѣна 5 коп.
- Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна 1½ коп.

- Агаповъ, Д. В. Новая тригонометр'я. Оренбурга, 1894 г. Ц. 85 к.
- Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариметикѣ. Ц. 50 коп.
- Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвестными. Ц. 60 к.
- Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агалопа. Ц. 35 к.
- Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Алексій Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Читеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.
- Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
- Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.
- Альбомъ коній съ картинъ русскихъ художниковъ. М. Ц. 2 р.
- Альгрень. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.
- Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
- Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.
- Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Арендтъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Аригеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Баранцевичъ, К. С. Родныя картины. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Картины жизни. 39 рассказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Безобразовъ. Сборникъ государственныхъ званій, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Безъ, Д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
- Бендцудль, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффци. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- Веръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложженіе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Бисиковъ, П. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Библиога-крошка. Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльными произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Югансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
- Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
- Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- Воборыкинъ, П. Д. Трунь. Рассказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
- Вородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Врайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- Враунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Врикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Врюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Врѣмъ, А. Жизнь животныхъ. 180 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за выпускъ.
- Врѣмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
- Буасъ, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антонинновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.
- Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
- Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариметикѣ дѣльныхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 коп.
- Задачникъ къ ариметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ ариметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Ариметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Воле-де-Дюка и Ф. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трудобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстjerne Вьернсонъ. Новыи вѣянія въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Вакроство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и рисунки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.

Вагнеръ. Химическая технология. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ приобретати болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Варио, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, Д-ръ. Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 8. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888 г. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенилвортъ; 2) Легенда о Монтровъ; 3) Аббатъ; 4) Антикарій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Моностръ; 8) Ламермурская вѣвѣста; 9) Черный варликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Ляное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1835 г. Ц. 2 р.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери,

его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 8 р. М., 1881 г.

Вегетарианская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитков для безубойнаго питанія, съ вступительной статьей о значеніи вегетарианства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.

Вейсъ, Германъ. Вѣдѣніи бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2 я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.

Верецагинъ, В. В. Литературъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Виноградовъ. Extremopalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „бессмертія“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средне вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 коп.

Войславъ. Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна пер. съ вѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскош. переплетѣ.

— Образовательное Путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г. съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морскаго права. Съ четвер-

- таго, вновь переработаннаго и значительно измененнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондзевскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Персеова. Выпускъ первый. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- Гаринъ, Н.** Дѣтство Тѣмъ. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гартманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философіи безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1876 г.
- Гартвигъ.** Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Герценштейнъ.** Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Геддингъ, Г.** Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гильти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государства. Учрежд. въ Англии. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Слб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Слб., 1872 г. Ц. 3 р.
- Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Слб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Моя исторія кусочка хлѣба. Слб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вопросы государственнаго хозяйства. Слб., 1873 г. Ц. 1 р
- Гораций.** Сатиры. Переводъ съ подстрочн. словарь. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Гораций.** Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ.** Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
- Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Горкевичъ, Л.** Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій. Гай Сальвусъ Криспъ. Югуртинская война. Борисоглебскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Горнь, Винкель.** Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Гравинкель.** Справочная книга для электротехниковъ. Слб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
- Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Гриммъ.** Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка II млад. в. б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- Гриммъ, братья.** Сказки. 13 вни. М., 1894 г. Ц. по 20 к. выш.
- Гриммъ, Д.** Очерки по ученію объ обогащеніи. Слб., 1893 г.
- Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М., 1892 г.
- Громека М. С.** О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гротъ, Н. Я.** Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Губеръ.** Механика. Изд. 2-е. Слб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Гурляндъ.** Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Густавсонъ, Р.** Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Слб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роскош. переплетѣ—1 р. 75 коп.
- Гюббаръ, Гюставъ.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Данилевскій, Г. П.** Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Слб., 1892 г. Ц. 15 руб.
- Дебо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Демосеентъ.** Олинескія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филипп. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефюв.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Джеромъ, К.** Правда и мисли глѣнтая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. 6

т. Слб., 1894 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.

Длускій. Стенографія. Слб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Бариковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Дѣскова, Д. Мамгина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стерня, С. Флашкова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.

Добrotворскій, П. Рассказы, очерки и наброски. Слб., 1888 г. Ц. 1 р.

Дройзень, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, к. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, к. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрeперъ, Д. В. Исторія умственнаго развитія Европы. Въ 2-хъ том. Слб., 1885 г. Ц. 4 р.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голаховскій. Слб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1887 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Мессодіа, первоучитель славянской Рѣчь, произвешенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія для кончины бл. Мессодіа. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Слб., за два тома 6 р.

Европейская библиотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Слб. 1894 г. Ц. 40 к.

— Избранныя мысли Сафира. Слб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Слб., 1894 г. Ц. 25 к.

— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ“. Слб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Слб., 1894 г. Ц. 40 к.

Елпатыевскій, С. Я. Очерки Сибиря. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Жакъе, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жукъ. Дѣтя. Дневникъ матери. Слб., 1892 г.

Жюль Вернъ. Гекторъ Сервалакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ качегара. Слб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Купцево и древній Сѣтунскій ставъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Засодимскій, П. В. Задушевные рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-с). Слб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

Затруднительное кушествіе. Игра-задача для дѣтей. Изд. Вл. А. Попова. Слб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 к.

Зелинскій. Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русскаго элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарий къ сочиненію Ф. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментарія къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.

- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зутнеръ, Берта.** Долой оружіе. Сиб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Сиб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
- Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- Изъ дневника Аміеля.** Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Сиб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Ингрэмъ, Джонъ.** Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
- Кадія.** Электричество. Изд. 3-е. Сиб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Канониковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вусовныхъ веществъ. Сиб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Кантъ, Иммануилъ.** Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Карасевъ, А.** Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
- Каронинъ (Петропавловскій).** Рассказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Каррьеръ, Морицъ.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаломъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 8 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
- Кацполино, Пр.** Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Квикъ.** Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- Квитка-Основаененко.** Панъ Халаскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
- Квитка, Григорій.** (Основаененко). Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 85 к.
- Малороссійскія повѣсти, рассказанныя Грицькомъ Основаененкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 85 к.
- Кенанъ, Джорджъ.** Степная жизнь въ Сибири. Сиб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кесслеръ.** Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кингсфордъ, Анна,** докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 80 коп.
- Кистяковскій, А. Ѳ.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.
- Кнейппъ, Севастьянъ.** Мое поделоченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Кобеко.** Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Сиб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Кобелль.** Таблицы. Изд. 2-е. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Леф-Флеръ, А.** Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Коломбо, маркиза.** Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Сиб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскоши. переплетъ.
- Кольбе.** Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальяскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чихотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Короленко.** Голодный годъ. Изд. 2-е. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.
- Корсакъ, Марія.** Первоначальныя уроки русской грамматикѣ. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
- Коршъ.** Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Сиб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Сиб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Котельниковъ, М. Г.** Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Сиб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Криста, М.** Конецъ крейцеровою совати Льва Толстого. Сиб., Ц. 30 к.
- Кругловъ, А. В.** Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Кругловъ, А. В.** Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Сиб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роскоши. перепл.—2 р.
- Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. рассказовъ и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ксенофонтъ.** Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцени для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, и 5 р. М. 1869 г.; т. II, и 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Куно - Фишеръ. Дессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Рассадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауеръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Сиб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курцусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1888 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лавелъ, Эмиль. Балванскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части I и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса мира. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 84.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леонтьевъ, Н. I. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р.

Дессингъ, Г. Мина фонъ-Барнгольмъ. Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Рассадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

Дессингъ. Драгатицъ. соч. Мина фонъ Барнгольмъ, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Сиб. 1886 г. Ц. 2 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Киевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Киевъ, 1893 г. Цѣна 60 к.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ли, Ионасъ. Осужденный на вѣкъ. Рассказъ съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологии). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добеи егo! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная фзіологія человѣка. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Въстало хлѣба-камень. Ром. Киевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные ногти. Ром. въ 2-хъ ч. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волосѣхъ. Ром. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На сѣмю прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Киевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ, Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старинн. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.

Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб., 1866 г. Ц. 2 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія глнн. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

- Материалы для биографии Добролюбова**, собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Между прочимъ.** Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мекензи, Уоллэсъ.** Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Милкоковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Цѣна 8 руб. 50 коп.
- Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Мольеръ,** Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб. 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Момсенъ, Э.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, II, III, IV. М., 1887 г. Т. V. ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
- Мопассанъ, Гюи.** Монть - Ориоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- На водѣ, сборникъ рассказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Морлей, Джонъ.** Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
- Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
- МОРЪ.** Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Мостовскій М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Пола Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Ривлена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ шалѣ 1 р.
- Немировичъ - Данченко, В. И.** Гроза. Ром. въ 2 хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ перешетъ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Нетыкса, М. А.** Краткое руководство кувачнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нивелирный планъ города Москвы,** съ указаніемъ раздѣленія города на судебномырные участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятихъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріаламъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Нордау, Максъ.** Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ управамъ. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Овидій, Назонъ.** Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.
- Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. биографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
- Огородниковъ, П.** Въ странѣ свобод. Библіотека современнѣхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ольденбергъ, Германъ.** Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Оржешко, Элиза.** Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1899 г. Ц. 2 р.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художники русской поэзіи А. В. Кольцовъ. Москва, 1898 г. Ц. 50 к.

Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разказовъ съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Сиб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскош. перепл.—1 р. 60 к.

П. Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизни замѣчательныхъ людей“ („Биографическая бібліотека“). 1) С. П. Боткинъ, 2) Д. Боклачю, 3) Беранже, 4) Бекларія и Бенгамъ, 5) Воронцовъ, 6) Ф. Г. Волковъ, 7) Гутенбергъ, 8) Лью Гусъ, 9) Державинъ, 10) Давидъ Дефо, 11) Чарльзъ Дарвинъ, 12) Эд. Дженнеръ, 13) Данте, 14) Джорджъ Элиотъ, 15) Эдисонъ и Морзе, 16) Конфуцій, 17) Кеплеръ, 18) Канкринъ, 19) В. Н. Карзинъ, 20) С. В. Ковалевская, 21) Кювье, 22) Н. Коernerъ, 23) Лессингъ, 24) Левингстонъ, 25) М. В. Лосиновъ, 26) И. Лойола, 27) Линней, 28) Чарльзъ Ляйбелль, 29) Лейбницъ, 30) Лавуазье, 31) Мирабо, 32) Милтонъ, 33) Мейерберъ, 34) Мольтеръ, 35) Монтескье, 36) Моцартъ, 37) А. Мицкевичъ, 38) Мигель-Анхелью, 39) И. С. Никитинъ, 40) Потемкинъ, 41) Пржевальскій, 42) Песталоцци, 43) Писаревъ, 44) Пероль, 45) Ришелье, 46) Струве, 47) Севловскій, 48) Соловьевъ, 49) Сакія-Муни, 50) Свифтъ, 51) Вальтеръ-Скоттъ, 52) Стенда, 53) Стефенсонъ и Фултонъ, 54) Теккерей, 55) Торквемада, 56) Дж. Уаттъ, 57) Франклинъ, 58) Ульрихъ Цвингли, 59) Робертъ Шуманъ, 60) Ж. Ж. Руссо, 61) Тургеневъ, 62) Фодоровъ.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Сиб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Сиб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Сиб., 1889 г. Ц. 60 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растений. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Полн. собр. соч., въ 6 т. Сиб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критикъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.

Покорни, д-ръ. Общее земледѣліе. Ч. 3-я (последняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.

Политикосъ. Европейскіе монархи. Сиб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Разказы. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Сиб., 1893 г. Ц. каждого т. 1 р.

Прессъ. Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Сиб., 1891 г. Ц. по 2 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Сиб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цѣперовы. Сиб., 1894 г. Ц. 50 к.

Пушкинъ, А. С. Полн. собр. сочиненій. Сиб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е. Сиб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растения. Изд. 3-е. Сиб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигиена глазъ. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рисламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Сиб., 1876 г. Ц. 2 р.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

- Рибо, Т.** Современная английская психология. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Риль, А.** Теорія науки метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.
- Розенбахъ.** Современный мистицизмъ. Слб., 1891 г. Ц. 60 к.
- Романовъ, С. И.** Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рони, Ж.** До потона. Слб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Рошау, А. Л.** Исторія Франціи. Ч. I и II. Слб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Руководство для метеорологическихъ наблюдений.** Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.
- Руссо, Жанъ-Жакъ.** Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Русскій сельскій календарь.** Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Ручныя тѣни.** Любимая дѣтская забава. Изд. Вл. А. Попова. Слб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.
- Рѣшетниковъ, Ѳ. М.** Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Слб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ.** Элеваторы и наше увлеченіе ими. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази.** Гулистанъ, „Цвѣтннкъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Салтыковъ (Щедринъ).** Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Слб., 1894 г.
- Саловъ, И.** Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Съ натуры. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллюстій Криспъ.** Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Состав. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій.** М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій.** М. Ц. 2 р.
- Свифтъ, Джонатанъ.** Путешествія Лемъволя Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- Семеновъ, С. Т.** Крестьянскіе рассказы съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серво, Матильда.** Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сикорскій.** Занчаніе. Слб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ, Ѳ.** О невѣдѣчъ собственныхъ подданныхъ. Слб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій, В. Д.** Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Смабичевскій, А. М.** Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Слб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Славки русскихъ писателей для дѣтей.** Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Славки русскаго народа.** 2 в. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Скворцовъ.** Гигіена. Слб., 1881 г. Ц. р.
- Сказка про лису да про волка.** М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Слезскинскій, А.** Бунтъ военныхъ поселеній въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права.** Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Соболевскій, А. И.** Фонетика первоно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекціи по исторіи русскаго языка. Слб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Соважо, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Совѣтовъ.** Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Сониэ.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- Софокль.** Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Филоклетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологіи (обрядовая учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ.** Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Рассказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Стенли, Г.** Какъ я отыскалъ Ливингстона. Слб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернь, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 80 коп.
- Столповская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Струве, П.** Критическія замѣтки къ

вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго, и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Суриковъ, И. З. Стихотворенія М., 1884 г. Ц. 2 р.

Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарьскихъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.

Терешкевичъ. Для Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.

— Албука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковь препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.

— Албука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.

— Какъ жить по слову Божию? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М., 1892 г. Ц. 5 к.

— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.

— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.

— Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древ-

няя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.

— Чему и какъ учить на урокахъ роднаго языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 руб. 25 к.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.

— Элементарный курсъ грамматикки для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Начатки грамматикки. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Б. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспомнанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Часть II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Слб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Слб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 руб. М., 1868 г.

Трефоловъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на воѣхъ битвахъ въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евгений. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Слб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Турскій, М.** Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.
- Лѣсоводственные орудія и инструмен-ты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Турскій, М., и Яшиновъ, Л.** Опре-дленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Тьюкъ, Хэкъ.** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тѣнь, Г.** Титъ Ливій, критическое из-слѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щеп-кина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
- Тѣнь.** Критическіе опыты. Слб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Уильямсъ, Х.** Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго пи-танія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М., 1893 г. Ц. 2 руб.
- Урусовъ.** Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Усовъ, С. А.** Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи.** Изд. 4-е. Слб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
- Федоровъ.** Зубы и ихъ сохраненіе. Слб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
- Грамматика древн. церковнаго аз мѣ. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Фельзбергъ, Матильда.** Химиче-ская чистка платъ и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Филипповъ, Сергѣй.** Подъ глѣ-бимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- Финлей, Георгъ.** Греція подъ рим-скимъ владѣтельствомъ. Пер. Софьи Ни-китенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Амери-ки и испанскаго завоеванія. Пер. Ни-колаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ безко-нечности. Слб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Въ небесахъ. 2 изд. Слб., 1892 г. Ц. 75 к.
- Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе клас-сической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Равсадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1894 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1895 г.
- Фонвизинъ, С.** Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортуатовъ, А.** Сельско-хозяй-ственная статистика Европейской Рос-сін. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Французы и русскіе въ Крыму.** Письмо фреанд. офицера къ своей семьѣ во вре-мя восточной войны. Пер. съ фр. Ха-лютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фрикенъ.** Римскіе катакомбы и па-мятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикенъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
- Методы изученія исторіи. Пер. П. Ни-колаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фульбе, Альфонсъ.** Исторія фило-софіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фульбе Альфредъ.** Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грога. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Хидамъ.** Комментаріи мусульманскаго права. Пер. съ англійскаго подъ ред. Н. И. Гродкова. Въ 4-хъ том. Таш-кентъ. 1893 г. Ц. 7 р.
- Жудожественная Россія.** Т. I-й Слб. 1895 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.
- Цигенъ, Т.** Физиологическая психоло-гія. Слб., 1893 г. Ц. 75 к.
- Пиццоронъ.** Рѣчь за даря Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
- Рѣчь за Архіа. поэта 1891 г. Ц. 30 к.
- Рѣчь къ судьямъ за Т. Анніа Малона. 1892 г. Ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка Ан-тонія. Ц. 80 к.
- Вторая филиппика противъ Марка Ан-тонія. Ц. 50 к.
- Рѣчь въ защиту Секста Росція Амери-скаго. Ц. 60 к.
- Рѣчи противъ Калпурніи. Ц. 60 к.
- Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
- Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея пол-ководцемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О пре-зрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

- Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Обь остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обь книги 75 к.
- Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія.** М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ант. П.** Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
- Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
- Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 года. Ц. 1 р.
- Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Кампанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Чиколевъ, Д.** Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Чичеринъ, В. Н.** Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 8 р.
- Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Чмыревъ, Н.** Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Чукмасовъ, К. А.** Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Шаховъ, А.** Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекція по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шекспиръ.** Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
- Шелгуновъ, Н. В.** Собраніе сочиненій въ двухъ т. Спб., 1891 г. Ц. за 2 т. 3 р.
- Шерръ, Иоганнъ.** Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль.** Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Племинникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

- Шильдбахъ.** Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- ШИМКО.** Патриаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Шмидтъ, Карлъ.** Исторія педагогикъ, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.; т. IV, двѣ части, цѣна вмѣ 7 р. М., 1881 г.
- Шольцъ, Фридрихъ.** Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Д. Стенсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперкъ, Э.** Система Спикови. Спб., 1893 г.
- Штолль, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Мнемъ классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шулинъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Шутце, Фр.** Училищевѣдѣіе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ш., Л.** Невзбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Щепкина, А. В.** Родныя мѣста. Читаніе для дѣтей. Изд. 2-е. Москва, 1882 г. Ц. 1 р.
- Эртель, А. И.** Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Эртель, А.** Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
- Эсмархъ.** Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Яковлевъ, Е.** Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Янъ.** Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Бедоровъ.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Cornelii Nepotis.** Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
- C. Julii.** Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я. Киевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
 — Книжки 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Häusser. История реформаци. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Киевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
 — Книжки 4, и 9. Ц. по 50 к.
 — Книжки 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Jordan, Dr. W. Руководство высшей геодезии. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Jul Farreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигиена зубовъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц.

1 р. 25 к. III et IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигиена первенныхъ людей. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Tedeschi, V. Паша маленькихъ дѣтей. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Иностранная книги, доставленные книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:
L'Abc des tout petits. Couvert. en coul. Av. 6 grav. col. *Цена 8 коп.*
L'Abc du premier âge. Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. *Цена 30 коп.*
L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Adrien-Marie. *Цена 65 коп.*
L'Album Alphabet. Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. *Цена 1 р. 25 к.*

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серия.
Цена по 5-ти коп.
 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
Le Bain de Minet, ill. par Godefray.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Menagère ill. par Bouisset.

Вторая серия.
Цена по 8-ми коп.
 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'raugh, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.

Le Roi Dagobert, ill. Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

Третья серия.

Цена по 13-ти коп.
 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jozet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel

Четвертая серия.

Цена по 20 коп.
 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Пятая серия.

Цена по 40 коп.
 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua, ill. par Myrbach.

Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Шестая серия.

Цена по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
Les animaux domestiques, ill. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des fleurs, ill. par Gambard.

Седьмая серия.

Цена по 1 руб.

Contenant vers 30 ill. en couleurs, cartonnage en couleurs.
Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
Bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цена по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.
La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
Album des enfants sages. Illust. par Harding.
Heureux âge, ill. par Harding.

Книга для чтения для детей от 5—8 лет.
Напечатаны крупным шрифтом с многочисленными иллюстрациями в тексте.
Цена каждой тома без перепл. 40 коп. с перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguéard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par P. Andrievau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguéard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me de Bosguéard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes ponpées, par M-me de Bosguéard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyquier.
Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

Книга для детей от 9—12 лет.

Bibliothèque blanche illustrée.

Каждый том с переплетом 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur.
Bignon. Un singulier petit homme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller, Eugène. Récits enfantins.
Musset, P. de M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl, P.—J. Les Aventures de Tom Pouce. Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

Книга для детей от 10—13 лет.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый том без перепл. 1 р. 15 к., с перепл. 1 р. 75 к.

Anfosti. Le secret de sir William.
" Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Aux garennes.
" Les Rogimbot.
" M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
" Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
" Histoire d'un enfant de Paris.
Mirzel. Notre ami Polly.
Monceau. Mon petit frère.
" L'enfant des Vosges.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
" Les héros modestes.

Книга для детей от 12—14 лет.

Bibliothèque de la famille. In 8°.
Illustrée.

Каждый том с переплетом 3 руб

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. ill. par Nac.
Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès

Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу.

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck — Mein — Miezi. — Nach Helgoland. — Mein Liebling — Frau Mieze — Eichhörchen. — Müller Klaus — Fürs Herzblättchen — Das Haus das Haus, baute — Der Kinderomnibus — Im Freien.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Lieblings Bilderbuch — Kasperltheater. — Kätzchen zu Hause — Die En familie. — Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande — Noahs Arche — Durch Flur und Hain — Ringel, Ringel, Rosenkranz — Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde — Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte — Laterna Magica — Lustiger Reigen — Lieblings Kurzweil — Comitsche clowns — Unsere Liebblingsthiere.

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K

Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer. Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg.

gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Biller, Im Reich der Heinzelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Deutsche Jugend. Gedeigene, Auswahl, von Bildern, Märchen, Reisebeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.

Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchenl Schilderungen, Lebensbeschreibungen Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfn, (Dresden). Mit zahlreichen bunten Vollbildern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 880 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzen auf seiner Schwester Hochzeit ging. Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.

Frey, A. Schweizer sagen. Mit Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler, cartonirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.

Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.

Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in elegantem Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.

Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete altberkömmlichen Reime, sowie für neuesten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.

Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Eleg. gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen bunten Bildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonirt. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleis-

сиге А. В. С. Schützen (mit vielen bun-
ten Bildern) cartonnirt. 30 K.
Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Le-
se-Unterricht. 85 K.
Gureke, J. Schreib- und Lese Fibel. Mit
Holzschnitten von Q. Speckter carton-
nirt. 45 K.

Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch.
Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern.
Auf Grundlage des mit dem Anschauungs
unterrichte verbundenen ersten Sprech.,
Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für
Schule und Haus, cartonnirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается под-
писка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М.
Лаврова.

Русскіе.

Артистъ. Театрально музыкальный и
художественный журналъ. Ежемѣсячно.
Ц. 12 р.
Афиши театральныя. Ц. съ достав.
5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.
Виржевыя Вѣдомости. Газета
биржи, финансовъ, торговли, политики
и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и пер-
ес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р.,
на 2-е изд. 4 р. въ годъ.
Благовѣсть. Журналъ, два раза въ
мѣсяцъ. Ц. съ пер. и дост. 5 р.
Будильникъ. Журналъ сатирическій
съ карикатурами. Москва. Ежедѣль-
но. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2
г. 6 р.
Варшавскій Дневникъ. Ежедѣ-
льная газета. Ц. съ пер. и дост. 12
р., на 1/2 г. 6 р.
Вокругъ Свѣта. Ежедѣ. иллюстр.
журналъ 4 р. съ пер.
Волгарь. Ежедѣн. газ. Н.-Новгородъ.
Ц. 8 р.
Волжскій Вѣстникъ. Ежедѣль-
ный журн. съ прилож. сборника научно-
беллетристическаго содерж. Казань. Ц.
съ пер. 7 р.
Волянь. Газета; 3 раза въ недѣлю.
Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Воскресенье. Иллюстрированный еже-
недѣльный журналъ для народа. Ц. съ
дост. и пер. 3 р.
Восточное Обзоріе. Литера-
турно-политическая газета. Иркутскъ.
Ц. съ пер. 6 р.
Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ
приложеніемъ „Ежедѣльной хроникъ“.
Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на 1/2 г.
6 руб.
Всемирная Иллюстрація. Боль-
шой иллюстрированный журналъ. Вы-
ходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—и
прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ
пер. 18 р.
**Вѣдомости Спб. Градоначаль-
ства.** Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
Вѣстникъ Европы. Журналъ исто-
рич., политики и литературы. 12 нумер.

въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16
р., съ пер. 17 р.
**Вѣстникъ иностранной лите-
ратуры.** Ежемѣсячный журналъ. Ц.
4 р.
Вѣстникъ Кавказа. Газета ежед-
невная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
Гражданинъ. Ежедневная газета.
Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост.
и пер. 15 р.
Донская Пчела. Газета; два раза
въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер.
и дост. 7 р.
Досугъ и Дѣло. Журналъ для сол-
датъ и народа. 6 выпускъ. въ годъ. Ц.
съ дост. и пер. 4 р.
Екатеринбургская Недѣля.
Ежедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц.
съ перес. 6 р.
Живописное Обзоріе. Иллю-
стрированный беллетристическій жур-
налъ. Ежедѣльно, съ ежемѣс. ли-
тер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р.,
на велен. бум. 15 р.
Journal de St.-Petersbourg. Еже-
дневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер.
22 р., 1/2 года: 16 р., съ пер. 12 р.
25 коп.
Journal d'Odessa. Ежедневная газе-
та. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
Зодчій. Художественно-техническій
журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р.,
съ пер. 14 р.
Историческій Вѣстникъ. Еже-
мѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер.
10 р.
Кавказъ. Газета политич. и литерат.
Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и
пер. 13 р.
Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго
края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ.
Ц. съ достав. и пер. 12 р., 1/2 г. 7 р.
Колосья. Научно-литературный жур-
налъ. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и
пер. 8 р.
Край („Крај“). Ежемѣсячная полити-
ческая и общественная газета на поль-
скомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., 1/2 г.
5 р., съ пер. 12 р., 1/2 г. 6 р.
Кронштадтскій Вѣстникъ. Мор-

ская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.

Лучь. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.

Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.

Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.

Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.

Наука и Жизнь. Научный иллюстрированный журналъ, 52 №№ въ годъ. Ц. 5 р.

Наше Время. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ. Ц. 7 р.

Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.

Нива. Иллюстр. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Вовое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.

Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и экон. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.

Новости. Ежедневн. политич. и литерат. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.

Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписка цѣна 14 р.

Нувелистъ. Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.

Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.

Петербургская Газета. Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.

Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.

Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.

Правда. Еженедѣльная газета. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Развѣдчикъ. Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Развлечение. Журналъ литературы и юмористич., съ политич. намеками. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.

Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.

Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.

Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ“ 13 р.

Русская Жизнь. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 8 р., съ пер. 9 р.

Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.

Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; д. 8 р.

С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.

St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.

St.-Petersburg-Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.

Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.

Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.

Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.

Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12

МѢ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к.,
 съ пер. 13 р. 50 к.
Съверъ. Литературный иллюстриро-
 ванный журналъ. 52 МѢ въ годъ. Ц.
 съ дост. и пер. 7 р.
Сынъ Отечества. Газета политич.,
 ученая и литерат. Выходитъ ежедневно.
 Ц. съ дост. и пер. 8 р.
 — Второе издание безъ приложен. 4 р.
Тифлиссій Листокъ. Ежедневная
 газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.
Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ
 годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣ-
 сяцъ Ц. 5 р.
Шутъ Художественно-юмористическій
 журналъ карикатуръ. Ежедневно. Ц.
 съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р.
 65 к.

П о л ь с к і е.

Atheneum. Pismo naukowe i literac-
 kie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
Biblioteka najcenniejszych utweroŵ li-
 teratury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6.
 — romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6
 kop. 80.
 — Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.
Bieslada literaska. Pismo literackie
 ilustrowane. 52 num., rs. 6 z dodatkiem
 powiesci, rs. 8.
Bluszez. Pismo tygodniowe ilustr. dla
 kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem
 mód kolorowanych i krojów. Wydanie
 II rs. 13; wydanie III rs. 16.
Czasopismo Techniczne, miesięczne.
 Kraków. Rs. 6 kop. 80.
Echo Muzyczne i Teatralne. Ty-
 godnik literasko-artystyczny, zawiera ut-
 wory zagranicznych i krajowych kompo-
 zytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym
 dodatkiem not, rs. 10.
Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.
Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.
Gazeta Polska, dziennik polityczny,
 rs. 12.
**Gazeta przemyslowo-rzemie-
 slnicza,** pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.
Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem
 rolniczym, rs. 13.
Gazeta Sadowa Warszawska. 52 nu-
 mera, rs. 8.
Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 8.
Gazeta Warszawska codziennie, rs.
 12.
Izraelita. Organ poświęcony sprawom
 religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.
Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
Kosmos. Czasopismo polskiego Towar-
 zystw przyrodników imienia „Kopernika”.
 Lwów, 21 zeszytów, rs. 6.
Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Pe-
 tersburgu, rs. 12.
Kronika Lekarska. Dwutygodnik na-

ukowy, poświęcony przeglądowi postępów
 nauk lekarskich, rs. 6.
Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.
Kurjer Poranny. Wychodzi codzień,
 rs. 8.
Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Swiateczny. Wychodzi co
 niedziela i święta, rs. 4.
Kurjer Warszawski, dziennik, rs.
 12.
Kwartalnik Historyczny. 4 nume-
 ra, rs. 6.
Medycyna, Tygodnik lekarski, pod re-
 dakcyą d-ra Benni, rs. 6.
Mucha. Tygodnik humorystyczny illu-
 strowany, rs. 4.
Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki
 i artystyczny, rs. 9.
Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illu-
 strowany, rs. 8.
Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny
 i literacki. Pod redakcyą Aleksandra
 Świętochowskiego. 6. rs. 10.
Przegląd tygodniowy życia społeczne-
 go, literatury i sztuk pięknych, rs. 10;
 z dodatkiem rs. 12.
Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe,
 rs. 5.
Przyjaciel zwierząt domowych i po-
 zytecznych. Miesięcznik, rs. 3.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom
 społecznym, ekonomicznym i literackim,
 rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy
 wiejskich (Lwów) Rocznie 24 numerów,
 rs 6.
Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan pismo poświęcone leśnictwu,
 rs. 5.
Tygodnik ilustrowany, pośw. litera-
 turze, nauce i sztuce pięknej, z ty-
 godniowym dodatkiem powiesci, rs. 12.
Tygodnik mód i powiesci. Z do-
 datkiem ilustrowanych ubrań i robót
 kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powiesci, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo ilustr., obejmujące
 podróże, rs. 8.
Wiadomosci farmaceutyczne (tylko
 rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo
 tygodniowe ilustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny.
 rs. 12.
Wszechwiat. Tygodnik popularny,
 poświęcony naukom przyrodniczym. Pod
 redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony hygie-
 nie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Roczn-
 nie 52 Nr., rs. 4.

За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

Прейсъ - куранты высыла-
ются бесплатно. При запро-
сахъ просимъ упомянуть
настоящій журналъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на 1895 годъ

Новости Дня

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Имея общедоступную форму, освобождающая полнота и чуткая отзывчивость на всею выдающемуся в русской жизни, — вотъ тотъ девизъ, который избрала себѣ развѣ навсегда и котораго неуменно держится наша газета.

Благодаря постоянно возрастающему успѣху и большому распространению „Новостей Дня“, редакція имѣла возможнымъ дать ВСЕМЪ СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ на 1895 г.

Безплатно ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
 ДРУГОЕ СВОЕ ИЗДАНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЬЯ

ВЫХОДЯЩІЙ
 на самой широкой программѣ

Крупнѣе всего развиты въ этомъ журнале портреты государственныхъ деятелей, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, составившихъ историю дна. Также портреты и рисунки будутъ даны также въ текущемъ году, всего 1000. Изъ одного журнала до сихъ поръ не давалъ такъ много такъ много высланныхъ портретовъ, в „Новости Дня“, дополненные „Семьей“, являются одной изъ самыхъ интересныхъ газетъ въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ „НОВОСТИ ДНЯ“ предлагаетъ своимъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО „СЕМЬЮ“** — еженедельно, дантъ докончену времени. 52 номера иллюстрированного журнала, въ которыхъ каждый номеръ отразитъ текущія событія для Достигнуто это благодаря ассигновкѣ на этотъ предметъ.

50000 РУБЛЕЙ

Подписка цѣна на „Новости Дня“ даются съ еженедельнымъ журналомъ „Семья“ въ годъ 10 р., на шесть месяцевъ 5 р. 50 к., на три месяца 3 р., на одинъ мѣсяць 1 р.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выходить еженедельными книжками и даются въ русскомъ переводѣ лучшихъ произведеніи иностранныхъ писателей: французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 3 руб., а съ журналомъ „СЕМЬЯ“ 5 руб. порознь каждый по 3 р. въ годъ. Всѣ три изданія 13 руб.

Всѣ годовые и полугодовые подписчики съ 1-го № получаютъ бесплатно „СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ въ 1895 г.

Адресъ: Москва, главная контора газеты „Новости Дня“ и журналъ „Семья“ и „Новости иностранной литературы“

Издатель **А. Липсеровъ**.

Доставлено издателемъ Москва, 7 октября 1894 г. Тел.-адресъ: Востокъ, улица № 7-а. В. В. Крайневъ и П. Москва, Писемского 21, № 6.

Книжный складъ Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пшениновская ул., соб. домъ и Никольская, д. бр. Чижовыхъ, въ Москвѣ.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія, иллюстрированныя лучшими русскими художниками. 2 тома. Ц. 5 р.
Де-Фо, Даниэль. Приключенія Робинзона Крузо. Полн. перев., съ портр. автора и 100 иллюстр. въ текстѣ (одобр. мин. нар. проsv. для библи. средн. учебн. завед.). 2 тома. Ц. 4 р.
Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. 3 тома. Полный переводъ, со статьями проф. А. Н. Веселовскаго и 450 рисунками въ текстѣ. Т. I. Ц. 3 р. 15 к., на вел. бум. 3 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 75 к., на вел. бум. 3 р. Т. III. Ц. 2 р. 75 к., на вел. бум. 3 р.
Тиндаль, Джонъ. Теплота, рассматриваемая какъ особый родъ движения.

Переводъ подъ редакц. проф. А. Шихова, съ 120 рисунк. въ текстѣ (реком. мин. нар. проsv. для фундам. и ученич. библи.). Ц. 3 р. 75 к.
Русскіе народы. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки Л. Бйланкена. Текстъ проф. Н. Зографа. Больш. формата, съ 18-ю табл. рисунковъ (одобрено учен. ком. мин. нар. пр. для ученич. библи. средн. учебн. зав.). Европейская Россія. Ц. 1 р. 80 к.
Монгомери. „Синяя вуаль“. Повѣсть для дѣтей старш. возраста съ 12 рисунк., въ папкѣ. Ц. 1 р. 75 к.
Бородинъ. Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. Ц. 1 р. 25 к.

Означенныя изданія могутъ служить прекрасными подарками къ праздникамъ, для чего имѣются роскошные переплеты.

Алабинъ, П. Четыре войны. Походы. записки въ 1849, 58, 54—56, 1877—78 гг. Ч. I. Венгерская война 1849 г. Ц. 2 р. Ч. II. Восточная война 1853—54 г. Ц. 3 р. Ч. III. Защита Севастополя 1854—1856 гг. Ц. 4 р.
Верещагинъ, В. В., художникъ. На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Воспоминанія. Ц. 1 р. 50 к.
 — Литераторъ. Повѣсть. Ц. 1 р.
Гюго, В. Встрѣчи и впечатлѣнія. Поемныя записки В. Гюго, съ предисл. В. Гольцева. Ц. 1 р. 50 к.
Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Ц. 1 р.
Елпатовскій, С. Очерки Сибири. Цѣна 1 р.
Желанскій, А. Скамья и кафедра, разск. изъ гимназич. жизни. Ц. 1 р. 50 к.
Каронинъ. (Петропавловскій). Разск. 3 тома съ добавл. биограф. очерк. и портретн. проsv. Ц. 4 р. 50 к.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени. 2 тома. Ц. 6 р.
Паренаго, М. Жертва самообмана. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Нотовичъ, Н. Правда объ еврейхъ. Цѣна 1 р. 50 к.
Воккаччо, Джованни. Декамеронъ. Полный переводъ проф. А. Н. Веселовскаго. Роскоши. иллюстр. изданіе. 2 тома. Ц. 10 р.
Свифтъ, Джонатанъ. Путешествіе Гулливера. Полн. перев., съ 164 рисунками въ текстѣ. 2 тома. Ц. 4 р. 40 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза, съ портр. Руссо и рис. Ц. 2 р.

Жоржъ-Зандъ. Замок Вильпра. Ц. 1 р. 75 к.
Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Перев. подъ ред. проф. А. Кириичникова. Ц. 2 р.
Турскій, М. Лѣсоводство. Съ 155 рисунками въ текстѣ и тремя таблицами. Ц. 2 р. 30 к.
 — Лѣсоводственныя орудія и инструменты. Орудія и инструменты, примѣяемые при лѣсоразведеніи и при первоначальномъ уходѣ за культурами. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 60 к.
 — Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М. Ц. 70 к.
 — Сборъ древесныхъ сѣмянъ и извлеченіе хвойныхъ сѣмянъ изъ шишекъ, съ рисунками. Ц. 25 к.
Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опрежденіе древесныхъ вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. Изданіе 2-е съ 55 рисунками въ текстѣ и 2-мя таблицами рисунковъ. Ц. 75 к.
Тимирязевъ, К. А. Жизнь растенія. Десять общедоступныхъ чтеній. 3-е изд., съ 80 рис. и 2 фототипіями. Ц. 2 р.
Фортунатовъ, А. Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи. Ц. 1 р. 25 к.
Золотаревъ, Л. Конопли.—Почва.—Удобреніе.—Мѣсто въ сѣвооборотѣ.—Посѣвъ.—Уходъ.—Литература. Ц. 40 к.
Робертъ Воллѣ. Страна звѣздъ, со мног. рис. Солнце. Ц. 20 к. Луна. Ц. 20 к. Малая планеты Ц. 20 к. Исполнискія планеты. Ц. 15 к.—Кометы и падающія звѣзды. Ц. 15 к. Неподвижныя звѣзды. Ц. 15 к.

Библиотека для любителей ремесла и научных примѣненій.

- Вип, Е.** Фотоминиатюра. Упрощен. способ раскр. фотогр. карточекъ. Ц. 50 к.
- Bouffier, H.** Руководство рисованія пастелью. Ц. 50 к.
- Руковод. дѣянаго искусства. Съ 41 полт. Ц. 1 р. 20 к.
- Büttner, G.** Руковод. къ тисненію на кожѣ. Съ 20 полт. Ц. 60 к.
- Bennet R. A.** Фотографія въ декоративномъ дѣлѣ. Руководство для любителей ремесла и искусства. Съ 20 полтипажами въ текстѣ. Ц. 50 к.
- Восточная живопись** (трафаретная) на бумагѣ, шелкѣ, бархатѣ, деревѣ и т. д. Ц. 70 к.
- Donjean, A.** Офортъ. Руковод. травл. крѣпкою водкой на мѣди, цинкѣ и стали. Ц. 75 к.
- Дубовскій, Ю.** Живопись по майоликѣ и глянѣ эмалевыми красками, съ 10 полтипажами. Ц. 65 к.
- Забранскій, О.** Выжиганіе по дереву, съ прибавл. выжиган. по кожѣ и тканямъ, съ 9-ю табл. Ц. 75 к.
- Климке, А.** Руковод. живописи по фарфору и стеклу, а также способъ домашняго обжига. Ц. 1 р.
- Colson, K.** Сниманіе копій съ чертежей и рис. свѣтовымъ способ. Ц. 60 к.
- Lahnek, D-g. F-g.** Живопись по дереву (акварельн. краск.), съ замѣткой о лакировкѣ. Ц. 65 к.
- Roux, U.** Руковод. для травл. рисунка на мѣди, бронзѣ, цинкѣ и стали, съ прил. гальваноластики. Ц. 65 к.
- Simons, A.** Раскр. фотогр. карточ., фото-миниатюра, фото-живопись и фото-акварель (способы упрощенны и доступны даже неумѣющимъ рисовать). Ц. 50 к.
- Zoward, Alfred.** Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними, съ описаніемъ устройства для сбора дождевой воды и способовъ испытанія ея. Руководство для мастеровъ любителей. Ц. 75 к.

- Hammond, W., & Jurron, P.** Электрич. освѣщеніе въ домашнемъ быту, съ 16 рис. Ц. 75 к.
- Drouin, E., & Huche, E.** Простые электрич. аппараты и ихъ изготовленіе домашнимъ путемъ. Ц. 1 р.
- Fournier & Canter.** Электр. звонки, ихъ устройство и условія правильнаго дѣйств. Съ 53 полтипаж. Ц. 1 р.
- Нетыкса, М.** Упрощен. способы деревянной мозаики и инкрустаціи, съ замѣткой о выжиганіи рисунковъ на деревѣ. Съ 8 хромол. таблицами и 51 полтипаж. Ц. 2 р.
- Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 438 полтипаж. въ текстѣ. Ц. 2 р. 75 к.
- Краткіе курсы: Слесарнаго дѣла. Ц. 1 р. 60 к.
- Кузнечнаго дѣла. Ц. 1 р. 75 к.
- Токарнаго дѣла. Ц. 70 к.
- Эдвинсонъ, Г.** Руководство снайки и луженія. Съ 66 полт. въ текстѣ. Ц. 85 к.
- Какъ сдѣлать маленькій электродвигатель. Ц. 40 к.
- Какъ сдѣлать маленькую динамо-машину. Ц. 50 к.
- Топ, Tit.** Поучительныя забавы или опыты и фокусы безъ приборовъ. Съ 113 полтипажами. Двѣ серіи, цѣна каждой по 1 р. 20 к.
- Воровичъ, Л.** Фабричныя котлы, устройство ихъ и уходъ за ними, съ 172 полт. въ текстѣ. Ц. 2 р. 75 к.
- Bow, R. H.** Графическія данныя рациональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. Ц. 3 р.
- Gofferyé.** Приемы шаблонной формовки. Съ 6 табл. чертежей. Ц. 1 р. 50 к.
- Schlotke.** Курсъ графической статистики, изложенный для архитекторовъ, инженеровъ, строителей и проч. Съ 9 литогр. таблицами. Ц. 2 р.
- Унвейнъ.** Основы построенія частей машинъ. Ц. 3 р. 50 к.

МОПАСАНЪ.

Романы и рассказы, набранныя Л. Н. Толстымъ:
Т. I.—переводъ Л. П. Никифорова. Ц. 1 р. 25 к.
Т. II.—пер. М. А. Лазаревой. Съ фот. порт. Мопассана, краткой его биографіей и статьей о немъ Л. Н. Толстого, Ц. 1 р.

По значительно пониженной цѣнѣ продаются оставшіеся въ небольшомъ количествѣ:

„ЧУДЕСНОЕ ВЪ НАУКѢ“ Новѣйшія изобрѣтенія и открытія въ области звука, свѣта и теплоты. Популярная физика, съ приложеніемъ научныхъ развлеченій и опытовъ безъ приборовъ, соч. Э. Дебо. Большой томъ, въ 516 стр. съ 505 рис. Цѣна 1 р. 50 к., въ перек. 2 р.

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ. Копія съ картинъ русск. художн. 2 вып.: каждый изъ 6 картинъ, размѣръ 10×7 вершк., исполн. хромолит. въ изящн. папкѣ. Цѣна кажд. выпуска 2 р.

Сборникъ общества любителей Россійской словесности на 1891 годъ. Большой томъ въ 582 стр., одержать впервые напечатанныя произведенія: Бѣлинскаго, Боборыкина, Буслаева, Бодянского, Гоголя, Гиларова-Платонова, Гольцева, Грибоѣдова, Достоевскаго, Жуковскаго, Забѣлина, Мамина, Островскаго, Пшнина, Разиной, кн. Сумбатова, Тургенева, Тихонравова, Чаева, Юрьева и друг. Небольшое количество оставшихся экземпляровъ продается по удешевленной цѣнѣ: вмѣсто 4 р.—2 р.

1835.—БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ—1895.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАЕТСЯ:

52

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗБЪ-
СТНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ
3—5 листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—
10 рисунками и съ копіями картинъ выдающихся художниковъ.

кроме 52 номеровъ журнала подписчики получаютъ бесплатно

СТО ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ ИЗБРАН. ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Романы и повѣсти: *Дода*, *Дикенса*, *Бреть-Гарда*, *Золя*, *Беллини*, *Мопассана*, *Свиф-
та*, *Сервантеса*, *Сенкевича* и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15—20 листовъ. II.
40 номеровъ „Новые романы и повѣсти современныхъ писателей“ (съ иллюстраціями).
III. 24 номера „Новѣйшихъ Модъ“. IV. 40 номеровъ игръ, загадъ и ребусовъ. V. 15
номеровъ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“. VI. 12 выкроекъ въ нату-
ральную величину. VII. 12 „Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ“. VIII. Четыре номера „об-
разцовъ для вышиванія“. IX. 1 Стѣнной календарь (съ картою Россіи).

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

1) «НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ».

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоитъ изъ фоліанта въ 40 листовъ
(640 страницъ), въ изящной оберткѣ, содержащаго всегда, вездѣ и всѣмъ нужныя
свѣдѣнія, въ особенности, эта книга принесетъ несомнѣнную пользу провинціальнымъ
жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

1) „Возвращеніе изъ гостей“, 2) „Сокольниковъ на охотѣ“, 3) „Какъ
началась живопись“ и 4) „Нападеніе волковъ“.

Кроме пяти бесплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно,
при подпискѣ чрезъ Главную Контору, новую большую акварельную картину (длина:
22½, вершка, вышина 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала
извѣстнаго художника С. Верещагина—

ЖЕРТВА ВОЛГИ,

(картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другіе за прежніе года, упла-
чиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣателей. Цѣна
за каждый металлическій бюстъ большого формата, на выборъ, для подписчиковъ ЧЕ-
ТЫРЕ руб., а неподписчиковъ ПЯТЬ руб. (Безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. по Имперіи) 8 р., НА ПОЛГОДА 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Спб.—7 р. Въ Москвѣ—7 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА ВЗНОСОВЪ ДОПУСКАЕТСЯ для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ
учрежденіяхъ (въ столицахъ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. каз-
начеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору:
Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы по требованію
бесплатно.

год издания 83-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

1895.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО въ двухъ изданіяхъ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ выходитъ въ форматъ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи, совершенно реформирована, увеличена въ форматъ и дополнена всѣмъ отдѣломъ. Въ каждомъ номерѣ газеты помѣщаются руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ внутренними и иностранными событиями, а также общественной жизнью. Несмотря на весьма скромную подписную цѣну на газету, всѣ свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствѣ репортеровъ, специальныхъ корреспондентовъ и телеграммъ—

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧНЫМИ ИЗДАНИЯМИ, а потому газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, въ обновленномъ видѣ и во общію литературнаго матеріала, вполне замѣняетъ собою

дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ, годовые подписчики получаютъ:

- 1) 52 номера воскресныхъ приложений въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированного журнала, гдѣ помѣщается въ теченіе года до 300 рисунковъ, а также и каррикатуры.
- 2) 40 номеровъ „романы и повѣсти“ русскихъ и иностранныхъ писателей, что составить въ годъ нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
- 3) 12 номеровъ „моды и рукодѣлія“, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ“.
- 4) „Стѣнной календарь“ (съ картой Россіи), отпечатанный въ три краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ пересылкою съ Имперіи):

На годъ 8 р. На полгода 4 р. 50 к. На три мѣс. 2 р. 50 к. На одинъ мѣс. 1 р.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

выходитъ ЕЖЕДНЕВНО ластами даже и въ дни, слѣдующіе за праздниками (въ годъ 360 номеровъ), въ форматъ меньше перваго, но по той же обширной программѣ и также безъ предварительной цензуры. Въ каждый номеръ газеты входятъ всѣ выдающіяся новости изъ придворной, духовной, административной, военной, ученой, внутренней и пространной жизни. Въ отдѣлѣ беллетристики: оригинальные романы, повѣсти, рассказы, анекдоты, стихотворенія и проч. Статьи и замѣтки, имѣющія выдающійся интересъ, всегда дополняются художественными иллюстраціями.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ—4 р. || На полгода—2 р. 50 к. || На три мѣсяца—1 р. 50 к.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“ могутъ получать, какъ новыя большія альбомныя картины: „Бурлаки на Волгѣ“, проф. М. Рѣпина и „Жертва Волги“, худ. С. Верещагина, такъ и прежнія изданія (картины и гравюры), уплачивая за каждый экземпляръ (съ доставкой)—одинъ рубль.

Металлическіе бюсты русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. (въ Божѣ почившій). 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Феодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II. (въ Божѣ почившій). 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ Кронштадскій. Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна каждаго бюста на выборъ, для подписчиковъ—четыре рубля, не подписчиковъ—пять рублей (безъ доставки).

Объ подпискѣ просить обращаться исключительно въ Главную Контору газеты:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объясненіе высылается изъ конторы, по требованію, бесплатно.

Вышелъ 29 октября № 42 (октябрь) журнала

„АРТИСТЪ“

Содержаніе: *О значеніи труппы въ сферѣ искусства.* Н. Басинна. *Одичъ, ром.* И. Поталенка. *„Тристанъ и Изольда“* Вагнера. Вс. Чешихина. *Мэла, ром.* Вл. И. Немировича-Данченко. *Каннистъ,* Е. С. Некрасовой. *О роли идеала въ искусствѣ.* З. Импрессионистъ, пов. П. Гнѣдича. *Последній день П. И. Чайковскаго,* Ю. Поплавскаго. *Отголоски деревенской сцены.* Н. Арбенниа. *Эго,* пов. Ю. Безродной. *Театръ и школа.* Вл. И. Немировича-Данченко. *Романтическая школа во Франціи.* А. Фву. *„Майская ночь“,* от. Н. А. Римскаго-Корсакова. *От. С. А. Кюи.* *Публика и критика.* М. Г. Д. *Пьеса изъ народной жизни на образцовой сценѣ.* Стихотвореніе. А. Лугового. *„Орестей“,* муз. трилогія (Антракты). С. И. Танцева. *Литературное обозрѣніе. Замѣтки читателя. Современная нравственность на научныя основанія.* Ив. Иванова. *Современное обозрѣніе. Художественное обозрѣніе. Корреспонденціи. Литературная хроника. Театральная хроника. Музыкальная хроника. Художественная хроника. Музык. приложеніе къ ст. Вс. Чешихина. „Непогримимый“,* ком. въ 5 д. и 6 карт. П. М. Невѣжина. *„Madame Sans-Gêne“,* ком. В. Сарду и Д. Моро, пер. Ф. А. Корша. *„Утишитель“,* карт. В. Е. Мановскаго, фототипія на мѣди, Шерера и Набгольдъ. *„Спящая дѣвочка“,* карт. П. Д. Кузнецова, фототипія Шерера и Набгольдъ. 4 снимка къ „Madame Sans-Gêne“ съ фотографіи Г. В. Трунова.

Вышелъ № 42 (октябрь) журн. „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“. Содержаніе: *Отъ редакціи. Памяти покойнаго Государя Императора Александра III.* „Глухотымой“, ком. въ 4 д. Ф. Д. Карцева. *„Сплетни“,* ком. въ 4 д. М. Балуцаго, приспособленный для русской оперы перев. И. М. Чайковскаго. *„Кружоворотъ“,* драма въ 1 д. В. В. Билибина. *„Артистка“,* въ 1 д. Лео Клареси. *„Маленькіе люди театра“,* — инъ. *Уставъ Русскаго Театрального Общества. Хроника и корреспонденціи.*

Гг. подписавшихся безъ доставки просить за полученіемъ журналовъ обращаться въ Петровскія линіи, кн. маг. журнала „Артистъ“ (быв. кн. маг. П. Н. Приишниковъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

		На годъ.	
		Безъ дост.	За границу.
На журн. „Артистъ“	10 р.	12 р.	14 р.
На журн. „Артистъ“ съ прил. „Теат. Библіот.“	13 р.	16 р.	18 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧКА: при подпискѣ на одинъ журналъ — 2 руб. и вѣтъмъ ЕЖЕМѢСЯЧНО по 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммъ, а при подпискѣ на оба журнала — 3 руб. и вѣтъмъ ежемѣсячно не менѣе 2 р. до полной уплаты всей подписной суммъ.

Отдѣльные №№ „Артиста“ по 2 р.

Редакція (тел. № 890) и гл. контора (тел. № 1490) журнала „Артистъ“ — у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго опыта, будетъ выходить и въ будущемъ 1895 году подъ тою же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Алексѣевича Манассѣина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ — 9 р., за полгода 4 р. 50 к., за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Полнiца принимается у издателя — Карла Леопольдовича Рижера (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки говорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).

**RETURN
TO**

CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

642-3403

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
1-month loans may be renewed by calling 642-3405
6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

JUN 28 1977		
JUN 28 1984		
REC'D circ. APR 8 1984		
LIBRARY USE MAR 31 86		

FORM NO. DD 6, 40m, 6'76

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

© 1